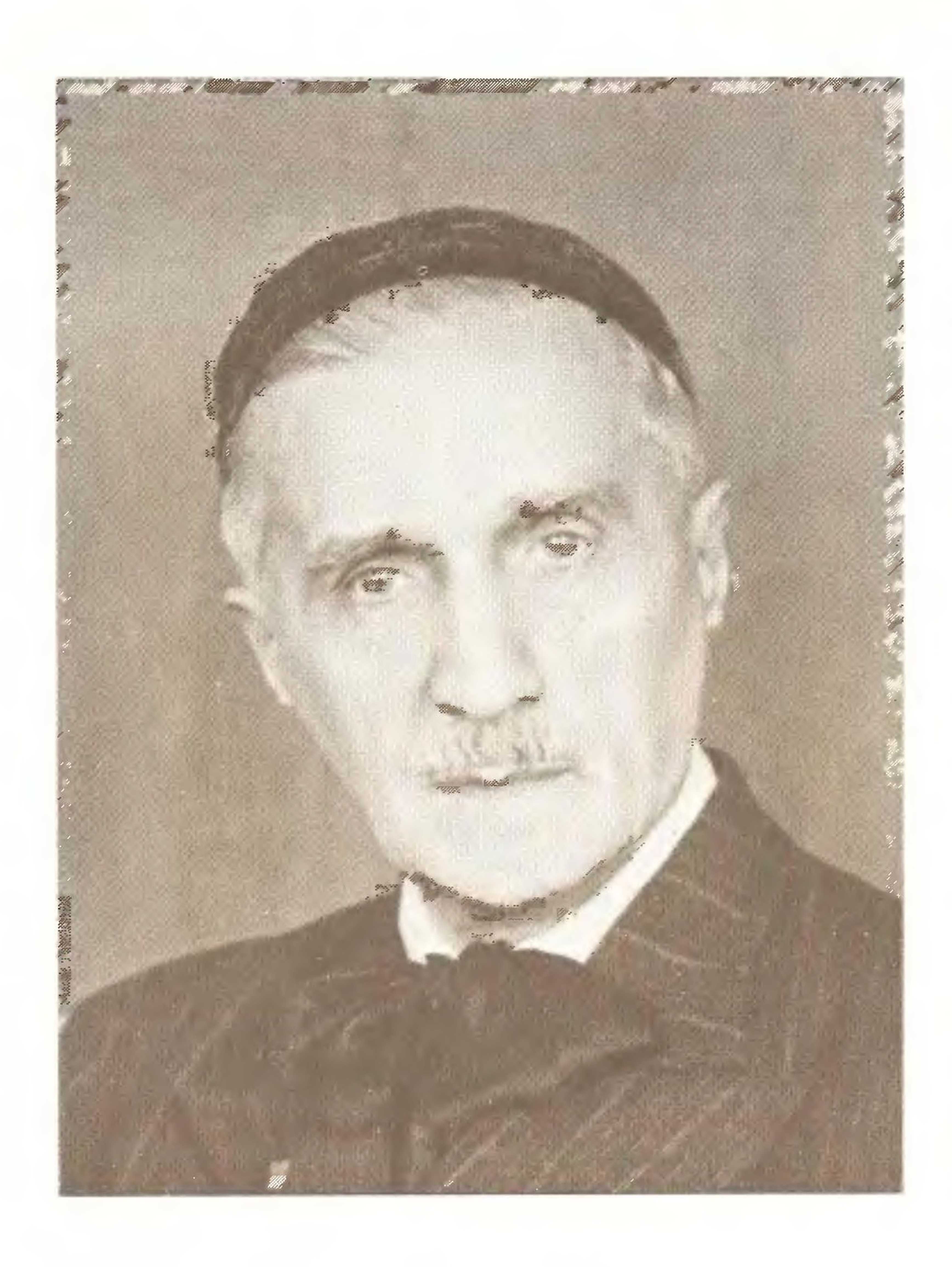
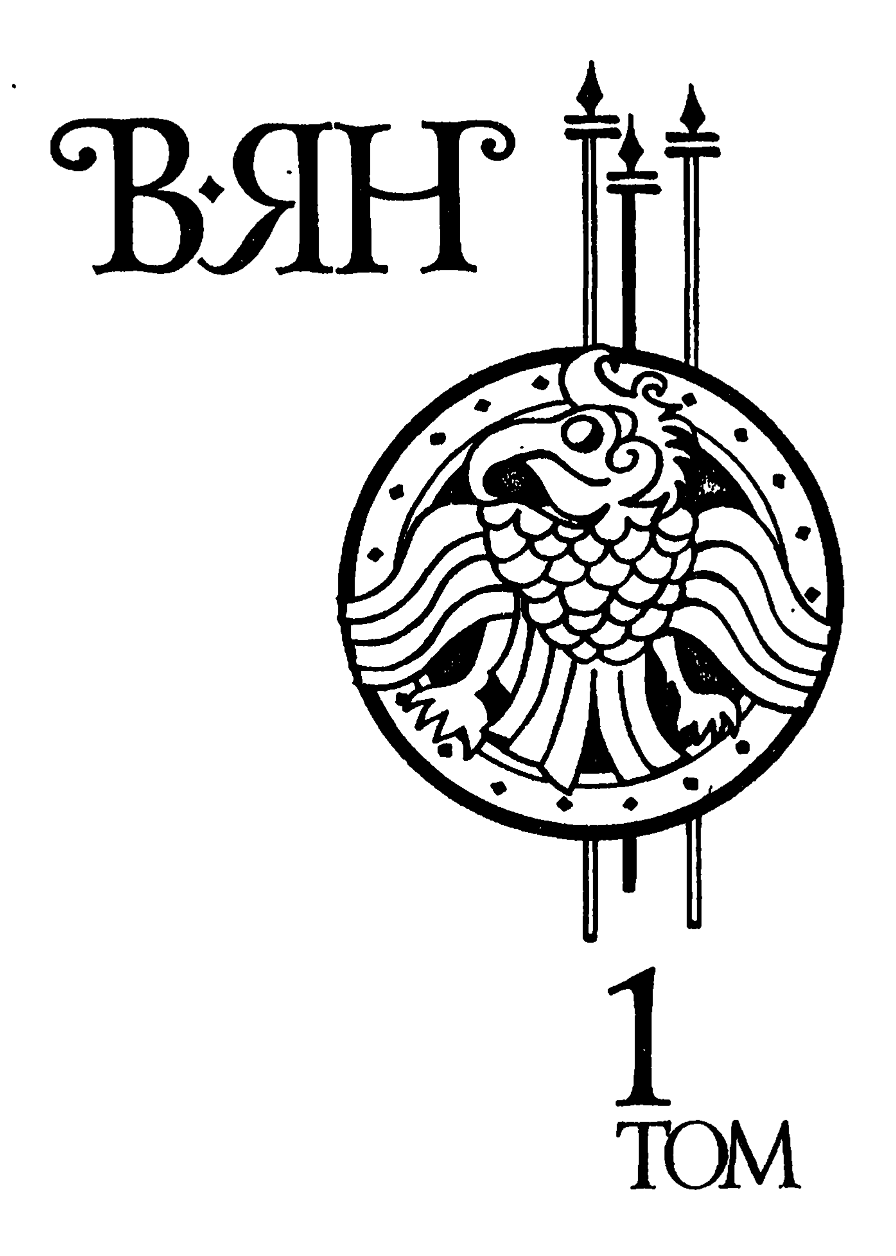

В·ЯН

В·ЯН
1
ТОМ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЁК"

В. ЯН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЁХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" МОСКВА 1989

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЁК»

В. ЯН

ФИНИКИЙСКИЙ КОРАБЛЬ

ОГНИ НА КУРГАНАХ

СПАРТАК

РАССКАЗЫ

ТОМ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА 1989

84Р7
Я60

Собрание сочинений
выходит
под редакцией
председателя Комиссии
по литературному наследию В. Яна
Н. Т. Федоренко

Составление и подготовка текста
М. В. Янчевецкого

Я $\frac{4702010200-1968}{080(02)-89}$ 1968-89

УРОКИ МАСТЕРА

Творческий путь Василия Яна (В. Г. Янчевецкого)

1. Вехи судьбы

«Исторический роман, помимо того, что он должен быть исторически точен и увлекательно написан, прежде всего должен быть учителем героики, „правды и добродетели“»,— сказано Василием Яном (1875—1954) в статье «Проблема исторического романа», опубликованной 15 мая 1943 года в газете «Литература и искусство». Читаешь сейчас эту небольшую, всего в колонку, статью, помещенную в соседстве с информацией «Писатели в дни войны», пламенным публицистическим словом Якуба Коласа «Славяне борются», памятным плакатом военных лет «Воин Красной Армии, освободи!» — и кажется, будто пожелтевшие полосы газеты по-прежнему пахнут пороховым дымом. Ведь в те же самые майские дни 1943 года Советское Информбюро сообщало о боях под Новороссийском и Лисичанском, о действиях разведчиков на Волховском фронте и партизан Могилевской области, о кровавых злодеяниях фашистских оккупантов на Витебщине.

Оперативная сводка «От Советского Информбюро» и... «Проблема исторического романа» — как сочеталось одно с другим в дни, смыслом и пафосом которых стал лозунг «Все для фронта, все для победы!», не оставлявший ничему другому ни времени, ни места? Ответ на вопрос содержит сама статья Василия Яна: «Прошлое народов нашей родины, в частности, и, в первую очередь, великого русского народа, даст неисчерпаемый материал для множества исторических романов. Оно служит источником понимания и познания исторически сформировавшегося характера сегодняшнего советского человека. Вот почему, созданный в наше время и отвечающий самым строгим требованиям, исторический роман не отвлекает от современности, а, наоборот, помогает глубже и серьезнее понять наше настоящее. Он будет жить и увлекать современные и будущие поколения, помогая находить в героических подвигах предков достойные, незабываемые образцы для подражания».

Эта мысль, рожденная героической и трагедийной эпохой Великой Отечественной войны, несущая ее выразительную печать, созвучна в принципе постоянным раздумьям А. М. Горького о социальном, нравственном, эстетическом воспитании историей. «Знание прошлого необходимо для того, чтоб молодежь научилась думать исторически. Исторически думать — это значит понимать жизнь как процесс непрерывного

воплощения трудовой энергии в производство всего того, что называется материальной культурой... Исторически думать — это значит понимать, как вслед за работой создания материальной культуры и на ее почве возникла и развивается умственная, интеллектуальная культура...»[1]. Талантливым воплощением «исторической мысли» и привлекали Горького первые исторические романы, выходившие из-под пера мастеров и творцов молодой советской литературы. «Незаметно, между прочим,— писал он в статье 1930 года «О литературе»,— у нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман... какого не было в литературе дореволюционной, и молодые наши художники слова получили хорошие образцы, на которых можно учиться писать о прошлом...»[2].

В ряду особо выделенных писательских имен — А. Толстой, А. Чапыгин, Ю. Тынянов, Г. Шторм — Василий Ян не назван. Не удивительно: к моменту публикации горьковской статьи он еще не заявил о себе как об историческом романисте. Первые его рассказы на историческую тему — «Письмо из скифского стана» и «Трюм и палуба» появились в 1929 году в журналах «Всемирный следопыт» и «Вокруг света», а первая историческая повесть — «Финикийский корабль» — будет напечатана в 1931 году. Но вскоре после Первого съезда советских писателей, то есть спустя всего несколько лет, Горький, ознакомившись с первым вариантом романа Василия Яна «Чингиз-хан», обратится к тогдашнему члену редколлегии издательской серии «Исторические романы», будущему академику И. И. Минцу: «Вот интересная книга. Мне она в общем-то понравилась... Но чувствую... в ней чего-то не хватает. Почитайте рукопись как историк. Отвечает ли она истории?..»

«Мне эта рукопись,— вспоминает И. И. Минц спустя полвека,— сразу понравилась, и я прочел ее быстро — за два дня. Она оказалась написанной ярко и вдохновенно. Читая ее, сразу видишь перед глазами всю эпоху ее героев. События далеких лет освещены с позиций марксистско-ленинского понимания истории, во многом созвучны современности, повесть пронизана чувством патриотизма. Стало ясно, что это — необходимая книга, заполняющая большой исторический пробел в нашей художественной литературе, ее надо печатать.

По поручению М. Горького несколько позже мы встретились с Василием Григорьевичем Янчевецким (В. Яном) и долго беседовали, очень дружески, о его рукописи. Я сделал несколько замечаний и рекомендаций по ее содержанию, сводящихся главным образом к тому, чтобы усилить показ насилия и жертв завоевателя; говорил же К. Маркс о том, что «после прохода монголов трава не росла», и вместе с тем опрокинуть бытовавшее мнение, будто бы монголы проходили через покоряемые страны без всякого сопротивления, как нож сквозь масло. Горький согласился с моими замечаниями. «Грядет новый Чингиз-хан — Гитлер,— говорил Алексей Максимович,— и надо показать ужас его нашествия... важность и возможность ему сопротивляться...»

Автор с пониманием принял эти пожелания, доработал рукопись

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 27. М., Гослитиздат, 1953, с. 500.

[2] Там же, т. 25, с. 254.

в рекомендованном направлении, и в результате — весною 1939 года появилась его прекрасная книга «Чингиз-хан»... Через несколько месяцев после выхода в свет «Чингиз-хана» началась вторая мировая война, возвестившая о появлении современного (тогда) «бронированного Чингиз-хана», и книга В. Яна, рассказывающая о событиях семисотлетней давности, стала необычайно актуальна, бестселлером, читавшимся нарасхват»[1].

Так к немолодому, перешагнувшему уже 60-летний рубеж писателю пришло широкое общенародное признание. Его закрепила Государственная, в то время Сталинская, премия первой степени, присужденная за роман «Чингиз-хан»[2] 12 апреля 1942 года. «Можно только приветствовать,— писала в тот день «Правда» в передовой статье,— появление таких произведений, которые на исторических примерах воспитывают художественные вкусы и учат бороться за независимость, честь и свободу своей родины так, как боролись славные наши предки...». Роман «Чингиз-хан», продолжал в том же номере «Правды» А. Фадеев, «по широте охвата события, по обилию материала, по зрелому мастерству — одно из наиболее выдающихся и своеобразных явлений советской литературы последних лет...».

То был писательский триумф Василия Яна. От литературных дебютов, состоявшихся на рубеже веков, его отделяли четыре десятка лет, напряженно прожитых в грозовых вихрях бурных, переломных событий народной истории, до предела заполненных неустанными духовными и творческими исканиями. Об этом повествуют и сам Василий Ян в автобиографическом очерке «Скитания и творчество» (1952), и его сын М. В. Янчевецкий, биограф писателя и исследователь его наследия, в книге «Писатель-историк В. Ян» (М., «Детская литература», 1977). Один лишь хроникальный перечень извлеченных из них фактов и сведений производит на редкость внушительное впечатление: даже в эпоху крутых исторических поворотов немногим людям достается биография, столь событийно насыщенная «переменой мест».

Конец 70-х — начало 80-х годов прошлого века — Киев, где Василий Янчевецкий родился, и Петербург, где прошло раннее детство. 80-е — начало 90-х годов — пора ученичества сначала в рижской, затем в ревельской (таллинской) гимназиях. 90-е годы — годы студенчества на филологическом факультете Петербургского университета. И не благопристойная, на радость близким, карьера чиновника по окончании учебы, а беспокойные годы странствий, или, как скажет о них писатель впоследствии, «хождения по Руси»...

«Осенью 1898 года в холодный и дождливый день я отправился в путь. В овчинном крестьянском полушубке и высоких смазных сапогах, с брезентовой котомкой за плечами и посохом в руке я смешался с толпой пешеходов.

Я шел в деревню потому, что меня тянуло бродить среди толпы,

---

[1] И. И. Минц. Произведения о смелых борцах за свободу.— В кн.: В. Ян. Огни на курганах. Исторические повести. Рассказы. Путевые заметки. М., «Советский писатель», 1985, с. 4—5.

[2] В наст. статье в названиях произведений Яна и цитатах из них сохраняется авторское написание собственных имен.

сблизиться с народом, великим, загадочным, таящим в себе неизмеримые силы и которому, я считал, все мы, интеллигенты, должны служить. Для меня, как и для большинства интеллигенции той поры, под «народом» подразумевались преимущественно крестьяне, составлявшие подавляющую часть населения страны.

Останавливаясь в деревнях, я наблюдал ежедневный крестьянский быт, и мне самому хотелось испытать, понять заботы, радости и печали трудового народа, хотелось заглянуть в то, что называется «душой народа»! Ночевал на постоялых дворах, в крестьянских убогих избах, слушал рассказы мужиков об их бродяжничестве в поисках работы, предания и сказки бабушек, девичьи песни. Встречал я радушный приют у сельских учителей, тайно кипевших радикальными и революционными убеждениями, в землянках лесорубов, шалашах звероловов-охотников. У всех я видел под скромной «сермяжной» полунищенской внешностью большие думы, великодушные сердца, упорство, стремление вырваться из мучительных тисков нужды».

О том, как далеко простирались и как были разнообразны географические маршруты странствий, рассказывает, как бы продолжая отца, М. В. Янчевецкий. Будущий писатель «бродил по России, где пешком, где подсаживаясь на попутную телегу или в лодку.

Где только он не побывал: на берегу озера Ильмень, в Новгороде, в рыбацких поселках и крестьянских селах, в глухих лесах и пыльных степях, у сектантов возле озера Селигер и в деревнях Ржева и Смоленщины, в «народной школе» А. С. Рачинского у села Татева и в «воскресных школах» для крестьянских девушек Тульской губернии, в «Иконописной школе» при Троице-Сергиевой лавре, и в женском «братстве», организованном работницами Большой Ярославской мануфактуры.

Из Симбирска, пройдя берегом Волги до Казани, он тянул вместе с бурлаками тяжелую баржу с «астраханским товаром», а оттуда степью прошел к старинному городу Малмыжу... Записи о своих наблюдениях с дороги он посылал в Петербург и Ревель: часть их была напечатана в «С.-П. ведомостях» и «Ревельских известиях».

Побывал он и в Старом Мултане, в Удмуртии, городке, известном «Мултанским делом»[1], жил в деревне Кузнерки, где записывал песни и народные предания и был там даже зачислен деревенскими суеверными бабами в «чудородцы», «антихристовы работнички», несущие «конец света». Всюду он видел нужду, тяжелую мужицкую долю, неграмотность, невежество и особенно тяжкие картины частого недорода и неурожая в деревне, нищавшей и вымиравшей от голода и болезней.

Побывал он и в разных местах Украины; на связке плотов спустился по Днепру, от Орши до Киева и до Екатеринослава (ныне Днепропетровск), был в Кременчуге, и в шахтах Криворожья, и на Полтавщине. Тогда же на пути в Казань, на «Владимирке», тракте Москва — Владимир, по которому гнали каторжан в Сибирь, он услышал от переселенцев, медленно тянувшихся по тракту обозами в сторону Урала, народную

---

[1] Судебный процесс 1892—1896 гг. над группой крестьян-удмуртов села Старый Мултан Вятской губернии по ложному обвинению в убийстве с ритуальной целью.

крестьянскую легенду о будто бы существующей где-то далеко на востоке, в Сибири, привольной и непаханой тучной земле — «Зеленом клине», куда стремились измученные нуждой, бросившие истощенные клочки неурожайной земли русские переселенцы.

При поездке в Вологду и на Онежское озеро по Мариинскому каналу (впоследствии здесь построен Беломорско-Балтийский канал) к ссыльному другу — студенту В. Ветринскому (Чешихину), «пешеход» в Свири едва не стал жертвой бандитской шайки, заманивавшей, грабившей и убивавшей проезжих, и спасся чудом, отплыв на караване барж с «красным товаром». Там В. Ян познакомился со старым отставным «морским волком» — старшиной каравана, поведавшим о многих своих удивительных плаваниях вокруг света. «Жизнь — это большое «колесо с крючком»... Бывает, что крючок подойдет к тебе совсем близко, и если за него ухватиться, то колесо подымет так высоко, что оттуда, сверху, откроется вид на весь мир. Хватайся за крючок, и ты увидишь то, чего в другой раз увидеть не придется...» Мой отец впоследствии часто вспоминал эти слова старшины, говоря об удивительных поворотах своей судьбы...»[1].

В жизни В. Г. Янчевецкого на протяжении первого полувека они следовали один за другим. Конец 1899-го — начало 1900 года он проводит в поездках по Англии как корреспондент газет «Новое время» и «Ревельские известия». По возвращении из Англии отправляется в Асхабад (нынешний Ашхабад), где служит в канцелярии начальника Закаспийской области. Это «вызвало далеко идущие последствия, наложившие отпечаток на всю мою жизнь и творчество. Так я из «пешехода» превратился во «всадника»...»,— не без самоиронии вспоминал он впоследствии свой первый приезд в «казавшийся... сказочным городок-крепость на границе пустыни и диких гор», где «долго чувствовал себя как в стране, похожей на мир из романов Фенимора Купера и Майн Рида. И первое, о чем я страстно мечтал,— это иметь дивного верхового коня, самому ухаживать за ним и странствовать на нем в далеких поездках по пустыням и горным ущельям». Исполнение мечты не пришлось откладывать надолго.

Поселившись в Асхабаде, Василий Янчевецкий сблизился с военными и чиновниками, которые, разделяя демократические настроения и убеждения, основали «Закаспийский кружок любителей археологии, Общество исследователей Закаспия, Общество востоковедения, городскую библиотеку и музей. Эти люди преподавали, лечили, строили, изучали Туркмению, ее язык, фольклор, литературу, искусство, архитектуру и историю древнего туркменского народа». В их кругу он тоже «стал изучать Среднюю Азию, Туркмению и сопредельные страны и писать о них свои впечатления, очерки, статьи, рассказы, печатаясь в обеих местных газетах, а также в петербургской печати... Посещал я городские библиотеку и музей, собрания членов обществ востоковедения и археологии, исследования Закаспийского края и другие собрания, но особенно я пытался завести дружбу с туркменами — аборигенами страны, изучал туркменский язык, а бывая в туркменских кочевьях, беседовал с их

---

[1] М. В. Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян. Очерк творчества. М., «Детская литература», 1977, с. 19—20.

жителями». Сильнее и больше всего будущего писателя «манили бирюзовые дали, таинственные персидские горы, мечты о скитаниях по Азии». Повинуясь этому зову древних караванных путей и необжитых пустынных просторов, он совершил множество служебных, инспекторских и экспедиционных поездок вдоль персидской и афганской границ, в Мерв (нынешние Мары), Хивинское ханство и Бухарский эмират, в Самарканд, Ташкент, Фергану, на полуостров Мангышлак, нефтяные промыслы Каспия и острова-лепрозории. Не однажды пересекал, причем по разным нехоженым маршрутам, Каракумскую пустыню, которая навсегда поразила воображение с того первого раза, когда открылась в окно поезда взору, жадному до новых впечатлений.

Под конец своего первого пребывания в Средней Азии непоседливый чиновник, неугомонный журналист-путешественник присоединился к экспедиции американского геолога Хэнтингтона и вместе с нею прошел через Персию до границ Индии. На этом пути его поджидала экзотическая встреча «в кочевье Машуджи — одного из племен народа Люти, где живут одни женщины, и поэтому мужчинам, а тем более кяфирам (неверным), тут нечего делать».

Новую веху судьбы открыла перед Василием Янчевецким русско-японская война. Покинув Среднюю Азию, он едет через Сибирь и Дальний Восток в Китай и Маньчжурию, где вплоть до конца войны исполняет обязанности военного корреспондента Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПТА). Затем снова служба в Ташкенте, а с начала 1907 года — Петербург, где он работает и печатается в газете «Россия», преподает латынь в гимназии (среди его тогдашних воспитанников — будущие советские писатели Всеволод Вишневский, Всеволод Рождественский, Евгений Федоров), издает для учащихся дешевый еженедельный журнал «Ученик». И, верный себе, своему неискоренимому пристрастию к ближним и дальним странствиям, совершает не столь продолжительные, как раньше, но по-прежнему увлекательные и зачастую рискованные поездки по странам Ближнего Востока и на Крайний Север, в Сербию и снова в Персию...

В преддверии первой мировой войны 1912—1914 гг. Василий Янчевецкий, будучи корреспондентом СПТА в Турции и на Балканах, находится в Константинополе, а непосредственно в войну — в Бухаресте и Яссах как представитель Петроградского телеграфного агентства в Румынии и на Балканах. «После Октябрьской социалистической революции и начала гражданской войны в России,— свидетельствует М. В. Янчевецкий,— мой отец в Яссах получил несколько предложений от иностранных телеграфных агентств служить у них с последующим отъездом за границу. По тем временам это были все выгодные предложения, но отец отказался от них. Он не хотел покидать Россию, которую любил превыше всего»[1].

В Россию, преображенную революцией, Василий Янчевецкий возвратился весной 1918 года. Буря гражданской войны стремительно пронесла его через Бессарабию и Украину, Самару, Урал и Сибирь. После войны — Ачинск, Тува, Минусинск, где он, оставаясь журналистом и пробуя себя в драматургии для профессионального «взрослого» и самодеятельных

---

[1] М. В. Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян, с. 36.

детских театров, работает инструктором наробраза, школьным учителем, даже сельским писарем. Затем три года «московского перепутья», когда будущий писатель, не имея собственной крыши над головой, вынужден довольствоваться работой (безработица!) корректора в редакции газеты на немецком языке и экономиста в Госбанке; два года самаркандской жизни, также не связанных впрямую с писательством, неодолимое влечение к которому все более властно завладевает сокровенными помыслами. Вот почему в 1928 году твердо принято окончательное решение вернуться в Москву и безраздельно отдать свои силы уже не журналистскому, а литературному труду. Так началась прочная и долгая оседлая жизнь, которая нарушится лишь в Отечественную войну трехлетней эвакуацией сначала в Куйбышев, затем в Ташкент...

2. На стыке с журналистикой

Выделив важнейшие вехи жизненной биографии Василия Яна, обратимся теперь к биографии творческой. Но где, на каком рубеже искать ее начало? Сам писатель полагал, что возвращение в Москву в 1928 году означало для него тот поворотный рубеж жизни и творчества, когда многолетние «скитания по равнине вселенной заменились скитаниями по страницам бесчисленных книг»[1]: началась упорная работа «над материалами для давно задуманных исторических повестей... Скитания по свету, особенно по Азии, дали мне массу впечатлений, которые послужили основой, фоном моих исторических произведений». Думается, однако, что исходное начало начал будущий писатель вынес намного раньше: на рубеже веков в пешеходных странствиях по России, которые запечатлел в дневниковых путевых записках, ранних очерках и рассказах.

Лишь малая часть их вошла в первую книгу Василия Янчевецкого «Записки пешехода» (1901), вышедшую небольшим тиражом в издании газеты «Ревельские известия». Многие материалы, не попавшие в книгу, печатались в те же годы в петербургской и ревельской периодике или были включены позднее во вторую книгу статей, очерков и рассказов на темы воспитания, изданную в 1908 году. Но, как сообщает М. В. Янчевецкий, большая часть записок осталась неопубликованной и оказалась утраченной.

Если «Записки пешехода» и были для молодого Василия Янчевецкого «пробой пера», то отнюдь не ученической: в ранних публикациях журналиста угадывался начинающий писатель. Влечение к образному слову, повествовательному сюжету, живописной социальной, психологической, бытовой детали — все вместе выдавало явное тяготение к прозе, для которой тесны и скудны возможности оперативного репортажа. Большинство прозаических миниатюр, составивших книгу, представляют собой выразительные очерковые зарисовки, которые перерастают в сюжетные новеллы.

Своего рода смысловым ключом к ним может служить очерк «Живу-

---

[1] В. Ян. Путешествия в прошлое.— «Вопросы литературы», 1965, № 9, с. 102.

чие люди», имевший для автора программное значение. Датированный концом прошлого века, он выражает умонастроения русской интеллигенции, в сознании которой еще живы традиции народнического «хождения в народ». Не обязательно с целью революционной пропаганды в крестьянских массах, но непременно с искренним побуждением познания народной жизни, духовного приобщения к ней. Начало нового, пролетарского этапа революционно-освободительного движения в России не отменило старых общедемократических традиций просветительского гуманизма, пусть ограниченных, но также «работавших» на социальный и духовный прогресс нации и потому разделяемых многими передовыми людьми того времени. На такой позиции стоял и молодой Василий Янчевецкий, чье «хождение по Руси» диктовалось внутренними потребностями собственного духовного развития, а выражало объективно социальные и нравственные устремления широкого слоя демократической интеллигенции, воспитанной на гуманистическом пафосе народничества и народнической литературы.

«Хождение по Руси» в полной мере убедило будущего писателя в том, как плохо приспособлена для человеческого счастья российская действительность, однако мысль о ее революционном преобразовании не входит в круг идей, развиваемых и утверждаемых в очерках и рассказах, хотя в гуманистическом сострадании народу содержатся мотивы социальной критики. Не глазами безучастного, праздного наблюдателя, который изучает крестьянский мир «сверху» или «со стороны», воспринимает автор «Записок пешехода» народную жизнь, но человека, сильно и глубоко страдающего от ее несовершенства, чутко отзывающегося на ее драмы, кровно заинтересованного в ее улучшении. Такой зоркий, проницательный взгляд чужд суесловной идеализации, от него равно не ускользают как высокие духовные порывы народа, воплощенные, например, в собранных и тут же приведенных образцах фольклора, песенно-поэтического творчества, так и мрачные стороны повседневного бытия — ужасающие бедность и нужда, нищета и беспросветность, темнота и невежество, слепая сила предрассудков и суеверий. Тяжкая народная доля то и дело вторгается и в путевые зарисовки, этюды сугубо этнографического характера, «натуральные» описания крестьянского труда, быта и нравов. Не обойдены авторскими наблюдениями такие социальные и духовные явления российской действительности, как живучесть в народе, особенно в крестьянстве, царистских иллюзий, уголовная преступность местных полицейских властей. В новелле «Голодная зима» обнажена одна из самых страшных социальных язв дореволюционного времени — хронический недород и повальный голод, охватывавший целые губернии, уносивший в нищих селах и деревнях тысячи и десятки тысяч людей.

Наблюдая острые социальные противоречия народной жизни, Василий Янчевецкий напряженно задумывался об их возможных решениях, поисках выхода из тупиков действительности. Раздумьями об этом вызваны его заинтересованная поддержка воскресных народных школ, противодействующих вековому «предубеждению крестьян обучению грамоте взрослых девушек» («Воскресные школы»), увлеченная пропаганда начинаний «братства» фабричных работниц, созданного «с целью взаимной нравственной поддержки, лучшего устройства своей жизни, с тем чтобы иметь возможность сообща оказывать помощь там, где один человек

бессилен». Во славу энтузиастов народного просвещения, духовного благородства и нравственного авторитета учительства, которое исстари «в русской школе — призвание, но не ремесло», написан очерк «Учитель века», посвященный педагогу — столичному профессору и сельскому учителю — С. А. Рачинскому. «Племянник поэта Боратынского, друг первых славянофилов и преемник их по своим убеждениям и деятельности», он принадлежал по рождению и воспитанию «к стародворянской части русского общества». Тем значительней выбор, который он совершил, когда, предпочтя привилегированное положение богатого помещика скромному званию народного учителя, «бросил университетскую деятельность, оставил все привычки и городские удобства и переселился в школьный дом, начав жить одною жизнью с учащимися крестьянскими детьми». Достойный, на взгляд автора, пример подвижничества свидетельствует о том, что «Русь еще не оскудела людьми, занятыми созидательной работой, которые... веря в свои идеалы, заслуживают большего общественного внимания, так как они оставляют заветы будущему и передают свет новым поколениям, при котором тем придется жить и работать».

Как видим, собственная позиция Василия Янчевецкого не идет дальше программы и идеалов просветительства. Но не забудем, что на рубеже веков, да и много позже, просветительство в России было духовной реальностью времени, что, коренясь в традициях русской истории, оно по-своему выражало гуманистические устремления интеллигенции, выступало составным компонентом передового общественного самосознания. Так понимал и объяснял его типологические черты В. И. Ленин, воссоздавая обобщенный портрет русского просветителя в работе «От какого наследства мы отказываемся?», написанной за год до того, как выпускник-филолог Петербургского университета Василий Янчевецкий отправился в «хождение по Руси». Ведя идейную родословную от «литературных представителей 60-х годов», то есть ответвляясь от революционно-демократических традиций общественной мысли, просветитель и на исходе века был «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям,— горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» — это отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому»[1]. В последующие десятилетия и особенно в годы Великого Октября просветительский гуманизм был одной из тех общедемократических платформ, на которых передовая, но не всегда и не обязательно революционно настроенная интеллигенция совершала свой исторический выбор, приняв пролетарскую революцию и Советскую власть, перейдя от признания и поддержки их к сотрудничеству, включающему активное участие в строительстве новой социалистиче-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 519.

ской культуры. В этом смысле «Записки пешехода» и примыкающие к ним публикации объясняют, как и почему писатель Василий Ян оказался в рядах первых старейших творцов и мастеров советской литературы.

Созвучны «Запискам пешехода» некоторые очерки и рассказы советских лет, связанные тематически с писательскими странствиями. Таков рассказ 1947 года «Богоискатель», содержащий интересные свидетельства и документы о приезде в Россию Р.-М. Рильке, встрече с ним Василия Янчевецкого, высокой оценке поэтом «Записок пешехода» (подтверждаемой, сверх всего, фактом его собственного перевода на немецкий рассказа «Ходоки»). В текст рассказа уместно включены письма автора к Рильке и самого Рильке А. Н. Бенуа, где также говорится о «Записках пешехода».

В середине 30-х годов написан рассказ «Встреча с Л. Н. Толстым», настолько естественно звучащий в общем ключе «хождения по Руси», что при чтении его и малейших сомнений не возникает в том, что он написан под сильнейшим воздействием личных впечатлений. А между тем с Л. Н. Толстым встречался не автор рассказа, а его брат Д. Г. Янчевецкий, сам же писатель побывал в Ясной Поляне значительно позднее.

Дебютантский опыт «Записок пешехода» не прошел бесследно для Василия Яна, заметно отозвался в творчестве как журналистском, так и писательском. С ними преемственно связаны его не только дореволюционные корреспонденции, но и собственно проза, в том числе историческая, на ближайших подступах к которой создавались статьи, очерки, рассказы, печатавшиеся в советское время и, подобно «Запискам пешехода», также написанные под сильнейшим эмоциональным воздействием путевых впечатлений, непосредственно почерпнутых в новых странствиях по России и миру.

Так, первым, еще до революции, пребываниям в Средней Азии писатель обязан не одними служебными отчетами типа «Путевых заметок во время поездки начальника Закаспийской области 9—19 марта 1902 года» или деловыми, под стать докладным запискам, остропроблемными статьями и очерками «О мерах сближения населения Туркестанского края с русскими», «О ташкентских русско-туземных школах», «О вражде туркменских племен из-за нехватки земли и воды» (все это печаталось в местных газетах), но и рассказами, которые также писались под свежими впечатлениями от увиденного или по неостывшим воспоминаниям о пережитом, что не исключало в большинстве случаев повторного возвращения к ним спустя годы и даже десятилетия. Таковы, например, рассказы «Колокол пустыни» (1906) и «Тач-Гюль (В горах Персии)» (1909). Сюжет первого задан поездкой в Хивинское ханство через пески Каракумов, в основу второго легли впечатления от персидского путешествия. «Из записок русского путешественника» — такой подзаголовок дан рассказу «Афганские привидения» (1906) о «довольно загадочном» происшествии, приключившемся в совместной с американцем Хэнтингтоном поездке «вдоль афганской границы». Ташкентскими воспоминаниями вызван рассказ «Видения дурмана (Душа)» (1909), а действительным случаем, имевшим место в плавании из Порт-Саида в Одессу,— новелла «Рогатая змейка» (1907).

Фактологически достоверна его новеллистическая проза 20-х годов. В рассказе «Партизанская выдержка, или Валенки летом» (1922), написан-

ном в Минусинске со слов сибирского партизана Петра Калистратова, восстановлен действительный эпизод гражданской войны. Подлинные имена охотников и рыбаков сохранены за героями рассказа «Загадка озера Кара-Нор» (1929), вобравшего воспоминания автора о Саянах и Туве. Свежие самаркандские впечатления наслоились на давние хивинские воспоминания в рассказе «В песках Каракума» (1928), воссоздающем боевые эпизоды борьбы с басмачеством. Наконец, к не тускневшим в писательской памяти впечатлениям от Персии, сурового пейзажа пустыни Дешти-Лут и встречи с кочевьем Машуджи восходят позднейшие, не публиковавшиеся при жизни Василия Яна новеллы «Демон Горы» (1944) и «Ватан» («Родина») (1948).

Как видим, проза, что писалась Василием Янчевецким в дореволюционные годы и первое советское десятилетие и сразу печаталась в периодике того времени, подобно ранним «Запискам пешехода», тоже может быть отнесена к писательским дебютам. Не отпочковавшись от журналистики в силу тяготения к документализму, перечисленные рассказы в большинстве своем принадлежали литературе. Создавая их, Василий Ян пробовал себя в разном материале, все больше и чаще склоняясь от современного к историческому, пока не сделал окончательного выбора в пользу последнего. Такой решающий выбор вызревал исподволь, постепенно, и предопределяли его все те же странствия по стране и миру, обогащавшие писателя знанием, обострявшие в нем чувство истории. Подчеркнем: чувство,— ибо отечественную и мировую историю недостаточно просто знать, ее надо уметь чувствовать, переживать нравственно и эстетически.

Глубинные истоки эмоционального переживания, обостренного чувства истории в духовном мире Василия Яна приоткрывает признание, которым он завершил путевые заметки «Голубые дали Азии» (1947—1948): «Увиденные на рубеже двадцатого столетия картины полуфеодальной жизни народов Средней Азии много лет спустя дали пищу моему воображению, чтобы воскресить из небытия сцены жизни древнего Хорезма в повести «Чингиз-хан». Внешность эмира бухарского помогла созданию облика Хорезм-шаха Мухаммеда, посещение Хивинского ханства, островов прокаженных, путешествие через Каракумы и Персию помогли изобразить эпизоды жизни и гибели Хорезма... Эти поездки дали мне краски, впечатления и понимание души восточного человека».

Обратим внимание на годы, которыми датирован приведенный текст: генезис своего творчества Василий Ян объяснял ретроспективно, на склоне жизни. Впрочем, если не знать, что в отличие от «хождения по Руси» путевые заметки о среднеазиатских странствиях создавались не сразу, а во второй половине 40-х годов и не писались, а наговаривались М. В. Янчевецкому, который с трудом склонил не почитавшего мемуаристов отца к работе над воспоминаниями, причем при условии, что запишет их по его рассказу, который затем будет выправлен, отредактирован писателем,— если не знать ничего этого, то «Голубые дали Азии» легко и просто воспринять как прямое продолжение «Записок пешехода». Тем более что на заре своей журналистской и литературной деятельности Василий Янчевецкий предполагал написать как бы продолжающие их «Записки всадника» и долго вынашивал такой замысел в советское время, намереваясь сложить по опробованному в молодости образцу книгу, которая объединила бы все среднеазиатские статьи, очерки, рассказы. Поэто-

му между реально существующими «Записками пешехода» и «Голубыми далями Азии», как фрагментом ненаписанных «Записок всадника», прослеживается не только внешняя, формальная, но и внутренняя, содержательная связь.

Она в последовательном демократизме авторского восприятия инонационального мира, которое Василий Ян реставрировал так мастерски, что, читая «Голубые дали Азии», забываешь о дистанции в несколько десятилетий. О пережитом почти полвека назад писатель повествует живо и непосредственно, словно видит давнее по-прежнему ясными, заинтересованными, жадными до впечатлений глазами просветителя-гуманиста, в полной мере разделяющего взгляды и убеждения тех русских людей, которые, непосредственно общаясь «с туркменами, коренным населением Закаспия, явились носителями более передовой по сравнению с тем, что здесь было, русской культуры. Они искренне полюбили Туркмению и Среднюю Азию, жили общими интересами, породнились с населявшими ее народами и проделали незаметную, но великую работу по сближению с русским и другими народами России всех национальностей ее бывших «среднеазиатских владений».

Этим передовым людям, истинным представителям русской демократической интеллигенции, противостояла косная обывательская среда чиновников, на которую опиралась царская администрация в Туркестане. Ее усилиями покровители молодого Василия Янчевецкого — начальник Закаспийской области генерал Д. Й. Суботич и его жена — поплатились опалой за то, что оставались «белыми воронами» на верхних ступенях административной власти. Она же яростно отторгала и самого автора «Голубых далей Азии». При отъезде Василия Янчевецкого на русско-японский фронт адъютант генерала Уссаковского, который сменил отозванного и смещенного Д. Й. Суботича, надменно предостерег: «Если вы вздумаете потом вернуться с Дальнего Востока сюда, то мы вас обратно не примем...» Еще бы: воспитанный на гуманистических и демократических традициях русского просветительства, будущий писатель выглядел среди верноподданных службистов-охранителей неблагонадежным чужаком, чье поведение настораживало, чьих увлечений и принципов следовало опасаться.

Чем глубже погружался Василий Янчевецкий в жизнь, тем острее были его порывы к писательскому творчеству. Наблюдаемая и постигаемая действительность откладывалась в закромах памяти, где копились впрок темы и сюжеты, чтобы спустя годы, а то и десятилетия воплотиться в образном строе не только новеллистических, но и романных повествований. В этом отношении рассказы «Афганские привидения» и «Ватан» проросли из одного корня, хоть и с разрывом в четыре с лишним десятка лет. Ветвь того же, «среднеазиатского» ствола — «Письмо из скифского стана» (1928) — рассказ, органично сплавивший автобиографические впечатления и воспоминания с художническим видением многовекового прошлого, живописным воссозданием легенд и преданий «старины глубокой». Так «голубые дали Азии» открывались увлеченному взору не только во всю свою пространственную ширь, но и временную глубь. Из нее являлись лица и голоса, будоража воображение неведомой судьбой древних городов и селений, былых караванных дорог, немногие, редкие следы которых еще сохранились на некогда благодатной земле, где жизнь,

«распустившись однажды пышным цветением, исчезла, словно ее и не было...

Останавливались на ночлег мы в открытой степи. Ночью слышались завывания и визг шакалов. Стреножив, напоив и накормив коней, уложив верблюдов, лежа возле тлеющего костра или забравшись в раскинутую палатку, мы мгновенно засыпали, усталые, измученные трудной дорогой.

Вглядываясь в окружающую мертвую пустыню, я невольно думал:

«Наверное, и климат здесь раньше был другой. Ведь по этой равнине некогда проходили многотысячные армии Александра Македонского, Чингиз-хана, Тамерлана, других завоевателей. Чем они питались? Где поили вьючных животных и коней? Что принесли они с собой и что после себя оставили?..

Разрушения, смерть, развалины городов и селений, гибель созданной веками культуры, узкую караванную тропу тысячелетней давности — все остальное занесено песком и пылью... Ради чего же воевали эти «потрясатели вселенной»?..»

Думы путника, пересекавшего Дешти-Лут, на одном из ночлегов нашли подтверждение в словах седобородого пастуха, шагнувшего к костру из мрака ночи. «Раньше страна наша была богатой и многолюдной,— задумчиво рассказывал он о многовековом прошлом «лютой пустыни».— Но через эти земли прошли ненасытные, жадные завоеватели и все залили кровью убитых скотоводов и земледельцев. От горя и ужаса напитанная кровью земля сморщилась и высохла. От пролитых слез вдовиц и детей она стала соленой... По этим равнинам промчались отряды Искандера Великого, страшного «потрясателя мира» Чингиза, хана Бабура, Надир-шаха, хромого Тимура... Здесь пролегал великий путь переселения народов, дорога скорби и слез».

В «голой, выжженной солнцем, безводной пустыне», где лишь иногда «на горизонте проносились стада пугливых диких куланов и сайгаков, высоко в воздухе парили орлы», пришел замысел книги, где «центральной фигурой стал бы один из таких могущественных восточных деспотов». Он привиделся вдруг так въяве, что казалось, будто некуда деться от «пронизывающего взгляда его колючих глаз»...

«...Тогда у меня вспыхнула мечта — описать жизнь этого грозного завоевателя, показать его таким, каким он был в действительности: разрушителем, истребителем народов, оставившим после себя такую же пустыню, по которой я тогда проезжал.

Но еще немало суждено мне было странствовать, видеть и пережить после странного сна, прежде чем только тридцать лет спустя я смог осуществить эту мечту»[1].

3. Рубежи творчества. 30-е годы

Мечта стала досягаемой в 30-е годы: путь к ней сократили, ее приблизили повести античного цикла, которыми Василий Ян дебютировал как писатель, окончательно утвердившийся в исторических темах. Пер-

---

[1] Цит. по кн.: М. В. Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян, с. 106—107.

вая среди этих повестей — «Финикийский корабль» (1930), в приключенческом ключе воссоздавшая колоритный мир древней цивилизации Средиземноморья с ее заманчивыми городами-государствами Тиром и Сидоном.

Рассказывая о творческой предыстории повести, Василий Ян вспоминал свое плавание 1907 года «вдоль берегов Малой Азии» и посещение музея в Бейруте, среди уникальных экспонатов которого он увидел найденные при раскопках «глиняные дощечки с выцарапанными на них надписями непонятными буквами. Это были разрозненные записи древних финикийцев, смелых скитальцев по морям, омывающим Европу и Западную Африку... Желание написать об этих мореплавателях увлекательную повесть для юношества охватило меня...». Доподлинный исторический факт, воспринятый и пережитый эмоционально, дал толчок интенсивной работе воображения. Предназначая повесть юношеству, писатель и главным героем вывел юного финикийца Элисара: «тот, кто приносит счастье» — это означает его имя — отправляется на поиски пропавшего без вести отца, плотника Якира, которого несколько лет назад правитель Тира Хирам послал на работы к царю Соломону. Тому самому Соломону, с чьим именем историографическая традиция издавна связывает «золотой век» древнееврейского государства, период его наибольшего подъема и могущества. Действию повести царь Соломон нужен как компонент достоверного исторического фона, на котором разворачивается занимательный приключенческий, авантюрный сюжет, вымышленный писателем. И как прямой, конкретный повод к идейной полемике с идеализацией истории, ее упрощениями и спрямлениями, даже если они освящены, узаконены многовековой традицией — историко-литературной, мифологической или религиозной. Подобный мотив писательского спора с традицией, закрепившейся в прошлой или укореняемой в нынешней историографии, будет иметь у Василия Яна место в сюжете едва ли не каждого произведения большой эпической формы. В этом отношении повесть «Финикийский корабль» примечательна как первое, начальное звено цепи.

Остросюжетный рассказ о путешествии, которое полным-полно неожиданных происшествий, рискованных и опасных приключений, сопровождают детализированные живописания простонародного, купеческого, аристократического быта, труда ремесленников — горшечников и кузнецов, плотников и красильщиков, торговых правил и обычаев, обучения, врачевания, мореходного дела, множества других, включая работорговлю, сторон финикийской жизни. Воссоздавая ее социальные, психологические, бытовые реалии, писатель добивается образной выразительности и научной точности повествования, в которое вводит познавательно интересные сведения о строении и оснастке древних кораблей, о финикийской письменности, наглядные представления о повседневном укладе города и дома, лавке купца и мастерской ремесленника, о поверьях и предрассудках людей. Такова приметная, можно сказать, типологическая особенность поэтики Василия Яна: о чем бы ни повествовал писатель, он не терпел дилетантской приблизительности. Поэтому если уж готовит в повести мать завтрак сыну, то не еду вообще, а чечевичную похлебку, и не

просто на жарком огне, а в медном котелке, поставленном на два кирпича. Если разрисовано ритуально ее лицо, то не как-нибудь, а синими черточками — «от дурного глаза». Тоже и сын под стать ей: если верит в ритуал, отводящий опасность, то следует ему непроизвольным жестом — трижды бросая горсть песку через левое плечо.

Столь же органично включены в повесть «азы» социального знания, которое писатель хочет привить юным читателям. Для этого нужна ему сцена философского диспута о жизни, который в социальных и нравственных понятиях своего времени ведут правдоискатель Софэр, старший друг и наставник юного Элисара, и царь Соломон, истово убежденный в счастье своих подданных. «...Все стенания и все слезы угнетенных,— внушает он собеседнику,— это суета сует, все суета. За все им сторицей заплатится на другом свете. Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя пересчитать. Кому суждено быть бедным, тому не придется быть богатым. Раб должен терпеливо работать на господина своего, иначе кто же вспашет поле богатого хозяина? Все суета сует и всяческая суета!» Красноречив комментарий к наставлениям царя, который дает Софэр, усомнившийся в мудрости венценосца. «Заметил ли ты,— обращается он к Элисару,— золотой венец на его голове? Но где его мудрость? Он строит здания для себя и жен своих, караваны проходят из конца в конец через страну Израиля, из Египта в Вавилон и обратно. А заметил ли ты, как горят от голода глаза у поселян, как глубоко запали их щеки, как оборвана одежда? Разве ты не видел детей, покрытых струпьями, которые от рождения никогда не были сыты? Подвалы дома царского все больше наполняются золотом, слитками меди и серебра, но все более слабеют люди, работающие на его полях. Услыхав о царских богатствах, придут воины других народов, и тогда некому будет защитить родную страну. Чужестранцы разрушат дворцы царя, прославленного мудрым, и заберут его золото и богатство его, а всех жителей продадут в рабство. Где же мудрость? В такой мудрости таится много печали, и чем больше хвалят мудрость царя, тем больше льется слез у работающих на него...»

В авторском послесловии-заключении Василий Ян приобщает читателей к своей лаборатории писателя, популярно, на доступном юношеству языке излагает задачи, которые решал повестью, указывает на взаимодействие точного исторического знания и свободного поэтического вымысла как признанный над собой, вменяемый себе закон творчества. Погруженное в историю, оно превыше всех ее уроков ставит вечные, общечеловеческие ценности бытия, обогащающие современность. «Ознакомившись с этой повестью, читатель может убедиться, что и в древние времена, так же, как и теперь, люди любили свою родину, трудились, заботились о своих родных и близких; матери так же нежно лелеяли своих детей, оплакивали пропавших и радовались, встречая снова тех, кого считали давно погибшими.

И тогда были пытливые искатели знаний, как Софэр-рафа. Они бродили по разным странам, изучая жизнь народов. Были также ученые, как Санхуниафон-карфагенянин, стремившиеся понять законы Вселенной и происхождение видимого мира и на папирусных или пергаментных свитках излагавшие свои мысли и знания.

Уже тогда мореплаватели, среди которых особенно предприимчивыми и смелыми являлись финикияне, заводили дружеские связи с разными

народами, открывали новые земли, а за ними пробирались туда купцы и морские пираты; первые вели меновую торговлю, вторые грабили прибрежные селения и увозили захваченных пленных, обращая их в рабов.

Было ли в действительности путешествие маленького Элисара, сына Якира, на крайний Запад, к Счастливым островам, или это фантазия, сказка — не это имеет значение; более важно то, что вся жизнь и быт той отдаленной эпохи описаны правдиво...»

Основополагающие для себя принципы, которые разрабатывались от произведения к произведению и постепенно складывались в цельную творческую программу, стройную эстетическую систему, Василий Ян сформулировал в развернутых комментариях к следующей исторической повести — «Огни на курганах» (1931). Эту книгу, считал он, уже можно назвать историческим романом: «Работая над ней, я многому научился и в отношении общей композиции, построения фабулы исторического романа, и разрешая вопросы об исторической точности, пределах вымысла, обрисовке характеров героев». Не противоречит ли такой самоаттестации, не отменяет ли ее дневниковая запись 1952 года, где «Огни на курганах» названы «только случайной частью повести. Надо еще много прибавить и скомпоновать»?

Ни в коей мере. «Случайной» для писателя она была лишь в том смысле, что представляла собой воплощенную часть крупномасштабного эпического замысла — вторую книгу задуманной трилогии о «талантливом, но жестоком завоевателе» Александре Македонском. Однако это не мешает воспринимать повесть законченным, целостным произведением, имеющим самостоятельную художественную ценность. Как отмечалось в критике вскоре после ее публикации, писатель «сумел в хорошо известном и многократно изложенном историческом материале найти нечто новое и... близкое к исторической действительности: его «развенчанный» Александр, самолюбивый деспот, уничтожатель народов, не только идеологически приемлем для нашего читателя, он верен»[1].

Отзыв — один из многих — тем более примечателен, что, принадлежа профессиональному историку-востоковеду, свидетельствовал о признании исторической наукой художественной концепции писателя, полемически развитой, воплощенной в идеях и образах повествования. Полемически — по отношению к односторонним, упрощенным и попросту ненаучным интерпретациям реального деятеля мировой истории как в древней и классической, так и в новейшей, буржуазной историографии, где «образ Александра Македонского был крайне идеализирован». Как рассуждал писатель, историко-литературная традиция, сложившаяся «в течение двух тысячелетий», неизменно окружала этот образ «всевозможными легендами и ореолом необычайного величия и благородства», олицетворяла в нем «тип прекрасного монарха, образец добродетели, мужества и великодушия». Такое безудержное «восхваление жестокого завоевателя и истребителя народов получило начало в тех дневниках», какие еще при его жизни «велись специальными секретарями; их держал при себе в похо-

---

[1] Цит. по кн.: М. В. Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян, с. 91—92.

дах тщеславный македонский царь. В последующее время, в эпоху римского владычества, в сочинениях римских и греческих историков, начиная с Плутарха, по желанию римского императора, искавшего «идеальных монархов» в прошлом, и далее Курцием, Аррианом и другими, образ Александра крайне идеализировался авторами как великодушного, гуманного вождя, мудрого правителя и т. д. Ясно проступает желание возможно выше возвеличить идею императорского самодержавия, священного происхождения царской власти, чем обосновать «законность» завоевания Римом других земель и народов»[1].

Если мифологизация Александра Македонского в античной и средневековых литературах Запада и Востока опиралась концептуально на гносеологические предпосылки, историософские и социально-утопические основания, то идеализированным представлениям буржуазного времени он импонировал по соображениям утилитарно политическим — как личность, подчеркивал Василий Ян, «легендарного создателя первой европейской колониальной державы». Четко видя это коренное различие между разновременными историко-литературными традициями, он подверг сокрушительной критике стремление идеологов империализма «оправдать современный неоколониализм ссылками на исторические примеры, показать «цивилизующую роль» колониальных держав, особую роль Европы на Востоке, якобы издревле предрешенную «великую миссию белого человека» в Азии, Африке и других колониальных регионах мира». В ориентированных на эти идеи научных трудах и литературных сочинениях «завоеватель Александр Македонский выведен «просветителем» азиатских «варваров», а его армия носителем «светоча европейской культуры»; непомерно преувеличивается роль и значение похода Александра в дальнейших судьбах народов Азии, принижается и затушевывается борьба завоеванных народов с захватчиками за свою свободу»[2]. В противовес таким установкам Василий Ян видел свою задачу писателя в том, чтобы «дать реальный, настоящий образ Александра — разрушителя, интервента, беспощадно и безжалостно истреблявшего своих противников и новых подданных, продавшего в рабство 30 тысяч греков-фиванцев, распявшего на стенах Тира и Сидона героических защитников этих городов, вырезавшего в наказание за восстание население Согдианы». Таковы, настаивал писатель, «точные исторические данные», свидетельствующие, что «Александр был таким же беспощадным завоевателем и истребителем народов, какими были позднее Чингиз-хан, Тамерлан, испанские кондотьеры в Америке, англичане в Индии и другие хищники, создатели колониальных империй... Он оставлял за собой дымящиеся развалины, разрушенные города, целые народы обращал в рабство и продавал, как товар, как рабочую скотину, на рынках...».

Высказанные десятилетия назад, эти суждения и по сей день не утратили своего принципиального значения. В полемической заостренности их и поныне ощутим накал борьбы за создание советского исторического романа как романа нового типа, призванного, повторяя слова Василия Яна, «сделать переоценку исторических эпох и исторических

---

[1], [2] Цит. по кн.: В. Ян. Огни на курганах. М., «Советский писатель», 1987, с. 689, 688.

личностей в свете диалектического и исторического материализма»[1].

Одну из таких переоценок и осуществлял он повестью «Огни на курганах». Действие ее разворачивается на территориях Средней Азии, которые во времена Александра Македонского заселяли его противники — «согды, предки нынешних таджиков и узбеков, и скифские племена саков и массагетов, в дальнейшем перекочевавшие в южные степи Черноморского побережья». С невыдуманным героем повести мы встречаемся на гребне его торжества, когда, завоевав Персию и наголову разбив в ней «бывшего царя царей Дария», опьяненный победами полководец все пуще распаляет себя жаждой новых походов и битв, одержим властолюбивым желанием «проникнуть еще дальше, чем ходил Геракл», провести «войска до конца вселенной, где неведомые пустыни заселены необычайными дикарями, где море омывает последний берег земли и где никто уже не осмелится встать» на победном пути неукротимого воителя. Однако насытиться всласть тиранической властью ему не дают то непочтительность «тщеславных афинян», на которых он грозит обрушить по возвращении «весь ужас» своего монаршего гнева, то непокорство македонцев, замысливших избрать себе нового вождя. Дознавшись об этом от верноподданных осведомителей, угодливых соглядатаев и наушников, Александр «целый месяц свирепствовал, казня всех заподозренных в заговоре», а «казнив множество близких ему людей» и не удовлетворившись этим, «объявил, что для лучшей связи с родиной им устроена эстафетная почта и все желающие могут послать письма домой. Но, когда войско передало письма, все они были задержаны и прочитаны, и воины, выражавшие недовольство, были выделены в особый штрафной отряд, помещенный под наблюдением вне лагеря».

На примере географических и космогонических представлений Александра Македонского, вознамерившегося воткнуть копье победителя не иначе как «на крайнем, восточном берегу омывающего землю моря, из которого ежедневно выезжает колесница блистающего Феба», наглядно видна как социальная, нравственная опосредованность, так и психологическая обусловленность его суждений, поступков, образа мышления и способа действия исторически конкретными понятиями времени и среды. Такой последовательно выдержанный историчный взгляд и на главного героя повести, и на его ближайшее или ему враждебное окружение позволял писателю назвать «Огни на курганах» произведением, где «Александр *впервые* изображен в художественной литературе *реалистически*, таким, каким он был на самом деле, каким его изображают первоисточники, без идеализации, мистики и прикрас, чем грешат многочисленные романы и биографии»[2]. Художественная правда повествования была, следовательно, для Василия Яна неотторжима от исторической правды событий и характеров.

Достоверна бытопись, с которой в повести «Огни на курганах», как и в предыдущей «Финикийский корабль», связаны яркие, красочные,

---

[1] В. Ян. Путешествия в прошлое.— «Вопросы литературы», 1965, № 9, с. 106, 107.

[2] Цит. по кн.: В. Ян. Огни на курганах. М., «Советский писатель», 1987, с. 690.

картинные описания древней жизни. Детализированно, обстоятельно выписаны в повести походные картины: кровавые насилия, неотвратимые гибель и смерть, что идут по пятам македонского войска, которое, словно «бескрылая саранча», ненасытно пожирает и истребляет все живое, устилает свой путь неисчислимыми телами. Составной мотив этих описаний — исконная враждебность истребительной морали завоевателей культуре покоряемых народов, ее высшим духовным обретениям, имевшим в истории мировой цивилизации общечеловеческое значение. Ведь, как разъяснял Василий Ян, в эпоху действия повести на просторах Средней Азии происходило «интересное столкновение трех различных самобытных культур: *греков* (и македонцев), носителей широкоразвитой эллинской культуры, достигшей тогда высшего расцвета, затем *иранцев* (персов), т. е. согдов, бактров, паропамисадов, мирного земледельческого населения с очень древней и самостоятельной восточной культурой, и, наконец, *скифов* — представителей воинственных кочевых племен с их своеобразными дикими обычаями, еще очень мало исследованными...»[1]. Поэтому не просто «священные» для его «врагов», но чуждые ему по духу книги сгорают в кострах, разжигаемых по приказу Александра Македонского,— вместе с ними изничтожается мудрость завоеванных народов, стирается их след на земле.

Непререкаемая правда истории в «Огнях на курганах» включает в себя и героическую правду сопротивления завоевателю, освободительной борьбы, апогеем которой становится проигранная Александром битва при Яксарте (реке Сырдарье). Самый замысел повести, рассказывал Василий Ян, возник из желания «описать борьбу за свою независимость древних скифов, саков, согдов и других народов, живших на территории современных советских среднеазиатских республик в IV веке до нашей эры, во время завоевания и разгрома Персии армией необычайного по смелости и военным способностям Александра Македонского...»[2]. Повелителю мира, согласному, как внушают ему придворные льстецы, вести отсчет «настоящей истории... только с рождения бессмертного царя царей Александра», противостоит предводитель восставших Спитамен — личность также историческая, хотя и наделенная родословной, отличной от той, какую приписывают ему скудные сведения, располагаемые современной наукой. Согласно им, он происходил из согдийской знати, в большинстве своем смирившейся с завоеваниями Александра, признавшей его владычество. В повести же Спитамен — сын простого земледельца-согда и скифской женщины из племени кочевников-саков — олицетворяет единство этих народов. Разделенные прежде враждой, они не хотят «терпеть бесчинства греков», объединяют усилия для совместной борьбы с Александром, убеждаясь, что тот «не остановится до тех пор, пока не встретит смелых воинов, которые не повернут перед ним спину, а сами начнут бить его в скулы». И впрямь в разгар этой борьбы «базилевс со своей армией оказался в положении змеи, попавшей в кольцо раскаленных углей. Кругом, и в Согдиане и в Бактрии, вспыхивали восстания. Крестьяне

---

[1] Цит. по кн.: В. Ян. Огни на курганах. М., «Советский писатель», 1987, с. 690.

[2] В. Ян. Путешествия в прошлое.— «Вопросы литературы», 1965, № 9, с. 106.

убегали в горы и леса и нападали на разъезжавших за продовольствием македонцев. Александр беспощадно расправлялся с селениями, где происходили столкновения с его воинами».

Символична предфинальная сцена, в которой знатный согд Датаферн дарует завоевателю голову якобы убитого Спитамена. С этой «натуры» по повелению Александра «знаменитый ваятель» Лисипп (лицо историческое) вырезает в мраморе голову «умирающего персианина», которая, не преминул сообщить писатель в сноске, призванной удостоверить правдивость повествования, фактологическую обоснованность некоторых сюжетных ходов, «хранится до сих пор в музее Терм в Риме». Однако Спитамен не убит. За его голову выдана голова одного из погибших храбрецов-сподвижников, на место которого, предрекает он, «встанут новые борцы за свободу нашего народа».

В этой надежде на непрочность тиранической власти Александра Македонского в завоеванной, усмиренной «железом, кровью и огнем», но так и не покоренной до конца Согдиане укрепляет эпилог повести, главным действующим лицом которого выступает племянник и ученик великого Аристотеля, оратор, философ и историк Каллисфен. По обычаю софистов он произносит на шумном пиру две речи — одну «за», другую «против» Александра, но хвалебная первая настолько вымучена и так уступает обличительной второй по накалу и жару, убедительности и страсти, что взбешенный властелин, восседающий на троне поверженного Дария, не в силах сдержать буйный гнев вопреки обещанию воспринять «образчик софистики... с дружеским чувством». Но если во власти тирана казнить подданного, превратив его гибель в «праздничное зрелище растерзания человека диким львом», то ему не дано присвоить себе правду и истину, которые постигает человек, «единственное из земных существ, созданное с глазами, обращенными к небу, а не к земле», в своем стремлении «проникнуть и разгадать тайну вселенной». Не по силам деспоту и отнять у него «гордость свободного ученого, мыслителя, поэта», чей «труд ни огонь, ни железо, ни всепожирающее время... не будут в состоянии уничтожить». Неистребимый дух, неукротимая мысль кладут предел всемогуществу самых всесильных тиранов и деспотов...

«Потрясающая «Смерть Каллисфена»», как назвал Василий Ян эту главу-новеллу в одной из дневниковых записей, вошла в «Огни на курганах», полноправно стала органичной частью эпилога. Рассказ «Голубая сойка Заратустры» (1945), предназначенный для ненаписанной третьей книги задуманной трилогии, так и остался словно на полях повести, как бы приложением к ней, и даже опубликован впервые лишь в посмертном сборнике писателя «Загадка озера Кара-Нор» (1961). При всем том он связан с повестью не просто тематически, а и концептуально. Причина тому — большие художественные обобщения, заданные «малым» эпизодам встречи Александра Македонского со жрецом храма огнепоклонников. Из всех истин мира признавая лишь ту, которую пишет острый конец его меча, «молодой, красивый... властелин раздавленной Персии» приказывает разрушить храм, а жрецов его сжечь «на их же священном жертвеннике». Даже благородное вмешательство пока что почитаемого Каллисфена, который предостерегает от «непоправимой ошибки» уничтожения «ценнейших книг с указанием способов лечения различных болезней», не смягчает царского гнева на инакомыслящих. И чем сильнее, безудержней

гнев, тем огромнее, ужасней преступления, которые влечет за собой «приказ грозного, неумолимого завоевателя», оставившего «на месте когда-то многолюдного, богатого и счастливого города Бактры... одни развалины. Вся долина между горами дремала в мертвой тишине, покрытая заросшими травой обломками каменных зданий и когда-то величественных храмов. Оставшееся население разбежалось, и в скважинах между камнями гнездились только совы и проворные ящерицы, а по ночам отвратительно лаяли и завывали трусливые шакалы».

Запримстим эту впечатляющую картину разрушения, гибели не только и не просто городов и селений, но мировых регионов цивилизации, очагов культуры. И запомним ее в преддверии все более близкого, теперь уже скорого обращения к эпопее Василия Яна о монголо-татарских завоеваниях и последующих повелителях, потрясателях вселенной, чья психология тотального насилия, вселенского истребления будет носить как выразительные индивидуальные, так и общие родовые признаки и черты.

Однако, к счастью для истории мировой и отечественной, в ней преемственны не только преступления и зло. О преемственности подвижнического добра побуждает задуматься повесть Василия Яна «Спартак» (1932), приуроченная к 2000-летию знаменитого восстания рабов в Древнем Риме. Заглавный герой ее в иных, разумеется, исторических условиях и в соответствии со своими неповторимыми строем мысли, ладом души наследует самоотверженис и вольнолюбие мужественного Спитамена. И тот, и другой из числа любимых героев писателя, о каждом справедливо сказать его словами: «талантливый, смелый вождь» восставших борцов за свободу. Но что обратило Василия Яна к «великому восстанию рабов Древнего Рима в I веке до нашей эры», в общем-то изученному наукой и воплощенному в литературе? Он сам объяснил это, признав, что повесть «Спартак», как и «Огни на курганах», имела для него программное значение, ибо тоже служила открытому, нескрываемо полемическому, ниспровергавшему признанные авторитеты провозглашению идейных позиций и творческих установок, которые выражали писательское понимание правды истории, преображенной в художественную правду исторического повествования.

Непосредственным адресатом спора стал широко, можно сказать, всемирно известный одноименный роман Раффаэлло Джованьоли. Не без чрезмерной категоричности суждений Василий Ян отказывал этому роману в историзме, а его главному герою в историчности. Под полемический обстрел при этом бралась невольно и традиция некритического восприятия «Спартака» Джованьоли русским общественным сознанием, причем передовым, демократическим, революционным. Не случайно первым его переводчиком и публикатором на русском языке был писатель-революционер, один из героев народнического движения, С. М. Степняк-Кравчинский. Так кто же, спрашивается, прав, он или Василий Ян, в оценке итальянского романа? И чей Спартак, итальянского или советского писателя, истиннее по отношению к своему историческому прототипу?

Как ни парадоксально прозвучит это на первый взгляд, ответим со всей определенностью: в пределах своего творческого мира и в историко-литературном контексте своего времени прав каждый. Как равным обра-

зом и оба Спартака имеют одинаковое право на существование в системе «взаимоотношений» истории и литературы. На том и покоятся различия между той и другой, что субъективность историка не в пример писателю имеет близлежащие пределы, которые ограничены достаточно жестко. Тяготея к точной, однозначно научной формуле, она, как правило, исключает возможность равновариантных «прочтений» прошлого. Не то в литературе, которая в силу своей образной природы обладает уникальной возможностью «прочитывать» и «перечитывать» историю многовариантно — зачастую в разных версиях даже одних и тех же событий, судеб. Раньше и прежде всего потому, что одним из краеугольных критериев их истинности становится для нее не столько документально удостоверенная фактология события, сколько художественная правда характера или, по Белинскому, «истина относительно человеческого сердца, человеческой натуры»[1]. Немалую роль играет национальная литературная традиция как опора и ориентир художественного поиска писателя. В данном случае — романтическая, которой следовал Джованьоли, и социально-аналитического реализма, к которой тяготел Василий Ян.

Не романтизируемый рыцарь в роковом треугольнике «фантастической и неправдоподобной любви», а человек великой идеи, личность «исключительной силы», воодушевленная «страстью к освобождению рабов и ненавистью к тиранам»[2],— таким воссоздавал Василий Ян своего героя, благородного и отважного гладиатора-фракийца (Фракия располагалась на территории современной Болгарии). Его «грозное имя», поднятое им восстание в Капуе, победа над отрядом легионеров Клодия Пульхра несут рабам и бесправным земледельцам «неожиданную возможность свободы». До семидесяти тысяч человек собирается поэтому в его войске всего за несколько месяцев, и оно превращается в силу, которой страшится надменный, спесивый Рим, обложенный малыми и большими очагами прорвавшегося наружу, вовсю полыхающего гнева.

Обратим, однако, внимание на публицистичность авторского повествования, не оставляющую места изобразительности. Создается впечатление, что лексический строй, стилевая организация речи рассчитаны скорее на хроникальное воссоздание общего хода событий, нежели на нестесненное самопроявление, психологически углубленное самораскрытие героя в конкретных действиях. Произошло это, наверное, потому, что увлечение писателя спором с беллетризацией исторического материала, полемикой с романтизацией доподлинного героя принесло повести не только концептуальные обретения, но и художественные потери. Сосредоточивая, в полемический противовес Джованьоли, преимущественный интерес на социальной типологии Спартака, Василий Ян ослабляет индивидуальное, личностное начало характера, от размыва которого не спасают ни чистая, целомудренная любовь, ни бескорыстная, благородная дружба: обо всем, что лично, интимно, сообщается беглой и блеклой скороговоркой. Непроявленная же индивидуальность характера, в свою очередь, ослабляет социальный драматизм, психологическое напряжение даже заведомо выигрышных сюжетных коллизий, ударных конфликтных ситуаций, какие бы нереализованные возможности «человековедческих» открытий они в себе ни таили.

Таковы в повести «Спартак» ситуации и коллизии, возникающие на волне разногласий, которые начинают разделять восставших рабов, заво-

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 527—528.

[2] В. Ян. Путешествия в прошлое.— «Вопросы литературы», 1965, № 9, с. 103.

роженных успехами первых побед. Писатель обозначает и разрешает их не столько на изобразительном художественном, сколько на описательном публицистическом уровне, заданном ораторской патетикой прямой речи героя: «Послушайте меня, беспечные безумцы! Я вас еще раз зову уйти из Италии, пока не поздно. Впереди Альпийские горы. Если мы пройдем через них, то окажемся в стране, куда не доберутся хищные лапы римских богачей. Там мы найдем свободу. Вы слышите это чудесное, могучее слово: свобода! Мы построим свое небывалое государство свободных, равноправных, счастливых людей. Это будет государство солнца и радости. Мы покажем пример, и к нам примкнут другие народы, наши ряды будут расти с каждым днем. Сейчас восставших сто двадцать тысяч. Их станет во много раз больше». Такой же прямой речью декларируются чистота, благородство помыслов, которыми руководствуется Спартак как вождь восстания: «Смерть нам грозит всегда. Я готов драться и умереть вместе с вами. Но ходить с вами грабить города, как простой разбойник, я не стану. Чем выше будет наша цель, тем дальше будет наш славный путь».

Не желая выводить Спартака героем романтическим, Василий Ян превратил его в героя идеального, возвышаемого над своим временем. И это при том, что в повествование вовлечены конкретные исторические обстоятельства эпохи, ее социальные, психологические, бытовые реалии. Здесь и жестокий обычай «десятисмертия», к которому прибегает Красс, казня за ослушание вверенного ему войска каждого десятого воина, и его же хитроумный батальный маневр, разгаданный и сорванный Спартаком, не позволившим заманить себя в ловушку. Но все-таки ключ к поэтике повествования не в выразительности подобных эпизодов и сцен, а в патетичности публицистических вторжений автора в сюжетное действие. Вплоть до трагедийного финала, когда «кровавым памятником победы Красса над Спартаком» высятся «шесть тысяч крестов, на которых живыми были распяты захваченные в плен гладиаторы».

Не относя повесть «Спартак» к творческим удачам Василия Яна, рискнем предположить, что похоже смотрел на нее и сам писатель, извлекая урок, который помог ему надежнее закрепиться на своем, отталкиваясь от чужого, тверже осознать, что преимущественная публицистичность письма — не его стихия. Недаром, думается, не увлекла она писателя в примыкающих к повести «Спартак» рассказах из древнеримской эпохи — «Трюм и палуба» (1929) и «Овидий в изгнании» (1934).

Первый являет собой оригинальный образец писательского воображения, творческой интуиции, домысла и вымысла, когда происходит невидимая переплавка исторического факта в художественный образ. Как явствует из авторского примечания к рассказу, эмоциональным первотолчком к созданию его послужила уникальная археологическая находка на дне озера вблизи Рима, о которой Василий Ян узнал из зарубежного журнала. Поднятая со стометровой глубины галера напомнила об увеселениях и празднествах, которые устраивались на озере во времена Римской империи. Затонувшая галера вполне могла быть одним из императорских судов. Но если так, то почему она затонула? Откуда взялись отверстия, прорубленные в ее днище? Какая драма могла разыграться в трюме или на палубе? Не на нее ли указывают невольничьи кандалы и цепи, прикованные к скамьям? Задаваясь подобными вопросами, писатель отвечал на них воображаемой остросюжетной сценой, которую отнес к годам правления императора Калигулы и мотивировал приступом его безрассудного гнева. Так воскрешалась вымыслом реальность жизни «в еще могучем, но уже гниющем Риме» с его рабством, насилием, пресмыканием патрициев перед цезарем.

Со вторым рассказом в прозе Василия Яна утверждалась и расширялась намеченная в «Огнях на курганах» образом Каллисфена тираноборческая тема неподкупности и стойкости таланта, его неподвластности насилию, духовной и творческой свободы. Рассказ при жизни писателя не был опубликован. Наверное, потому, что наступала пора, когда гражданственное неприятие тирании, даже если ее персонифицировал император Август, защиту независимого от нее творчества и не поколебленного ею достоинства творца становилось возможным принять за непозволительную «аллюзию», опасную крамолу...

Не по публицистическому пути пошел Василий Ян и в освоении тем русской истории, к которым обращены три «Повести о железе», или другое название цикла — «Рудознатцы». Две из них — датированные 1934 годом «Секрет алхимика» и «Путешествие по России» — остались ненапечатанными, опубликованная же третья — «Молотобойцы» (1933) — предшествовала им по времени написания, но следовала за ними по хронологии действия. В ней сюжетно соединены два пласта: история становления, развития отечественной металлургии в петровскую эпоху и драматически напряженные картины социальных отношений в самодержавном, крепостническом государстве. Увлекательный рассказ о первых «железных заводах» на Руси, их продвижении из центра страны (из-под Тулы и Серпухова) на Урал, кузнечном деле и быте кузнецких слобод, технологии рудных разработок и плавки металлов перемежается с впечатляющим описанием кабалы, в какую попадают крестьяне, насильственно приписанные к заводам, подневольного труда людей, скованных цепями, работающих под угрозой батожья. Их неистребимый дух непокорства, выплескивающийся стихией сопротивления насилию, воплощен в ярких фигурах бунтарей, которые символизируют жизнестойкость народа как подлинного творца национальной истории. Так, обостренное патриотическое чувство, сопровождающее вдохновенную поэтизацию мастерства и таланта русских умельцев, последовательно сопрягается у Василия Яна с развитым социальным мышлением, принципиально чуждым какой бы то ни было идеализации многовекового прошлого, воспринимающим действительность далекой эпохи в обусловленной временем конкретности ее объективных противоречий — жестоких драм, суровых контрастов. Но одновременно — и с безотказным пафосом социального и нравственного оптимизма, который питает жизнедеятельная энергия народа, творчески созидающего свою историю, материальную и духовную культуру.

Тематически и проблемно повесть «Молотобойцы» отвечала крупномасштабному замыслу Горького, нацеливавшего писателей на создание эпической «Истории фабрик и заводов». Неотъемлемую страницу в нее вписывает также рассказ «Плавильщики Ванджа» (1933): сюжет его соединяет «наглядное представление... о способе добычи руды и получении железа, практиковавшемся много веков тому назад», и картины новой советской жизни, которая, невзирая на разорительные набеги басмачей, побеждает «в малодоступной долине Вандж, затерянной в предгорьях Памира».

Начало 30-х годов было для Василия Яна на редкость плодотворным творчески. Начиная с «Финикийского корабля» и кончая «Молотобойцами», этим временем датируются все обозреваемые исторические повести писателя и в их ряду еще одна — «Роберт Фултон» (1933), повесть-биография из истории мировой изобретательской мысли в области точной

механики, паровых машин, кораблестроения. Помимо этого, к 1932—1935 годам относятся наброски популярной книги для юношества «От домницы до домны», оставшиеся неопубликованными большая очерковая книга о строительстве «Два канала», несколько пьес, рассказов и политическая повесть-памфлет «Энигма» о Тихом океане как возможной арене новой мировой войны. Её предчувствие, обостренное победой фашизма в Германии, возвратило писателя к давнему замыслу эпического романа о Чингисхане, которому суждено будет стать началом эпопеи в трех книгах. Заявку на первую Василий Ян предложил издательству в 1934 году.

4. Главные книги

Проявленное А. М. Горьким доброжелательство к роману «Чингиз-хан» не облегчило его издательскую судьбу: обличение тирании и деспотизма, жестокостей насилия и бесправия, даже если они совершались в далеком прошлом, становилось в 30-е годы все более не в чести. Неудивительно поэтому, что роман, упорно отвергаемый одним издательством за другим, был напечатан лишь в 1939 году. Чтобы это наконец случилось хотя бы на исходе десятилетия, в сознании, мироощущении общества должно было укорениться чувство надвигающейся опасности. Оно росло по мере того, как фашизм раскрывал свою агрессивную сущность, все яснее выдавал свою готовность к войне, все громче притязал на мировое господство. Сделать упор на военные, на героические темы — к такому извлечению неослабно актуальных уроков мировой и отечественной истории призывал в те годы академик Е. В. Тарле[1]. «Чингиз-хан» Василия Яна оказался одним из первых романов, которыми советская литература отвечала на неотложный социальный заказ эпохи, настоятельную духовную потребность времени.

Осознание их писателем было тем тревожнее и острее, что грозного приближения недалекой войны вплотную к советским границам не видели лишь те, кто не хотел видеть,— «шапкозакидатели» разных рангов и уровней, фанфарно клявшиеся разгромить агрессора на его же земле, причем «малой кровью, могучим ударом». Напряженная политическая ситуация в стране и мире, настроения, отвечавшие противоречивому состоянию умов в советском обществе, по-своему, где опосредованно, а где и впрямую, предопределили в романе «Чингиз-хан» и проблемно-тематическое содержание, и даже сюжетно-композиционное построение повествования. «Сперва я колебался,— рассказывал Василий Ян:— описать ли всю жизнь Чингиз-хана или ограничиться одним периодом или эпизодом его жизни? Я пришел к выводу, что необходимо изучить возможно подробнее всю его жизнь и эпоху. А эпизод выбрать наиболее близкий и значительный для советского читателя: вторжение армии Чингиз-хана в Среднюю Азию, на те земли, где теперь находятся советские республики...»[2].

И роман «Чингиз-хан», и последовавшие за ним книги трилогии «Батый» (1940), «К „Последнему морю“» (1951) писатель называл «глав-

---

[1] См. «Литературная газета», 1940, 6 октября.

[2] В. Ян. Путешествия в прошлое.— «Вопросы литературы», 1965, № 9, с. 109.

ным трудом» своей жизни. Разумеется, не в силу колоссальных эпических объемов повествования, тяготеющего к крупномасштабной и широкоохватной форме романной трилогии-эпопеи. Главное в том, что к трилогии в большей мере, чем к какому-либо другому произведению Василия Яна, приложимо ключевое понятие философии истории. Не всякое повествование о прошлом становится историческим романом и не каждый роман превращается в эпопею, но только такое произведение и такой роман, в идеях и образах которого философия истории обретает решающее содержательное и формообразующее значение. Не довольствуясь беллетризованным, хотя бы и добросовестным пересказом того, что было, она вынашивается и строится на фундаменте социальной, нравственной, гуманистической концепции личности и народа, народа и эпохи. Постепенно кристаллизуясь в предыдущих произведениях Василия Яна, философия истории получила в трилогии наиболее полное и цельное выражение, сопрягающее последовательный, осознанный историзм мысли научной и художественной. Этого требовал эпохальный разворот исторических событий, в истоках, на гребне и исходе которых вершились, на века вперед определялись судьбы народов и государств.

В таких всемирно-исторических масштабах воспринимал завоевательные походы монголов К. Маркс, особо выделяя в «Хронологических выписках» историю их «мировой державы». В ее изложении сквозь строгую конспективность хроники всегда и неизменно прорастает недвусмысленная оценка как самих исторических событий, так и личностей, вовлеченных в их бурный водоворот, участвовавших в них или направлявших их необратимый ход. «...Орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту. Балх, между прочим, был цветущим торговым городом, местопребыванием отличнейших художников...» — говорится о покорении Чингисханом Хорезма. «...Судьба России была решена на 2½ столетия. Монголы проникают внутрь России, опустошая все огнем и мечом... Города и деревни были сожжены дотла»[1],— о нашествии Батыя на Русь. Развернутая характеристика последствий этого нашествия дана в работе К. Маркса «Тайная история дипломатии XVIII века», где аналитическим вниманием и обобщающей оценкой не обойдены ни «ореол ужаса», которым окружали себя завоеватели, ни осуществляемая ими политика «всеобщей резни» среди «населения, которое могло восстать в их тылу». «Татарское иго,— подчеркнуто здесь,— длилось... более двух столетий; это иго не только подавляет, но оскорбляет и иссушает самое душу народа, который пал его жертвой. Монголо-татары установили правление систематического террора, разорения и массового истребления, принимавшего форму соответствующих институтов»[2].

Суждения К. Маркса уместно дополнить фактами и выводами, систематизированными советской исторической наукой, характеризующей падение Киевской Руси под сокрушительными ударами монголо-татарских полчищ и ордынское иго, под тяжкой пятой которого изнывала Московская Русь, в ряду совокупных факторов, отбросивших «цивилизацию

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, с. 219, 221, 224.

[2] K. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1890, p. 78.

значительной части Азии и Европы вспять», затормозивших «исторический прогресс, не принеся никакой пользы самому трудовому населению собственно Монголии» (В. Т. Пашуто)[1].

Ни в одном регионе мира завоеватели не встретили такого массового, общенародного, героического сопротивления, как на русской земле. Если ко времени монгольского нашествия общее количество городов на Руси, по неполным, вернее, даже по отрывочным летописным данным, приближалось к трем сотням, то среди них, как указывал академик М. Н. Тихомиров, «мы не знаем русского города, который сдался бы на милость победителя. Даже незначительные города татарам приходилось брать силой, и дело доходило до того, что маленький Козельск задержал громадную рать Батыя под своими стенами на несколько недель. Защитники его нанесли татарам такой ущерб, что Батый назвал его «злым городом», запретив впредь называть Козельском». Тем невыносимей были неисчислимые бедствия, какие обрушили пришельцы на непокорную землю. «Татары вели себя в России, как в завоеванной стране. Дань их не удовлетворяла, им нужны были пленники, которых они обращали в рабов и продавали на своих рынках»[2].

Наконец, трагедия монголо-татарского владычества над русской землей, отозвавшаяся в песенно-поэтическом творчестве народа безутешными, скорбными плачами[3], была трагедией великой древнерусской культуры, на общем фоне которой, показывает академик Д. С. Лихачев, даже вершинное «Слово о полку Игореве» не высится одиноким, исключительным памятником. «Русь до ее монгольского завоевания была представлена великолепными памятниками зодчества, живописи, прикладного искусства, историческими произведениями и публицистическими сочинениями... Ее культура не была отсталой или замкнутой в себе, отгороженной «китайской стеной» от внешнего культурного мира... Ее культура была единой на всей огромной территории от Ладоги и Белого моря на севере до черноморской Тмуторокани на юге, от Волги на востоке и до Карпат на западе»[4].

Таковы исторические «опоры», на которых Василий Ян, зачастую идя первопутком и тем самым опережая науку, возводил идейно-образную систему трилогии. Давнее видение «лютой пустыни» Дешти-Лут не случайно отозвалось в ней апокалиптической символикой обезжизненной, испепеленной земли: «...все гибло и обращалось в пустыню там, где проходили монголы». В первом романе это и обезлюдевшие караванные пути, и пепелища Отрара, Бухары, Самарканда, напоминающие о «скорбных днях, пережитых народами Хорезма». Во втором — «мертвое поле» под Ряза-

---

[1] В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., «Наука», 1982, с. 8, 9.

[2] М. Н. Тихомиров. Древняя Русь. М., «Наука», 1975, с. 67, 382—383, 383—384.

[3] См. «Авдотья Рязаночка», «Гибель полонянки», «Спасение полонянки», «Девушка взята в плен татарами», «Полонянка надеется на выкуп», «Татарский полон» и др. в кн.: «Исторические песни. Баллады». М., «Современник», 1986.

[4] Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура его времени». Л., «Художественная литература», 1978, с. 3.

нью, где лишь «волки и вороны продолжали свой кровавый пир» после битвы, «груды золы и каменных обломков» на месте шумного, людного Козельска, «багровое зарево пожара» над Угличем. Уже зерно замысла содержало у Василия Яна его будущие ростки — мысль, которую писатель считал основной в трилогии: «хищническая, насильственная политика Чингиз-хана обречена на гибель, как противная высшим идеалам человечества»[1]. В страстном утверждении бесплодности тирании, бездуховности деспотизма, обреченности человеконенавистничества заключен важнейший творческий урок трилогии — урок действенного оптимизма и гуманизма художественной мысли, которая выдерживает сопоставление с мыслью научной по всем их общим философским, социальным, духовным параметрам и критериям.

«Татарам поддались мы совсем не от смирения (что было бы для нас не честью, а бесчестием, как и для всякого другого народа), а по бессилию, вследствие разделения наших сил родовым, кровным началом, положенным в основание правительственной системы того времени»[2],— писал Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Художнически исследуя причины национальной трагедии, еще не распознанной, но уже предвосхищенной в битве на Калке, Василий Ян воплотил их в проявлениях узкосословной, эгоистически кастовой морали феодальных верхов. На ее почве произросло предательство рязанского князя Глеба, отвергнутого не только родным народом, но даже завоевателями, которые обрекают его на одинокие скитания в степи. Вероломным изменам, корыстному смирению перед ордынским игом противостоит в романе «Батый» патриотизм народа, воплощенный и в отчаянном самоотречении молодой княгини Евпраксии, с сыном на руках бросившейся из терема «на черневшие внизу камни», и в героическом самоотвержении «неистового» Евпатия Коловрата, его друга Ратибора, и в ратных делах Савелия Дикороса, Лихаря Кудряша, Опалёнихи, воинов Торопки, Апоницы, Шибалки, многих других представителей социальных низов феодальной Руси. Так роман, обращенный к трагичнейшим страницам русской истории, стал романом, написанным во славу народного подвига.

Русские «необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»[3] — размышлял Пушкин об исторических масштабах этого подвига. О благодарном преклонении перед ним потомков писал Чернышевский: «...нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшеюся всем

---

[1] В. Ян. Путешествия в прошлое.— «Вопросы литературы», 1965, № 9, с. 110.

[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 24.

[3] А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 6. М., «Художественная литература», 1976, с. 360—361.

выстрелам, стеною, которую вполовину было разбили враги...»[1]. Такова правда истории, которая, обретя под пером Василия Яна самобытное художественное воплощение, начала свою новую жизнь в сюжете трилогии. И прав был исследователь мировых судеб реализма Б. Сучков, видевший в ней «новый взгляд на историю как на коллективное творчество народных масс и арену их борьбы за свободу против угнетателей... Ясная гуманистическая идея, пронизывающая романы В. Яна, позволяет ему в полном объеме показать разрушительную, деструктивную роль Чингиз-хана в истории, мнимость величия его мрачных деяний, кровавую свирепость, сопутствовавшую его завоевательным походам»[2].

Охарактеризовав целостный архитектурный облик романного здания, возведенного Василием Яном, рассмотрим теперь его отдельные детали, начав с «прототипических» реалий сюжета, имевших в действительности соответствующие аналоги. Какова их художественная роль в повествовании?

Обратимся для примера к разладу Чингисхана со старшим сыном. По свидетельству исторической науки, оставленный в Хорезме наместником Чжочи (Джучи) «старался избавить край от разорения и говорил приближенным, что «Чингисхан потерял рассудок, так как губит столько земель и народу»... Есть глухие сведения о том, что Чжочи даже был намерен убить Чингисхана во время охоты. Его замысел стал известен отцу, и полагают, что Чжочи был отравлен по его приказу»[3]. Исключая замысел отцеубийства, почти так — вплоть до непочтительных слов об отце и насильственного устранения непослушного сына — разворачивается действие и в первом романе Василия Яна. Но «неукротимый и своенравный Джучи» в нем — кривая тень Чингисхана. «Он был похож на отца высоким ростом, медвежьими ухватками и холодным взглядом зеленоватых глаз», которые на все вокруг глядят пристально и мрачно». Потому и отослал его Чингисхан «подальше, в самый крайний угол своего царства, и приставил к нему тайных соглядатаев», что подозревает в нем соперника, который «жаждет вырвать... поводья царства, а отца посадить в юрту для дряхлых стариков». Стало быть, такой Чжочи не совсем истинен? И писатель не был вправе интерпретировать его подобным образом? Ничуть не бывало. Герой романа для Василия Яна — характер художественный, и воссоздание его преследует задачи куда более широкие, чем реставрация исторического прототипа. Писателю было важно акцентировать читательское внимание на культе всепроникающего насилия, не знающей пощады жестокости, которыми в ближайшем окружении Чингисхана определяется и поверяется все, от социально-общественных до семейно-бытовых отношений. Оттого и Чжочи у него не отравлен, как допускали летописцы и предполагают историки, а варварски — «лежал с переломанным, по монгольскому обычаю, хребтом» — убит таинственными убийцами, которые «подосланы самим Чингиз-ханом».

Соответствуют документальным первоисточникам, но не совпадают

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV. М., Гослитиздат, 1949, с. 48.

[2] Б. Сучков. Современность и реализм.— «Знамя», 1965, № 9, с. 222—223.

[3] Е. И. Кычанов. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., «Наука» 1973, с. 134.

полностью с ними мотивировки и акценты, разъясняющие эпизоды, в которых действует даосский монах, философ и поэт Чан Чунь, хотя речь его, обращенная к Чингисхану, почти дословно повторяет то, что он говорил в действительности: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия». У Василия Яна: «Есть много средств, чтобы увеличивать силы человека, излечивать его болезни и оберегать его жизнь, но нет и не было лекарства, чтобы сделать его бессмертным». История засвидетельствовала, что во времена завоевания Северного Китая монголами Чан Чунь пользовался большой известностью как проповедник даосской религии с ее мистическим культом бессмертия. «Чингис слышал о Чан Чуне и, находясь в западном походе, с берегов Иртыша вызвал его к себе, чтобы воспользоваться секретами даосов и узнать тайну достижения бессмертия. Чан Чунь согласился прибыть в ставку Чингисхана, с одной стороны, безусловно подчиняясь силе, с другой — возможно, надеясь повлиять на грозного хана и уменьшить кровопролитие»[1]. Вот и у Василия Яна «стремящийся к «дао», смиренный житель гор Чан Чунь» исполняет «высочайшее повеление» Чингисхана, спешит к нему «через снега, горы и пустыни» в тщетной надежде упросить: «...прекрати свои жестокие войны и повсюду среди народов водвори доброжелательный мир!..». И на этот раз мотив обличения жестокостей насилия, деспотической власти тирана выступает ведущим, тесня диспут правителя и философа о смысле человеческого бытия, тайнах жизни и смерти, который скорее всего имел место в действительности. На ту же писательскую сверхзадачу ориентирована стилистика повествования. У Василия Яна она не чурается и прямолинейно обличительных описаний от автора, в которых сконцентрированы нарочито уродливые черты Чингисхана, чей внешний облик под стать поступкам представлен заведомо отталкивающим, эстетически безобразным. Если он весел, то хлопает «большими ладонями по грузному животу», и рот его растягивается «в подобие улыбки», и хохот уподобляется лаю «большого старого волкодава». Если гневен, приказывает накормить борзую собаку «сердцем мальчишки» — сына поверженного Джелал-ад-Дина, и когда «палач-монгол, улыбаясь до ушей от гордости», подносит ему «маленькое дымящееся сердце», он довольно кряхтит, «как старый боров».

Выстраивая трилогию как эпическое повествование о монголо-татарских завоеваниях, Василий Ян соотносит ее композицию с их хроникой. Соответственно этой хронике первая книга венчается смертью Чингисхана. Единственно с внуком Бату связывает он так и не свершившиеся надежды на то, что надо всей «вселенной... протянется монгольская рука». Выступая во второй книге заглавным действующим лицом, Батый продолжает кровавые «великие дела, которые не успел выполнить его дед, Священный Потрясатель вселенной». Такое сюжетно-композиционное построение эпопеи — одна из граней ее образной структуры. С нею взаимосвязана грань стилевая, сейсмографически точно фиксирующая, «материализующая» идейно-художественные особенности повествования.

Так, важнейшим критерием, направляющим ориентиром, которых придерживался верный себе Василий Ян, на протяжении всей трилогии выступают социальные реалии, психологические детали, бытовые подроб-

---

[1] Е. И. Кычанов. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир, с. 122.

ности воссоздаваемой эпохи. Точность их живописания становится нормой повествования. Если прикладывает Чингисхан золотую печать к пергаменту — письму хорезм-шаху Мухаммеду,— то писатель не забывает отметить, что она смочена синей краской, пояснив при этом в сноске: на письмах монгольского хана к повелителям других народов ставилась синяя печать, на обыкновенных документах — красная. Если появляется впервые в трилогии малолетний Бату, то непременно «с небольшим луком и тремя красными стрелами», потому что именно три красные стрелы считались признаком высокого ханского рода. И «девятью девять раз» Джебэ-нойон и Субудай-багатур заставляют воина пропеть свое донесение «единственному и величайшему»: не умея писать, они составляют его в виде песни, которую гонец заучивает наизусть. Повторяет же он песню так многократно потому, что число девять почиталось у монголов как священное. Таково мастерство реалистической детали, которым Василий Ян владеет совершеннее, нежели искусством романтической сюжетной интриги.

Собственно сюжет трилогии задан историей и географией завоевательных походов Чингисхана и Батыя. Безупречно выдерживая его на уровне исторического повествования, писатель не всегда преодолевал сопротивление приключенческой беллетристики. Возможно, и не было бы нужды укорять его в этом, если бы обретение авантюрной занимательности не сопровождалось подчас ослаблением социально-психологического анализа. Так, в частности, происходит в начальных главах романа «Батый», повествующих о злоключениях будущего джихангира, военачальника похода на Русь, которые вызваны его враждой с другим чингизовым внуком, Гуюк-ханом.

Едва ли не хрестоматийно суждение Василия Яна о взаимоотношениях искусства и науки в писательском творчестве: «Грош цена тому историческому произведению, которое извращает точно установленные факты, даты, зафиксированные на страницах памятников». И в малой мере не противоречат ему раздумья о мастерстве исторического романиста, которые свидетельствуют, что писатель, однако, считал невозможным пренебрегать художественностью ради того, чтобы всегда и всюду «заботиться о безусловной научной точности в описании жизни своего героя, отделенного туманом столетий, в особенности когда нет описаний очевидцев, закрепленных слов, сказанных героем». Двуединая задача романиста в таких случаях состоит, на его взгляд, в том, чтобы «с одной стороны, придерживаться некоторых безусловно точных «ориентиров», а с другой стороны — свободно творить, имея художественное прозрение, бросая лучи критического и творческого прожектора в далекое прошлое, выбирая из хаоса возможностей наиболее характерные, индивидуальные черты своего героя, стараясь создать образ живой, полнокровный, незабываемый и в то же время правдивый». Сопрягая одно с другим, Василий Ян убежденно ратовал за «самую широкую свободу творческому домыслу автора, его фантазии, лишь бы этот домысел и фантазия были строго построены на точных фактах научно-исторических исследований. Фантазия, домысел не только допустимы, но даже необходимы, и не только для беллетристического исторического произведения, но и для научного исследования».

Однако в каком направлении работать воображению исторического романиста, в каких повествовательных формах воплощаться — вот в чем

вопрос. Отвечая на него, Василий Ян выделял «два типа исторических романов. Один тип — романы развлекательные, с романтическими приключениями. К другому типу нужно отнести произведения с обширными планами, глубоким замыслом...». Явное предпочтение второму типу не означает небрежения первым. Историческому романисту, настаивал Василий Ян, «должна быть предоставлена полная свобода искать и создавать новые формы выражения своих замыслов... Показывая любимые героические образы прошлого, автору нужно быть искусным зодчим, как в общем плане, так и в мелочах, уметь по-своему видеть мир, соблюдать чистоту каждой речи, иметь свой собственный слог, чувствовать соответствие данной формы избранному содержанию...»[1].

Гармоничное художественное единство содержания и формы в трилогии Василия Яна, главным образом в романах «Чингиз-хан» и «Батый», глубоко идеологично. Не только для предвоенного и военного времени, когда писатель задумывал и создавал оба романа, но и для последующих лет и десятилетий, в идеологических битвах которых исторически доподлинный герой первого романа зачастую оказывался одной из ключевых фигур. «Окидывая общим взглядом всю деятельность Чингисхана,— указывал в этой связи академик И. М. Майский,— приходится констатировать, что в целом она принесла делу прогресса человечества очень большой вред. Таков конечный вывод, который можно сделать, подходя к оценке Чингисхана с марксистско-ленинских позиций»[2].

Завершать трилогию Василия Яна должна была книга, условно называвшаяся «Золотая Орда и Александр Беспокойный (Александр Невский)». Однако писателю не удалось довести до конца свой замысел. Закончив рукопись и представив ее в издательство, он вынужден был пойти и на насильственное изъятие ряда глав, ставших затем самостоятельными рассказами («Возвращение мечты», «В орлином гнезде „Старца горы“», «Скоморошья потеха»), и на искусственное расчленение единого текста на два отдельных произведения — роман «К „Последнему морю“» и повесть «Юность полководца» (1952). Видимо, здесь причина заметного перепада уровней: роман «К „Последнему морю“» уступает художественно романам «Чингиз-хан» и «Батый». Не мифическая «творческая неудача» привела к этому, а догматические ультиматумы издательства, не позволившего Василию Яну выпустить книгу такой, какой он ее задумывал и писал.

С чего вдруг возникли на пути рукописи трудности, устранить которые было возможно лишь ценой согласия на послушное исполнение категоричных директив, противоречащих начальным авторским намерениям? Ответ на вопрос подсказывает литературная ситуация конца 40-х — начала 50-х годов. Послевоенные карательные акции сталинизма не благоприятствовали появлению в печати произведений, повествовавших об ужасах насилия и террора, обличавших тиранию и деспотизм единодержавной власти, содержавших хотя бы глухой намек на жестокость правителя. Теория бесконфликтности с ее установочной ориентацией на идеального героя и благополучный конфликт отличного с хорошим притязала не только на идеализированную современность, но и на историю, недавнюю и давнюю,

---

[1] В. Ян. Путешествия в прошлое.— «Вопросы литературы», 1965, № 9, с. 105, 111, 102, 103.

[2] «Вопросы истории», 1962, № 5, с. 83.

будь то кровоточащая память и нестихающая боль Отечественной войны, годы Октябрьской революции или многовековое прошлое, в освещении которого также надлежало бездумно избегать народных драм и трагедий, предпочитать им лубочную сусальность. Раздуваемая сверху кампания борьбы с безродными космополитами-антипатриотами накладывала на творческие искания писателя вообще и исторического романиста в частности идеологические вериги казенного ура-патриотизма, амбициозной великодержавности. В случае с Василием Яном дошло до абсурда: писателя заподозрили в злонамеренном возвышении Батыя над нарочито приниженным Александром Невским. «Почти все рецензенты отмечают то обстоятельство, что в романе, являющемся третьей частью Вашей трилогии, Вы недостаточно показали историческую роль и величие Древней Руси и славного сына великого русского народа Александра Невского»[1],— наставляли редакторы писателя в знании отечественной истории и патриотической любви к ней. Стоит ли удивляться после этого, что повесть «Юность полководца» Василий Ян успел увидеть изданной лишь незадолго до кончины, а роман «К „Последнему морю“» вышел в 1955 году уже после его смерти?

Вспомним и сопоставим видение «последнего моря» на «краю земли» в ранней повести «Огни на курганах»: не повторяет ли писатель однажды найденный образ, побуждая хана Батыя вослед Александру Македонскому грезить о том, как, удержав «в руках золотые поводья могучего войска», он поведет его в новый поход «до «Последнего моря», где каждый день тает солнце», и на все лежащие на пути земли опустит «лапу монгольского степного беркута»? Нет, не в повторах дело, а в типовом действии, безотказно моделирующем логику завоеваний и психологию завоевателей. Проявляясь с разрывом более чем в полторы тысячи лет в конкретно-исторических условиях времени, места и среды, они знают и такие общие основания, а стало быть, и черты, как деспотизм неограниченной власти, культ силы и произвол насилия, безудержность притязаний на мировое господство. Таким комплексом вожделений обуреваем в романе «коварный татарский владыка», чей истерически взвинченный монолог вызван сиюминутным гневом на несговорчивого русского посла, но угрожает вечной кабалой многим странам и народам: «Я вижу впереди бои... Пылающие города... Близкие схватки тысяч и тысяч всадников. Я вижу, как испуганно летят кони, прыгают через овраги, роняя своих всадников, я вижу ряды упрямо наступающих пеших воинов в иноземных одеждах... Они рубятся с моими несравненными багатурами. Я пройду через самую гущу боя и опрокину всех встречных... Я напою кровью врагов своих коней, я прикажу убивать каждого сопротивляющегося, женщин, стариков, детей. Копытами моих несравненных монгольских коней я вытопчу луга и посевы, чтобы после того, как пройдет мое войско, не осталось ни одной травинки, ни одного зерна...».

Сожалея о художественных издержках романа «К „Последнему морю“», критика верно указывала на избыточность исторической информации, не вовлеченной в сюжет и потому утяжеляющей его, на перенасыщенность действия сюжетными ответвлениями и недостаточную психологическую мотивированность участия в них ряда персонажей, на композиционную несостыкованность, неслаженность отдельных повествователь-

---

[1] Цит. по кн.: М. В. Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян, с. 176.

ных пластов. Но бесспорно и то, что все эти досадные несовершенства отступают перед изобразительной силой описания похода, который начал Батый, решив «двинуться со своей многотысячной ордой на запад, «на закат солнца», для давно им задуманного покорения «второй части вселенной». Ничто не предвещало преград на пути к грядущим победам, и «радостно шли в этот поход монголы и присоединившиеся к ним отряды других племен. На что могли надеяться, какое сопротивление могли теперь оказать встречные народы? Их оставалось уже мало, их печальная участь уже предсказана колдунами-шаманами. И все двинувшиеся в поход всадники верили, что упорный и уже озаренный славой счастливого победоносного завоевания Бату-хан пройдет в зареве пожаров грозой по всем «вечерним странам» и дойдет вплоть до «Последнего моря», омывающего «поднос земли». Там его верные нукеры разожгут огромный костер, языками пламени облизывающий багровые тучи, в честь и в память замыслившего покорение вселенной «священного правителя» и всех изрубленных в битвах монгольских багатуров. Там Бату-хан въедет на пятнистом, как барс, коне на вершину кургана и вонзит свое блестящее копье в покоренную им землю».

Но не устлан победами путь к «последнему морю»: как бы поперек его горбом вздыбилась многострадальная русская земля, обескровленная, но не истребленная, и златоглавый Киев, приняв героическую эстафету Рязани и других спаленных городов, устами своих послов заявляет «категорический отказ добровольно покориться татарам». Батальные картины его многодневной осады относятся к лучшим в романе. Добрую «половину своего непобедимого войска» положил Батый под киевскими стенами, и лишь тогда одолел их, когда поредели ряды мужественных защитников города, которые «дорого отдавали ... свою жизнь, держась из последних сил, разя врага чем и как могли».

Многообразием лиц и голосов полнятся сцены, раскрывающие природный патриотизм русских людей, который проявляют они и на краю гибели. С презрением отвергает старый воевода Ратша постыдное предложение Батыя возглавить «полк из пленных русов» в составе разноплеменного ханского войска, гордо принимает мученическую смерть, которая достойней жизни, оплаченной предательством. Честную гибель добровольно избирают и плененные защитники Киева, искусники-мастера, утаивая от врагов свое уменье, дабы не пригодилось оно ни в Сарае на берегах Итиля, ни в столице «великого кагана» Кара-Коруме. Такая несгибаемость человека от глубинно народного корня, прорастающего ввысь все новыми побегами. Прав поэтому «ехидный, всем недовольный Гуюк-хан», предостерегающий Батыя от опасностей, которые остались позади их войска как «тлеющие и непотухающие костры возможных восстаний... Не загасив тлеющих костров позади себя, не делаем ли мы новую ошибку, двинувшись вперед?». О том же тревожится многоопытный, искушенный в походах воин Субудай: устремляясь «в сторону заходящего солнца», завоеватели удлиняют и без того бесконечный путь, который отделил их от ставки Батыя в низовьях Итиля и тем более «от главной столицы всех монголов Кара-Корума». Не «сохранить безопасным и неприкосновенным этот наш великий путь», если в тылу, за спиной остается русская земля. Пока она непокорна, не быть долгими и прочными новым победам, которые одерживает, «неуклонно направляясь к западу», монгольская орда.

Вернемся ненадолго к финалу предыдущего романа «Батый», построенному на контрасте двух соседствующих глав. Неминуемое возрождение опустошенной, истерзанной страны предвещает перестук топоров на пожарищах и пепелищах в главе «А Русь-то снова строится!». И призрачность победного торжества завоевателей — «жалобные песни» в главе «На далекой родине». Не со «священной добычей», а с пустыми седлами на четырех конях возвратился домой старый Назир-Кяризек, и поминальный плач встретил его на пороге родной юрты: «великий поход» Батыя на Русь поглотил сыновей так же бесславно, как и десятки тысяч других воинов.

Похожий контраст создают финальные мотивы романа «К „Последнему морю“». Как ни опьянены завоеватели легкой богатой добычей в «вечерних странах», не она влечет их, а обобранная, разграбленная «земля русов», великое племя которых, «как гибкое дерево, гнется, но не ломается. Я истреблял их без жалости,— удивляется и гневается Батый,— а мне доносят, что они снова поднимают голову, что они строятся, они собирают отряды». Темным и беспокойным кажется ему поэтому будущее ордынского царства, над которым «постоянной тревожной тенью» нависает молодой новгородский князь Искендер...

Между тем Александр Ярославич, разгромивший шведов в битве на Неве и немецких рыцарей в Ледовом побоище на Чудском озере, во взаимоотношениях с Ордой при всем своем бесстрашии полководца настойчиво избегал открытых конфронтаций, предпочитал «примирительную политику» искусного дипломата, твердо знающего, что с монголотатарами «Русская земля еще не в состоянии справиться»[1]. История показала: то была дальновидная, мудрая политика накопления сил. В пору действия романа Василия Яна «К „Последнему морю“» сосредоточение этих сил в руках новгородского князя если и могло страшить хана Батыя, то только перспективой роста. Не ее ли угадывает он по-своему проницательно?

Замысел писателя свести Александра и Батыя в границах одного романа не состоялся. Первый в романе «К „Последнему морю“» только упомянут, второй в действии повести «Юность полководца» непосредственно не участвует. Но разведенные по разным книгам, они остаются двумя крайними полюсами одной эпохи и во многом определяют ее своеобразие своим притяжением и отталкиванием.

«В исторической литературе,— сетовал академик М. Н. Тихомиров,— личность Александра нередко изображается в виде удальца, который внезапным нападением разрешает все трудности и одерживает победы. В действительности это изображение очень далеко от истинной правды. Александр Невский умел сочетать смелость с дальновидным расчетом политика, и только это соединение большого политического ума и боевой храбрости позволило ему одержать победу над неприятелями»[2]. Такому взгляду ученого на личность исторического деятеля принципиально близка художественная интерпретация характера Александра Невского как литературного героя повести «Юность полководца».

Если Чингисхан или Батый в творческом мире Василия Яна олицетворяют разрушительные силы истории, то Александр Невский персони-

---

[1] М. Н. Тихомиров. Древняя Русь, с. 384.
[2] Там же, с. 329.

фицирует ее созидательное начало, равно проявленное и в ратных делах, увлекающих князя с отроческих лет, и в его государственных думах о судьбах Отечества, поставленного тугим сплетением событий перед роковым «быть или не быть». От начальных сцен отроческого ученичества к заключительной картине битвы на Чудском озере тянется этот сквозной мотив, достигая апогея в патетике финала, резко меняющей сказовую интонацию размеренного жизнеописания: «Лицо Александра светилось торжествующей силой и радостью победы. Он поднялся на стременах и с каким-то юным, мальчишеским задором высоко подкинул шлем, поймал его на лету, потом, повернув коня, помчался во весь дух к тому месту, где должны были ожидать его боевые товарищи. Они скакали уже ему навстречу с радостными криками».

Раскрывая общемировое значение Ледового побоища, историческая наука сравнивает его с Грюнвальдским разгромом тевтонских рыцарей, которое произойдет 170 лет спустя. Тем, стало быть, выше роль Александра Невского как в русской отечественной, так и во всемирной истории. А это, в свою очередь, означает, что, создавая повесть о нем, Василий Ян задавался отнюдь не праздным вопросом и давал на него вовсе не декларативный ответ: «Что такое великий человек? Это человек, чьи индивидуальные способности делают его наиболее пригодным для служения великим общественным нуждам своего времени. Великие люди всегда являются «начинателями», они видят дальше других и хотят сильнее других. Сила выдающейся личности — в ее связи с массами, с народом, в умении организовать массы, предвидеть ход исторического движения. У каждого великого человека имеются свои единственные индивидуальные черты, отличающие его от других навсегда»[1].

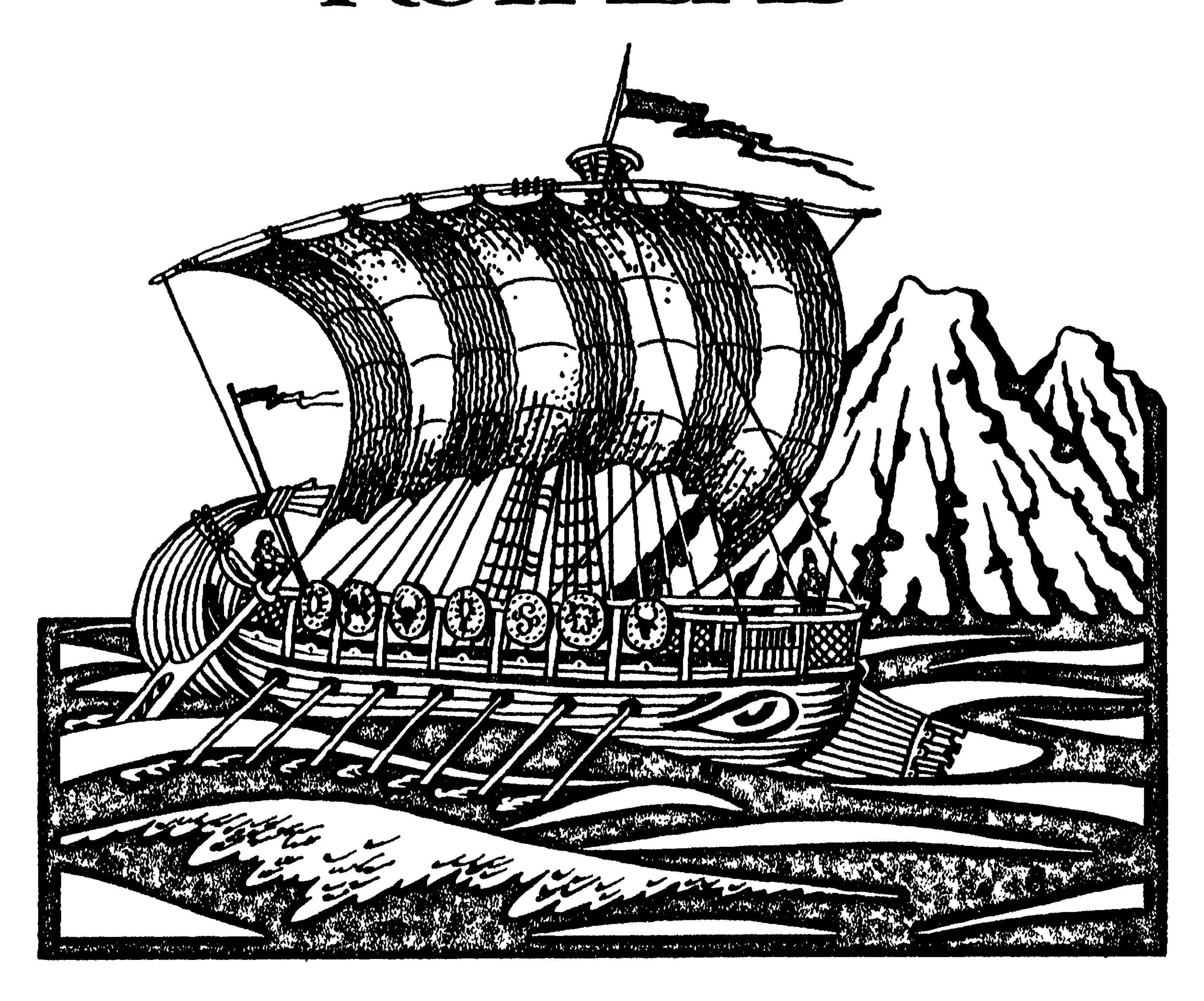
«Начинатели»...— слово, по-своему приложимое и к мастерам советской литературы, которые силой таланта направляли ее по новаторскому пути художественных исканий, полнее всего отвечавших «великим общественным нуждам своего времени». Василий Ян принадлежал к таким именно писателям всеми творческими замыслами, устремлениями и свершениями.

В. Оскоцкий

---

[1] В. Ян. Путешествия в прошлое.— «Вопросы литературы», 1965, № 9, с. 111.

ФИНИКИЙСКИЙ КОРАБЛЬ

Историческая повесть

ОТ АВТОРА

Любитель древностей доктор Виктория Мартон, несколько лет назад производя раскопки на восточном берегу Средиземного моря, в Сайде, на месте, где когда-то стоял знаменитый финикийский город Сидон, нашла в земле, на глубине семи метров, небольшую библиотеку. Книги этой библиотеки были не похожи на наши. Они состояли из множества глиняных обожженных плиток одинакового размера. На плитках были выдавлены буквы.

Библиотека, найденная Мартон, написана около трех-четырех тысяч лет назад. Возможно, что раньше она находилась в доме какого-нибудь сидонского жителя, дом обвалился во время войны, землетрясения или пожара и плитки оказались засыпанными землей и камнями. На этом месте затем строились новые дома, которые опять разрушались. Так проходили годы, столетия и тысячелетия, и постепенно библиотеку засыпало толстым слоем «пыли веков».

Благодаря этому покрову древняя библиотека сохранилась до настоящего времени. Уче-

ные прочли и перевели то, что было написано на плитках. Среди отрывков древнейших сочинений по медицине, астрологии и истории оказались также более поздние записки одного моряка о его удивительных приключениях на разных морях. Записки эти послужили основой для повести «Финикийский корабль»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТНИК НА БЕЛОЙ ОСЛИЦЕ

1. СТРАННЫЙ СТАРИК

Утром Ам-Лайли[1], как всегда, разбудила меня на рассвете.

— Вставай, Эли,— шептала она мне на ухо,— довольно спать. Твой хозяин будет бранить тебя, если ты не прибежишь раньше его. Я тебе сварила чечевичную похлебку. Слышишь, как она приятно кипит?

Мне не хотелось вставать. Тепло лежать, свернувшись на бараньей шкуре, прикрывшись старым плащом отца! Я приоткрыл глаза. В очаге пылал огонь. Медный котелок, поставленный на два кирпича, ворчал, выпуская клубы пара. Мать сидела около меня на полу. Красный отблеск огня освещал ее худое смуглое лицо. На щеке у нее выделялись синие черточки — от дурного глаза. Рукой она гладила меня по голове, стараясь разбудить.

За дверью раздались странные звуки, как будто вздохи и рыдания. Мы тихонько встали и подошли к двери.

— Кто там? — спросила мать.

— Помогите мне! — послышался хриплый голос.— Я путник, пришел издалека. Моя ослица захромала. Я выбился из сил, идя пешком. Не бойтесь меня: я совсем слаб и болен.

— Тише, не отвечай! — прошептала мать.— Может быть, это разбойник и только обманывает, чтобы войти в дом.

По лесенке, через дыру в потолке, я взобрался на крышу и осторожно посмотрел вниз. Действительно, около дома стояла, свесив длинные уши, белая старая ослица. Через спину ее были перекинуты два туго набитых мешка с красно-зелеными полосами. Около двери сидел, съежившись, старый человек с длинными растрепанными волосами и седой бородой. Он всхлипывал и бормотал:

[1] Ам — по-финикийски «мать»; Лайли — женское имя.

— Неужели теперь, когда я добрался до самого моря, злой глаз судьбы раздавит меня! — Он поднял руки к небу и воскликнул: — О лучезарное солнце, появись скорее, согрей мое замерзающее тело!

Неожиданно под моими руками обвалился кусок глиняной крыши и упал на старика. Он заметил меня.

— Кто ты, кудрявое дитя с черными глазами? Как зовут тебя?

— Меня зовут Элисар, сын Якира.

— Но Элисар значит «тот, кто приносит счастье», а Якир значит «добрый». Поэтому думаю, что ты послан самим солнцем и не можешь принести мне горе...

Солнце бросило первые лучи из-за Ливанских гор.

Мне стало жаль старика.

— Подожди еще немного, путник, перестань плакать. Я поговорю с моей Ам-Лайли. Она самая добрая на земле и, наверное, тебе поможет.

Я спустился обратно в хижину и рассказал все моей матери. Она посмотрела в сторону, сдвинув брови, закутала покрывалом лицо, так что остались видны только ее черные глаза, и отодвинула деревянный засов двери.

— Войди, путник,— сказала она.— Эли, отвяжи мешки и внеси в дом, а ослицу введи во двор и привяжи около курятника.

Путник с трудом встал и, цепляясь за стену, хромая, перешагнул через порог. Он сперва казался страшным: волосы дыбом стояли на голове. Но голос его звучал ласково.

Подойдя к очагу, он опустился около огня на скамеечку, вдруг оживился и протянул руку:

— Что это такое? Кто сделал такие красивые вещи?

Около очага стояло несколько глиняных корабликов и других игрушек, которые я слепил. Кораблик я сделал совсем такой, какой видел в море: с изогнутым носом, с высокой кормой и перилами для кормчего, с отверстиями в боках для весел.

— Уже год, как я работаю у горшечника,— объяснил я старику.— У него я научился лепить такие кораблики, чтобы они служили светильниками. В середину надо налить масла, а на носу корабля и на его корме выпустить концы двух фитилей. Тогда светильник может гореть двумя огнями. Я обжег эти игрушки в печи у моего хозяина и хочу продать их в Сидоне на базаре.

— Это искусство тебя прокормит,— сказал старик.— Я куплю вот этот светильник, он поможет мне написать

книгу — мне, Софэру многоязычному, Софэру-лекарю, бродящему по миру в поисках убежавшей от людей правды.

Старик развязал широкий шерстяной пояс, вынул из него кожаный кошель, достал оттуда серебряное кольцо и дал его мне.

Это было целое богатство! Я поблагодарил путника и отдал кольцо Ам-Лайли.

— Ты сегодня получишь медовые лепешки,— шепнула мне она.

2. ГОРШЕЧНИК РАССЕРДИЛСЯ

Ам-Лайли принесла глиняный таз и кувшин с водой. Старик вымыл руки и вытер их полосатым полотенцем, которое ему подала мать. Она налила в миску чечевичную похлебку. Мы со стариком сели друг против друга и, обмакивая в густую кашицу кусок лепешки, брали темные зерна и ели в задумчивом молчании.

Мать стояла в стороне и, подперев щеку рукой, следила за нами.

Потом она дала мне завернутый в тряпку кусок лепешки и печеную свеклу, а старик положил голову на руки и сразу заснул. Я скорей побежал к горшечнику.

По улице уже проходили рыбаки с веслами и гарпунами на плечах. Перебегали дорогу женщины с горшками горячих углей. Над плоскими крышами вились голубые дымки.

Я добежал до мастерской горшечника и спросил у раба, который разбивал молотком сухие куски глины:

— Где хозяин?

Он буркнул:

— Уже шипит!

Я осторожно протиснулся к двери. Хозяин расхаживал по мастерской и осматривал большие и маленькие глиняные кувшины. Длинными рядами стояли они на полу и на деревянных полках вдоль стены. Одни уже были покрыты узорами, другие, не обожженные еще, ждали, чтобы старый искусный мастер, тоже раб, нарисовал на них женщин в ярких одеждах, деревья, оленей, коз и охотников с копьями, которые гонятся за львами.

Я пробрался к печке, стараясь не шуметь, влез в отверстие, сгреб в сторону золу и стал раздувать вчерашние угли, пока не затлел огонек; тогда я положил жгут сухой соломы, и огонь весело затрещал.

«Как хорошо,— подумал я,— удалось сразу разжечь!»

Беда, если огонь долго не разгорается или вовсе потухает! Тогда хозяин сердится и кричит, что это плохая примета и случится несчастье: либо лопнут горшки, либо кто-нибудь из рабов заболеет.

Я стал вылезать из печи, и вдруг что-то обожгло мне спину.

Хозяин стоял около печи с плетью. Его лицо, сморщенное, как скорлупа ореха, с растрепанной бородой, было сердито.

— Ты почему опоздал? — закричал он.— Обленился? Кто в детстве был лентяем, тот в старости будет нищим — запомни это.— И он опять ударил меня плетью по ногам.— Ты еще мальчишка, отца у тебя нет, и я должен учить тебя мудрости. Вот я и бью тебя. А что ты должен сказать мне в ответ?

— Спасибо, дорогой Абибаал, за науку,— прошептал я.

— Ты вот опаздываешь, а у меня из-за этого не сохнут горшки!.. Ах, вот что, дерзкий щенок? Ты еще смеешься?

Хотя мне и было больно от плети, но у горшечника, когда он сердится, так смешно трясется борода, совсем как у козла, что я засмеялся против воли.

— Чему ты смеешься? Говори! — Горшечник снова поднял плеть.

Разве я мог упомянуть про его почтенную бороду? Поэтому я сказал:

— Мне смешно вспомнить, что чудной старик мне подарил за глиняный кораблик настоящее серебряное кольцо.

— Какой старик?

Я рассказал, что случилось утром. Абибаал замахал руками и забегал по мастерской.

— Это, вероятно, большой богач! Ты его приведешь ко мне, я ему буду продавать мои светильники и кувшины или я с ним открою большую торговлю посудой и сразу разбогатею.

Он охал, качал головой, наконец сел за гончарный круг.

— Встань около меня и учись, как надо работать.

Перед ним находилась деревянная круглая доска, прикрепленная к прямой подставке. Внизу к этой же подставке был приделан второй деревянный круг. Горшечник толкал ногой нижний круг, и тогда верхний круг вертелся то медленнее, то быстрее — как было нужно хозяину.

Я подаю кусок мягкой глины. Он с размаху опускает его на середину круга и обминает руками, а круг все время вертится. Потом он вдавливает четыре пальца в середину глины, а большим пальцем прижимает глину снаружи. Кру-

тящаяся глина под его пальцами начинает превращаться в грубую чашу; тогда он, сжимая пальцы, тянет глину кверху, стенки становятся все выше и тоньше. Руки он постоянно мочит в миске с водой, почему глина легко скользит.

Что он захочет, то и делается под его пальцами из вертящейся глины. Сперва у чаши стенки все расширяются, но он подхватывает края снаружи и начинает сжимать. Тогда у чаши суживается верх, вытягивается узкое горло, и получается пузатый кувшин, в каком у нас дома хранится оливковое масло.

Хозяин останавливает круг и туго натянутой ниткой срезает кувшин под самым дном. Тогда я беру его бережно, чтобы не помять, и ставлю на полку рядом с другими кувшинами. Такой кувшин должен хорошенько просохнуть. Потом его прожигают в печи, и он делается крепким. Если он недостаточно просох, то во время обжига может лопнуть.

Работы было много, время летело быстро. Уже близился вечер. Хозяин ворчал, что расходов много, а торговля идет медленно, и все вспоминал странного старика, который мне хорошо заплатил.

Вдруг раздался стук в дверь и просунулась знакомая лохматая голова старика. Он окинул взглядом мастерскую и пробормотал:

— Мир и счастье этому дому полезного дела! — Затем он заметил меня и воскликнул: — Вот я и нашел тебя, мальчик Элисар, приносящий счастье! Где же твой хозяин?

Хозяин догадался, кто это пришел, ополоснул руки, вытер их о передник и поспешил навстречу гостю:

— И тебе тоже удача во всех делах твоих! Входи, путник.

Он взял под руку старика и ввел его в мастерскую.

— Не нужны ли тебе кувшины? Смотри, какие большие и как хорошо нарисованы на них цветы и звери! Не нужны ли такие чаши или эти светильники?

Старик отмахивался, а горшечник тащил его вперед, показывая свои изделия.

— Мне нужны глиняные плитки, только ровные квадратные плитки, и я их возьму сырыми. Потом принесу обратно, и ты обожжешь их в печке. Сколько будет стоить сотня таких ровных квадратных плиток?

Горшечник помедлил и сказал:

— Сто таких плиток будут стоить десять серебряных колец.

Старик пристально посмотрел на горшечника, подумал, посвистел и направился к двери.

— Если мышь захочет проглотить верблюда, то лопнет,— сказал он и вышел.

Тогда горшечник так рассердился, что неосторожно раздавил кувшин, который только что слепил, и закричал на меня:

— Как посмел этот чужеземный бродяга назвать меня мышью? И он еще живет в вашем доме? Да ты нарочно привел его ко мне, чтобы он посмеялся надо мной! За это не стану больше держать тебя — убирайся с глаз моих! — И, схватив плеть, горшечник бросился на меня.

Я успел поднять свой плащ испачканными в глине руками и в страхе выбежал вон из мастерской.

3. КОРАБЛЬ «СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА»

Выскочив на улицу, я остановился и стал ждать, не позовет ли горшечник меня обратно. Я приоткрыл дверь и заглянул. Горшечник вскочил с места.

— Как, ты опять здесь? — крикнул он и бросил в меня комком глины.

«Кажется, дело кончено»,— подумал я и медленно побрел по улице. Мне казалось, что мои ноги так тяжелы, точно к ним привязаны камни. Я спустился к морю. Оно было неспокойно. Большие волны подымались, с грохотом падали и разбивались у моих ног.

Волны оставляли на гладком мокром песке мелкие ракушки, мертвых рыбок с колючками на боку, черные набухшие обломки дерева — может быть, щепки разбитых кораблей.

Я давно не был на морском берегу: целые дни приходилось работать в мастерской, мять глину и смотреть за печкой.

Ветер обдувал мне лицо и трепал волосы. Я оглянулся — лодок не было. Вероятно, все рыбаки ушли в море на рыбную ловлю.

Под береговым обрывом несколько человек стучали топорами и возились около остова корабля. Я направился туда. Этот корабль имел вид павшего верблюда, которого обглодали шакалы. Голые ребра торчали с обеих сторон. Они были прикреплены к бревну, лежавшему на земле. Один конец бревна загибался кверху. Я подошел ближе. Как это мастера изогнули такое толстое бревно?

Рабочие обшивали досками ребра корабля; они сверлом буравили дырки и затем загоняли в них большие деревянные гвозди.

Постройкой распоряжался человек, с виду моряк, который мне сразу понравился. Он был сильный, крепкий, загорелый. Его кудрявая голова была перевязана ремнем. Темная шерстяная рубашка подпоясана широким кожаным поясом, на котором висел большой нож в деревянных ножнах. Лицо было веселое, со смелым взглядом, и я подумал: «Хорошо бы и мне быть таким смелым моряком!»

— Куда гребешь? — спросил он меня.

— Смотрю и думаю, как вы согнули такое большое бревно,— ответил я.

— Нос корабля должен быть очень крепок. Мы отыскиваем в Ливанских горах такое дерево, у которого очень толстый изогнутый корень, очищаем ствол от ветвей, а корень сохраняем. Видишь, ствол кедра лежит внизу как основа — киль корабля, а корень подымается кверху.

Около меня послышалось знакомое сопение. Старик Софэр подошел к нам; он слушал объяснения моряка.

— Ты ли хозяин этого корабля?

— Я вместе с товарищами только строю корабль,— ответил моряк,— а хозяин живет в Сидоне. Это богатый купец, он ведет большую торговлю. Повсюду у него склады товаров и множество кораблей. Они плавают по всему свету. Макар заказал мне построить корабль побольше и покрепче обыкновенного. Этот корабль будет плавать в самых далеких морях, у сердитого океана, где начинается вечная ночь.

— Могу ли я поехать на этом корабле?

— Хозяин Макар деньги любит, и если ты заплатишь, то можешь ехать хоть до конца света.

— Ладно,— сказал старик.— Съезжу в Сидон, поговорю с купцом Макаром. Спасибо за то, что рассказал!

— Плыви дальше с попутным ветром! — ответил моряк.

Старик, держа меня за плечо, бормотал:

— Славный будет корабль! На нем смело можно доехать до Счастливых островов. Пойдем, Элисар, домой. Проводи меня.

Я нехотя побрел домой. Как рассказать матери, что Абибаал прогнал меня? Ей ведь так нелегко было упросить его, чтобы он взял меня в ученье.

— Элисар, почему ты вернулся так рано? — спросила мать, едва мы ступили на порог.

Я остановился, не решаясь сказать.

— Ну, говори же! Что-нибудь плохое?

— Меня Абибаал выгнал вон и бросил вдогонку кусок глины.

— Что же ты наделал? — всплеснула она руками.— Вероятно, ты разбил кувшин или нагрубил хозяину? Ну не плачь, стыдно мальчику плакать!.. Почтенный путник, входи с миром. Очаг согреет тебя.

4. Я ПОМОГАЮ СТАРИКУ

Узнав о моем горе, старик сильно взволновался:

— Как же так: ты учился ремеслу, старательно работал — и вдруг хозяин без всякой причины тебя прогоняет? Здесь несправедливость и человеческая злоба.

Мать сказала:

— Может быть, еще все уладится. Я сама схожу к горшечнику, обниму его ноги, и тогда он пожалеет бедную женщину, потерявшую кормильца дома.

— Нет! — воскликнул старик.— Этот горшечник мне не нравится: у него вид откормленного индюка. Может быть, твой мальчик сумеет заняться другим делом, которое будет не хуже, чем ремесло горшечника.

— Но только чтобы он не сделался моряком,— сказала мать и ушла в угол; она молча плакала.

Старик позвал меня к себе:

— Подойди сюда, сядь передо мной; слушай и отвечай на мои вопросы.

Он опустился на скамеечку, а я, подобрав под себя ноги, сидел против него на камышовой циновке.

— Знаешь ли ты, где можно найти хорошую, чистую глину без примеси песка?

— Еще бы не знать! Ее много там, близ дороги к Ливанским горам.

— Отлично! Мог бы ты наделать глиняных плиток величиной с мою ладонь? — Он показал сморщенную кисть, покрытую волосами, и растопырил пальцы.— Только плитки надо делать ровными, одинаковыми и чистыми.

— Чтобы они были одинаковы, я сперва сделаю деревянную дощечку такой величины, как тебе нужно, а потом уже буду по этой дощечке обрезать ровные глиняные плитки.

— Ты хорошо смекнул. Если ты мне будешь изготовлять такие плитки, я тебе буду за них платить столько же, сколько хотел платить горшечнику. Завтра же ты возьмешься за дело.

Я подумал: «Зачем Софэру нужны эти плитки? Не

хочет ли он их обратить в золото, как, говорят, умеют это делать хо́хомы?[1]»

Но плитки нужны ему были для другого.

— Ты хочешь научиться читать и писать? — спросил Софэр.

— Это только ученые люди могут заниматься таким трудным делом,— проговорила из угла мать.— А при нашей бедности разве мы можем учить этому наших детей!

Софэр взял прутик, насыпал золы на пол, разгладил ее и начертил мне такой знак:

— Что это тебе напоминает?

Я подумал, посмотрел справа, посмотрел слева и сказал:

— Если повернуть немного, то этот знак похож на голову быка с рогами и ушами,— и нарисовал пальцем на золе.

— Верно! Вот этот знак и есть «алеф», по-сидонски[2] значит «бык». Если мы этот знак напишем, то будем говорить «а». А вот этот знак похож на дом или шатер — «бет» — и произносится как «б». Ты можешь его повернуть вот так, и тогда он совсем похож на шатер, из которого идет дымок. Ведь наши деды не жили в земляных хижинах, как мы живем теперь, а кочевали с баранами по полям: то здесь расставят свои шатры, то в другом месте, где хорошая трава.

Мать подошла ближе и тоже внимательно смотрела, как старик рисовал на золе свои значки.

— Этот знак не напоминает ли тебе голову нашего большого друга и труженика верблюда — «гимель», голову на длинной тонкой шее? Этот значок читается как «г». А вот этот вьется, как волна, и означает «мем» — «вода» — и читается как «м».

Так Софэр стал мне показывать разные буквы, и я в первый же день выучил, как пишутся некоторые из них. Их можно складывать вместе, и тогда получаются интересные слова. Писать надо справа

---

[1] Хо́хом — ученый, мудрец.

[2] Финикияне называли себя сидонцами или «сынами Анат» — «бени Анат».

налево. Первое слово, которое я написал, было «ам», что значит «мать».

На другое утро, когда совсем рассвело и повсюду заблеяли козы, уходившие с пастухами в горы, я побежал к моим друзьям. Они на гумне, около мельницы, заняты были игрою в «шарики».

Все почти были в сборе: Менахем с разбитой губой, тощий Мендола, обжора Гамалиель — две редьки торчали у него за пазухой,— косой Бахья и маленький Ханания. Бахья, прищурив один глаз, целился в рассыпанные глиняные шарики; ловко сбив сразу три, он вдруг увидел меня и закричал:

— Эли, разве сегодня праздник, что ты с нами?

Я раздувался от важности — ведь я мог им рассказать столько новостей, о которых они и не подозревали.

— Сознайся, что ты плохо смотрел за телятами Абибаала и он тебя прогнал,— заметил Гамалиель, принимаясь за редьку.

— Ну так что ж, что прогнал? Зато вчера я смотрел, как строят корабль, и научился писать слова! — И я рассказал им и про старика, и про купленный им мой глиняный кораблик.

Мальчики слушали раскрыв рты, а маленький Ханания даже сел на землю и заревел, говоря:

— Я боюсь, что старик придет ко мне ночью и будет охать и кашлять!

Но остальные на него зашикали. Гамалиель сунул ему в рот недоеденную редьку, и Ханания замолк.

Все мои друзья — отчаянные храбрецы; сколько раз мы вместе ходили на кузницу сердитого Бен-Барзила, и, хотя он бранился и грозил щипцами, мы все равно смотрели, как он плавил медь, светившуюся как солнце; вместе мы пускались на старой лодке в море, ныряли за крабами, каракатицами и морскими ежами, лазили в чужие огороды за горохом, но никогда друг друга не выдавали. Все мы однолетки, кроме маленького Ханании.

Друзья пошли за мной — они хотели посмотреть на волосатого старика и на его старую бедную ослицу. Тихонько вошли мы в хижину и остановились у дверей. Старик, увидев нас, приподнялся и облокотился на руку.

— Кто эти маленькие люди? Я плохо вижу,— простонал он.

— Это мои друзья, дети авалинских рыбаков. Они пришли пожелать тебе скорее выздороветь.

Гамалиель громко воскликнул:

— Проживи сто тридцать лет и повидай весь свет!

— После такого пожелания, конечно, я поправлюсь и еще объеду самые далекие страны.

— Ступайте, не мешайте Софэру-бобо[1],— сказала мать.— А ты, Эли, посиди около больного и, если он попросит пить, дай ему козьего молока.

Я сел около старика и слушал, как он бормотал непонятные слова на каком-то чужом языке.

Дней десять старик почти не вставал и постепенно поправлялся. Для меня это время даром не пропало: Софэр каждый день занимался со мной — чертил палочкой на песке буквы, которые он мне показал (см. азбуку на стр. 56).

За это время я натаскал домой глины, размял ее, очистил от камешков и приготовил старику сто таких ровных плиток, какие ему были нужны.

Тогда Софэр-бобо вытащил из мешка кусок стекла[2] странной формы. Оно напоминало большую чечевицу; с обеих сторон стекло было выпукло. Потом он достал костяную палочку — один конец ее был острый, другой оканчивался лопаточкой.

Затем я подавал ему на доске глиняные плитки, еще сырые и мягкие, и старик очень искусно и быстро выдавливал лопаточкой и царапал иглой буквы, которые я уже немного знал. Кусок стекла он держал перед глазами и смотрел через него.

— Почему ты смотришь сквозь стекло?

— Это замечательное стекло, и за него я заплатил дорого литейщику. Если смотреть сквозь это стекло, то самые маленькие мушки или жучки делаются такими большими, точно они выросли в сто раз. Если бы не было у меня этого стекла, я бы не мог написать ни одной строки. А теперь я пишу на этих плитках целую книгу о том, как я приехал из города Мараканды[3] в Вавилон и оттуда — сюда, к берегу моря.

И старик усердно ставил значки на глиняных плитках и наконец исписал одну за другой все сто, которые я приготовил.

Мать сходила к горшечнику Абибаалу, чтобы с ним условиться, не возьмет ли он обжечь эти плитки.

---

[1] Бобо — по-финикийски «дедушка».

[2] Финикия славилась выделкой стекла.

[3] Мараканда — так в древности назывался город, находившийся на месте нынешнего Самарканда в Узбекистане.

ФИНИКИЙСКАЯ АЗБУКА *

А — алеф, бык

В — бэт, дом

Г — гимель, верблюд

Е — э [1] **?**

В — ван, гвоздь

Ц — цаин, оружие

Х — хэт [1] **?**

Т — тэт, змея

И — йод, рука

К — каф, ладонь

Л — ламед, колючка

М — мим, вода

Н — нун, рыба

С — самех, опора

О — ойн, глаз

Ф — фэ, рот

С — садэ [1] **?**

К — коф, затылок.

Р — реш, голова

С — син, зуб

Т — тау, значок, тавро

---

* Приведенная автором «финикийская азбука» — это греческая азбука, происшедшая из финикийской, где каждая из «букв» была слоговым знаком. Здесь пропущен знак «далета» (дельта) и некоторые другие. *(Прим. А. И. Немировского.)*

[1] Значение букв «э», «хэт» и «садэ» не выяснено.

Горшечник Абибаал перестал сердиться; сам пришел к нам в хижину, уселся на циновке около Софэра и заговорил очень почтительно:

— Вай-вай! Сколько мудрости в твоей седой голове! Ты, наверное, понимаешь, что поет ветер или о чем трещит сорока. Ты можешь напускать болезнь и прогонять ее. Поэтому не сердись на меня — я опять возьму в ученье мальчика Эли и сделаю из него настоящего мастера.

Горшечник взялся обжечь в печи все написанные плитки и обещал делать это и впредь за плату.

5. ПОЕЗДКА В СИДОН

Когда Софэр поправился от болезни, он решил съездить в город Сидон.

— Я в Сидоне повидаю купца Макара и заодно разыщу тех людей, которые увезли твоего мужа Якира на работу к иудейскому царю Соломону. Я все от них выведаю, и потом мы постараемся его вернуть домой.

— Уже три года мы ничего не знаем, где Якир и жив ли он,— вздохнула Ам-Лайли.

Утром Софэр вывел белую ослицу со двора и, встав на камень, без посторонней помощи уселся на нее.

Мать решила тоже пойти в город, чтобы скорее узнать что-либо об отце и продать корзинку яиц и спряденные ею нитки.

— Ты будешь моим проводником,— сказал мне Софэр,— а не то в этом шумном городе я потеряюсь, как горошина в мешке орехов.

Ам-Лайли повесила на дверь большой деревянный замок, и мы тронулись в путь.

Дорога к Сидону идет берегом через холмы. С левой стороны спускаются склоны Ливанских гор. На них разбросаны рощи, сады, поля, и всюду работают крестьяне. Одни мотыгами копают землю, другие, положив правую руку на рукоятку плуга[1], покрикивают на рыжих волов, которые, мотая головами и отгоняя надоедливых мух, взрывают ровные борозды. Весело бегут ручьи по канавкам, сворачивают в стороны, заливают водой поля, затем опять вливаются в канавки, чтобы дальше снова напоить корни виноградных лоз или грядки огурцов, дынь и других овощей.

Справа — синее море, по которому плывут крутобокие корабли: одни — надув заплатанные паруса, другие — още-

---

[1] В древней Финикии и Сирии плуг был с одной рукояткой.

тинившись длинными веслами. Весла разом ударяют по воде, взбивая белую пену.

Чем ближе мы подходили к городу, тем больше прибавлялось путников. Поселяне везли на ослах овощи, связанных за ноги кур, снопы свежескошенной травы.

Встречались целые караваны груженых верблюдов, которые, позванивая колокольчиками, мерно ступали широкими раздвоенными копытами по пыльной дороге.

Софэр всю дорогу заговаривал с встречными, узнавая каждого по одежде, и говорил с ними на разных языках, мне непонятных.

А я сзади подгонял ослицу веткой и думал: «Конечно, Софэр очень ученый, но как он будет зарабатывать себе на жизнь, такой старый и беспомощный? Как не боится он пускаться в далекие скитания? Другие старики лежат на крыше, греясь на солнце и боясь сойти вниз, а не то что искать конца земли»[1].

Софэр указывал на город и говорил мне:

— Смотри, Элисар, какие толстые стены у Сидона. Они прочны, как скалы. О, печать мудрости! О, венец красоты!

Когда мы приблизились к самому Сидону, на узком перешейке, ведущем с берега к воротам города, сгрудилось много народу. Пастухи гнали баранов и быков; животные блеяли, мычали. Несколько человек столпилось около нас. Они заговорили с Софэром:

— Ты куда собрался, старик? Сидел бы дома, скоро смерть тебя заберет.

— Это ты сиди дома,— отвечал Софэр.— А пока смерть меня разыщет, я еще успею трижды объехать землю.

— Не на твоей ли ослице? Привяжи к ее хвосту парус и плыви.

— Не всякому удается и один раз объехать землю, только один Лала-Зор сумел сделать это.

— Какой Лала-Зор? — оживился старик.

— Кто же в Сидоне не слышал про Лала-Зора! Все моряки поют песню про Лала-Зора — как он проехал столбы Мелькарта[2] и встретился с морским драконом толщиной с быка и длиной в тысячу шагов.

— А как бы мне найти Лала-Зора?

— Вот чего захотел! Это Лала-Зор найдет тебя даже на

---

[1] Земля в те времена считалась плоской и круглой, как блюдо, окруженной бесконечным Внешним морем (Атлантическим океаном).

[2] Столбы Мелькарта — древнее название Гибралтара. У греков и римлян скалы Гибралтара назывались «Столбы Геркулеса» (или Геракла).

дне моря. Все сидонские корабли уже несколько лет гоняются за ним, и все без толку. Ведь Лала-Зор называет себя царем всех морских разбойников.

Поток человеческой толпы оторвал нас от собеседников и увлек сквозь ворота в улицы Сидона.

6. «СЫН СОЛНЦА И МОРЯ»[1]

Мне показалось, что я попал в длинную, бесконечную мастерскую. Одна за другой тянулись кузницы, где почерневшие от копоти кузнецы колотили молотками, отделывая котлы, мечи и ножи. Далее плотники строгали или долбили деревянные обрубки. Другие мастера раскрашивали красивые скамейки и стулья с изогнутыми ножками. Стекольщики через глиняные трубки выдували стеклянные бутылочки, играющие всеми цветами радуги. Тут же чередовались лавочки, где сидели важные, нарядно одетые купцы с длинными, завитыми в колечки волосами и продавали материи, посуду, душистые втиранья, корицу, амбру и прочие привезенные издалека товары. А сверху над мастерскими и лавками выступали углами стены домов с окнами, закрытыми затейливыми решетками. Сквозь них смотрели на шумную улицу разодетые женщины и дети с обведенными черной краской глазами; они ели сладости и сбрасывали на прохожих скорлупу миндаля и орехов. В этих лавках лежало столько различных вещей, что их и в год нельзя было бы пересчитать.

В одной лавке разложены разноцветные яркие материи, возле них стоит продавец и кричит прохожим:

— Хайят, хайят (портной)! Сошью отличное платье до восхода солнца!

Далее продаются кожаные сандалии разных цветов и всех размеров. Санделяр (сапожник) продает эти сандалии, конечно, только богатым покупателям. Не мне думать о них. Я хожу босиком или в деревянных сандалиях, похожих на скамеечки. Их сделал еще мой отец.

Мать остановилась около одной мастерской, на дверях которой висели длинные нитки разных цветов.

— Шезури, шезури (прядильщик)! — кричал хозяин, который сидел на ковре и искусно прял шерстяные нитки, наматывая их на большую деревянную рогульку.

Он взял у матери моток ниток, взвесил их на блестящих медных весах и стал торговаться, понемногу набавляя

---

[1] Богатый торговый город Сидон в древности часто назывался «Сын солнца и моря».

цену и уверяя, что нитки недостаточно тонкие. Ам-Лайли в конце концов продала ему нитки.

Из пекарни до меня донесся запах свежевыпеченных лепешек, и я со вздохом прошел мимо груды кренделей и палочек, политых медом. На базаре мать осталась в том ряду, где жители нашего селения обычно продают рыбу, кур и овощи. Она позволила мне пройти дальше, к Северной гавани, вместе со стариком, и я пошел впереди, держа повод ослицы.

Мы скоро подошли к каменному молу, сложенному из больших, ровно обтесанных камней. Тут стояли рядом бесчисленные сидонские черные корабли с поднятыми носами. Я повел ослицу прямо к кораблям и остановился, глядя, как носильщики, согнувшись под тяжестью мешков, сперва медленно взбирались по узеньким доскам на корабли, а затем бегом возвращались обратно на пристань за новым грузом.

Около одного корабля на коврике сидели женщина и два маленьких мальчика. У всех были выбелены мелом руки и ноги в знак того, что они продаются. Толстый владелец корабля с длинной завитой бородой, с золотыми серьгами в ушах громко нараспев кричал:

— Продаются молодая женщина и двое мальчиков! Можно купить всех вместе или каждого отдельно! Женщина умеет хорошо шить одежды, ткать материи и прясть тонкие нитки! Мальчики крепкие, совершенно здоровые, и все зубы у них целы! Очень способны! Их легко можно научить ремеслам, и тогда они станут выгодными работниками! Покупайте же, пока они дешевы!

Дети со страхом поглядывали на продавца.

Некоторые богато одетые прохожие останавливались, осматривали этих трех несчастных, заглядывали им в рот и спорили с корабельщиками об их цене.

Софэр окликнул меня:

— Элисар, что же ты остановился? Надо торопиться. Идем искать купца Макара.

Один грузчик указал нам на каменное закопченное строение с двумя рядами маленьких окон. Возле открытых дверей грудами лежали свернутые в кольца смоленые канаты. Несколько человек стояли у входа, окружив купца небольшого роста, с длинной бородой.

— Скажите, добрые люди, где мне повидать хозяина кораблей Макара?

Никто и не обернулся, а маленький человек продолжал рассказывать:

— Я и говорю Бессаму: «Ты поедешь на этом корабле

в Тир[1]. Не бойся, Бессам,— говорю я,— поезжай себе с богом!» И что же мне ответил этот дерзкий Бессам? Он сказал: «Думаешь, что бог поедет со мной на таком грязном корабле, где возили баранов, да еще не заплатив за проезд?»

— О, какие дерзкие слова он сказал о боге! — воскликнули слушатели.

— А разве он неправильно сказал? — вмешался Софэр.

На этот раз все обернулись и посмотрели на Софэра.

— А ты кто такой, чего здесь ищешь и почему думаешь, что Бессам прав? — спросил маленький человек.

— Я ищу корабельного хозяина Макара. Да, видно, вы его не знаете.

Маленький человек выпятил живот, сложил на нем руки и важно спросил:

— А на что тебе Макар?

— Что же я тебе буду рассказывать? Ты лучше покажи, где мне найти его. Он, вероятно, такой умный, что голова у него величиной с жернов.

Маленький человек еще больше раздулся от важности и сказал:

— А может быть, я и есть Макар, хозяин кораблей! Что тебе нужно?

— Если я тебе скажу сейчас, то завтра об этом будет знать весь базар. А если мы поговорим с глазу на глаз, то тебе будет немалая польза.

— Хорошо,— сказал Макар.— Но знай: если ты хочешь просить денег, то я их все равно не дам. Иди за мной.

Маленький человек исчез в дверях дома. Софэр слез с ослицы и сказал мне, чтобы я шел за ним. Я привязал ослицу, и вместе с Софэром мы вошли внутрь дома.

Все стены жилища были уставлены полками, разделенными на ящики. Всюду лежали различные товары: материи разных цветов, кувшины, стеклянные бутылочки и большие куски меди. Мы прошли во вторую комнату. Там стояли небольшой стол с витыми ножками и высокое кресло. Макар забрался в него, подогнув под себя ноги. Софэр сел на скамейку, а я встал позади него.

— Меня зовут Софэр-рафа[2]— мудрец многоязычный. Я умею говорить на тринадцати языках народов, живущих от горячей Эфиопии[3] до черноплащных скифов[4].

— Мне не нужен переводчик,— обрезал, глядя в сторону, Макар.

---

[1] Тир — главный город Финикии.
[2] Рафа — по-финикийски «лекарь».
[3] Эфиопия — страна в Африке, к югу от Египта.
[4] Скифы жили на северном побережье Черного моря.

— Я распознаю болезни, излечиваю старые раны, лихорадку, нарывы, вправляю вывихнутые кости, отгоняю порчу, тощих делаю толстыми, слабых — сильными.

— Но у меня есть уже врачи, и они меня лечат. Если ты хочешь напустить на меня болезнь, то я прикажу моим слугам сбросить тебя в воду.

— Не бойся,— ответил старик.— Мудрец Софэр излечивает больных, но никому не делает зла.

— Чего же ты хочешь?

— Я пришел к тебе с тремя вопросами. Первый такой: около селения Авали для тебя строится быстроходный корабль. Правда ли, что он поплывет за Мелькартовы столбы? И мог бы я на нем поехать?

Макар помолчал и ответил:

— Да, корабль строится для далеких путешествий. Если ты будешь лечить корабельщиков и гребцов, я тебе позволю ехать даром, а то гребцы очень быстро теряют силы и умирают[1].

— Второй вопрос такой. Слыхал ли ты о Счастливых островах, где нет ни господ, ни рабов, ни богатых, ни бедных, где все живут как братья и пользуются всеми земными благами?

Макар нахмурился и сказал:

— Об этих островах моряки рассказывают разные сказки. Но кто знает, правда это или нет? Мне нет дела до этих островов, я ищу только такие места, где можно дешево достать крепких, здоровых рабов, чтобы потом их продать за хорошую цену. Ищу я также железо. Нам оно нужно, чтобы делать оружие, тогда мы будем иметь и золото. Какой же третий вопрос?

— Три года назад плотник Якир из Авали, отец этого мальчика, который здесь стоит,— старик указал на меня,— уехал на корабле вместе с другими сидонскими рабочими по требованию царя Хирама[2]. С тех пор об этом плотнике Якире не было никаких известий. Нельзя ли через твоих корабельщиков разузнать о том, кто его вез, где его высадили и жив он или нет?

После этого вопроса Макар почему-то задвигался в кресле, стал кашлять, и глаза его сделались колючими, полными гнева.

---

[1] Гребцы на судах вследствие напряженной работы обыкновенно не выживали более двух-трех лет.

[2] Хирам, царь Тира, посылал искусных рабочих царю Израильско-иудейского царства Соломону.

— Почему ты меня спрашиваешь? Разве я могу помнить всех путников, проезжавших на моих кораблях? Некоторые корабли погибли, попав в бурю, другие уплыли далеко и вернутся не скоро. Откуда я могу знать, где плотник Якир? Приехал ли он в Иерусалим или был на исчезнувшем корабле?

Тут я не удержался и стал плакать. Макар посмотрел очень сердито и сказал:

— Если ты, старик, хочешь узнать что-либо более точно, то поезжай в Яфо[1]. Через эту гавань направляются все путники в страну царя Соломона. В Яфо скоро приедет мой доверенный приказчик, по имени Маллух. Он всегда разъезжает вдоль побережья и, может быть, что-либо слышал. И, кроме того, он ищет лекаря, который вылечил бы его от болезни живота. А теперь довольно вопросов! У меня своих забот много. Ступайте!

Мы с Софэром вышли на улицу.

Я боялся, что в этом многолюдном Сидоне кто-нибудь уже успел отвязать и увести ослицу, но она стояла на том же месте и мирно жевала конец лежавшего перед ней каната.

Скоро мы разыскали Ам-Лайли и направились домой. Весь путь до нашего селения мы обдумывали и спорили, что нам делать дальше.

— Я поеду в Яфо,— решил Софэр.— Там я разыщу того управляющего Маллуха, о котором говорил купец Макар, и узнаю от него все, что нужно. Оттуда я вернусь обратно в Авали. Если бы ты отпустила со мной маленького Элисара, он помог бы мне в пути, так как я плохо вижу.

Ам-Лайли согласилась с предложением Софэра.

— С тобой, Софэр, я отпущу моего Эли. Ты его учишь, как родного бен-бена[2], и делаешь ему добро. Пускай он увидит другой город — может быть, это принесет ему пользу.

Накануне отъезда я и мои друзья собрались в шалаше за огородом. Гамалиель трижды бросил горсть песку через мое левое плечо, чтобы отогнать от меня опасности и неудачи. Все подняли большой палец для счастья и обещали навещать мою мать, беречь и не переманивать моих голубей и водить белую ослицу пастись вдоль канавы.

— А ты не отходи от старика Софэра,— говорили они мне,— и больше всего бойся тех иноземных купцов, которые торгуют детьми.

---

[1] Яфо — нынешний город Яффа в Палестине.

[2] Бен-бен — по-финикийски «внук».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГДЕ МНОГО ЗОЛОТА — МНОГО ПЕЧАЛИ

1. КОРАБЛЬ ПОШЕЛ ПО МОРЮ

Корабль находился в Сидоне и должен был выйти в море на рассвете. Поэтому мы с вечера уже были в городе на набережной Северной гавани, где приютились среди тюков, кувшинов и свернутых канатов. На столбе в большой каменной чаше горело земляное масло[1], освещая дрожащим светом дощатые сходни корабля. За ним теснились другие корабли, теряясь во мраке.

Ам-Лайли сидела около меня, завернувшись в белый шерстяной плащ. Я лежал, положив голову ей на колени. Софэр, обняв рукой свой полосатый мешок, дремал, вздрагивая по временам, и то и дело спрашивал:

— Не показалось ли солнце?

Я смотрел, как взад и вперед проходили темные фигуры носильщиков, тащивших на корабль тюки, и не мог дождаться, когда же нас впустят на корабль.

Невдалеке горел костер. Вокруг него сидели люди в странных одеждах, непохожие на наших авалинских рыбаков. Один из них рассказывал:

— Морскую корову можно вызвать из глубины моря, если в тихую погоду, когда нет ветра, сидеть на носу корабля, жалобно плакать и звать: «Малюточка, выйди ко мне, моя крошка». Она подплывет и высунет из воды свою тупоносую морду с длинными, как ножи, двумя передними зубами. Тут ты не зевай и скорее ударь ее гарпуном в глаз или в бок под левую лапу, а то она зубами схватит за край борта и перевернет корабль...

— Что ты рассказываешь про корову,— перебил другой голос.— Я вот своими глазами видел сказочный корабль,

---

[1] Земляное масло — нефть.

который свободно и без вреда погружается в морскую пучину, ныряет там, как утка, и снова всплывает на поверхность когда захочет. Это был корабль знаменитейшего из морских пиратов Лала-Зора, прозванного «Князем моря»...

— И ты его видел? И ты остался жив? Да из лап этого охотника за людьми не спасается никто!

— А я его не только видел, но и побывал на его сказочном, чудесном корабле...

— Рассказывай, только не завирайся! — воскликнули сидевшие у костра.

Я насторожил уши и подполз к ним ближе. Рассказчик продолжал:

— Вы не смотрите, что я калека, волочу ногу и плохо владею одной рукой. Не всегда это было так. Раньше я был лихой, сильный моряк и славился как лучший гарпунщик при охоте на китов...

— Не зовут ли тебя Ионой? — прервал один из слушателей и подмигнул другим.— Я слышал о пророке Ионе, которого проглотил кит, пожевал и выплюнул обратно. Не с тех ли пор ты сделался калекой?

— Меня зовут не Ионой, и я в пасти кита не побывал, но я был в жестких лапах зубастого Лала-Зора, а это пострашнее кита. Я служил тогда на кораблях иудейского царя Соломона, посланных в богатейшую страну Офир за золотом. Всего было сорок кораблей, и на каждом насчитывалось по сто моряков — всё наши смелые сыны Анат.

— И ты, конечно, был лучше всех?

— Вероятно, я не был плохим, если меня сделали гарпунщиком на переднем корабле. Командир эскадры гнался за Лала-Зором, а корабль этого «Князя моря» можно узнать издалека: у него красные паруса, выкрашенные драгоценной пурпурной сидонской краской[1]. Наш грозный командир был уверен, что Лала-Зор от него не ускользнет. Ветер стих, паруса обвисли, и наши суда подходили к разбойнику с двух сторон на веслах. Я был, как уже сказал, на переднем корабле, приготовив гарпун. Вдруг вижу: корабль Лала-Зора больше не движется. Красные паруса полощутся на слабом ветерке, и весла убраны. «Что за притча? — думаю.— Изменили Лала-Зору его молодцы? Не хотят ли выдать его живьем?» И вдруг паруса быстро свернулись, мачта плавно опустилась на корму, и все люки

[1] Финикия славилась изготовлением пурпурной краски, добываемой из раковин особой породы морских улиток.

закрылись крышками... А мы всё подплываем ближе: «Гарпун! — закричал с мостика кормчий.— Гарпун ему в бок, это рассеет колдовство!» А мы уже совсем близко, скоро сцепимся бортами. Я метнул гарпун, и он вонзился в корабль Лала-Зора, точно это был мягкий, живой бок дельфина. А конец веревки вдруг обвился вокруг меня, как змея.

— Колдовство! Явное колдовство! — воскликнули голоса.

— Верно, что колдовство,— продолжал рассказчик,— потому что на моих глазах корабль Лала-Зора вдруг погрузился носом в бурные волны и быстро стал уходить под воду и меня утащил с собой...

— Вот враль-то! — воскликнул кто-то.— Разве могут корабли с живыми людьми по своей воле всплывать или погружаться в морскую пучину? Этого нет и никогда не будет! Здравый рассудок нам говорит, что Ваал, Молох и другие великие боги так премудро устроили этот мир, что человек ходит по земле, рыба плавает под водой, а журавль, орел и другие птицы летают по воздуху...

— А разве Икар, сын искусного мастера Дедала, не летал по воздуху?

— Это все сказки.

— Не спорьте! Продолжай! Расскажи, видел ли ты Лала-Зора? Говорил ли с ним?

— Видел, и случилось это так...

Громкий окрик прервал разговоры:

— Кому на корабль? Идите по порядку, не толкайтесь на мостках!

Мать обняла меня так крепко, точно кто-то хотел меня оторвать от нее.

— Смотри, Эли, непременно разыщи отца и узнай, что с ним. А если он умер, то сходи на его могилу, поклонись ей и поставь одну чашку с кашей, другую с маслом. А затем не оставайся ни одного лишнего часа, торопи доброго Софэра-бобо скорее возвращаться домой. Да не подходи близко к борту корабля, а то упадешь в море...

— Чего ты боишься, Ам-Лайли, я же не маленький! Зато я увижу новую землю и проеду на большом настоящем корабле!

Я обнял ее, схватил свой мешок с лепешками и кувшин с молоком и вслед за Софэром пошел по мосткам на корабль. Мы не знали, куда пройти. Корабль раньше казал-

ся большим, пока строился, а теперь он был так завален разными тюками, что на нем было очень тесно. Мимо нас пробегали корабельщики, толкаясь и наступая на ноги.

— Э, да это знакомые: старый дуб с желудем! (Я узнал стройного моряка, который мне объяснял на берегу, как строят корабль.) И вы тоже едете? Куда? В Яфо? Ладно. Полезайте туда, наверх! — Он показал в угол корабля.

Старик с трудом пробрался наверх; мы растянулись на мешках, недалеко от площадки рулевых, и оттуда смотрели, что делается на корабле.

Перед нами сидели на одиннадцати скамьях полуголые гребцы с длинными волосами, обросшие косматыми бородами. Некоторые из них были прикованы за ногу. Одни дремали, прислонившись к борту, другие переговаривались грубыми голосами. Между ними посредине возвышалась толстая мачта, и на ней была прикреплена канатами поперечная балка с подобранным парусом. На корабле собралось много путников. Они сидели среди своих вещей, шумели, спорили и бранились.

— Готовься! — прогремел звучный голос. На площадке кормчего стоял знакомый моряк и, приставив медную трубу ко рту, выкрикивал приказания: — Снимай мостки!

Доски, которые вели на корабль, поползли на берег, подхваченные рабочими. Мне стало страшно и грустно, захотелось прыгнуть назад, на берег, где виднелся в тумане рассвета белый плащ Ам-Лайли.

— Отдавай причалы!

Два толстых каната, обмотанные вокруг столбов набережной, ослабли, плеснули по воде, их втащили на корабль. Моряки длинными шестами оттолкнулись от берега, и мы бесшумно двинулись вперед.

— Весла! — прозвучал голос кормчего.

— Весла! — повторил голос надсмотрщика.

Гребцы зашевелились, взмахнули веслами и опустили их на воду. Щелкнул бич, и раздался крик — это хлестнули одного гребца, который не успел вовремя опустить на воду весло.

— Вперед! Раз! Раз! Раз! — кричал надсмотрщик, стоя на мостике посредине между скамьями и выстукивая равномерно молотком по деревянной доске.

Гребцы, вцепившись в толстые рукоятки весел, приподнимались, откидывались назад, точно падая на спину,

затем грудью нажимали книзу бабки весел. Корабль ровно заскользил по темной тихой гавани Сидона.

Мы подплыли к узкому выходу в море, где на двух каменных столбах пылали дымные огни. Голос из темноты прогудел:

— Кто плывет?

— «Кокаб-Цафон»[1], владелец — Макар из Сидона,— отвечала труба кормчего.

— Проходите с миром! — ответил тот же голос.

Стражники, закутанные в темные плащи, с копьями в руках, равнодушно смотрели, как мы проплывали мимо каменных столбов.

Я оглянулся. Пристани уже не было видно. Впереди гудело бурное море.

Как только мы миновали каменные стены мола, нас окружил туман. Волны подхватили корабль и обдавали нас брызгами.

Небо за Ливанским хребтом быстро разгоралось, и, когда выглянуло солнце, клочья розового тумана поплыли над темно-лиловым морем и вскоре растаяли.

Я достал из мешка две лепешки и дал одну Софэру, но он отмахнулся, закрыл голову концом плаща и бормотал, указывая на море:

— Жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца. О свирепые волны, вы начали укачивать и мучить меня! Куда спокойнее ехать на ослице!

Я стал есть лепешку и заметил, что кто-то пристально смотрит на меня. Это был первый из гребцов, стройный, мускулистый, с длинными, до плеч, волосами, еще безбородый.

Вероятно, ему было всего лет восемнадцать. Улыбаясь, он глядел то на меня, то на лепешку. Гребец упорно, под стук молотка надсмотрщика, греб большим веслом, побрякивая цепью на одной ноге. Я спустился к нему и положил возле него на скамье пару лепешек. Продолжая грести одной рукой, он хотел другой взять хлеб. Но надсмотрщик концом бича хлестнул его по голой спине. Гребец только поморщился, весело подмигнул мне и продолжал грести. В это время раздался голос кормчего:

— Убрать весла!

Надсмотрщик громко повторил:

---

[1] Кокаб-Цафон — по-финикийски «Северная звезда».

— Убрать весла!

И все двадцать два гребца разом подняли весла кверху и сложили их вдоль борта. Они были уже мокры и вытирали пот, обильно стекавший по груди.

— Эвхаристе, эвхаристе![1] — говорил гребец, уплетая мои лепешки.

Другие гребцы горящими и жадными глазами смотрели на меня. Я принялся было развязывать мешок, но Софэр строго сказал мне:

— В дороге больше всего береги хлеб, сандалии и посох.

Я проскользнул вперед, на нос корабля, и оттуда стал наблюдать, как один корабельщик ловко взобрался по мачте наверх, прошел вдоль поперечного бруса и быстро распустил веревки, которые поддерживали свернутый наверху парус.

Клетчатое полотно паруса упало, надулось, и ветер погнал корабль. Качка уменьшилась, не стучали и не скрипели весла, только слышно было, как ветер гудит в снастях и всплески воды разбиваются о крутые бока корабля.

2. МЕШОК БЕЗ ХОЗЯИНА

Я растянулся на передней палубе[2] на носу корабля и смотрел в прозрачную зеленоватую глубину моря, где иногда мелькали голубые тени больших рыб.

Невдалеке лежало несколько путников; опустив головы на свои шерстяные мешки, затканные разноцветными узорами, они спали, утомленные целой ночью ожидания. Около них громоздились кожаные тюки и затянутые материей корзины, в которых обычно перевозят финики, смоквы и другие плоды.

Поблизости лежал путник, покрытый абаем[3], из-под которого виднелись две загорелые ноги; на одной, пониже колена, выделялся белый косой шрам. Я свернулся, прищурив глаза от яркого солнца; мне видно было горбоносое лицо незнакомца.

Вдруг один его глаз приоткрылся, посмотрел в мою сторону и закрылся опять. Незнакомец не спал, а только

---

[1] Эвхаристе — по-гречески означает «благодарю».

[2] Финикийские корабли в древнейшие времена имели палубы около носа корабля и около кормы. Середина корабля была открытая.

[3] Абай — широкий финикийский шерстяной плащ с белыми и черными полосами.

притворялся спящим. Я повернулся на другой бок и стал глядеть на берег нашей Сидонской страны.

В туманной дали, точно гребень громадного дракона, тянулся Ливанский хребет, и высоко в небо уходили его голые розоватые каменные вершины. Поросшие лесом отроги гор подползали к самому морю. Кое-где над садами подымались одинокие пальмы, и ветер раскачивал их перистые верхушки.

Я перевел взгляд опять на палубу корабля. Меня поразило, что один большой кожаный мешок как-то зашевелился. Посредине образовалась дыра, которая все увеличивалась, и наконец сквозь нее просунулась тонкая рука. Эта рука мне показалась знакомой — на ней были рыжие веснушки. Рука протянулась к соседней корзине, осторожно отодрала и приподняла край пришитого покрывала и стала оттуда перетаскивать к себе в мешок спелые смоквы. Потом эта рука остановилась и стала делать мне какие-то знаки.

Как же мне было не узнать этой руки? В ней обычно находилась редька, а то и две. Но как Гамалиель попал на корабль, да еще в кожаный мешок? Потом вдруг рука исчезла, и мешок сделался опять неподвижным. Я услышал, как за моей спиной путник зашевелился и заговорил с соседом.

Я встал, прошел по кораблю мимо отдыхавших гребцов и поднялся на площадку, где должен был стоять кормчий. Он полулежал на коврике, а на его месте стоял один из корабельщиков и отдавал приказания рулевым. Опустившись на колени на краю коврика, я ждал, чтобы кормчий заговорил со мной. Его спокойные глаза смотрели вдаль. В ухе блестела маленькая медная сережка. На шее висела бронзовая цепочка с зеленым камнем, который приносит здоровье.

Я кашлянул, чтобы привлечь его внимание.

— Акулу видел? — спросил он, не поворачивая головы.— Смотри туда: видишь, по воде скользит ее косое перо?

Я посмотрел, куда указывал моряк, и на блестящей от солнца поверхности воды увидел косой темный плавник морского чудовища.

— Она идет за нами по пятам от самого Сидона,— сказал кормчий,— и все надеется, что кто-нибудь умрет и его выбросят за борт...

— А я пришел сказать,— прервал я моряка,— что здесь на корабле в мешке спрятан один наш мальчик из Авали.

Кормчий приподнялся и строго посмотрел на меня.

— Смотри говори правду!

— Взгляни сам! Может быть, его украли, чтобы продать в рабство.

— Пойдем, покажи мне!

Кормчий спустился по лесенке, и мы пробрались на нос корабля. Кожаный мешок теперь отодвинулся в сторону и лежал около самого борта.

Кормчий нагнулся над мешком, толкнул ногой и стал ощупывать толстую воловью кожу.

— Чей это мешок? — обратился он к лежавшим в разных положениях путникам.— Чей мешок, я спрашиваю?

Лежавшие поворачивались, подымались, некоторые подошли к мешку, но никто не признавал его своим.

— Разбудите-ка еще тех молодцов! — указал кормчий на людей, среди которых лежал путник со шрамом на ноге.

Их растолкали. Человек со шрамом на ноге, притворно зевая и усердно протирая глаза, отвечал:

— Не знаем, не знаем мы этого мешка. Зачем напрасно будите?

Тогда кормчий разрезал ремешки, которыми были затянуты края мешка. Оттуда показалась взъерошенная голова Гамалиеля, а потом вылез и он сам. Он держал в руке несколько смокв.

— Ты как сюда попал? — спросил кормчий.

Гамалиель замычал в ответ и показал лицом и руками, что он немой и не может говорить.

— Это наш авалинский мальчик, сын рыбака,— сказал я и закричал:— Гамалиель, косой заяц, да говори же ты!

Он бросился ко мне и стал шептать мне на ухо:

— Не могу я говорить. Те люди, которые меня схватили и засунули в этот мешок, мне приказали молчать, о чем бы меня ни спрашивали. Иначе они меня выпотрошат, как куренка.

Гамалиель зажал рот ладонью и, со страхом оглянувшись кругом, снова стал мычать, трясти головой и больше не отвечал на вопросы.

— Ну-ка, пойдем со мной к управителю корабля,— сказал кормчий, взяв Гамалиеля за руку.

Под площадкой на корме была устроена маленькая

каюта с окошком, затянутым пестрой занавеской. Оттуда выглянул старый человек. Кормчий рассказал, в чем дело. Управляющий кораблем пропищал в окошко:

— Я сюда поставлен нашим хозяином Макаром, чтобы ничего на корабле не пропало и чтобы богатства Макара росли и множились. Если мешок не имеет владельца и найден на корабле моего хозяина, значит, он будет принадлежать ему. Хитрый мальчишка не хочет говорить, потому что он лгун и обманщик и хотел проехать даром. В наказание за обман мальчик тоже станет рабом Макара.

Тут Гамалиель вытаращил глаза и завопил:

— Я сын свободного сидонского рыбака! Мы никогда рабами не были, и я тоже не хочу быть рабом!

— Я так сказал, и так будет! Кормчий Бен-Кадех, держи его около себя, а если он захочет убежать, надень ему на шею деревянную колодку.

Управитель задернул занавеску, и оттуда послышался его тонкий, визгливый кашель.

Кормчий взял за руку Гамалиеля и пошел с ним наверх, на площадку. Гамалиель не упирался, перестал плакать, почесал затылок и еще больше растрепал свои вихры.

— Как только за мной станут меньше смотреть, я убегу,— шепнул он мне.

Мы с Гамалиелем сели. Кормчий стоял, расставив ноги. Лицо его было угрюмо, и он не глядел на нас. Про себя я бранил его за то, что он не хочет помочь Гамалиелю. Вдруг мой товарищ воскликнул:

— Смотри, Эли, на эти лодки! Здесь ведь ловят рыбу наши авалинские рыбаки.

Стая черных лодок широко рассыпалась по морю. Рыбаки тянули и выбирали в лодки длинный невод. Рыба, застрявшая в петлях сетей, сверкала серебряными искрами.

— Эли, берегись человека со шрамом! — крикнул Гамалиель, вскочил на борт корабля и спрыгнул в воду.

Быстро поплыл он к лодкам. Он плавал хорошо, как сын рыбака. Но до лодок было не близко.

На ближайшей я узнал старого рыбака Месуллама, его трех сыновей — Харима, Элама и Асура. Только бы Гамалиель доплыл до них — они уж никому не отдадут его!

Кормчий сделался грозным и страшным. Схватив трубу, он закричал:

— Скорее весла! Спустить парус!

Надсмотрщик гребцов повторил его крик. Защелкал бич, будя заснувших гребцов, и двадцать два тяжелых весла ударили по воде. Завизжал деревянный блок, и перекладина с парусом плавно скользнула вниз.

— Правой назад, левой вперед! — кричал кормчий.

Гребцы напряглись. Правые, вскочив, изо всех сил гребли веслами назад, левые нажимали вперед, и корабль, сдерживая бег, повернулся и направил нос в сторону Гамалиеля.

Кормчий, пригнувшись, стоял, как хищный зверь, готовый прыгнуть. В руке он держал тяжелый гарпун с острым крюком на конце. Неужели он так предан хозяину, что хочет пронзить гарпуном худенькую спину Гамалиеля? Мой товарищ, извиваясь, как угорь, плыл вперед, иногда оглядывался и старался скорее отдалиться от корабля.

— Весла вперед! — кричал кормчий.

Корабль дрогнул под ударами весел и усилил ход. Мы уже были недалеко от Гамалиеля. Я видел ясно его мокрые, слипшиеся волосы и как он сплевывал воду, попадавшую ему в рот.

Тут я заметил невдалеке от Гамалиеля блестящий черный плавник акулы. Он несся по воде, как нож, чертя за собой пенящуюся полосу. Сейчас чудовище приблизится, повернется брюхом кверху и острыми зубами схватит добычу. В прозрачной зеленоватой воде затемнело коричневое туловище акулы, засветилось ее белое брюхо с темными пятнами. В это время, со свистом рассекая воздух, пронесся тяжелый гарпун, брошенный уверенной рукой кормчего, и впился в толстый живот акулы. Она сделала громадный прыжок. Ее хвост взметнулся, и она скользнула мордой вниз, желая скрыться в темной глубине моря. Но крепкая крученая веревка, привязанная к гарпуну, натянулась, как струна, и удержала чудовище. Темно-красной кровью замутилась вода.

— Правой назад, левой вперед! — загремел голос кормчего.

Опять запенилась вода под веслами гребцов, опять повернулся корабль.

— Подымай парус! Убирай весла!

Перекладина с парусом опять поднялась к вершине мачты, полотно наполнилось ветром.

— Жирная свинья! — со смехом сказал кормчий, грозя

кулаком акуле.— Теперь целую неделю ты будешь кормить своим салом наших гребцов.

Мне видно было, как седая борода рыбака Месуллама склонилась над водой: с одним из сыновей он втаскивал в лодку тощего Гамалиеля. Рыбаки что-то кричали, а наш корабль, подгоняемый ветром, уже несся прочь от авалинских лодок.

Шесть корабельщиков подтягивали еще живую акулу, а двое стояли с поднятыми тяжелыми железными топорами, чтобы добить ее.

3. ВДОЛЬ ФИНИКИЙСКОГО БЕРЕГА

Наш корабль был хорошо построен: он быстро шел, обгоняя другие крутобокие корабли, легко слушался рулевых весел, плавно поворачиваясь туда, куда нужно было кормчему.

Мы плыли на юг вдоль берега. Останавливались около большого селения Сарепта. Затем миновали богатый город Тир.

— Стены его выше и крепче сидонских,— сказал Бен-Кадех.— В его гавани тоже есть узкий вход, который на ночь загораживается крепкими цепями.

Миновали большие селения: Ахзип, Акка и Дор. Впереди был город Яфо, где мы постараемся узнать у какого-то Маллуха о судьбе отца.

Корабль сделал три остановки: южнее Белого мыса, близ городка Дора и около устья речки Фалик. В небольших гаванях было тихо, и корабль не качало. Путники перебирались на берег, разводили костры и варили еду. Некоторым гребцам тоже разрешали сходить на берег. Они варили в большом котле куски акулы с луком и чесноком и потом относили еду гребцам, которые оставались на корабле. Прикованные к скамьям стучали веслами и требовали, чтобы их также отпустили на берег. Надсмотрщик издали бранил их и щелкал плетью.

Все корабельщики на ночь вооружались копьями и прицепляли к поясам широкие мечи. Опасались они нападения или бегства гребцов — не знаю, но неподвижные фигуры часовых стояли на страже: один на площадке кормчего, а другой — на носу корабля.

Каждую ночь Софэр привязывал к своей руке конец моего шерстяного пояса. Но раза два, пока Софэр спал,

я отвязывал пояс и бегал на берег послушать рассказы путников о приключениях в далеких странах.

Корабль подходил к Яфо.

Последние клочья утреннего тумана убегали вдаль и таяли в лучах солнца. Большие валы катились по морю и расшибались в белую пену, ударяясь о темную гряду скалистых рифов.

Как же проскочить через эти рифы, где вода бурлит и пенится, готовая все разбить в щепки?

А за рифами виднелся Яфо — маленький городок, окруженный зубчатой стеной. Его домики, белые и желтые, как будто взгромоздились один на другой на склоне желтого каменного холма.

Позади рифов, у самого берега, покачивалось несколько кораблей. Множество бревен лежало на песчаных отмелях, и люди по пояс в воде перетаскивали их на берег. Эти бревна привезены были из Сидона для дворцов царя Соломона.

Узкие лодки с высоко поднятым носом и кормой окружили наш корабль и заплясали над прозрачной бездной моря. Загорелые полуголые лодочники кричали путникам, предлагая свезти их на берег.

Управляющий кораблем, пошатываясь и скривив заспанное лицо, вышел на палубу, одетый в нарядную малиновую одежду с золотой бахромой и украшенный дорогими перстнями и золотыми браслетами на пухлых руках. Он с озабоченным видом приказывал кормчему:

— Подъезжай к самому берегу! Веди корабль осторожнее через рифы...

Бен-Кадех грубо оборвал его:

— Ты мешаешь мне! Я сам знаю свое дело. Ведай грузами, а не командуй. Если ты будешь вмешиваться, корабль сядет на камни, как перевернутая черепаха.

Бен-Кадех стоял на площадке, уверенный и спокойный, и все гребцы глядели на него, ожидая движения его руки. Парус был спущен, весла вспенили воду, и корабль понесся на рифы. Когда мы к ним приблизились, могучий вал подхватил корабль и перебросил его через черные камни прямо в тихую бухту. Здесь корабль пристал к отмели, корабельщики прикрепили его канатами к скале и спустили лесенку. Первым сошел управляющий. Когда он ступил на твердую землю, ему подали чашу с вином. Он плеснул вина на землю и выпил остальное. Затем поднял руки кверху, благодаря бога Ваала за то, что он спас его от всех страшных опасностей моря. Он позабыл только поблагода-

рить кормчего Бен-Кадеха, который построил такой хороший корабль и умел вести его по бурным волнам. Софэр подошел к управляющему:

— Я весь путь от Сидона ехал с тобой на корабле и не знал твоего имени...

Управляющий вытянул губу и растопырил все пальцы, сверкавшие драгоценными камнями.

— Разве ты никогда не слыхал о Маллухе, главном управителе сидонского купца Макара, у которого тысяча золотых слитков?

Софэр воскликнул:

— Но ведь я нарочно приехал сюда в Яфо, чтобы повидать тебя, о Маллух Великолепный! Меня к тебе послал твой хозяин Макар, и он сказал, что я как лекарь могу помочь тебе. Мне нужно разыскать одного сидонца — плотника, по имени Якир, отца этого мальчика, и только ты можешь помочь мне в этом.

— Могу ли я помнить всех муравьев, которые проползли передо мной по дороге? Могу ли я помнить имена всех рабочих, которые проехали через Яфо? Все они отправились по приказу царя Хирама — да будет он всегда жив, здоров и невредим! Впрочем, я сейчас еду в Иерусалим. Отправляйся туда же, и там уж ты все узнаешь. Разыщи мой дом — всякий укажет дом сидонца Маллуха. И не забудь взять с собой все лекарства против болезни живота — может быть, ты вылечишь меня.

Маллух подошел к серому мулу, нарядно убранному лентами и колокольчиками. Слуги подняли и посадили его на мягкие подушки, укрепленные ремнями на спине животного. Окруженный множеством людей, прибывших встречать его, Маллух поехал к городским воротам Яфо. Впереди него шли два скорохода, разгоняя палками встречных. Они кричали:

— Дайте дорогу блистающей светлости Маллуха Великолепного!

Софэр торговался с поселянами, обернутыми в дырявые полосатые абаи. Они тащили осликов и предлагали отвезти нас обоих до самого Иерусалима. Дешевле всех просил один поселянин, имевший двух больших, но очень тощих ослов, которые, по его словам, были сильны, как верблюды, и быстры, как олени. Софэр сел на одного осла, на другого навьючили наши мешки. Я пошел рядом, а погонщик ударял хворостиной ослов и покрикивал:

— Ну, ну, красавчики, скорей вперед! Скорей пройдете — скорей вернетесь!

Погонщика звали Хасабия. Он повел нас на площадь около городских ворот, где собирались путники, идущие в Иерусалим.

— Одним нельзя ехать,— сказал он.— Нападут разбойники, отберут моих ослов, снимут последнюю одежду, потопчут ногами и бросят в поле. Надо подождать, когда будет много людей и придут воины.

На площади собрались путники, пешие и на конях. Все ждали прихода воинов. Они вскоре пришли и пригнали целую толпу поселян, истощенных и оборванных. Поселяне бранились и кричали воинам:

— Зачем вы нас увели с полей? Нам надо собирать жатву. Кто за нас будет работать?

— Идите, идите! — отвечали воины и толкали их копьями.— Не мы виноваты, что гоним вас. Царь Соломон строит храм и дворцы. Ему нужны работники — каменотесы и землекопы. Его право делать с вами все, что он захочет.

Но поселяне отвечали:

— Какое это право? Царь сгоняет наших сыновей и заставляет бежать перед его колесницей, бесплатно пахать его пашню и собирать ему жатву. И дочерей наших также принуждает растирать ему благовонные мази, готовить еду для слуг его. Он отнимает лучших быков, ослов и овец, так что все мы стали нищими, а утешителя у нас нет...

Воины направили острия копий на поселян, труба зазвучала, и весь караван в клубах пыли, с шумом и криком тронулся в путь. Погонщик Хасабия шепотом объяснял:

— В Иерусалиме правит страной мудрый царь Соломон. У него тысяча жен, и он строит каждой жене по дворцу. Надо их разместить со всеми их служанками, каждую в отдельном доме, чтобы они не ссорились, а мы, поселяне, всех их кормим, и нам остается только голод.

В городских воротах стояли стражники, и каждый проходивший мимо должен был им отдать что-нибудь: кусок хлеба или луковицу.

Потянулись зеленые сады, где сквозь запыленную листву желтели «золотые яблоки»[1]. Затем раскинулись привольные луга, где паслись стада царя Соломона[2]. Далее тоскливо желтела раскаленная каменистая равнина. Иногда попадались посевы поселян и низкие, сложенные из камней их закоптелые хижины.

---

[1] «Золотыми яблоками» в древности назывались апельсины.

[2] Эти Саронские луга, знаменитые в древности плодородием и цветами, теперь обратились в раскаленную пустыню.

Вдоль пути иногда встречались башни, окруженные земляным валом. На верхних площадках стояли воины и, приложив руку к глазам, смотрели, пока мы проходили мимо.

— Здесь бродят шайки разбойников — это все поселяне, убежавшие от царского гнета,— объяснял погонщик.— Поэтому для охраны караванов царь Соломон вместе с царем тирским Хирамом поставил по дорогам отряды воинов. Но сами воины обирают путников не меньше, чем разбойники. И опять утешителя у нас нет...

К вечеру караван остановился на берегу небольшого ручья, около крепости «Горло ущелья»[1]. Воины заняли посты вокруг лагеря, и всю ночь я слышал оклики часовых и вой шакалов. Мне не спалось. Я смотрел на небо, усеянное звездами, и мечтал, что на другой день встречу отца.

После «Горла ущелья» дорога поднялась в гору, она змеилась среди глубоких оврагов. По склонам гор попадались рощи маслин. Когда мы достигли перевала на горе Самуила, все закричали:

— Вот город мудрого царя Соломона!

4. ГОРОД ЗОЛОТА И СЛЕЗ

Я увидел долину, посреди которой возвышалось несколько холмов. На первом, ближайшем, расположилась деревушка с такими же бедными, как у нас, хижинами. Крыши были одни плоские, другие круглые, как пол-яблока. Кое-где между хижинами подымались одинокие деревья.

За деревушкой тянулся глубокий овраг, и за ним, на втором холме, виднелся красивый белый городок, окруженный высокой зубчатой стеной. На стенах возвышались четырехугольные башни. В середине города, на площади, виднелось несколько больших красивых зданий; на одном крыша блестела, как золотая.

Путники говорили, что это дворцы и храмы царя Соломона. Софэр указал на город:

— Ты видишь, что здесь для человека дано все, чтобы он мог жить не нуждаясь. Но одни хотят иметь больше, чем другие, и отнимают у поселянина его последний хлеб

---

[1] Теперь это место имеет то же название: «Баб-аль-Вад».

и единственную овцу, а затем строят эти стены и башни, чтобы хранить награбленное. О город слез и крови!

Наш караван спустился в долину. Когда мы дошли до Яфских городских ворот[1], караван остановился. Вооруженные стражники обошли всех путников и получили с каждого подачку за право входа в город.

— Разве не мудр царь Соломон? — сказал наш проводник.— Он стрижет шерсть и со своих и с чужих баранов.

Около ворот под навесами сидело множество продавцов. Перед ними на лотках лежали вареная требуха и лепешки, так что можно было поесть вдоволь, лишь бы было чем заплатить.

Софэр заплатил стражникам за нас троих, и мы двинулись через большие каменные ворота в город.

Погонщик повел нас по узким шумным улицам в караван-сарай — широкий двор, окруженный с четырех сторон каменными пристройками с рядом одинаковых ниш. В каждой нише можно было разводить огонь. Дым уходил через отверстие в сводчатом потолке.

Весь двор заполнили верблюды и другие вьючные животные, пришедшие с караванами. Почти во всех нишах у костров сидели путники и варили пищу.

Мы нашли свободную нишу, сложили там наши мешки; Хасабия привязал к столбу ослов и насыпал им рубленой соломы. Он обещал никуда не отходить и стеречь вещи, а Софэр, взяв несколько бутылочек с лекарствами, пошел со мной в город.

Улицы были такие же, как в Сидоне,— узкие, полные людей, прибывших из неведомых мне стран. Иногда попадалась разукрашенная колесница; в ней сидел важный человек, и слуга держал над ним пестрый зонтик.

Наш путь перегородила каменная стена с воротами, возле которых сидели воины и играли в кости. Расспросив, к кому мы идем, воины пропустили нас дальше. Мы попали на узкую площадку, окруженную красивыми, искусно построенными из камней домами. Один дом, выше и больше других, был сделан из гладко обтесанных светлых камней; в стенах были вырезаны три ряда окон с пестрыми занавесками и деревянными решетками. Крыша на нем была медная, блестевшая, как золото.

Это были знаменитые храм и дворцы царя. Здесь все были заняты постройкой. Рабочие тащили на деревянных

---

[1] От этих ворот дорога шла на запад, к Яфо и морскому побережью.

катках глыбы камня, разбивали, ломали скалистую почву, клали обтесанные плиты и замазывали их известью.

Софэр качал головой и шептал:

— Сколько таких же людей, как твой отец Якир, сложили свои кости на постройке дворцов царя Соломона!

Я отвел Софэра в сторону. Навстречу мерными шагами шли несколько воинов с копьями, в блестящих медных шлемах. Четыре рослых эфиопа несли разукрашенные золотом носилки. В них возлежал человек с черной седеющей бородой и длинными вьющимися волосами. На его голове был золотой обруч. Рядом с носилками шел мальчик моих лет, одетый, как воин; все вооружение — медный шлем, блестящий панцирь на груди и меч — было настоящее, но маленького размера.

Человек в носилках пристально оглядел Софэра, сделал знак рукой, украшенной браслетами, и носильщики остановились.

— Кто ты, старик, и откуда прибыл?

Пурпурная одежда с золотыми полосками и почтительное молчание спутников показывали, что в носилках был очень знатный человек.

Я, подражая Софэру, тоже скрестил руки на груди и поклонился до земли. Софэр ответил:

— Мои глаза плохо видят. Я не могу узнать, кто говорит со мною. Поэтому прости, если я не могу воздать тебе того почета, которого ты, наверное, заслуживаешь. Я Софэр-рафа, странник и лекарь, излечивающий болезни и страдания людей. Я учился у вавилонских мудрецов, бактрийских мобедов[1] и индийских магов. Я перехожу из страны в страну и ищу места, где счастливо живут люди.

— И что же? Видел ли ты страны и народы, которые живут, не зная горя и страдания? — Глаза человека в носилках прищурились и глядели с насмешкой.

Чернокожие слуги утирали руками пот со лба.

Софэр сказал:

— Я видел всякие страдания и слезы угнетенных, а утешителя у них не было, ибо в руке угнетателей их сила, и бичами они объявляют волю свою.

Мальчик в панцире взмахнул своим маленьким мечом и закричал:

— Их мало бьют, а эти грязные поселяне все еще

---

[1] Мобеды — ученые жрецы и лекари у бактрийцев и согдийцев — народов, живших в нынешней Средней Азии и поклонявшихся огню.

смеют кричать и жаловаться! Если мой отец Соломон наказывал их бичами, то я буду стегать их скорпионами!

Окружающие всплеснули руками и заговорили:

— Сколько силы и смелости в юном царевиче!

— Из него вырастет грозный царь! Слава ему!

Человек в носилках сказал:

— Сын мой Ровоам, вложи меч твой в ножны. Ты его вынешь потом, когда тебе придется охранять сокровища царства твоего.

Затем он снова обратился к Софэру:

— Неужели ты не нашел счастливых людей здесь, в стране царя Соломона? Смотри, какими прекрасными зданиями украшена столица, какие высокие стены ее охраняют! Разве не прекратились войны с соседними народами и длинные караваны не проходят через эту страну? Разве ты не видишь, как богатства ее умножаются?

Лицо Софэра загорелось гневом:

— У одних житницы наполняются до избытка пшеницей и ячменем и точила[1] налиты до краев новым вином, а другие не знают, чем накормить плачущих детей своих, когда сборщики податей у них отнимают последнюю горсть муки.

Человек в носилках повернулся к старику в полосатом абае и сказал вполголоса:

— Иосафат бен-Ахилуд[2], ты сегодня впишешь эту беседу с иноземным путником в книгу описания царствования моего. А тебе, Софэр-рафа, я скажу: все стенания и все слезы угнетенных — это суета сует, все суета. За все им сторицей заплатится на другом свете. Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя пересчитать. Кому суждено быть бедным, тому не придется быть богатым. Раб должен терпеливо работать на господина своего, иначе кто же вспашет поле богатого хозяина? Все суета сует и всяческая суета!

Человек в носилках подал знак рукой, и эфиопы ровным шагом двинулись вперед.

— Ты, конечно, понял, что это был сам царь Соломон,— сказал Софэр.— Заметил ли ты золотой венец на его голове? Но где его мудрость? Он строит здания для

---

[1] Точило — большая деревянная или глиняная кадка, в которой из винограда приготовляют вино.

[2] Иосафат бен-Ахилуд — летописец царя Соломона, прославлявший все его действия.

себя и жен своих, караваны проходят из конца в конец через страну Израиля, из Египта в Вавилон и обратно. А заметил ли ты, как горят от голода глаза у поселян, как глубоко запали их щеки, как оборвана одежда? Разве ты не видел детей, покрытых струпьями, которые от рождения никогда не были сыты? Подвалы дома царского все больше наполняются золотом, слитками меди и серебра, но все более слабеют люди, работающие на его полях. Услыхав о царских богатствах, придут воины других народов, и тогда некому будет защитить родную страну. Чужестранцы разрушат дворцы царя, прославленного мудрым, и заберут его золото и богатства его, а всех жителей продадут в рабство. Где же мудрость? В такой мудрости таится много печали, и чем больше хвалят мудрость царя, тем больше льется слез у работающих на него...

И Софэр грустно покачал седою головой.

Мы вышли с царского двора, прошли на шумную базарную площадь, побывали у «Рыбных ворот», где продавалась сидонская соленая рыба, и в «Плотничьей долине», и в «Суконном поле», обошли всех сидонских и тирских купцов, расспрашивали десятников и строителей зданий, не слыхал ли кто про плотника Якира. «Не привелось нам ни видеть его, ни слышать о нем»,— отвечали все.

Но один купец, торговавший янтарем и другими сокровищами моря, услышав наш разговор, воскликнул:

— Постойте! Мне говорили про «заклятье Якира»! Не он ли это? Сюда прибыл карийский князь Илла-Цар. Он был покрыт ранами и очень страдал от них. Какой-то торговец лекарствами продал ему талисман от болезней, который был с заклятием Якира-сидонца, увезенного в далекие страны. Разыщите князя карийского и попросите его показать вам талисман Якира. Я слышал, что этот знатный князь остановился в доме Маллуха Великолепного.

5. «ПРОЧТИ И ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ»

Когда мы разыскали дом Маллуха, нас сейчас же провели во внутреннюю комнату. Слуга эфиоп сказал, чтобы мы не делали шума, и удалился. Из-за занавески вышел Маллух и, приложив палец к губам, поманил нас к себе.

Мы прошли в следующую комнату. Там на постели лежал человек с суровым лицом, изборожденным морщинами. Седые волосы разметались по малиновой подушке. Он был без памяти, и лихорадка трясла его. Иногда он громко кричал, как будто управлял кораблем:

— Крепите парус! Не бойтесь бури, она родная сестра наша! Готовьте топоры!

Когда больной немного успокоился, Софэр сел около него, ощупал руку и расстегнул богатую пурпурную одежду. Грудь больного была испещрена странными рисунками и багровыми шрамами от ударов мечей.

Вдруг больной захрипел, стал задыхаться, глаза выкатились на лоб. Он сорвал с золотого ожерелья мешочек и бросил в сторону.

— Он душит меня, тянет ко дну! Дайте мой топор! Я тону, бросайте мне канат...

Софэр схватил чашу и надрезал ножом плечо больного. Когда чаша наполнилась кровью, Софэр туго перевязал руку тонкой тканью и влил больному в рот лекарство из своего стеклянного пузырька. Больной сильно вздохнул, открыл глаза и уставился на Софэра.

— Смерть уже веет черными крылами надо мною. Буду ли я еще жить?

— Успокойся,— ответил Софэр.— Ты сделан крепко и прочно — для долгой жизни, для борьбы с сильными бурями. Будь осторожен в гневе, умерен в пиршестве и благоразумен в поступках.

— Ты вернул мне жизнь, старик, а я уже видел себя на дне моря и как будто громадный осьминог хотел пожрать меня. Если тебе нужна будет моя помощь, князь Илла-Цар всегда отблагодарит тебя...— Он закрыл глаза и стал засыпать, иногда тревожно вскрикивая.

Я наклонился и поднял разорванный мешочек и выпавшую из него тонкую скрученную медную пластинку. Она вся была исписана мелкими буквами. Я настолько уже умел читать, что разобрал строку:

«Прочти и передай другому».

Маллух, увидав мешочек у меня в руках, сказал:

— Это талисман против ста одной болезни. Но он принес несчастье моему гостю. С тех пор как мой почтенный друг надел его, он еще больше хворает. Ты, мальчик, не играй талисманом, а не то тоже протянешь ноги. Дай его

понюхать собаке и затем, помолясь Мелькарту[1], закопай в землю.

Маллух не хотел отпускать Софэра, требуя, чтобы тот лечил его. Старик настаивал:

— Я стар и слаб. Дай мне до утра отдохнуть и собраться с силами.

Мы вернулись в караван-сарай. Усевшись около костра, я передал талисман Софэру. Старик вынул свое увеличивающее стекло и стал читать. Вдруг он заволновался, заохал, закашлял и шепотом сказал:

— Сделай ухо внимательным к словам моим, не кричи и не смейся. Слушай, что я прочту тебе.

Водя пальцем по пластинке, он стал разбирать нацарапанные буквы:

— «Прочти и передай другому. Да услышит тот, кому нужно.

Всякий, у кого есть близкий, попавший в беду, поймет меня и мое горе.

Сыны Анат, услыхав мою мольбу, постарайтесь помочь мне. Я сидонец, плотник Якир из селения Авали, славного моряками. Я был послан царем Хирамом тирским вместе с сидонскими рабочими к царю Соломону в Иерусалим. Но по пути наш корабль повернул в открытое море и приблизился к неизвестному острову с высокой скалой, на которой растет одинокий кедр с обломанной верхушкой. Здесь нас захватила шайка морского разбойника Лала-Зора. Всех отправили в разные стороны, чтобы продать в рабство. Меня пересадили на корабль, который плыл за столбы Мелькарта. Прибыв в страну Канар[2], против Счастливых островов, корабельщики обменяли меня на золотой песок, которого много в этой стране. Я теперь в цепях, исполняю тяжелые работы. Царь страны Канар заставляет меня изготовлять ножи, мечи и топоры и работать на постройке дворца. Народ Канара дикий, живет, как зверь в лесу. Это письмо я пишу на пластинке из меди и передам корабельщикам. Кто прочтет его, пусть скажет моим землякам-сидонцам, чтобы они спасли меня из тяжелого плена. Да сохранит всемогущий Ваал носителя этого талисмана от несчастий и внезапной смерти! А что будет дальше, о том

---

[1] Мелькарт — бог солнца у древних финикийцев, считавшийся покровителем карфагенян. (Мелькарт — дословно Царь города, бог-покровитель каждого финикийского города, мыслился солнечным божеством; дополнение *А. И. Немировского*).

[2] Канар — древнее название легендарной страны в северо-западной Африке.

знает только блистающий на небе Ваал, да прославится имя его».

Я дрожал, потрясенный этим письмом.

Софэр посмотрел на меня сверкающими глазами, положил мне руку на голову и спросил:

— Что же ты, Элисар, думаешь об этом письме, написанном на медном талисмане? И что́ бы ты хотел сделать?

Я не знал, плакать мне или смеяться.

— Я хочу сделаться моряком, чтобы поехать в страну Канар и спасти моего отца,— ответил я.

Софэр обхватил свою голову руками и долго сидел неподвижно, глядя на потрескивающий костер. Наши два осла мирно жевали рубленую солому. Погонщик спал.

Наконец Софэр сказал:

— Нам нужно вернуться в Сидон и все рассказать твоей матери Ам-Лайли. Я пойду к самому царю сидонскому и буду просить его, чтобы он послал корабль в страну Канар и выкупил из плена своего сидонца. Отсюда, из Иерусалима, мы должны уехать как можно скорей, иначе всесильный Маллух нас задержит и заставит лечить его живот.

Софэр достал из своего мешка свиток и стал рассматривать через стекло. Я не раз прежде уже видел этот свиток. Там были нарисованы: земля, похожая на распластанный плащ, на ней горы и реки, моря и острова. Софэр водил пальцем, покачивал головой и бормотал:

— Где же страна Канар? Где Счастливые острова?

Я с трудом боролся со сном, глаза слипались. Ночь становилась холоднее. Я поворачивался то на один бок, то на другой, грея теплом от костра то грудь, то спину. Откуда-то, точно издалека, до меня долетали слова Софэра:

— Опять, Софэр-рафа, ты отправишься в скитания, как твой друг мудрец Сунханиафон карфагенский[1], и выпьешь до дна из чаши горести... Спи, бен-бен, спи...

---

[1] Сунханиафон карфагенский — финикийский жрец из города Берита (Бейрута); его считали автором поэмы о сотворении мира (XI в. до н. э). (*Прим. А. И. Немировского.*)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛАЛА-ЗОР, ГРОЗА МОРЕЙ

1. СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА БРОДИТ ПО НЕБУ

Мы отправились в обратный путь очень рано, когда город еще спал, торговые ряды были закрыты, улицы закутаны в темно-лиловые тени, только вершина далекой горы стала розовой, предвещая рассвет. По улицам бродили стаями голодные собаки; они бросались в сторону, когда мы проезжали.

Городские ворота были уже открыты, и за ними собирались шумной толпой путники. Тяжелыми шагами подходили двугорбые верблюды, нагруженные длинными мешками с зерном, кувшинами с оливковым маслом. Это был караван царя Соломона, который вез плату царю тирскому Хираму за то, что тот прислал мастеров и рабочих.

С этим караваном можно было ехать без опасения, что нападут разбойники: его охраняли всадники на горячих конях, покрытых шкурами леопардов. Всадники скакали по дороге, кружили, подбрасывали в воздух копья и кричали:

— Скорей вперед, тихоходы!

Мы двинулись быстро. Наши ослы за время пути стали бодрее, потому что Софэр покупал для них ячмень.

На другой день к вечеру мы уже были в Яфо. Издали я увидел стройную мачту нашего корабля «Кокаб-Цафон». Он покачивался в открытом море позади рифов, вдали от берега.

Мы уселись в лодку перевозчика и направились к кораблю. Лодочник умело провел лодку через рифы, но попасть на корабль было нелегко. Волны отбрасывали лодку и грозили разбить ее о борт корабля. Поэтому корабельщики нам сбросили веревку с петлей на конце. Софэр надел ее вокруг пояса, и его потащили наверх, как мешок. Так же, с помощью веревки, взобрался на корабль и я.

Мы нашли себе место в передней части корабля на палубе. Ехало много путников, которые заняли все проходы; с виду они походили на купцов. На них были нарядные египетские одежды, обшитые бахромой и цветными лентами. Они лежали на коврах, окруженные мешками, и бранились, что ждут отъезда уже с самого утра.

Так как мы были покрыты пылью и она проникла в нашу одежду, то я и Софэр долго мылись, доставая морскую воду кожаным ведром на длинной веревке.

На корабле нам было очень хорошо: свежий ветер продувал нас, и после знойного дня приятно было отдыхать, лежа на разостланных плащах.

Все смотрели на берег: видно, кого-то ждали. Наконец показались два мула, один позади другого; они тащили носилки, на которых кто-то лежал, покрытый пурпурными тканями. Сзади шли два верблюда с тюками; вокруг носилок ехало несколько вооруженных всадников с копьями.

— Это едет знатный человек,— говорили купцы.— Глядите на этих всадников, на их лошадей, на пурпурные ткани!

Вскоре к кораблю подплыла большая лодка. В нее бросили конец каната с петлей. Из лодки донесся сердитый голос:

— Спустите лестницу!

Лодка стала биться около корабля, и сидевшие в ней гребцы изо всех сил отталкивались от него веслами.

С борта корабля выдвинули бревно, к которому была прикреплена веревочная лестница. Один из сидевших в лодке схватил конец лестницы и уверенно поднялся по ней, затем перешагнул через борт. Но здесь он зашатался, корабельщики его поддержали и провели к площадке кормчего.

За ним поднялись трое его слуг, которые разостлали ковер и подушки; больной улегся на них, прикрывшись темно-красным шерстяным плащом. Лица его не было видно, оно было закутано длинным покрывалом, по обычаю кочевых идумейцев. Только черные глаза его засверкали, когда он, войдя на корабль, окинул всех быстрым взглядом.

Кормчий уже стоял на площадке. Корабельщики вытянули из воды тяжелый якорь, зацепили его одной лапой за борт. Гребцы ударили веслами, и корабль быстро направился вдоль берега на север.

Город Яфо удалялся от нас; его дома, скученные, как

пчелиные соты, и стены с мрачными башнями постепенно терялись в вечерних сумерках.

Ночь быстро наступала, и мы долго еще видели вдали яфские огоньки.

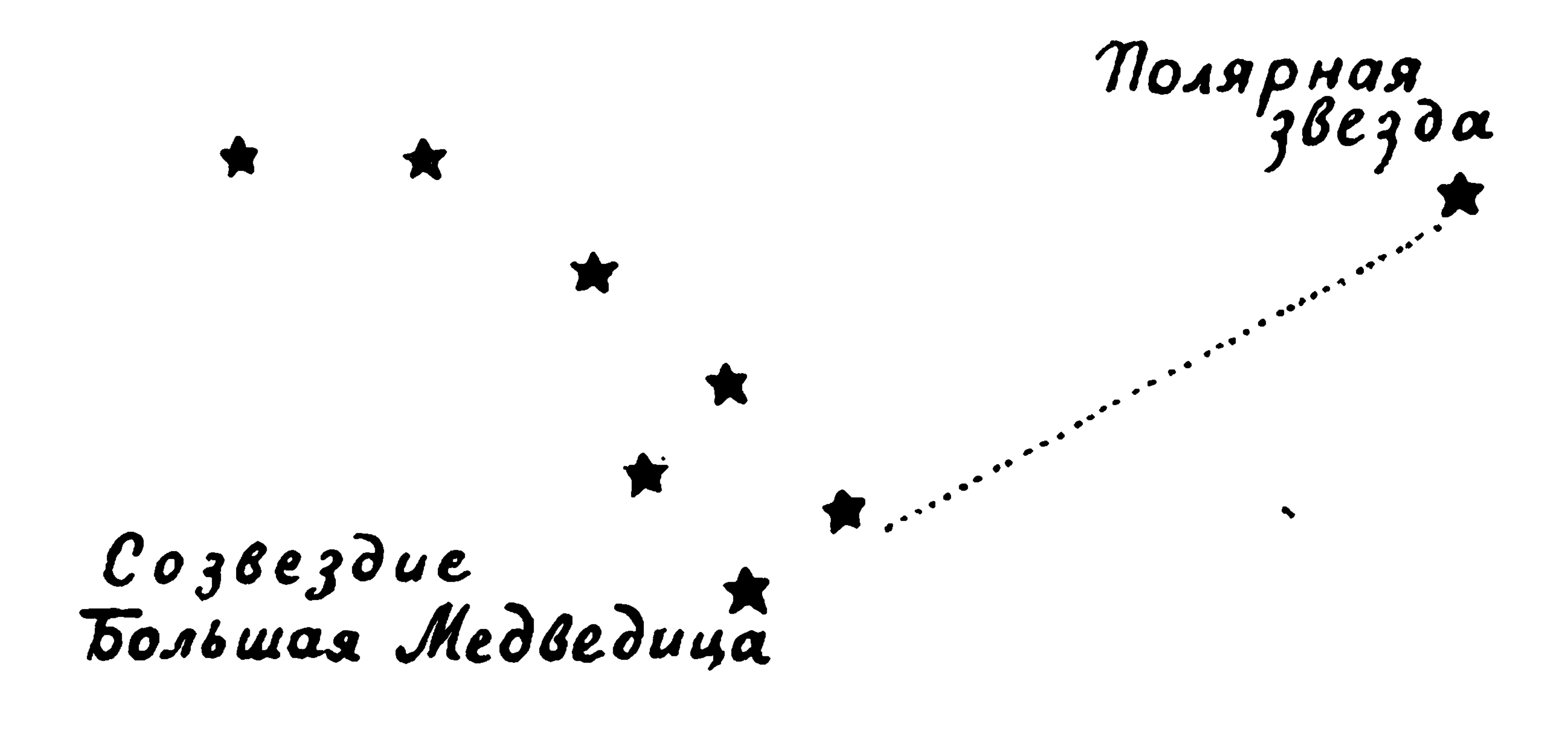
Ветер постепенно стихал, и поверхность моря успокаивалась. Над нами засверкали бесчисленные звезды. Я сидел на плаще рядом с Софэром; он показывал на небо и говорил:

— Ты должен знать все главные планеты, которые катятся по небу и делят год на равные части.— И он указал мне на несколько блестящих звезд.— Ты видишь на небе Колесницу с дышлом[1]? Если от двух крайних звезд провести черту, то мы встретим Северную звезду.

Я действительно увидел низко над горизонтом яркую звезду. Софэр продолжал:

— Северная звезда всегда тебе поможет, где бы ты ни был: в безбрежном море или в неведомой песчаной пустыне. Если ты знаешь, где Северная звезда, то ты не собьешься с пути. Теперь мы едем на север, в Сидон. Значит, звезда будет весь путь впереди нас.

Софэр объяснял, как моряки могут уверенно плыть ночью, если звезды светят на небе, и как опасно плыть в тумане или днем, когда за облаками не видно солнца. Потом он остановился и удивленно стал смотреть на небо:

[1] Созвездие Большая Медведица на востоке называется Колесницей. Финикияне почитали Полярную звезду, называли ее Сидонской (Северной) звездой и верили, что она им покровительствует.

— Что же это такое? Куда же девалась Северная звезда? Она должна находиться против носа корабля. Почему-то она оказалась против правого борта.

В это время гребцы сложили весла, и на мачте со скрипом поднялся парус. Легкий ветер надул его, и в безмолвии ночи корабль плыл, разрезая темные волны. Береговых огней не было видно.

— Это очень странно,— сказал Софэр и стал сильно сопеть, что он делал, когда почему-либо сердился.— Эли, сходи на площадку кормчего и спроси его, что случилось. Ведь если Северная звезда светит справа, значит, корабль повернул на запад и уходит от сидонского берега в море.

2. СЛУШАЙ ЛАЛА-ЗОРА!

Все путники спали. Гребцы тоже свернулись под скамьями. Мне с трудом удалось пробраться через лежащие тела, и когда я приблизился к площадке, то увидел нечто страшное.

Кормчий Бен-Кадех боролся с тремя людьми, которые повисли на нем и старались его связать. Он хрипел, отбрасывал их и отступал к борту. Поблизости стоял широкоплечий человек и приказывал:

— Вяжите его крепче, а то он распорет вам животы!

Два корабельщика, упав на четвереньки, старались спрятаться между тюками. Подбежали еще три человека, свалили Бен-Кадеха и связали его веревками. От шума борьбы стали просыпаться путники. Раздались крики, гребцы высунули из-под скамей лохматые головы и начали реветь и греметь цепями.

Тогда на месте кормчего появился высокий, с полуседыми волосами человек. Голос его прогремел в трубу кормчего, покрыв вопли путников и крики гребцов:

— Лала-Зор правит кораблем! Приказывает всем молчать!

Свет месяца озарил его мрачное лицо с горящими глазами, и оно мне показалось знакомым — я недавно его видел. Не тот ли это больной, которого Софэр лечил в Иерусалиме? Он ударил ногой связанного Бен-Кадеха и скинул его с площадки вниз, на дно корабля. Кормчий упал, как мешок с зерном, не издав ни единого стона.

Море стихло. Ровная поверхность слегка рябилась под слабым ветерком. Парус повис и полоскался.

— За весла! — закричал Лала-Зор.— Спустить парус!

Надсмотрщик захлестал бичом. Гребцы, бросившись на скамьи, ударили веслами, и вода зашуршала о борта. Я пролез под скамьями гребцов и вернулся к Софэру. Он сидел неподвижно, схватившись руками за голову.

— Сиди около меня, Эли,— сказал он,— и не отходи! Ноги их бегут к злодейству, а руки ищут крови. Никто не поднял меча для защиты, кроме сидонца-кормчего. Сколько здесь путников, а буйных разбойников только шестеро, и все им покорились, и каждый молча пошел на свою погибель. И я и ты — мы оба станем рабами, и два хозяина поведут нас в разные стороны. А твоя мать будет думать, что это я, неблагодарный Софэр, виновен в твоей гибели, что я умышленно продал тебя в рабство. Она ослепнет от слез и умрет с горя.

Откуда-то по морю пронеслась отдаленная песня. Грубые сильные мужские голоса пели, звуки усиливались и приближались. В дрожащем голубом сиянии месяца показался корабль, он несся прямо нам навстречу. Сильные взмахи длинных весел походили на удары крыльев. На носу корабля горели факелы, и от них по воде, переливаясь, бежала огненная дорожка.

Встречный корабль круто повернулся, подошел к нам и зацепился за борт крюками. Несколько человек с топорами в руках прыгнули в наш корабль.

Лала-Зор гремел с площадки:

— Эй, купцы! Оставляйте ваши вещи и одежды и переходите на другой корабль! Кто будет спорить или прятаться — все полетят за борт!

Еще несколько человек перескочили с соседнего корабля и разбежались по палубе. Ударами и криками они погнали всех путников на свой корабль. Многие кричали и плакали, когда пираты сдирали с них богатые одежды. Другие шли молча, с безумными глазами, как будто ничего не понимая. Один человек с топором подошел к нам:

— Слышали, что приказано? Почему медлите?

Софэр взял меня за руку и подошел к площадке, где стоял Лала-Зор.

— Умеешь ли ты быть благодарным, Лала-Зор? Два дня назад я тебя вылечил от болезни, и ты избежал смерти в постели — самой постыдной смерти для смелого моряка, боровшегося с ураганом, а сегодня ты хочешь меня отправить, как барана, на рынок и продать там вместе

с мальчиком-проводником. Какова будет слава о Лала-Зоре, который не умеет быть благодарным!

— Разве это ты мой спаситель? Конечно, я помню, что меня вылечил мудрый Софэр-рафа, и твое место среди нас. Ты останешься теперь навсегда со мной, будешь жить на моем острове и плавать на моих кораблях, чтобы лечить храбрых молодцов Лала-Зора. Не трогайте этого старика,— обратился он к своим молодцам, которые грубо толкали перепуганных и плачущих купцов и перебрасывали их на другой корабль. Гребцов, которые не были прикованы, пираты тоже отправили на другой корабль и сами сели на их места.

Крюки отцепились, и оба корабля разошлись в разные стороны.

Один из пиратов взобрался на верхушку мачты и прикрепил там длинный узкий кусок ткани черного цвета. На ней была изображена мертвая голова среди двух костей.

Опять прозвучал голос Лала-Зора:

— Молодцы, с этого дня у нас новый корабль! Он летит по морю скорее всех других. Мы будем шутя догонять купцов и уходить от военных судов, если они вздумают за нами гоняться. Меремот, выдай всем по чаше доброго вина, которое царь Соломон послал в подарок царю сидонскому. Спасибо ему за угощение! Выпьем за удачу нашего корабля «Кокаб-Цафон»!

Несколько пиратов бросились исполнять приказание. По сторонам площадки кормчего привязаны были ремнями две громадные амфоры, в два раза выше моего роста. Их узкие горла были залеплены черной смолой. Один из пиратов, горбоносый, с длинным шрамом на ноге, ловко отбил смолу, вытащил деревянную пробку, и все пираты подходили за вином со своими чашами — золотыми, медными и глиняными. Где я видел этого горбоносого пирата? Не он ли увез Гамалиеля? Этот человек ловко разливал вино, и все его просили:

— Подлей-ка мне еще, Меремот!

Плеснув вино на палубу, пираты восклицали:

— Чтобы удача тебя провожала на всех путях твоих!

Затем отливали вино из чаш в море и кричали:

— Боги морские, живущие в глубоких пучинах! Не гневайтесь на этот корабль, охраняйте его от камней и бурь и дайте ему плавать тридцать лет без пробоин и поломок!

Лала-Зор прогремел в трубу:

— На весла, вперед!

Пираты совершили так много возлияний богам, столько раз наполняли свои чаши, что начали громко смеяться, кричать и обнимать друг друга. Пошатываясь, пираты схватили весла, снова вспенили ими волны и запели[1]:

Много у нас песен
Длинных, как взмах весел.
Море волны бесит,
Ветер песни уносит.
    Двадцать два гребца
    С орлиным взором,
    Двадцать два храбреца
    Слушают Лала-Зора.
Лала-Зор наш храбр,
На корме стоит,
На торговый корабль,
Улыбаясь, глядит.
    Двадцать два гребца
    Весла бросают,
    Двадцать два храбреца
    Топоры хватают.
Эй, буря, дай вал!
Ветер, дуй яростно!
Наш парус подымай,
Надувай парус нам!
    Как морские чайки,
    Разлетаются купцы,
    И на реях качаются
    Трусы и глупцы.
Двадцать два храбреца
С орлиным взором,
Двадцать два молодца
Слушают Лала-Зора.

Корабль летел вперед. Вдали показался небольшой гористый остров. На береговой скале стоял одинокий кедр со сломанной вершиной.

3. ГНЕЗДО ПИРАТА

Остров казался недоступным. Одинокая серая скала выступала из моря, и вокруг нее кипели буруны. Волны расшибались о большие черные рифы, и грохот все усиливался.

Не было видно ни залива, ни бухты, чтобы подъехать к скале. Казалось, невозможно приблизиться к этому кипящему водовороту, где всякий корабль немедленно должен был разбиться в щепки. Но весла по-прежнему равно-

[1] Стихи А. Шапиро.

мерно взлетали и ударяли по волнам, корабль несся прямо на буруны. Пираты пели свою песню, покрывая грохот волн:

Двадцать два гребца
С орлиным взором,
Двадцать два храбреца
Слушают Лала-Зора...

Я со страхом смотрел на знаменитого вождя пиратов. Куда, в какую бездну ведет он корабль? Неужели правда, будто он с кораблем может нырнуть, как утка, на дно моря и выплыть в другом месте, ускользнув из-под носа военных судов?

Лала-Зор стоял спокойно, расставив ноги, с медной трубой в одной руке, держась за перила другою. Ветер развевал его длинные пепельные волосы и трепал его красную одежду. Он смотрел то на сломанный кедр на скале, то на небо, то на буруны, вероятно определяя место, куда направить корабль.

— Готовься! — прогремел его мощный голос, и все гребцы напряглись изо всех сил, ускорив бег корабля.

Два корабельщика, припав к рукояткам рулевых весел, были наготове. Уже совсем близко чернели рифы, бурлящие в воде. Лала-Зор поднял обе руки, и все весла разом поднялись стоймя. Корабль несся вперед силою разбега. Еще несколько мгновений — корабль сделал три поворота среди пены и клубящихся волн и, обогнув большой риф, оказался в узкой бухте.

Здесь было тихо, волны, утомленные борьбой с бурунами, лизали подножие скал. Еще два-три удара весел — и корабль пристал боком к растрескавшемуся граниту.

Я оглянулся назад, на море. Прибой с грохотом хлестал о рифы, и трудно было заметить среди камней тот проход, по которому только что проскользнул корабль. Кругом было угрюмо и пустынно. Голые скалы нависли над водой. В расщелинах пробивались искривленные кусты можжевельника, стебли каперсов и других вьющихся растений.

Пираты, нагрузив на спины тюки, стали взбираться на скалу по едва заметной тропинке.

— Вы-то чего ждете? Снимайтесь с якоря! — рявкнул надо мной громадный одноглазый пират.

Мы перебрались по доске на скалу и стали карабкаться вверх по стертым ступенькам, высеченным в скале. Перевалив через хребет, мы оказались в ущелье. Грубо сложенная из камней хижина прилепилась к горному склону. Оттуда выползло несколько калек — один был без руки, другой полз на четвереньках.

Пираты разостлали ковры и высыпали на них все, что было принесено с корабля: свертки шелка, одежды, кубки, мешки с серебряными украшениями. Калеки развели костер из корабельных обломков и стали жарить на вертелах куски мяса.

Лала-Зор завернулся в плащ из меха белого барана и лег на ковре около костра. Пираты сели широким кругом. Каждый из разбойников бросал костяные кубики с черными точками, громко считал, сколько у него выпало очков, и получал свою долю добычи.

Софэр и я сидели в стороне. Старик сердито смотрел, сопел и иногда шептал:

— Доколе, невежды, будете любить невежество! Доколе, буйные, будете услаждаться буйством!

В стороне пираты поставили несколько амфор, и двое стали разливать вино. Один крикнул мне:

— Эй, цыпленок, чего сидишь без дела? Разноси чаши князьям моря.

Я подбежал и стал помогать, поднося полные кубки и чаши сидевшим. Мне пришлось без отдыха бегать, чтобы подливать всем вино.

— А где кормчий? Почему его нет? — спросил кто-то.

— Привести его сюда! Мы будем судить его! — подхватили голоса.

Бен-Кадеха сейчас же привели; руки его были туго связаны за спиной. Его поставили посредине круга на коленях.

— Кланяйся нам пониже! Сейчас мы засудим тебя за то, что ты посмел бороться с нами! — кричали голоса.

— Тише, князья,— сказал Лала-Зор, и все замолкли.— Этот человек — искусный моряк, он построил наш корабль. Хотите ли, чтобы он стал плавать вместе с нами?

— Хотим! — закричали одни.

— Не надо, он предаст нас! — ответили другие.

— Найдутся ли три человека, которые будут за него? — спросил Лала-Зор.

Поднялось несколько рук. Я тоже поднял руку.

— Кормчий, князья хотят, чтобы ты сделался нашим корабельщиком. Хочешь ли ты тоже сделаться князем моря? Будешь ли ты верно помогать нам и вместе идти в бой, не боясь смерти?

Бен-Кадех молчал. Один пират сказал ему:

— Мы вместе наберем всякого драгоценного имущества, наполним подвалы наши добычею. Жребий ты будешь бросать вместе с нами, склад будет один у всех нас.

Бен-Кадех, глядя в землю, ответил глухо:

— Вы — князья моря, а я — сын моря. Я построил этот корабль не для того, чтобы его доски поливать кровью и чтобы люди бежали от него, как от страшного дракона. Я хотел, чтобы путники на нем не боялись бурных волн моря и могли плавать от одного конца земли до другого. С вами вместе, князья моря, я быть не могу.

— Он не с нами, он не наш! Бросить его сейчас со скалы! Чего ждать? — закричали пираты, хватаясь за ножи.

— Постойте! — сказал Лала-Зор.— Он может еще передумать. Незачем терять опытного моряка. Мы его прикуем на цепь, и он будет нашим хорошим гребцом. А пока запрячьте его в клоповник. Уведите его!

Два пирата повели Бен-Кадеха в глубину ущелья. Остальные пели песни, дикие, как вой ветра. Один заиграл на свирели. Некоторые вышли на середину, взялись за руки, подняли их кверху и заплясали, выбрасывая очень искусно ноги. Пираты хлопали в ладоши в лад музыке. Потом закричали:

— «Газлоним»! Спляшите «газлоним»!

Я знал эту пляску — ее пляшут и наши рыбаки в Авали. В ней один плясун изображает испуганного путника, а другой — свирепого разбойника.

Все закричали:

— Пускай старик-лекарь спляшет «газлоним»!

Но Софэр сказал:

— Дети мои, я буду лечить ваши раны, которые вы получаете по глупости вашей, но у меня волосы побелели от того горя, которое я видел в жизни. Поэтому не заставляйте меня уподобиться шуту на базаре. Сердце мое разорвется, и некому будет лечить вас.

Тогда я выскочил вперед и закричал:

— Я буду плясать «газлоним»! Кто хочет плясать со мной?

— Ай да петушок! Ну-ка Махарбал, выходи плясать с ним.

На середину круга выступил огромный силач с одним глазом. За поясом у него было два ножа и широкий меч на бедре. Свирель засвистела песенку «газлоним». Мне дали в руки два ножа. Я стал изображать разбойника, прыгал как можно выше, потрясая ногами и делая страшное лицо, пират делал вид, что меня боится, ползал на четвереньках, становился на колени, протягивал руки, прося не убивать его. Наконец я простил его и даровал ему жизнь,

поставив ногу ему на затылок. Всем пиратам очень нравилась эта пляска, они гоготали и требовали, чтобы я еще и еще плясал. Наконец я упал на ковер около Софэра, и меня оставили в покое.

Я крепко заснул и, вероятно, спал долго.

Холод разбудил меня. Месяц освещал ущелье, черные тени залегли в глубоких трещинах скал. Все пираты спали, костер потухал, и только вспыхивали его последние огни.

4. ВЕТЕР ПОДХВАТИЛ ПАРУСА

Мы находились внутри громадной каменной чаши. Софэра около меня не было. Это меня встревожило. Жив ли он? Что с ним сделали эти люди? Я поднял кем-то брошенный нож, тихонько вышел из круга, где на коврах лежали спящие, и спустился вниз по ущелью. Я думал о Софэре и Бен-Кадехе.

Тропинка, извиваясь, шла вдоль мрачных скал. Около одной из них я услышал легкий свист. Как будто кто-то позвал меня. Осторожно приблизился я к скале и заметил небольшую дверь с засовом.

В окошко смотрел блестящий глаз.

— Мальчик,— услышал я шепот,— подойди поближе.

Страшно было подойти — все казалось, что сзади по тропинке сейчас прибегут пираты и сбросят меня в море.

— Куда эта дверь? — спросил я.

Голос из окошка ответил:

— Это яма, клоповник. Сюда князья запирают своих пленных.

— Посадили к вам сегодня старика?

— Нет, сюда сегодня сбросили молодого корабельщика со связанными руками.

— Может ли он поговорить со мной?

— Мы сейчас ему поможем подняться сюда.

Послышались стоны, тихие голоса, потом в окошечке снова показался чей-то глаз.

— Это ты, мальчик из Авали?

— Ты ли это, кормчий Бен-Кадех?

— Я. Скажи скорей, что делают теперь эти собаки?

— Все крепко спят.

— Если ты хочешь сделать храброе дело, достойное взрослого воина, осмотри дверь и попытайся открыть ее.

Я осмотрел дверь. Засов был большой, дубовый, ремни крепкие. С помощью ножа я разрезал ремни и сдвинул

засов. Тяжелая дверь с трудом подалась. Из черного отверстия вышел Бен-Кадех с руками, скрученными за спиной. Я перерезал ремни, и Бен-Кадех с трудом расправил онемевшие руки.

— Скорей, выходите! — шептал он в отверстие двери.

Оттуда вышли четыре человека, грязные, обросшие длинными волосами, как звери; ужасное зловоние исходило от них. Все они были покрыты язвами и кровоподтеками. Бен-Кадех запер дверь, заложил засов и снова затянул его ремнями.

— Идите за мной,— сказал один из вышедших узников, седой, тощий старик.— Я покажу путь, по которому можно спуститься к морю.

— А где твой Софэр, жив ли он? — прошептал Бен-Кадех.

Я объяснил, что около меня его не оказалось.

— Где искать его?

— Подымись на вершину, посмотри кругом,— торопил Бен-Кадех,— и как можно скорей приведи его вниз, к кораблю. Если сможешь, захвати с собой оружие. Мы ждать не будем. Если вы запоздаете, то погибнете.

Я понимал, что надо торопиться, что каждое мгновение дорого, и быстро поднялся к тому месту, где спали пираты. Ничего не изменилось. Некоторые лежали, разметав руки, что-то бормотали, вскрикивали и хрипели, точно кто-то душил их.

Я подошел к хижине. Высокий человек преградил мне дорогу.

— Я давно замечаю, что ты ходишь и чего-то ищешь. Чего тебе надо?

Это был Лала-Зор. Его лицо было мрачно, он опирался на топор с длинной рукояткой.

— Я ищу старика Софэра,— ответил я.— Я спал около него на ковре, а теперь его там нет.

— Наверное, сидит на корабле и смотрит в ту сторону, где осталась его родина. Ты его еще увидишь. На этом острове никто и ничто не пропадает. А сейчас пойди со мной.— Лала-Зор толкнул ногой дверь и прошел в хижину.

Я прошел с ним в небольшую комнату, освещенную коптящим светильником. В ней спало несколько человек. В глубине была вторая, низкая дверь. Мы пошли дальше и оказались в большой пещере. С потолка свисали хрустальные сталактиты, в которых играли огни от трех бронзовых подсвечников. Стены и пол были убраны множеством разноцветных ковров. Ряд сундуков стоял около стен. На них

лежали потемневшие от времени панцири и шлемы и разное оружие.

Лала-Зор опустился в красивое кресло, отделанное слоновой костью, и указал рукою на скамеечку у его ног.

— Сядь, мальчик, и слушай, что я скажу. Здесь, в этих сундуках, сложены бесчисленные богатства. Их там так много, что мне мог бы позавидовать любой царь. Отныне ты будешь моим слугой. Я очень болен, часто открываются старые раны, и тогда я теряю все мои силы. Мне нравится, как ты ухаживаешь за слабым стариком, я хочу, чтобы ты так же ухаживал за мной. Старик мне сказал, что ты добрый и честный мальчик. Если я увижу, что ты предан мне, я тебя объявлю моим сыном, и все это богатство будет твоим.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Но что я буду делать со всем этим богатством? — спросил я.— Я думаю, что оно и тебе только мешает. У моей матери есть хижина на высоком берегу моря, и около нее растет пальма, которая каждый год дарит нам мешок фиников. В нашей хижине есть очаг, он нас греет, и на нем Ам-Лайли печет лепешки. У нас есть циновка и бараний мех, на которых мы спим, и есть плащ — он нас покрывает и защищает в холодную погоду. Разве тебе нужно столько светильников, когда достаточно одного, чтобы писать буквы, как Софэр, или прясть нитки, как делает мать? Я хотел бы сделаться моряком. Мать хочет, чтобы я был горшечником, а Софэр учит меня читать книги. Я очень тебя жалею. Сколько эти богатства доставляют тебе забот!

Лала-Зор улыбнулся. С удивлением я увидел, что его мрачное, с суровыми морщинами лицо могло светиться какой-то лаской и радостью.

— Ты первый, кто не хочет моих богатств. А они все только и думают, чтобы их отнять...

Лицо Лала-Зора снова стало суровым, побледнело; он оглянулся кругом и двумя руками сжал рукоятку топора. С дикими глазами он стал шептать:

— Пока я силен, они боятся и слушаются, но если только они увидят, что я ослабел, то придут и задушат меня... Вот, ты слышишь? Они уже идут... Джемма, сюда!

Из угла пещеры раздалось мурлыканье. Громадная пятнистая пантера в два прыжка очутилась около Лала-Зора и остановилась, подняв лапу, готовая броситься. В ее глубоких черных глазах вспыхивали голубые искры.

— Тише, Джемма, не тронь! Это наш новый друг.

Пантера успокоилась, потянулась, зевнула и улеглась у ног Лала-Зора. Он осторожно прислушивался и шептал:

— Вот они, я слышу шаги... Они уже раскрыли дверь...

Но все было тихо в пещере, так тихо, что в моих ушах стучала кровь. Где-то со сталактита мерно падали капли воды.

Я сидел неподвижно. Топор выпал из рук Лала-Зора. Он спал.

Я вспомнил наказ кормчего, поднял топор и осторожно вышел из пещеры.

Все дремало. Бесшумно прошел я мимо спящих пиратов, затем ускорил шаги, быстро поднялся на перевал и стал спускаться вниз, к кораблю. Если бы не светил месяц, я никогда бы не смог спуститься. Тропинка шла по краю высокого обрыва; ступать приходилось по выбитым в скале, едва заметным ступеням. Босыми ногами я ощупывал каждую выемку в камнях и наконец благополучно спустился вниз.

Бен-Кадех и четверо узников были на корабле. Они объясняли прикованным гребцам, что все будут свободны, если помогут провести корабль через бурные рифы. Гребцы обнимали Бен-Кадеха и целовали его одежду. Здесь я увидел Софэра. Он сидел на носу корабля и смотрел вдаль.

— Что с тобой, Софэр-бобо?

— Я плачу над тем, что стар, бессилен и не могу помочь этим людям. Или сейчас мы все снова получим свободу, или погибнем навсегда.

Бен-Кадех не терял ни минуты. Вместе с узниками он оттолкнул корабль, и все взялись за весла. Самый опытный узник стоял на площадке и давал знаки, куда направлять судно. Веслами и баграми все продвигали судно между камнями и боролись с волнами, которые катились навстречу и то поднимали корабль, то бросали его в пенящуюся бездну.

Я смотрел на удалявшийся от нас скалистый остров. На его вершине, около сломанного кедра, показался человек. Он глядел в нашу сторону. Кто провожал нас взглядом — Лала-Зор или один из пиратов,— узнать было нельзя. Видно было только, как ветер трепал его одежду.

Корабль наконец вышел из бурунов. На мачте поднялся парус, и мы понеслись в открытое море. Скалистый остров Лала-Зора скоро потерялся в тумане.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КАРФАГЕН

1. НАС БЫЛО ТРИНАДЦАТЬ

Буря несла наш корабль в неведомую даль. Низкие серые тучи заволокли небо. Иногда косой дождь поливал нас тяжелыми каплями. Бен-Кадех и два рулевых не сходили с мостика и, накинув концы плащей на голову, продолжали вести корабль.

Куда мы летели? Каждый строил свои догадки: одни — что к берегам Египта, другие — что обратно, к сидонским портам. А корабль, поскрипывая, то взлетал на гребни валов, то нырял в прозрачную бездну; всплески волн перелетали через него. Как на качелях, когда падаешь сверху вниз, замирало сердце, и казалось, вот-вот доски вылетят из-под ног и ты погибнешь в пучине.

Нас было тринадцать человек. Бен-Кадех правил кораблем, ему помогали четыре бежавших узника — когда-то они были моряками. Все четверо были очень худы; из-под нависших волос горели неугасимым пламенем глаза. Желание жить и бороться за свою свободу заменяло им силу. Только когда Бен-Кадех позволял им оставить канат или весло, они падали и сразу засыпали.

Из шести прикованных рабов один, грек, был мне знаком: когда-то я угостил его лепешками. Был еще египтянин с остроносым, как у птицы, лицом и высоко поднятыми прямыми плечами. Он никогда не смеялся и ходил невозмутимый, на длинных ногах, как журавль. Были два скифа с широкими светлыми бородами. Они были много сильнее других гребцов. На руках и плечах у них вздувались шары, когда они ворочали тяжелыми веслами. Были также двое чернокожих по имени Муха и Хадо, с сильными цепкими руками и прямыми, как палки, тонкими ногами. На голове у них волосы вились, как у барана. Оба часто ссорились

между собой и так кричали, ворочая белками глаз, что казалось, они сейчас убьют друг друга. Потом они мирились, смеялись и вместе распевали песни.

Шесть гребцов, как только мы отошли от острова, были сейчас же раскованы, и бронзовый топор, захваченный мною у Лала-Зора, помог сбить цепи и кольца с ног. Грести не нужно было — красный парус, наполненный ветром, неудержимо увлекал корабль вперед.

К утру следующего дня буря стала усиливаться. Бен-Кадех приказал опустить и свернуть парус и повернуть корабль носом против ветра. Все просмоленные канаты, протянутые к мачте, свистели и выли, рулевые сменялись, утомленные борьбой с ураганом, но Бен-Кадех, с похудевшим лицом и красными, воспаленными глазами, все не хотел оставить своего места.

Мы все страдали от непрерывной качки и от голода. На корабле среди многих тюков с тирскими пурпурными одеждами не было ни одного с едой. Кто-то нашел только мешок с сушеным виноградом. Это была наша единственная пища, и мы получали виноград поровну — по две горсти.

Труднее всего было плыть ночью в полной темноте, когда слышны только свист ветра, грохот бури и удары волн о борта корабля; каждое мгновение казалось, что мы сейчас погибнем.

На второй день я заметил странное явление. От качки по дну корабля перекатывалась вода и несла разный мусор. Среди мусора были финиковые косточки. Откуда они могли явиться? Я вычерпывал воду вместе с мусором, но косточки снова появлялись. Значит, у кого-то есть мешок фиников, и он тайком ест их, не делясь с другими. Нет ли среди тюков мешка с финиками? Может быть, их грызут крысы? Я полез под палубу на корме. Там было очень тесно, но я кое-как пролез вперед и приблизился к самому концу.

Сквозь щель в палубе падал слабый свет, и я различил лежащего боком человека. Что-то знакомое показалось мне в его горбоносом лице и длинных тощих ногах.

Я скорее отполз обратно и пришел к Бен-Кадеху:

— На корабле оказался еще один человек.

— Опять в кожаном мешке?

— Нет, он лежит под палубой и ест финики. У него большой запас, и потому он не вылезает, чтобы не делиться с нами. Это тот самый Меремот, который был слугой у Лала-Зора.

Бен-Кадех поручил двум чернокожим привести Меремота. Но вытащить его было нелегко — он упирался и кусался. Тогда Муха и Хадо схватили его за ноги и приволокли на палубу к кормчему. Здесь Меремот бросился лицом вниз:

— Я буду гребцом всю жизнь до самой смерти, только не убивай меня!

— Ты зачем спрятался?

— Когда корабль поплыл, я вскарабкался на него и спрятался, чтобы не остаться на острове — делить злую судьбу с пиратами. Я мирный купец, не пират.

— Пой песни, нас не проведешь! Ты, как крыса, прогрыз мешки. За это ты умрешь с голоду! Привяжите его к мачте!

Меремот, поняв, что его не убьют, сразу успокоился. Его руки были прикручены к мачте. Он перестал выть и только злобно, исподлобья смотрел на всех.

На третий день утром обнаружилась течь: вероятно, где-нибудь расшатались доски. Вода постепенно прибывала. Всем пришлось непрерывно вычерпывать воду и забивать щели паклей. Но буря стала стихать, парус снова поднялся, и мы опять помчались вперед.

В воздухе потеплело. Холодные порывы ветра прекратились, и начало пáрить. От тюков и досок подымался, как дымок, легкий пар. Вдруг среди туч показалось ослепительное солнце, и все закричали:

— Земля!

Вдали, среди бурного моря, протянулась низкая желтая полоска земли, и на ней подымались стройные пальмы с пушистыми верхушками. Оба скифа стали бить себя в грудь кулаками, завыли и заплакали, как дети.

— Что с вами? Ведь спасение близко? — спросил их Софэр, понимавший скифский язык.

— Почему здесь пальмы? Почему не сосны и ели, покрытые снегом? Мы думали, что плывем на нашу родину, в Эвксинский Понт[1], а теперь видим эти длинные метелки и знаем, что мы опять очень далеко от родной земли.

Софэр развернул свой пергаментный свиток с картой земли и стал высчитывать, куда мы могли попасть.

— Буря унесла нас так далеко,— сказал он,— что это, быть может, Счастливые острова.

Тучи мчались вдаль, небо становилось все синее, и берег

---

[1] Эвксинский Понт — древнегреческое название Черного моря.

все отчетливее приближался к нам. Вдали показались голубые горы; перед ними рассыпались бесчисленные песчаные холмы, и неожиданно под низкими серыми тучами выплыл странный розовый город.

Зубчатые стены, высокие башни, большие храмы, кубические дома и одинокие пальмы — все было нежно-розового цвета, как крылья фламинго.

— Это Счастливый остров! — воскликнул Софэр.— Смотрите, как прекрасен этот город! Там, наверное, живут блаженные люди, не знающие ни слез, ни горя. Там нет гнева и преступлений, нет рабства и бичевания. О небо, как я рад, что перед смертью увижу счастливый край, который искал всю жизнь!

Теплый ветер уносил наш корабль к розовому городу, а мы, обессилевшие от напряженной работы, продолжали вычерпывать воду.

2. РОЗОВЫЙ ГОРОД

Приближался вечер, и багровое солнце опускалось в море, когда наш корабль проплыл мимо сторожевой башни. Мы вошли в тихую внутреннюю гавань. Множество судов стояло там, упираясь выгнутой кормой в каменную набережную. Среди них причалил и наш «Кокаб-Цафон». С соседних кораблей моряки кричали:

— Вам Мелькарт помог добраться до берега! Кто же выходит в море в такую бурю!

Мы пристали вовремя, так как вода в корабле все прибывала.

Все наши корабельщики выскочили на берег и общими усилиями втащили корму корабля на набережную и прикрепили ее канатами к каменным столбам.

Несколько человек с короткими копьями в руках и широкими мечами у пояса остановились около нас.

— Кто хозяин корабля? Откуда вы прибыли? — спросил один, сурового вида человек с рогатым шлемом на голове. В руках он держал деревянную дощечку и заостренную палочку для письма.

— Хозяин корабля — купец Макар из Сидона,— ответил Бен-Кадех.— Мы плывем из Яфо. Буря отнесла нас в эту сторону.

— Не верь ему, он лжет перед солнцем и людьми! — вдруг закричал с корабля Меремот.— Все они пираты! Они

напали на корабль, перерезали путников, я один остался в живых.

— Вот как! Ценные птицы попались в сети,— сказал человек в шлеме.— Отвяжите-ка этого человека и приведите ко мне. Позовите еще воинов и поставьте стражу. А вы, морские разбойники, ступайте назад на корабль и не смейте сходить на берег!

Бен-Кадех ответил:

— Ты веришь одному человеку, помеси грязной свиньи и лживой сороки, а не веришь мне, честному кормчему купца Макара?

— Сегодня поздно вас судить — ночь близка. Вас зорко будут сторожить воины и побьют копьями каждого, кто попытается убежать с корабля. А завтра я допрошу вас — тогда я узнаю, кто из вас говорит правду. Я вижу, что у вас все рабы без цепей, а это плохой знак.

Воины отвязали Меремота; он подбежал к начальнику и поцеловал подол его одежды.

— Этот кормчий — самый опасный пират,— сказал он, указывая на Бен-Кадеха.— Он режет детей, женщин и славится тем, что живыми сжигает пойманных купцов. Его надо казнить...

Что мы теперь могли сделать?

Начальник с Меремотом ушли, а воины, угрожая и подкалывая копьями, заставили всех нас вернуться на корабль. Затем они разложили на берегу яркий костер и уселись вокруг него. С нами они не разговаривали и на всякий вопрос подымали копья, точно хотели пронзить нас.

Бен-Кадех, смеясь, обратился к Софэру:

— Ты все еще думаешь, что это Счастливый остров? Не очень-то ласково нас здесь встретили.— Он крикнул корабельщикам ближайшего корабля: — Какой это город?

На кораблях стояло много моряков; они смотрели в нашу сторону. Один ответил:

— Как, ты не узнаешь этого богатейшего города? Это же Карфаген[1].

Все наши товарищи собрались вокруг Софэра и стали обсуждать, что делать. Старый узник сказал:

— Я знаю хорошо Карт-Хадашт. Здешние люди — купцы, торгаши, они не лучше самого Лала-Зора. Если они

[1] Карфаген — (Карт-Хадашт, что значит «Новый город») — финикийская колония в Северной Африке.

решили забрать наш корабль, то нас не выпустят, а продадут в рабство.

Софэр спорил с ним:

— Неужели ты не веришь в справедливость людей? Неужели нет чести и правды в сидонском сердце? Здесь нас не посмеют обидеть. В этом городе живет мой друг, большой мудрец Сунханиафон. Он гостил у меня в Вавилоне, когда изучал науки магов. Он жил в моем доме, ел мой хлеб, пил мое вино. Надо послать к нему кого-либо вестником и сказать, что я приехал.

— Но кто же может сходить к нему? Никого отсюда не выпустят,— говорили товарищи.— А завтра всех нас продадут в рабство на уходящие в море корабли, и мы, прикованные к скамьям, разъедемся в разные стороны.

— Значит, надо передать ему письмо сегодня же,— сказал Бен-Кадех.— Кто-нибудь из нас это сделает.

Всегда молчаливый египтянин предложил:

— Пусть пойдет мальчик Элисар: ему легко всюду пролезть, и воины его не задержат.

От костра отделился и подошел к нам один воин.

— Кто из вас самый главный пират? Слушайте, что я скажу. Все вы будете распяты на крестах. Терять вам нечего, кроме головы. Если вы хотите перед смертью последний раз вкусно пообедать, то я вам сейчас пришлю жареной баранины, соленой рыбы, вина и всего, чего вы хотите. За это подарите мне хороший плащ. Вы их награбили много.

— Спасибо тебе, добрый воин,— сказал египтянин.— На твоем лице написана красота Мелькарта, мудрость Ваала, а в плечах видна сила Рефаима. Мы сделаем так, как посоветовало твое почтенное слово. За это позволь сделать тебе ценный подарок. Возьми дорогую тирскую пурпурную одежду. Но пусть твоя доброта не закроет уши перед нашей просьбой: пропусти на берег этого мальчика. Зачем страдать ребенку? Здесь в городе, в квартале Мегары, живет его тетка.

Воин поспешно схватил поданную ему красную одежду и спрятал ее под своим плащом.

— Если я кого-нибудь из вас выпущу, то мне отрубят голову и подвесят ее под городскими воротами в птичьей клетке.

Воин повернулся и ушел назад к костру.

Софэр сказал мне:

— Лучше быть голодным нищим на берегу, чем сытым гребцом на царском корабле. Я напишу письмо другу, мудрому Сунханиафону, а ты постарайся разыскать его и спасти всех нас.

Софэр достал кусок папируса, камышовую тростинку, баночку с темным соком каракатицы[1] и стал писать письмо.

3. КАК ЗАПЛАКАЛ КАМЕННЫЙ БОГ

Воин вскоре вернулся. С ним шел слуга с большой корзиной на голове. Оба остановились около корабля и передали нам корзину. В ней были хлеб, лук, большие лимоны и куски жареного мяса.

Когда все припасы были вынуты, Бен-Кадех шепнул мне:

— Ложись в корзину, не шевелись в ней и не выглядывай, пока не позволят выйти.

Софэр передал мне свернутый в трубочку папирус, я спрятал его за пазуху, затем улегся в корзину, свернувшись как только мог. Меня прикрыли пурпурной одеждой. Я неподвижно лежал в темноте и чувствовал, как корзину подняли, передали через борт корабля слуге. Потом я слышал мягкий звук шагов. Меня несли куда-то. Один раз какой-то голос окликнул:

— Чей ты? Что несешь?

— Я слуга начальника гавани, несу рыбу.

— Ты бы уступил нам одну рыбешку!

— Она вся сосчитана.

— Эх, жадный! О, чтоб Мелькарт разорвал тебя на части!

Через несколько времени корзина тряхнулась и ударилась о землю.

— Вставай! Довольно я тебя нес. Теперь пойдем вместе.— Слуга крепко схватил меня за руку и вытащил из корзины.

— А куда мы пойдем?

— Понятно, куда: в дом моего хозяина. Он давно хотел иметь мальчика для посылок.

Его слова меня испугали: «Меня хотят сделать слугой! А письмо?.. Товарищи на корабле ждут моей помощи. Нужно убежать!»

---

[1] Морская каракатица для самозащиты, чтобы замутить воду, выпускает черную жидкость. Из нее добывается темная краска сепия.

Мы шли по пустынной улице. По обе стороны тянулись стены домов, сменяясь густыми зарослями широколапых кактусов. За стенами иногда слышались голоса, плач ребенка, заунывная песня. Сумерки все сгущались, быстро наступала ночь.

В конце улицы послышался шум, и нам навстречу метнулось несколько бродячих собак. Они с визгом бросились вниз, под кусты кактуса, и мгновенно исчезли. Я вспомнил мудрое правило Гамалиеля: «Где пролезает собака, она показывает путь к сладости огорода и спасению от наказания». Я не колебался и вцепился зубами в руку слуге. Он выпустил меня, а я бросился на землю, отыскивая ту лазейку, где только что скрылись собаки. Ползком я стал пробираться под колючими лапами кактуса.

Сзади слышались ругательства слуги, несколько комков земли полетели мне вдогонку, но, не останавливаясь, я карабкался все дальше по собачьему ходу. Всюду висели клочья шерсти. Уже шея и руки мои были исцарапаны, но что до этого! Я был на свободе и думал только о письме, которое мне нужно было скорее доставить ученому Сунханиафону.

Кактусы кончились. Впереди в сумерках вырисовывался небольшой сад. Справа было каменное здание с покатой крышей, на которой блестели стеклянные шары. Под крышей тянулся ряд колонн. Между ними стояло каменное изваяние чудовищного бога с громадной бараньей головой. Два рога завивались около ушей. Я стал обдумывать, что делать дальше.

Два человека в старой, рваной одежде, с небольшими корзинками в руках прошли по дорожке мимо меня и опустились на колени перед каменным богом. Они подымали руки, вздыхали и падали ниц. Один говорил:

— О ты, великий, сильный, как туча, летящая по небу! Прогони болезнь, которая душит моего сына!

— Великий Ваал,— взывал другой,— не гневайся на нас. На мою пашню напали черви и поедают хлеб, а собиратель податей требует уплаты. Порази его своим огнем, прогони червей и сохрани мою пашню, чтобы я мог прокормить мою семью!

Оба усердно стукали лбами о каменный пол.

Вдруг черные глаза каменного бога засияли красным светом, и глухой голос прозвучал:

— Я поражу моим гневом и тебя, и твоих сыновей, и внуков! Молитесь больше, не забывайте поминать господина вашего, и болезнь перестанет терзать твоего сына, и хлеб уродится на пашне...

Молившиеся упали и долго лежали. Свет в глазах каменного бога потух. Бедняки стали пятиться, посыпая головы морскими ракушками.

— Бог услышал наши молитвы! Хвала тебе, великий Ваал-Хаммон!

Затем, оставив свои корзины на ступеньках храма, оба бедняка поспешно ушли.

Из-за каменного чудовища вышел сухой, согнувшийся старик и, бормоча, ушел внутрь храма. В круглом окне под крышей засветился одинокий огонек.

Я подождал немного и затем осторожно направился к храму. Я поднялся по ступенькам каменного чудовища — оно ведь было похоже на тех божков, которых у нас в Сидоне ставят в часовнях на перекрестках дорог. Со ступенек храма был виден весь город. Бесчисленные дома со светящимися огоньками, окруженные деревьями и пальмами, спускались по склону холма к морю. Оттуда доносился знакомый шум морского прибоя.

Позади себя я услышал шипение и оглянулся. Две большие, длинные, как жерди, черные змеи ползли по белым плитам. Они высоко подняли головы и шипели, как гуси, приближаясь с двух сторон ко мне. Отступив назад, я прижался к спине каменного бога и едва не упал — сзади меня открылась дверца, я проскочил внутрь и захлопнул ее. Сверху проникал слабый свет. Ступеньки вели к голове бога. Справа в углублении в медном котелке тлели раскаленные угли. Возле них висела связка восковых свечей. Я поднялся по ступенькам, и моя голова оказалась в пасти каменного бога.

Снаружи послышались голоса. Неизвестные говорили совсем близко. Женский голос ласково уговаривал:

— Дедушка, не бойся, подходи ближе. Подымись сюда и сядь на ступеньках, а я буду петь молитвы. Подержи корзинку с голубями. Я посмотрю, здесь ли жрец Эшмуназар.

Слабый, старческий голос отвечал:

— Не отходи от меня, Эмашторет! Я боюсь этого бога. Он глядит на меня огненными глазами, точно хочет каменной лапой раздавить мне голову.

Сандалии Эмашторет застучали по каменным плитам. Она воскликнула:

— О священные змеи, не троньте меня! Вот я принесла вам чашку молока. Я не сделала ничего дурного, пропустите меня в храм!

Скрипнула дверь. Кто-то сердито спросил:

— Что тебе нужно? Зачем тревожишь меня так поздно?

— Я целый день работала на поле и освободилась только сейчас. Протяни мне руку милосердия и разреши мне произнести молитвы всемогущему Ваалу-Хаммону.

— Ну, хорошо, хорошо, дочь моя! А ты не забыла принести положенное даяние в пользу храма? Не скупись, не жалей даров на богоугодное дело.

— Я принесла двух белых голубей, четыре рыбки и сноп пшеничных колосьев.

— Скупы стали люди,— хрипел жрец.— Другие не жалеют для нас барана или теленка. О чем ты хочешь молиться?

— Шесть лет назад в этот день я потеряла сына. Он с другими мальчиками играл на морском берегу. Подъехали лодки, в них сидели злые люди. Они схватили детей и увезли их в море. Только двое из игравших на берегу прибежали домой и рассказали про кражу детей... Тогда моему сыну было десять лет...

— Стань здесь на колени,— ответил жрец,— закрой глаза, протяни могучему богу руки и молись.

Нежный голос запел песню, в которой чувствовалось глубокое горе:

Верни мне сына, моего прекрасного сына!
Он был похож на жемчужину в раковине.
Он был мое сердце,
И сердце мое вынули у меня.
Верни мне сына, моего прекрасного сына!
И месяц и солнце по очереди светят на землю.
Они освещают и днем и ночью мою грустную жизнь.
Все для меня померкло с потерей сына,
И в сердце моем и пламя и ад.
Верни мне сына, моего прекрасного сына!
Неужели он убит и не видит больше и не слышит?
Лгут они, лгут! Не умер он, а скитается по свету.
Кто скажет мне, несчастной, где мой прекрасный сын?
Я обернусь белой голубкой и полечу к нему[1].

---

[1] Эта песня поется женщинами на берегах Сирии. (См. Кундурушкин. «Сирийские рассказы».)

Этот голос походил на голос моей матери, песня говорила о том же горе, которым страдала теперь Ам-Лайли. Невольные вздохи стали вырываться из моей груди. Я не мог больше удержаться, стал сильнее всхлипывать и наконец громко зарыдал.

Голоса затихли, раздался шепот:

— Ты слышишь? Даже сердитый бог Ваал-Хаммон не выдержал и сам заплакал.

Потом раздались крики и топот ног.

Я поспешил выбраться из каменного бога и вышел на ступеньки храма.

Женщина с криком бросилась ко мне:

— Вот он, мой Харух, мой маленький Харух! Ваал услышал мои молитвы и вернул мне сына!

Она подбежала ко мне, схватила меня за руку и стала всматриваться в мое лицо:

— Те же кудри, те же глаза! Но где родинка на щеке? Кто ты?

Я все еще продолжал обливаться слезами и, всхлипывая, сказал:

— О добрая женщина! Мне стало жаль тебя — я тоже оторван от матери разбойниками моря. Поэтому я вышел к тебе. Прошу тебя, не плачь! Ты еще найдешь твоего сына! Но ты не моя мать. У нее другое лицо и на щеке синие черточки.

Медленно приблизился старый жрец в высоком колпаке.

— Этот мальчик послан тебе самим богом Ваалом,— сказал он.— Это твой сын. Великое чудо случилось в этом храме.

— Но мой сын похищен шесть лет назад — значит, он должен быть гораздо старше этого мальчика.

— Глупости ты говоришь, неразумная женщина! Бог Хаммон похитил его и держал на облаках. Это время пролетело, как один вздох, и твой сын не мог измениться. Это говорю я, кохен[1] Эшмуназар, а кохены никогда не ошибаются. Говори, мальчик, ведь тебя зовут Харух?

Я раздумывал, что мне ответить, так как вся моя забота была спасти товарищей на корабле.

— Не знаю,— ответил я.— Я несу записку от Софэра, лекаря из Вавилона. Он мне сказал: «Ты пойдешь в город

---

[1] Кохен — жрец, священник.

к мудрому хохому Сунханиафону и отдашь ему мое письмо с приветом». Я спросил Софэра: «А где живет этот мудрец?» Софэр-рафа ответил: «Не беспокойся. В Карфагене всякий проведет тебя к нему».

— Разумеется! — воскликнул кохен.— Кто же не знает Сунханиафона, мудрейшего из мудрейших? Он понимает язык птиц и читает по звездам судьбу человека.

— Но как же мне найти его?

— Мы передадим письмо. А сейчас мы должны созвать народ и рассказать ему о великом чуде, как мальчик в один день перенесся по воздуху из далекого Вавилона в Карфаген...

— Но я никогда не был в Вавилоне! — опять прервал я старика.— Это мой учитель Софэр прибыл из Вавилона.

— Молчи, если тебя не спрашивают! Старшие лучше тебя понимают. Как зовут тебя?

— Элисар.

— Я ведь сказал уже тебе, что твое имя отныне будет Харух.

Жрец подошел к дереву и потряс его. Зазвенели бронзовые колокольчики в виде голубей, висевшие на ветвях. Из храма вышли два заспанных чернокожих раба.

— Бали и Мхенд, принесите сюда носилки, сейчас мы пойдем к правителю города.

Эмашторет с удивлением отшатнулась от меня:

— Мальчик, неужели ты будешь говорить неправду, что прилетел из Вавилона? Ведь это ложь!

— Что ты здесь путаешься! — закричал на нее жрец.— О неразумная, беспокойная женщина! Я сам своими глазами видел, как по небу летела золотая колесница, запряженная огненными конями, и спустилась здесь в саду, опалив листья деревьев. Из колесницы вышел этот мальчик с письмом в руке. Я сам это видел, кохен Эшмуназар, а кохены никогда не ошибаются...

Чернокожие подошли с носилками, разукрашенными бахромой и бубенчиками, и опустили их на землю. Жрец Эшмуназар приказал мне лечь на эти носилки. Мне было стыдно перед женщиной, похожей на мою мать. Она стояла в стороне, прижав руки к груди. Вероятно, она считала меня постыдным лгуном. Но я был не виновен! Мне нужно было только поскорее увидеть мудрого Сунханиафона.

Чернокожие подняли носилки и пошли по дорожке сада. Впереди шел раб с шестом, на конце которого был

подвешен на цепочке горящий светильник, позади — два музыканта. Один свистел на флейте, другой ударял в бубен.

Кохен шел сзади носилок, закутанный в белый плащ с черными полосами.

4. УЧЕНЫЙ СУНХАНИАФОН

Мы двигались по пустынным узким улицам, подымались по крутым лестницам, проходили мимо закрытых лавок. Я видел высокие каменные дома со множеством окон. Флейта звонко свистела, бубен гудел.

Отовсюду, из окон и дверей, выглядывали люди и спрашивали:

— Кто едет?

— Посол из далекого Вавилона,— отвечали носильщики.

Внутри города была стена, сложенная из больших, ровно отесанных камней. Несколько воинов нас окружили, но, узнав кохена, пропустили с восклицаниями:

— Помолись, праведный кохен, о нас, защитниках города!

Пройдя несколько улиц, мы остановились около длинного дома с плоской крышей, украшенной статуями и стеклянными шарами.

Кохен схватил меня за руку крючковатыми пальцами, и мы стали подыматься по каменной лестнице.

Над одной из дверей горел светильник. Кохен постучал, толкнул дверь, и мы вошли в маленькую комнату. Она была затянута большим ковром. Посредине на корточках сидел маленький, очень тощий человек, на голове его не было ни одного волоса: она походила на страусовое яйцо. Он читал развернутый свиток. Возле него на ковре было разложено много папирусов. На некоторых были рисунки зверей, ящериц и червяков.

— Привет тебе, Сунханиафон! — прошептал кохен.

Сидевший не ответил и продолжал читать свиток.

— Я пришел по важному делу к тебе, светило мудрости,— продолжал кохен.— Я привел к тебе мальчика, который прилетел по небу в огненной колеснице.

Сунханиафон повернул голову и смерил нас взглядом:

— Вероятно, у тебя мало дохода от богомольцев, и ты

от жадности видишь то, чего нет,— ответил он и снова стал читать свиток.

Тогда я воскликнул:

— Софэр-рафа многоязычный тебе посылает письмо!

Ученый сразу встал.

— Я знал в Вавилоне мудрого человека, которого звали Софэр-рафа! Неужели он жив? Он собирался ехать к скифам. Где он теперь?

— Он сидит здесь в гавани, голодный, без хлеба. Его не пускают на берег и завтра продадут на базаре, как овцу.

Сунханиафон взял от меня свернутый папирус, развернул его, расправил на колене и, опустившись на ковер, стал читать. Потом посмотрел на меня и сказал:

— Подыми полу одежды твоей и утри нос и глаза. Недостойно будущему мудрецу или воину проливать слезы.

Ученый еще раз прочел письмо и свернул в трубку.

— Спасибо тебе, почтенный служитель храма, что ты позаботился и об отроке и о судьбе моего друга, мудреца из далекого Вавилона. Если тебе нужна моя помощь, то говори. А на огненных колесницах, как некоторые говорят, боги летали тысячу лет назад. Но так как теперь боги не хотят показываться людям, сколько мы их ни просим, то ты лучше всем говори, что видел колесницу во сне, а не на небе, где теперь летают одни птицы. Мальчик, пойдем со мной.

Сунханиафон завернулся в плащ и повел меня внутрь дома. По витой лестнице мы поднялись на крышу.

Несколько человек сидели полукругом на красивых скамьях с изогнутыми ножками. На высокой бронзовой подставке горел светильник, сделанный в виде голубя, и от огня шел приятный аромат. Сунханиафон подошел к одному из сидевших, украшенному золотыми браслетами и ожерельем.

— Высокочтимый шофет![1] Я слышал, что ты хочешь послать корабли в такие земли, где можно обменивать на золото товары нашего великого города. Позволь присоединиться к твоей эскадре светилу мудрости из далекого Вавилона, хохому Софэру-рафа. Он объехал все земли, был на далеком севере, где народы живут под вечно падающим снегом, и был на горячем юге, где звероподобные карлики, покрытые шерстью, устраивают свои дома в гнездах птиц.

---

[1] В Карфагене было два шофета: главный правитель города и правитель республики.

— Но где же этот мудрец из Вавилона? Приведи его сюда, я бы хотел послушать его речи.

— Он не может к тебе прийти. Корабль, на котором он прибыл в нашу гавань, захватили твои стражники и никого не выпускают на берег, а мудреца они хотят продать в рабство.

Тогда один из сидевших вскочил, и в нем я узнал того человека, который в гавани приказал задержать наш корабль.

— Это совсем не так,— сказал он,— я объясню тебе, как это было. Мне донесли, что прибыл пиратский корабль, пострадавший от бури. Я приказал захватить его, а над всеми пиратами сделать скорый суд и одних казнить, а других послать на мельницу вертеть жернова. Корабль хорошо построен и пригодится нашим корабельщикам.

Шофет вспылил и затопал ногами:

— Ты плохо понимаешь мои приказания, начальник гавани! Да обезобразит Мелькарт твое лживое лицо! Ты рад продать в рабство мирных путников и даже ученого лекаря, который мог бы лечить наших моряков. Ведь наши пираты нам полезны, когда они грабят не нас, а хитрых греков и высокомерных египтян. Тотчас же отправляйся в гавань и освободи всех, кого ты самовольно взял под стражу. Торопись сделать это, иначе я не стану ждать гнева Мелькарта, а своей рукой обезображу твое лицо.

Начальник гавани поклонился, коснувшись рукою ковра.

— Твое приказание будет исполнено,— сказал он и поспешно ушел.

Кажется, я запрыгал от радости, потому что шофет посмотрел на меня с удивлением и сказал:

— А ты, прыгун, чему радуешься?

— Я рад, что Софэр-бобо поедет вместе с твоими кораблями и мы попадем в страну Канар, где вместо земли золотой песок.

— Где же лежит такая страна Канар? Я никогда не слышал о ней. Что ты о ней знаешь?

Тогда я рассказал все о моем отце, о записке от него, выцарапанной на медной пластинке, и о том, что Софэр взял меня с собой и хочет разыскать страну Канар.

— Вот куда надо послать наши корабли! — заговорили сидевшие.— Если в той стране слугою царя сделался отец этого мальчика — наш сидонец, бени-Анат, то он нам

поможет завоевать эту страну. Мы продадим мужчин в рабство, отберем все золото, а земли поделим между нашими переселенцами.

Тут начались разговоры и споры.

Я слушал их, и глаза мои закрывались от усталости. Поэтому я обрадовался, когда Сунханиафон приказал мне идти за ним.

Когда мы оказались в комнате мудреца, он позвал слугу и приказал приготовить мне постель. Я лег в углу комнаты на пушистом мехе барана. Под головой у меня была мягкая подушка, набитая шерстью. Пол стал раскачиваться. Мне казалось, что волны плещут кругом, и я погрузился в крепкий сон.

5. НА УРОКЕ

Утром я проснулся от щекотания в носу. Я стал чихать до тех пор, пока из носу не вылетело куриное перышко. Я протер глаза и увидел, что в комнате на ковре сидели несколько мальчиков и каждый из них держал небольшую доску и заостренную палочку для письма. Они смеялись, глядя на меня, и я понял, что это была их шутка.

В комнату вошел Сунханиафон. В руках он держал свиток и длинную камышовую трость. Он уселся против мальчиков, ударил тростью по голове одного, который посмеивался. Все затихли и опустили глаза.

— Раскройте ваши уши и внимайте словам наставника,— начал он.— Вы будете сейчас писать о происхождении мира и до тех пор не встанете с места, пока каждый не скажет мне наизусть всего записанного, не глядя на доску.

Мальчики уселись поудобнее и приготовились писать.

— А ты можешь ли писать? — обратился ко мне Сунханиафон.— Можешь? Тебя научил Софэр-рафа? Очень хорошо! Тогда сядь рядом с ними и пиши. Вот тебе доска, натертая воском, а вот заостренный стиль (палочка).

Сунханиафон начал говорить медленно, нараспев:

— «По мнению мудрецов древности, началом всего живого на земле и на небе был воздух, мрачный и подобный ветру...»

Долго он диктовал. Мы устали писать.

Окончив диктовку, Сунханиафон остановился и начал

проверять доски учеников. У кого он находил ошибки, того ударял по голове тростью.

В комнату вошел Софэр. Сунханиафон поспешно поднялся и пошел ему навстречу. Они обнялись, положив друг другу голову на плечо. Затем Сунханиафон сказал мальчикам:

— Слушайте, мои ученики. Большая радость жаждущему путнику найти в пустыне чистый ключ воды. Такая же радость — увидеть старого друга, которого он не видал много лет. На сегодня вы свободны. Идите домой. Завтра утром приходите, и мы будем вместе беседовать о том, как произошел мир. Возьмите с собой этого мальчика и покажите ему красоты нашего города. А на эту штучку, мальчик, ты купишь себе сладостей.— И мудрец дал мне квадратный кусочек серебра.

Софэр разрешил мне пойти назад на корабль. Один мальчик вызвался пойти вместе со мной. Его звали Аби. Мы взялись за руки и пошли смотреть город.

Аби вел меня по узким улицам базара, где были бесчисленные лавочки. В них торговали всем, чем угодно: янтарем, нанизанным на нитки, цветными каменьями, раковинами, свежей и соленой рыбой и тканями всех цветов. В маленьких лавчонках, величиною с ящик, сидели на пятках купцы и торговали сладостями.

Мы подошли к продавцу фиников. Они слиплись, как тесто, и лежали на одном конце доски. Купец сидел на другом конце и отдирал покупателям пальцами куски большей или меньшей величины, смотря по плате.

За мое серебро мы получили большой кусок слипшихся фиников и еще несколько яблок.

Возле бань мальчики звенели в колокольчики и зазывали прохожих. Пекари выставляли лотки со свежими лепешками, поставленными ребром. Рядом продавали на глиняных блюдах вареных улиток, посыпанных тмином.

Мы прошли на рынок невольников. На площади сидели на циновках рабы всех цветов. Тут были сильные мужчины, женщины и маленькие дети. Возле каждой группы стояли продавцы и выкрикивали достоинства своих рабов:

— Сильный молодой раб! Умеет лепить посуду и ковать ножи! Будет полезен каждому хозяину!

— Ученый сапожник, быстро шьет сандалии! Кто его купит, тот может больше не заботиться о хлебе для

себя — его раб столько изготовит сандалий, что один прокормит целую семью хозяина.

Мы проходили мимо эфиопов, ливийцев, берберов и других рабов из разных стран. Все они были украшены цветными лентами, чтобы привлекать покупателей. Аби спрашивал всех:

— Кто из вас родом из страны Канар? Не слышал ли кто о стране Канар?

Рабы нехотя отвечали:

— Блаженны люди той страны Канар. Купцы еще о них не знают, поэтому канарцы не попали на этот рынок слез.

Но один человек сказал:

— Я знаю, где страна Канар.— Это был высокий бронзовый человек, сильный на вид, с правильным красивым лицом. У него были волнистые, с проседью волосы.— Подойди ко мне, мальчик. Если ты мне дашь фиников, которые у тебя в руке, то я тебе скажу, где Канар.

Он поднял ладонь и, перебирая пальцы, стал объяснять:

— Вот этот палец — столбы Мелькарта, этот палец — люди Бергуата, дальше, если ехать берегом моря,— люди Ха-Ха, дальше — люди Канар.

— А долго ли туда плыть?

— Фью! — Человек посвистал и показал на небо.— Ветер парус надувает, парус тащит корабль, и он идет все дальше и дальше. А потом будет день, и корабль придет в мой дорогой, мой красивый, как солнце, мой родной Канар.

Мы дали этому человеку все наши финики. К нам подбежал владелец этого раба и, замахиваясь палкой, стал кричать:

— Что вам здесь нужно, щенки? Целый день по базару ходят люди и спрашивают, где Канар. Это не к добру... Ступай-ка за мной отсюда! — закричал он на своего раба, и оба быстро скрылись в толпе.

Мы с Аби пошли к нашему кораблю рассказать Софэру о том, что узнали о стране Канар.

Когда мы пришли в гавань, то увидели, что «Кокаб-Цафон» вытащен на берег и стоит на подпорках. Несколько рабочих чинили его и конопатили щели. Бен-Кадех ходил вокруг корабля, трогал стенки, постукивал молотком и говорил:

— Мы скоро уйдем в просторы Внешнего моря[1]. Смо-

---

[1] Внешнее море — Атлантический океан.

три, Элисар, как стараются рабочие, чтобы корабль как можно скорее был готов для борьбы с бурями. Плыть по Внешнему морю — это не то, что здесь, во Внутреннем море[1]. Там волны громадны, как горы.

Я прыгал от радости, что мы поедем дальше, в диковинные страны.

6. СОВЕЩАНИЕ КОРМЧИХ

Прошло еще два дня. Наш корабль «Кокаб-Цафон» был уже спущен на воду, готовый отправиться в путь.

Бен-Кадех сказал мне:

— Смотри, как теперь переделан корабль: он весь покрыт палубой, от носа до кормы, как черепаха броней. В бортах прорези для весел могут быть наглухо закрыты ставнями. Два рулевых весла имеют гнезда и крепко прихвачены ремнями. Теперь кораблю не страшны волны Внешнего моря. Даже если они будут перекатываться через палубу, корабль будет прыгать на гребнях, как утка.

В этот день на нашем корабле началась суматоха. Пришло более ста человек, которые захотели ехать в страну Канар. Одни были худые, истощенные, в рваных одеждах, другие — хорошо одетые, со многими дорожными вещами. Все они расположились внутри корабля, под палубой. Мулы привезли связки копий и мечей и кожаные мешки с металлическими панцирями. Круглые щиты из толстой кожи, украшенные медными бляхами, были прикреплены снаружи корабля.

Пришла вереница верблюдов; с них были сгружены вьюки с мукой, зерном, сушеными плодами и соленой рыбой. Было погружено также несколько мехов с вином. Все это поглотил трюм нашего корабля.

В этот день к вечеру Софэр и Бен-Кадех пошли на соседний корабль, недавно прибывший в гавань. Он был значительно больше и наряднее других, и паруса его были из красных и черных квадратов.

Все говорили, что на этом корабле приехал с востока какой-то знатный и богатый князь. На палубе этого корабля было назначено собрание кормчих всех кораблей, которые поплывут в страну Канар.

Я стоял рядом с Софэром и видел, как по мосткам входили на корабль суровые люди, завернутые в пестрые,

[1] Внутреннее море — Средиземное море.

полосатые и лиловые плащи. У кормчих на шее были ожерелья из янтаря, раковин и розовых кораллов. На голых руках синей краской были нарисованы звезды и морские чудовища. Некоторые жевали красные листья, и казалось, что они сплевывали кровь.

Моряки уселись в круг на пестрых египетских коврах.

Пришел также начальник гавани, и сзади него шел Меремот. Он, видимо, стал любимцем начальника гавани, так как ходил за ним, как собака, нес за ним изогнутое тирское кресло и то и дело целовал край его одежды.

Начальник гавани сел в кресло и обратился к морякам:

— Храбрые пахари моря! Вы избороздили вашими кораблями все воды, обтекающие равнины земли. Теперь, по приказанию шофетов и совета рабби, вам предстоит с сорока кораблями поехать в неведомую нам страну Канар, лежащую за хребтом Атласа[1]. Там надо основать новое поселение наших мужей. Начальником всей эскадры будет славный друг нашего города, карийский князь Илла-Цар — да живет он невредимо и процветает десять раз десять лет! Сейчас лихорадка мучит его, и он не может прийти на совещание, но свежий морской ветер прогонит все его болезни. Жрецы во всех храмах уже совершают молитвы и будут каждый день приносить в жертву голубей и баранов, чтобы счастливым было ваше плавание.

Кормчие загудели, переговариваясь друг с другом.

Встал один, хромой и однорукий; обрубок правой руки был обвязан на конце красной тканью, охваченной золотым браслетом.

— Я не был в стране Канар, но знаю, где она лежит. Чтобы попасть туда, надо бороться с бурями, избегать подводных камней и уметь управлять кораблями в неведомых водах. Проехать до страны Канар может только очень опытный моряк, а повести целую эскадру сумеет только лучший из лучших. Почему от нас прячется князь карийский? Покажите нам его. Может быть, этот князь всю жизнь только лежал на ковре и воду видал только в бассейне своего фонтана? Мне говорили, что этот князь послал совету рабби десять кувшинов золота, чтобы они назначили его царем страны Канар. Хорошо, мы отвезем его в страну Канар, и пусть он там царствует себе на славу, но не следует сухопутному князю начальствовать над морскими акулами!

---

[1] Название «Атлантический океан» произошло от определения моря, лежащего за хребтом Атласа (или Атланта).

— Верно, верно! — закричали все.— Пусть князь карийский покажется нам. Мы сами решим, согласны ли мы, чтобы он повел наши корабли по грозному Внешнему морю. Зачем он спрятался, как крыса в трюме? Пусть выйдет к нам!

Тогда по лестнице на палубу поднялся высокий человек. До самых глаз он был закутан в красный шерстяной плащ. Голова была обмотана дорогой желтой шалью, затканной золотыми цветами.

— Вы хотели меня видеть? — сказал он.— Я здесь. О чем вы хотите меня спросить? — Он распахнул плащ и стоял, обводя мрачным взглядом всех сидевших.

— Лала-Зор! — воскликнуло несколько голосов.

— Да, я Лала-Зор и думаю, что никто не скажет, что я не умею плавать по морю и управлять кораблями. Мои молодцы наделали много всяких дел: и хороших и плохих,— а теперь они хотят приняться за новую работу. Я присоединяюсь к вашей эскадре с моими двадцатью кораблями. Всего поплывет шестьдесят кораблей. Сегодня должны быть погружены последние припасы. Каждый корабль получит вперед жалованье и еду для моряков на шестьдесят дней.— Говоря, Лала-Зор несколько раз смотрел в нашу сторону, и в его глазах искрились мрачные огоньки.— Мы отправляемся завтра с утренней звездой. Помните, что в море начальник — я. Кто посмеет ослушаться моих приказаний, будет вздернут на мачту!

Лала-Зор завернулся в плащ и медленно спустился вниз, в свою каюту.

Все кормчие направились к своим кораблям.

— Лала-Зор море знает,— говорили они.— Если он захочет, то проведет нас до ворот подземного царства и невредимыми доставит обратно.

Но другие кормчие покачивали головой и шептали:

— Можно ли верить этому человеку? Он способен нас всех продать в рабство...

Вскоре к нам на корабль пришел Меремот. За ним два рослых молодца Лала-Зора тащили мешки и оружие. Они сказали, что по приказанию начальника эскадры Меремот поплывет на нашем корабле и поместится в той каюте под мостиком, которая раньше принадлежала управляющему Маллуху.

Бен-Кадех посвистывал и усмехался:

— Посмотрим, куда мы теперь доплывем с таким начальником.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

«НАС ТРЕПАЛИ СМЕРТИ...»

1. СТОЛБЫ МЕЛЬКАРТА СДВИНУЛИСЬ

Утром все корабли при криках и песнях моряков вышли из гавани в море. Бен-Кадех стоял на мостике и отдавал приказания. Гребцов теперь не было видно — они были скрыты палубой.

Мы шли на веслах, пока не обогнули мыс с высоким маяком, потом попутный ветер понес всю эскадру в сторону столбов Мелькарта.

Мимо нас потянулись цветущие, плодородные берега Африки, где виднелись то золотые поля пшеницы, то серо-зеленые рощи маслин, то темные квадраты виноградников. За ними вдали подымались туманные горные хребты.

К заходу солнца все корабли пристали к берегу тихой бухты, защищенной от ветра скалами. Здесь впадала в море река, и все корабли набрали в кожаные мехи свежей воды. Корабли стояли на якорях вблизи берега. Желавшие сойти на берег поднимали платье на плечи и брели по пояс в воде.

Когда загорелись костры, на которых корабельщики варили рыбу, подъехали всадники на красивых конях. Они соскочили с коней и оставили их стоять непривязанными, но кони не сходили с места. Люди эти назывались нумидийцами. У них — курчавые волосы, в которые воткнуты большие орлиные перья. Некоторые из сидевших у костров молодцов Лала-Зора тихо сказали другим:

— Давайте поймаем этих черных обезьян и посадим на весла грести вместо себя.

Они бросились на нумидийцев, желая схватить их, но те отчаянно закричали и побежали прочь. Они засвистели, кони сами подбежали к ним. Нумидийцы вскочили на них и ускакали. Но все-таки два нумидийца были пойманы, связаны и отведены на корабль.

Бен-Кадех спросил:

— Чем вы будете кормить этих людей? У нас еды мало, а путь очень длинен.

— Мы их совсем не будем кормить! — захохотал Меремот.— Если они подохнут, мы их выбросим в море. На их место мы поймаем новых. Вот нашел кого жалеть!

— Теперь другим корабельщикам нельзя будет останавливаться в этой бухте,— говорили корабельщики.— Жители озлобятся и постараются отомстить неповинным путникам.

Десять дней плыли корабли, приставая на ночь к берегу. В яркие лунные ночи корабли продолжали плыть без остановки. Мы могли бы доплыть до столбов Мелькарта, как обычно, в семь дней, если бы только ветер был нам благоприятен.

На одиннадцатый день вдали зачернела высокая скала. Это угрюмая каменная громада с отвесными стенами дремлет над самым морем. Из всех ее щелей поднимались кактусы и алоэ, и целые потоки зеленых растений повисли цепями, покачиваясь от порывов ветра.

За скалой на север раскинулись цветущие, залитые солнцем берега счастливой Иберии[1] с зелеными рощами и лугами, на которых паслись стада быков и овец. К югу, за широким проливом, поднимались розовато-желтые скалы и холмы Африки. Говорят, что раньше Иберия и Африка были соединены перешейком, но бог Мелькарт раздвинул берега и соединил проливом Внешнее и Внутреннее моря.

Как только передние корабли прошли мимо мрачной, темной скалы, они стали кивать носами, точно совершали моления богам. Внешнее море встретило нас грозными валами и стало бросать корабли, то поднимая их на гребни громадных волн, то погружая в бездну между прозрачными горами зеленой воды. На всех кораблях моряки забегали, укрепляя паруса. Ветер звонко гудел в снастях, стал срывать морскую пену с гребней и швырять ее на палубу.

Головной корабль Лала-Зора подошел ближе к африканскому берегу. Здесь тянулись голые отроги величественного хребта Атласа, береговая равнина была пустынна, лишена деревьев.

Один из путников указал на высокую гору с отвесными

[1] Иберией в то время называлась Испания.

стенами. Трещины и расселины казались черными на залитой солнцем скале и напоминали непонятную древнюю надпись.

— Глядите на эти большие буквы, написанные на скалах,— говорили путники.— Сам бог Мелькарт мечом вырубил их, запрещая людям двигаться дальше этого места. Но разве что-нибудь может остановить сидонца? Он ничего не боится.

Я оглянулся назад, в ту сторону, где оставались Внутреннее море и путь на мою родину. Чем дальше плыл наш корабль, тем теснее сходились столбы Мелькарта и наконец слились в одну серую линию далекого берега.

А впереди катились валы, один выше другого, и берега Африки медленно уходили назад. Кое-где показывалась одинокая деревушка. Из круглых, как ульи, убогих шалашей на отмели выбегали голые чернокожие люди и смотрели на растянувшуюся вереницу наших кораблей.

2. НОВЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я люблю море и плаваю, как пробка. Сам Гамалиель говорил, что я плаваю почти так же ловко, как он. Меня не пугают волны, я боюсь только громадных зубастых акул.

Все путники расположились внутри корабля, под палубой, я же нашел себе место на носу корабля, на площадке около бронзовой рыбки, которая вертится на длинном стержне и показывает, куда дует ветер. На площадке лежали свернутые кольцом канаты. Когда волны хлестали в борт корабля и обдавали брызгами палубу, я забирался в щель под площадкой и оттуда смотрел, как путники, облитые водой, поспешно убегали вниз через люк.

Внизу под палубой теснилось более ста человек; каждый на своем месте разложил мешки, кувшины и другие вещи, а некоторые только разостлали порванные плащи. Первые дни все друг с другом ладили, пели песни, играли в кости, а больше всего спали.

В тихую погоду Софэр сидел наверху около меня между канатами, смотрел на морскую синюю даль и рассказывал о своих путешествиях по далеким странам. Но как только ветер начинал качать корабль, Софэр спешил вниз и звал меня с собой.

В трюмах ехали бедняки. У них не было ничего за душой. Они хотели в новой стране найти землю, построить хижину и посеять хлеб. Были там и купцы с белыми пухлыми руками. Они везли с собой много мешков и все время рассуждали и спорили о том, как похитрее продать товары диким племенам, как выменять у них на дешевые колокольчики, бусы и побрякушки золотые браслеты и ожерелья.

Ссора между путниками началась из-за того, кому из них грести. Бен-Кадех всех без исключения разделил на три смены, которые по первому окрику должны были браться за весла. Купцы громко ворчали, что они не умеют грести, что у них нежные руки. «Наш великий город,— говорили они,— не может жить без купцов. Разве не купцы принесли ему все его богатства? Поэтому нельзя купцов обременять тяжелой работой». Во время гребли они задыхались, пыхтели, путали весла и задевали за соседние. Некоторые нанимали бедняков, чтобы те гребли вместо них.

Тут Меремот стал разжигать ссору и подстрекать всех купцов. Он переходил от одной кучки купцов к другой и нашептывал им:

— Этот кормчий Бен-Кадех вмешивается не в свои дела. Сам бог Ваал приказал, и это написано в древних книгах: «Купцы пусть торгуют, а оборванцы пусть работают». Для них это дело привычное, и платить им за это нечего. Довольно и того, что их кормят.

Беднякам же он шептал другое:

— Вам не для чего грести. Нужно наловить рабов и посадить их за весла. Это кормчий Бен-Кадех вас принуждает исполнять тяжелую работу.

Бедняки отвечали:

— Кормчего ругать не за что. Море его просолило, и ветер его высушил. С ним нигде не пропадешь. Мы согласны грести, только бы нас получше кормили — тогда и сил у нас будет больше.

Раз я забрался в свою нору на носу корабля. Ветер срывал пенившиеся верхушки гребней, брызги били в лицо.

В это время ко мне под канаты стал пробираться юноша, один из «оборванцев», как их называл Меремот.

— Э, да ты здесь, маленький Софэренок! — сказал он.— Найдется ли здесь место и для меня?

Юноша растянулся около меня, вынул две луковицы и одну сунул мне. Затем он достал высохшую, заплесневе-

лую лепешку, разломил ее и дал мне половину. Так началась наша дружба.

— Меня зовут Бигвай, и мне шестнадцать лет. В нашем городе я служил у хлебника. Мне надоело целый день месить тесто, затем головой лезть в горячую печку, чтобы наклеить по всей стенке лепешки. Я хочу повидать высокие горы и степи, где львы гоняются за жирафами, а то жизнь пройдет, и я ничего не увижу.

— А ты сам кто такой? — спросил я.— Наш, бени-Анат, или другого племени? У тебя кожа слишком смугла.

— Я не знаю, кто я. Мать моя — берберка, отец — из Египта. Я родился в пути на греческом корабле, он затем разбился о скалы около Кирены. Оттуда моя мать попала в город Утику. Тогда мне было десять лет. Там меня украли морские разбойники и продали в Египет. Год назад я забрался на уходивший корабль и приплыл в Карт-Хадашт. Я знаю несколько языков, а кто я — не все ли равно? Я просто Бигвай и всегда весел, сыт ли я или голоден.

— А скажи мне, Бигвай, когда тебе было десять лет, не звался ли ты по-иному и не было ли у твоей матери имени Эмашторет?

Бигвай затрепетал:

— Откуда ты это знаешь? Да, это так было. Тогда меня звали Харух. Но разбойники после кражи детей всегда им дают новые имена, чтобы потом труднее было их разыскать.

Я рассказал о встрече с Эмашторет в храме Ваала, где бедная женщина молилась о возвращении сына.

Бигвай обнял меня:

— Какую радость ты принес мне сегодня, мальчик Эли! Теперь я знаю, где искать мою мать. Я вернусь из страны Канар обратно в Карт-Хадашт, найду Эмашторет и осушу слезы на лице ее. А с тобой мы будем друзьями, Эли. Я буду защищать тебя. Я знаю, что против твоего старика готовится очень дурное дело.

Потом он понизил голос и с таинственным видом спросил:

— Правда ли, что твой дед умеет делать золото? Неужели нет? А этот подлый червяк Меремот всем говорит, что твой старый Софэр очень жаден, имеет много золота, а никому не хочет объяснить, как он его делает. Поэтому ты берегись Меремота: он вам готовит какую-то гадкую штуку.

Бигвай не лгал. При первой остановке на наш корабль перебралось несколько молодцов Лала-Зора. В это время Софэр и я сидели на палубе и смотрели на пустынный берег,

где над зарослями носились тысячи уток. Одноглазый великан — пират Махарбал, с которым когда-то я танцевал «газлоним», подошел к Софэру.

— Ну, старик, довольно здесь валяться! Спускайся вниз, в трюм, и забирай с собой своего щенка.

Софэр спросил:

— Ты исполняешь приказание пославшего тебя или сам, своим умом решил держать нас в трюме?

— Так ты еще разговариваешь? — грубо закричал великан, схватил Софэра за плечо и потащил к люку.— Если я говорю, значит, так надо делать. Сам Лала-Зор приказал не спускать глаз с вас обоих и держать в трюме.

С этого дня ни мне, ни Софэру не приходилось больше выходить на палубу. Я стоял обычно около прорези для весел в борту и сквозь нее глядел на берега Африки. Софэр бранился, но что мог он поделать, старый и слабый?

— Доеду ли я до этой страны? Увижу ли Счастливые острова? — вздыхал он.— Или раньше эти люди, которых влечет к преступлению, погубят мою седую голову и выбросят меня в море?

Бигвай мне рассказывал каждый день, что делалось во время остановок. Через четыре дня пути после столбов Мелькарта мы прибыли в укрепленный стенами поселок Тхимпатирий; его устроили наши сидонцы. Целая толпа их выбежала на берег встречать наши корабли. Остановка здесь была короткая, так как ветер дул попутный. Здесь набрали свежей воды в кожаные мехи и накупили плодов и хлеба.

Следующее поселение было Солеис, при впадении в море большой реки. Оно было тоже окружено крепкими высокими стенами. Вдали я видел горы, покрытые густыми лесами. Отсюда несколько кораблей поднялись на веслах вверх по реке и прибыли в озеро, которое густо заросло тростниками; там водились дикие слоны, кабаны и другие животные, но охотникам не удалось сойти на берег. В камышах прятались люди, одетые в шкуры зверей. Они стреляли в корабли из луков отравленными стрелами; несколько наших охотников было ранено; вскоре они умерли.

Корабли спустились обратно в море; вся эскадра плыла дальше вдоль берега, пока не прибыла к реке Ликс. По обе ее стороны тянулись зеленые луга с высокой травой. На них паслись стада быков и овец, принадлежащих ликситам.

Ликситы — кочевники. Они живут в переносных черных

шатрах, сделанных из шерсти. Говорят они на языке, похожем на берберский.

Бигвай рассказал мне, что ликситы дружески встретили наших моряков и в обмен на привезенные товары отдали много быков и баранов. По словам ликситов, дальше за ними, в горах, живет народ дикого вида, ест сырое мясо и бегает быстрее лошади.

Во время одной стоянки на кораблях произошел раскол: почти половина ехавших заявила, что хочет остаться здесь и устроить новое поселение. Сами ликситы уговаривали их поселиться здесь, обещая уступить хорошие земли и дать часть своего скота. Лала-Зор сердился и требовал, чтобы все вернулись обратно на корабли и ехали с ним дальше, а высадившиеся кричали:

— На кораблях мы уже стали рабами Лала-Зора! Он всюду поставил своих надсмотрщиков. Пускай едут дальше те, кому хочется испытать сладость его плетей!

С одного корабля перенесли на берег большую каменную статую богини Таниты Астарты и поставили ее на бугре. Здесь будет основан городок. Все весело, с песнями стали строить из камня, хвороста и земли шалаши для жилья и окружать их валом. Для высадившихся поселенцев были оставлены часть оружия и съестных припасов и два корабля.

Наша эскадра двинулась дальше мимо племени Ха-Ха. Не раз мы останавливались в устьях рек, заросших камышами, где виднелись стаи крокодилов. Как серые неподвижные бревна, лежали они на отмелях, и белые хохлатые цапли сидели на их спинах.

Я видел громадных гиппопотамов, которые бóльшую часть дня проводят в воде.

Берега были топкие, и человек не мог ступить на них, так как проваливался с головою. Только толстые, жирные ящерицы ползали по этому илу и искали червей.

3. СТРАНА КАНАР

Через два дня пути мы прибыли к берегам широкой равнины, постепенно переходившей в горы. Она казалась совершенно пустынной. Днем на ней не было видно ни одного человека, но ночью на горах вспыхивали многочисленные огни. Они то потухали, то снова загорались. Из

зарослей, разбросанных по степи, доносились звуки флейт и неясный гул. Все решили, что в зарослях скрываются многочисленные воины и огнями подают друг другу знаки.

Как объясняли ехавшие с нами переводчики-ликситы, здесь уже начиналась страна Канар. Сорок дней прошло с тех пор, как мы оставили позади себя столбы Мелькарта.

Корабли стояли в бухте, в которую впадала небольшая река. Все суда были поставлены кормою к берегу, а носом в море, чтобы в случае опасности можно было сразу отплыть. В первый же день на берегу вокруг нашей стоянки были выкопаны рвы, насыпаны валы и на них поставлены часовые.

Солнце жгло равнину. Иногда вдали показывались стада диких коз. То они мирно бродили, пощипывая траву, то испуганно неслись вскачь, делая громадные прыжки и оставляя за собой облака пыли. На расстоянии двух стадий[1] начинался лес. Ночью оттуда доносились переливы флейты, удары бубнов. Несколько раз слышалось могучее рыкание львов.

Утром к лесу направился отряд наших моряков. Все громко пели песни и шли с беззаботным, веселым видом. Ни у кого не было ни копий, ни щитов, но каждый спрятал под одеждой меч. На плечах они несли корзины с вещами, которые любят дикие народы. На опушке леса они сложили все вещи на землю, сверху оставили папирус с такими словами:

«Мы — сидонцы, приехали, чтобы меняться с вами товарами. Если у вас есть кто-нибудь, умеющий говорить по-сидонски или на языке ликситов, пусть выйдет к нам и нас не боится. Мы хотим заключить с вами дружбу».

С пением песен наши моряки возвратились к кораблям. Ночью опять виднелись сигнальные огни на горах и слышались звуки барабанов и дудок.

На другой день наш отряд снова отправился к лесу. На том же месте, где были оставлены подарки, стояли плетенные из камыша корзины, полные бананов, фиников и других плодов, соты с медом и большие выдолбленные тыквы, наполненные сладким темным напитком.

Моряки принесли все это к кораблям, громко браня канарцев:

— Для чего мы ехали так далеко? Чтобы получить за

---

[1] Стадий — древнегреческая мера длины, от 150 до 190 м (Stadion — *греч.*).

наши товары и за все му́ки, которые мы претерпели, какие-то корзины бананов и фиников? Мы их и дома имели. А где же реки, текущие молоком, где берега из золотого песка? Смерть тому, кто обманул нас!

Недовольные пошли к кораблю Лала-Зора и стали требовать, чтобы он показался. Весь путь мы не видали Лала-Зора. Его корабль плыл всегда впереди, с него передавались приказания, но старый пират сидел в плетеной беседке, поставленной на высокой корме корабля, и никто не мог увидеть его. Толпа кричала и шумела. На мостик выскочил Меремот:

— Князь карийский болен — в него вселился злой демон лихорадки. Он не может к вам выйти.

— Ты сам злой демон лихорадки! Подай нам Лала-Зора!

Так как Меремот не уходил, то в него полетели большие раковины и камни.

Лала-Зор вышел на мостик, угрюмый, хромая и опираясь на гарпун.

— Смелые моряки! — сказал он.— Вы совершили путь, на который еще никто не решался. Едва ли кто-нибудь из сидонцев бывал в этих местах. Здесь, в стране Канар, есть золотой песок, плодородные земли и много скота. Все будет вашим, если вы сами, своим копьем возьмете эти богатства. Но нельзя поступать необдуманно. Народ здесь силен, многочислен и неуловим. До сих пор мы не видели ни одного жителя этой страны. Прежде всего достаньте мне несколько канарцев, чтобы мы от них выпытали, где их столица и сколько у них войска.

Один моряк предложил:

— Надо опять отнести подарки и устроить засаду. Когда эти проклятые невидимки выйдут, тут мы их и поймаем.

Это всем понравилось: бросили жребий, кому идти в засаду. Около ста человек отправились с подарками к лесу. К ночи вернулось восемьдесят. Двадцать человек залегли в овраге.

Утром оставленные в засаде не вернулись, и на разведку двинулся отряд в двести человек. Они увидели опять плоды вместо оставленных товаров, но их товарищи исчезли. Только на земле были видны следы борьбы и крови. На шесте, воткнутом в землю, висело двадцать лягушек, пронзенных стрелами.

Что стало с двадцатью товарищами? Живы ли они, взяты в плен или убиты? Степь молчала. Бигвай вышел вперед.

— Я знаю обычаи афров и берберов, и я вам объясню, что это значит. Лягушки, пронзенные стрелами,— это означает, что люди, живущие на воде, то есть наши сидонцы, все убиты и что другие, кто придет сюда, тоже будут убиты. Вот сколько стрел воткнуто в землю — это значит, что стрел у них хватит.

Когда отряд вернулся на берег, там поднялись шум и крики. Все опять собрались около корабля Лала-Зора. Он вышел на мостик.

— Мои молодцы подымались на ближайшую гору, они заметили за лесом много дымков. Вероятно, там находится город канарцев. Сегодня подкрепитесь едой, а перед самым рассветом тысяча человек пойдет со мной к этому городу. Канарцы дорого заплатят нам за убитых товарищей, а потом мы захватим их город.

4. «ПУТНИК, НЕ ОБМАНЫВАЙ ЭТИХ ЛЮДЕЙ...»

Перед рассветом Меремот подошел к спящему Софэру, толкнул его ногой и сказал:

— Ну, подымайся, старик, ты пойдешь с нами в столицу Канар.

— Не вступай в пререкания с ослом, если он лягнет тебя,— проговорил спокойно Софэр, привязал сандалии и взял посох.

— Разумеется, я пойду,— обратился он ко мне.— Может быть, я увижу там счастливый город честных людей. Они меняют плоды на товары — не значит ли это, что они не ценят золота и поэтому его не собирают? А ты, Элисар, тоже пойдешь со мной?

Я ждал, что сейчас увижу отца, что он будет свободен и вместе мы вернемся в родное Авали, в нашу старую хижину.

Корабельщики выступали двумя отрядами. Один, под начальством Лала-Зора, шел по прямому пути к городу, а другой должен был пробраться по долине в обход и напасть на город сзади.

Все шли бодрым ровным шагом, сверкая отточенными копьями. Многие были в панцирях и со щитами.

Только Софэр и я не были вооружены — какую пользу могли бы мы принести в бою?

Когда солнце взошло, мы были уже далеко от берега; пройдя песчаные отмели, мы вступили в степную равнину, усеянную кустами. Эти кусты стали шевелиться и уходить от нас. Чем дальше мы продвигались, тем быстрее отступали кусты и убегали в степь.

Я внимательно вглядывался и замечал в кустах бронзовых стройных людей, которые быстро отходили назад, согнувшись и закрываясь связками ветвей.

Вскоре вдали показались белые стены города и за ними множество домиков, сплетенных из прутьев и обмазанных глиной. Хижины теснились одна над другой по склону холма, и на круглых крышах прыгали остроносые собаки. Шерсть на них стояла дыбом, и они неистово лаяли в нашу сторону. На стенах города не было видно ни одного человека. Ворота были открыты настежь. Моряки ускорили шаги и с криками ворвались в покинутую жителями столицу Кана́р.

Софэр, держа меня за руку, прихрамывая, медленно шел по городу. Я жадно смотрел по сторонам, желая где-нибудь увидеть человека, похожего на отца. Всюду пробегали наши люди, врывались в хижины, вытаскивали оттуда плетеные коробки и выдолбленные тыквы, высыпали из них одежды, украшения из раковин и кораллов и бежали дальше. Перепуганные куры, хлопая крыльями, носились по улицам.

Только один Софэр оставался невозмутимым и своей старческой ровной походкой шел к середине города. Там мы попали на просторную площадь, где полукругом стояло несколько красивых домов, выстроенных из бревен и камня. Деревянные колонны были покрыты резьбой с разноцветными узорами. Эти дома и резные украшения на крышах напоминали сидонские дома, и я подумал, не здесь ли работал мой отец.

Посредине площади находился каменный склеп, в каких обычно в Сидоне хоронят покойников. Мое сердце забилось, когда я увидел над его входом сидонские буквы. Там стояло: «Путник, если ты сидонец, бени-Анат, то войди в этот склеп и прочти привет от Якира из Авали».

Софэр остановился, прочел надпись, вытер полой своей одежды глаза и посмотрел на меня.

— О мой бен-бен, будь мужественным и приготовься услышать, может быть, очень тяжкую для тебя весть.

Я растворил покрытую резьбою дверь; из склепа пахнуло прохладой. Мы спустились по ступенькам. Внутри склепа на каменной подставке стоял глиняный гроб. Крышка была разрисована цветами, а в середине ее была начерчена семиконечная звезда в круге, и на каждом конце звезды стояли имена семи планет.

Неужели отец умер и его тело лежит в этом гробу?

Послышался топот шагов на лестнице. В склеп вбежали Меремот и за ним несколько пиратов.

— Наверное, в этом гробу спрятаны сокровища. Дикие варвары всегда хоронят царей со всеми их богатствами. Ломайте!

Пираты разбили крышку мечами. С изумлением и яростью глядели они внутрь.

— Кто-то успел побывать уже здесь до нас. Скорее вперед! Обыщем дворец! — И все выбежали из склепа.

Я заглянул внутрь гроба — там было пусто. Нет!.. Я увидел маленький глиняный сидонский кораблик-светильник. На нем лежала тонкая медная пластинка. Софэр взял ее. Мы поднялись наверх, и там при ярком свете Софэр прочел:

— «Это пишет Якир, бени Анат родом из Авали, близ Сидона. Если тебе, путник, попадется эта пластинка, то передай другим сидонцам, чтобы они сообщили на родину, что я, Якир, жил три года среди племен Канар... Они просты и добродушны, как овцы, привязчивы, как собаки, но если их обидеть, то становятся опасными, как бешеные быки. Я научил их лить медь и стекло, строгать доски и на круге лепить из глины кувшины. Они меня отпускают на волю, но сделали эту могилу и гроб, чтобы я вернулся сюда в старости и умер у них. Я отправляюсь на родину, где еще надеюсь найти жену, сына и прежних друзей. Мир с тобой, путник! Не обманывай этих людей — они благодарны тем, кто делает им добро».

Кругом усиливались крики, слышался треск падающих стен. Софэр взял меня за руку:

— Пойдем, бен-бен! Здесь нам больше нечего делать!

По улице бежал Бигвай, за ним рысцой трусил серый ослик.

— Скорей ко мне! Бен-Кадех послал за вами! Немедленно вернемся на корабль — он сейчас уйдет в море, или мы погибнем!

Бигвай подхватил Софэра и усадил его на осла. Мы бегом

направились обратно. На ступеньках дома с красивыми колоннами толпились пираты и черпали из больших чанов опьяняющий напиток. Бигвай подгонял осла — мы спешили к берегу. Навстречу нам попадались группы наших товарищей.

— Все ли разграбили? — спрашивали они.— Осталось ли что-нибудь для нас?

— Не ходите туда,— отвечал Бигвай,— возвращайтесь обратно!..

Но товарищи не слушались и как безумные продолжали бежать по городу.

Бен-Кадех стоял на валу и смотрел в нашу сторону:

— Вы прибыли вовремя. Смотрите, кусты опять движутся. Они наступают на нас.

По всей равнине целые заросли кустов быстро передвигались и приближались к нам. Иногда выскакивали из-за кустов люди, раскрашенные белыми и красными полосами, и потрясали длинными копьями.

Все оставшиеся при кораблях товарищи притаились за насыпью, готовые к защите.

Канарцы подступали, толкая перед собой вязанки сухого хвороста, и когда были уже совсем близко, то подожгли его. Высокие языки пламени с треском взвивались, и искры сыпались на тесно стоявшие корабли. Наши воины смело бросались на приближавшихся канарцев, избивали их, но густые ряды бронзовых людей надвигались отовсюду, и их копья с широкими, как листья, лезвиями летели в наших защитников, сбивая их с ног. Камни, пущенные пращами, наносили тяжелые раны и с грохотом ударялись в борта кораблей.

Наконец показались отряды Лала-Зора. Они бежали в беспорядке. Одни — нагруженные мешками, другие — побросав оружие, с испуганными лицами, задыхаясь от быстрого бега.

Чтобы лучше видеть, я влез на мачту и забрался на верхушке в бочку. Мимо меня пролетали камни, шуршали оперенные стрелы. Массы канарцев все прибывали. Я заметил вдали Лала-Зора. Он защищался топором, и бронзовые люди падали вокруг него. Товарищи расчистили ему мечами путь. Они добежали наконец до лагеря.

— В море! В море! — раздавался общий крик.

Корабельщики стали отталкивать от берега корабли, и первым отплыл нарядный корабль Лала-Зора.

Все взбирались на корабли, отставшие бросались в воду и вплавь добирались до своих судов. Многие влезли на наш корабль. Среди них был Меремот, испуганный, бледный, дрожащий.

Больше нельзя было медлить. Бен-Кадех перерубил канат, и «Кокаб-Цафон» под ударами весел стал отдаляться от берега.

Так закончился набег Лала-Зора на страну Канар.

5. БЕРЕГА ПРОПАЛИ

Все корабли шли на веслах, стараясь не отдаляться от суши. Толпа канарцев бежала по берегу, следя за нами.

Корабль Лала-Зора был недалеко, и оттуда в трубу нам закричали:

— Подойти ближе, идти рядом!

Но Бен-Кадех приказал:

— Убрать весла! Поднять парус!

Ветер дул от берега в бурное, вспененное море, где ходили громадные валы. Парус надулся, и «Кокаб-Цафон» стал взлетать на гребни валов, уходя в открытое море. Вода перекатывалась через палубу, все попрятались в трюм. Меремот выглянул из люка:

— Что ты делаешь, Бен-Кадех? Разве ты не слышал приказа Лала-Зора?

А Бен-Кадех твердо отвечал:

— Мы плывем вперед, а кому не нравится, может прыгать в воду. Кэдэм! (Вперед!)

На корабле Лала-Зора тоже убрали весла. Он повернулся к нам носом, и два пестрых паруса поднялись на мачтах.

Бен-Кадех оглядывался назад, повторяя одно слово: «Кэдэм!»

Расстояние между кораблями не изменилось. Все другие корабли постепенно терялись в туманной зыби, берег тоже стал сливаться с небом. Впереди был тот беспредельный простор последнего Крайнего[1] моря, откуда корабли не возвращаются, где конец света и начинается вечная черная мгла.

Куда несется Бен-Кадех? Может быть, он предпочитает

---

[1] По представлению древних, Земля напоминала развернутый плащ, окруженный со всех сторон беспредельным морем.

погибнуть в море, чем попасться в руки молодцов Лала-Зора?

Я спустился вниз и, цепляясь за веревку, протянутую вдоль борта, пробрался на мостик к Бен-Кадеху. Он твердо стоял, держась за перила, и ветер трепал его плащ, потемневший от водяных брызг.

Бен-Кадех глядел вдаль и беспечно напевал:

Три дня, три дня гуляли мы
В ненастную погодку,
Руля, руля не взяли мы,
Когда садились в лодку...

— Бен-Кадех, куда мы плывем?

— Эх, мальчуган, твое лицо так искривилось, точно тебя сейчас высек твой дедушка.

Я старался улыбнуться.

— Долго еще мы будем так плыть вперед?

— Ты, кажется, хочешь, чтобы мы повернули назад и меня рядом с Софэром повесили на мачте? Ступай-ка ты вниз, а то тебя волной снесет в море...

И он опять запел:

Теперь плывем и вкривь и вкось,
Как утки в грязной луже.
Эй, молодец, плыви, не бойсь —
Бывало с нами хуже...

Я спустился под палубу. Все сидели и лежали в разных положениях. Масляный светильник, подвешенный посредине, раскачивался во все стороны. Софэр с иглой и ниткой стоял около одного раненого и сшивал ему рассеченное лицо. Бигвай с миской воды стоял рядом. Раненый, стоя на коленях, старался сдерживать стоны. Софэр, зашив лицо, перевязал его полосами разорванной ткани, затем улегся, положив голову на мешок.

— Бедный мальчик! — сказал он мне.— Зачем я потащил тебя с собой! Где же мы найдем спасение? И впереди гибель, и сзади гибель. Теперь надо, как подобает мудрецу, с достоинством встретить смерть.

Я улегся около Софэра, стараясь заснуть, но от качки меня бросало во все стороны, и часто ноги были выше головы. Я просыпался, раскрывал глаза, смотрел на раскачивающийся светильник и опять засыпал.

Среди ночи я очнулся. Светильник висел неподвижно. Что случилось? Я пробрался между спящими и поднялся на палубу.

Ветер стих. Парус беспомощно повис. Вокруг корабля непроницаемой стеной стоял белесоватый туман. Странный серебристый свет струился сверху. Волн не было. Море, которое так долго бушевало, теперь отдыхало, и его гладкая поверхность медленно то приподнималась, то опускалась — это ровно дышала грудь задремавшего океана.

Вдали послышалось пение. Оно все усиливалось. Раздавались взрывы смеха и крики. В тумане вырисовывался двухмачтовый корабль Лала-Зора. Он казался белым. На передней мачте висел человек. Ясно слышались всплески ударявших по воде весел. До меня донесся отрывок песни бессовестных молодцов Лала-Зора:

Он строил виселицу, гей!
Теперь пусть сам висит на ней...

Что произошло на корабле? Кто повешен? Корабль проплыл мимо, не заметив нас, и скрылся в тумане.

6. ГОСТЬ СО ДНА МОРЯ

Я пробрался на нос корабля, к моей норе, и пролежал там до рассвета. Утром я влез на мачту, уселся в бочку и смотрел кругом, не покажется ли где-нибудь земля.

Несколько раз невдалеке от корабля из воды показывалась громадная черная туша кашалота. Не спеша, выгибая дугой спину, сопя и фыркая, он выпускал к небу фонтан воды и медленно опять погружался в воду.

Внезапно корабль обо что-то ударился. Что это было — кашалот или подводная скала? Несколько человек поднялись на палубу и через борт стали смотреть в воду. Около корабля в глубине плыла громадная светящаяся масса. Она казалась то розовой, то зеленой, отливала молочным блеском, точно перламутровая раковина.

— Это всплыл царь моря,— сказал кто-то.— Скорей спасайтесь!

За первой плыла другая, такая же бесформенная масса. Я различил большую голову с выпученными темными глазами. От головы, как длинные змеи, тянулись щупальца, извиваясь и растягиваясь во все стороны. Щупальца протянулись к стенке корабля и присосались. Два глаза смотрели вверх.

— Осьминоги! Осьминоги! — раздались крики.— Хватайте мечи и топоры!

Все бросились к люку и с грохотом скатились вниз.

На палубе остался один Меремот. Он дремал, разморен-

ный горячими лучами солнца, и проснулся слишком поздно. Я крепко уцепился за мачту, боясь, что от страха вывалюсь из бочки. По стенке корабля медленно подымалась громадная серо-зеленая голова. Ее длинные могучие щупальца перевалились через борт и быстро поползли по палубе. От тяжести этой студенистой массы корабль слегка накренился набок. Меремот скатился к борту и напрасно пытался вскарабкаться к люку, сползая по гладкой палубе. Край головы приподнялся над бортом, на ней наливались красные бугры и наросты.

Два темно-синих глаза чудовища вытянулись вперед на багровых ножках и с любопытством уставились на Меремота. Тот упал на колени, протягивая руки, и кричал:

— Царь моря! Не трогай меня! Я каждый день пять раз молюсь Ваалу! Пожалей меня, я единственный сын у матери!..

Зеленые щупальца быстро поползли к Меремоту, обвили его и легко перекинули в пасть с крючковатым роговым клювом. В воздухе мелькнули длинные, тощие ноги Меремота.

Зеленая голова чудовища стала багроветь, точно наливаясь кровью. Синие глаза свирепо вращались, а челюсти двигались, перетирая то, что недавно было Меремотом. Одним из щупалец, бывшим в два раза длиннее остальных, осьминог зацепился за люк. Оттуда показался Бигвай и сильно ударил мечом. Мясистый зеленый обрубок завертелся на палубе, как червяк. Из люка, осмелев, стали выбираться корабельщики, и копья полетели в голову чудовища. Тогда осьминог отцепился от борта и грузно шлепнулся в воду. Корабль сильно качнулся в другую сторону, и я едва удержался в бочке. Порывистыми толчками морской владыка погрузился в морскую бездну, оставляя за собой темную жидкость, которая замутила воду.

Страшная смерть Меремота сблизила всех путников. Мы собирались кучками и обсуждали, что делать дальше, как бороться с чудовищами моря и всеми другими бедствиями, которые грозили нам гибелью на каждом шагу.

7. СЧАСТЛИВЫЕ ОСТРОВА

Весь следующий день невыносимо жгло солнце, но попрежнему ветра не было. Корабль на веслах двинулся к северу. По очереди сменялись гребцы. В полдень узкая

туча на горизонте подала надежду на ветер. Она рассеялась, и за ней показалась одинокая гора, похожая на перевернутую чашу. Из ее вершины клубился темный дым. Все выбежали на палубу, даже гребцы оставили весла. Софэр поднялся на мостик и смотрел вдаль, прикрывая глаза рукой.

— Что это — материк или остров? — спрашивали все.— Объясни нам, мудрый Софэр. Может быть, это остров Блаженных, где души героев находят себе успокоение после смерти?

Софэр сказал:

— О дети мои! Вам выпало большое счастье увидеть то, чего не удается видеть обыкновенным смертным. Это те Счастливые острова, до которых не доплывают. Если нам не встретится чудовище, которое поломает корабль, и мы не попадем в водоворот, который уносит суда в подземное царство вечной ночи, то мы увидим Счастливые острова и укажем другим путь, как до них добираться.

Теперь все бодро стали грести, надеясь, что впереди земля, вода и спасение.

Только поздно вечером, когда солнце село, корабль приблизился к острову; над вершиной горы вспыхивали молнии. Было уже темно. Остров резко выделялся на потухающем багровом небе. Корабль осторожно двигался вперед, чтобы не удариться о подводные скалы. Впереди, на побережье острова, загорелись красные огоньки; они перебегали с места на место, встречались и снова расходились.

Темнота все более окутывала море, и все резче разгорались красноватые огоньки. Наконец мы различили узкие длинные лодки. На носу каждой лодки стоял человек; в одной руке он держал пылающий факел, а другой — длинную острогу. Огоньки зашевелились, быстро поплыли в разные стороны и потухли — люди заметили нас.

Корабль приткнулся носом к обрывистому берегу. Наши моряки соскочили на землю и канатом прикрепили его к группе высоких пальм.

Софэр начал распоряжаться, точно он бывал уже здесь:

— Слушайте меня, мои друзья! Вы сделались врагами людей страны Канар. Не повторите той же ошибки! Здесь

живут люди с сердцами чистыми, как у детей. Чтобы подружиться с ними, нам нужно не напугать их. Вы видите следы костра. Разведем огонь, начнем варить себе пищу и споем песню, а песня призовет к нам жителей этого острова.

Все спустились на берег, полные недоверия к таинственным людям, боясь их нападения. Несколько костров запылало. Усевшись вокруг, мы все запели старинную песню моряков[1]:

Веселый и смелый, свой дом покинул я
За знойные пределы, за скрип корабля.

«Прощай, жена, да помни! Прощай, малютка сын!»
Дом скрылся за знакомым золотым песком косы.

Нас трепали смерти. Трещал корабль.
У каждого на сердце — голодный краб.
Девять долгих лет, как девять валов,
И каждый рассвет был тревогами нов.
И пришел я из пучин голубых ночей,—
Близ дома, так же чист, все журчит ручей.

Красавец на пороге не узнал старика:
«Эй, мать! Оставь тревоги! Расспроси моряка!

Отец ушел в дали, за жгучие моря.
Живем давно в печали и я, и мать моя».

Девять матросов, верней руль держи!
На сердце грузом былой простор лежит.

Эй ты, отпетый! Вперед, простак!
За буйные ветры, за скрип в бортах!

Песня неслась в тихом воздухе и эхом отдавалась в береговых скалах, где в красном свете костров показались люди с длинными белокурыми волосами, падающими на плечи, в коротких одеждах из козьих шкур. Они осторожно и с любопытством приближались к нам. В их руках были камни, дубины и копья с костяными остриями.

Все мы продолжали петь, как будто их не замечая. Островитяне подошли еще ближе, и один старик, с голым черепом и маленькой лохматой седой бородкой, выступил вперед; протянув руки, он пошел к Софэру.

Софэр сделал несколько медленных шагов ему навстречу, и оба, взявшись за руки, смотрели друг другу в глаза. Софэр указал на наших путников, сидевших неподвижно, и сказал: «Бени-Анат». Старик посмотрел на Софэра, на наших людей, видимо обдумывая; потом, указав на своих островитян, сказал: «Уанчи».

---

[1] Стихи А. Петрова.

Софэр повернулся к нам:

— Эти люди зовутся уанчи.

Островитяне подошли еще ближе и расположились кругом на камнях, наблюдая за нами. Софэр и старик уанчи уселись около огня и начали по очереди говорить, внимательно вслушиваясь в слова. Бигвай стоял поблизости и сказал Софэру:

— Язык этого старика немного похож на язык берберов. Я понял, что он спрашивает: откуда ты родом и зачем мы приехали сюда, на остров.

Тогда Софэр попросил Бигвая поговорить по-берберски. Старик уанчи оживился, услыхав речь Бигвая. Все остальные уанчи вскочили, быстро заговорили между собой, брали руки Бигвая и клали их себе на головы.

— Они говорят, что я их брат.

На корабле оказалось еще несколько человек, говоривших по-берберски. Они ласково беседовали с островитянами и старались им объяснять все, о чем те спрашивали. Сперва уанчи всего пугались, осторожно дотрагивались до стенок корабля и отдергивали руки, точно обжигаясь. Потом они стали смелее, измерили шагами длину корабля и очень ему удивлялись, говоря, что не могут построить такого, а умеют изготовлять только лодки, обтянутые кожей.

Скоро все уанчи ушли. У нас всю ночь горели костры, и корабль, на случай тревоги, был готов к отплытию. Но все было тихо и спокойно. Только вершина горы курилась дымом, который иногда вспыхивал багровым отблеском. Тогда раздавался отдаленный гром, и земля вздрагивала.

8. НАДО СПРОСИТЬ ПРЕДКОВ...

Утром уанчи вернулись и принесли финики, бананы, овечье молоко в выдолбленных тыквах и свежую рыбу.

Старик уанчи предложил пойти вместе с ним поклониться покровителю острова. Софэр условился с Бен-Кадехом, что все наши товарищи будут наготове помочь нам, если мы к вечеру не вернемся. Софэр, Бигвай и я пошли за старым уанчи по скалистой тропинке. Везде валялись куски красных и черных камней, выброшенных огнедышащей горой. Видны были потоки причудливо застывшей лавы с множеством пещер. Всюду подымались цветущие деревья, огром-

ные агавы, кусты лапчатых кактусов и много дикого винограда, обвившего стволы деревьев.

По склонам горы тянулся густой зеленый лес. Зайцы, кролики и дикие козы перебегали дорогу. Мы пришли к селению. Оно находилось на склоне горы и состояло из множества пещер и гротов. Мы заходили в пещеры. Большей простоты и бедности я никогда не видел: ложе — ворох пальмовых листьев, изголовье — гладкий круглый камень. Такие же гладкие камни служили сиденьем и столом. Миски, вырезанные из дерева и лавы, и большие морские раковины заменяли посуду для хранения молока и другой еды. В загородках, сложенных из камней, блеяли овцы и козы. Женщины и дети выбежали навстречу, осматривали нас и ощупывали ткань нашей одежды. На них были рубашки, сшитые из звериных шкур.

Перед селением возвышалось громадное странное дерево необычайной толщины; его ствол состоял из отдельных стеблей, крепко приросших друг к другу, и на верхушке длинные листья выходили прямо из ствола.

Старик уанчи подошел к дереву, упал на колени и что-то пробормотал. Затем вынул из-за пояса нож, сделанный из длинного острого камня, и воткнул в дерево. Когда он выдернул нож, из отверстия потекла ярко-красная струйка. Уанчи обратился к нам, а Бигвай объяснял его слова:

— Это дерево учит нас тесно стоять друг за друга, чтобы все были, как один ствол дерева. Тогда ничто не сможет покорить нас, подобно тому как никакая буря и землетрясения не могли свалить это дерево. Когда первые уанчи приехали на остров, они уже нашли это дерево. Теперь оно достигает вершиной облаков и живет уже несколько тысяч лет[1].

Старик опять упал перед деревом, подняв руки.

— Прости меня,— говорил он,— что я нанес тебе рану, но я сделал это не по злобе сердца, а чтобы показать слепым чужеземцам, что у тебя такая же красная кровь, как и у всех нас.

Старик уанчи поднялся и позвал нас идти дальше. По вьющейся тропинке, среди красных скал, мы поднимались вверх по горе. Миновав узкий проход, мы попали в высокую

---

[1] Описываемое здесь так называемое «драконово дерево» до сих пор находится на острове Тенерифе и почитается населением. Его возраст определяется в шесть тысяч лет. Из сока драконова дерева добывалась красная краска.

просторную пещеру с круглым потолком, с которого свешивались длинные белые каменные стрелы[1]. В куполе было отверстие, и сквозь него виднелось небо.

Сперва, после яркого дневного света, в пещере ничего не было видно, но, когда глаза привыкли к темноте, я заметил, что вся пещера полна людей. Они молча стояли полукругом. Посредине возвышался каменный жертвенник со ступенями. Старик уанчи раздул на жертвеннике угли и положил на них связку красного вереска. Ветки затрещали и стали дымиться. Уанчи запел дрожащим голосом, а Бигвай объяснял его слова.

— О вы, светлые почитаемые предки! Когда-то вы уехали из негостеприимной Африки, спасаясь от несправедливости и обид жестоких владык. Вы поселились здесь, на острове, и жили в труде и братской дружбе. Вы оставили нам примеры мудрости и достойной жизни. Вот здесь перед вами стоят люди из той же страны, из которой вы когда-то бежали. Что нам с ними делать? Утопить ли их в море, отпустить ли их обратно или оставить на нашем Счастливом острове жить вместе с нами?

Старик замолк и стал прислушиваться, закрыв глаза. Две желтые птички[2] порхали и перекликались под самым потолком. Один из стоявших уанчи упал. Раздался легкий треск, затем сухой шорох, точно зашумели гонимые ветром осенние листья. Старик оглянулся и подозвал меня.

— Иди, не бойся! — сказал Софэр.

Я пошел за уанчи. Он наклонился над лежащим, потом показал мне рукой, чтобы я поднял его.

— Только чистые сердцем дети могут трогать руками тела наших добрых предков.

Лежавший был очень тощий человек. Руки и ноги его казались костями, обтянутыми кожей. Я попробовал поднять его — он был легок, точно сделан из соломы. Я поставил его. Лицо его было высохшее, с впавшими щеками, глаза закрыты. Стоявшие рядом другие люди были все такие же, и к каждому была прикреплена тонкая острога с тремя зубцами.

Старик, обняв меня рукой, пошел обратно к жертвеннику. Здесь он повернулся к Софэру:

— Наши предки учили нас бояться людей, живущих там, за морем, откуда восходит солнце. Люди там хотят

---

[1] Сталактиты.

[2] Канарсйки.— Родиной канареск считаются Канарские острова.

сделать всех своими рабами. Я спросил предков, как поступить с вами. Они не могут ничего сказать — все они мертвы, но их слова всегда горят в нашем сердце. Мое сердце говорит мне: «Если вы, чужеземцы, не захотите нас обижать, то мы вам дадим землю и лодки, и вы станете нашими братьями».

Софэр ответил:

— Не знаю, что хотят сделать другие мои спутники, но я останусь на вашем острове.

Мы вышли из пещеры и отправились обратно к кораблю.

9. СОФЭР ПОКИНУЛ НАС

Ожидая благоприятного ветра, мы пробыли еще несколько дней на Счастливом острове. Таких островов несколько, они находятся недалеко друг от друга, и на каждом живут люди народа уанчи.

Я нашел глину и изготовил для Софэра много плиток: на них он описал наш путь от Карт-Хадашта до прибытия на остров. Я сделал из глины также круглую печку с решеткой и поддувалом, в которой обжег плитки с записками Софэра. Их он закопал в пещере, где стоят высушенные тела предков уанчи[1].

Я горячо просил Софэра поехать с нами обратно на мою родину, в Авали, и обещал, что он будет жить у нас как родной. Но Софэр отказался:

— Всю жизнь я искал людей, которые не делают несправедливости и не угнетают слабых. Теперь я нашел их. Может быть, я еще сумею научить их письму и другим знаниям, хотя силы мои слабеют. Когда-нибудь настанет счастливое время — это будет через тысячу, или две, или три тысячи лет,— но тогда, конечно, люди уже не будут воевать, не будет насилий, рабства и убийств. Люди будут изучать мир, законы жизни и природы. Они будут раскапывать землю, чтобы узнать, что находится внизу под нами, и тогда найдут мои плитки. Они прочтут о том, как несправедливо и жестоко народы жили в наше время и как трудно

---

[1] Мумии, набальзамированные народом уанчи, еще в 70-х годах XIX века находились в пещерах Канарских островов. Теперь мумии поломаны и растасканы. Предполагают, что в неисследованных пещерах, находящихся на верху отвесных скал на острове Тенерифе, еще сохранились мумии и другие памятники вымершего народа уанчи.

было людям устраивать лучшую жизнь. А ты, мой дорогой Эли, поезжай домой. Бен-Кадех — честный и храбрый моряк, и он тебя привезет на твою родину, в Авали. Мою белую ослицу, если она еще жива, я дарю тебе. Ты на ней будешь возить в Сидон для продажи твои глиняные кораблики.

— Нет! — ответил я.— Теперь я стану только моряком. Я видел всякие чудовища — и морские и человеческие, вроде Меремота и Лала-Зора, и теперь меня ничто уже не может устрашить.

Когда ветер задул в сторону Африки, Бен-Кадех спросил всех товарищей, не желает ли кто остаться на острове, но никто, кроме Софэра, не захотел поселиться среди народа уанчи.

Когда корабль отплыл от острова и парус наполнился ветром, я с грустью смотрел на берег, где среди уанчи стоял Софэр — самый удивительный, мудрый и добрый человек, какого мне случалось встречать и с которым мне приходилось теперь навсегда расстаться.

Мы плыли несколько дней, и наконец впереди показались линия берега и скалистые горы. Я узнал столбы Мелькарта: черный — с севера и розовый — с юга. Они постепенно раздвигались, и между ними засинел пролив. Там начиналось Внутреннее море, по которому уже нетрудно доплыть до родного Авали, где я увижу Ам-Лайли и, может быть, моего дорогого отца Якира.

Я завернулся в старый плащ, оставленный мне Софэром, и улегся между канатами на передней площадке на носу корабля.

Перед моими глазами вырастала наша хижина с пальмой, улица, которая вела к тому пустырю за огородами, где ребята вместе с Гамалиелем играют в шарики. Как они все закричат, когда я появлюсь перед ними! Мы заберемся в старый шалаш, чтобы нам никто не помешал. Много дней придется рассказывать им все, что я видел и узнал за время плавания на «Кокаб-Цафоне».

Как будут негодовать Гамалиель, Бахья и другие на тех, кто обижал нас, и как начнет реветь от страха маленький Ханания, особенно когда я буду рассказывать про осьминога, а затем мы все...

* * *

На этой незаконченной фразе обрывается повесть финикийского моряка о его удивительном путешествии на маленьком парусном и гребном корабле в страну Канар и на

Счастливые острова, совершенном две с половиной тысячи лет назад.

Ознакомившись с этой повестью, читатель может убедиться, что и в древние времена, так же как и теперь, люди любили свою родину, трудились, заботились о своих родных и близких; матери так же нежно лелеяли своих детей, оплакивали пропавших и радовались, встречая снова тех, кого считали давно погибшими.

И тогда были пытливые искатели знаний, как Софэррафа. Они бродили по разным странам, изучая жизнь народов. Были также ученые, как Сунханиафон-карфагенянин, стремившиеся понять законы Вселенной и происхождение видимого мира и на папирусных или пергаментных свитках излагавшие свои мысли и знания.

Уже тогда мореплаватели, среди которых особенно предприимчивыми и смелыми являлись финикияне, заводили дружеские связи с разными народами, открывали новые земли, а за ними пробирались туда купцы и морские пираты; первые вели меновую торговлю, вторые грабили прибрежные селения и увозили захваченных пленных, обращая их в рабов.

Было ли в действительности путешествие маленького Элисара, сына Якира, на крайний Запад, к Счастливым островам, или это фантазия, сказка — не это имеет значение; более важно то, что вся жизнь и быт той отдаленной эпохи описаны правдиво. Вот почему повесть «Финикийский корабль» может оказаться полезной и поучительной для наших юных советских читателей, которые из нее узнают, как жили люди две-три тысячи лет назад...

ПРИМЕЧАНИЯ

Финикия — страна предприимчивого, смелого, очень одаренного народа финикиян, занимавших узкую береговую полосу на восточном берегу Средиземного моря. Финикияне называли себя «сынами Анат».

Горные хребты, выходящие длинными мысами в море, создавали естественные удобные бухты, что помогало населению заниматься рыболовством и мореплаванием.

Население использовало каждый клочок земли. Горы расположены террасами, здесь с древних времен культивировались пшеница, а также виноград, оливки и другие фруктовые деревья.

В горах росли ценные кедры, особенно пригодные для постройки кораблей, а также дубы, сосны, ели, кипарисы.

Главными городами Финикии, имевшими большие, удобные для кораблей и хорошо защищенные гавани, были Тир и Сидон. В описываемое время в городе Тире жил могущественный царь Хирам, который, находясь в союзе с царем Соломоном, устроил удобные пути, охраняемые особой стражей, между Египтом, Персией и другими восточными странами. Эта международная торговля очень обогатила Финикию.

Как мореходы финикияне отличались исключительной смелостью. Греческий историк Геродот утверждает, что они, отправившись из Красного моря, обогнули «Черный материк» (Африку), доплыли до геркулесовых столбов (Гибралтара) и далее, Средиземным морем, прибыли в Карфаген.

Финикийские мореплаватели на своих маленьких парусных и гребных судах огибали также Европу и, может быть, заходили в Балтийское море, где на побережье торговали с туземцами, особенно разыскивая «электрон», как раньше назывался янтарь, считавшийся драгоценным и обладающим целебными свойствами.

Соломон — царь Израильско-иудейского царства в Палестине, сын Давида.

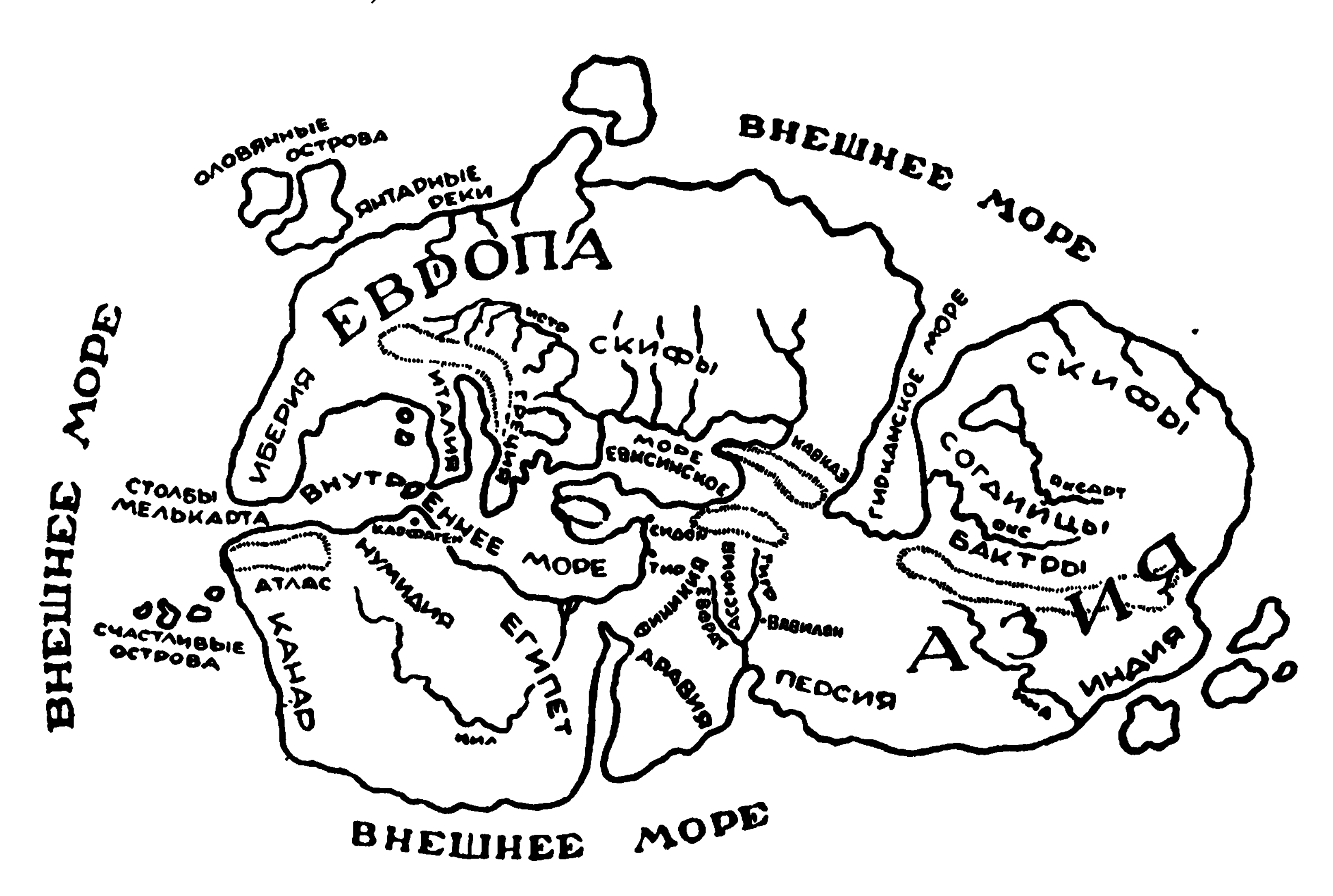
Во всех сказаниях ему приписывается особая мудрость. При Соломоне развилась торговля, был создан торговый флот. Он построил в Иерусалиме храм, получивший название «храм Соломона», от которого до настоящего времени сохранились только остатки стен, так называемая «Стена плача».

Пираты.— В древности морские пираты являлись бичом мореплавателей, свирепствуя на всех морских путях.

Счастливые острова.— У древних греков были предания, что на далеком западе, за столбами Геракла (Гибралтар), среди беспредельного грозного океана лежат Счастливые, или Блаженные, острова, на которых обитают тени светлых героев, насла-

ждаясь безмятежным вечным счастьем, и земли этих островов называются Елисейскими Полями. Об этом упоминает Гомер в «Одиссее», поэт Гесиод и другие.

Древние арабы также упоминали в своих сказках и легендах об этих островах, называя их «Вечными» или «Счастливыми» (Джезали эль-Халидад).

Земля, как ее изображали в древности: плоская и круглая, как блюдо, окруженная беспредельным Внешним морем.

Впоследствии острова получили название «Канарских» — возможно, по имени легендарной страны Канар, якобы лежавшей на западном берегу Северной Африки.

От мыса Джуби до Канарских островов 101 километр.

Они составляли архипелаг из семи больших и нескольких меньших островов.

По мнению некоторых ученых, все эти острова возникли вследствие вулканических извержений. Они покрыты горами. На островах много вулканов, которые до сих пор проявляют свою деятельность.

Существует, однако, мнение других ученых, которые считают Канарские острова и остров Мадейру последними остатками большого материка Атлантиды, лежавшего в доисторические времена в Атлантическом океане между Африкой и Америкой. Об Атлантиде существовало много легенд в древние и средние века. Высказывалось предположение, что загадочный народ уанчи, найденный на этих островах, является также последней группой великого народа атлантов, обитавшего на исчезнувшем материке и погибшего вместе с Атлантидой в пучинах океана.

Народ уанчи (или гуанчи) — коренное население Счастливых островов. Его происхождение до сих пор загадочно.

Помимо взгляда, что уанчи происходят от исчезнувших атлантов, существует предположение, что уанчи родственны древним египтянам, потому что они, так же как последние, искусно бальзамировали своих покойников и помещали их в особых пещерах в горах. Много очень древних мумий было найдено настолько высохшими, что каждая весила не более двух-трех килограммов.

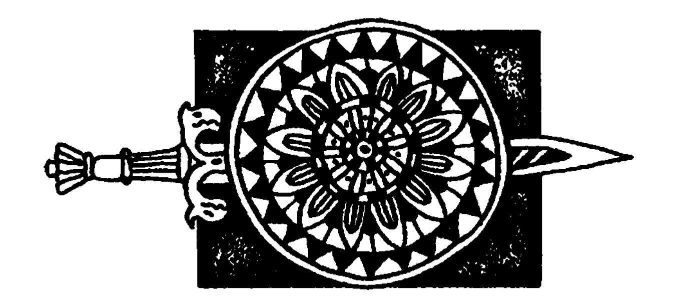
Немногие сохранившиеся слова уанчи имеют сходство со словами некоторых североафриканских племен, особенно берберов.

Мужчины уанчи, высокого роста, стройные и сильные, отличались мужеством и отчаянно защищали свою родину, когда в нее вторгались банды морских пиратов.

На каждом острове существовал свой особый правитель, окруженный советом старейшин.

Начиная с XV века на Канарские острова стали прибывать в большом количестве завоеватели — испанцы. В борьбе с ними тогда пали многие уанчи, другие были проданы в рабство, остальные, приняв католичество, породнились с испанцами. Поэтому потеряны все следы об уанчи как об отдельном племени. В настоящее время разговорный язык на Канарских островах испанский.

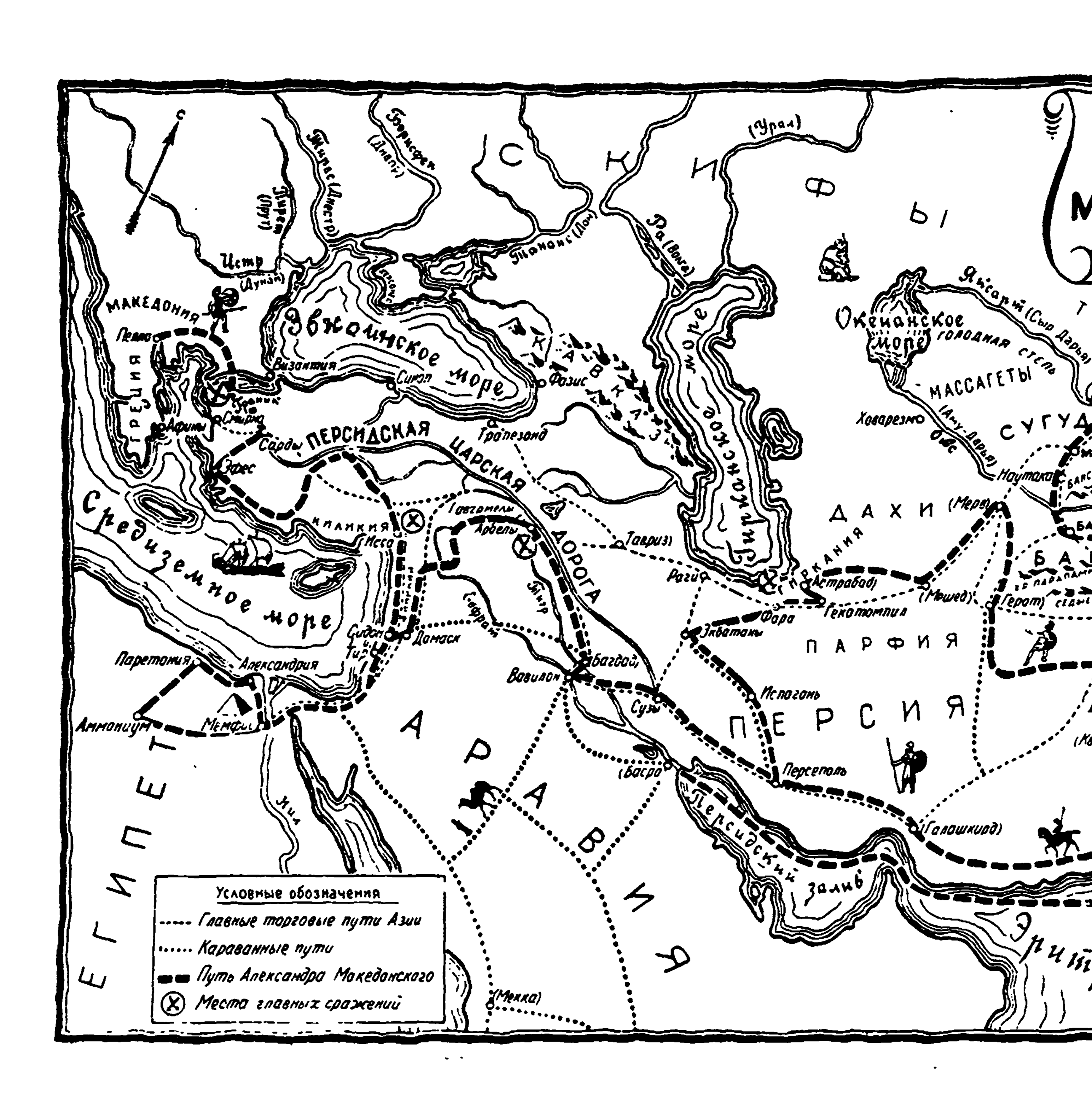
1930

ОГНИ НА КУРГАНАХ

Историческая повесть

Условные обозначения
Главные торговые пути Азии
Караванные пути
Путь Александра Македонского
Места главных сражений
МАКЕДОНИЯ
ГРЕЦИЯ
Эвксинское море
Средиземное море
ПЕРСИДСКАЯ ЦАРСКАЯ ДОРОГА
КИЛИКИЯ
КАВКАЗ
Гирканское море
Океанское море
МАССАГЕТЫ
ДАХИ
ПАРФИЯ
ПЕРСИЯ
АРАВИЯ
ЕГИПЕТ
Персидский залив
Византия
Синоп
Фазис
Трапезонд
Сарды
Эфес
Афины
Исса
Арбелы
Сидон
Тир
Дамаск
Вавилон
Сузы
Экбатаны
Персеполь
Александрия
Паретония
Аммониум
Мемфис
(Мекка)
(Басра)
(Тавриз)
Гекатомпил
Ховарезм
Наутака

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЛЕКСАНДР В ДОЛИНЕ СЕДЫХ ГОР

> Кто направлял средь битвы
> Молнией властной десницы
> Неумолимый, как рок,
> Удар золотых фаланг?..
>
> *(Из песен Аристоника)*

МАКЕДОНСКАЯ ЗАСТАВА НА ПЕРЕВАЛЕ

Там, где угрюмый хребет Седых гор[1] прорезан узким ущельем Священных лоскутов[2], близ источника Куропаток, под нависшими глыбами зеленоватого гранита с красными прожилками стоят полукругом кожаные палатки, растянутые на кольях. Они выгорели на солнце, и ветер не переставая треплет их.

Огонек костра с треском вспыхивает, когда в него подбрасывают пучок сухих колючек. Порывы холодного ветра уносят клубы густого дыма. Ветер раскачивает длинные стебли растений с желтыми цветами, гонит по дороге сухие листья фисташковых деревьев, которые растут по склону горы, вцепившись корнями в трещины скал. Иногда скатываются легкие высохшие шары перекати-поля и, прыгая, несутся по каменистому ущелью. По обе стороны тропы на всех кустах нацеплены розовые и синие выцветшие лоскутки, оставленные суеверными путниками. Ведь если не оставить подарка духам гор, спрятавшимся в глубине ущелий, то этим можно вызвать их гнев, и они сбросят скалу, напустят болезнь или заставят хромать лошадь, и путник не увидит родного дома.

Около костра, кутаясь в порыжелые шерстяные плащи, сидят бородатые воины. К огню протянуты их волосатые, загорелые ноги, обутые в красные кожаные сандалии, подбитые гвоздями. Ремни от сандалий переплетены до колен. Бронзовые шлемы, сдвинутые на затылки, потемнели от времени и носят следы многих ударов. Обветренные лица темны от пыли и загара. Глаза щурятся от едкого дыма.

---

[1] Седые горы (Сафэ́д-кох) — горный хребет к югу от долины Кабула в Афганистане.

[2] До сих пор в этом ущелье путники вешали на ветвях деревьев лоскутки от своих одежд в честь «духа гор». Отсюда и название ущелья.

— Проклятое место!..— ворчит один.— Холодный ветер дует из этой щели, как из кузнечного меха.

— Но, но! Клянусь Гераклом,— кричит другой воин,— даже кони бесятся здесь, на этом проклятом перевале!

Восемь лошадей привязаны к коновязям, по четыре в ряд, головами в середину, четыре вороных и четыре рыжих. Два жеребца ржали и взвизгивали, стараясь достать друг друга.

Воин прикрикнул на них, схватил несколько жгутов сена и стал раскручивать и пушить их перед присмиревшими конями.

— Аристоник никогда не позаботится о коне! Сидит где-нибудь на скале и мурлычет свою песню.

— Стой!..— раздался крик между скал.— Стой, бродяга, а то я проколю тебе живот!

Все три воина вскочили, схватив копья.

— Аристоник не прозевал! Кто-то хотел пробраться мимо поста. Нужно придержать его.

— Куда идешь?..— раздался сверху новый окрик по-персидски, и между большими камнями заметался странный тощий человек.

С необычайной легкостью, размахивая руками и широким плащом, похожий на летучую мышь, он бежал по склону горы, прыгая с одной скалы на другую, и к нему спешили наперерез воины, бывшие в дозоре. Путник сделал несколько прыжков, бросился к костру и здесь опустился на землю.

Этот человек, казалось, не мылся и не стригся от рождения. Длинные волосы, копной стоявшие над головой, спускались по спине чуть ли не до земли; они были заплетены в несколько кос, перевитых и перепутанных между собой и проткнутых на макушке длинными медными булавками. Курчавая бурая борода двумя прядями падала на грудь. Из-под грязной гривы черные глаза бросали недоверчивые, звериные взгляды. Полуголое, почти черное, тощее тело покрывал изодранный плащ, заплатанный яркими лоскутьями. Странник был подпоясан несколькими разноцветными шнурками[1], на которых висели медные кривые ножи, щипчики, буравчики, сушеные змеи, ящерицы и другие диковинные знахарские принадлежности. На босых ногах налипли слои засохшей грязи. В руках он держал длинный посох; на конце его болталась пустая тыквенная бутылка.

— Кто такой? Куда идешь? — спрашивали воины.

[1] Разноцветные шнурки на поясе — признак жреца огнепоклонников.

— Иду в Забул[1].— Он махнул рукой на север.— Я бедный атраван[2]. Хожу по свету и избавляю людей от злых дивов[3], посылаемых страшным Ариманом.

— Зачем крадешься по горе, а не идешь по дороге? Значит, ты имеешь дурные мысли! Зачем прячешься?

Атраван поднял к небу длинные костлявые руки.

— Вижу на небе то, что написано великим, всевидящим. Много крови прольется, не все вернутся домой...

— Это мы и без тебя знаем. Сиди здесь, попрошайка! Сколько денег собрал? Говори!..— Воин замахнулся копьем.

Атраван упал на землю и стал причитать:

— Ой, не убивай! Расскажу очень важное! Кто у вас начальник? Только ему скажу.

— Аристоник, иди сюда! Бродяга зовет начальника. Наверное, хочет обмануть! Чтоб с ним больше не возиться, сбросим его на дно ущелья!..

Со скалы спустился молодой воин в войлочной шляпе, завернутый в полосатый шерстяной финикийский плащ. В руках он держал кифару[4], и пальцы рассеянно перебирали струны.

— Кто это? — Воин зевнул и потянулся.

— Попрошайка. Такие постоянно шатаются по всем дорогам и все высматривают. Это самые подозрительные бродяги. Надо его прикончить.

Лохматый странник замотал головой, схватил край своего рваного плаща и стал желтыми зубами отдирать розовую заплатку. Он вытащил небольшой обломок серебряной монеты и протянул темную ладонь.

Аристоник взял монету, внимательно осмотрел ее и сказал воину:

— Берда, это нужный человек. На монете изображение нашего базилевса. Это сюмбаллон[5]. Ты его проведешь прямо в главную канцелярию к экзетазису[6]. Смотри, чтоб его доставить живым... Сиди здесь! — указал он на место у костра.

Из глубины ущелья послышались звонкие крики. Поды-

---

[1] В описываемое время Кабу́л — столица Афганистана — населением назывался Забу́л.

[2] Атрава́н — ученый жрец огнепоклонников.

[3] Дивы — злые духи бога зла Аримана.

[4] Кифа́ра — деревянный щипковый музыкальный инструмент с семью и более струнами.

[5] Сюмбалло́н — предмет с условными знаками, по которым два лица узнают друг друга, например, по половинкам разломанной щепки или монеты, концы которых должны сойтись.

[6] Экзета́зис — ведающий донесениями лазутчиков.

маясь по склону горы, приближались запыленные всадники, ослы и верблюды, нагруженные вьюками, возле них погонщики с бичами. Над всеми возвышался огромный серый слон с корзиной на спине. Он величественно шел размеренными шагами и раскачивал толстым хоботом.

— Стойте! Да обезобразит вас Геракл! — Воины скрестили копья.

Караван остановился. Из кожаной палатки вышел начальник поста; он стал обходить и опрашивать прибывших. Рядом с ним шел переводчик в круглой белой войлочной шапке.

Несколько всадников в красных плащах и ярко блистающих шлемах держались надменно и отвечали сухо и отрывисто.

— Посольство из Афин[1]. Нас четверо, пятый слуга. Пропуск есть для свободного проезда по Персии, подписан стратегом Парменионом в Экбатане[2].

— Подождете!

Группа путников, пестро одетых, сидела на ослах.

Они кричали все разом:

— Мы знаем, что славные непобедимые воины нуждаются во всем: в лекарствах от ран, приборах для бритья, ароматных мазях. Мы и продаем и обмениваем одни вещи на другие.

— Подождите здесь! Надо осмотреть вьюки.

— Ох, опять подождать!— застонали купцы.— Как остановка, так наши вьюки становятся более тощими!

Пожилой путник в полосатом плаще подъехал на высоком сером муле, покрытом зеленой сеткой с желтой бахромой. Покрой его одежды и золотистый тюрбан были необычны.

— Посол из вольного города Карт-хадашт[3] на берегу Ливии[4]. Со мной пять слуг и десять мулов с подарками для славного царя Македонии.

— Что ты бормочешь? Базилевс теперь уже не только царь Македонии, но повелитель всей Азии.

— Я буду счастлив приветствовать царя царей и поэтому совершил такой длинный путь.

---

[1] Афиняне были настроены враждебно к македонянам и неоднократно участвовали в открытых выступлениях против Александра.

[2] Парменио́н — один из старейших военачальников Александра; находился с резервными войсками в Экбатане, важном узловом пункте, охраняя тыловые пути и связь Александра с родиной.

[3] Карт-хада́шт — богатый финикийский город Карфаген на северном берегу Африки.

[4] В древности Африка называлась Ливией.

— Подождешь! А это еще кто?

Перед воинами завертелся, кривляясь, старик в пестрой одежде, сшитой из ярких лоскутков. На голове возвышался остроконечный войлочный колпак, расшитый звездами. На его плече сидела, обняв за шею, обезьяна и скалила зубы.

Приплясывая, старик скороговоркой объяснял:

— Показываю чудеса: вызываю духов добрых, прогоняю злых, везу знаменитую танцовщицу Тира и Сидона, прекрасную Анашторет. Она едет, чтобы показать свое искусство перед великим завоевателем Азии и его непобедимыми воинами...

Знаменитая танцовщица оказалась грациозной, худенькой девушкой, завернутой в пестрое покрывало. Она сидела на разукрашенном лентами ослике. Из складок покрывала весело блестели ее черные глаза.

— Пусть она нам споет и спляшет! Посмотрим, что за танцовщица!— заговорили воины.

Анашторет, улыбаясь, сбросила покрывало и, ударив в бубен, запела по-эллински:

На канате я танцую,
Над людьми и над шатрами,
И веселый смех целую
Ярко-алыми губами.

На руках, как змеи, гибких
Я танцую между лезвий.
И лучи моей улыбки
Отражаются в железе[1].

Держа бубен зубами, девушка ухватилась за коврик на спине ослика и встала на тонких, гибких руках, загнув ноги над головой, как хвост скорпиона. Затем осторожно продвинула ноги дальше, изогнувшись кольцом, и опустила их на спину равнодушно стоящего ослика. Она выпрямилась и легко спрыгнула на землю.

— Прекрасно!— послышались одобрения воинов.

— Вам здесь делать нечего!— сердито сказал начальник поста.— Поворачивайте обратно.

— Брат!— воскликнула девушка.— Разве вы не хотите услышать песни вашей родины? Я знаю македонские и эллинские песни.

— Грабос, пропусти их!— вмешался Аристоник.— Сам базилевс любит слушать песни и смотреть на опасные пляски танцовщиц среди отточенных мечей.

Начальник отвернулся, махнув рукой.

[1] Стихи А. Шапиро.

Аристоник шепнул:

— Ничего не бойтесь! Поезжайте в город!

— Долгая жизнь тебе!— улыбнулась девушка, легко вскочив на ослика.

Путники двинулись по дороге, а из ущелья слышались новые крики:

— Берегись! Берегись! Дайте дорогу гонцу!

Три серых одногорбых верблюда, переваливаясь с боку на бок, иноходью бежали по ущелью. На двух передних сидели персы в цветных одеждах, закутав лица в башлыки, на третьем — пожилой македонец в пурпурном плаще и кожаном шлеме.

Персы хлестали животных толстыми плетьми. Верблюды бежали, вытянув длинные шеи. За ними, направив вперед копья, скакали греческие всадники, закутанные в бурые плащи.

— Именем базилевса, стойте!

Македонец с верблюда заревел:

— Как вы смеете, невежи, задерживать царскую почту! Постойте! Да не ты ли это, Грабос? Какими судьбами ты здесь? Неужели ты, старый ветеран, служивший еще у нашего славного царя Филиппа, до сих пор только начальник сотни, а не царь одного из народов великого персидского царства? У нас в Пелле[1] уверены, что каждый македонец, даже самый последний конюх, ушедший с нашим лихим драчуном Александром завоевывать Азию, уже сделался если не царем провинции, то по крайней мере ее казначеем.

Начальник поста подошел к верблюду и протянул гонцу обе руки:

— Откуда едешь, Никомандр?

— Прямо из Пеллы.— Гонец наклонился с горба верблюда и понизил голос:— Везу собственноручное письмо царицы-матери Олимпиады к ее царственному сыну, да живет он невредимо много лет! Хочу взглянуть на моего ученика. Я его помню еще упрямым и дерзким юношей. Жив ли его конь Буцефал[2]?

— Буцефал ожирел, ослабел ногами. Базилевс уже на нем не ездит, а все-таки по старой памяти водит с собой вместе с молодыми конями.

— Мой воспитанник Александр очень преуспел за эти годы, не правда ли? Вся наша Македония, пожалуй, едва

---

[1] Пе́лла — столица Македонии.

[2] Описанный Плутархом конь Буцефа́л сопровождал в походах Александра и погиб в Индии, где в его честь был основан город Буцефалия.

ли больше одной этой долины. Сегодня же расспрошу его обо всем и побраню за то, что он тебя держит на такой маленькой должности. Видел я по дороге много беспорядков. Хочу ему дать полезные советы, как лучше управлять варварами. Он ведь еще молод и должен прислушаться к нам, более опытным в жизни. А где сейчас базилевс?

— Смотри туда!— Грабос показал рукой на север.

С перевала открывался широкий вид на цветущую долину. Три реки серебрились среди зеленых лугов, образуя острова, заросшие деревьями и кустами. Бесчисленные квадраты зеленых полей говорили о богатстве и плодородии края. Вдали, сквозь дрожащую дымку утреннего тумана, вырисовывался город, походивший на груду поставленных друг на друга глиняных кубиков. Долину окружали кольцом синие хребты гор с покрытыми снегом вершинами.

— Вот это главный город Ортоспана, или, как его называют местные жители, Забул. Уже несколько времени здесь стоит без движения лагерь базилевса. И никто из нас не знает, пойдет ли он дальше или повернет обратно. Сам он в городе не живет. Видишь в стороне ровные ряды палаток? Там расположилась конница Филоты — конечно, ты помнишь его, молочного брата базилевса? А далее зеленеют густые сады — вот там-то и находится ставка базилевса...— Он продолжал шепотом:— Александр не верит городу, где узкие грязные улицы перепутались лабиринтом... Жители могут поодиночке передушить всех наших воинов, если бы они вздумали заночевать в их домах. Ведь одних горожан Забула столько, что и не сосчитать!

— Что ты болтаешь! Разве жители не рады, что имеют такого умного и прекрасного царя?

— Эй, не место тут объяснять... Скоро ты сам все увидишь и поймешь. Так смотри же, Никомандр, не забудь своего обещания и скажи базилевсу, чтобы он назначил меня на дело получше, чем сторожить дорогу на этом холодном перевале.

— Хайретэ[1]! — воскликнул македонец и дал знак провожавшим его персам.

Громко щелкнули широкие плети, и верблюды с жалобным стоном вперевалку побежали вниз по каменистой дороге. За ними, наклонив вперед тонкие копья, со звоном понеслись вскачь блистающие медью конвойные всадники.

---

[1] Хайретэ́ — греческое приветствие, буквально означает: «Радуйтесь».

Караван зашевелился и медленно двинулся по ущелью. Два воина, отвязав коней, вскочили на пестрые чепраки[1].

Между всадниками зашагал лохматый бродяга атраван, угрюмо поглядывая по сторонам и кутаясь в бурый рваный плащ.

Аристоник сел у костра, настраивая кифару и напевая:

После битвы при Арбелах
Александр Великий сразу
Взял у Дария все царство...

ПРИЕМ У БАЗИЛЕВСА

В узкой, тесной зале загородного дворца местного сатрапа собрались желающие представиться пред светлые очи грозного базилевса. Впереди стояли послы эллинов и далекого Карфагена. За ними теснились потерявшие службу бывшие персидские сановники и начальники некоторых воинских частей армии Александра.

Никомандр нетерпеливо оправлял складки белого гиматия[2], обращаясь вполголоса к соседу, афинскому послу:

— Сейчас я его увижу. Посмотрю, переменился ли этот веселый, стремительный, славный юноша. Окреп ли он или персидская роскошь его изнежила? Умеет ли он, как раньше, владеть мечом? А сколько хороших приемов боя я ему показал! Один отличный прием он долго старался выучить: обманный удар по голове, затем по плечу, опять по голове, перенос удара под правую руку и, когда противник открылся,— сразу выпад всем телом в горло — рукояткой вверх, острием вниз, чтобы меч вонзился в отверстие между шлемом и панцирем... Этот прием называется «молния пятого удара». Александр долго упражнялся, пока добился отчетливости этого удара... А вот, кажется, идут...

— Узна́ешь ли ты его?

— Я-то его не узнаю! Шутник ты!

Пестрая, расшитая шелками занавеска, закрывавшая дверь, распахнулась под рукой толстого евнуха, который упал на колени и застыл в раболепной позе.

Все замолкли и выпрямились. Воин в начищенном до блеска панцире и шлеме, закрывающем все лицо, с свер-

---

1 Седел и стремян в то время всадники не знали. Верховой конь покрывался подстилкой — чепраком, кожаным или из шкуры, перетянутым широким ремнем.

2 Гима́тий — шерстяной плащ (накидка).

кающими сквозь прорези шлема глазами вошел тяжелой поступью и стал около двери. Копье с широким отточенным лезвием опустилось к ноге и замерло. Стремительной походкой вошли четверо. Все они были приблизительно одного возраста, в расцвете сил и молодости и до странности походили друг на друга. Белые гиматии с несмятыми выглаженными складками были, по афинскому обычаю, обернуты вокруг тела, и концы их перекинуты через левое плечо. Лица тщательно выбриты, волосы, слегка завитые, волнистыми кудрями спускались по сторонам лица, не достигая плеч. У всех четверых были мускулистые шеи и необычайно развитые мышцы обнаженной правой руки. Шнурованные сапоги до колен, так же как и гиматии, были афинского покроя.

Никомандр, сделав невольно движение, чтобы броситься вперед, остановился, удивленно раскрыв глаза.

Афинские послы и карфагенянин низко наклонились, протянув вперед руку. Несколько знатных персов в пурпурных одеждах, затканных лиловыми цветами, упали на пол, целуя ковер, и застыли в позе беспредельной преданности.

Все четверо вошедших несколько мгновений стояли, равнодушно оглядывая присутствующих. Один из четверых, бывший немного ниже ростом, сказал:

— Никомандр, что же ты не приветствуешь меня?

— Да ты ли это, базилевс Александр? Или у меня от радости в глазах двоится, но я перед собою вижу четырех Александров!

По лицу говорившего скользнула чуть заметная улыбка, и, обращаясь ко всем, он сказал общее приветствие:

— Хайретэ!

Никомандр стоял неподвижно, пристально всматриваясь. На знакомом мужественном лице с прямой линией лба и носа и женственным ртом, изогнутым, как лук Эрота[1], появились резкие, суровые морщины. Но не это поразило его. На него смотрели неподвижные стеклянные глаза, холодные и непроницаемые. «Этот человек может так же спокойно приласкать, как и раздавить меня»,— подумал Никомандр. Глубокая пропасть легла между прежним веселым, стремительным юношей, которого во время уроков он бил по плечам концом тупого меча, и этим самоуверенным, равнодушным человеком, прошедшим полмира, оставляя за собой бесчисленные развалины и реки слез и горя.

---

[1] Эро́т — бог любви, изображавшийся греками в виде мальчика с маленьким изогнутым луком и стрелами.

Никомандр смущенно бросился навстречу Александру. Тот позволил поцеловать себя в щеку и сам сделал движение губами, точно целовал бывшего учителя.

Старый толстый евнух в пестрой одежде поставил на лиловом ковре белый складной стул. Александр сел, расставив ноги в шнурованных красных сапогах; голые колени были сильно загорелыми.

Не обращая внимания на остальных, Александр обратился к Никомандру:

— Находишь ли ты, что твой ученик хорошо дрался? Слышал ли ты, сидя в своем домике под каштанами, о походах непобедимого Александра?

Никомандр смущенно засмеялся, рука по привычке дернулась, чтобы потрепать ученика по плечу, но он ее удержал.

— Как же не слышал! Теперь в Пелле только и говорят о том, как сражается наш молодой базилевс: не хуже быстроногого славного Ахиллеса.

Один из присутствующих воскликнул:

— Не только как Ахиллес — базилевс далеко превзошел своего предка! Базилевса можно сравнить только с н победимым божественным Гераклом.

Другой голос перебил:

— Что такое подвиги Геракла! Он много ходил по свету, но особой пользы отечеству не принес. А наш базилевс присоединил целые государства варваров и заставил их почитать эллинских богов.

Александр вскочил и порывисто прошелся по комнате:

— Верно! Я хочу проникнуть еще дальше, чем ходил Геракл! Я проведу свои войска до конца вселенной, где неведомые пустыни заселены необычайными дикарями, где море омывает последний берег земли и где никто уже не осмелится встать на моем пути.

— Ты победишь, ты всюду пройдешь!— воскликнули голоса.

— А что говорят в Афинах? Был ли ты в этом болтливом, тщеславном городе?

— По пути наш корабль заходил в Пирей[1],— сказал Никомандр,— и я посетил Афины. В этот день там распространился слух, что будто бы ты умер в далекой Персии. Все ораторы закудахтали, как встревоженные куры, и народ побежал на агору[2]. Там болтуны стали произносить хвастливые речи, требуя немедленно объявить войну Ма-

---

[1] Пирéй — гавань Афин.

[2] Агóра — площадь в Афинах, где происходили народные собрания.

РЫБАЧКА У МОРЯ (НАПРАСНЫЕ ОЖИДАНИЯ). *Рисунок В. Яна. 1928(?)*

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ —
«ДВУРОГИЙ ИСКАНДЕР»

Изображение на монете. IV век до н. э. (Фото из архива В. Яна.)

кедонии. Только один Фокион[1] успокоил шумевшую толпу, сказав: «Зачем торопиться с объявлением войны? Подождем. Если Александр мертв, то он будет мертв и завтра и в следующие дни. Сперва нужно проверить такой слух, а затем уже объявлять войну».

— Александр жив и будет жить всегда!— раздались голоса.

— О, я еще покажу мою волю этому коварному и болтливому городу! Хотя нас разделяют от Эллады пятьсот парасангов[2], придет время, я заставлю тщеславных афинян почувствовать весь ужас моего гнева.

Никомандр достал из складок гиматия кожаную трубку с висевшими на шнурках печатями и почтительно поднял ее перед собой:

— Письмо от царицы эпирской Олимпиады!

Александр схватил свиток. Мрачная тень пробежала по его красивому лицу. Изогнутые брови сдвинулись.

— Слава и благополучие царице Эпира!— сказал он задумчиво.— Ты мне расскажешь сегодня попозже все, что происходит дома. Гефестион, сохрани это письмо.

Товарищ детства Александра Гефестион, несколько выше его ростом, с красивым спокойным лицом, взял кожаную трубку двумя руками, как драгоценность, прикоснулся к ней губами и отступил назад. Отвернувшись от Никомандра, базилевс быстро подошел к карфагенскому послу и, глядя в упор, сказал:

— Ты приехал по своей воле или тебя отправило твое государство?

Карфагенянин развел руками:

— Если я буду иметь успех в моих переговорах, то, значит, я послан от моих граждан. Если же нет — то я приехал сам от себя.

Базилевс усмехнулся, на мгновение задумался, прищурил левый глаз и спросил:

— Как лучше мне с войском достигнуть Карфагена: на кораблях или сушей, по берегу Ливии?

Черные глаза финикиянина на мгновение метнулись вверх, скользнули по Александру. Затем он ответил, почтительно склоняясь:

— Это зависит от того, на каком пути, морском или сухопутном, боги захотят сохранить тебя невредимым.

Базилевс рассмеялся и обратился к своим товарищам:

— Финикияне всегда были лукавы и в словах и в делах.

---

[1] Фоки́он — афинский оратор.

[2] Параса́нг — мера длины, немного больше пяти километров.

Но с ним будет весело поговорить за обедом. Гефестион, позаботься, чтобы сын Анат[1] возлежал сегодня вечером рядом со мной.

Базилевс резко отвернулся и равнодушно подошел к афинянам; лицо его было холодно и непроницаемо.

— Жив ли еще мой мудрый учитель Аристотель? Ваши сумасбродные правители его еще не казнили?

Бледный афинянин, стоявший в небрежной и независимой позе впереди двух товарищей, ответил:

— Афины всегда были школой и центром просвещения всей Эллады. Разве мы можем поступить грубо и непочтительно с самым высоким учителем мудрости? Он, как и раньше, преподает нашей молодежи знания в тенистых садах Ликея[2]!

— Однако, после того как дельфийский оракул провозгласил мудрейшим из мудрейших философа Сократа, совет вашего города присудил его к смерти. Зависть афинян не знает пределов.— Голос Александра сделался хриплым, и левое плечо стало подергиваться.— Весь мир уже признал меня сыном бога, но афиняне очень ревниво оберегают от меня вход на небеса. Занятые такой заботой, не рискуют ли они потерять собственную землю?..

Базилевс резко отвернулся и отошел от афинян к распростертым на земле персидским сановникам:

— Встаньте, мои друзья! Теперь вы мои подданные и одинаково мне дороги, как и другие знатнейшие граждане всех народов моего великого царства. На что вы пришли жаловаться, о чем просить?

Персы говорили одновременно и на коленях подползали к Александру, стараясь поцеловать край его белого гиматия.

Переводчик, наклонившись, шептал базилевсу:

— Это бывшие придворные персидского царя Дария. Они клянутся в своей преданности и верности и просят тебя, чтобы за ними остались их поместья и должности при дворе.

— Пригласи их сегодня на обед. Скажи, что их новый повелитель Александр не менее милостив к своим верным слугам, чем был их добрый царь Дарий.

Александр снова подошел к Никомандру:

---

[1] Финикияне называли себя «бени́ Ана́т» — «сыны Ана́т». Финикиянин — слово греческое, означает: человек с востока.

[2] Аристотель преподавал философию и другие науки, прогуливаясь с учениками по аллеям сада Ликея при храме Аполлона Ликейского близ Афин. Отсюда название учебного заведения — лицей.

— Ну что, старик, смог бы ты еще испробовать со мной «молнию пятого удара»? Чей меч теперь сильнее?..

Никомандр обрадовался и торопливо засмеялся:

— Давай испробуем ловкость наших мечей!

— Испробуем, когда ты отдохнешь. Разве дорога тебя не утомила?

— Я так торопился доставить тебе письмо царицы, что не чувствовал усталости. Но должен признаться, что уж очень мне надоело без конца видеть обгорелые дома, бродящих между развалинами голодных стариков и старух. А вонь-то какая! Как ветер подует навстречу, так и знаешь, что потянутся кресты с прибитыми к ним гниющими трупами, возле которых бродят собаки с раздутыми от обжорства животами. Зато как я обрадовался, когда после жаркой равнины поднялся на перевал и почувствовал родной холодный ветер! Точно я снова попал в милую Македонию! И здесь, среди диких скал, я вдруг услышал дивную греческую песню. В ней, в глуши Азии, уже воспевались подвиги Александра Непобедимого.

— Где это было?

— Недалеко, на последнем горном перевале. Гляжу: сидят у костра наши воины, и среди них мой старый приятель Грабос. Помнишь ли ты его? Он был верным воином еще твоего отца, царя Филиппа. А неведомый певец из его отряда пел так красиво, что я подумал: не сам ли Пан[1] с лирою сидит на горе и воспевает твои подвиги?

— Филота!— прервал базилевс.— Кто начальник поста на ближайшем перевале?

Из группы военачальников вышел высокий, стройный македонец в легком панцире всадников.

Вытянувшись, он сказал:

— Грабос, македонянин, начальник поста на перевале Священных лоскутов. С ним шестнадцать фессалийских всадников.

— Вызови его сегодня же, и пусть он с собой привезет того воина, который хорошо поет. Мы послушаем его за ужином.

Александр направился к двери, остановился, подняв руку, и, воскликнув: «Хайретэ!», скрылся за занавеской.

---

[1] **Пан** — в греческой мифологии божество, олицетворяющее природу.

«НЕ ВЕРЬ НИКОМУ!»

Базилевс вошел в маленькую комнату, где он любил оставаться один. Стальные мечи всех форм и размеров со свежеотточенными лезвиями правильными рядами висели по стенам. В углу стояли несколько разной величины копий. Вдоль одной стены выстроились покрытые золотыми узорами панцири. Рядом топорщились красными волосяными гребнями шлемы с поднятым забралом. Позади них находились круглые щиты с выпуклыми изображениями сражающихся воинов.

Старый македонец с седыми, заплетенными в косы кудрями, в темном шерстяном хитоне протирал оружие желтой тряпкой, обмакивая ее в чашу с жидким маслом. Александр повел бровями, и македонец удалился.

Гефестион опустился на узкое ложе, покрытое пестрым ковром, осторожно разрезал кинжалом красный шнурок, сломал восковые печати и вынул из кожаной трубки пергаментный свиток. Базилевс стоял у стены среди длинных тяжелых мечей.

— Что пишет царица-мать, преславная Олимпиада? Опять на родине восстание?

Гефестион пробегал глазами ровные ряды букв.

— Царица опять тебя предостерегает. Слушай, базилевс:

«Олимпиада, царица Македонии и Эпира, непобедимому, великолепнейшему Александру, сыну Филиппа, всей Азии царю и повелителю (желает) радоваться! Я посылаю это письмо с преданным нашему дому Никомандром, учителем военного искусства, который поклялся на жертвеннике Гестии, что передаст письмо из моих рук в твои руки, готовый положить жизнь за царское благополучие.

Заклинаю тебя богами вечно сущими быть осторожным по отношению ко всем людям, которыми ты себя окружил. Я знаю, что ты был слишком доверчив и милостив к родовитым князьям Македонии. Помни, что ты — единственный в мире царь, посланный на землю самим Зевсом, а они — твои подданные, простые смертные и должны тебе покоряться. Ты же сам беззаботно делаешь из них новых царей. Благодаря твоей щедрости все эти выскочки, которые на родине оставались бы ничтожными пастухами и пасли свиней и коз, теперь воображают, что могут равняться с тобой.

До меня дошли вести, что даже самые близкие к тебе люди, забыв милости и подарки, которыми ты их осыпал, тайно осуждают тебя, почему ты раздаешь управления

провинциями персам, а не македонцам. И почему ты приближаешь к себе варваров? Даже старый Парменион, друг твоего отца, заявлял своим друзьям, что тебя надо обуздать, что больше от тебя македонцам пользы не будет, и даже дерзко сказал, что царем надо провозгласить его сына Филоту.

А ты ничего не предпринимаешь и даже сделал Филоту начальником конницы. Мне же передавали вернувшиеся раненые, что Филота раздает воинам ценные подарки и их подкупает, чтобы те его хвалили и избрали царем. И Парменион, и Филота, и убитый его брат Никанор только потому прославились, что находились около тебя, сына бога, исполняя твои приказания. А без тебя они сидели бы в ущельях Скардона, в своих прокопченных домишках и возили бы на базар на продажу дрова и козий сыр.

Ты прошел так далеко по равнине земли, как не доходил ни один из героев или богов древности. Возвращайся обратно в Пеллу, выбирай лучшую из македонских девушек и правь отсюда миром, как твой отец, мудрый Филипп, грозно правил предательской и подлой Грецией и готовил завоевание вселенной.

Ежедневно я совершаю возлияния богам, чтобы они охраняли тебя на бесконечных дорогах Азии и вернули здоровым и невредимым на родину.

Благодарю за присланные драгоценные подарки. Я бы хотела получить еще тонких прозрачных шелковых материй, сотканных народами Востока».

Гефестион посмотрел на Александра.

Базилевс поднял руку с золотым перстнем на указательном пальце и приложил его к губам.

— Запечатай печатью молчания твои уста,— прошептал он.— Вся конница, вся моя личная охрана в руках Филоты, но сам он пока еще в моей власти. Мы дошли до Кавказа Индийского[1], а гетейры[2] все еще думают, что я завоевал весь мир только для них, только для того, чтобы они могли царствовать над другими народами. Мне же в благодарность они готовы вонзить кинжал в спину, как они это сделали с моим отцом Филиппом. Сегодня ночью, после пира, ты приведешь тайно сюда Черного Клита... Нет!.. Черный Клит тоже начал спорить со мной,

---

[1] В то время предполагали, что область нынешнего Афганистана, где стоял лагерем Александр,— часть Кавказа, и ее горы называли в отличие от Главного Кавказа Кавказом Индийским.

[2] Гетейры (этэры) — товарищи; так назывались македонцы из знатных родов, товарищи и сверстники Александра, составлявшие особый отряд с лучшим вооружением.

и его надо остерегаться. Пусть придут Кратер, Аминта, Птоломей и Пердикка. Этой же ночью я возьму под стражу дерзкого хвастуна Филоту. В его палатке надо пересмотреть все вещи и во что бы то ни стало разыскать письма от его отца Пармениона. Я узнаю, откуда тянутся нити заговора, и я их распутаю огнем и пыткой. Я так накажу виновных, что этэры начнут ползать передо мною на животе, подобно персам.

— Не сделай поспешной ошибки! В этом письме говорит, может быть, только слепая любовь царицы-матери и ее боязнь за сына. Филота, его покойный брат Никанор и старый Парменион всегда были искренне преданы тебе. С кем же ты останешься, если перебьешь твоих лучших друзей, да еще так далеко от родины? Неужели ты больше доверяешь льстивым персам, для которых ты навсегда останешься врагом, иноземцем и завоевателем!

— Моя родина там, где стоит моя нога и где мое войско! — гневно прервал Александр, и на его губах показалась пена. Его красивое лицо искривилось от гнева, и крупные белые зубы хищно оскалились.— Не забывай, что я уже не царь маленькой Македонии, как был мой отец, но повелитель всей Азии. По моей воле весь мир будет поворачиваться, как колесо вокруг оси, где стою я, и поворачиваться в ту сторону, в которую я захочу. Если двадцать тысяч македонцев не захотят мне повиноваться, то я раздавлю их копытами бесчисленных полчищ Азии, которые бросятся на них по одному моему слову... Азиаты смотрят на меня не как на иноземца, а как на бога, сошедшего с неба, чтобы дать всем людям мир и счастье.

Прозвенел удар в бронзовый щит.

— Войди! — крикнул базилевс.

В дверях показался юный эфеб[1] с завитыми кудрями и синей лентой вокруг головы.

— Пришел экзетазис. Разреши войти к тебе.

— Впусти!

Экзетазис, высокий, очень худой грек с желтым лицом и впалыми щеками, вошел, кашляя и кутаясь в плащ. Губы его были сини и подбородок дрожал.

— Ты совершенно болен,— сказал базилевс.— Какое важное дело могло оторвать тебя от постели и привести сюда?

— Ты требовал во что бы то ни стало известий с севера. Одного лазутчика мне доставили сегодня с перевала Свя-

---

[1] Эфе́б — юноша из аристократического семейства, дежурный для поручений. Из эфебов потом делались этэры.

щенных лоскутов. У него наш сюмбаллон. Он много видел, много знает.

— Приведи его сюда.

— Но он так грязен...

— Тогда я допрошу его там, в другой комнате...

ЛАЗУТЧИК ИЗ СУГУДЫ[1]

В небольшой комнате с выбеленными стенами появился атраван, лохматый, как зверь, с всклокоченной бородой и длинными запыленными косами. Он туже запахнул рваный плащ со множеством заплат и опустился на корточки. Воин в тусклом помятом панцире неподвижно стоял сзади.

Атраван сидел на четвереньках, как обезьяна, опираясь длинными руками о пол. Из-под гривы спутанных волос поблескивали горящие колючие глаза.

— Ты говоришь по-персидски?

Старик хрипло что-то пролаял, достал изо рта обломок серебряной монеты и протянул ее на темной ладони. Он видел перед собой молодого чужеземца в белоснежном шерстяном плаще, сидящего на складном стуле. Правая рука с могучими мышцами была обнажена. Кожа на руке была розовой, как у девушки, и он благоухал ароматами, точно цветущая яблоня. Глаза смотрели с тем равнодушием, с каким знатные люди смотрят на раба или на камень. Один глаз был темно-зеленый, другой светло-серый.

Рядом стоял человек в персидской одежде, с белым лицом и подведенными черной краской глазами. Кудри волос охватывались красным ремнем с золотой пряжкой. Сидевший говорил на неведомом атравану языке.

Стоявший объяснял по-персидски:

— Если твой язык не скажет всей правды, то тебя повесят за локти на крюк, пока не начнешь все говорить правдиво, как добрый ребенок говорит своей матери. Начинай. Кто ты такой?

---

[1] Сугу́да и Ба́ктра — провинции Древней Персии. Греки называли их Согдиа́ной и Ба́ктрианой. Сугуда (Согдиана) занимала плодородные земли между верхним течением Сырдарьи на территории современных Узбекской и Таджикской ССР, имея своей столицей Мараканду, Бактра (Бактриана) располагалась южнее Сугуды, по левобережью Амударьи, между Гиндукушем и Паропамисом, на территории Афганистана; центром Бактры был Балх — родина Зороастра, основоположника религии огнепоклонников — зороастрийцев.

— Бактриец, атраван. Знаю прошлое, вижу за много гор и морей настоящее, постигаю будущее, открываю то, что задернуто.

— Молчи! Говори только, что тебя спрашивают.

— Я слушаю, о великий, о могучий! Открой очи от сна беспечности, чтобы на ухо внимания твоего я сказал важные вести.

— Сам пришел сюда или по приказанию?

— Тайный голос бога Ахурама́зды повелел мне: иди через горы и долины, проповедуй людям, что пришло последнее время. Все рушится, дети оторваны от сосцов матерей, и скоро облака не будут больше летать по небу, а камнями попа́дают на землю.

— Каким путем ты шел?

— Из Сугуды, из города Мараканды[1], шел сюда через город Бактру. По дорогам без конца движутся отряды персидских воинов, обыскивают всех, даже не пожалели моих лохмотьев, точно может быть золото у бедного атравана!

Сидевший шевельнулся и стал внимательнее вглядываться:

— Ты сказал, что по дороге шло много воинов? На какой дороге ты их видел?

— Я шел прямым путем, через Железные ворота в Байсунских горах. Переплыл в лодке через реку Окс[2] и направился к Бактре...

— Много там лодок?

— Очень много. Целый день и ночь лодки перевозят воинов. Все они идут сюда, к Седым горам.

— Отчего же ты пришел сюда не прямой дорогой, с севера, а сделал такой большой круговой обход, что попал с юга на перевал Священных лоскутов?

— Говорил же я тебе, что отряды воинов стоят на главном пути. Я и пошел в обход, но не по злому умыслу, а из боязни. Если кто захочет пойти в горы, воины его ударят под левый сосок и сбросят в овраг. Я побежал горными козьми тропами, которых не знают караваны. Эти тропы идут через скалы, над пропастями. Я пробрался этими тропами в снег и вьюгу, и, когда был уже на перевале Священных лоскутов, яваны[3] схватили меня своими грубыми руками.

— Видел ты по пути саков? Знаешь, кто саки?

---

[1] Мара́канда — город, бывший на месте нынешнего Самарканда.
[2] Окс, или Вахш,— древние названия реки Амударьи.
[3] Я́ваны, явана или явуна — так персы обычно называли греков.

— Знаю саков — это храбрейшие из людей, доители кобыл. Только в Мараканде я видел немного саков, а всюду по другим путям были только сугуды[1] и бактрийские воины. Все саки ушли на север, в свои степи.

Сидевший чужеземец вскочил:

— Ты, многознающий святой и хитрый атраван, пойдешь теперь со мною и покажешь мне дороги в Мараканду, по которым не ходят караваны.

Старик пал лицом на землю и умоляюще протянул руки:

— Отпусти меня, о блистающий, о добродетельный! Не пойду я в Мараканду, там меня посадят на кол, и пропадет, как раздавленная муха, праведный атраван!

Чужеземец отступал, а руки старика, длинные и костлявые, тянулись к нему.

— Здесь недалеко у меня жена и тринадцать детей. Дай мне награду и отпусти, иначе за меня вступятся всемогущие дивы и будут бросать тебе камни под ноги.

— Спрятать его, кормить получше и не выпускать!

Чужеземец скрылся за занавеской, воин ткнул атравана ногой и, схватив за космы, потащил за собой, как мешок.

ПИР У ЦАРЯ ЦАРЕЙ

Три террасы ступенями подымались над дворцом правителя города. Персидские ковры и индийские ткани закрывали весь пол. По краям террасы дымились бронзовые треножники, и в них трепетными огнями горело ароматическое масло.

На верхней террасе подковой протянулись низкие столики, и возле каждого было приготовлено ложе, покрытое расшитым шелковым покрывалом. Персидские слуги в белых до пят одеждах, с парчовыми повязками на головах бесшумно скользили по террасам, расставляя на столиках блюда с едой.

По сторонам на угловых бойницах неподвижно застыли часовые с копьями. Конские хвосты на шлемах колебались, когда они поворачивались и осматривали даль.

Острые скалистые вершины Седых гор резко чернели на потухающем багровом небе. В потемневшей широкой долине Кофена бесчисленные огоньки зажигались, как звезды. Гости, одни в греческих белых гиматиях, другие в персидских красных одеждах, обшитых бахромой, поднимались по ступенькам на террасу.

---

[1] Сугу́ды — согды, народ, живший в Сугуде.

Кудрявые эфебы, телохранители базилевса, в золоченых панцирях, с короткими мечами на бедрах, стояли на ступеньках лестниц, спрашивали имена прибывающих и по спискам, нанесенным на деревянные дощечки, указывали каждому гостю его место на одной из трех террас.

Уже все приглашенные были в сборе и сдержанно переговаривались, посматривая на нижнюю террасу, откуда ждали прихода базилевса. Македонцы, начальники частей, стояли отдельными группами; они говорили громко, держались непринужденно. Все они завернулись в белые персидские шерстяные плащи с красной узорчатой каймой.

Высокий, стройный Филота в красном кожаном панцире, обшитом белой замшей, беседовал с пожилым греком, философом Каллисфеном[1], кутавшимся в гиматий.

— Где холоднее: в Македонии или здесь?

— Ясно, что здесь холоднее.

— Почему ты так думаешь?

— Посмотри на этих македонцев: у себя на родине, на склонах Скардона, они, наверно, пасли овец в дырявых плащах и спали в них, не жалуясь, что им холодно. А здесь они сразу закутались в три роскошных персидских плаща, и все им мало!

— Однако, хотя ты как философ и не признаешь роскоши и изнеженности, но и на тебе тоже теплый шерстяной гиматий! Пожалуй, ты бы не имел его, если бы мы, македонцы, не прошли через всю вселенную и не завоевали весь мир.

— Но не похожи ли македонцы теперь на ту змею, которая проглотила слишком большого зайца и не знает, как его переварить?

Пронесся шепот: «Базилевс!» Все смолкли и выпрямились. Зазвенели арфы, запели сиринги[2] и трубы, гулом наполнили террасу удары двадцати бубнов.

На нижней площадке показались мальчики и юноши в однообразных сиреневых хитонах. Красные ленты обвивали их надушенные и завитые кудри. Они выстроились парами на ступеньках лестницы.

— Это заложники,— говорили в толпе,— сыновья царей тридцати народов, покоренных Александром.

Базилевса сразу не узнали. Он шел вместе с Гефестионом, но на нем не было обычного греческого хитона и гиматия. Древняя персидская царская одежда, пурпурная,

---

[1] Каллисфе́н — племянник Аристотеля, известный ученый, философ, отличавшийся свободомыслием и смелостью речей.

[2] Сиринг — род флейты.

затканная парчовыми цветами и изображениями колеса с крыльями[1], и золотой кованый пояс обвивали его мускулистое тело. Все персидские сановники и князья упали ниц, касаясь лбом ковра. Македонские начальники стояли вытянувшись, сохраняя военную выправку. Угрюмое, бледное лицо базилевса со сдвинутыми бровями оживилось, когда приветственные крики усилились и знатнейшие князья Персии, подползая на коленях и целуя его позолоченные сандалии, загородили дорогу. Александр перешагнул через лежавшего старика Артабазана, знаменитого своей пятидесятилетней службой нескольким царям Персии, и легкими шагами взбежал на верхнюю террасу.

— Добро пожаловать! — крикнул он по-персидски и прошел на центральное место за столиками.

Черный слуга-нубиец отвязал позолоченные сандалии базилевса, и он возлег на ложе, украшенное фигурами львов из литого золота.

Персидские аристократы, вскочив, стали тесниться толпой на ступеньках, желая проникнуть на верхнюю террасу, но эфебы оттеснили их грубыми толчками и ударами, пропустив наверх только намеченных по списку.

— Позволь нам стоять возле тебя! — кричали персидские князья.— Дай насладиться видом твоей красоты!

Александр смеялся, разговаривая с Гефестионом:

— Здесь ли тот певец военных песен, о котором говорил Никомандр?

— Он уже прибыл, базилевс! — сказал Филота, выступив вперед.— Я срочно послал за ним лучших всадников.

Глаза базилевса сверкнули, когда он встретился со взглядом Филоты, но лицо не изменило холодного, непроницаемого выражения.

— Ты должен был так поступить. Пусть этот певец ожидает поблизости.

Гефестион по списку проверил имена лиц, которые были допущены пировать за одним столом с базилевсом. Все они с довольным видом, оправляя складки плащей и пышных платьев, проходили к местам, указанным эфебами, снимали обувь и опускались на лежанки, а слуги подкладывали им под левую руку шелковые подушки.

С базилевсом обедало около двадцати «счастливейших» приглашенных. Рядом с ним, справа, возлежал толстый, с опухшим лицом и с подвязанной золотистой бородой перс Оксиафр, брат убитого царя Персии Дария. Он отличался тем, что мог без конца есть, пить, не пьянея, и рассказы-

---

[1] Колесо с крыльями — герб Древней Персии.

вать о том, какие празднества устраивались раньше, при «добрейшем и благороднейшем царе царей» Дарии. Рядом с Оксиафром находился македонский царевич Арридей, слабоумный брат базилевса, любивший только сладкие блюда. С левой стороны от Александра эфебы поместили карфагенского посла; за ним разместились македонские начальники вперемежку со знатнейшими персидскими сановниками.

Базилевс, находясь в середине подковы, мог видеть всех гостей. Иногда он бросал взгляды на левое крыло, где Филота обменивался остротами и шутками с философом Каллисфеном.

Увидев, что базилевс протянул руку к блюду с жареными куропатками, посыпанными имбирем, все гости набросились на кушанья, громко восторгаясь богатством блюд и искусством царских поваров. Восхищение вызывали откормленные пулярки, начиненные фисташками, окорока диких поросят, моченные в гранатовом соке, маринованные угри, каплуны, посыпанные шафраном, и множество других кушаний, любимых персидской знатью.

Гости доставали правой рукой то, что им нравилось, или указывали слугам, и те подносили кованые золотые блюда, и каждый выбирал то, что хотел. Возле каждого на столе лежали куски сырого теста для обтирания жирных пальцев. Особые слуги стояли с пестрыми полотенцами, следя за тем, чтобы по первому знаку вытирать гостям губы, блестевшие от жира и различных подливок.

Александр, любивший рыбу, похвалил громадного копченого осетра, присланного ему в подарок наместником Гиркании[1].

Он приказал обнести осетра вокруг стола, чтобы его попробовали все гости.

Когда кончили сменяться бесчисленные замысловатые кушанья, слуги подали серебряные тазы и кувшины с теплой водой, и все обмыли руки. Эфебы надели на гостей венки из роз и зеленого мирта. Перед ними появились сладкие плоды и золотые кубки с чеканными рисунками охотничьих сцен.

Виночерпии разливали по кубкам вино, а слуги добавляли воды, сколько каждый гость им указывал. Македонцы, по своему обычаю, пили чистое, не смешанное с водой вино.

Александр поднял чашу к небу, где за надвигавшимися

---

[1] Гирка́ния — провинция, находившаяся на юго-восточном побережье Каспийского моря.

темными тучами быстро потухали звезды, и произнес молитву Ге́лиосу[1], плеснув из чаши на пол. Греки и македонцы запели любимую застольную песню Анакреона:

Благовонными венками
Увенчавши кудри наши,
Мы с веселою улыбкой
Пьем вино из полной чаши...

Когда кончили песнь и ударили чашей о чашу, базилевс спросил:

— Где же обещанный воин-певец? Где его песня, воспевающая мои походы?

Все затихли. В глубоких сумерках ночи мягкий, бархатный голос запел:

Красные гребни на шлемах
Сорваны в битве мечами.
Дева, танцуй, изгибайся,
Как в трепете первой любви!
Царь Александр Великий,
Славной победой венчанный,
Шумно пирует с нами,
Смотрит на танцы твои.

Разбиты врагов колесницы
С ножами на спицах колес,
Конница камнем с утеса
Низринулась на врага.
Кто направлял средь битвы
Молнией властной десницы
Неумолимый, как рок,
Удар золотых фаланг?..

Оружье, слонов, колесницы
Отбил Александр-победитель
И много красивых коней,
И белых, как мрамор, жен,
И резную шкатулку из золота
С янтарем и жемчужными нитями;
Раскрывал ее черный нубиец
Не остывшим от крови ножом.

И сказал базилевс: «Хорошо
Вы сегодня сражались, отвагой горя!
Возьмите все золото, стройных жен,
Жемчуг весь, все оружье,
Все куски янтаря,
Дворцы четырех столиц
И двадцать персидских сатрапий!..

---

[1] Ге́лиос — бог солнца.

Я первый средь вас. Да здравствует молодость!
Любовь друзей дороже наград.
Одну лишь пустую шкатулку из золота
Я возьму и поставлю в тени шатра[1].
Запах крови плеснул по багровым долинам,
Звон победы в закат подымали щиты,
Когда песен Гомера свиток длинный
Положил базилевс между стен золотых.

И сны прилетели к царю
Из шкатулки, его изголовья,—
В ней таились Гомеровы звонкие песни,
Как стоны отточенной стали.
Выплывали герои Гомера
В золоте мутной крови,
В багровом дыму Гавгамелы
И в огнях ниневийских развалин.

В синем сумраке стелется дым благовоний,
На стройных треножниках меркнут огни,
Но вечно пылают сердца наших воинов,—
Царь Александр среди них!
Губы омочим в янтарном вине,
Растопчем доспехи вражьи!
В дрожащем сиянье смолистых огней
Сдвинем тяжелые чаши![2]

Все заплескали в ладоши и закричали:

— Прекрасно! Да живет наш базилевс, равный героям Гомера! Да покроет он новой славой наши мечи! Нет, Александр выше героев Гомера!

— Подойди ко мне, юноша! — сказал базилевс.

Аристоник подошел к нему; его лицо было бледно, и капли холодного пота блестели на лбу. Как воин, он неподвижно вытянулся перед Александром.

— Откуда ты родом?

— Я фиванец, из Беотии.

Александр резко приподнялся и недоверчиво взглянул на Аристоника. Все затихли, вспомнив, что Александр разрушил до основания город Фивы, сровнял с землей каменные стены и продал в рабство тридцать тысяч защитников города. Но юноша стоял прямо и открыто смотрел в лицо базилевсу.

— Как ты остался жив?

---

[1] После знаменитого сражения при Гавгамéлах, в котором шестидесятитысячная армия Александра разбила полумиллионное войско персов, Александр отдал воинам всю захваченную добычу, а себе взял золотую шкатулку царя Дария, в которую он положил свою любимую рукопись — поэму Гомера «Илиада», и после всегда хранил эту шкатулку в своем изголовье.

[2] Стихи А. Петрова.

— Во время взятия Фив я был на берегу моря, и меня не коснулся твой гнев.

— Что же, хотели бы вы, чтобы Фиванские стены были снова восстановлены?

Аристоник опустил голову, видимо колеблясь, и затем сказал:

— Если бы Фивы были восстановлены, то мы бы всегда боялись, что снова явится Александр и возьмет их.

Александр улыбнулся, одобрительно тряхнул кудрями и обвел взглядом окружающих.

Ближайшие гости шептали, желая, чтобы базилевс их услышал:

— Юноша достоин похвалы! Как базилевс милостив к фиванцу!

— Ты унаследовал дар песен вашего великого соотечественника, фиванца Пиндара[1],— сказал ласково Александр.— Я тебя оставляю в моей свите. Ты будешь петь, когда я позову тебя. В награду возьми этот подарок! — И Александр протянул юноше свой золотой кубок, наполненный вином.

Аристоник поднял кубок к небу, плеснул несколько капель на ковер в честь богов и выпил вино, не спуская глаз с базилевса. Повернувшись по-военному, он отошел четкими шагами и скрылся в группе эфебов.

Александр начал вести разговор с послом Карфагена.

— Наш город богатейший из всех городов Внутреннего моря,— говорил финикиянин.— Мои шофеты[2] уже давно вели тайные переговоры с царем Персии о заключении крепкого союза. Персия — сильнейшая держава на суше; финикийские корабли — самые многочисленные и сильные на море. Если бы вольный город Карфаген и могущественная Персия заключили крепкий союз, то власть этого союза распространилась бы до самых последних пределов земли. Теперь поднимает голову дерзкий Рим. Римляне хотят наложить руку на Грецию и Македонию. Почему не соединить силы твои, великий царь, и вольного, всемогущего своим богатством Карфагена? Почему не заключить союза двух сильнейших в мире государств?

На левом краю стола македонцы, сидевшие близ Филоты, обменивались насмешливыми фразами:

— Лесть — самое верное оружие.

— Особенно у Александра!

---

[1] Пинда́р — знаменитый греческий лирический поэт.

[2] Шофе́тами назывались два выборных правителя Карфагенской республики.

— После битвы при Гавгамелах из захваченной добычи он ничего не взял себе, это верно, но зато уж в Персеполисе он не постеснялся и отослал матери в Пеллу тридцать пять тысяч мулов и пять тысяч верблюдов, нагруженных золотом и серебром.

— Разве управление сатрапиями он роздал своим товарищам по мечу? О нет! Ими он пренебрегает! Всюду начальниками он посадил персов.

— Мы для него захватывали царство за царством, а награда нам — тяжелые раны и отправка, как ненужных калек, на родину.

— Теперь мы, благородные этэры, даже редко видим Александра, а должны сперва кланяться персидскому евнуху, чтобы он нас пропустил к нему, нашему бывшему товарищу.

— А для чего он позорится, натягивая широкие персидские шаровары и варварскую одежду?

Музыканты снова затянули пронзительную мелодию, любимую песнь бывшего царя царей Дария. Свистели сиринги, заливались свирели, гудели трубы и глухо рокотали бубны.

СКИФ И ЭЛЛИН

Тогда в темном небе над пировавшими загорелись два факела и осветили худенькую девушку, сильно набеленную, в пестрой короткой тунике с золотыми блестками. Покачивая факелами в вытянутых руках, она как будто плыла в воздухе. Когда акробатка дошла до середины террасы, сбоку вспыхнули еще два факела и небольшая обезьяна осторожно пошла по канату на задних лапах, покачиваясь и подражая девушке.

Громкий хохот раздался на верхней террасе, и все заметили высокого неуклюжего юношу в греческом хитоне, который показывал пальцем на обезьяну, приседал и задыхался от смеха. Его хохот заразил всех, прокатился по всем террасам и отозвался внизу, во дворе, где толпились воины.

— Кто это так громко смеется? — спросил базилевс.— Мне его лицо немного знакомо.

— Это скиф, молодой сакский князь Сколот,— сказал подошедший эфеб.— Ты вчера приказал вывести его из подвала, вымыть, переодеть и привести к тебе.

— Дай ему вина и приласкай. Я буду сегодня говорить с ним.

Девушка на канате остановилась над пирующими, ловко

подбрасывая горящие факелы и снова ловя их за ручки. Снизу взлетели один за другим еще четыре горящих факела, и акробатка искусно ловила их, продолжая подбрасывать, так что над нею образовался пылающий венок из вертящихся огней.

Все затихли, опасаясь за девушку, стоявшую одной ногой на канате, высоко над всеми.

— Такова слава Александра! — прозвучал чей-то голос.

Некоторые узнали голос философа Каллисфена.

Девушка напрягала все силы, чтобы сохранить равновесие и ловить факелы. Туго натянутый канат дрожал, обезьяна сорвалась и, уронив факелы, повисла, уцепившись всеми четырьмя лапами.

Факелы, рассыпая искры, один за другим стали падать вниз, где их ловил старик в высоком красном колпаке и длинной одежде, обшитой золотыми звездами. Девушка, оставшись с двумя горящими факелами, прошла до конца каната и остановилась, приветствуя зрителей рукой. Обезьяна пробралась по канату к девушке и вскарабкалась к ней на плечо. Оба факела, вертясь, полетели вниз. Девушка с обезьянкой исчезла во мраке.

Базилевсу подвели молодого скифа. Хитон на нем был узок и короток. Костистые руки с громадными кистями и длинные ноги были худы и неуклюжи. Скиф, открыв рот, исподлобья рассматривал базилевса.

Около Александра стояли два его секретаря. Один, бледный молодой сириец с красной лентой вокруг черных курчавых волос, записывал слова повелителя, другой, пожилой перс с привязанной бородой, завитой мелкими колечками, был переводчиком.

— Давно я тебя не видел,— сказал Александр.— Может быть, тебе жилось худо? Но ты сам виноват, что не обратился ко мне.

Скиф блеснул белыми зубами, и вокруг его глаз собрались насмешливые складки.

— Я тоже давно не видел тебя, кшатра[1], и жилось мне, пожалуй, похуже твоего. Из моего темного подвала в окошко я видел только ноги проходивших воинов. И меня заедали клещи и клопы.

— За это я сумею наградить тебя. Что бы ты хотел получить?

Скиф переступил с ноги на ногу и повел широкими плечами.

---

[1] Кша́тра — по-древнеперсидски — царь.

— Мне нужно разыскать моего жеребца. Он сын знаменитого в степи Буревестника, саврасый, с темной полосой вдоль спины.

— Хорошо! — сказал базилевс.— Я прикажу, чтобы разыскали твоего саврасого. Может быть, ты хочешь еще что-нибудь?

Скиф обвел глазами круг незнакомых, чуждых ему людей, которые, кто растянувшись на ложе, кто стоя, с насмешкой смотрели на него блестящими от вина глазами.

— Если конь без работы застоится, то падает на ноги. То же случилось и со мной. Затосковал я без дела! Очень бы хотел с кем-нибудь подраться.

Базилевс ударил в ладоши:

— Это будет забавное зрелище! Кто хочет подраться со скифом?

Некоторые предложили:

— Вызвать из охраны базилевса рослых македонцев, достойных побороться со скифом.

Учитель Никомандр воскликнул:

— Если скиф умеет владеть мечом, то я согласен испробовать на нем мое искусство.

Переводчик объяснил его слова скифу.

Молодой скиф небрежно взглянул в сторону Никомандра:

— Дайте мне мою секиру, и я буду драться с тремя такими, как этот старик.

Базилевс подозвал Никомандра и тихо прошептал:

— Не смей убивать его, он мне нужен. Можешь только слегка ранить.

Никомандр сделал презрительный жест:

— В какое место его ранить?

— Ты его трижды ранишь в левое плечо.

— Дайте мне мой македонский меч! — обратился Никомандр к эфебам.

Он сбросил плащ и остался в одном хитоне и венке на седеющих кудрях. Мускулистые руки и ноги Никомандра были голы, и старые побелевшие шрамы говорили, что он побывал не в одном бою. Из груды оружия, по обычаю снятого гостями при входе на место, предназначенное для пиршества, эфебы достали узкий стальной меч Никомандра с ручкой, отделанной золотом. Скифу дали тяжелый македонский меч. Он попробовал упругость стали, отточку острия и поднял его к небу:

— Тебе, бог Папай[1], я посвящаю эту жертву! Ты

---

[1] Папа́й — главный бог у скифов, олицетворение грома и молнии.

охраняешь наши стада от волков в сакских степях, сохрани и меня среди этих разбойников!

С мольбой глядел скиф в темное, мрачное небо, покрытое тяжелыми тучами. Ветер усиливался, и пламя светильников порывисто трепетало. Порывы надвигавшейся бури жадно подхватывали искры и далеко уносили их.

Скиф расставил длинные ноги и протянул меч, направляя его против македонца.

Никомандр повернулся правым плечом к противнику и, сдвинув ноги, держал меч прямо, острием кверху, закрывая им грудь и лицо:

— О царь, славнейший из царей, и все вы, македонцы, эллины и другие гости! Мой меч, не знавший поражения, сегодня, по желанию нашего царя, пощадит этого варвара. Но я обещаю, что концом меча я тремя ударами по левому плечу юноши напишу альфу, начальную букву имени величайшего повелителя Азии.

Скиф, следя горящими глазами за противником, стал приседать на левую ногу и выдвигать правую жилистую руку с мечом.

Македонец заложил левую руку за спину, глаза прищурились. На бритом лице морщины стали резче и глубже. Мускулы голых рук напряглись и вздулись. Он был готов к нападению.

Меч его, сверкнув молнией, сделал несколько зигзагов, и послышался лязг столкнувшейся стали. Длинный скиф пригнулся еще ниже, и только костистая рука его со стальным клинком завертелась, ловя мелькающий меч македонца.

Лицо Никомандра, бывшее самодовольным и насмешливым, вдруг сделалось серьезным. Он почувствовал силу дикого противника. Скиф не глядел на меч. Его синие глаза потемнели и впились в нахмуренные брови македонца. С звериной ловкостью он отражал стремительные удары Никомандра, сам не переходя в наступление.

— Эугэ! Каллиста![1] — пронеслись крики македонцев.

На левом плече скифа закраснела косая полоса, и кровь темной струйкой потекла по груди.

Скиф, казавшийся тяжелым, как верблюд, вдруг сделал легкий, упругий прыжок в сторону, и Никомандр, не докончив стремительного выпада, едва удержался на ногах, но быстро отступил, встретившись с градом ударов внезапно напавшего скифа.

— Не жалей его, Никомандр! Изруби варвара! — Крики

---

[1] Эугэ! Калли́ста! (*греч.*) — Хорошо! Отлично!

неслись со всех сторон: с крыш и стен, на которые забрались воины.— Воткни ему меч в горло!

Новая косая линия нарисовала вторую сторону угла альфы, и струя крови сильнее потекла по груди скифа. Оставалась только поперечная черта. Несколько эфебов и воинов приблизились, готовые разнять противников.

Скиф применил невиданный прием. Его меч, стремительно забуравив воздух, с силой понесся на противника. Лезвие Никомандра, встретившись с мечом скифа и описав дугу, полетело в сторону. Скиф диким прыжком обрушился костлявыми коленями на грудь македонца, подмял под себя и с ревом впился зубами ему в шею.

— Оттащите варвара! Он ему откусит голову! — кричали кругом.

Воины и эфебы навалились на скифа и, ухватив его за руки и за ноги, отодрали от македонца.

Скиф поднялся и легко раскидал воинов. Его лицо и рот были в крови. Никомандр встал, растерянный, с дико блуждающими глазами. Из его шеи хлестала кровь, забрызгав светлые хитоны эфебов.

Врач базилевса подбежал со шкатулкой лекарств и торопливо стал перевязывать шею македонца.

— Зачем ты хотел откусить воину голову? — строго спросил скифа царский переводчик.

— Вовсе нет! — радостно улыбался скиф, утирая полотенцем лицо.— Я только выпил его крови, чтобы его сила и искусство перешли ко мне. Он умеет хорошо владеть мечом, теперь я буду сильнее его...

Буря усиливалась. Порыв ветра опрокинул высокий светильник и разлил по ковру душистое масло. Крупные хлопья снега, крутясь, неслись на пирующих. Базилевс поднялся с ложа, черный нубиец подвязал ему сандалии и накинул на плечи пестрый индийский плащ, подбитый мехом речного бобра. Группа телохранителей, сверкая медью, выстроилась в два ряда.

Александр шепотом говорил Гефестиону:

— Я жду всех в оружейной комнате. Отряд самых преданных всадников пусть будет наготове. Филоту надо захватить врасплох. Пришли ко мне танцовщицу.

Базилевс сделал несколько нетвердых шагов и остановился перед философом Каллисфеном:

— Конечно, этот дикий скиф нарушил правила боя, но он варвар, и поэтому надо или простить, или убить его. Ты, Каллисфен, как философ и как ученик Аристотеля, любителя всего мудрого и прекрасного, знаешь утонченное обращение с людьми, хотя допускаешь иногда неосторожные

замечания... Поручаю тебе этого сака: научи его эллинскому языку и убеди его любить больше эллинские идеи, чем свои скифские степи. Как софист, ты ведь сумеешь доказать правильность всего, чего захочешь. Через месяц ты ко мне придешь и расскажешь, каких успехов достиг в обучении скифа.

Музыка заиграла славу царю царей Персии. Снег ударял в глаза. Все ковры побелели. Александр, пошатываясь, при громких криках гостей и воинов медленно спускался по ступенькам, опираясь на двух эфебов. Участники пира, кутаясь в плащи, надевали оружие и торопливо покидали террасы.

Карфагенский посол остановился возле маленькой канатной танцовщицы и, взяв ее за руку, сказал по-финикийски:

— Кажется, мы с тобой имеем одну родину?

— Да, я из города моря и солнца, растерзанного этим зверем. Я из славного Тира.

— Зачем же ты здесь их забавляешь? Разве ты забыла, что базилевс распял на крестах полторы тысячи храбрейших защитников твоего родного города?

— Я это помню и никогда не забуду. Мой отец тоже был распят. Поэтому я и приехала сюда...

Два эфеба подхватили девушку под руки:

— Ты пойдешь с нами. Базилевс ждет тебя!..

* * *

В небольшой комнате, увешанной персидскими коврами, с раскрытой на балкон резной двустворчатой дверью, на ложе с изогнутыми золотыми ножками лежал базилевс. Как обычно после обильного ужина, он сразу же заснул крепким сном, растянувшись на шкуре бурого медведя.

Александр хвастался, что мог по своему желанию мгновенно засыпать во всякое время дня и после краткого сна вставать совершенно бодрым, готовым к новой работе.

Золотой светильник с душистым маслом, подвешенный на завитке высокого бронзового треножника, лил ровный оранжевый свет. Завитые кудри разметались по голубой шелковой подушке, искусно затканной малиновыми цветами. Красивое лицо было безмятежно-спокойно, морщины разгладились. Открытая могучая шея и нежная, розовая кожа атлетической груди слегка прикрывались прозрачной зеленоватой тканью хитона.

Маленькая финикиянка стояла около заснувшего молодого тела и раскрытыми блестящими глазами всматрива-

лась в застывшее лицо с голубоватыми веками. Мысли стремительным вихрем проносились в ее голове:

«Вот предо мной властелин Азии... Сейчас поразит тебя моя месть за тысячи распятых и замученных финикийских юношей... пусть меня потом растерзают твои палачи, но рука дочери Тира не дрогнет...»

Финикиянка, склоняясь к Александру, осторожно вытянула из своей сложной высокой прически длинную и острую, как кинжал, стальную головную шпильку. Шестнадцать тонких кос рассыпались по плечам. Одна коса соскользнула и упала на розовую грудь Александра. Он слегка вздрогнул, по лицу пробежала тень, брови сдвинулись, между ними прорезалась суровая складка. Полураскрытые губы прошептали невнятно слова, но грудь продолжала дышать ровно — базилевс не проснулся. Финикиянка выпрямилась, подняв руку, выбирая место для удара.

Легкое дуновение ветра заставило ее оглянуться. Возле нее неподвижно стоял, скрестив руки на груди, старый, морщинистый евнух-перс. Его тонкие бледные губы издали тихий змеиный свист. Зашевелился висевший на двери шелковый ковер, и оттуда вынырнул черный полуголый нубиец. Евнух повел глазами, указывая на финикиянку, нубиец набросил пеструю шаль на девушку и бесшумно вынес ее из комнаты. За ним, покачивая лысой старушечьей головой, вышел евнух.

Через день, после долгих пыток огнем, финикиянка была разрублена на четыре части, которые, как требовалось обычаем, были подвешены над четырьмя воротами центрального крытого базара города.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СКИФСКИЕ СТЕПИ

Готовы ли кони? Отточены ли мечи?
Натянуты ли туго ваши луки?

(Из песен Саксафара)

ПУТНИК НА ХОЛМЕ

На вершине холма, одиноко поднимающегося над беспредельной равниной, возле упавшего на землю сигнального шеста, обмотанного соломой, неподвижно застыл человек. Его старая, выцветшая одежда того же бурого цвета, что и земля. Голова обмотана лоскутом красной тряпки. Человек стоит крепко, широко расставив ноги в мягких заплатанных сапогах без каблуков. Узкие немигающие глаза, прищурившись, устремлены вдаль.

Лицо молодое, скуластое, покрытое темным загаром. Кожа потрескалась от солнца и ветра. Плечи широкие. Одной рукой он придерживает кожаный мешок, перекинутый через плечо, другой сжимает костяную рукоятку широкого ножа, выглядывающего из-за пазухи. Длинный сыромятный ремень замотан несколько раз вокруг пояса.

Он смотрит вдаль — туда, где на широкой равнине весело рассыпались бесчисленные белые и черные сакские[1] шатры. Над ними карабкаются к небу голубые дымки. Около шатров, в загородках из хвороста, толпятся отары черных и белых ягнят.

Сегодня праздник. На равнине, испещренной тропинками, видны вереницы ярко одетых всадников. Все они тянутся к кочевью. Их пестрые одежды, расшитые разноцветными узорами, переливаются яркими красками в лучах солнца, только что вставшего над горизонтом.

---

[1] К северу от Согдианы жили различные кочевые племена. Греки называли их скифами, но историк Страбóн сообщает, что сами скифы не называли себя этим именем, означающим человека скитающегося, скитальца, кочевника. Здесь описывается одно из крупнейших скифских племен — сáки (или сакýки).

Человек на холме стоит так долго и неподвижно, что едущие на равнине всадники начинают показывать на него плетками.

— Кто это там и кого высматривает? — говорят они.— Это не пастух. Не лазутчик ли, подосланный согдами? Не колдун ли хочет нагнать болезнь на Будакена?..

Один всадник, на пегом коне, отделившись от группы, вскачь пустился к холму. Не останавливаясь, взлетел на его вершину и затем медленно, шагом подъехал сзади к неподвижному человеку. Острым концом тонкой дрожащей пики он толкнул его в плечо. Тот оглянулся и смерил всадника безразличным взглядом.

Подъехавший произнес обычное приветствие:

— Пусть бог Папай даст тебе здоровье!

— Здоров ли ты? — послышался свистящий ответ.— Бодр ли ты? Силен ли ты?

— Да успокоится в радости душа твоя! — сказал всадник. Он провел рукой по черной жесткой бороде с прямыми волосами, недоверчиво посматривая на красную повязку на голове путника, завернутую по обычаю согдов — извечных врагов скифов.

— Что это за кочевье? — просвистели слова путника.

— Откуда же ты свалился, что не знаешь кочевья славного Будакена, по прозвищу Золотые Удила? Твои ноги запылены, коня близко нет. Какой дорогой ты пришел?

— На той дороге, по которой я пришел, меня уже нет. Видно, важное дело привело меня сюда, если я десять дней шел через пустыню, чтобы увидеть славного князя Будакена.

— Садись тогда сзади на Пегаша,— сказал всадник.— Кидрей, укротитель диких лошадей, тебя подвезет к шатру самого князя. Сегодня у Будакена пир: он выдает замуж свою дочь. Ее получит тот, кто на скачках вырвет у нее платок. Из ближних и дальних кочевий — отовсюду сегодня съезжаются гости. Если бы у тебя был конь, то и ты бы мог попытаться добыть дочь Будакена. А я попробую. Неужели девушку поймать труднее, чем дикую пятишерстную лошадь?

Путник легко вскочил на круп пегого коня, который стал медленно спускаться с холма по вьющейся тропинке, постукивая копытами и скатывая камни.

ШУТКИ БУДАКЕНА

После состязания молодежи в скачках, борьбе, стрельбе из лука Будакен Золотые Удила захотел еще более развеселить своих гостей и шепнул своим молодцам-слугам[1], чтобы его дочь выехала на скачки и чтобы приготовили также верблюда. Молодцы, улыбаясь при мысли о предстоящем зрелище, побежали исполнять приказание.

Будакен, большой, широкоплечий, кривоногий от постоянной езды верхом, в темно-серой шерстяной домотканой одежде, от башлыка до края широких штанов расшитой голубыми бусами и украшенной золотыми пуговицами, старался удивить своим радушием, угостить на славу гостей, большей частью стариков, вождей разных родов его племени.

Будакену подвели широкозадого гнедого жеребца; он дико храпел и бил передней ногой. На коне была узда с золотыми бляхами; ремни, отделанные бирюзой и сердоликом, красовались на шее; удила, затейливо украшенные изображениями дерущихся львов, были из чистого золота.

Среди гостей выделялся молодой вождь одного из колен рода Тиграхауда[2], тонкий, высокий, надменный князь Гелон. Его лицо было еще покрыто пухом юности, но сдвинутые брови и гордый взгляд говорили, что духом он далеко уже не юноша. На поясе у него висел короткий меч в золотых ножнах с вычеканенными рисунками боя скифов с персами. На всем его платье из красной чужеземной материи горели нашитые золотые бляшки, переливавшиеся, как чешуя. Жеребец Гелона, золотисто-рыжий, без гривы[3], с длинным белым хвостом, был еще наряднее и красивее будакеновского жеребца. Говорили, что он выменял его у массагетов[4], славящихся высокими, легкими конями, отдав за него четырех невольников, умевших рыть колодцы в каменистой почве и выделывать мягкую замшу.

Внезапно из толпы вылетела на вороной кобылице дочь Будакена Зарика, сверкающая улыбкой и живыми, блестящими глазами, вся в бусах, ярких лентах и серебряных

---

[1] Слуги — скифы, дети рабов, бедняки, находившиеся на службе у богатого скотовода. Они присматривали за скотом и выполняли разные поручения хозяина. Слуги пользовались бóльшими правами и свободой, чем рабы.

[2] Тиграхáуда — род скифов, живших за нынешней Сырдарьей, из большого народа тохáров. (*См. сноску 2 на стр. 191.*)

[3] Лучшие кони древней породы в Средней Азии — аргамáки — большей частью от рождения не имели гривы.

[4] Массагéты — скифское племя, жившее в пределах нынешней Туркменской ССР в юго-восточном Приаралье.

украшениях. Все знали, что за ней Будакен дает в приданое тридцать косяков лошадей, по девяти кобылиц и жеребцу в каждом, стадо баранов, десять верблюдов, груженных подарками, и сорок невольниц. Поэтому толпа нарядных молодцов немедленно помчалась за Зарикой на лихих конях. Она неслась к высокому кургану, чтобы обогнуть его и прискакать обратно. Черная кобылица, прославленная на скачках, перелетая через рытвины и кочки, легко неслась по степи. Догонявшие всадники рассыпались в разные стороны, стремясь перехватить Зарику, когда она завернет за холм.

Гелон на золотистом жеребце, в алой одежде, сверкающей, как пламя, стал быстро выделяться из группы других всадников. Он уже приблизился к Зарике, но она круто повернула кобылицу в сторону, и Гелон пролетел мимо. Зарика наскочила на подлетевшего сбоку пегого жеребца отчаянного укротителя лошадей Кидрея. Кидрей сцепился с Зарикой, стараясь выхватить кусок красного шелка, который развевался в ее руках. Зарика наотмашь била Кидрея толстой плетью, а сама, как змея, извивалась, прячась за шею кобылицы. Через несколько мгновений все скакавшие скрылись в клубах пыли за курганом. Когда они показались снова, Зарика была окружена кольцом коней, металась из стороны в сторону, хлестала направо и налево, а пегий конь Кидрея несся в стороне, без всадника. Потом говорили, что Гелон налетел на Кидрея, ударил его грудью своего коня так сильно, что тот вылетел из седла и потерял сознание.

Гелон подлетел к Зарике, сцепился с ней — и у него в руке затрепетал красный шелк.

— Сама ему отдала! — говорили в толпе.— У Будакена будет зять из знатного рода. А сам Будакен был когда-то пастухом... Будакен теперь так богат, что может взять в зятья кого захочет.

Зарика прискакала обратно к кочевью, ее окружили женщины и девушки-подруги. Невольницы взяли под уздцы взмыленную кобылицу, а Зарику ввели в разукрашенный коврами и шалями шатер невесты.

Гелон подлетел к тому месту, где на конях ждали Будакен и знатные гости, резко осадил жеребца в десяти шагах, затем, с трудом сдерживая его, подъехал шагом к Будакену и бросил ему в руки красный платок. К Гелону подбежал слуга и подал чашу с кумысом, сделанную из человеческого черепа, оправленного в золото. Гелон принял чашу двумя руками, поцеловал ее и протянул хозяину.

Будакен, грузный, с отвисшими усами, принял чашу. Лицо его было непроницаемо, но в глазах бегали веселые

огоньки. Со стороны Гелона это был жест сватовства. Теперь Гелон, происходящий из древнего княжеского рода, станет зятем бывшего пастуха Будакена, вышедшего в вожди только благодаря уму, хитрости и удачным набегам.

Будакен пригубил кумыс, подул на поверхность и затем выпил до дна. Гелон пересел на запасного коня, а его золотистого жеребца отвели в сторону, где на него с трудом влез старик, готовящий лошадей к скачкам, и стал шагом ездить взад и вперед, чтобы дать ему остыть.

КТО РАЗВЯЗАЛ ВЕРБЛЮДА

Скифы привели большого мохнатого темно-серого верблюда и с трудом заставили опуститься на колени. Верблюд был полудикий — он ревел, бился и старался встать. Скифы стали быстро скручивать его волосяными веревками, связывая подогнутые колени, загибая голову набок, делая множество узлов и сплетая вместе концы, чтобы труднее было развязать. Будакен торопил молодежь. Громадная толпа, стоявшая кругом, шумела и кричала. Все шутили, ожидая излюбленного зрелища.

Старый Хош, игравший при Будакене роль прихлебателя и шута, стал выкрикивать:

— Этот верблюд подымает восемь мешков ячменя и столько же зараз съедает. Бегает иноходью за верблюдицами и пятится, если видит седло. Может идти без воды десять дней и столько же сидеть на месте, глядя на бурдюк с кумысом. Прошел до Вавилона и обратно, вернулся еще более диким и обросшим бородой. Однако щедрый Будакен Золотые Удила, желая позабавить гостей, дарит этого редкого верблюда той смелой женщине, которая развяжет все веревки без помощи ножа и затем объедет на верблюде вокруг кочевья. Но только, по старому обычаю[1], на этой женщине не должно быть никакой одежды, чтобы она не могла спрятать нож...

Женщины стояли отдельной группой, подталкивая друг друга, пересмеиваясь, закрывая лицо широкими рукавами. Они ожидали, что сейчас выйдет старая Болхаш, пьяная и бесстыжая, которой было безразлично, как появиться перед толпой. Ее разыскивали за шатром, где она лежала,

---

[1] Этот обычай развязывания верблюда до сих пор сохранился у некоторых кочевых народов Средней Азии.

напившись бузата[1], и только мычала в ответ на толчки женщин, пытавшихся ее разбудить.

— Чего же вы стоите? Не бойтесь! Попробуйте развязать, получите верблюда! — кричали в толпе.

Тогда из группы женщин вышла вперед стройная девушка. Она подошла застенчивой, скромной походкой к знатным гостям, сложив руки на груди, поклонилась Будакену и сказала, побледнев и опустив глаза:

— Привет тебе, храбрый и щедрый Будакен! Я сумею развязать верблюда, если ты действительно обещаешь подарить его мне...

Будакен, удивленный, видя эту девушку в первый раз, сказал:

— Если ты развяжешь верблюда и проедешь на нем вокруг шатров, верблюд будет твой. Кто ты, девушка, не боящаяся ничего, даже стыда?

Девушка безнадежно махнула рукой:

— Что такое стыд для потерявшей свободу!

— Ты невольница? Какого ты хозяина? Как твое имя?

— Меня зовут Томирис...

— Томирис, Томирис!.. — загудели в толпе.

— Я из племени дахов[2], была украдена во время набега и затем продана купцам. Теперь я прислана князем Гелоном вместе с подарками для твоей прекрасной дочери.

Князь Гелон, кичившийся победой, потемнел от ярости и шепнул своему ближайшему слуге:

— Скажи этой негоднице, чтобы она уходила отсюда и не смела позориться.

Скиф бросился к девушке и стал ей что-то шептать на ухо. Томирис стояла, не отвечая. Но толпа жаждала увидеть поскорее веселое зрелище, и все стали кричать, требуя, чтобы Томирис скорее начала развязывать верблюда.

Томирис сделала рукой предостерегающий жест слуге, чтобы он отошел, и подбежала к лохматой темно-серой туше верблюда. Ошеломленный неожиданным неудобным положением, он был зол, дергал ногами, извивался всем туловищем, желая порвать веревки, клохтал и булькал, выбрасывая на сторону длинный розовый язык. Девушка быстро сняла все свои цветные одежды, свернула их в узелок и перевязала его красным шнуром от шаровар. Она положила узелок на песке между клочками редкой травы. Толпа гудела и хохотала. Но все затихли, увидав стройную

---

[1] Буза́т — крепкий хмельной напиток, изготовлявшийся из молока.

[2] Большое племя да́хов в древности обитало на Нижнем Якса́рте (древнее название реки Сырдарьи).

худощавую девушку, украшенную только ниткой красных бус на шее и пестрыми лентами, вплетенными в шестнадцать тонких кос, спадавших на узкие девичьи плечи.

Никого не замечая, Томирис завязала косы вокруг головы.

— Но она совсем девчонка! — прошамкал старый князь Тамир.— Разве она сможет развязать столько узлов, затянутых шестью здоровыми молодцами?

Томирис стремительно бросилась к верблюду, вскочила розовым комком на его бурую шерсть и начала развязывать узлы, впиваясь в них пальцами и зубами. Прежде всего она развязала голову верблюда, притянутую к животу. Когда верблюд освободил голову и вытянул шею, он перестал биться и только иногда еще жалобно стонал, раскрывая узкие длинные челюсти. Томирис упорно работала над перепутанными узлами; ее тонкие руки летали и сплетались среди черных волосяных веревок, накрученных причудливой сеткой.

Потом она прыгнула к узелку с одеждой, взяла его в зубы и продолжала возиться, сидя на четвереньках. Вот освободилась задняя нога верблюда. Веревки стали слабнуть. Верблюд снова забился, повернулся на живот и вскочил неуклюжим прыжком сперва на задние, потом на передние ноги.

Томирис уже сидела на его спине, припав между пушистыми горбами. Верблюд отряхнулся и, нелепо подпрыгнув, побежал сильной, размашистой иноходью в степь, прочь от гудевшей толпы.

Верблюд громко ревел от боли, а Томирис колола ему горб бронзовой шпилькой, вытащенной из волос.

По обычаям старины, нужно было во время бега верблюда суметь одеться, объехать вокруг кочевья и вернуться к месту празднества. Темно-серый верблюд с девушкой, прижавшейся между горбами, скрылся за курганом. Никто не обратил внимания на то, что один из слуг князя Гелона вскочил на коня и помчался в степь за верблюдом.

ПОДАРОК СПИТАМЕНА

Тогда впервые увидели Спитамена и заговорили о нем.

Пока скифы смеялись над девушкой, не побоявшейся голой развязать верблюда, к Будакену и знатным гостям подошел запыленный путник с мешком за плечами. Незнакомец остановился в нескольких шагах от них и крикнул, произнося правильно по-сакски:

— Благородный князь Будакен Золотые Удила, я принес тебе подарок, достойный твоей силы, твоей храбрости и гостеприимного радушия. Такого подарка ты давно ждешь.

Будакен удивленно развел руками:

— Что может мне подарить согд, говорящий по-сакски? Я уже имею все, что только может пожелать человек. Подойди ко мне поближе.

Путник подошел к коню Будакена, сунул руку в свой кожаный мешок и вытащил оттуда небольшого темно-серого щенка с длинным хвостом. Пушистый зверек скалил острые зубы, топорщил белые усы и, неистово барахтаясь, урчал.

— Тебе нравится такой красавец? — спросил незнакомец.— Самый настоящий и злобный. Видишь черную полоску на носу? Через два года он будет с тобой ходить на охоту, ловить диких коз, перешибать хребты горным баранам и сбрасывать с коня твоих врагов. Узнаёшь ли ты этого зверя?

И все узнали в щенке будущего гепарда-читу[1], самого быстроногого и страшного зверя гор, который привязывается к хозяину, как собака, и в битве бесстрашно бросается на его врагов.

У Будакена разгорелись глаза. Щенка читы найти трудно: зверь водится в самых диких горных ущельях, на неприступных скалах.

— Спасибо, странник! Что же ты хочешь за этого щенка?

Все знали, что Будакен щедр, что он не остановится перед ценой, если что-нибудь ему понравится. Поэтому воины, стоявшие вблизи, закричали:

— Скажи, что ты даришь маленького читу! Будакен тебя отблагодарит дороже, чем стоит зверь!

Но незнакомец ответил:

— Ты богат и славен, Будакен! Никто не может сосчитать баранов в твоих стадах или коней в твоих табунах. Ты сам не знаешь им числа. Подари мне молодого коня с твоим тавром...

Такие слова, по кочевым обычаям, были дерзкими

---

[1] Гепáрд, или охотничий леопард. У него кошачья голова и длинный хвост, но строение всего остального тела — как у собаки. В беге самое быстрое животное из всех млекопитающих. В странах Востока с древнейших времен приручался для охоты на коз и оленей. Встречается и в настоящее время в горах Средней Азии, но редко. В Персии гепарда звали чита или юспеленг.

и непочтительными. Нéзнакомец походил на бедняка, и он не смел требовать, а должен был ждать милости от богатого и влиятельного Будакена. Поэтому все заметили, как Будакен нахмурил брови. Но этот большой и сильный князь любил шутки и забавы и не лишен был неожиданных причуд.

Будакен сказал:

— Как звать тебя, смелый путник, и откуда ты родом? Да сможешь ли ты вскочить на будакеновского коня? Ведь тебе придется садиться не на пуховую подушку, на которой согды считают свои барыши. Ты сейчас же свалишься, если тебя посадят на нашего жеребца...

Все кругом загоготали:

— Посади согда на жеребца! Покажи нам, как согдский козел барахтается на коне!..

Незнакомец, не обращая внимания на обидные выкрики, опустил узкие глаза и сказал:

— Я зовусь у согдов Спитамен, называют меня еще и Шеппе-Тэмен[1]. Я одной крови с вами — моя мать была из рода Тохаров[2] с боевым кличем «улала!»[3]. Но мой отец был согд, и с детства я был воспитан в Сугуде и вскормлен согдийским просом и виноградом.

Будакен задумал новую шутку, чтобы повеселить гостей, и сказал:

— Хорошо, Шеппе-Тэмен... Я рад, что мы с тобой одного боевого клича. Ладно, ты можешь взять у меня какого хочешь коня, но не из тех, которые привязаны, а из тех, что пасутся на воле. И кроме того, ты возьмешь коня с земли, а не сидя на другом коне...

Тогда Спитамен скрестил на груди руки в знак благодарности и передал щенка читы подошедшему старику, умеющему воспитывать для охоты беркутов, соколов, борзых собак и других животных.

— Не сердись только, Будакен, если я буду выбирать лучшего, а не худшего коня...

---

[1] Спитамéн — древнеперсидское слово, которое означает: блистающий (храбростью, доблестью). Спита — искры. Буквально: спитамен — искрометный. Шеппе-Тэмен (по-турански) — Левша-Колючка.

[2] Тохáры — великий скифский народ, который через двести лет после событий, описанных в настоящей повести, вторгся в Восточную Бактрию и овладел ею.

[3] Каждый род скифов имел свой особый боевой клич (уран), которым они сзывали друг друга и с которым бросались в битву.

ЛОВЛЯ БУРЕВЕСТНИКА

Будакен крикнул своим слугам, чтобы они подогнали ближе табун лошадей, пасшийся невдалеке в степи, и сам с гостями тронулся шагом по направлению к табуну. Слуги с криками вскачь помчались к табуну и, растянувшись цепью, стали окружать его. Спитамен легко вскочил на круп коня одного приветливо его окликнувшего скифа. Они затрусили вслед за свитой Будакена.

Табун встревоженных кобылиц скакал по степи к кочевью. Скифы, размахивая арканами, дико вскрикивали и, свистя, носились вокруг табуна. Несколько жеребцов вылетели из табуна; они мчались, вытянув шею и прижав уши, навстречу скифам, готовые наброситься на них. Тогда те, стегая плетками своих коней, поворачивали и уносились в степь, затем, сделав полукруг, снова возвращались к табуну.

Будакен и гости должны были вскачь пронестись к кургану, чтобы не попасться под ноги летевшему табуну. Они въехали на курган, откуда, неуклюже переваливаясь, сбежали в степь три верблюда.

Тогда слуги и пастухи криками и хлопаньем длинных бичей завернули табун и остановили его перед курганом.

Кобылицы сбились в кучу, некоторые подымали высоко головы, другие прыгали, лягались, отлетая от бурых и гнедых жеребцов, пробегавших как хозяева между косяками.

— Где же этот согд? — крикнул Будакен.— Может быть, он испугался, увидев хвосты сакских кобыл?

Но Спитамен уже был наготове. Он казался особенно коренастым и широкоплечим, когда спускался мягкими шагами по скату кургана, раскачивая свернутый кольцами сыромятный аркан. В другой руке он держал свой кожаный мешок.

Все бывшие на кургане услышали сильный свист, протяжный, с переливами, тот свист, которым кочевники успокаивают испуганных лошадей.

Весь табун насторожился, вперед вылетел вороной жеребец, знаменитый неукротимый Буревестник, высокий, лоснящийся в лучах солнца. Спитамен остановился. Жеребец, сделав несколько прыжков, поднялся на дыбы, повернулся в воздухе на задних ногах и бросился обратно. Спитамен подошел еще на несколько шагов к табуну. Вороной жеребец остановился, сильно втягивая ноздрями воздух, и снова помчался к Спитамену. Он был уже в трех шагах, когда Спитамен взмахнул рукой. Сыромятный ремень мелькнул в воздухе и обвился вокруг лоснящейся крутой шеи, а охотник отпрыгнул в сторону, натягивая

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ГОЛОВА СПИТАМЕНА
Античная скульптура «Умирающий персианин». Рим. Музей Терм.
(Фото из архива В. Яна.)

ПЬЯНЫЕ СКИФЫ. *Рисунок В. Яна. 1926*

ремень. Жеребец взвился на дыбы, закрутился и снова бросился на дерзкого врага. Он хотел ударом зубов и передних ног сбить человека, захлестывавшего ремень. Тогда Спитамен ловко надвинул кожаный мешок на голову разъяренного жеребца, и через мгновение скифы увидели, что охотник висит на его шее, крепко ухватившись руками и ногами.

Буревестник мотал головой, взвивался, прыгал, бил ногами, стараясь сбросить впившегося в него седока, и наконец бешено понесся по степи, взбивая голубые клубы пыли.

— Улала! — закричал Спитамен.

— Улала! — завопили скифы.— Он нашей крови! Он наш! Ни один согд никогда не осмелится вскочить на нашего вольного жеребца!..

Будакен был доволен. Хотя бедный охотник вскочил на одного из его лучших коней, но зато гости были поражены интересным зрелищем. Теперь они разъедутся по своим кочевьям, и вся степь будет знать о щедрости Будакена, все заговорят о вороном жеребце, которого он отдал за щенка читы, и имя Будакена будет повторяться у всех костров, по всем тропам скифской равнины.

БЕГЛЯНКА ТОМИРИС

Спитамен промчался вихрем мимо кургана и кочевья, где пестрая толпа скифов кричала и выла от возбуждения; он подстегивал ремнем взбесившегося коня, летевшего, не разбирая дороги, с мешком на голове. Только когда кочевье скрылось позади и мимо стали пролетать песчаные барханы, охотник сдернул с головы жеребца кожаный мешок, продолжая хлестать коня ремнем с бронзовой пряжкой.

Не давая передышки, он гнал жеребца между песчаными холмами, поросшими редкими кустами кандыма[1], и, когда неукротимый скакун стал покрываться клочьями белой пены, Спитамен вытащил из-за пазухи недоуздок и набросил его на прекрасную голову свирепого Буревестника. Конь уже не сопротивлялся, не пытался, загибая шею назад, укусить всадника за колени.

Внезапно Спитамен услышал впереди крики и увидел между холмами грузную фигуру темно-серого верблюда. Между горбами его сверкала ярко-красным платьем девуш-

---

[1] Кандым — растение, обычно попадающееся в виде отдельных кустов в песках Туркестана.

ка, которую он видел в кочевье Будакена на связанном верблюде.

Но теперь за верблюдом несся всадник в остроконечном башлыке и темной одежде. Он пытался схватить и стащить девушку.

Та отчаянно кричала и отбивалась:

— Степь, укрой меня! Степь, спаси меня! Смерть хочет выколоть мои глаза...

Спитамен сзади приближался к всаднику. Он видел мелькавшие в скачке копыта чалого коня, широкую коричневую спину скифа, его полосатые штаны, перехваченные у лодыжек ремешками. Рука скифа ловила красную одежду девушки, но та с визгом размахивала бронзовой длинной шпилькой, пытаясь ударить его по руке.

— Ты не убежишь от меня, поганка! — кричал хрипло всадник.— Теперь тебе конец!..

Тогда сыромятный аркан Спитамена снова пролетел в воздухе и захлестнул голову скифа, который вылетел из седла, взмахнув руками, и грузно упал на песок. Некоторое время он волочился по песку за вороным конем Спитамена, ошеломленный и полузадушенный. Спитамен перерезал ремень и, оставив скифа лежать на песке, бросился дальше за верблюдом. Чалый конь без всадника понесся в сторону и исчез, мелькнув за барханами.

— Улала! — крикнул Спитамен в знак дружеского приветствия.— Какого ты рода, девушка?

— Машуджи![1] — крикнула беглянка.

Она оглянулась. Ее голова была закутана малиновым платком, из-под которого виднелись черные глаза с прямой линией бровей.

Спитамен знал, что «машуджи» — это боевой клич племени женщин, живших особыми кочевьями на севере, близ Оксианского моря. Они пользовались почетом у соседних племен, как живущие по особо строгим законам. Нападение скифа, только что им сброшенного, на женщину этого племени считалось преступным по законам кочевников.

Вороной догнал бегущего верблюда и продолжал скакать рядом.

— Он хотел убить меня. Это слуга князя Гелона. Но ты не тронешь меня? Помоги мне бежать. Я родилась свободной и хочу вернуться к своим шатрам.— Томирис покосилась на охотника, приподняв руку, из которой высовывалось острое жало бронзовой шпильки.

[1] Машу́джи — род одного из племен амазонок, живших в древности в степях близ Оксианского (Аральского) моря.

— У Горьких колодцев, на перекрестке дорог, недалеко от каменного идола Афрасиаба, стоит шатер Спитамена. Там живет моя мать, и она приютит тебя,— сказал Спитамен.

— Но ты дашь мне свободу? — закричала в ответ девушка.— Или ты тоже хочешь надеть на меня цепь невольницы?..

Слова их терялись в свисте ветра. Они оба продолжали нестись рядом — грузный, сопевший верблюд и легкий вороной конь.

Спитамен воскликнул:

— Спитамен беден, но свободен! В моем стаде только десять овец. Но Спитамен не кланяется князьям, он друг скованных цепями. Ты найдешь в моем шатре лепешки и овечий сыр. Полог моего шатра всегда будет открыт, если ты захочешь уйти из него.

Девушка подумала несколько мгновений.

— Я не знаю, говорят ли твои слова правду о моем спасении или это мурлыканье хитрого тигра, желающего разорвать меня. Но я хочу поверить тебе: ты крикнул мне привет вашего рода. Я поеду к Горьким колодцам и буду искать там шатер Спитамена.

Охотник указал рукой:

— Ты сейчас едешь правильно, на юг. Скоро ты увидишь вышку, покрытую костями и хворостом. Поезжай от нее дальше широкой тропой, ты увидишь там идола Афрасиаба и мой шатер.

Спитамен завернул вороного и направился, не уменьшая бега, не к кочевью Будакена, а на восток — к тонкой линии тополей, растущих вдоль берега Яксарта. Мимо него пронеслись холмы, покрытые искривленными стволами саксаула. Иногда из-под ног вылетали куропатки, скакали в сторону зайцы, а он видел перед собой только черные брови, соединенные синей полосой, и его губы шептали:

— Алое солнце залило лучами твои золотистые руки, поднявшиеся завязать шестнадцать кос, и я сказал себе: «Вот утренняя звезда, которую я сниму с неба!» Но смерть несется за моими плечами, и мне осталась только половина дня...

НА БЕРЕГУ ЯКСАРТА

Тополя и лозняк купают свои ветви в стремительно текущих мутных водах Яксарта. Река подмывает берег, и некоторые деревья держатся на корнях, наклонившись

над рекой, вода в которой кружится, скользит и быстро проносит ветки, солому и коряги.

Там, где река изогнулась, образовав зеленый поемный луг, в траве и камышах рассыпаны сотни две лошадей. Одни из них ходят вокруг вбитых в землю приколов, другие стреножены и, подпрыгивая, медленно ковыляют с места на место.

Большая часть лошадей мелки, тощи. Спины их покрыты кусками войлока или выцветшей дерюги. Здесь не видно нарядных аргамаков, цветных чепраков и серебряных украшений.

Когда вороной Спитамена показался из-за бугра и пронзительно заржал при виде лошадей, из-под тополей выбежало несколько скифов в остроконечных шапках.

— Шеппе-Тэмен, ты с нами? Здравствуй, Шеппе-Тэмен! — кричали грубые голоса, и несколько саков, с горящими черными глазами, с длинными, падающими на плечи волосами, схватили потного, взмыленного жеребца и привязали к дереву.— Здесь уже кричали, что ты продался Будакену, что он купил тебя своим конем!..

Спитамен взобрался на толстый ствол упавшего тополя. Перед ним на склоне берега, тесно прижавшись друг к другу, сидело множество кочевников в различных одеждах. У одних широкие полосатые шаровары подхвачены у щиколоток ремешками. Другие завернули шаровары выше колен, их одежда еще мокра: они переплывали реку с другого берега.

Спитамен заговорил:

— Будакен не мог меня купить. Я с бою взял его Буревестника. Будакен разжирел, он дружит с князьями, он выдает дочь за князя. Он потерял счет своим баранам. Но один ли он ходил в походы или вместе с нами? Один ли он дрался или все мы выручали его в боях и теряли свои головы?

— Верно, верно! Кто же этого не знает! — раздавались голоса.

— Почему растут его стада? — продолжал Спитамен.— Потому что у нас они убывают. Сколько слуг у него — и все присматривают за его богатством. Если он даст кому-либо корову, то на другой год надо вернуть ему и корову и теленка.

— Но что же делать? Будакен силен и богат, и все князья заодно с ним.

— А разве вы забыли все старые обычаи, что всякий работник, всякий слуга свободен и может уйти от хозяина,

если двадцать один воин захочет образовать свой отдельный род, прокричать свой боевой клич, поселиться отдельным кочевьем?

— Но как же мы начнем свой новый род? — закричал тощий старик с седой козлиной бородой.— У нас не хватает скота, чтобы прокормить молоком и сыром наших детей. Нет баранов, чтобы собрать шерсть, из которой наши женщины соткут нам одежды. Будакен и князья дают от своей щедрости беднякам, когда у них чего-нибудь не хватает...

— Молчи, козел Сагил! Довольно хвалить Будакена! — закричали голоса.— Ты подослан Будакеном? Или ты сам пришел, чтобы освободиться от него? Пусть говорит Шеппе-Тэмен, чтó нам надо делать.

Спитамен обратился к тому скифу, которого обвинили в том, что он подослан Будакеном:

— Я знаю тебя, хотя и вижу в первый раз. В твоем шатре пищит, наверно, столько детей, что ты каждое утро дрожишь от мысли, как их прокормить. Но ты до смерти останешься с петлей на шее, и конец веревки всегда будет под сапогом Будакена. И если ты будешь бояться, то и дети твои всегда будут работать на детей Будакена. Но если все слуги уйдут от Будакена, разве не разбредутся его стада по степи? Разве он один, без пастухов, сможет удержать все стада в своем кулаке?

— Верно, верно, Шеппе!

— Чтобы начать новую жизнь, надо уйти подальше в степь и там растянуть свои свободные шатры. Если вначале и придется трудно, зато каждый родившийся ягненок станет вашим, и вы не понесете его Будакену. Каждого жеребенка вы будете растить для себя, а через два года уже посадите на него своего сына.

— Пусть будет так!

— Если нас соберется двадцать один шатер, то мы уйдем далеко в степь, выкопаем свой колодец и начнем на призывы выступать своей дружиной. А если двадцать один воин сделает набег на чужое, враждебное племя, то мы сразу приведем столько скота, что проживем всю зиму, не боясь голода.

Скифы стали пересчитывать, сколько всадников хотят выделиться в отдельный род, поставить в новом кочевье свои шатры. Они долго спорили, переходили с одной стороны на другую и наконец насчитали семьдесят восемь шатров.

ШАТЕР БУДАКЕНА

Сумерки затягивали степь синими паутинами, когда понурый вороной конь подошел к кочевью Будакена. Все шатры, казавшиеся черными, просвечивали яркими красными щелями от огней, горевших внутри. Около крайних шатров пылало много костров, и клубы дыма, точно борода бога Папая, завиваясь, плыли к потухающему зареву заката.

В четырнадцати больших бронзовых котлах варилось мясо лошади, коровы, барана и козы для угощения многочисленных гостей, прибывших — кто по приглашению, а большинство без всякого зова — из соседних кочевий.

Котлы были врыты в землю, по семь в линию. Под ними шли дымоходы, наполненные сухим кизяком и хворостом. Озаренные красными отблесками женщины с большими деревянными ложками возились около котлов и накладывали куски мяса в большие деревянные и глиняные миски, с которыми подходили слуги, разносившие мясо гостям, сидевшим близ шатров на коврах и камышовых циновках.

Когда Спитамен подъехал к большой пестрой палатке Будакена, к нему подбежали два скифа, стоявших у входа, и, всмотревшись, сказали, что Будакен уже много раз спрашивал о нем и зовет к себе. Они крикнули старика, полусогнутого от времени, который взял коня за недоуздок, провел рукой по шее, между передними ногами и по ребрам и покачал головой:

— Ты его совсем загонял. Придется Буревестника подкармливать ячменем месяца два, пока он опять нагуляет жир.

— Разве это баран, что ты хочешь его сделать жирным? Конь должен быть легким, как олень.

Скифы ввели Спитамена в просторный шатер Будакена. Шатер имел круглую форму. Крыша и боковые стенки, искусно сплетенные из прутьев, были затянуты белым войлоком, расшитым звездами и цветами. Посредине крыши в круглое отверстие выходил дымок, подымавшийся от небольшого костра из смолистых корней. Слуга подбрасывал пучки сухих колючек, вспыхивавших ярким пламенем, озарявшим загорелые суровые лица сидевших на коврах вокруг костра знатных скифов.

Среди гостей выделялся старый, сгорбленный князь Тамир, одетый в шелковую полосатую одежду и красный башлык, обшитый жемчугами. Рядом с ним был молодой Гелон, далее Ариасп и другие вожди родов.

С левой стороны, близ входа, висели два огромных

кожаных турсука, сделанные из цельных, неразрезанных коровьих шкур, полные кумыса. Горла их были завязаны, и из каждого турсука высовывались резные деревянные ручки-болтушки, которыми два полуголых невольника с красными язвами вместо глаз, с оковами на ногах безостановочно взбалтывали любимый напиток скифов.

Около турсуков стояла огромная деревянная чаша, а возле нее другие, поменьше, из белой глины, казавшиеся рядом с большой маленькими детьми. Чаша-мать была полна кумыса, беспрестанно приводимого в движение деревянным ковшом затейливой резьбы в неутомимой руке стоявшего подле нее на коленях старого бородатого Хоша, умевшего своими рассказами веселить Будакена. Получив приказание Будакена, Хош прекратил мешать кумыс и, обтерев полою своей бурой одежды чаши поменьше, начал разливать в них напиток. Глиняных белых чаш было шесть, и в каждую вмещалось не менее пяти ковшей. Когда все были наполнены, то двое слуг, стоявших для посылки у дверей шатра, начали разносить кумыс гостям, строго разбирая возраст и старшинство.

Гости выпивали чаши до дна. И чтобы облегчить этот труд, разделяли его на несколько приемов, делая передышки в разговорах или принимаясь дуть на поверхность пенящегося кумыса, чтобы перевести дыхание. Пустые чаши слуги тотчас отбирали и, наполнив снова кумысом, разносили остальным, менее важным гостям, которые из скромности доставали из кожаного мешка за поясом свои походные чаши[1] и наполняли их кумысом.

Спитамен, зная обычай скифов, стоял неподвижно у входа, ожидая, когда знатный хозяин обратит на него внимание. Будакен, зорко за всем наблюдавший и делавший глазами знаки Хошу и слугам, сразу же заметил появление Спитамена. Но он должен был сохранить свою важность: не мог же он в присутствии знатных людей обратить внимание на неизвестного бедного охотника, и, только когда старый князь Тамир прошамкал беззубым ртом: «Не этот ли молодец сегодня взялся усмирить вороного Буревестника?» — Будакен сделал приветливое лицо, моргнул Хошу, чтобы тот дал Спитамену кумыса, и сказал стоявшему неподвижно охотнику:

— Проходи ближе, гость из пустыни, садись к огню.

Пройти вперед было невозможно: всюду на коврах сидели более или менее почетные гости из знатных родов. Но

[1] Скифы всегда с собой носили в особом кожаном мешочке на поясе чашку, бронзовую или глиняную, а богатые — золотую.

ведь важно показать свое гостеприимство, свою ласку даже бедному бродяге, который потом, прибавив и разукрасив подробностями, станет рассказывать об этом в кочевьях широкой равнины.

— Расскажи нам, откуда ты родом и у кого из князей ты был слугой,— сказал надменно князь Гелон.

— А также скажи, где ты научился так ловко набрасывать аркан и прыгать с земли на коня,— добавил его сосед, косоглазый князь Ариасп, прибывший из далеких восточных кочевий.

По скифским обычаям, если какой-либо бедняк на скачках, борьбе или других состязаниях выигрывал коня или ценный приз, то победитель не оставлял у себя выигранной добычи, а дарил ее какому-нибудь знатному вождю, которому был чем-либо обязан или надеялся получить его милость и в дальнейшем[1]. Поэтому все ждали, что бедный охотник в заплатанных сапогах, даже не имеющий остроконечного башлыка, воспользуется снисходительным обращением к нему знатных вождей и одного из них объявит своим покровителем, подарив ему будакеновского коня.

Слуга с чашей кумыса в руке ждал, что Спитамен пройдет и сядет на ковре, втиснувшись между гостями. Но странный охотник продолжал стоять у дверей. Будакен метнул на него взгляд и сделал знак слуге. Тот подал Спитамену чашу с кумысом.

Охотник взял ее двумя руками и сказал свистящим шепотом:

— Мы с тобой одной крови. Пусть наш род не видит джута[2] и не знает позора поражения! — Затем он выпил несколько глотков и причмокнул языком.— Хороши кобылицы у Будакена! Легки, как ветер, жеребцы Будакена, и одного жеребца, годного для далекой дороги, Будакен отдает бедному охотнику за щенка читы.

Будакен повернулся на месте и впился колючими глазами в невозмутимое лицо Спитамена. В раскосых карих глазах его поблескивали отсветы костра.

— Спитамену нужен конь, лук, меч и копье. Ты все это отдашь за то известие, которое я тебе сообщу и которое принесет тебе и великую радость и великое горе...

Будакен, спокойный, с приветливой и недоверчивой улыбкой, сказал, подняв плечи:

---

[1] Этот обычай сохранялся у среднеазиатских кочевников еще в прошлом столетии.

[2] Джут — гололедица зимой, когда скот не может из-подо льда доставать себе подножный корм и гибнет от голода.

— Какую ты можешь сообщить весть, приносящую радость? Говори — и ты не уйдешь без награды.

Старый князь Тамир затряс головой:

— Кто пришел в шатер однажды с доброй вестью, тому хозяин при встрече всегда будет говорить: «Привет! Заходи еще!»

— Верно,— ответил Спитамен.— Но старые люди также говорят: «Кто приносит дурную весть, того все потом обходят за тысячу шагов». Пусть не обидятся гости, что я скажу несколько слов на ухо хозяину...— И Спитамен, легко проскользнув между сидящими, нагнулся к большому уху Будакена с тяжелой золотой серьгой в отвисшей мочке и прошептал несколько слов.

Будакен, несмотря на то, что всегда умел скрывать свое горе и радость, не удержался. Он закрыл лицо большими квадратными ладонями и стал раскачиваться на месте с глухим стоном.

Все затихли, с удивлением глядя на обычно спокойного и величественного главу скифского рода, а Спитамен проскользнул обратно к входу и принял прежнюю окаменевшую позу, держась руками за ременный пояс.

Будакен поднялся и грузными шагами вышел из шатра.

Все молчали и слышали, как Будакен стоял у входа, тяжело вздыхая. Вздохи его напоминали стоны верблюда. Потом он вернулся в шатер, невозмутимый, как всегда, и сел на свое место.

Недоверчивыми глазами он впился в Спитамена:

— Ты хочешь коня, лук, меч и копье? На какую же войну ты собираешься?

— На войну с Двурогим!

— О какой войне говорит этот оборванный охотник? — воскликнул нетерпеливый князь Гелон.— Для охоты на двурогого тура не нужно меча.

Тогда Спитамен указал рукой на юг:

— Взгляните туда — в степь. Занятые праздником, вы не замечаете тревожных сигнальных огней, загоревшихся на курганах.

ТРЕВОЖНЫЕ ОГНИ

Войлоки с боков шатра были закинуты на крышу, чтобы дать доступ свежему воздуху. Сквозь легкую деревянную решетку все увидели в ночном мраке вдали несколько красных точек. На сторожевых вышках, непрерывной цепью тянувшихся из глубины кочевий до первых укреплен-

ных поселков Сугуды, разгорались огни. Ни одно движение отрядов согдийцев, паропамисадов или других племен не могло пройти незамеченным. Сторожевые скифы, день и ночь наблюдавшие на своих вышках, в случае наступления неприятеля немедленно зажигали соломенные жгуты, накрученные на высокие шесты. Через несколько часов вся степь на сотни верст кругом знала, что надо стягивать отряды к заранее условленным местам на перекрестках дорог и быть готовыми к защите родных стад и кочевий.

Увидав красные огни, все князья вскочили и выбежали из шатра. Всякий по-своему объяснял эти тревожные сигналы:

— Сделали набег массагеты? Но мы с ними заключили взаимный договор о дружбе. Может быть, возвращаются наши отряды, ушедшие год назад по требованию царя царей Дария? Или объявили войну согды? Но согды любят торговать, а не сражаться...

Будакен распорядился зажечь на кургане сигнальный огонь. Двадцати скифским воинам он приказал накормить лошадей, приготовить оружие и взять в переметные сумы ячменя на три дня.

На вышке, сложенной из хвороста и верблюжьих костей, слуги подняли высокий шест, обмотанный соломой. Уже года два в степи было спокойно, никаких сигналов не подавалось, и шест, сваленный бурей, лежал без надобности. Скиф принес в горшке углей и поджег солому на шесте. Она вспыхнула, пламя лизнуло верхушку шеста и осветило гудящую толпу тревожно толпившихся скифов.

Через час нужно ждать гонцов с ближайшего сторожевого поста. Они приедут получить распоряжение Будакена, а может быть, привезут известия о том, что случилось, какая беда надвигается на степь.

Одни из гостей бросились разыскивать стреноженных коней, другие вернулись в шатер Будакена и сели на коврах, споря и волнуясь. Сквозь решетку потянул холодный ветер, и слуги набросили на плечи знатнейших стариков шубы, крытые серым шелком и подбитые лисой, соболем и куницей.

Будакен усадил около себя Спитамена. Он хотел выведать от странного охотника все, что тот знал. Недоверчивый, он в то же время сомневался: не лазутчик ли это, посланный неведомым врагом? Хозяин ничем не выказывал своей тревоги, своей радости или горя.

Особенно кричавшим он добродушно говорил:

— Еще неизвестно, что за враг и где он. А вот если ты не поешь жареного на вертеле мяса молодой необъезженной кобылицы, то твоя душа затоскует.

Будакен расспрашивал Спитамена и хотя узнал немного, но и этого было для него достаточно, чтобы признать охотника в будущем полезным для себя.

Немного помолчав, он сказал:

— Ты, Спитамен, останешься у меня до завтра, когда не будет остальных гостей, которых всех надо накормить и оказать им почет. Завтра же я тебе выберу из моих табунов самого настоящего саурана, с темной полосой на спине[1]. Он пригодится для длинной дороги. А Буревестник не годится для тебя. Он уже семь лет водит свой косяк в тридцать кобылиц и, оберегая табун от волков, истощил свои силы. Поэтому Буревестник и пришел таким измученным после скачки. Но Буревестник знаменит тем, что все жеребята, рожденные от него, имеют маленькую голову, всегда торчащие уши, изогнутую шею и прямые, как стрелы, сухие ноги с маленькими копытами без волос на бабках.

— Это верно. Все в степи издали узнают жеребят от Буревестника,— подтвердил князь Тамир.— Они не идут, а пляшут, у них не голова, а песня, не ноги, а крылья сокола.

Спитамен молчал, опустив глаза, сидя на пятках, протянув руки вдоль колен. Лицо его оставалось неподвижным, как придорожный камень в степи. Он понимал, что Будакен не хочет расстаться с Буревестником, и ждал, что́ еще хозяин предложит вместо него.

Будакен добавил:

— Ты получишь саурана вместе с чепраком и уздечкой, украшенной белыми ракушками, предохраняющими от дурного глаза.

Так как Спитамен продолжал молчать, Будакен добавил:

— Ты еще получишь копье с железным наконечником[2] и тогда поедешь в Мараканду моим проводником.

Раскосые глаза Спитамена продолжали глядеть на ковер. Свет от костра играл тенями на его неподвижном лице.

— Ну что же ты хочешь? Почему не благодаришь? — проговорил князь Гелон.— Скорее соглашайся. Кто, кроме Будакена, способен сделать такой щедрый подарок?

Тогда Спитамен процедил сквозь зубы:

---

[1] Сауран — саврасый, светло-рыжий конь с темной полосой по хребту, происходящий, по преданию кочевников, от дикого коня. Сауран отличается неутомимостью.

[2] Железо ценилось дороже меди и бронзы.

— Подари мне стрелу, затерянную в траве...

Будакен покосился одним глазом на Спитамена. Он почувствовал особый смысл в словах охотника.

— Подари мне сокола, улетевшего в небо. Подари мне невольницу, развязавшую верблюда...

Будакен стал смеяться. Глаза обратились совсем в щелки, и от носа по лицу протянулось множество морщинок. Его большое, грузное тело тряслось, и, глядя на него, стали смеяться остальные гости.

— Это уже слишком много! — воскликнул князь Гелон.— За котенка читы спросить молодого коня с копьем и рабыню — это чрезмерно! Он забыл, с кем говорит, этот охотник, пришедший пешком, как нищий.

Спитамен поднял на князя Гелона угрюмый взгляд, сверкнувший угрозой, и сказал:

— Почему ты жалеешь больше, чем Будакен, владелец коня? Разве трудно подарить непойманную рыбу в воде и тень от облака? Почему Будакен медлит? Ведь эта невольница все равно уже им потеряна. Она убежала на верблюде, и ее не поймать, как улетевшую с цветка пчелу.

Тогда старый князь Тамир раздраженно проскрипел:

— Эта невольница молодец! И мне она о-о-очень понравилась. Около нее, вероятно, всякий помолодеет. Если Будакен мне ее уступит, то я заплачу за нее девять кобылиц.

Будакен перестал смеяться. Вскочив с легкостью, которую нельзя было подозревать, видя его большое, грузное тело, он хлопнул в ладоши, но слуг вблизи не было, они ушли за конями торопившихся с отъездом гостей.

Громким голосом Будакен закричал в темноту, призывая слуг:

— Мармер, Мава! Где вы? Идите сюда!

— Здесь, мой хозяин,— ответили невдалеке голоса, и из темноты вынырнул на свет костра юноша в синей одежде с уздечкой в руке.

Будакен пошептался со скифом. Он не сердился, не кричал, ничем не показывал, рассержен ли он бегством невольницы. Он слишком ценил присутствие старых князей, чтобы при них выказать свой гнев из-за ничтожной рабыни, которая для всякого свободного воина должна быть не дороже потерянного тюка с соломой.

Будакен вернулся на свое место, опустился на колени, потом откинулся на пятки. Его лицо было приветливо, как всегда.

— Ты просишь кольцо, упавшее в колодец, стрелу, улетевшую в камыши. Ты прав. Рабыня, развязавшая

верблюда, до сих пор назад не вернулась. Если бы не эта военная тревога, когда надо всех молодцов сажать на коней, я бы сейчас разослал по степи двести моих воинов, и завтра беглянка сидела бы в ямс, с кольцом в носу и с тавром Будакена, выжженным на лбу. Князь Тамир хочет купить эту рабыню. Я слишком высоко ценю князя, чтобы осмелиться сделать ему подарок, которого у меня нет в руках.

— Но если я сам подниму стрелу, выпавшую из твоего колчана, ты не потребуешь, чтобы я отдал ее?

И Спитамен глядел на Будакена, ожидая решительного ответа.

— Мало ли у меня других стрел! — ответил небрежно Будакен.

Спитамен наклонился перед Будакеном и сказал:

— Я буду тебе проводником и буду охранять тебя и твоих коней, если ты возьмешь меня с собой отыскать то, чего ты ждешь...

Будакен был доволен отказом Спитамена от вороного. Больше всего любил он коней, затем сына, ушедшего по вызову персидского царя Дария, потом уже все остальное. Чего будут стоить его косяки кобылиц, если не будет Буревестника? Теперь все кочевья станут рассказывать, что Будакен не пожалел за вороного отдать оседланного саурана и молодую невольницу, что он предпочитает женщинам боевого коня, и Будакен радовался своей мудрости.

ГОНЕЦ ИЗ СУГУДЫ

В конце кочевья вдруг раздались вопли и крики.

— Это едут гонцы,— сказал старый Тамир, прислушиваясь и грея над костром восковые руки.

Другие гости вскочили и выбежали из шатра. Шум усиливался, слышался топот лошадей и бегущего народа. Несколько скифов с копьями в руках выстроились у входа в шатер, где остались только Будакен, Тамир, Гелон и Спитамен.

— Все пропало! Все погибло!..— вопили женские и мужские голоса.— И мы все погибнем! За что Папай гневается на нас!.. Что поделает могучий Будакен, если сам Папай гневается!..

— Введите гонца и никого больше не впускайте в шатер! — прогремел властный, по-новому зазвучавший голос Будакена.

Он встал, расставив широко ноги в замшевых сапожках,

расшитых бисером, снял со стенки пояс с коротким мечом, надел его и взял в руки оправленную в золото плетку с двумя хвостами.

— Не напирайте! Отойдите! — кричали скифы.— Пропустите гонца!..

Раздались шлепки и вскрикивания: это слуги расчищали дорогу гонцу и его провожатым.

В шатер вбежал бородатый человек в разодранном богатом персидском кафтане, в широких шелковых штанах, расшитых цветными узорами. Его длинная борода и завитые волосы были растрепаны. Глаза дико блуждали. Он размахивал коротким персидским мечом.

— Кто князь Будакен? Ты или ты? — обращался гонец то к старому Тамиру, то к Будакену.

— Что произошло? — спросил Будакен.— Чего ты кудахчешь, как испуганная курица, оставившая в зубах лисицы свой хвост?

— Все пропало! — в отчаянии воскликнул гонец и опустился на пестрые подушки, грудой лежавшие на ковре.

— Все пропало! — подхватили голоса за шатром.

Вопли и крики прорезали тишину ночи. Затем все затихли, прислушиваясь, что скажет Будакен.

— Ну, рассказывай: что пропало? — мрачно спросил Будакен, продолжая стоять.

— Скифские отряды, которые год назад были вызваны царем царей Дарием... Не могу говорить, дайте пить!..

— Дайте ему кумысу, чтобы остыла его голова! — приказал Будакен.

Слуги, отставив копья, нацедили кумыс из турсука в чашу и подали ее гонцу.

Тот отпил немного, вздохнул и жалобным голосом простонал:

— Все погибли! Все до одного перебиты Двурогим!

Все присутствующие взглянули на Будакена. Они знали, что с этим отрядом ушел и любимый сын Будакена, Сколот, и с ним двадцать молодых его родичей, не считая простых воинов.

— Где наши сыновья, наши братья, наши мужья? — завопили снова голоса за решеткой шатра.

Блестящие глаза припадали к прутьям решетки, руки со скрюченными пальцами просовывались внутрь:

— Отдай их нам назад, Будакен! Это ты отослал их из наших степей в далекие страны.

Будакен стоял по-прежнему, расставив широко ноги. Его челюсть отвисла, щеки подергивались, глаза скоси-

лись на кончик носа, и рука дрожала так, что два конца плетки извивались, как хвосты змей.

— Выпороть его! — прогремел Будакен и, шагнув через костер, стал хлестать плеткой и толкать ногой испуганного гонца. Чаша выпала из его рук, и белый кумыс разлился по шелковым подушкам.— Выпороть его, сказал я! Чего вы смотрите, вислоухие бараны! — И, схватив одного слугу за плечо, Будакен швырнул его в сторону сжавшегося гонца.

Скифы бросились к нему, вытаскивая из-за спины плетки. Они знали гнев Будакена. Князь гневался редко, но в гневе был страшен и не раз, рассердившись, душил провинившегося.

— Держите его за ноги и голову! — гремел, задыхаясь от ярости, Будакен.— Держите крепче! Я сам буду пороть его. Сумасшедший верблюд! — кричал он и бил двухвостой плеткой по извивавшемуся телу гонца.

Перепугавшийся гонец сперва от страха молчал, а потом стал кричать неистовым голосом.

Толпа снаружи шатра примолкла, и множество блестящих глаз смотрело сквозь решетку.

— И те, кто послали тебя,— сумасшедшие верблюды! Не сумели послать другого, поумнее! Ты хочешь всполошить всю нашу степь, чтобы все кочевья снялись и ушли отсюда за горы к исседонам, а на наше место пришли ваши согдские пастухи со стадами? Может быть, не все пропали? Говори!

— Может быть, не все! — завопил гонец.

— Где пропали? — гремел Будакен, продолжая наносить удары.

— Там!..— орал гонец.

— Где там?..

— В Персии...

ПОСЛОВ НЕ УБИВАЮТ

Тогда Спитамен, с улыбкой наблюдавший избиение гонца, приблизился к Будакену и крепко схватил его за руку, готовую наносить удары бесконечно.

— Довольно, Будакен! Ты забыл правило: послов не бранят и не убивают. Послу смерть запретна...

Будакен хотел вырвать руку, но Спитамен удержал ее.

— Теперь он уже вернул свой рассудок,— сказал, посмеиваясь, старый Тамир.— Он не станет больше кудахтать. Пусть теперь спокойно расскажет, что случилось. Дайте ему свежего кумыса.

— И подложите побольше подушек — ему трудно сидеть,— добавил Спитамен.

Будакен обошел костер и, еще задыхаясь, сел на свое место. Его широкая грудь со свистом вздымалась. Он глядел безумными глазами. Весть гонца его так же поразила, как слова, сказанные на ухо Спитаменом, но он все еще не хотел этому верить. Его тревожила судьба сына. Неужели он убит и нет никакой надежды увидеть его снова молодым, смелым, похожим на Будакена в молодости?

Гонец лег на бок. Его обложили подушками. Слуги свистнули двух серебристо-серых поджарых борзых, которые быстро вылизали с ковров и подушек пролившийся кумыс. Гонец пытался отпить кумыса, его зубы стучали о край золотой чаши, слезы еще лились по щекам, и он озирался на Будакена, как затравленный зверь.

Старый Тамир успокаивал гонца:

— Ты же мужчина! Ты должен был приехать молча, обратиться к князьям или выборным лучшим людям. Затем мы обсудим, соберем всех и придумаем, что делать. Помнишь сказку, как одна крупинка града упала на мышь, а она, испугавшись, побежала по степи и стала кричать, что идут несметным войском враги и стреляют в нее из луков? Ведь тогда все звери в степи поверили и убежали в горы. Так ты того же хочешь?

Будакен заговорил, обращаясь к гонцу, и голос его снова был тверд и непроницаем:

— Вернулась ли твоя душа обратно в селезенку?

Гонец молчал и старался незаметно смахнуть с глаз слезы.

— Теперь скажи нам, кто ты, как твое имя, от какого отца происходишь и от кого бежишь.

РАССКАЗ О ДВУРОГОМ

— Меня зовут князь Оксиарт, сын Амюрга, из рода наследных владетелей города Курешаты[1]. Я поставщик корма для лошадей правителя Сугуды Бесса.

Князья переглянулись. У всех мелькнула мысль: «Если это близкий человек Бессу, всесильному сатрапу[2] Сугуды

---

[1] Курешáта (Кирóполь) — укрепленный городок, был расположен на границе со степью в ряду согдианских крепостей, назначенных охранять Согдиану от набегов северных степных кочевников.

[2] Сатрáп — начальник провинции-сатрáпии.

и Бактры, то не поступил ли опрометчиво Будакен, избив такого знатного персидского чиновника?»

Старый князь Тамир сказал мягким, вкрадчивым голосом:

— Отчего же ты не сидишь вместе с великим правителем за столом совета, а носишься по степи, как верблюд с подожженным хвостом, тревожа сердца мирных скотоводов, доителей кобыл?

Гелон прибавил:

— Правитель Бесс уехал год назад с войском от всех племен Сугуды, Бактры и саков, чтобы наказать дерзкие народы, оскорбившие царя царей...

Поглядывая недоверчиво и угрюмо на безмолвного Будакена, Оксиарт начал:

— Что может сделать великий царь, если против него пошел сам бог, вышедший из моря, повелевающий демонами? Он не похож на обыкновенных людей. У него из глаз вылетают молнии и убивают все кругом. Он в два раза выше обыкновенного воина, и на голове его растут рога, завитые, как у горного барана... Когда он говорит, то люди падают на землю, как от грома. Он сын злого бога Аримана и священной змеи Ангро-Майнью. Бог Ариман даровал ему силу и злой разум, а змея наградила его хитростью, так что все народы бегут от его войска, как овцы от пожара, когда загорается высохшая степь...

Все скифы, разинув рты, слушали перса и не знали, верить ему или нет. Слишком невероятными казались его рассказы.

Послышались отрывистые вопросы:

— Ползает ли он на брюхе, как змея?

— Есть ли у него хвост?

— Видел ли ты его своими глазами?

— Если бы я его видел, разве мог бы я тогда появиться здесь? Все гибнут от его взгляда...

Все замолчали. Скифы, припавшие к решетке снаружи шатра, затаили дыхание, ожидая, что скажут вожди. А князья, опустив глаза, хитро выжидали, кто выскажется первым.

Спитамен посматривал на всех узкими карими глазами. На его губах змеилась усмешка.

— Что же, князья, вы молчите? Ведь надо поторопиться, а не то Двурогий, сын бога, происшедший от змеи, пожрет всех скифов, как журавль лягушек. Убегайте к ис-

седонам или к черносвитам[1]. Там круглый год идет снег. Может быть, туда не пойдет за вами Двурогий?

Будакен почувствовал насмешку в словах Спитамена.

— Саки не бегут от слухов, которые принесла на хвосте согдская сорока! Разве не приходил к нам в степи непобедимый царь царей Куруш[2], чтобы нас наказать? Не наши ли соседи массагеты отрезали ему голову и положили в мешок с кровью, чтобы он напился досыта? А мы, саки, и сильнее и многочисленнее массагетов.

— Верно! Верно! — очнулись скифы.— Чего нам бояться? Кто может прийти в наши беспредельные степи?

Спитамен заговорил опять:

— Если саки забыли, что́ надо сделать, когда на них идут враги, то позовите певца. Пусть он споет старые песни. В них наши деды заповедали все, чего мы не должны забывать.

— Позовите Саксафара! — раздались голоса снаружи шатра.— Пусть он споет наши старые песни!..

ПЕСНИ САКСАФАРА

Саксафара разыскали и сейчас же привели. Тощий, согбенный, с развевающимися седыми волосами, он был одет очень бедно, в коричневую грубую одежду из верблюжьей шерсти, и подпоясан ремнем с множеством металлических украшений, куколок и талисманов. На ногах были широкие желтые сапоги, из которых виднелись войлочные чулки. Немигающие выцветшие глаза смотрели вверх. Он шел с протянутыми вперед руками, ощупывал встречных. Скифы усадили его на почетном месте. Перед ним положили плоский треугольный ящик с натянутыми струнами.

Саксафар опустил пальцы на струны и сказал слабым, старческим голосом:

— Привет вам, смелые товарищи рода Тиграхауда и Роксонаки! Я не вижу ваших лиц — они скрыты от меня вечной темнотой, но я помню ваших отцов и дедов. Я так же пел им песни, как пою вам, и они повторяли доблестные древние слова, когда бросались в битву...

---

[1] По описанию Геродота, к северу от земель, занятых скифами, «где сыплется с неба белый пух», жили меланхлены (черносвиты, носящие черные плащи) и другие племена. Раскопки показывают, что уже в древнейшие времена были торговые связи между всеми этими племенами.

[2] Персидский царь Кир назывался в Персии Куруш. Его разбили скифы-массагеты, а их царица, отрезав ему голову, положила ее в мешок с кровью.

— Спой нам, Саксафар! Пусть сердца наши разгорятся гневом!

Зазвенели струны под десятью старческими искривленными пальцами, и Саксафар запел высоким, звонким голосом, дрожащим в ночной тишине:

Первая песня

Если вы хотите, чтобы солнце золотило загаром
Смеющиеся лица наших гололобых детей,
Чтобы круглые животы наших женщин
Дарили новых крикунов боевого клича «улала!»,
Чтобы задорно плясали шестнадцатикосые девушки
И звонко перекликались злобные жеребцы,
Скача вокруг косяков сладко пахнущих кобылиц,—

Проверьте стрелы вашего колчана,
Натянуты ли туго ваши луки?

Дожди увеличивают воду в колодцах,
А кобылицы наполняют кумысом кожаные турсуки.
Если мальчик научится крепко бить чужие скулы,
Он со смехом встретит огненное мгновенье,
Когда над ним зазвенят цепи смерти.
Если увидите вспыхнувшие дымные огни
На далеких сторожевых вышках курганов,
Сзывайте товарищей, спешите на перекрестки дорог!

Готовы ли кони? Отточены ли мечи?
Натянуты ли туго ваши луки?

Вторая песня

Улала! Скифы! Слышите ли призыв?
Еще дрожат в горячем ветре,
Как змеи, вставшие на хвост,
Голубые дали наших степей...

Видите ли, точки движутся вдали?
Это опять показались двуногие шакалы.
Мы должны догнать их
На наших неутомимых бегунцах
И пронзить стрелами их хребты!
Улала! Скифы! Слышите ли призыв?..

Не бросай раненого на поле битвы,
Если за тобой гонятся десять врагов,
Вспомни отважного Сакмара.
Он поочередно убил девять
Гнавшихся за ним паропамисадов
И привел на аркане десятого...

Ты слышишь топот погони,
Натянут ли туго лук?
Завлекай врагов на солончак,

Где завязнут их тяжелые кони.
Притворись, что ты очень боишься
И хочешь спастись от погони...

Улала́! Скифы! Вы слышите ли призыв?..

Третья песня

Если спросить совета у зайца,
У него задрожит хвост и он покажет пятки,
Спроси совета у наших богатырей,
Они подымут секиру и крикнут боевой призыв «улала́!».

Вынимайте широкие ножи!
Точите их на черном камне!..

Если четыре человека в союзе,
Они достанут звезду с неба;
Если восемь богатырей в разладе,
Они потеряют то, что у них во рту...

Тигр рвет одинокого волка,
Но, когда выводок семи волков-братьев
Завоет свою песню смерти,—
Тигр, ворча, уползает в глубину камышей.

Скифы, спешите скорее на помощь,
Когда услышите наш призыв «улала́!».

Четвертая песня

Не верьте, товарищи, длиннобородым послам!
Лапы больного волка кусают шакалы,
А раньше они извивались на спине,
Когда видели тень его хвоста...
На черном камне наточите ножи!

Склоняйте головы только перед стариками
И воинами — товарищами, павшими в битве!
Длиннобородые персы хотят набросить на нас петлю,
Но они помнят змеиный свист нашей стрелы.
На черном камне наточите ножи!

Великий Куруш был царь царей,
Он хотел надеть цепи на скифов.
Но что осталось от тысячи его дружин?
Мы сделали их падалью, растаскиваемой шакалами!
На черном камне наточите ножи!

Мы отрезанную голову великого Куруша
Напоили кровью в кожаном бурдюке.
А черепами его бесчисленных воинов
Играли дети во всех скифских шатрах...
На черном камне наточите ножи!

Великий Кир был царь царей,
Но лучше бы он сидел на ковре в своем саду,
Слушал пенье своих четырехсот жен,
Но не беспокоил осиное скифское гнездо...
На черном камне наточите ножи!

Пятая песня

Пусть жеребят наших боевых коней
Воспитывают и холят нежные женские руки,
Чтобы наши кони имели такую же легкую походку,
Как наши звенящие бусами, длиннокосые девушки,
Такую же гордую свободную осанку,
Как наши женщины, идущие с кувшинами к колодцу.

Женщины передадут жеребят старикам,
Научившимся сдерживать свой гнев,
И мы будем радоваться, видя, как двухгодовики
Обгоняют испытанных в беге старых скакунов.

Пусть наших коней холят женские руки!

Наши кони не знают, что такое далеко.
Да будут прокляты те скифы,
Которые жмурят глаза, слыша звон золотых монет,
И уступают купцам своих вспотевших коней,
Проскакавших соленые степи!

Наши мохнатые пегие кони
Издали внушают ужас врагам,
Налетают, как песчаный смерч,
И исчезают, как дым разметанного костра.
С нашими конями мы не знаем, что та̀кое далеко!

Пусть наших коней холят нежные женские руки!

Шестая песня

Скифы! Наше одеяло — синее небо со светящимися жуками.
Пускай персидские храбрецы, запершись в башнях,
Слушают журчанье прохладных канав
И расценивают урожай своих тучных земель,
Политых по́том рабов, купленных у нас.
Пускай лежат на коврах в тутовых рощах,
Ловя ртом осыпающиеся сладкие ягоды.

Пускай хвалятся перед запыленными путниками
Высокими стенами, окружающими их дома,
Набитые пуховыми подушками
И мешками с шафраном, мускатом и финиками.

Вы, скифы, бойтесь спать в каменных ящиках,
Где бесшумно сквозь цветные занавески
Проскальзывает отточенный тонкий нож
И навсегда опускается темное покрывало
На глаза, видящие во сне наши голубые степи...

Мы, скифы, живем, как степные колючки,
Любим порывы пахнущего полынью ветра,
Ночной вой шакала, соленую воду колодца,
Дымок костра, карабкающийся к небу,
И наше одеяло — синее небо со светляками-жуками.

Скифы внимательно слушали старинные песни Саксафара. Женщины вздыхали, бессильные старики плакали, могучие воины вскрикивали и потрясали волосатыми руками. Когда Саксафар пел известный любимый припев: «Улала! Скифы! Вы слышите призыв?» или «Точите ваши ножи на черном камне!» — все подхватывали припев и громко пели грубыми, сильными голосами.

Кто-то закричал:

— Саксафар! Спой песню Афрасиаба![1]

— Спой, Саксафар, про гнев Афрасиаба!

Тогда Саксафар поднял тусклые глаза к небу, покачал седой головой и запел любимую боевую песню скифов:

Афрасиаб воскликнул: «Я иду в поход!
Выкрасьте хною хвост моего коня!
Персы продают наших девушек на базарах.
Эта мысль переворачивает мое сердце!»

И все слушавшие скифы хором подхватили припев:

Афрасиаб воскликнул: «Я иду в поход!»

Старый певец продолжал:

Все старые воины окружили разгневанного Афрасиаба
И заплескали в ладоши, услыхав про поход.
Женщины развели огни и опустили в котлы мясо,
А юноши бросились в табуны выбирать себе коней.

Афрасиаб в первый же день отправил вперед разноцветный шатер
И приказал его ждать на перекрестке у Горьких колодцев.
На третий день Афрасиаб сел на коня с красным хвостом
И сказал женщинам: «Заботьтесь сами о стадах».

Афрасиаб двинулся в поход. Вся равнина дрожала от страха.
На пограничных персидских башнях зажглись трепетные огни.
Афрасиаб вторгся, как разлив реки.
Двести тысяч черных башлыков следовали за ним.

Горы не могли удержать натиска Афрасиаба.
Не расседлывая коней, воины его переплывали реки.

---

[1] Афрасиа́б — мифический вождь и герой среднеазиатских сказаний. Его именем до сих пор называются некоторые исторические памятники возле Самарканда.

Персы, бросая дома, бежали на вершины скал.
Крепости стояли пустые, с раскрытыми воротами.

Семь дней кровавым облаком было затянуто небо,
На восьмой день снова запылало солнце.
Тогда Афрасиаб воскликнул: «Поворачивайте коней,
Вытирайте мечи волосами персиянок!»

Афрасиаб со славой вернулся в степи.
Тысячи груженых верблюдов следовали за ним.
Скифы пили из вражеских черепов кумыс, сидя перед шатрами,
И пели песни про поход разгневанного Афрасиаба.

* * *

Тем временем князья, не обращая внимания на песни, близко склонив головы друг к другу, шепотом обсуждали, что предпринять ввиду тревожных странных слухов из Согдианы.

Гелон сказал:

— Надо всем разъехаться по своим кочевьям и дать знать другим родам кочевников, чтобы все готовились отогнать стада дальше, за Оксианское море.

Будакен зацокал в знак несогласия:

— Зачем торопиться? В Сугуде я имею друзей. Сам сатрап Бесс принял от меня в прошлом году в подарок пару жеребцов и звал приехать к нему в гости. Уже несколько лет мы с согдами пили из чаши мира, обещая прекратить набеги. Я завтра сам выеду в Сугуду с двадцатью воинами и узнаю, какие последние известия получены от царя царей и кто такой Двурогий победитель, о котором рассказывают сказки.

Старый князь Тамир потряс одобрительно своей высохшей головой и стал тихо говорить, обращаясь к Будакену:

— Ты постарайся проехать всю Сугуду насквозь, до самой границы на Оксе, где переправа в Бактру. Внимательно смотри и слушай, не затевают ли чего-нибудь вредного для нас эти хитрые изготовители сладкого вина, от которого мы теряем рассудок. Через каждые три дня ты будешь посылать одного воина с новостями. Если же обнаружится большая опасность для нас, пошли гонца с приказом, чтобы на курганах зажгли двойные огни. А этот князь Оксиарт, пугающий женщин своими рассказами о Двурогом — сыне змеи, пусть останется здесь, в кочевье, до твоего возвращения. С ним надо обращаться, как с почетным заложником, но зорко присматривать, и если он попытается убежать, то сейчас же надеть на него цепи и посадить в глубокую яму.

Под звуки песен Саксафара князья утвердительно поддакивали, слушая мудрые наставления старого Тамира.

А когда Саксафар снова запел боевую песню, скифы хором подхватили:

Слышите братьев призыв?
Кличет нас голос битвы!
Чувствует наш язык
Сладкую кровь убитых...[1]

Славьте отвагу и силу,
Жадное славьте копье!
Давно оно крови не пило.
Пусть пьет!

Близко шакалы двуногие!..
Седлайте коней ретивых!
Силу им влейте в ноги,
Ветер вплетайте в гривы!

Пойте боя жестокость,
Пойте храбрость орла!
В вражье кровавое око
Отточенная стрела!
Улала!..[2]

НЕВОЛЬНИКИ В ЯМЕ

Поздно ночью, когда все кочевье уже спало, Будакен сам разостлал снаружи шатра войлочную попону и лег, подложив под голову свою мерлушковую, обшитую соболем шубу. Ему не спалось, он поворачивался с боку на бок и не мог успокоить взбудораженные мысли.

К нему бесшумно подошел его старый слуга Хош, опустился на колени и, сев на пятки, стал рассказывать — как делал это каждую ночь — все, что за день произошло в кочевье: сколько ячменя съели лошади гостей, в какую беду попал Кидрей, который, опившись кумысом, по ошибке зашел в шатер Чепана, уехавшего на охоту, и в темноте наткнулся на лежавшую старуху, мать Чепана, которая сорвала с него башлык. Теперь он боится возвращения Чепана, который по башлыку узнает, кто ночью заходил в его шатер.

Будакен слушал равнодушно и отпустил Хоша, приказав:

---

[1] Скифы пили кровь убитого ими врага, думая, что с кровью победителю передается сила убитого или раненого.

[2] Стихи А. Шапиро.

— Скажи Кидрею, чтобы утром он был готов в дорогу, с оружием и конем. Он поедет со мной в Сугуду.

Луна тихо поднималась по небу, иногда заворачиваясь в покрывало дымчатого облака. Одна из жен Будакена проскользнула к нему, посидела безмолвно в его ногах на попоне, но, не получив ни одного слова привета, исчезла среди ночных теней.

Слова бродяги-охотника с красной повязкой на голове, сказанные шепотом, казалось, беспрерывно повторялись около уха Будакена разными кричащими, резкими голосами: «Я говорил с человеком, который видел твоего сына. Твой сын Сколот жив, но он стал рабом...»

И Будакен не находил успокоения. Он смотрел вдаль на залитые голубым светом луны равнины, где уже погасли все мерцавшие вечером огни, и вспоминал сына — высокого, стройного, затянутого в хорошо сидящий на нем темный чекмень, искусно расшитый руками мастериц-рабынь. Прощаясь, сын смеялся, показывая ровные белые зубы. Он забрал с собой двух рослых коней — сыновей Буревестника... И вот теперь этот веселый, смелый юноша, быть может, прикован к мельничному колесу, которое он должен вертеть, погоняемый бичом надсмотрщика. Ведь скифов за их силу всегда ставили на самую тяжелую работу. Или ему выкололи глаза, как невольникам самого Будакена, взбивающим кумыс, и его Сколот дробит большим пестом пшеницу в ступе.

Ярость и отчаяние охватывали Будакена. Тяжелые вздохи, точно из кузнечного меха, вырывались из его широкой груди. «Нельзя тратить ни одного лишнего дня — надо ехать вместе с бродягой-охотником и разыскать того человека, который видел Сколота. Через него нужно будет послать известие сыну и обещать выкуп, хотя бы он равнялся половине всех его стад».

Вой, звериный, протяжный, отчетливо пронесся над заснувшим кочевьем. Будакен внимательно прислушался. Раньше он никогда не обращал внимания на такие крики, но сейчас приподнялся, сунул свои толстые ступни в меховые полусапожки и грузно пошел в направлении воя.

Будакен обходил спящие в разных положениях фигуры, спугнул несколько собак, миновал последние шатры и подошел к яме, из которой несся прерывающийся вой. Какой-то человек сидел на краю ямы на корточках.

— Кто ты и что здесь делаешь? — окликнул Будакен.

— Я наблюдаю человеческую судьбу! — ответил знакомый свистящий голос.— Вот что может статься с каждым из нас.

Луна вынырнула из дымчатого покрывала, и Будакен узнал Спитамена. Он держал длинный прут, на конец которого надевал куски лепешки и опускал в яму, откуда неслись вой и крики.

Лунный луч, падавший в глубину ямы, освещал пять человеческих фигур. Все они были скованы за ноги одной цепью. Четверо, толкая друг друга, вытягивали руки, стараясь схватить лепешку на пруте. Пятый лежал на дне, прикованный к одному из прыгавших, и выл диким, звериным голосом. Четверо, не обращая внимания на лежавшего, наступали на него, стараясь подпрыгнуть выше. Все находившиеся в яме были рабы Будакена, не желавшие исполнять его приказания. Они были бестолковы, не понимали скифского языка и постоянно пытались убежать на родину.

Будакен присел на краю ямы. Посмотрел вниз, на обросших волосами длиннобородых людей, протягивавших к нему руки и кричавших непонятные слова. Из ямы несло ужасным зловонием. В нее скифы кидали отбросы еды, и там же скованные рабы отправляли все свои естественные надобности.

«Может быть, и мой сын тоже хочет убежать на родину, тоже сидит в зловонной яме, вырывая у других обглоданные кости?»

— На каком языке говорят они? Где находится их родина? Они, как одержимые демонами тьмы, кричат такие слова, которых не понимает никто в кочевье, даже жрец Курсук, который разговаривает в грозу с самим богом Папаем.

Спитамен стал задавать невольникам вопросы на разных языках, которые он изучил во время своих скитаний. Они все замолкли, стали прислушиваться и затем наперебой начали отвечать хриплыми, простуженными голосами. Спитамен переводил их ответы внимательно слушавшему Будакену:

— Вот этот, с волосами, закрученными вокруг головы, из страны тохаров. Он сопровождал караван, везший в Вавилон шелка и драгоценные камни. Массагеты напали на караван, разграбили его, а всех взятых в плен купцов и проводников продали в рабство соседнему племени. Вот эти два, с длинными бородами и тонкими, как палки, руками, родом из Гиркании. Те же массагеты, пробравшись горными тропами, внезапно ночью напали на их селение, подожгли его и увели с собой людей, лошадей и верблюдов. Они оба сделались рабами, но хозяева не хотели их держать, так как у них нет сил, чтоб работать. На родине они

были магами, молились богам и изгоняли из больных злых демонов, поэтому они лучше хотят сидеть в яме, чем вертеть мельничный жернов.

Четвертый говорил на языке, из которого Спитамен не мог понять ни одного слова. Среди длинной речи иногда слышались названия городов: Тир, Сидон, Иерушалаим[1], но, что он хотел сказать, оставалось тайной.

— У него кудрявые волосы и черные глаза,— объяснял Спитамен.— Может быть, он из той сатрапии, где главный город Иерушалаим. Он похож на жителя той страны, лежащей на берегу моря. Пятый же болен, покрыт язвами, в которых завелись черви. Он говорит на языке явана, того народа, из которого вышел Двурогий царь; но он безумен, его речи бессвязны, целые дни он писал острым камнем на стене ямы слова и рисовал людей и лошадей, мешая спать другим. Товарищи избили его, чтобы он лежал тихо.

Будакен встал и пошел обратно к своему шатру. Зловонный запах преследовал его. Около шатра он увидел скифа, крепко спавшего на спине, с раскрытым ртом. Будакен закрыл ему своей широкой ладонью рот и зажал ноздри. Через несколько мгновений задыхающийся скиф вскочил и уставился на Будакена бессмысленным взглядом.

— Уже светает, пора собираться в дорогу! Подымай молодцов.

Когда скиф пришел в себя, Будакен добавил:

— Ты сейчас же вытащишь из ямы всех пятерых рабов и снимешь с них цепи. Я им прощаю их упрямство. Они могут уходить на все четыре стороны. От них нет никакого толку: работать они не могут. Зря приходится их кормить. Среди них есть два мага из Гиркании с длинными бородами. Пусть помолятся своим богам, чтобы моя поездка была удачна. Все это им может растолковать тот бродяга-охотник в красном согдском платке, который укрощал Буревестника. Там еще есть один больной, в язвах. С него цепи не снимать, а пусть жрец Курсук совершает над ним молитвы и пляшет с бубном, чтобы из больного вылетел злой демон. Раны ему надо вымыть коровьей мочой[2] и смазать бараньим салом. Но ни в коем случае не дать ему убежать. Он может пригодиться для обмена пленных. Потом... Как только старый князь Тамир проснется и поест, мы отправимся в путь. Смотри, чтобы к тому времени и кони и запасы для дороги были готовы.

---

[1] Иерушала́им — так в древности называли город Иерусалим.

[2] Коровья моча у огнепоклонников согдов считалась священной, очищающей от грехов и исцеляющей болезни.

БУДАКЕН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

По жемчужной, ослепительно светящейся степи двигалась группа всадников. Трое ехали рядом. Будакен, в темной дорожной одежде, сидел на гнедом крепком жеребце. Расшитые пестрыми узорами штаны были заправлены в желтые сапоги без каблуков, с остроконечными, загнутыми кверху носками. Переметные сумы за седлом были туго подтянуты сыромятными ремнями. Все на Будакене и его коне было прилажено удобно ввиду далекой поездки.

Рядом на высоком сером в коричневых крапинках жеребце сидел князь Тамир, согнувшийся, высохший, с белой редкой бородкой, торчащей из-под красного, обшитого жемчугами башлыка. Его ястребиные глаза пристально оглядывали далекий горизонт, а впавший рот беспрерывно шевелился. Третий всадник был молод, красив, в новой шелковой куртке с вышитыми на ней птицами и цветами. Широкие полосатые штаны были подхвачены у щиколотки серебряными цепочками. Он уверенно сидел на высоком золотисто-желтом жеребце с белым хвостом. Круп коня был покрыт малиновым чепраком, обшитым золотым позументом. Конь, согнув крутую шею, грыз удила, порывался вперед, но твердая рука князя Гелона сдерживала его.

Впереди, в ста шагах, ехали четыре дозорных воина. Сзади следовала густая толпа всадников — бо́льшая часть их была с тонкими копьями, украшенными у острия пучком красных волос. Один держал древко с поперечной перекладиной, на которой сидели три медных сокола с колокольчиками в клювах, под ними свешивались три белых конских хвоста.

Это был боевой знак старого князя Тамира, желавшего лично проводить Будакена до границы подчиненных ему кочевий.

Вьючный караван Будакена был отправлен заблаговременно, за несколько часов, и должен был сделать в условленном месте привал при заходе солнца.

Когда всадники поравнялись с небольшим кочевьем, около десяти шатров, к Будакену подскакал Кидрей и указал на темно-серого верблюда с подвязанными коленями, лежавшего около рваного и почерневшего от копоти и времени шатра.

Будакен, как кочевник, помнящий наружность каждого животного из его стад, сейчас же узнал верблюда, которого на его празднике развязала смелая молодая невольница. Он крикнул князю Тамиру, что догонит его, и хлестнул плетью коня, помчавшегося крупными скачками по растрескавшейся глинистой земле. За ним поскакал Кидрей.

Около шатров сорвалась навстречу свора лохматых собак, давившихся от злобного лая. Старуха, в длинной, до пят, полинявшей рубашке, тощая и сморщенная, вышла из шатра и стала вглядываться в Будакена, прикрывая глаза коричневой рукой, украшенной медными браслетами и перстнями.

— Зачем вы врываетесь в шатры, если мужчины уехали на охоту? Уезжайте скорее домой!

Кидрей быстро заговорил, но Будакен остановил его величественным жестом руки:

— Чей это верблюд?

— А зачем тебе знать? Ты откуда? Не послан ли ты жадным Будакеном, который каждый день прибавляет нового коня к своим табунам и нового верблюда к сотням своих стад. А у нас нет скотины, чтобы привезти топлива из степи, и мне все самой приходится таскать на согнувшейся спине.

— Но Будакен не только увеличивает свои стада, он также дарит скот своим братьям по урану. Разве не Будакеном подарен этот верблюд?

— Что ты шипишь, старуха? — шепнул Кидрей.— Ведь сам Будакен говорит с тобой...

Услышав имя всесильного князя, который имел власть убивать, судить и миловать каждого из их рода, старуха поспешно накинула себе на голову край рваного платка и упала на землю, к ногам пятившегося коня, стараясь поставить его копыто себе на голову.

— Прости меня, неразумную, выжившую из ума старуху! — завопила она.— Сказала я по старости глупое слово. От голода все это, меня злость охватила. Хлеба нет, баранов нет, сын два года бродил, только Папай знает где...

— Встань и ничего не бойся! — сказал невозмутимо Будакен.— Как же зовут твоего сына и где он бродил два года?

Старуха поднялась, покрытая пылью, и стала всматриваться в Будакена:

— Кажется, что верно ты Будакен! Удила у тебя в самом деле золотые. Мой сын уходил погонщиком караванов в Вавилон, а оттуда еще дальше — на берег моря, к тем не верящим в наших богов иноземцам — явана и киликаса[1], которые бесстыдно ходят без штанов, с голыми ногами. Недавно приехал он на коне, с чепраком и уздеч-

[1] В описываемое время персы называли греков яванами или киликаса, потому что в Киликии жило много греков-ионян и с киликийцами персы имели большие торговые связи.

кой. Теперь меня прокормит... Ведь когда конь дома, то можно конец мира увидеть...

Будакен слушал внимательно болтовню старухи. Поездка Спитамена в Киликию к грекам вызвала новое подозрение недоверчивого князя. Он был бы рад еще порасспросить старуху, которая уже приглашала его сойти с коня и отпить овечьего молока. Но Будакен приблизился к самому шатру, не слезая с коня, и заглянул внутрь, приподняв грубый шерстяной полог.

В глубине, на полуистлевшем ковре, молодая женщина в яркой красной одежде крутила каменный жернов, растирая зерна пшеницы. Сквозь рваную дыру в крыше шатра падал косой луч и освещал смуглую руку с бронзовым браслетом выше локтя и красный платок, окутывавший шею и подбородок,— знак замужества. Глаза женщины, черные и смеющиеся, с прямой линией бровей, соединенных синей краской, показались Будакену знакомыми.

— Откуда эта труженица? — обратился Будакен к старухе, повернув коня от шатра.

— Откуда? Я этого не знаю! — отвечала говорливая старуха.— Она приехала в синюю лунную ночь на темно-сером верблюде. Конечно, мой сын достал ее. Шеппе-Тэмен достанет даже из-под земли все, что задумает... Только я хотела, чтобы он сидел дома, а не разъезжал по горам и равнинам. Тогда бы не страдало материнское сердце. А то я боюсь, что мне однажды привезут его тело без головы[1].

Будакен, не слушая больше старуху, поскакал вслед за тихо двигавшимся по степи отрядом князя Тамира.

— Здесь живет тот охотник, что поймал моего Буревестника. Он добавил к своей добыче и темно-серого верблюда, а та бесстыдница, что развязывала его, кажется, стала его женой...

Под Гелоном конь запрыгал, и князь воскликнул со злобой:

— Как ни корми паршивую собаку, ее всегда тянет к падали!..

— Все мы когда-нибудь станем падалью,— произнес шипящий тихий голос.

Князья обернулись и увидели около себя Спитамена. Он был в той же рваной, бедной одежде, подпоясан ремнем, на котором висели небольшой меч и кожаная сумка с дорожной чашкой.

Изогнутый лук и колчан, туго набитый оперенными

---

[1] По обычаю скифов, их воины отрезали у врагов головы и привозили в свои кочевья, чтобы иметь право на участие в дележе военной добычи.

стрелами, были прикреплены по обе стороны чепрака. Конь Спитамена, степняк-сауран, серый, с темной полосой вдоль хребта, небольшой, но крепкий и горбоносый, был настоящий берк[1], на котором скифы отправлялись в дальний путь, не боясь никаких лишений.

Вскоре князья остановились. В этом месте скрещивались главные степные тропы: на северо-запад — к Ховарезму[2], на юг — в Сугуду и на восток — к тохарам. Множество колодцев, обложенных ветвями саксаула, было разбросано посреди истоптанной скотом, выжженной степи. Большой каменный идол, высеченный из цельного камня, глядел слепыми, выпуклыми глазами, держа в руках каменную чашу. Князь Тамир, а за ним и все остальные путники спешились и поочередно положили идолу в чашу по кусочку вяленой баранины, лепешки или несколько зерен ячменя.

Затем князья подошли друг к другу, подержались за локти, шепча слова молитвы, и поцеловались в плечи. Будакен помог старому князю Тамиру снова взобраться на коня. Затем ловко вскочил на своего карего жеребца и по узкой тропе, выдавленной в глинистой почве, как канавка, тронулся к югу. Скифские воины, растянувшись длинной цепью, последовали за ним.

Тамир хлестнул коня плетью и вскачь, без дороги, пустился в степь — в сторону своей ставки. За ним, взбивая пыль, помчались все его спутники.

Одинокий серый идол слепыми каменными глазами смотрел вдаль — туда, где группа всадников быстро уменьшалась в дрожащем раскаленном воздухе.

---

[1] Название «берк» сохранилось до сих пор у кочевников для обозначения выносливой дорожной лошади.

[2] Ховарéзм, или Хорéзм,— древнее название Хивы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СЧАСТЛИВАЯ СУГУДА

Никто не думал о том, что сейчас все рухнет, что кровь промочит сухие, пыльные дороги, что начнется новая жизнь.

(Из восточной летописи)

НА ГОРОДСКИХ ВОРОТАХ

Город Курешата дремлет в палящих лучах раскаленного солнца. Арка въездных ворот города, сложенная из больших квадратных кирпичей, раскрыла, как пасть, широкий черный вход. Старые карагачевые ворота изъедены временем и термитами; на них резные изображения льва, стоящего на задних лапах, и необычайно храброго персидского царя, который, держа льва за уши, разрезает ему мечом живот. Под аркой проходят ослики, нагруженные зеленым клевером, медлительные бородатые буйволы, малорослые кони, скрытые под громадными вязанками хвороста. За животными идут, покрикивая, крестьяне в серых дерюжных одеждах, в грубых кожаных сандалиях. У них длинные черные бороды, недоверчивые глаза сидят глубоко, носы горбатые. Подпоясаны они тремя разноцветными шнурками — знак того, что они, как честные поклонники огня, имеют три добродетели: добрые мысли, добрые слова и добрые дела. Головы обвязаны желтым или синим полотенцем, конец которого спадает на плечо.

Городские ворота стоят в глубине между двумя сходящимися углом стенами из сырцового кирпича. На стенах выступают бойницы. Если из степи прискачут скифы и захотят штурмовать город, то их обстреляют со стен, забросают сверху камнями и зальют кипятком и горячей смолой.

Над воротами на выступе сидит сторож Кукей и вяжет узорчатые шерстяные чулки. Он стар и провел на этом месте много лет. Лицо выжжено солнцем и изрезано морщинами. Седые брови над слезящимися глазами торчат во все стороны. Давно уже не налетали из степи кочевники. Но он хорошо помнит, как последний раз примчались всадники на небольших крапчатых и бурых конях, с короткими копьями и тяжелыми секирами, в остроконечных черных

шапках. Они ревели, как буйволы. Их стрелы летели далеко и поражали без промаха. Защитники города попрятались со стен, оставив котлы с кипятком. Эти всадники вытоптали конями поливные поля пшеницы, на скаку хватали и втаскивали на седла баранов и телят, стучали секирами в ворота. Они ушли обратно в степь, лишь получив вереницу верблюдов, нагруженных полосатыми мешками с зерном и большими кувшинами с крепким вином и медом.

Сторож Кукей дремлет, а руки по привычке шевелят деревянными спицами, продолжая вязать чулок. Он поглядывает со стены вниз, когда там громко заспорят между собою крестьяне.

Направо от Кукея, на верхушке башни из сырцового кирпича, облупившейся и оплывшей под действием солнца, ветров и зимних дождей,— взъерошенное гнездо, и в нем маячит аист на длинной красной ноге.

Иногда аист подпрыгивает, распластав широкие крылья, или закидывает голову назад, кладя клюв на спину, и щелкает им, как трещоткой.

«Счастливый наш город,— думает Кукей.— Видно, еще мы не прогневали нашего всемогущего небесного покровителя Ахурамазду». И он молитвенно протягивает руки с чулком к солнцу.

Налево, в щелях стены, скрыты гнезда больших серых коршунов. Они часто вылетают оттуда, стремительные и бесстрашные, и затем плавают в небе, издавая скрипучие тонкие крики, точно стон блока над колодцем: «пирлюлюлю-лю, пирлюлю...»

Аист внезапно замахал крыльями, потанцевал на тонких ногах и плавно полетел, направляясь в степную равнину, раскинувшуюся к северу беспредельным выцветшим плащом.

Сонные глаза Кукея проследили за полетом аиста, на солнце отливавшего серебром. Через квадратные поля проса и клевера, где поблескивала спущенная из канав вода, по межам пробиралась группа всадников. Кукей их сразу узнал: это, несомненно, скифы, около двадцати воинов. Как не узнать остроконечных черных шапок, небольших бурых и пегих коней! Уже можно было различить тонкие, наклоненные вперед копья.

Кукей бросился к бронзовому боевому котлу, подвешенному на перекладине, и неистово заколотил по нему палкой. Резкие дребезжащие звуки понеслись по городу, пробуждая всюду тревогу. На плоских крышах появились перепуганные жители, побросавшие работу.

Кукей бил в котел, пока не прибежал испуганный десятский[1] с опухшим от сна лицом. Он переводил глаза то на Кукея, то на степь и наконец бросился к стене, вглядываясь в приближавшихся страшных всадников. По дороге бежали крестьяне, прыгали через канавы, гнали ослов в стороны, прямо через поля.

— Ворота! Скорей закрыть ворота! — закричал десятский и вместе с Кукеем побежал с башни вниз по истертым сырцовым ступеням.

Но когда оба внизу завернули за выступ стены, то наткнулись на трех скифов, прискакавших на пегих конях. Они уже въехали в ворота и остановились, поджидая других.

— Назад, уезжайте назад! — кричал скифам десятский. Он боялся приблизиться и только издали махал руками.

Один из всадников, с красной головной повязкой, крикнул Кукею:

— Старик чулочник, неужели ты не хочешь узнать меня? Я же Левша, Шеппе-Тэмен, сын горшечника! Разве ты не помнишь? Ты мне показывал, как из кишок крутить тетиву, как из рога оленя гнуть лук.

Кукей начал присматриваться и узнал молодое обветренное лицо, узкие смешливые глаза.

— Верно, ты, кажется, Левша Шеппе! Мне ли не узнать тебя: рядом жили! Теперь ты уже своего коня завел! Разбогател, видно. Но что мне делать, если нам приказано не пускать скифов в город?

Десятский продолжал кричать: он боялся, что скифы начнут рубить его тяжелыми секирами.

— Уезжайте за городскую стену — мы запрем ворота, а потом уже начнем говорить с вами. Кто знает, не едут ли за вами тысячи скифов, чтобы ворваться в город.

— Брось кричать! — успокаивал Спитамен.— Зачем всполошил весь город? Сколько лет уже нет войны между нами! Сакские вожди не раз пили с вашими князьями чашу дружбы.

— Не пой мне песни, поворачивай! — кричал десятский.— Наместник города прибьет в гневе гвоздями к воротам и меня и сторожа Кукея за то, что мы впустили вас.

Из соседней, людной улицы с криками вылетело несколько всадников. Впереди на большом откормленном коне несся толстый согд, обвешанный оружием, с копьем наперевес. Его латы блистали, на шлеме развевались фазаньи перья. За ним скакали безусые юноши с поднятыми мечами.

Одновременно в ворота въехал Будакен и за ним его

---

[1] Десятский — начальник десяти воинов.

спутники. Он сидел на коне, спокойный, как всегда, угрюмый, со свисшими усами; только глаза его сузились и настороженно поблескивали. Все остановились.

Кукей выскочил вперед:

— Вот это приехал наш сотник. Он тоже скажет, что скифам нельзя въезжать в город.

— Зачем вы приехали сюда? — задыхаясь, закричал сотник.

— Это очень знатный посол от саков,— отвечал Спитамен,— князь Будакен Золотые Удила. Он едет в Мараканду к сатрапу Бессу, везет драгоценные подарки. Если твое благородство будет кричать и не впустит нас в город, а заставит ночевать за стенами в поле, на отбросах, вместе с шакалами и собаками, то мы не останемся здесь, а поедем дальше. Там мы пожалуемся на вас царскому сатрапу и расскажем, как грубо вы встречаете важных послов!.. Тогда Бесс пришлет правителю города и заодно тебе крученые конопляные веревки, чтобы вы оба удавились в наказание за обиду, нанесенную знатному послу.

Сотник пошептался со своими спутниками.

— Впустим их на торговый двор[1], а там запрем,— советовали юноши.

Сторож Кукей схватил коня под уздцы и принял от сотника копье. Грузное тело сотника сползло с коня. Сложив руки на груди, он стал медленно подходить к скифскому князю, склоняясь к земле.

Будакен спрыгнул на землю и двинулся, раскачиваясь на кривых ногах, навстречу сотнику. Оба протянули руки и подержали их, подняв в знак уважения согнутую правую ногу.

— Приветствую высокого гостя,— сказал сотник,— добро пожаловать! Проезжайте дальше, на главную площадь. Там есть торговый двор для путников. Не сердитесь на сторожа — он был прав: есть приказ из Мараканды, чтобы никого из чужестранцев без разрешения не пускать в город. Но высоким послам всегда мы рады. Такое опасное стало время! Говорят, что на Сугуду идут враги под начальством Двурогого царя. Пусть твоя сила садится на коня и следует за мной.

Будакен и сотник снова сели на коней.

— Азрак, сторожа Кукея взять на петлю! — крикнул сотник.

---

[1] Торговый двор — раба́т — по-арабски: укрепление. Такие дворы устраивались персами на больших путях в форме квадратного двора, окруженного высокими глухими стенами, с одними воротами, которые на ночь запирались. Позднее в Москве был такой рабат для восточных гостей, и это имя сохранилось в переделанном названии — Арбат.

Угрюмый, плечистый согдский воин подъехал к сторожу Кукею, набросил ему на шею петлю и, повернув коня, потащил старика за собой. Кукей схватил руками веревку, которая его душила, и всхлипывал:

— Пропала моя голова! Теперь мне нет спасения! Все из-за этих саков! Кто спасет меня! Мать моя, ты увидишь мою смерть!

Юноши бросились в узкую улицу, полную народа, и стали хлестать плетьми по головам всех встречных.

По обеим сторонам этой улицы тянулись лавочки купцов. Ослы, лошади, крестьяне, нарядные горожане в пестрых одеждах — все бросились вперед, спасаясь от страшных скифов.

Слышались крики:

— Саки ворвались! Сыновья Аримана! Запирайте ворота! Афрасиаб вернулся! Уже режут!

Купцы спешно закрывали резные двери лавочек. Убегая, опрокидывали корзины с гранатами, померанцами, персиками.

На плоские крыши домов выбегали женщины в длинных цветных одеждах. Они хватали плачущих детей, тащили одеяла, ковры, кувшины.

Дряхлая старуха, волоча зеленую подушку, вылезла на край крыши и, потрясая пятерней с растопыренными кривыми пальцами, повторяла самое обидное персидское ругательство:

— Жгу вашего отца!.. Пусть он сгорит в аду!..

Тогда Кидрей, смеясь, закричал ей:

— Зачем показываешь свое лицо? Оно безобразно, как вымя гиены! Закрой его подушкой!

Когда жители города увидели, что скифы едут спокойно, что их секиры и копья никого не поражают, они осмелели и стали останавливаться отдельными группами, затем следовать сзади, постепенно приближаясь, указывая пальцами, смеясь, хлопая себя по бедрам и бросаясь в стороны, как только скифы оборачивались.

Главная улица перерезала город от восточных въездных ворот до противоположных западных. На улицу выходили глухие глинобитные стены, кое-где прорезанные калитками и узкими переулками. За этими стенами виднелись зелень садов и крыши домов — огромных замкнутых жилых кварталов.

Всадники прибыли на небольшую площадь, в середине которой возвышалась кирпичная арка, а за ней низкие строения, огороженные стеной.

— Это торговый двор для караванов,— объяснил Будакену Спитамен.

На площадь выходили лавки купцов Курешаты. Перед лавками пестрели деревянные лотки и нары, крытые коврами, полные материй, цветных туфель, тарелок с красками в порошке, кривых ножей, платков, бус, ожерелий, браслетов, кувшинов, мелкой посуды, конской сбруи, крючков, колец и прочих ярких и диковинных для скифов вещей.

ТОРГОВЫЙ ДВОР

Передние согдские воины, хлопая плетьми, влетели в широкие ворота торгового двора. Послышались крики и рев верблюдов.

Сотник, делая приветливый жест рукой, кричал:

— Сюда, сюда!

Скифы столпились и переговаривались вполголоса:

— Бойся согдианских стен! Въедем — и потом не выедем. Здесь нас передавят, как крыс в яме. Лучше остановимся в поле.

Но подошедшие близко согды приседали, ударяли ладонями по коленям и звали въехать внутрь двора.

Пегий конь Кидрея и его широкая спина мелькнули в темных воротах. Он вернулся оттуда и закричал:

— Там есть вода, есть сено, и для нас чистят место!

Будакен поднял руку с плетью, и двадцать скифских коней гуськом двинулись в ворота.

Большой квадратный двор, обнесенный стеной, был полон кричавших людей и встревоженных верблюдов. Деревянные резные колонны поддерживали навесы над террасами, окружавшими двор. В стенах темнели глубокие ниши, где могли располагаться путники.

Некоторые ниши были завешаны цветными занавесками и коврами. Из-за них испуганно выглядывали женщины, закутанные в оранжевые и малиновые покрывала.

По всему двору бегали согдские воины, расталкивая путников, подымая их ударами плетей, сгоняя толпу в одну сторону двора. Они, громко крича, бежали из разных ниш, ловили испуганных верблюдов, тащили в одно место вьюки, мешки, подбирали рассыпанную солому и клевер.

Скифы, недоверчиво оглядываясь, привязали коней вдоль одной стены, в которой были углубления — кормушки для скота.

Согды осмелели, приближаясь к скифам; некоторые ощупывали добротность материи их одежд, сбрую и оружие, приседали на корточки и быстро переговаривались на своем плавном, мягком языке.

Голые рабы стали мести пучками полыни террасу и ниши, выталкивая женщин, выбрасывая узлы и плачущих детей.

Старый Хош морщил нос, покачивал головой и вполголоса расспрашивал Спитамена:

— Знаешь ли ты, как выбраться отсюда? В этом городе легче запутаться, чем в камышах. А это еще что за безумец? Чего он здесь ищет?

По террасе шел согд в дорогой шелковой одежде, но босой, с куском рваной материи на голове. В руках он держал мешок, который встряхивал, и беспрестанно бормотал молитвы, закатывая глаза кверху.

Он зашел в нишу, где рабы обметали стены и пол, и бросился к мусору, выхватывая оттуда клопов, сороконожек и муравьев.

Все это он сбрасывал в свой мешок, потряхивая его с монотонными причитаниями.

— Что ты делаешь, достойнейший сын добродетельной матери? — спросил его Хош.

— Я грешник! Семьсот семьдесят семь несчастий свалились на мою голову. Теперь мне грозят наказания и в этой жизни и после смерти. Духи тьмы будут грызть меня.

— За что такие несчастья свалились на тебя?

— Я был на празднике у моего брата, когда он был назначен сборщиком податей. Старое вино бросилось мне в голову, и я пошел домой, шатаясь и распевая песни. Ариман позавидовал мне, за мной увязались собаки и вцепились в мою одежду. Тогда я схватил камень, чтобы отогнать их, и так ударил одну собаку, что она упала, задергала ногами и — о, горе мне! — околела.

— Но почему же это такое несчастье? — удивился Хош.— Ты вполне правильно сделал, ударив собаку.

— Какие грешные слова ты говоришь! — ужаснулся согд.— Ведь корова и собака у нас священны, и их оберегает сам великий бог Ахурамазда. Когда я ударил собаку, поблизости проходил служитель из храма и пожаловался верховному жрецу. Теперь — по закону — я должен собрать своими руками четыреста восемьдесят слуг злого Аримана: сороконожек, ящериц, змей, клещей, скорпионов, сколопендр и других нечистых животных. Всех их я должен принести в храм непременно живыми, сдать жрецу для умерщвления священными щипцами. А затем он совершит моление и очистит меня от грехов.

— А кроме того, сколько ты должен еще заплатить жрецу? — спросил Спитамен.

— Я уже пожертвовал жрецу барана, двух овец и восемь кур, а сколько еще придется платить, знает только жрец...— Со стоном и вздохами согд пошел прочь.

— Что за страна! — удивлялся Хош.— Кажется, собаке здесь живется лучше, чем человеку?

— Ты легко можешь убедиться в этом,— ответил Спитамен.— Попробуй ударить камнем сперва человека, а потом собаку.

Во двор въехал старик на красиво убранном коне, которого под уздцы вели двое слуг. Желтая одежда, обшитая малиновой бахромой, остроконечная войлочная шапка, короткая палка, отделанная золотом, говорили о важном положении старика. Длинная серебристая борода была искусно завита в ряды ровных колечек. Глаза, обведенные черной краской, тревожно вглядывались.

Сотник громко провозгласил, обращаясь к Будакену:

— Да хранит всевидящий Ахурамазда благородного Фейзавла, правую руку правителя нашего города!

Один слуга стал около коня Фейзавла и нагнулся до земли. Старик поставил ногу, оплетенную красными ремнями, на его спину и сошел на землю. Другой слуга поднял над ним широкий зонтик с красными, белыми и синими полосами. Фейзавл приподнял позолоченную палку, сказал тихо несколько слов.

Согды, почтительно склонившиеся при его появлении, услышав приказание, стремительно разбежались в разные стороны. Слуги быстро притащили ковер и пестрые подушки и разложили на террасе между колоннами.

Фейзавл опять поднял руку с выкрашенной красной краской ладонью, и слуга подал ему корзинку. С торжественным видом Фейзавл вынул из нее красную розу на длинном стебле и оранжевый плод граната. Держа их перед собой, как большую драгоценность, Фейзавл медленными шагами направился к Будакену:

— Премудрейшая и прекраснейшая Рокшанек, дочь князя этого города, украшающая светом своих добродетелей землю, посылает тебе по случаю твоего приезда пожелания благоденствия и прибыли в делах и говорит тебе: «Добро пожаловать!» — При этом Фейзавл схватил руки Будакена, вложил в них розу и гранат и отступил назад под защиту ставших около него воинов.

Будакен проворчал Спитамену:

— Ты здесь бывал, не знаешь ли, что я должен с этим делать? Съесть, что ли?

— Нет, отдай своему слуге, и пусть он стоит рядом и держит в руках, как чашу, переполненную водой.

Будакен повел бровями, взглянул на Хоша, и тот стал позади князя, держа на вытянутых руках розу и гранат. Будакен мрачно молчал.

Спитамен обратился к Фейзавлу:

— Скифский князь Будакен благодарит и просит рассказать, почему ему присланы роза и гранат.

— Княжна Рокшанек желает, чтобы князь так же процветал, как прекраснейшая роза, и чтобы прожил счастливо столько же лет, сколько зерен внутри граната.

Будакен громко захохотал:

— Всем расскажу в нашей степи, что я похож на розу и буду жить четыреста лет.— Он добавил: — Я очень хочу увидеть вашу княжну Рокшанек. Я тоже поднесу ей подарок, который будет достоин ее красоты и добродетелей.

Глаза Фейзавла метнули взгляды по сторонам, и он сказал, указывая медленным, величественным жестом на ковер:

— Пойдем сперва туда, на ложе отдыха, и погрузимся в сладостный разговор, возвышающий наш разум и наши души.

Будакен и Фейзавл сели на разных концах ковра.

Сзади Фейзавла стали сотник, слуга с зонтиком и несколько вооруженных юношей.

Фейзавл начал обычными вопросами:

— Здоров ли, князь? Толст ли твой нос?[1] Сильны ли, как всегда, твои мышцы? Свободно ли дышит твоя грудь?

— Благодаря твоей милости я дышу так же хорошо, как и мудрая «правая рука» правителя города.

Фейзавл поднял золоченую палку — подошли слуги и опустили на ковер медные подносы. На них лежали горой лепешки, сушеный виноград, миндаль, фисташки и медовые соты.

Голый невольник с костяным кольцом в ухе принес большой, покрытый мхом и плесенью глиняный кувшин. Старик слуга с желтой повязкой вокруг головы и в широкой полосатой одежде вытащил из-за пазухи стопку медных чашек, вложенных одна в другую, вытер их концом своего синего шерстяного пояса, ножом сбил смолу, облепившую горлышко кувшина, вытащил деревянную пробку и разлил в чашки темное густое вино.

Затем старик взял полную чашу вина, слил с нее несколько капель на свою сморщенную левую ладонь и подал чашу Будакену. Одновременно он слизнул вино с левой

---

[1] У сильного человека — толстый нос, у сильной лошади — толстые губы.

ладони и прищелкнул языком. То же самое он повторил, передавая другие чаши Фейзавлу и скифам. Все поняли, что если разливающий старик пьет первый, то в чашах нет яда и вино можно пить без опасения.

Фейзавл взял чашу обеими руками и, подняв глаза кверху, воскликнул нараспев:

— Пусть хранит Ахурамазда великого царя царей, нашу землю и всех почитающих высочайшего! — И он выпил одним духом всю чашу.

Будакен наблюдал, чтó делает Фейзавл, и старался повторять его жесты. Выпил вино — оно было душистое, сладкое и крепкое.

Будакен стал задавать вопросы:

— Как здоровье царя царей? Где теперь великий, непобедимый правитель Персии?

Фейзавл развел руками:

— Вы, саки, достойные и мудрые доители кобыл, живете в беспредельных степях, так что все новости приходят к вам через год. Про какого царя царей ты спрашиваешь? Если про великодушного Дараиавауша[1], то его уже нет — его призвал к себе на небо Ахурамазда; где его семья — неизвестно: или погибла, или — еще хуже — обращена в рабство Двурогим злодеем. Выпей еще этого вина — оно пролежало в земле много лет и потому стало густым, как мед.

— Что же случилось с царем царей, какие несчастья могли обрушиться на него? — продолжал расспрашивать Будакен.

— Что можем мы знать здесь, в маленьком городке, на границе с соленой пустыней! Мы должны тихо молчать и ждать приказаний великих людей, которые правят нами.— И Фейзавл скромно опустил глаза.

— Но сатрап Бесс? Наверное, он жив и правит попрежнему Бактрией и Сугудой?

— Ты, я слышал, кажется, хочешь проехать в Мараканду?

— Да, я проеду в Мараканду, к сатрапу Бессу. Он звал меня к себе как гостя еще год назад.

Фейзавл покачал головой:

— Ты совсем ничего не знаешь, что произошло. Сатрапа Бесса уже нет. Великому создателю этого мира благоугодно было сделать Бесса царем царей, возложить на него

[1] Дараиавáуш — персидский царь, разбитый Александром Македонским. Имя его греками было переделано в Дарий.

царскую тиару[1] и передать ему жезл правления всей Персии. Теперь не так легко и просто приехать в Мараканду в гости к Бессу.

— Если Бесс стал царем царей, то, вероятно, потому, что он полон справедливости,— сказал Будакен.— Царь должен помнить и исполнять свои обещания. Я думаю, что Бесс не забыл двух жеребцов, сыновей славного Буревестника, полученных им от меня в подарок, и вспомнит, что звал меня навестить его.

Фейзавл стал говорить сладким, вкрадчивым голосом:

— Теперь царь царей находится в Мараканде и строго охраняется: никому не разрешается въезд в город без особого вызова и письменного приказа за печатью. Не лучше ли тебе отдохнуть здесь, в этом городе, и переждать, пока мой гонец съездит в Мараканду с письмом и просьбой разрешить тебе приехать? Тогда ты свободно проедешь в Мараканду — она ведь теперь новая столица всей Персии.

Будакен уже выпил несколько чаш сладкого вина. Хотя он был очень силен, но вино разгорячило его, и слова Фейзавла показались ему оскорбительными и обидными.

— Мы, саки,— народ свободный и не состоим на службе ни у сатрапа Бесса, ни у царя царей. Мы живем где хотим; если не понравится, снимаем свои шатры, грузим их на телеги[2] и уходим к другим колодцам. Ты думаешь, что сможешь нас задержать в этой глиняной ловушке, полной клещей и скорпионов, и послать в Мараканду донесение, что Фейзавл один, без войска, только своей мудростью и хитростью взял в плен непобедимого князя Будакена и двадцать свободных скифов? Ты ошибаешься, Фейзавл, и, верно, забыл походы Афрасиаба. Эй, воины, приведите мне моего коня! — закричал Будакен.— Я посмотрю, как ты со всеми своими воинами попробуешь задержать Будакена, который один уводил целые караваны согдов!

Будакен вскочил, схватил боевую секиру и стал со свистом размахивать ею.

Фейзавл отбежал в сторону и, пятясь, издали старался успокоить гнев Будакена:

— Мы нарочно отвели для тебя этот двор, чтобы тебе не мешали любопытные жители города!..

---

[1] Тиáра — золотая шапка, которую в торжественных случаях надевали персидские цари.

[2] Телеги у скифов были четырех- и шестиколесные. Шатры для быстроты перекочевки часто устраивались на телегах.

— А ты не нашел места похуже? Сюда приходят сумасшедшие, чтобы собирать клопов, и здесь ты захотел заморить меня с моими воинами?

— Закройте ворота, не выпускайте никого! — кричал, прячась за колонну, Фейзавл.

— Там собрано целое войско,— говорили скифы.— Кидрей хотел выйти из ворот, а его встретил лес копий.

Снова секира Будакена с воем завертелась над головой Фейзавла. Он протягивал Будакену дрожащие руки:

— Успокойся, князь! Ты можешь переехать в летний дворец нашего князя. Там ты будешь в саду, под тенью деревьев, лежать на ковре и есть сладкие персики. А наши певцы споют тебе лучшие песни.

— Прикажи своим воинам, чтобы они уехали от ворот, а не то мои воины покажут, как летают сакские стрелы, как наши копья пробивают сразу трех человек.

В воротах раздались крики:

— Саки взбесились! Они садятся на коней! Они сейчас бросятся на нас!

— Улала!.. Улала!..— заревел Будакен боевой клич саков.

— Улала!..— ответили ревом двадцать скифов.

За воротами послышались крики команды и топот лошадей, бросившихся вскачь по улице.

— Я должен увидеть премудрую дочь правителя Курешаты! — наступал Будакен на Фейзавла.

— Наши женщины не боятся мужчин, но ты два мужчины! — отвечал Фейзавл.— Рокшанек умрет от страха, когда ты войдешь в ее дом.

— Ты меня проведешь к ней. Мы, саки, ни женщинам, ни детям зла не делаем. Веди меня к ней!

Фейзавл поднял руки к небу:

— О всемогущий! О создатель луны и шести планет! Ты видишь, что я не виноват; избавь меня от гнева моего князя Оксиарта!

— Какого Оксиарта? — остановился изумленный Будакен.

— Князь Оксиарт — владелец города Курешаты и всего округа. Только его здесь нет. Он уехал доставать коней для войска царя царей. Вместо него правит мудрая дочь его, Рокшанек.

Будакен с досадой вспомнил о появлении в его шатре Оксиарта и обо всем, что потом с ним произошло.

— Подожди меня,— говорил Фейзавл,— я съезжу сейчас к княжне Рокшанек, переговорю с ней и привезу ее ответ.

— Но могу ли я верить, что ты вернешься?

— Я тебе оставлю в залог самое ценное, что имею: золотой пояс, стальной меч или янтарное ожерелье.

— Этого и у меня много.

— Тогда я тебе оставлю еще более ценное — мою бороду...— Фейзавл снял свою серебристую завитую бороду, которая искусно держалась на золотых крючках, зацепленных за уши, и оказался моложавым красивым персом с гладко выбритым лицом.

Он приказал одному слуге сесть на ковер и на медном подносе держать драгоценную бороду. Сам же сделал приветственный жест золоченой палкой и направился к разукрашенному коню.

Слуги подхватили его, посадили на круглую лоснящуюся спину жеребца, крытую ковровым чепраком, и Фейзавл со своими воинами и провожатыми скрылся в широких воротах.

КОБЫЛИЦЫ НЕ ДОЕНЫ

Сняв свои шерстяные одежды, Будакен заменил их полосатыми согдскими шароварами, подставляя лучам солнца голую мускулистую спину. Он лежал на широком ковре, затканном синими цветами и красными птицами. Над ним распростерло ветви столетнее абрикосовое дерево с бесчисленными мелкими оранжевыми плодами. Толстый ствол виноградной лозы обвивался, как змея, вокруг дерева, подымаясь на самую его вершину, и среди густой листвы повсюду виднелись восковые грозди винограда.

Несколько слуг Фейзавла было приставлено к Будакену, и он их расспрашивал, как сажают деревья, сколько с них собирают плодов, как их сушат на зиму, что помещается в сарае.

Скифы освободили коней от седел и вьюков, полили их водой из канавок, смыв накопившуюся на боках соль и пыль, и кони стояли в тени, блестящие, шелковистые, погрузив головы в свежие снопы сочной травы.

В торговый двор прибыл новый скиф на исхудалом коне, покрытом густой пылью. Он привязал коня к кольцу на столбе, подтянув коню голову высоко, чтобы он остыл.

Мягкими шагами скиф подошел к Будакену и остановился перед ним, скрестив руки на рукоятке ножа, заткнутого за пояс. По лицу, серому от пыли, капли пота провели темные полосы. Встретившись со взглядом Будакена, скиф опустился на колени на краю ковра и сел на пятки.

— Что делают мои кобылицы? Как бегает Буревестник? Жив ли маленький чита? — были первые вопросы Будакена.

Скиф развел руками. Из-под его войлочного остроконечного колпака выбивались, падая на плечи, длинные полуседые космы. Редкая борода завитком свисала с подбородка.

— Бой-бой, плохо? Если уйдет пастух, разве не разбредется его стадо? Сейчас же прибегут волки и начнут растаскивать овечек во все стороны.

Будакен отставил пеструю глиняную чашу с вином, которую держал обеими руками, и насторожился:

— Но князь Гелон обещал мне, что будет наблюдать за всеми моими стадами! Разве князь Гелон уехал?

— Князь Гелон делает все, что может: скачет от одного стада к другому, меняет усталых коней, кричит на пастухов, сам колотит их плетью, но толку от этого не много!

— Зачем же он скачет? Это не его дело. Ему надо сидеть около шатров на ковре в прохладной тени, попивать кумыс и ждать, а к нему должны приезжать табунщики с поклоном и говорить все, что им нужно и что случилось во всей степи. Разве я когда-нибудь гонялся за моими пастухами?

— Ты — другое дело. Ты всех держал в своей широкой ладони. А когда ты уехал, то все поползли во все стороны, как щенки без матки. Бой-бой, что будем делать!

Кочевник ничего не скажет сразу. Его речь вьется, как тропинка в степи, и он должен начать издалека, чтобы пересказать все, что видел в пути.

Будакен передал ему чашу с вином:

— Выпей сперва согдского вина и не бойся. Пастух вернется к своим баранам и все исправит. Что же случилось?

Старый скиф взял чашу, покосился одним глазом на темное маслянистое вино и понюхал его:

— Никогда такого не пробовал. Пусть Папай даст нам всем много сил и целое стадо детей! — Отпил немного и почмокал: — С медом? Голова на плечах не закачается? — Скиф закинул голову назад, показалось донышко глиняной чаши, и старик, вытаращив глаза и отдуваясь, поставил чашу на ковер.

— В битвах согды послабее нашего, а такого вина наши кумысобои не сделают,— сказал Будакен.— Ну, рассказывай теперь по порядку, что погнало тебя из нашей равнины вдогонку за мной? Как тебя звать? Кажется, Асук?

— Верно, верно — Сагил Асук! — ответил сразу развеселившийся скиф.— Когда я родился, в шатер вошел отец и принес дикого козла — асука![1] Вот меня и прозвали Сагил Асук. С тех пор я, как асук, езжу по степи и не люблю сидеть в шатре. Сам знаешь: дома сидишь — последнее проешь, а по степи побродишь — счастье найдешь.

— Ладно, ладно! Теперь рассказывай дальше, что делает согдак Оксиарт, приехавший ко мне, когда загорелись огни на курганах.

— Этот согдак очень полюбил кумыс и бузат, пьет без конца, потом вскочит, бегает, пляшет, угощает стариков и их тоже заставляет плясать.

— Хозяин может только радоваться, если гость его весел. Но я еще не вижу, отчего мне надо тревожиться.

— Князь Будакен Золотые Удила, большие у тебя убытки: кобылицы стоят недоенные, косяки сбились и пасутся на вытоптанном лугу, где уже травы не осталось: некому их перегнать на новые места.

— А что же делают мои слуги? Разве загуляли вместе с согдаком? Или порубили друг друга? Или болезнь их передушила?

— Они почти все ушли от тебя...

Будакен, нахмурившись, уставился на Асука. Большая рука его невольно шарила по ковру, точно отыскивала меч. Он всматривался в глаза вестника, желая узнать, что таится недосказанного в обветренном, сморщенном его лице.

— Пей еще! — сказал он, указывая на полную чашу.

Старик опять выпил одним духом чашу, и язык его развязался. Он наклонился к Будакену и стал говорить вполголоса:

— Несколько саков нас подбивали. «Зачем,— говорят,— мы служим князю Будакену? Разве не такой же он скиф, как и все мы? Разве не родился он в закопченном, промасленном шатре, как и мы? Почему же,— говорили они,— мы стараемся, работаем на него, а он все прибавляет баранов и жеребят к своим стадам, а мы как были в рваных кожаных штанах, так и остались, только новые заплаты нашили?» — «Верно, верно,— отвечали мы тем, которые нас подбивали,— но что же поделаешь с Будакеном? Ему и солнце больше светит, чем нам».

— И все сговорились уйти от меня? — прохрипел Будакен.

Кулаки его сжимались. Хош запрятал его меч под ковер, зная дикие вспышки гнева своего хозяина.

---

[1] Асу́к — по-согдски: горный козел.

— Не то что сговорились,— отвечал Асук,— а больше вожаки нас подбивали. Я им говорю: «А вы знаете, что значит: «он мне хлеб дает»? А те отвечают: «Трусливый ты козел, Асук! Будакен не хлеб тебе дает, а крошки от того хлеба, что сам ест». И некоторые недовольные саки тайком съехались на берегу реки Яксарта в тот самый день, когда мы устроили скачки и праздник.

— Кто же тогда был? Говори имена всех! — Будакен навалился на Асука и своей могучей рукой придавил его к ковру.

— Всех назову, всех! И я сам там был тоже. А больше всех говорил против тебя тот охотник, который приехал на твоем жеребце Буревестнике...

Будакен отпустил Асука, встал и поглядел кругом — скифы, приблизившись, стояли молча, и их глаза впивались в Будакена. Спитамена среди них не было.

Скифы шепотом переговаривались. Все слышали рассказ Асука и ждали, как поступит их князь. Будакен ведь ничего не делает так, как другие, а все по-своему.

А Будакен похлопал по плечу Асука, засмеялся, и никто не мог понять, что у него на уме.

— Пей, Асук! В нашей степи тебе такого вина не дадут! Рассказывай дальше. Куда же ушли мои слуги? К какому князю? Не к хитрому ли старику Тамиру?

Асук, упиваясь вином, продолжал:

— Свой собственный выселок сделали, особое кочевье около каменного бока Скроша. «Будем жить вольные,— говорят,— никому не будем кланяться!» И я хотел было там поставить шатер, да думаю: подожду еще, посмотрю, что дальше будет. Будакен — мой хозяин, он мне хлеб дает, зачем я его брошу? Вот меня Гелон и послал к тебе, чтобы я все рассказал. Девять раз менял я коней на наших сторожевых курганах. Днем и ночью скакал, чтобы тебя остановить и скорее вернуть обратно к твоим стадам.

Будакен стал громко хохотать:

— Ты думаешь, старая ящерица, что я вернусь сам доить кобылиц? Пусть остаются недоенными — жеребятам больше молока достанется! Ты думаешь, старый Сагил Асук, что я поскачу за моими слугами и буду просить их вернуться к старому хозяину? Пусть бог Папай даст всем сакам столько же косяков, сколько он дал мне. Вперед! Вперед!..— прогремел Будакен.— Где же этот плясун с пришитой бородой? Что же, он думает споить нас вином в этом рабате, полном верблюдов и блох, и затем нас пьяных перевязать веревками? Зовите его сюда, а то я сам пойду его разыскивать...

А Фейзавл, величественный и прямой, в длинной лиловой одежде, с пестрой повязкой на голове, с новой, каштановой завитой бородой, уже входил во двор, сопровождаемый несколькими тощими слугами. Один из них на блестящем подносе нес разрезанную звездою дыню.

Фейзавл, склоняясь, приложил ладонь ко лбу:

— Княжна Рокшанек шлет тебе эту дыню, чтобы ты накормил ею своего прекрасного коня. Она хочет повидать твое великолепие и силу, а также твоих смелых воинов. Она сейчас ждет тебя.

Будакен приказал шести скифам оседлать коней, взять оружие и следовать за ним, а остальным оставаться неотлучно около вьюков. Он скинул согдские шаровары и переоделся в скифскую одежду.

— Смотрите не отходите от коней, держите оружие около себя и не верьте ласковым словам согдаков! Одного воина я пришлю обратно, когда приеду ко дворцу, чтобы вы знали, чтó с нами случилось.

Будакен и шесть скифов выехали из рабата, а на ковре, обнявшись с пустым кувшином, лежал Асук и бормотал:

— Сагил Асук — умный человек: он и от Будакена получает хлеб, и товарищам поможет!..

Оставшиеся скифы сидели вокруг Асука и старались разузнать от него, что произошло в кочевье Будакена.

ГОВОРИТ ЦАРЬ ЦАРЕЙ

Потянулись узкие, кривые переулки, сбитые из глины глухие стены: за ними прятались дома, дворы и сады. Вся жизнь затаилась где-то там, внутри дворов.

Кругом ступенями, одна над другой, громоздились плоские крыши. На них женщины растягивали для сушки длинные белые и синие холсты. Смуглые полуголые дети влезли на заборы, бросали пращами глиняные пули и испуганно прятались.

Встречные согды в полосатых одеждах пробирались вдоль заборов и прижимались к стене, чтобы пропустить всадников, сверкающих оружием, яркими плащами, едущих на храпящих необычных конях.

В центре города на холме возвышалась мрачная пузатая башня. Перед ней была небольшая квадратная площадь, окруженная глухими стенами, за которыми виднелся бесконечный ряд плоских крыш, усеянных народом. Красные, оранжевые, зеленые с белым, полосатые одежды на женщинах и детях, которые держались отдельными группа-

ми. Мужчины, так же пестро одетые, сидели на стенах, и их желтые, синие и красные головные повязки казались большими цветами.

Посреди площади стоял каменный кубический жертвенник; над ним вился легкий дымок. Около жертвенника ходили два старика в белых длинных одеждах и веерами раздували тлеющие угли. Чтобы не оскорбить дыханием священного пламени, рот стариков был завязан квадратным лоскутом белой материи.

Вдоль одной стены выстроилась линия пеших согдских воинов, вдоль другой — всадники. Всего их около сотни. Все они были одеты по-разному. Одни в вязаных из веревок панцирях, другие — в кожаных. Лошади и большие, и мелкие, разных мастей.

Фейзавл со своими слугами вместе со скифами проехал вокруг площади и остановился под стеной башни.

— Князь Будакен, сейчас на этой площади ты увидишь моления и затем передвижения воинов!..

— Ты видишь, что здесь делается?— зашептал Будакену на ухо Хош.— Поедем обратно. Мы еще успеем пробиться к своим. Здесь сотня воинов! Нас зарежут и сожгут на этом камне.

Ворота в углу площади отворились, и пронзительно загудели трубы и засвистели флейты. Вышли парами восемь музыкантов. Впереди флейтисты, за ними барабанщики и сзади трубачи с длинными прямыми кожаными трубами, концы которых были протянуты над головами передних музыкантов. За ними показались в белых халатах несколько мальчиков-певчих. Дальше шел дряхлый старик в высокой шапке, закутанный в лиловый плащ. Два молодых жреца поддерживали старика под руки, а один шел сзади, держа конец просторного плаща. Вышли еще три пары жрецов в высоких колпаках и длинных широких накидках.

Вся процессия расположилась перед жертвенником. Музыканты замолкли. Певчие спели заунывную, тягучую песню. К жертвеннику подвели старого жреца, и он дрожащими руками вынул из подставленной ему корзины несколько веток и, прикрыв рот широким рукавом, чтобы не осквернить жертвенник своим дыханием, бросил ветки в огонь. Растения затрещали, заклубился душистый голубой дымок. Потом жрец вылил в огонь две чаши вина и масла, отчего большими языками вспыхнуло пламя. На всех крышах раздались громкие восклицания:

Агни[1] принял нашу жертву! Агни любит нас! Агни услышал наши молитвы!

Молодой жрец тонким голосом запел старинную песню из священной книги Заратустры[2]:

Звездное небо,
Моря пучины,
Звери и боги,
Дивы и люди —
Связаны все мы
Силой единой.

Вещее слово
Властно повсюду,
Слово сильней
Стрел и мечей.
Слушайтесь, звезды,
Слушайтесь, ветры,
Песни моей.

Силы, покорные
Знанью волшебному,
Звуки призывные,
Мчите вы ей...[3]

Пение жреца разносилось по всей площади, отдаваясь эхом в мрачной башне.

Старый жрец поднял восковые руки, и оба его служки поддерживали их, чтобы они не опускались. Перед стариком развернули длинный свиток пергамента. Все на площади затихли, чтобы лучше слышать дребезжащий старческий голос главного жреца.

— Слушайте царский указ! Слушайте, что говорит царь царей:

«Великий бог Ахурамазда, который создал эту землю, который создал это небо над нами и облака, плавающие наверху и не падающие на нас, который создал все питание и питье на пользу человека, этот великий бог Ахурамазда избрал новым царем Персии и всех земель, ей подвластных, Бесса, великолепного и достойнейшего, почитающего пресветлого бога, чтобы Бесс был молителем и ходатаем за других перед Ахурамаздой.

Отныне царь Бесс будет царем над царями, царем над всеми землями и всеми разноязычными народами и владыкой над счастливой нашей землей Сугудой и над далекими странами.

---

[1] Агни́ — бог огня.

[2] Заратустре приписывается создание древнейшей священной книги, называемой ныне «Зенд-Авеста».

[3] Перевод Д. Цертелева.

Отныне имя ему будет царь Артаксеркс.

Он из рода Ахеменидов, перс по роду, сын перса, ариец, арийского семени. И ныне всем объявляется воля царя Артаксеркса: так как бог Ахурамазда сделал Бесса-Артаксеркса царем царей, то приказывается всем народам подчиняться царю Артаксерксу и поминать его имя в молитвах и приносить ему дары ежегодно, как это делалось раньше, во имя царя царей Дараиавауша, Кодемана, сына Бистаспахия, душу которого великий Ахурамазда взял к себе для высшего суда.

И теперь Артаксеркс, царь царей, говорит: как раньше персидское копье далеко разнесло силу великого царя царей, покоряя всех его воле, бросая в пыль к ногам персов всех, кто им сопротивлялся, так и теперь, когда сын злого Аримана и змеи, двурогий явуна разбойник киликаса Искандер вторгся, как гантак-гад[1], в наши земли и во многих боях не мог разбить славные и могучие силы персов, а только гоняется, как бешеный волк, по персидской земле, то великий Ахурамазда пожелал отогнать двурогого Искандера от мирной и счастливой Сугуды, и он ушел в засыпанные снегом горы Хараивы[2], где он издохнет на камнях, как грязный шакал, изъеденный червями.

О люди! Артаксеркс, царь царей, говорит всем честным почитателям светлого бога: что ни случается на земле, все случается по воле Ахурамазды.

Ахурамазда помогает желающим исполнить его волю. Ахурамазда защищает всех почитающих его, и поэтому не смущайтесь тревожными слухами, ибо Ахурамазда, который создал великое царство Персидское, он же и сохранит его нетронутым и единым до пришествия Великого Суда.

О люди! Не идите против воли Ахурамазды! Не оставляйте прямого пути, не делайте зла никому! Почитайте Ахурамазду!»

Старый жрец опустил руки. Жрец, державший пергамент, тщательно свернул его, приложил ко лбу и спрятал в кожаную трубку, висевшую на ремешке у пояса. Старик сделал знак рукой, и шесть других жрецов стали вокруг жертвенника. Они склонились своими длинными колпаками к земле, пошептали молитвы, выпрямились и, закрыв ладонью рот, бросили на жертвенник горсти зерна и куски смолы. Огонь опять вспыхнул.

— Жертвы приятны богу Агни!— воскликнули шесть жрецов и подняли кверху руки. Правая рука была ладо-

---

[1] Гантáк-гад — злобный грабитель.

[2] Хараúва — Северный Афганистан.

нью кверху, как берущая, левая — ладонью вниз, как дающая.

Флейты заиграли нежный мотив, барабаны и бубны выбивали дробь в шесть тактов, жрецы стали кружиться, одновременно двигаясь вокруг жертвенника. Каждый из них делал круги различной величины, одни возле самого жертвенника, другие все более от него отдаляясь. От равномерного кружения их длинные одежды развевались колоколами, и в этих одинаковых позах с поднятыми руками жрецы казались большими пестрыми волчками.

Будакен услышал возле себя знакомый тихий голос:

— Это обозначает шесть планет на небе; они кружатся вокруг Земли: Луна, Нагид, Тир, Гормизд, Брагам и старый древний Кайван[1].

Будакен оглянулся. Возле него находился на своем сером коне Спитамен. Он смотрел прищуренными глазами на вертящихся жрецов, затем сделал рукой небрежный жест:

— Этими молитвами и верчением они думают остановить натиск двурогого зверя! А он ищет крови и с каждым днем все к нам ближе...

Будакен смерил Спитамена холодным взглядом. «Гадгантак!— прошептал он про себя.— Это ты сманил моих саков? Да я могу тебя раздавить двумя пальцами! Но ты мне еще нужен!» Он сдержал себя, его лицо оставалось непроницаемым.

Старый жрец воскликнул:

— Стой!

Танцевавшие жрецы мгновенно остановились. Служанки подняли старика и посадили на свои плечи. Прикрыв глаза рукой, он всматривался, где и как стояли кружившиеся жрецы. Затем его опустили на землю.

Старик стал громко и нараспев выкрикивать:

— Шесть планет созданы всеблагим Ахурамаздой. Они движутся по небу, не падая, по своим вечным путям, чтобы указывать людям волю великого бога, предсказывать будущее и предупреждать об опасностях. Большой враг сперва подошел совсем близко. Но расположение планет показало, что беда пролетает мимо и нас не коснется. О Сугуда! Ты прожила тысячу лет, счастливая и не тронутая врагами, и ты будешь жить дальше в мире, накапливая богатства благочестивых согдов. Слушай, Фейзавл, ты теперь заместитель Авшина Оксиарта, напиши

---

[1] Шесть планет — Луна, Венера, Меркурий, Юпитер, Марс, Сатурн.

царю царей Бессу-Артаксерксу, что мы молимся о нем днем и ночью, так что он может быть спокоен. Напиши также, что сочетание планет на небе и предсказание вертящихся планет на земле — все показывает, что двурогий зверь уходит все дальше в горы, оставив Сугуду в покое.

Фейзавл громко воскликнул:

— Да живет благополучно много лет наш царь Артаксеркс!

И все жрецы и воины на площади повторили этот крик.

Пешие и конные воины, старясь соблюдать порядок, повернулись, прошли мимо Фейзавла с криками «Слава царю царей!» и скрылись в воротах за башней.

Фейзавл тронул своего нарядного коня и подъехал к Будакену:

— Ты слышал указ высочайшего, премудрейшего Артаксеркса? Теперь Согдиана будет главной сатрапией всего великого Персидского царства, а Мараканда — его столицей. Бывший наш сатрап Бесс отсюда будет управлять всеми народами. Великая судьба выпадает теперь Согдиане, и если тебя помнит Артаксеркс, то он может облагодетельствовать тебя и одарить подарками.

Будакен пожал широкими плечами:

— Мы, кочевники, живем бедно, но свободно. У нас нет ни дворцов, ни запрятанных в них богатств. Поэтому нам незачем и бояться двурогого зверя. У нас крепкие мечи и хорошие кони. Мы можем и уйти от врага в глубину степей и встретить его так, как уже встречали царя царей Куруша.

Фейзавлу не понравился ответ Будакена, но персидская утонченная вежливость заставила его сдержаться и не показать своего неудовольствия.

— Я должен тебя покинуть, князь Будакен, мне нужно писать в Мараканду об этом важном предсказании нашего главного святого жреца. Тебя обратно в сад радости души проводят мои слуги.

— А княжна Рокшанек?— воскликнул возмущенно Будакен.— Ты же сказал, что она меня ждет и примет для беседы! Для этого я и приехал сюда. Зачем ты шутишь со мной?

— Ведь здесь сейчас ты был на ее приеме, чего же ты еще хочешь?— ответил с видом крайнего удивления Фейзавл.— Вот она там, на крыше.— И Фейзавл указал на крышу дома, с которой свешивались красные узорные ковры. Там сидела группа женщин в ярких цветных одеждах.— Вон там княжна Рокшанек. Она смотрела на праздник гадания шести планет и уже видела тебя и твоих воинов.

— Я не для того здесь, чтобы увидеть на крыше

покрывало княжны Рокшанек. Я хочу видеть ее и говорить с ней, и если ты этого не хочешь, то я сам пройду к ней в дом и разыщу ее!..

Будакен так настойчиво требовал свидания, что никакие уверения Фейзавла, что княжна устала, что она очень робка и боится вида воинов, не помогли. Фейзавл ударил плетью коня и подскакал к дому, где на крыше находилась Рокшанек. Через несколько мгновений на крыше поднялись переполох и беготня, и все женщины исчезли, оставив груды подушек.

Фейзавл вернулся к Будакену:

— Сейчас ты увидишь прекраснейший цветок Сугуды княжну Рокшанек. Теперь все они побежали переодеваться.

КНЯЖНА РОКШАНЕК

Всадники остановились около выбеленной глухой стены. Открылись ворота, пропустили Фейзавла и опять закрылись.

Скифы остались ждать снаружи. Казалось, дом замер, ни одного звука не доносилось изнутри.

Хош шептал Будакену:

— Зачем ты хочешь увидеть эту девушку? Она боится, она ничего не знает. Всем управляет этот толстый человек с привязанной бородой.

— Молчи, ты ничего не понимаешь.

— Но у тебя уже есть четыре дородных жены! Зачем тебе еще?— не унимался Хош.— Разве у тебя мало забот?

— Если я поехал в далекие страны,— объяснял Будакен,— то моя душа хочет все увидеть: как живут у себя дома согдские князья, какие у них ковры, как одеты их жены и дочери. Должен же я все это рассказать дома, когда благополучно вернусь в мои шатры и поочередно буду сидеть у моих жен. Если этот князь живет хорошо, то, может быть, и я у себя в степи построю такой же дворец и моих дочерей одену так же. Пусть кругом все в степи знают, что и князь Будакен живет не хуже, чем согдские богачи.

Хош стал причмокивать:

— Какая у тебя мудрая голова! Ляй-ляй, вай-вай! А я и не понимал, зачем ты все это делаешь. Думал, что ты хочешь опять жениться.

Ворота открылись. Показался Фейзавл:

— Войди, князь, и еще пусть войдет сюда один человек. Больше нельзя: женщины таких, как ты, очень боятся.

Скифы отказались войти во двор.

— Там нас задушат,— бормотали они.— И ты, князь Будакен, получишь удар кинжала сквозь шелковую занавеску. Вспомни песни Саксафара!

Если Будакен решал что-нибудь сделать, то никому не удавалось отговорить его. Он соскочил с коня, отдал копье Хошу, расправил плечи и затекшие ноги.

— Кто пойдет со мной?

— Если позволишь, я пойду.— Спитамен спрыгнул на землю.— Я же обещал проводить тебя до самых Суз. Вот мы и увидим согдианскую сус[1].

Остальные скифы решили ждать, а Будакен, согнувшись, шагнул в дверь вслед за Фейзавлом. За ним последовал Спитамен.

Посередине двора находился квадратный бассейн с водой, обложенный плитами, отшлифованными временем. По сторонам кудрявились клумбы с кустами темно-красных роз. Двор окружала галерея с тонкими деревянными колонками, покрытыми затейливой резьбой. Несколько сплетенных из синих ниток клеток с соловьями и красноглазыми перепелами висели под крышей.

Оба скифа, следуя за Фейзавлом, прошли в персиковый сад, окруженный высокой глиняной стеной. Под развесистыми карагачами показался небольшой дом, как будто сложенный из серых кубиков, приставленных друг к другу. Вместо крыши пузырился ряд небольших куполов.

Черные павлины, волоча длинные хвосты, бродили по дорожкам, перекликаясь резкими голосами. Две ручные антилопы с маленькими рожками паслись между деревьями. В дверях дома стоял, как будто не впуская, высокий толстый евнух с обвисшим, сморщенным, безволосым лицом. Фейзавл грубо оттолкнул его.

Из глубины сада понеслась ноющая песня, начатая высоким, тонким голосом. В стороне под тенистым деревом сидели несколько юношей в нарядных лиловых одеждах, подпоясанных шарфами, с пестрыми повязками на головах. За ухом у каждого был заткнут красный цветок. Они держали в руках лютни и сопровождали песню нежными аккордами.

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Над плоской крышей — желтый месяц.
Любимой тень увидел я,
Она смешалась с тенью лестниц,
Ступенек затемнив края.

---

[1] Сус — по-согдски: лилия.

Я люблю тебя, милая, за капризный обман!

О любимая! Померанец ты Курешаты!
Я себя приношу тебе в жертву.
В исступленной безумной пляске
Я верчусь подобно ветру.

Я люблю тебя, милая, за капризный обман!

Ты убила на крыше влюбленного,
Его кровью письмо написала,
И кровавая рана сияла
На письме из-под локона темного.

Я люблю тебя, милая, за капризный обман!

Я ушел с караваном, боялся тобой,
Нес тоску от долины к долине.
К плоской крыше стремились лучи золотой,
Драгоценной, небесной лилии...

Я люблю тебя, милая, за капризный обман![1]

Спитамен тронул за руку Будакена:

— Это все женихи! Времени у них много. Им не приходится ловить в степи диких коней.

Фейзавл ввел скифов в первую маленькую комнату. Слабый свет лился сверху, из купола, в котором было три круглых окна, закрытых узорчатыми решетками. Во всех отверстиях решеток просвечивали тонкие роговые пластинки.

Когда глаза привыкли к сумраку, можно было увидеть в стенах ниши, где стояли рядами медные и глиняные вазы, чашки и разноцветные стеклянные пузырьки.

Фейзавл, поднимая цветные занавески, повел гостей дальше, сквозь такие же небольшие комнаты, и привел в более просторную залу, верх которой состоял из четырех куполов с круглыми резными окнами. Все четыре купола опирались на одну резную колонну, стоящую посреди зала.

На полу лежали пестрые ковры. В стороне стояло одинокое пустое кресло с высокой, изукрашенной резьбой спинкой. Вдоль стены, тесно прижавшись, сидели около двадцати женщин в ярких пышных платьях.

Все женщины разом встали, приложили руку ко лбу и к груди и наклонились до земли, воскликнув по-согдски:

— Добро пожаловать!

— Процветайте! — ответил Будакен.

---

[1] Стихи А. Шапиро.

Платья зашуршали, и женщины опустились на ковер, но при каждом движении Будакена шевелились, приподнимались и вздрагивали, словно готовые убежать.

— Садись, достойный защитник справедливости! — прозвучал певучий женский голос.

Гости опустились на подушки.

Воцарилось молчание.

Будакен косился на пестрые, яркие одежды женщин, на их нарумяненные лица и не мог решить, которая же из них княжна — дочь правителя края.

В середине группы величественно восседала очень полная женщина, закутанная в прозрачный шелковый шарф. На голове в золотом венке дрожали на проволоках золотые бабочки. Будакен заметил тяжелые золотые серьги, ожерелье из цветных камней, множество золотых браслетов на полных руках и кольца на всех десяти пальцах.

Впереди на ковре сидели маленькие девочки, одетые в длинные платья, как у взрослых. Глаза их были обведены черной сурьмой, брови соединены в одну линию и лица так набелены и нарумянены, что все девочки были похожи одна на другую. Впереди детей сидел маленький толстый мальчик, украшенный ожерельем и золотыми побрякушками, пришитыми к одежде.

Он один смотрел в упор на Будакена и улыбался.

Все остальные сидели опустив глаза.

Фейзавл стал задавать вопросы вежливости:

— Каковы ваши благородные обстоятельства? Много ли у вас силы? Не мучает ли болезнь головы?

За всех отвечала полная женщина одной и той же фразой:

— По воле бога всемогущего и благодаря вашему вниманию, очень хорошо.

Фейзавл обратился шепотом к Будакену:

— Может быть, и ты, князь, хочешь что-нибудь спросить?

Будакен хотел ответить тоже шепотом, но его голос прогудел на всю залу:

— Кто эта одаренная полнотой красавица, сидящая посредине? Не она ли княжна, дочь правителя?

Все женщины зашептались, раздались удивленные восклицания и сдавленный смех.

— Эта женщина, украшенная столько же добродетелью, сколько и полнотой, жена правителя этого края. А дочь ее, княжна Рокшанек, еще не выходила.

Княгиня-мать, оправив платье и ожерелье на груди, зашептала на ухо мальчику:

— Княжич Гистан, пойди к Рокшанек и скажи, чтобы она вышла наконец. Этот храбрый скифский царь очень хочет ее видеть.

Мальчик засеменил зелеными сафьяновыми сапожками. Заколебалась шафранная, расшитая узорами занавеска, и из-за нее раздался недовольный голосок:

— И он тоже хочет меня видеть?

Мальчик, фыркнув в руку, вернулся, откидывая занавеску. За ней показалась худощавая девушка с бледным лицом. Она глядела вверх обведенными сурьмой продолговатыми глазами, не обращая ни на кого внимания. Две черных, с синим отливом, волнистых косы, сплетенные под ушами из нескольких маленьких косичек, падали на грудь, украшенную янтарными бусами. В длинной, до пят, малиновой с лиловыми полосами рубашке, с поднятыми горизонтально белыми руками, она двигалась по ковру такими осторожными шагами, точно старалась обойти невидимые хрупкие предметы.

Подойдя к большому резному креслу, усталым движением княжна ступила на скамеечку и опустилась на парчовую подушку, подобрав ноги в зеленых шелковых шароварах. На ее ногах блеснули тонкие золотые браслеты.

Рокшанек полуотвернулась от Будакена с таким видом, точно ей все надоело.

— А где же мой красавчик? — забеспокоилась она.— Приведите его сюда!

Из-за занавески вышла весело улыбавшаяся девочка эфиопка с курчавыми блестящими волосами, с полосатой повязкой вокруг бедер. В ноздре было продето медное кольцо с бирюзой.

Эфиопка держала на цепочке большую серую ящерицу-варана, которая то тянулась вперед, то отбегала в сторону.

— Дай ему мушку,— сказала Рокшанек.

Эфиопка вынула из плетеной корзинки зеленого кузнечика и пустила его на ковер.

Кузнечик скакнул, ящерица прыгнула и схватила кузнечика на лету.

— Я благодарю тебя за твой подарок,— загудел Будакен.

— Какой подарок? — протянула удивленно Рокшанек.— Разве я ему посылала подарок? — обратилась она к Фейзавлу.

— Когда я узнал о приезде храброго князя, я от твоего имени передал ему из твоего сада лучшую розу и спелый плод граната.

— И еще он мне прислал дыню,— добавил Будакен.

— Только одну дыню? — воскликнула Рокшанек.—

Разве можно такому большому человеку послать одну дыню? Фейзавл, ты бы послал ему верблюда, нагруженного дынями и гранатами.

Все женщины засмеялись, а мальчик, указывая пальцем на Будакена, сказал Фейзавлу:

— Он гораздо сильнее тебя.

Рокшанек равнодушно спросила:

— Правда ли, что у вас мужчины сами доят кобылиц?

— И вы едите лошадей? — добавила княгиня-мать.

— На наших конях мы мчимся по степи, они дают нам еду, и мы едим то, что мы любим.

— Водятся ли у вас на родине такие ящерицы? Убиваете ли вы их?

— У нас их много,— ответил Будакен.— Но их трогать нельзя: они наши друзья — ловят ядовитых змей.

— А у тебя есть такой дом, как этот? — лениво обратилась Рокшанек к молчаливому Спитамену.

— Мы, кочевники, имеем такие дома, чтобы их можно было увезти с собой на другое место.

— А почему? — Мысли Рокшанек были далеко, и она дразнила павлиньим пером ящерицу, шипевшую и раздувавшую горло...

— Наши кони и бараны любят новые места,— отвечал Спитамен.— Когда мы простоим целую зиму в одной долине, весна разогреет землю, зацветут красные маки, желтые тюльпаны и синие ирисы, потянутся на север перелетные птицы — тут у всех кочевников разгорается сердце, мы торопимся снять шатры и уходим далеко, на много дней пути, к берегу речки или к подножию горы, где из камней выбиваются чистые ключи. Там мы снова спешим поставить шатры и пустить наш скот на свежую, незатоптанную траву. И тогда наши быки и кони скоро делаются круглыми, с блестящей шерстью.

Рокшанек захлопала в ладоши:

— Вот это мне нравится! Мне скучно здесь, в этих стенах. Я хочу повидать мир, проехать по бесконечным дорогам, которые тянутся через всю вселенную. А они меня,— она показала на других женщин,— заставляют выйти замуж за одного из мальчиков, воющих в саду, чтобы он запер меня в своей башне и заставлял всю жизнь вышивать занавески.

— Почему же ты не уйдешь смотреть мир? — спросил Спитамен.

— Я? Уйти одной? А кто будет заплетать мои волосы? Кто будет растирать мое тело душистым маслом? Нет, я жду, что великий Ахурамазда услышит мои молитвы

и пришлет мне такого могущественного человека, который провезет меня через далекие страны до того места, где небо сходится с землей.

— Я знаю женщину,— сказал Спитамен,— она без могущественного человека, одна с ребенком прошла пешком через всю Персию, от Мараканды до Вавилона, чтобы разыскать своего мужа, проданного в рабство.

— Значит, она шла пешком, как нищая? — Губы Рокшанек скривились в усмешку.

— Да. Она раскаленным гвоздем сожгла себе лицо до пузырей, закуталась, как прокаженная, рваным покрывалом, чтобы ее никто не тронул в пути, и протянутая за милостыней рука прокормила и ее и ребенка.

— И что же, нашла она в Вавилоне мужа? — спросила одна из женщин.

— Да, она нашла мужа, помогла ему бежать, и они вместе вернулись в Мараканду. Это была моя мать.

— О, счастливая! — воскликнули женщины.

Но Рокшанек, пожав плечами, отвернулась от Спитамена и обратилась к Будакену:

— Почему ты так грустен?

— Мой сын ушел на войну по вызову царя царей и попал в плен, теперь он стал рабом.

— Мое сердце грустит о нем — я жалею его...

— Если бы мой сын был свободен,— сказал Будакен,— то он бы смог показать тебе полмира.

— Но я же не могу его долго ждать! Мне скучно в этом доме.

Фейзавл решил, что разговоров было достаточно, и шепнул Будакену:

— Не хотел ли ты сделать княжне подарок?

Будакен порылся за пазухой, вынул кожаную коробочку, искусно сплетенную из черных и красных ремешков, и передал ее Фейзавлу. Тот выдернул из-за пояса шелковый зеленый платок, положил на него коробочку, встал и, наклонившись с видом крайней почтительности, мелкими шажками подошел к Рокшанек. Опустившись на колени, он на вытянутых руках протянул ей подарок. Рокшанек, скривив недоверчиво губы, взяла коробочку концами тонких набеленных пальцев с накрашенными ногтями, раскрыла, посмотрела внутрь, опять закрыла и повертела в руках. Затем снова открыла и вынула оттуда золотое ожерелье, сделанное скифскими мастерами из тонких завитков проволоки, колечек и бляшек.

Она повернула ожерелье перед собой и нетерпеливо крикнула:

— Чего же вы ждете? Дайте же мне зеркало!

Эфиопка побежала за занавеску и принесла оттуда серебряное шлифованное зеркало с длинной ручкой и глиняную расписную чашу с водой. Рокшанек окунула зеркало[1] в воду и передала эфиопке, чтобы та держала его перед ней, сама же стала примерять золотое ожерелье.

— Очень хорошо! — восклицали все женщины.— Ты красавица! Ты можешь быть царицей у скифов!

— Конечно, могу,— ответила небрежно Рокшанек.— Все меня любят. Но если скифский царь умирает, то его жену сжигают вместе с покойником, поэтому мне не очень хочется быть скифской царицей...— И воркующим голосом она обратилась к Будакену:— Я буду ждать полгода; если твой сын за это время вернется, то пусть приедет сюда, ко мне. Я посмотрю на него и тогда скажу, кто лучше: ты или он.

Она подняла тонкие руки и, звеня браслетами, осторожно раскачивающейся походкой вышла и скрылась за занавеской. За ней проскользнула эфиопка с ящерицей. Все молча глядели ей вслед, а из сада доносился вопль песен женихов.

Фейзавл осторожно поднялся. Будакен посмотрел на него, грузно встал, широко расставил ноги.

Все женщины вскочили и хором прокричали:

— Да хранит вас всевидящий!

— Процветайте! — ответили уходившие.

Они прошли сквозь пропитанные запахом гвоздики и мускуса маленькие комнаты и вышли во двор. Яркий свет солнца ослепил их. Скифы, сидевшие в тени за воротами, вскочили и подвели Будакену коня. Они тронулись и вереницей въехали в узкий глухой переулок.

Хош стал расспрашивать Спитамена:

— Правда ли, что княжна Рокшанек самая красивая и умная девушка в Сугуде?

Спитамен подумал и ответил:

— В сказках всегда рассказывается, что жена или дочь царя прекраснее и умнее всех. О том, что Рокшанек прекрасна, поют все юноши, которые хотят сразу попасть в райский сад, сделавшись зятем князя Оксиарта. Но едва ли Рокшанек сумеет растереть три зерна пшеницы в муку и едва ли знает, как надо доить козу!

Хош вздохнул:

---

[1] В то время стеклянные зеркала не были известны, употреблялись шлифованные металлические зеркала, которые приходилось окунать в воду, прежде чем в них глядеться.

— Это надо знать нашим женщинам, женам бедняков, а ведь она княжна! Разве княжны должны работать?

Спитамен посмотрел на Хоша и процедил:

— Ты блюдолиз, все шепчешь на ухо своему князю. Вот и шепни ему, чтобы он отрезал твой потрепанный язык...

* * *

Когда скифы вереницей подъезжали к торговому двору, Спитамен остановил Будакена, указав на двух вооруженных согдов, удерживавших рвавшегося и громко стонавшего человека. Лицо его было залито кровью. Сквозь нос была продета кость, и к ней привязан конец веревки. Руки были скручены за спиной. При каждом движении веревки он вскрикивал.

— Наверное, большой преступник? — спросил Будакен.

— Левша-Шеппе! Из-за тебя погибаю, спаси меня! — кричал человек.

— Кукей-чулочник! Что с тобой сделали? — воскликнул Спитамен.

Он бросился вперед, стал наотмашь бить плетью, и оба согда, державшие Кукея, отбежали. Спитамен спрыгнул с коня, ножом перерезал веревки.

— Не выдергивай кости из носа,— стонал Кукей.— Кровь опять польется! — Кукей вцепился в повод коня Спитамена.— Теперь я не уйду от тебя, я буду с вами, иначе меня казнят!

— Кукей, хотя ты теперь и без носа, но можно жить и без этого — подумаешь, какое горе! — успокаивали скифы Кукея.— Ты будешь с нами, и никто тебя не тронет! — И они под руки увели плачущего Кукея внутрь двора.

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МИЛАЯ!..»

Когда гости из сакских степей ушли, Рокшанек вернулась обратно в большую комнату. Прижав ладони к вискам, она вздрагивала и покачивалась, готовая упасть.

Все женщины, сидя тесным кольцом, щебетали, обмениваясь своими наблюдениями:

— Этот толстый скиф совсем не умеет себя держать как князь — размахивает руками и скребет за ухом.

— Но у него лошадей больше, чем жителей в нашем городе!

— Как замечательно ходила наша Рокшанек — совсем как царица! Она рождена стать царицей!..

— Если бы Рокшанек вышла за этого князя замуж, она бы стала царицей всех скифов и носила бы красную царскую одежду с золотой бахромой.

Рокшанек простонала:

— Перестаньте кудахтать! Разве вы не видите, что я умираю!

Княгиня-мать и другие женщины вскочили, испуганные, и подхватили княжну.

— Что с тобой, милая? — шептала мать.— Этот молодой скиф смотрел очень злобно; не испортил ли тебя его дурной глаз? Может быть, то ожерелье, которое подарил тебе «полтора человека», было заговоренное и принесло тебе болезнь? Ведь скифы не любят нас, согдов.

Но Рокшанек нетерпеливо отмахивалась тонкой рукой, и браслеты раздраженно звенели.

— Нет, нет! Совсем не то!

— Так что же? Скажи, моя душа!

— Ничего вы не видите и не понимаете: от этих диких людей пахло так ужасно, как от табуна диких лошадей!

Все женщины переглянулись и всплеснули руками:

— Вот это настоящая княжна! Как она страдает от того, чего мы даже и не заметили! Но они уже ушли, почему же ты страдаешь?

— Разве вы не чувствуете, что после них в доме осталось невыносимо кислое облако? Дайте мускуса и розовой воды! Сделайте же что-нибудь, а то я задохнусь!

Все забегали. Принесли жаровню с горячими углями. Закурились голубые дымки от тлеющих ароматных корешков. Мать с молитвой бросала на угли сушеные стебли васильков и порошок шафрана. Служанки обрызгивали комнату розовой водой. Все бережно перевели Рокшанек в ее комнату и уложили на мягких подушках. Она стонала, закатывая глаза. Маленькая эфиопка обмахивала ее опахалом. Даже любимая ящерица раздражала Рокшанек, и ящерицу унесли.

Княгиня выслала всех женщин и тихонько ушла, оставив на ковре около Рокшанек блюдо с виноградом и медовым печеньем. Эфиопка заперла за княгиней дверь на задвижку и вернулась к Рокшанек.

— Все ли ушли? — простонала девушка.— Как они меня мучают женихами, гостями и заботами! Ты будешь сидеть у двери и слушать. Если постучат, скажи, что княжна очень больна и не позволяет ее беспокоить.

Эфиопка со страхом взглянула на больную и скрылась за ковровой занавеской на двери.

Тогда Рокшанек вскочила и бесшумно, как кошка, прошла по комнате. Из-под ковра она вытащила сверток, сняла со стены маленький кинжал и засунула его за шелковый пояс, по приставной лестнице легко поднялась к потолку и сквозь квадрат, светившийся синим небом и звездами, вышла на крышу.

Город гудел тихим ропотом теплой засыпающей ночи. Певуче перекликались ручные перепела. Издалека неслись затейливые переливы песни, сменяясь мягким перебором струн. С полей прилетали взрывы мрачных воплей подбиравшихся к домам шакалов и разом обрывались.

При сиянии больших оранжевых звезд голубое платье Рокшанек светилось в темноте. Она подошла к краю крыши и смотрела вдаль, на рассыпанные по равнине потухающие огоньки домов. За ними в небе четко вырисовывались угловатые линии горных хребтов.

Она взглянула вниз, в сад, где темнели гранатовые кусты и тянулись ряды молодых персиковых деревьев.

В кустах засвистел кузнечик. Рокшанек развернула сверток и осторожно спустила с крыши шелковую лестницу, зацепив ее за деревянный выступ стены. Неясная тень проскользнула на крышу и, как дуновение ветра, приблизилась к Рокшанек.

— Это я, Фирак, раненный стрелой из лука бровей твоих! Три дня и три ночи я умирал в страданиях, не видя на стене твоего красного покрывала. Теперь я здесь, милая! Я пришел по твоему зову и готов умереть для тебя.

Трепетная рука коснулась плеча Рокшанек, и ее ожерелье зазвенело.

— Иди сюда, Фирак. Мы останемся здесь под алмазными звездами, и ты будешь мне много говорить. Сегодня я хочу слушать тебя... Говори мне про далекие страны. Я хочу увидеть шумные города, синие моря с краснокрылыми кораблями...

— Я не князь,— шептал юноша,— у меня нет богатств, я только бедный певец, но я умею петь, и люди любят слушать мои песни. Эти песни прокормят и меня и тебя. Бежим отсюда, уедем в далекую страну. Там я буду петь про твои лучистые глаза, про твою нежную тень, про звон твоих браслетов, когда ты идешь, легкая, как пантера. Люди будут бросать мне тяжелые серебряные монеты и блестящие золотые дарики[1].

— Я не могу бежать с тобой. Я не могу идти по пыльной дороге, одетая в рубище нищей. Но я не хочу

[1] Да́рик — персидская монета.

жить и без твоих песен. Отец сказал, что отвезет меня в Мараканду, где новый царь царей ищет невесту. Он говорит, что если я буду умна и хитра, то сумею стать царицей Персии. Ты знаешь, как строг мой отец, и, если я не исполню его воли, он прикажет бросить меня в Башню молчания[1]. Так жить я больше не могу... Но что это? Концы моих пальцев чувствуют у тебя на глазах слезы. Ты не огорчайся, я не забуду о тебе и возьму тебя с собой; ты будешь петь при княжеском дворе, и, когда я позову тебя, ты будешь петь песни о райских садах, к которым стремятся и не могут дойти караваны...

— Умрем вместе — и мы улетим на крыльях вечного сна в чудесные сады!

Громкий стук в ворота и крики заставили встрепенуться Рокшанек. Она вырвалась из объятий юноши и подбежала к краю крыши. По дорожке сада шли люди с оранжевым фонарем.

— Это отец! Я узнаю его голос. Он неожиданно вернулся! Что делать? Он идет сюда. Если он нас увидит, то барабаны моего позора покатятся отсюда и загремят по всем базарам.

— Умрем вместе сейчас!..

— О мой драгоценный Фирак! Да, умрем! Вот мой кинжал!

Юноша приставил конец кинжала к груди и бросился на него.

— Я люблю тебя, милая!..— прошептали немеющие уста.

Рокшанек наклонилась над юношей и прислушалась.

— Что мне делать? Как спастись? Как страшно умирать! Зачем он это сделал?

Голоса в саду обошли дом и потом донеслись снизу, из внутренних комнат.

Рокшанек ждала, обессилев, не зная, что делать... Заскрипела лесенка из ее комнаты, и в квадратном отверстии крыши показалось освещенное фонарем лицо князя Оксиарта, его длинный сухой нос, курчавая борода и войлочный колпак, из-под которого выбивались длинные волосы. Оксиарт весело улыбался. За ним влез на крышу угрюмый старый евнух Фанфал.

— Ты здесь, Рокшанек? Ты ходишь, не боясь дивов или

---

[1] Башня молчания — место погребения, куда складывались тела умерших, чтобы их расклевали хищные птицы. Остатки таких башен еще сохранились в разных местах Ирана и Узбекской ССР (к северу от Ходжента, в Могульских горах).

опасного болезнями ночного ветра? Значит, ты уже не больна? Сама ты виновата — зачем принимала этих степных разбойников саков. Я разрубил бы их на мелкие куски и бросил гиенам. Подумай, этот князь Будакен держал меня, как простого пленника. Только его зять, князь Гелон, дал мне лошадей и проводника и отпустил на свободу. За это я ему обещал прислать старого вина, золота и невольниц... Но что с тобой?.. Твое лицо бледно... Откуда кровь на твоих руках и одежде?..

Опустив глаза, Рокшанек отвечала с трудом:

— Сюда на крышу влез неизвестный разбойник и набросился на меня. Я — дочь воина и ударила его кинжалом. Он упал...

Рокшанек зашаталась и бессильно опустилась на ковер. Оксиарт растерянно посмотрел на дочь, затем на евнуха. Тот невозмутимо поднял кверху указательный палец:

— Тише!

— Фанфал, негодный баран! Я тебе отрублю голову!

— Не за что!

— Почему ты недосмотрел? Что ты делал?

— Я исполнял приказание княжны Рокшанек и наблюдал, чтобы все женщины в доме не ходили, не пели и не говорили,— у нее болела ее мудрая голова.

— Но ты забыл мое приказание — охранять дом!

— Нет, я был также в саду и там слушал пение кузнечика.

— И видел что-нибудь?

— Видел, как кузнечик влез на крышу.

— И ты ничего не сделал, чтобы схватить его?

— Я услышал топот лошадиных копыт, побежал тебе навстречу и привел тебя сюда, на крышу. Вот лежит этот разбойник... Да ведь это наш беззаботный певец Фирак! Тише, господин!

— Как ты можешь говорить «тише»? Надо позвать слуг, отнести презренное тело на площадь и там рассечь на части, чтобы устрашить других!

— Нет, господин! Не так надо сделать. Злые языки любят чернить самое достойное. Поэтому надо взять верного слугу и отнести тело этого кузнечика в Башню молчания. Туда надо войти втроем, а назад выйти одному.

— Ты мне предан, Фанфал. Я этого не забуду! Когда все заснут, ты сделаешь это. А сейчас позови только основу добродетели, княгиню-мать! Надо помочь бедной княжне. Она нездорова. Мы должны охранять ее.

В БАШНЕ МОЛЧАНИЯ

Подъехав к воротам постоялого двора, Будакен придержал коня и подозвал Хоша.

— Прикажешь зажарить тебе барана? Или сварить в молоке ягненка? — подобострастно заглядывая в глаза спрашивал Будакена старый слуга.

— А как ты думаешь, что будет лучше? — обратился князь к Спитамену.

— Самое лучшее — сейчас же вьючить коней и уезжать! — отвечал шепотом охотник.— Стены надвигаются на нас, и за этими стенами шуршит измена.

— Да будет так! — ответил Будакен.

— Но теперь поздно,— вмешался Хош,— подняты шлюзы, и по канавам вода пущена на поля. Мы не найдем брода, кони увязнут в намокшей земле.

— Мы сейчас едем, поторопи молодцов! — проворчал Будакен.

— Твоя воля — тетива для стрелы! — Хош поклонился и коснулся ноги Будакена. Он глазами подмигнул в сторону Спитамена и шепнул: — Не верь ему.

— Делай свое дело! — рявкнул Будакен.

— Делаю, делаю! — забормотал Хош и проехал в ворота.

* * *

Верхушка сторожевой башни еще горела в последних красных лучах заходящего солнца, в переулках протянулись лиловые тени, когда скифы гуськом пробирались задворками, через проломы стен. Они выехали из города сквозь задние ворота, ведущие к Шур-Бельским горам. Асук был привязан к спине лошади, он был так пьян, что ничего не понимал и твердил одно:

— Асук — умный человек, он умнее самого Будакена!

Коня вел за повод сторож Кукей. Боясь быть узнанным слугами Фейзавла, он обернул себе лицо синей тряпкой и закутался в скифский плащ.

Два сторожа, сидевшие близ ворот, смотрели, разинув рты, на проезжавших скифов, на их необычные пестрые одежды и мохнатых коней. Сторожа долго спорили о том, нужно ли пойти к начальнику и донести об уехавших иноземцах. Наконец они решили, что попозже, когда ворота закроются, они пойдут на базар, в винную лавку, и там расспросят постоянных посетителей, что за странные гости проехали через город.

Скифы подымались по пустынной дороге в сторону гор. Когда скалистые хребты загородили багровое небо, Спитамен дал знак остановиться. Впереди расстилалось большое поле с зелеными кустами хлопчатника, залитое водой. Несколько черных от загара и грязи крестьян, едва прикрытых рваными тряпками, ходили около канав с длинными шестами и направляли по полям потоки воды. В тихом вечернем воздухе ясно доносились их крики.

Здесь скифы сняли вьюки и стреножили коней. Поляна, на которой они находились, заросла репейником и травой.

В стороне виднелась низкая и широкая башня без крыши. Возле нее прилепился глинобитный домик.

Скифы развели три костра и, воткнув в землю пики, улеглись звездой вокруг огней.

— Что это за башня? — расспрашивал Будакен.

Спитамен поморщился:

— Это Башня молчания, там собаки объедают покойников. Ты, князь, умирай где-нибудь подальше — здесь плохо умирать.

— Зачем же этих собак не передавят?

— Что ты! Это священные собаки. Кто их тронет, того убьют. А в этом домике около башни живут особые святые старики, сперва они помолятся над покойником, а потом отдают труп собакам.

— О великий Папай! — воскликнул Будакен и плюнул назад через левое плечо.— Я хочу умереть в поле, в битве, чтобы в последний раз увидеть Железный гвоздь[1] на небе, слышать свист ветра и чувствовать запах лошадиного косяка. А здесь лучше совсем не умирать, а скитаться, как последний нищий. А все-таки надо бы рассказать в степи, как согдские собаки объедают покойников. Князь Тамир, наверное, этого не видел. Нельзя ли сходить туда, в башню, посмотреть?

Взошла луна. Скифы дремали, пригретые огнем костров. Будакен и Хош направились к Башне молчания; впереди Спитамен отыскивал дорогу межами среди залитых квадратов полей. Они шли по краю канавки, где быстро струилась вода, перепрыгивали через запруды. Голубой лунный свет заливал тихую равнину, по голым пустырям скользили бесшумные тени волков и шакалов. Широкая башня одиноко чернела впереди. В пристройке мерцал огонек. Когда скифы приблизились, они услышали глухое ворчание, визг и вой, на который откликались в оврагах

---

[1] Железный гвоздь — Полярная звезда.

сотни голосов невидимых шакалов. С одной стороны к верхушке башни вела узкая каменная лестница. Спитамен стал бесшумно подыматься по громадным ступеням, высеченным из цельных камней. На верху башни раздался шорох, большие черные тени замахали широкими крыльями и, взлетев, закружились над головами скифов.

Будакен выхватил меч; Хош уселся на ступеньке и умолял не идти дальше.

— Это дивы и пэри слетаются сюда по ночам, чтобы попугать мертвецов. Они выпьют нашу кровь и разорвут нас на куски.

— Это голошеие орлы-стервятники! — сказал Спитамен.— Смотри, Хош, чтобы они не унесли тебя на вершину горы. Они любят таких откормленных, как ты.

С верхушки лестницы можно было смотреть внутрь башни. Лунные голубые лучи ярко освещали часть внутренней площадки. Белели груды человеческих костей. Большие черные длинношерстные собаки бродили и дрались, вырывая друг у друга кости. Почуя присутствие посторонних, собаки прекратили возню, сбежались в кучу и начали лаять.

— Собаки просят, чтобы им дали есть! — сказал Спитамен.— Придя сюда, родственники покойников смотрят на собак сверху и бросают им еду.

— Какой шум, какой собачий базар! — плевался Будакен.— Идем скорей отсюда!

Вдруг собаки замолкли и отбежали в сторону. Внизу стукнула дверь. Показался старик в белой одежде и в белом колпаке. В одной руке он держал фонарь, в другой — длинную палку с трезубцем на конце.

— Спрячься! — шепнул Спитамен.— Сейчас ты увидишь то, что не всякому удается посмотреть.

Все трое припали к стене, продолжая наблюдать.

За стариком вошли два человека с носилками на плечах. Один из несших был большой пухлый безбородый человек. Другой — полуголый раб. На носилках лежало тело, перевитое веревками. В лунном свете отчетливо было видно лицо юноши с закрытыми глазами, бледное, как снег. Носилки поставили одним концом на землю, другим прислонили к стене, так что юноша оказался в стоячем положении.

Старик в колпаке распоряжался и объяснял:

— Покойник должен быть обращен лицом к востоку, чтобы встретить восход солнца. Его душа будет оставаться здесь, пока священные собаки не объедят все мясо. Тогда душа улетит на мост Чинвад и там будет ждать разрешения

пройти по доске, тонкой, как острие ножа. Если душа была праведна, то счастливо пройдет по доске, если же в жизни сделала много зла, то оборвется и упадет в зеленое топкое болото, где пэри ее будут мучить и жечь на вечном огне.

Старик стал бормотать и петь молитвы, простирая руки к луне. Пухлый безбородый человек отошел назад, вытащил веревку и сзади стал подбираться к рабу. Петля упала на голову раба, и он опрокинулся назад, но тотчас же стал яростно защищаться и оба упали на землю. Собаки подняли лай, а старик старался ударить трезубцем боровшегося раба.

— Безумец, что ты хочешь сделать? — прошипел Будакен.

Спитамен вскочил на стену, уцепился за край руками и спрыгнул вниз.

— Я пэри этого места! — зарычал он хриплым голосом.— Кто осмелился нарушить священный покой мертвецов?

Спитамен поднял берцовую кость и начал колотить ею толстяка и старика. С диким воплем они бросились прочь и выбежали из башни. Дверь оставалась открытой.

Перепуганные, взъерошенные священные собаки, прыгая друг через друга, с визгом бросились в нее и исчезли из башни.

Спитамен нагнулся к лежащему рабу и распустил узел, затянувший его шею. Тот поднялся, полуоглушенный, и попятился, со страхом глядя на Спитамена:

— Если ты пэри этого места, не убивай бедного раба! Я никому не сделал зла.

— Я такой же пэри, как ты! — ответил Спитамен.— Кто твой хозяин?

— Мой господин — князь Оксиарт, владетель этого города. Он внезапно приехал сегодня вечером и приказал отнести этого мертвеца сюда, в Башню молчания.

— А кто был с тобой?

— Главный евнух Фанфал. Я не знаю, за что он начал душить меня. Я усердный раб господина моего.

— Но ты узнал больше, чем хотел твой господин, и в этом твоя вина.

Спитамен повернулся к покойнику. Юное лицо сохраняло нежные черты, не тронутые смертью. Глаза были закрыты. Спитамен прижал ухо к сердцу и долго слушал. Потом отцепил от пояса маленькую тыкву и влил в губы юноше несколько капель. Веки дрогнули, и уста прошептали:

— Я люблю тебя, милая, за капризный обман!..

— Э, да тут опять замешана эта тонкая ящерица. Она отправила его на мост Чинвад, а он все еще не может забыть ее! Я вылечу тебя от такой болезни!

Выхватив нож, Спитамен перерезал веревки. Маленький кинжал выпал к его ногам. Спитамен поднял его, осмотрел и засунул за голенище.

— Послушай ты, неразумный раб господина твоего!.. Если тигр сделал неудачный прыжок и промахнулся, то он сделает второй прыжок, чтобы прикончить свою жертву. Тебе, бедняга, не будет житья у князя Оксиарта: он все равно тебя убьет. Уходи сейчас со мной. И помоги мне взвалить этого молодца на спину.

Спитамен подхватил юношу и сквозь маленькую дверь вышел из башни. Будакен и Хош ждали внизу.

— Что здесь случилось?

— Князь Оксиарт внезапно вернулся из степи и хотел двоих отправить на мост Чинвад. Мы должны ехать дальше, чтобы скорее выбраться из этой земли. А вот это тебе, князь Будакен, новый верный слуга. Он будет смотреть за твоими конями. Мальчик, лежащий у меня на спине, умирает, потому что коснулся ядовитых уст княжны со змеиными глазами. Он поедет на моем коне, если ты позволишь, а я пойду рядом. Это один из тех чудаков-красавцев, которые в саду пели песни в честь княжны Рокшанек...

— Пускай едет!— сказал Будакен.— Хватит и пшена и хлеба. А когда он выздоровеет, то я возьму его к себе в степь — пусть поет песни моим гостям и воспевает красоту моих дочерей.

* * *

Когда все вернулись к кострам, Спитамен уложил юношу и долго с ним возился. Он осмотрел и обмыл грудь, засыпал рану темным смолистым порошком мумиё и перевязал тряпками.

Юноша что-то бормотал и вскрикивал, но не приходил в сознание. Спитамен посидел около него, пока тот не затих. Все скифы спали. Будакен, подложив ладонь под щеку, лежал на попоне. Его глаза то открывались и следили за огоньками костра, то опять слипались. Спитамен встал и подошел к рабу. Раб сидел у костра, обняв руками колени, и боязливо поглядывал на скифов. Спитамен толкнул его в плечо и сделал знак следовать за ним. Он нагнулся над одним из лежавших, который тихо и непрерывно стонал, приподнял его и шепнул несколько слов. Все

трое отошли в поле, и, когда за кустами репейника скрылись огни костра, они уселись тесным кружком, прикоснувши ладонь к ладони, и переплели пальцы. В таком положении они приблизили головы.

— У тебя, Кукей, нос пробит верблюжьим гвоздем, тебе житья не будет за то, что ты убежал из города; а ты, покорный раб, можешь снова попасть в петлю князя Оксиарта. Теперь вам одно спасение: уходить в горы. Здесь, в этом ущелье, на берегу реки живет моя сестра — Улыбка Месяца. Туда вы отправите этого молодого дрозда, который пищал свои песни, пока не попал под княжеский нож. Моя сестра его вылечит горными травами, и если он не захочет навсегда замолкнуть, то тоже уйдет дальше, к вольным горцам. Сестра укажет вам тропу, которой вы придете в горы к кузнецам; они льют железо и куют стальные мечи; им всегда нужны работники, и они вас прокормят. Если же вам и там будет плохо, то вы сможете уйти еще дальше, за великую реку Окс.

Все трое обнялись, договорились, где снова встретиться, затем все разом подняли руки к небу, прошептав молитвы, и тихо вернулись к кострам. Осторожно взвалили они раненого юношу на коня, перевязали волосяными веревками и бесшумно скрылись в темноте.

* * *

Когда восток стал белёсым, Будакен вскочил и крикнул:

— Готовить коней!

Спитамен сидел около костра, подкладывая в огонь репейник. Он растолкал крепко спавших скифов.

— А где же раненый? Где раб, где сторож с пробитым носом?— удивлялся Будакен.

— Они бежали, князь,— отвечал Спитамен.— Какая тебе польза от них, когда их уже нет?

Всадники навьючили лошадей и в предутренних сумерках потянулись верхней дорогой, изгибавшейся у подножия гор, направляясь к Мараканде.

«СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА»

Три дня ехали всадники пустынной тропой, избегая главного торгового пути. От времени до времени вдали в тумане показывались высокие стены то одного, то другого из семи городов, выстроенных против набегов кочевников пустыни.

Вдоль дорог тянулись старые тутовые деревья, покрытые белыми сладкими ягодами. От деревьев падала на дорогу непроницаемая тень... От легкого сотрясения с низко свесившихся ветвей градом сыпались тутовые ягоды на пыльную дорогу.

По всей равнине рассыпались богатые усадьбы согдских князей. Высокие глиняные зубчатые стены окружали постройки. Вдоль стен поднимались стройные тополя. Сквозь раскрытые ворота усадеб виднелись квадратные пруды, обсаженные кустами роз. Над ними простирали ветви величественные карагачи, громадными шапками поднимающиеся к небу. Около прудов на ровных приподнятых площадках, покрытых коврами и войлоками, лежали пестрыми цветниками группы женщин и детей. Они пели, смеялись, плясали, ударяя в бубны. Все они удивленно вскрикивали и замолкали, когда сквозь раскрытые ворота замечали вереницу скифов в черных башлыках, вооруженных тонкими пиками. Иногда по дороге встречались согдские князья, окруженные пышной свитой. Около князей ехали верховые, держа на кожаных рукавицах соколов и беркутов с надвинутыми на глаза птиц колпачками. Впереди бежали своры борзых собак, белых и желтых, с поджарыми животами и мохнатыми хвостами. Князья в нарядных одеждах, с позолоченным оружием гарцевали на горячих аргамаках, украшенных пучками перьев между ушами. Кони были покрыты серебряными или золотыми сетками и сияли, как пламя.

Среди полей возвышались насыпанные курганы. Возле них лепились жалкие хижины крестьян, сложенные из глины и хвороста. Там работали обожженные солнцем крестьяне, едва прикрытые лоскутами дерюги. Голые бронзовые тонконогие дети с большими животами, с несколькими косичками, торчащими в разных местах головы, барахтались в пыли и, увидав путников, карабкались на заборы и кричали оттуда.

Две ночи скифы разбивали стоянки вдали от селений, на холмах. Уже проехав Зар-Гар и Дарвас-Кам, они переправились через множество каналов реки Санзар. Наконец спустились в долину реки Золотоносной[1] и увидели вдали бесчисленные дома и сады блистательной Мараканды, столицы согдов.

---

[1] Золотоносной рекой в древности называли реку Зарафша́н.

Казалось, этот город не имел ни начала ни конца. К городу тянулись со всех сторон бесконечные сады. Между деревьями прятались плоские крыши домов, и среди этого сплошного сада возвышались высокие глиняные стены с зубчатыми башнями.

— В этой крепости живет правитель Сугуды сатрап Бесс — новый царь царей,— сказал Спитамен.— Там у него сложено запасов хлеба на пять лет. На конном дворе прикованы цепями тысяча лучших жеребцов, а в домах, окруженных розами и персиками, тоскуют триста шестьдесят пять жен — столько, сколько дней в году. Согдские князья живут весело и горя не знают, не правда ли?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГРОЗА С ЗАПАДА

...И там, где был город, поселятся пеликан и еж, и станут развалины логовищем зверей, и путник, проходя мимо, посвищет и не остановится.

(Из восточной летописи)

В СОГДСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Фирак лежал на камышовой циновке. Глаза равнодушно смотрели на закоптелый потолок, сложенный из жердей, переплетенных хворостом. Внимание Фирака привлекал большой желтый паук, который то пробегал по жерди, то так же быстро возвращался обратно и останавливался, подняв две передние мохнатые лапки.

На другом конце жерди из трещины в стене показывался второй желтый паук, осторожно пробирался до середины жерди и быстро убегал назад.

Все тело Фирака затекло и ныло, при каждой попытке пошевельнуться его пронизывала острая боль в груди. Кто-то тонко пропищал, затем послышались равномерный стук и поскрипывание. Фирак приподнял голову и в ногах у себя увидел неподвижно сидевшую женщину. Ее пальцы сучили белую нитку, на конце которой, подпрыгивая, крутилось веретено: другой рукой она выдергивала шерсть из прялки. Лицо ее, смуглое, загорелое, изборожденное резкими морщинами, говорило о тяжелой работе в поле. На голове белый платок, конец его прикрывал шею и подбородок.

Опять раздался писк, и рука, оставив нитку, толкнула детскую люльку, расписанную яркими цветами; люлька, качаясь, поскрипывала.

— Пить! — прошептал Фирак, и свой голос показался ему чужим, хриплым и далеким.

Женщина подняла глиняную миску, обмакнула в нее морщинистый мизинец и провела по воспаленным, сухим губам юноши. Она окунула палец в молоко и кормила его с пальца, привычным жестом, как ягненка, потерявшего матку. Жесткий, воспаленный рот Фирака стал влажным.

— Где я?

— Не спрашивай, не говори, чтобы див болезни не вернулся и не задушил тебя. Не двигайся, а то опять кровь пойдет.

Фирак чувствовал теплое сладковатое молоко, и ему казалось, что он только что родился, что прошлого нет и не было. Он не мог вспомнить, что было раньше, до того, как он попал сюда, в эту закоптелую хижину. Он казался себе маленьким ребенком, а эта женщина — всемогущей, всесильной, как мать: она может спасти его, слабого, только что рожденного.

— Пить! — опять помимо воли прошептали его губы.

— Довольно! — отвечала женщина, крутя нитку.— Надо оставить и моему ребенку.

Фирак опять забылся. Когда он очнулся, то не мог сообразить, сколько времени прошло. Женщины не было, ребенок не пищал, люлька неподвижно застыла. На жерди два ядовитых паука сидели один против другого и угрожающе шевелили поднятыми передними лапками. Солнечный луч, проникнув из квадратного отверстия под потолком, прорезывал всю хижину. Яркое оранжевое пятно горело на стене. В луче светились плывшие пылинки.

Фирак чувствовал себя бодрее, силы прибывали. Но сильно болело в груди. Он выше приподнял голову и осмотрелся. По сторонам широкие глинобитные нары. Между ними узкий проход. В конце его очаг в стене; по бокам очага вылеплены из глины колосья пшеницы и птичка, клюющая зерно[1]. Груда углей, засыпанных золой, и над ними голубой дымок, вьющийся к закоптелому выходу на потолке. На нарах потрепанные камышовые циновки и стертые обрывки ковров.

Фирак не понимал, почему он прикрыт бурым крестьянским плащом, а его ноги — в пестрых шерстяных чулках: ведь раньше он был одет как-то по-иному, по-городскому,— в зеленых туфлях и полосатых шароварах.

За спиной раздался стук. В отверстие грубо сколоченной двери просунулась стариковская корявая рука и долго возилась с засовом, стараясь открыть дверь; потом все затихло.

Фирак лежал, наблюдая за солнечным пятном на стене, которое медленно подвигалось, осветив глубокую трещину, из которой серая мышь высовывала мордочку. Под лучом ярко забелела на стене грубая холщовая рубаха, обшитая красной каймой, и заблестел изогнутый бронзовый серп,

---

[1] Обычный рисунок на очагах огнепоклонников.

подвешенный на деревянном гвозде рядом с пучком высохшей полыни.

— Дружок! — раздался возле него тонкий хриплый голос.— Дружок, да хранят тебя светлые духи неба! Как тебя зовут?

Возле него стоял старик в широком плаще, подпоясанном разноцветными шнурками, в остроконечном колпачке. Все лицо его, заросшее седыми волосами, с прищуренными маслеными глазами, было в бесчисленных складках от расплывшейся улыбки. Когда рот закрывался, то нижняя губа уходила под верхнюю и лицо уменьшалось вдвое: у старика не было ни одного зуба.

— Что же ты мне не отвечаешь?

Фирак смотрел на старика, не понимая, что тому нужно. Раздались грубые голоса. В хижину вошло несколько крестьян в длинных, до колен, рубахах и широких дерюжных шароварах.

— Зачем тревожишь больного. Видишь — он умирает. Ты атраван — служитель бога, твое дело молиться, хоронить покойников. Зачем же ты приходишь раньше времени, непрошеный, в чужой дом?

— Хе-хе-хе! А кто это?

— Это охотник. Упал со скалы, переломил себе кости. Наши старухи его лечат.

— Разве он охотник? — Старик окинул крестьян недоверчивым взглядом и погрозил пальцем.— А почему он кутает свое лицо? Может быть, он беглый разбойник? Ведь за поимку важных преступников князь Оксиарт заплатит пять дариков и больше.

— Ну и пускай их ловят слуги Оксиарта. А ты зачем вяжешься в это дело?

Старик захихикал:

— Пять дариков награды! Подумайте только — пять серебряных дариков!

— Верно, верно, святой праведник,— сказал один крестьянин.— А на что тебе дарики? Ведь святые атраваны денег не ищут, а живут молитвой. Что будешь с ними делать?

— О, чего только не сделаешь за деньги! Я могу открыть лавочку и торговать свечами и священной коровьей мочой для излечения всех болезней. Я даже могу жениться.

— Никто не пойдет за тебя, такого старого. У тебя ни одного зуба нет.

— Если будет кошель звенеть серебром, то самая первая

роза в селении будет в моей хижине. Пойду к мудрому нашему виспайти[1]. Не держите меня, пустите! О, пять дариков! — Старик торопливо выбежал.

Крестьяне шептали:

— Хорошо, что виспайти сейчас нет в селении. Он поехал встречать князя, едущего к нам из Курешаты.

— Что же делать с больным?

— Ты еще не можешь идти? — обратился один крестьянин к Фираку.

Фирак взглянул усталым взглядом. Крестьяне наклонились над ним.

— Он полуживой. Где ему идти! Если он и пойдет, то его нагонят и схватят.

— Нужно пожалеть его. Пока начнут разбирать, разбойник ли он или нет, его засадят в яму.

— Какой же это разбойник! Шеппе сказал, что он наш,— значит, надо поберечь его.

— Положим его на крышу и прикроем сеном, а скажем, что убежал. Кто станет искать поблизости? Старшина пошлет людей по тропам и дорогам. А дня через два суматоха уляжется. Мы его отвезем за пределы владений князя Оксиарта; тогда он сам поплетется дальше. Раз Шеппе сказал, то мы должны его сберечь!

Крестьяне подхватили Фирака осторожными руками, вынесли во двор и по лестнице втащили на крышу сарая. Там его прикрыли ворохом горного сена.

— Смотри же не заплачь! Не закричи!

КРЕСТЬЯНСКИЙ СХОД

Фираку было удобно лежать на сене. Высохшие горные растения сладостно одурманивали мятой и полынью. С крыши он видел часть улицы, высокий карагач и несколько хижин и дворов, где бродили куры и дремали взлохмаченные собаки.

По дороге спешили крестьяне, женщины, перебегали дети.

Крестьяне собирались кучками и горячо толковали.

Вздымая клубы пыли, прискакали на взмыленных красивых аргамаках всадники. Алые чепраки блистали золо-

---

[1] Виспáйти — старшина деревни.

том, между ушами коней колыхались пучки фазаньих перьев. Крестьяне, низко кланяясь, схватили горячих коней под уздцы и отвели в сторону.

Один из всадников, молодой, дородный, выхоленный, с шелковистой завитой бородой, поднялся на квадратную площадку, устланную коврами, под старым тенистым карагачом. Холодным, надменным взглядом он обвел толпу.

Крестьяне подталкивали друг друга локтями и шептали:

— Гляди, одно только шелковое платье князя Катена стоит так дорого, что за него можно кормить полгода всех жителей нашего селения. А на платье нашиты золотые цветы настоящими золотыми нитками.

— А какой меч в золотых ножнах! Сразу видно, что большой князь!

— Скоро ли соберутся жители деревни? — крикнул князь Катен.

— Идут! Вот уже все идут!

Приближалась шумная толпа. Впереди шло несколько стариков. Двое держали под руки еще более древнего седобородого старика. Он не поспевал за шагавшими, и ведшие его приподымали так высоко, что он махал ногами в воздухе. Копну его пушистых белых волос раздувало ветром. Посреди заросшего сединой лица выдвигался орлиный нос, из-под нахмуренных темных бровей поблескивали черные сердитые глаза.

Это был виспайти — старшина селения, глава многолюдного рода, обитавшего в горной деревне и ближайших поселках, где в каждом старшина имел жен и дома для них.

Рядом с древним старшиной шли его уже седобородые сыновья — все с такими же орлиными носами и острыми сметливыми глазами. За сыновьями шагом шли десятка два пожилых и молодых крестьян — внуков и правнуков виспайти. А кругом в толпе шныряли дети всех возрастов и тесными рядами шли женщины, привлеченные ожидавшимся зрелищем.

— Раз князь прискакал — не к добру!..— причитали женщины.

Прибывшие окружили возвышение, где стоял, выжидая, князь Катен и несколько персидских воинов из его охраны.

Впереди толпы, положив бороду на длинный посох, остановился старшина.

— Верные сыны Авесты![1] — закричал князь крестьянам, крепко расставив ноги в красных сандалиях с множеством тонких ремешков. Он ударил рукой по рукоятке меча.— Нам придется взяться за мечи! Слушайте, что я вам скажу. На страну нашу, счастливую Сугуду, идут неведомые враги. Они хотят отнять нашу землю, забрать наши дома и всех нас изрубить или продать в рабство. Разве мы допустим это? Будете ли вы биться с врагами за ваших жен и детей, за ваши дома и посевы?

— Будем! Все встанем на защиту! — закричала толпа.— Пусть только они сунутся к нам сюда!

— Нет, нельзя ждать, пока враги придут в ваше селение. Надо собрать большое войско и пойти им навстречу, напасть на них в Бактрийских горах. Нельзя позволить им переправиться через великую реку Окс и прийти в наши долины. Если бои будут на наших полях, то мы вытопчем посевы и останемся без хлеба. Тогда настанет голод. Надо скорее уйти отсюда вперед в Бактру. Все ли вы пойдете?

Толпа зашевелилась и загудела. Один голос протянул:

— Я, пожалуй, пойду.

За ним другой голос спросил:

— А далеко ли идти?

— Сперва надо идти в город Курешату, там собирается наш отряд. Оттуда воины пойдут в Мараканду, где царь Артаксеркс — жить ему и править тысячу лет! — соберет все отряды в одно войско и сам поведет его на злодея — Двурогого царя, чтобы запереть и раздавить его в горных ущельях Дрангианы[2]. Итак, что ж молчите? Все ли вы пойдете?

Несколько человек стали кричать:

— Как же нам бросить поля? Сейчас начинается сев. Если не засеять поля, чем будут кормиться наши семьи? Пусть на войну идут жители городов: им не надо работать на полях.

Крики усиливались. Женщины, взобравшись на крыши, шумели и вмешивались в спор:

— Три четверти урожая мы отдаем князьям и всегда голодаем. Если бросить поля, то кто прокормит наших детей?

---

[1] Аве́ста, или Зенд-Авеста,— так называлась древнейшая книга, написанная в Бактрии; книга эта составляла сборник различных религиозных поучений, описаний обрядов и суеверий. Фанатичные огнепоклонники называли себя «верными сынами Авесты».

[2] Дрангиа́на — персидская провинция на территории нынешнего Афганистана.

Древний старшина, поддерживаемый сыновьями, взобрался на возвышение и стал махать руками на толпу.

— Слушайтесь меня, верные сыны Авесты, как слушались до сих пор,— сказал виспайти.— Всего у нас в нашем роде сто восемьдесят дымов, а работников-мужчин пятьсот сорок. Я получил строгий приказ, чтобы от каждого дыма выступило в поход не меньше чем по одному воину. Оружие нам дадут. Мы можем от наших работников отделить треть и отправить на войну. А кто останется, те помогут возделать и засеять поля ушедших. Никакого ущерба нашему роду не будет. Мы должны поставить также по одному коню от каждых десяти очагов — всего, значит, восемнадцать коней. Разве мы не справимся с полевыми работами без восемнадцати коней? Конечно, справимся.— И старшина, подмигивая глазами, кивал головой и делал жесты в сторону князя, как бы давая понять: «Что поделаешь, надо уступить, надо покориться».

Крики еще более усилились. Женщины на крышах подняли вопль:

— Мы уже посылали воинов, когда год назад их требовал царь царей. Где эти воины? До сих пор мы их не видим. Жены вдовами стали, дети сиротами!.. Горе нам!

Тогда выскочил вперед один крестьянин в одежде, казавшейся пестрой — так она была перекрыта заплатами. Лицо его было скуласто, рот до ушей, ноги колесом.

— Позвольте мне сказать мое тараканье слово.

— Говори, говори, Таракан! — загудела толпа.

— Может быть, неумело скажу, да не учился я у мудрых атраванов или городских купцов говорить складные речи. Князь Катен зовет нас на войну — защищать наши земли. А чьи земли мы будем защищать? Наши? Ой ли? А не княжеские ли? Князю легко идти воевать — у него слуг полный двор и на полях копошатся почерневшие от солнца рабы: они ему и вспашут и засеют урожай. Разве не так?

— Кто это говорит? — тихо спросил старшину князь.— Заткни ему ядовитый рот!

— Самый непутевый хозяин. Детей умеет делать: у него их, что тараканов, полная хижина. А вспаханного поля всего на три горсти зерен. Мы его и зовем Тараканом.

— Верно сказал Таракан! — закричали в толпе.— Что на полях соберем, то князю и несем. Воевать-то пойдем мы, а будет ли нам какая прибыль от этого? Разве князь не заберет опять нашего урожая? Пусть он сейчас объяснит нам, какая нам будет награда, если мы пойдем воевать.

— Что за лягушка сейчас квакала! — закричал князь и решительно вытащил из золотых ножен блестящий меч.— За его богопротивные слова мало ему отсечь дерзкий язык — я отхвачу и его глупую голову. Подайте-ка мне его сюда!

Слуги князя бросились в толпу к тому месту, где только что говорил Таракан, но их оттолкнули возбужденные, кричащие крестьяне:

— Ты нам не даешь говорить свободное слово! Тогда зачем же приехал? Отбирай людей, как скот, и гони. Если же ты приехал к нам, чтобы говорить, то не закрывай нам рты!..

Тогда из толпы крестьян выступил согнувшийся от долгой жизни старик. Белая борода завивалась козьим хвостом и падала на грудь. Из-под щетины торчащих бровей косились на князя живые, проницательные глаза.

— Послушайте меня, почтенный князь, и вы, дети мои! Не торопитесь гневаться. Я напомню вам, как делалось раньше.

— Пусть говорит дедушка-охотник! — закричали в толпе.

— Когда я еще мальчиком ловил в горах куропаток, мне говорили старики, что раньше было время свободных земель. Тогда наши предки впервые пришли сюда, в эти долины. Земель свободных было так много, что каждый брал себе столько, сколько мог распахать. Воевать приходилось с дикими племенами дербиков, литейщиков меди, живших в горах. Наши предки, как один, защищали свои земли — ведь своими руками они их обработали, своим пóтом и кровью полили! А потом старшины и князья постепенно начали отбирать наши земли, а нас делать данниками. Какой-нибудь бедняк не уплатит князю долги, глядишь, и рабом его делается, а земля объявляется княжеской. Так пусть же теперь князь скажет вам: если вы, дети мои, сложите ваши головы в боях со злым Двурогим царем, то по-прежнему ли сыновья ваши останутся рабами князей или же земли, что мы распахали, станут опять нашими?

Князь пошептался со старшиной и сделал знак своим воинам.

— Я слышу здесь речи не умудренных опытом долгой жизни стариков, а собачий лай бунтовщиков против царя и против князей. Вы забыли, что князья поставлены над вами самим великим богом Ахурамаздой, без князей мир стоять не может, и вы должны им повиноваться. Говорить

с вами больше не о чем... Сегодня же из вашего селения пойдут в Курешату двести ратников и двадцать лошадей. Если же этого не будет сделано, то завтра же мои воины заберут силой весь ваш скот и весь хлеб, а селение я сожгу!..

Древний старшина и другие старики упали на землю:

— Не гневайся, князь! Наши люди — честные сыны Авесты и верные слуги царя царей. Мы сами обсудим меж собой, кого выбрать, и пришлем все, что требуется для тебя. А сейчас просим отведать нашего хлеба, наших умочей, нон-у-ош и сладких груш с орехами[1]. Пока ты будешь отдыхать, наши девушки тебе попляшут и споют.

Князь прошел в сад старшины. Под старыми грушами пестрели ковры, и на них были расставлены глиняные миски с кислым молоком, сыром и другим угощением. На полянке девушки завели хороводы и запели песни.

* * *

К вечеру князь уехал и погнал перед собой выбранных по жребию на войну поселян. Стемнело. Сплющенная, с надутыми щеками, оранжевая луна показалась в глубине ущелья. Крестьяне осторожно опустили Фирака вниз по приставной лестнице и посадили на осла.

— Куда тебя отвезти — в горы, к медным литейщикам-дербикам, или вниз, в долину, на поля Сугуды?

— Мне все равно,— ответил Фирак.

— Отвезем лучше в сторону Мараканды. Там по дорогам народу ходит много, и всякий бросит лежащему лепешку. А в горах холодно, там ты замерзнешь.

Тот крестьянин, которого звали Тараканом, пошел рядом с ослом и весь путь говорил Фираку, как тяжело живется крестьянам:

— Самое главное для нас — получить оружие, а с оружием мы сумеем отстоять наши земли. Что Двурогий, что князья — не одни ли для нас болячки?..

Осел тихо плелся всю ночь до рассвета. Солнце застало путников уже на равнине. Повсюду весело бежала вода в канавках, выведенная из прозрачного горного ручья. В одних местах женщины жали пшеницу, в других крестья-

---

[1] Умóчи — мелкие клецки, заправленные кислым молоком. Нон-у-ош — гороховая лапша с хлебом. Нарезанные и высушенные груши перемешиваются с очищенными грецкими орехами.

не шли за омачами[1], покрикивая на рыжих бычков. За ними по взрыхленным бороздам прыгали птицы, отыскивая червей.

Таракан поднял Фирака, как сноп, и опустил в высокую траву на пограничной меже между двумя полями.

— Отсюда ты пробирайся к Мараканде,— сказал он.— Не бойся ничего: протянутая рука тебя прокормит!

* * *

...Фирак лежал так тихо, что прямо на него мягкими прыжками выскочил заяц, присел, забарабанил передними лапками, огляделся и, уставившись на Фирака блестящим выпуклым глазом, вдруг бросился в сторону, с шумом пробиваясь сквозь густую траву.

Где-то монотонно позванивали колокольчики. По большой дороге ехали два всадника, вооруженные копьями. Их лица показались Фираку знакомыми: не они ли сторожили ворота персикового сада, когда он ходил туда петь песни около белого дома? Далее трусили, взбивая пыль, навьюченные ослы. Рядом шли погонщики в длинных рубахах. «Хр-хр!» — доносились их покрикивания на ослов.

Еще дальше шагал высокий белый верблюд, украшенный сеткой с малиновой бахромой и с большим колоколом на изогнутой шее. Между двумя горбами сидела тонкая женская фигура. Прозрачное золотисто-оранжевое покрывало спускалось с головы. Тонкая рука со множеством браслетов откинула покрывало, открыв худощавое лицо. Продолговатые темные глаза равнодушно смотрели вдаль. Взгляд на мгновение скользнул по Фираку.

«Милая!» — хотел закричать Фирак, но его тихий, жалобный стон только спугнул куропатку с выводком пестрых птенцов, которые быстро юркнули в гущу травы.

Тонкая рука снова накинула покрывало, и верблюд, покачивая надменной головой, медленно прошел, бесшумно ступая в пыль громадными мохнатыми ногами. Несколько женщин, закутанных в полосатые материи, дремали на разукрашенных лентами и бусами серых мулах, шагавших вслед за верблюдом.

Вся процессия проплыла мимо, как сон, оставив после себя только облако медленно садившейся пыли, и долго еще слышались Фираку удаляющийся звон колокольчиков и хриплые покрикивания погонщиков.

---

[1] Ома́ч — первобытного типа соха.

КИТАЙСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Главная торговая площадь города Мараканды тесно застроена рядами лавок. Проходы между ними образуют сеть извилистых улиц и переулков. Перед каждым домом-лавкой у стены — глиняный квадратный выступ, покрытый стертым ковром. С утра на нем разложены различные товары: у одних купцов — глиняные чаши и светильники, ножи, ложки, у других — деревянные ящики с мелкими отделениями и в них кольца с бирюзой, сердоликом, ляпис-лазурью, серьги, цепочки, браслеты, ожерелья, головные гребни, баночки с гвоздичным маслом и мускусной мазью. Среди товара сидит, поджав ноги, сам хозяин, поджидая покупателей. Сзади него раскрыты двойные дверцы и на них на деревянных гвоздях развешаны башмаки, уздечки, ремни, пестрые шарфы, платки, деревянные сандалии. Закрывая дверцы, хозяин сразу прячет половину своих товаров. Тут же согнулся полуголый раб с длинными всклокоченными волосами. Он выстукивает молотком по наковальне, выделывая изогнутый нож или медные щипчики для вырывания волос.

Между соседними лавками протянуты изодранные камышовые циновки. Проходящая толпа то попадает под яркие лучи солнца и на мгновение вспыхивает красными, желтыми, синими цветами пестрых просторных одежд, то снова окунается в тень и движется неясными пятнами.

К площади примыкают переулки, где идет горячая работа. Ряды горшечников, оружейников, красильщиков материй, сапожников целый день, до захода солнца, заняты упорной, непрерывной работой.

В одном переулке несколько лавок было занято торговцами, одетыми по-иному, чем обычные согдские купцы.

Это серы[1] — купцы из страны, лежащей далеко на востоке, за горными хребтами. На них длинные черные или синие халаты, головы обриты, в ушах большие серьги. Этот ряд лавок торгует шелковыми тканями, железными изделиями, божками, сделанными из нефрита и мыльного камня, и лекарствами, дающими старикам силу, молодость и здоровье.

Несколько торговцев-серов шептались, сидя кружком на ковре:

---

[1] Се́рами в древности назывались китайцы: их торговые колонии были на месте так называемого Восточного Туркестана (Кашгара); у них шла оживленная торговля с Согдианой. Слово «серы» значит «шелковые люди». Китай иногда назывался «Серика».

— Почему сегодня такие долгие моления на площади? Уже много лет эта страна живет счастливо и никто ее не тревожит. Если в этой стране избран новый царь, то он уедет отсюда в Сузы, а в Мараканду будет назначен сатрап, который с нас потребует богатых подарков. Смотрите, вот идет Цен Цзы. Что нам скажет его мудрость?

Степенной походкой шел мимо них Цен Цзы, одетый, как и все купцы: на нем наброшен был на левое плечо серый плащ с широкой розовой каймой. Его скошенные полузакрытые глаза глядели устало.

— Привет тебе, Цен Цзы! Остановись, скажи нам, что видел и что ты думаешь обо всем этом.

— Люди хотят крови. Гроза надвигается. Можем ли мы быть спокойны? Если будет война, то у нас отнимут имущество, а может быть, и жизнь.

— Вы слышали? — шептали купцы.— Может быть, отнимут жизнь? Но куда же нам бежать?

— Разве можно бросить наши склады товаров? Что делать?

Цен Цзы повернулся и пошел дальше. Пройдя несколько лавок, он постучал палкой в ворота. Они приоткрылись, сдерживаемые цепью, и Цен Цзы проскользнул внутрь.

Ему низко поклонился изможденный старик в головной желтой повязке. На его темном лице белела жесткая седая борода. Небольшой двор был окружен амбарами с дощатыми навесами. В раскрытую дверь рабы втаскивали полосатые узкие мешки, перевязанные камышовыми веревками. Несколько верблюдов лежало на земле. Густая пыль на них говорила о далеком пути.

Цен Цзы, пройдя калитку, очутился в саду, окруженном высокой глинобитной стеной. Он обогнул темный квадратный бассейн и пошел по прямой дорожке среди аккуратно подстриженных деревьев. В глубине сада была беседка с двухсторонней покатой крышей. Внутри беседки улыбалось застывшей гримасой каменное изваяние[1]. Около трех

---

[1] В IV веке до н. э. в Средней Азии было много буддистов, бежавших из Индии, где их преследовали брахманисты. Буддисты выстроили большое количество монастырей и распространяли изображение Будды. Китайцы, жившие в Согдиане, могли ознакомиться с учением буддизма, но в самом Китае буддизм получил распространение значительно позднее, через несколько столетий.

стен изгибалась кирпичная лежанка[1], покрытая циновками и волчьими шкурами.

Цен Цзы откинул занавеску на стене и вынул из ниши черную лакированную шкатулку.

Он открыл ее серебряным ключиком и достал пергаментный свиток, бронзовую чернильницу с черным лаком и тростинку[2]. Оставив на полу сандалии, Цен Цзы уселся на лежанке, поджав под себя ноги. Придвинул низенький столик на крохотных ножках, расправил на нем пергаментный свиток, снял крышку чернильницы, осторожно обмакнул тростинку в черный лак и стал быстро ставить правильными рядами значки сверху вниз.

Он писал:

«Продолжаю мое письмо о той стране, куда направили меня добрые духи. Страна называется Кангюй[3]. Она защищена горами и пустынями от вторжения других народов и многие годы живет в счастье и спокойствии, не испытывая бедствий войны.

Эта страна Кангюй лежит на большом пути из страны Небесного спокойствия[4] к Западному морю. Богатые караваны с различными товарами беспрерывно проходят в разных направлениях через эту страну. Как это радует взор!

Жители отличаются замечательными способностями в ремеслах и искусствах. Они высоки ростом.

Бедняки заворачивают голову куском бумажной материи, богатые — куском шелка. Одежду носят бумажную, шерстяную или кожаную. Очень любят торговлю. Но имеют крайнюю склонность к наживе и обману. Какой стыд!

Они чрезмерно высоко ставят и любят женщин, которые пользуются у них свободой. В каждой семье муж исполняет все желания жены. Ради того, чтобы постоянно быть с женщинами, мужчины перестают заниматься военными упражнениями и теряют мужество. Безумцы, ведь это опасно! Кто станет охранять родную землю?

Половина населения занимается земледелием и половина — торговлей. В стране имеется замечательная порода пятишерстных лошадей. Самые красивые из них назы-

---

[1] В китайских хижинах устраивается длинная лежанка — кан — вдоль трех стен; из маленькой печки у входа дым проходит внутрь лежанки и уходит в трубу, поэтому на лежанке всегда тепло.

[2] Китайцы в то время еще не знали употребления кисти и туши.

[3] Китайский путешественник II века до н. э. Чжан Цянь называет Согдиану страной Кангюй.

[4] Страна Небесного спокойствия — Китай.

ваются «небесными», и у них бывает кровавый пот[1]. Нашим доблестным воинам подобало бы ездить на таких конях.

В стране имеется семьдесят городов, окруженных высокими тройными стенами. В каждом городе живет князь и по наследству передает свою власть сыну. Если князя убивают, то царь присылает нового князя, который отрубает голову убийце, а сам делается правителем.

Земли плодоносны, дают обильную жатву и розданы князьям в вечное владение. За это они должны по первому требованию царя являться на конях вместе со слугами, хорошо вооруженные. Это разумно!

Простые земледельцы могли бы жить привольно и счастливо в такой богатой стране, но четыре пятых своего урожая они должны отдавать князьям за то, что те им разрешают возделывать свои земли. Поэтому трудолюбивые крестьяне, имея хлеб, постоянно голодают. Как их жаль!

Жрецы и некоторые князья умеют читать и писать. У них сочинения пишутся с помощью только двадцати пяти знаков, которые они переставляют в разном порядке и этим обозначают различные вещи. Это хитро придумано, но наше письмо более мудро[2]. Книжное обучение продолжается непрерывно. Книги написаны на выделанных коровьих шкурах справа налево[3]. Это неудобно.

Жители поют на праздниках песни о древних временах. Очень длинные песни всегда поются от начала до конца, так как они передают знание достойных поступков предков и мудрых правил жизни.

Мирная жизнь в течение многих лет сделала жителей страны Кангюй очень богатыми; они собрали в своих домах ценные товары из других стран. Довольные этими богатствами, они называют свою страну «счастливая Кангюй». Но богатство, соединенное с жадностью, подобно мимолетному облаку.

Так как всякое богатство вызывает у одних жадность, а у других зависть, то теперь государству Кангюй грозит вторжение народа, который наступает с Западного моря,

---

[1] Китайские летописцы неоднократно говорят о «небесных» лошадях с «кровавым пóтом». Что это означает, пока объяснения не найдено.

[2] Китайское письмо для каждого понятия имеет отдельный знак (иерóглиф). Поэтому китайскому летописцу показалось удивительным и хитрым, как можно изобразить только двадцатью пятью знаками, то есть буквами, всякие предметы и понятия.

[3] Китайские иероглифы пишутся сверху вниз.

разоряя по пути всю страну. Во главе этого народа идет страшный царь, про которого говорят, будто бы на его голове растут два бараньих рога...»

ГОСТИ ИЗ ПУСТЫНИ

Цен Цзы услышал шаги на дорожке сада. Старый слуга остановился в дверях:

— Тебя хотят видеть два путника. Один — высокий, сильный, как медведь, немолодой, по виду кочевник из степи; его оружие покрыто золотом. Другой — молодой, вероятно, его проводник. Они сказали, что ты давно их ждешь.

Цен Цзы радостно закивал головой:

— Очень хорошо! Пускай войдут, а ты поскорее принеси сюда тридцать две радости.

Китаец быстро свернул рукопись, спрятал в лакированный ящик и поставил его обратно в нишу.

Будакен и Спитамен вошли в сад. Старый слуга, сложив руки на груди, торжественно шел впереди. Будакен с удивлением и любопытством рассматривал не виданные им раньше растения. Он остановился, изумленный, около бассейна, где пламенели красноперые рыбки с широкими, нежными, как паутина, хвостами.

Китаец, подойдя к бассейну, вытащил из кармана желтый шелковый мешочек, отсыпал из него на ладонь белых крупинок и стал звонить в серебряный колокольчик. Все рыбки быстро поплыли к нему. Цен Цзы, продолжая звонить, бросал рыбкам белые крупинки. Гость и китаец опустились на корточки рядом и наблюдали, как рыбы, толкаясь и высовывая из воды золотистые головки, хватали белые крупинки и вырывали их друг у друга.

Будакен смеялся, указывая толстым корявым пальцем на рыбок:

— Совсем как люди: так же живут вместе и так же ссорятся и толкаются из-за вкусного кусочка... А что это за белые зерна, которыми ты кормишь этих рыбок?

Оба встали. Китаец низко кланялся и, приседая, повторял:

— Это муравьиные яйца.

Будакен, уважая обычаи иноземцев, старался также поклониться с приседанием, и потом оба протянули друг другу руки.

— Какие умные рыбки! — удивлялся Будакен.— Продай их мне, я выкопаю около моего шатра пруд, поселю

там рыбок, и вся степь съедется смотреть, как рыбы слушаются моего звонка.

Китаец, улыбаясь, шептал: «Очень хорошо»,— затем повернулся к Спитамену, радостно протянул ему руки, и оба подержали прямые ладони и прижались правыми плечами.

У Спитамена на лице засветилась теплая улыбка, и глаза ласково сузились.

— Я очень рад, Левша,— сказал китаец,— что ты спасся от всех несчастий, которые гонялись за тобой, и опять стоишь передо мною невредимым.

— А ты по-прежнему пишешь и учишься?

— Учитель сказал: «В многоучении, постоянном размышлении есть также доброта. А встреча друга, вернувшегося из далекой девятой страны, есть радость и сердцу и глазам».

— Вот это отец того молодого скифского воина, которого ты видел в цепях,— сказал Спитамен.— Расскажи ему все, что ты знаешь. Чтобы услышать тебя, он приехал издалека.

Цен Цзы обратился к Будакену и жестом пригласил его войти в беседку. Мелкой торопливой походкой китаец пошел вперед, а за ним шагал Будакен. Его мускулистые плечи были вдвое шире, чем у китайца, и он повернулся боком и пригнулся, чтобы войти в дверь.

В беседке они уселись на лежанке, где были постланы меховые коврики, и после нескольких взаимных вопросов о здоровье, пройденном пути и виденных снах Цен Цзы стал рассказывать:

— Я дважды видел твоего сына Сколота, которого беспечность и смелость столкнули в горький колодец несчастья. Он просил меня помочь ему. А учитель говорил: «Помочь несчастному — это шаг на пути к совершенству». Вот что он сказал...

Но Будакен поднял широкие ладони:

— Постой, не торопись наносить мне удар своим словом. Пожалей мое сердце, хотя оно уже обросло шерстью страданий. Сделай это потихоньку. Расскажи, где и когда ты увидел моего сына Сколота, с кем он тогда был и что он сам в это время делал. Тогда я пойму, почему дивы набросились на него и столкнули в бездну скорби.

— Хорошо. Если у тебя есть терпение, чтобы слушать, и желание, чтобы все понять, я тебе расскажу по порядку,

как и почему я попал в городок Фару[1], где я увидел не только юношу Сколота, но и других весьма прославленных людей. А слушая меня, утешай свое сердце тридцатью двумя радостями, которые я могу предложить тебе по силам желаний моего сердца.

Старый слуга поставил между сидевшими столик и разостлал на нем пестрый, расшитый цветами платок. На столике выстроилось множество маленьких чашек. В каждой чашке было различное кушанье: наскобленная редька, мелко нарубленный лук со сметаной, различные варенья, сваренные на меду,— из моркови, кизила, мелких яблок, имбиря, кусочки мяса с шафраном, бараньи мозги, жареная тыква, виноград, моченный в уксусе, рис с фисташками, вареные кусочки теста, начиненные древесными лишаями, и другие кушанья, не знакомые Будакену. Отдельно стояли три фляги с разогретым вином.

Будакен посматривал то на чашки, то на хозяина, то на неподвижного Спитамена и не знал, как все это начать есть. Он предпочел бы одну большую чашу, чем эти тридцать две маленькие. Не желая показаться смешным, он решил сперва воздержаться.

— Моя душа не принимает сейчас пищи твоих радостей,— сказал Будакен.— Мои уши раскрылись, чтобы слушать твою повесть.

В ГОРОДЕ ФАРЕ

— Я работаю в одном содружестве наших купцов моей страны,— начал Цен Цзы.— Они сообща посылают караванами товары отсюда до берегов Гирканского моря[2] и дальше, до богатых городов Финикии. В главном городе Гиркании Задракарте[3] и в некоторых других городах живут наши товарищи по торговле. У них выстроены дома и амбары для товаров. Я два-три раза в год езжу с нашим караваном в Задракарту, а иногда и дальше — до Раг[4]. Вместе с караваном идут вооруженные попутчики, чтобы защищаться от разбойников. Ехать вместе с большим караваном всегда надежнее, не правда ли? А по пути у нас имеются испытанные друзья из местных жителей, у которых мы останавли-

---

[1] Город Фáра — нынешнее иранское селение Акури, лежащее на полдороге между Семнýном и Давлетабáдом, к югу от Каспийского моря.

[2] Гиркáнское море — ныне Каспийское.

[3] Задракáрта — нынешний город Астрабад, на юго-восточном берегу Каспийского моря.

[4] Рáги — город на севере Ирана (Персии).

ваемся и узнаем, безопасна ли дальше дорога. Управителям попутных земель мы платим за проход договоренную пошлину — либо деньгами, либо, чаще, нашими товарами.

Этой весной наш караван сделал путь вполне благополучно. Но в Фаре я заболел лихорадкой и пролежал целый месяц.

Город Фара небольшой, окружен каменной стеной, имеет двое ворот, которые закрываются при заходе солнца. Жители заняты сельскими работами и, когда видят, что солнце уже спускается за горы, скорее спешат в город, чтобы успеть загнать скот, иначе закроются ворота. Оставить же скот за стенами нельзя, так как ночью с гор спускаются дикие звери и душат его.

Однажды среди лета, под вечер, в город влетел отряд всадников. Казалось, что они были без начальника. Воины разных племен были перемешаны и носились, как волки, гонимые охотниками. Эти всадники, проскакав до главной площади, рассыпались по всем улицам. Не считаясь с благополучием граждан и добрыми нравами, они врывались во все двери, сами открывали амбары, брали сено и ячмень и досыта кормили своих лошадей. Тут были бактрийские, согдские, парфянские и даже индусские воины. Когда у них спрашивали плату за все, что они отбирали, они со смехом указывали на юг:

«Царь царей Дараиавауш едет за нами, он за все заплатит».

На другой день всадники уехали, но скоро явились новые. У этих был некоторый порядок, но они требовали от жителей еще больше корма коням и еды себе. Затем войска стали проходить беспрерывно. Большинство уже не останавливалось в городе, торопясь уйти дальше.

Последним пришел отряд, который особенно отличался от прежних. Кони были убраны золотом, серебром, ценными камнями. Воины были отлично вооружены. Сзади тянулись повозки с женщинами и мулы, нагруженные вьюками. Впереди отряда по всем улицам скакали начальники, которые кричали, распоряжались, но порядка все же было мало.

Я не хотел верить, когда распространился слух, что в одной из закрытых повозок едет сам царь царей Дараиавауш и что его сопровождают слуги, евнухи, танцовщицы и флейтистки.

Я вышел посмотреть хотя бы издали на царя царей. Около ворот одного дома стояли на страже воины-яваны[1] в блестящих панцирях, медных шлемах, с голыми рука-

---

[1] У Дария был отряд греческих наемников, составлявших его личную охрану.

ми и ногами. У каждого были щит и два-три небольших копья-дротика. Я пробрался на крышу соседнего дома и увидел, как великолепно одетые персидские начальники, сложив руки на груди, изгибаясь до земли, входили внутрь двора.

Среди всадников я узнал сатрапа нашей Сугуды — Бесса. Он приехал на большом белом коне. Красный шарф, расшитый золотом, был прикреплен к шее коня, и концы его падали до земли. Голова и грудь коня была покрыты железной чешуйчатой броней.

Все поселяне, стоявшие поблизости, увидя знатного корана[1], упали лицом на землю. К сатрапу подбежали слуги; один взял коня за уздцы, другой нагнулся, подставляя спину, на которую ступил Бесс, сходя на землю. Высокий, сильный, красивый, в красной с золотом одежде и в блестящем шлеме с большими перьями, Бесс стоял у ворот и говорил с правителем города Фары, который по случаю приезда гостей был в новом плаще и высоком колпаке. Бесс подставил ему для поцелуя щеку, и правитель поднялся на носки, чтобы поцеловать высокого сатрапа.

Правитель города оглянулся, увидел меня на крыше и позвал. Я поспешно спустился к нему.

«У ваших купцов хороший дом,— сказал правитель,— поэтому пусть они позаботятся, чтобы достойно принять корана восточных сатрапий и других знатных гостей».

Это означало, что нам придется кормить персидских начальников, их слуг и лошадей столько времени, сколько они захотят у нас остаться. Но что я мог сделать? Благоразумный покоряется неизбежному. Я поклонился до земли и сказал:

«Все наше имущество мы всегда рады отдать тому государству, которое нас приютило и дает нам хлеб».

СОВЕЩАНИЕ САТРАПОВ

Я поспешил домой, чтобы открыть ворота и принять гостей; но ворота были уже открыты настежь. Во дворе ходили и кричали персы, халдеи, сирийцы, мидяне. Они распоряжались, как у себя дома, входили в амбары и под-

---

[1] Кора́н — правитель нескольких областей. Под властью Бесса находились сатрапии Бактрия и Согдиана.

валы, вытаскивали оттуда муку, сушеный виноград, зерно, кувшины и мехи с вином, кололи наших баранов, тут же рассекали и делили мясо между собой. Когда появился коран Бесс с воинами, он приказал расставить стражу и выгнать шатавшихся в беспорядке воинов неизвестных отрядов.

Затем Бесс с несколькими начальниками прошел внутрь дома, где все они расположились на ковре и стали тихо вести беседу.

Так как я заботился об угощении гостей, то свободно входил и выходил из комнаты, где они сидели. Никто на меня не обращал внимания, и я слышал кое-что из их разговоров.

Персидские слуги мне разъяснили, что здесь собрались знатнейшие правители Персии: начальник охраны царя — Набарзан, сатрап Ареи — Сатибарзан, престарелый Артабаз, известный друг царя Дараиавауша, и другие сатрапы. Все эти люди, которым бог дал величайшее могущество, богатство, почет, право повелевать сотнями тысяч подданных, теперь, теснясь, сидели на старом потертом ковре и рассматривали пергамент. На нем были нарисованы дороги, горы, реки и города Персидского царства. Светильник с темным кунжутным маслом горел тускло, и я воткнул в поставцы еще три чарога[1]. Бесс сердился, водил пальцем по карте:

«Вот пути на Бактру и Сугуду. Здесь переправа через великую реку Окс. А дальше, пройдя Железные ворота, будет уже безопасно. Но нужно, чтобы этот трус нам не мешал...» Он показал рукой в ту сторону, где находился персидский царь царей.

В это время в комнату вошел с заплаканным лицом очень полный перс в дорогой пурпуровой одежде, с золотым поясом. Ножны его меча тоже были золотые. Он размахивал руками, всхлипывал и долго не мог ничего сказать от душивших его рыданий. Все приподнялись и поклонились до полу. Я сперва подумал, не сам ли это царь царей, но оказалось, что это был Оксафр, брат царя. Его глаза блуждали, то он хватался рукой за меч, то закрывал ладонями глаза.

Бесс стал объяснять ему карту, но Оксафр вырвал ее и бросил на ковер.

---

[1] Чарóг — сухой стебель растения, обмазанный маслянистым тестом. Чарог горит медленно, как березовая лучина, и до сих пор употребляется в глухих горных селениях.

«Я сейчас видел царя царей,— заговорил он жалобным, убитым голосом.— Самое важное, что он еще не потерял надежды. Царь только очень огорчен, все плачет и молится. Флейтистки начали ему играть любимые песни, он немного послушал и прогнал их. Отказался от жареной баранины с шафраном и сильфием[1], только поел, бедный, немного плохой здешней дыни и выпил красного вина. Теперь царь ждет, что предскажут гадания жреца. До сих пор они были не очень плохие, а один раз даже хорошие... О чем вы совещались здесь?..»

Бесс ответил резким, решительным голосом:

«Мы совещались о том, что делать, и решили, что надо двигаться дальше...»

«Нет, нет...— прервал Оксафр.— Об этом и думать нечего!.. Царь царей устал, хочет передохнуть и приказал мне вам передать, что скоро боги нам будут снова покровительствовать. Он думает, что все наши поражения были только для того, чтобы показать, как не надо забывать богов. Царь царей молился и дал торжественную клятву построить новые храмы и одарить золотом жрецов, чтобы они учили жителей сильнее молиться богам».

Бесс грубо ответил:

«Это будет потом, а что же делать сейчас?»

«Как что делать? Не вечно же боги будут гневаться на нас. Мы должны не избегать больше встречи с Двурогим, остановиться, собрать в одном месте все войска и...»

«Ну и что же?»

«Снова испытать счастье в бою. Царь царей уверен, что теперь счастье будет на нашей стороне. И что очень важно — старший жрец тоже советует остановиться...»

Все затихли и опустили глаза.

«Чего же теперь можно бояться? — настаивал Оксафр.— Двурогий должен был оставить во всех городах на своем пути гарнизоны, боясь восстаний населения, так что войско его уменьшилось почти наполовину. Если он идет по нашим следам, как уверяют некоторые, то только с конницей. В сражении при Гавгамелах у него было конных всадников всего три тысячи. Наших же войск даже теперь в несколько раз больше, чем у проклятого явана. Скоро — может быть, завтра — должны подоспеть сюда союзные скифы. В этих горных ущельях они одни смогли бы захватить всех явановв мешок и раздавить их, как

---

[1] Си́льфий — растение, любимая приправа к кушаньям в Древней Персии и Греции.

ядовитых змей. И они это сделают, только нужно дождаться их и приготовиться к бою».

Тогда заговорил старый Артабаз. Его голос звучал глухо, и слезы лились по щекам:

«Мы, слуги царя царей, всю жизнь защищали его и в битвах проливали нашу кровь, чтобы персидское копье раздвигало границы славного Персидского царства. Мы и теперь должны пожертвовать всем для царя царей, хотя бы нам пришлось погибнуть».

Встал начальник царского отборного войска Набарзан и обратился к Оксафру:

«Я бы никогда не сказал тех горьких слов, которые рвутся из моего сердца, полного любви к царю, но только крайняя необходимость заставляет говорить прямо. Если сейчас мы начнем биться с Двурогим — это вернейший путь к погибели. Мы и родину погубим, и сами без пользы будем перебиты. Надо как можно скорей отступать в безопасное место, в Бактру и Сугуду, чтобы этим сохранить главную силу Персии — ядро наших войск».

«Отступать... Отступать!..» — шепотом, но твердо проговорили остальные, кроме Артабаза, который зашипел:

«Трусы, трусы! Позорите персидское копье, обвитое старой славой...»

«Нет, нет, не трусость, а разум руководит нами,— ответил Набарзан,— только желание раздавить Двурогого явана. Надо отступать на восток, пока у нас еще не пали кони. Там мы соберем новые силы. Народ не верит более в счастливую звезду царя царей. Есть у нас только одно спасение: у народов восточных сатрапий пользуется славой и любовью коран Бесс...»

При этих словах все посмотрели на Бесса; он сидел с радостным, светлым лицом, и его глаза сверкали.

«Да, да! На Бесса вся наша надежда. И саки и индусы находятся с ним в союзе. Кроме того, Бесс не самозванец, не какой-нибудь выходец из простого народа, он родственник царя царей. Пусть царь уступит ему тиару — конечно, временно, до тех пор, пока враг не будет побежден...»

«Это измена!.. Предатели!..» — закричал брат царя, выхватил меч и бросился на Набарзана.

Все сатрапы вскочили, преградили ему дорогу, желая успокоить. Набарзан выбежал в дверь. Его громкий голос послышался во дворе; он звал своих сотников. Кони загре-

мели копытами по деревянному настилу. Набарзан вскочил на коня и ускакал.

Все сатрапы горячо спорили; Артабаз старался их успокоить:

«Разве можно ссориться в такое время? Мы должны крепко стоять друг за друга. Не все еще потеряно!..»

Брат царя выбежал, потрясая мечом, и кричал, что Набарзан сейчас же будет схвачен и казнен.

«О, КАК БЕСПЕЧНЫ САКИ!»

Коран Бесс заметил меня и сделал мне знак рукой. Мы вошли в другую комнату. Он схватил меня за плечо так сильно, что до сих пор остались синие пятна.

«Ты меня выведешь сейчас так, чтобы никто не заметил, и спрячешь в саду. Иди вперед».

Я провел Бесса через эндерун — женскую половину дома, и сатрап дал новое поручение:

«Пройди к Восточным воротам; там ты найдешь отряд саков. Разыщи их начальника Сколота и приведи его сюда».

Я поспешно стал пробираться по темным улицам. Город, обычно безмолвный в этот час ночи, теперь был полон гула разноплеменной толпы. Всюду взад и вперед ходили воины с охапками сена, кувшинами и бараньими тушами. Во дворах пылали костры и красным светом озаряли плоские крыши, куда забрались семьи напуганных жителей.

Я вышел к Восточным воротам. Там по всей площади стояли верблюды, лошади, повозки, ослы.

«Где скифы?» — спрашивал я.

«Да вот они пляшут»,— ответили мне.

На середине площади в кольце горящих костров двигалась в пляске вереница скифов. Держась за руки и подняв их кверху, высоко над головой, они передвигались то вправо, то влево, причем каждый скиф ловко и быстро перебирал и притопывал ногами. В середине круга два скифа плясали отдельно, размахивая мечами. Глядя друг другу в глаза, следя за каждым движением, они бросались навстречу, как будто желая пронзить друг друга мечами, ловко отбивая удары, и отлетали назад. Они то приседали, то падали на землю, ползали на коленях и животе, то опять вскакивали и плясали, схватившись за руки.

Я спросил, где найти начальника скифов. Тогда окликнули одного, который плясал в середине. Он был молод, строен и высок, с золотым ожерельем на шее. Пошатыва-

ясь, веселый и беззаботный, потряхивая длинными светлыми кудрями, он подошел ко мне. Когда я объяснил ему, что его зовет к себе коран Бесс, он стал хохотать:

«Пускай Бесс сам сюда придет выпить с нами: мы нашли погребок хорошего гирканского вина, нам его хватит до утра».

Он приказал подать мне чашу и насильно меня напоить. Все скифы были пьяны, пели и хохотали без причины. Они вскоре оставили меня в покое. Я пробрался обратно в наш дом, но Бесса уже не нашел.

Там была суматоха: важные сатрапы суетились во дворе, кричали на слуг и садились на коней.

Тогда я увидел двигавшихся по улице всадников с высоко поднятыми горящими факелами. Их медные латы сверкали, лица в шлемах были усталы и суровы.

Среди всадников двигалась грязная навозная повозка, запряженная шестью лошадьми. На повозке лежала груда старых кож. Эти кожи зашевелились, приподнялись, и из-под них высунулся толстый человек. На нем была драгоценная пурпурная одежда. Он испуганно огляделся кругом и опять закрылся кожами.

«Это сам царь Дараиавауш!» — воскликнул удивленно кто-то, и несколько человек упали лицом на землю перед навозной телегой, на которой находился разгромленный владыка Персии...

Какой позор, какой стыд так прятаться от смерти! — добавил Цен Цзы и укоризненно покачал головой.

ВО ВЛАСТИ ЯВАНОВ

— В эту ночь я несколько раз выходил на крышу. Войска уходили на восток, их становилось все меньше. Долго слышались песни скифов, но и они к утру затихли.

Когда на рассвете стала розовой далекая снежная вершина горы Демавенд[1], городок уже спал. Изредка раздавались обрывки песни или возглас пьяного.

Перед восходом солнца кое-где на крышах появились жители, кутавшиеся в бараньи шубы.

«Вот они! Вот они!» — раздался крик. Все жители разом попáдали и ползком спрятались за выступы крыш.

---

[1] Демавéнд — самая высокая гора Северной Персии, покрытая вечным снегом.

Я смотрел на юг. Солнце, выглянув из-за горы, косым лучом освещало темно-синее ущелье, из которого выехали несколько всадников. Концы их отточенных копий вспыхивали искрами. Равнина от города до ущелья была пуста. На дороге валялась повозка со сломанным колесом, и хромой бык, ковыляя, переходил от одного куста репейника к другому.

Из ущелья выдвинулись два отряда всадников. Они сперва шагом, затем рысью двинулись в разные стороны и стали обходить город, постепенно приближаясь. Несколько разведчиков вскачь пустились к стенам города и остановились невдалеке.

Город казался мертвым. Ни одного дымка не подымалось над крышами.

Тогда из ущелья показался третий отряд и направился прямо по дороге. Впереди шли пехотинцы в кожаных шлемах, с мечами и плетеными щитами. Мерными шагами вошли они на холм и остановились близ Восточных ворот. Вслед за пехотинцами приблизился новый отряд конницы. У них были очень длинные копья, однообразные кожаные панцири, обшитые железными пластинками, и шлемы с конскими хвостами.

По пустынной улице я пробежал к Восточным воротам и хотел взойти на башню, чтобы наблюдать, что будет дальше. С удивлением я заметил, что на площади находилось много скифов. Они все спали крепким сном. Стреноженные лошади были привязаны ремнями к приколам, вбитым в землю. Некоторые кони бродили по площади, подбирая остатки сена и рассыпанного зерна. Скифы, упившись вином, не подозревали, что те яваны, от которых они бежали, уже находились по другую сторону стены...

Я услышал сзади себя крики. Около двадцати стариков и правитель города в своем новом плаще и высоком колпаке торопливо шли через площадь. Вернее, старики тащили правителя, крепко держа его под руки и подталкивая сзади.

Он плакал и упирался.

«Дайте мне умереть дома! — кричал он.— Глупость толкает вас к Двурогому. Он посадит и меня и всех вас на колья. Что будут делать мои дети и старая мать?»

Но старики продолжали тащить его.

«Иди, иди! Мудрость толкает тебя. Не все ли равно, от кого умереть, от Дараиавауша или от Двурогого?»

Увидав меня, старики закричали:

«Иди с нами, Цен Цзы. Если мы успеем поклониться

Двурогому за воротами города и поднести ему хлеб и дыню, то его воины не разграбят наших домов. Если же он увидит запертые ворота, то сожжет город, всех мужчин перебьет, а наших жен и детей продаст в рабство».

У всех стариков были в руках дыни и узелки с лепешками.

Я присоединился к ним, и мы вышли за ворота.

Конный отряд быстро двигался нам навстречу.

Все старики торопливо шли по полю, подымая пыль, как стадо баранов.

Перед нами была ровная линия широкогрудых коней и лес копий со стальными острыми концами; они могли бы в одно мгновение всех нас проткнуть насквозь. Головы воинов были скрыты под медными и железными шлемами. Все они так покрылись пылью, что походили один на другого, и мы не могли узнать, кто из них начальник.

Старики уже издали начали кричать:

«Добро пожаловать! Бороды наши метут дорогу царю вашему».

Когда мы совсем приблизились, то все упали на колени, коснувшись лбом земли, и затем подняли над головой дыни и лепешки.

Раздался крик команды. Вся линия всадников остановилась. Крайний из них, вероятно переводчик, сказал по-персидски:

«Перестаньте галдеть! Кто из вас главный?»

Старики подняли правителя, сунули ему в руки узелок с лепешками и дыню, и он на подгибающихся от страха ногах хотел подойти к переводчику, но тот указал рукой на угрюмого молодого запыленного всадника, сильного, плечистого, с мускулистыми руками. Правитель подошел к нему и протянул дыню с лепешками. Воин взял дыню, коротким ножом вырезал себе кусок и отдал дыню соседу. Тот рассек ее на несколько частей, выплеснув сердцевину, и передал куски другим. Тогда наши старики осмелели и стали раздавать передним воинам все свои дыни и лепешки.

Молодой воин, обкусывая корку дыни, что-то говорил вполголоса на непонятном языке.

Переводчик выслушал его и спросил нас:

«Когда здесь проходили войска Дараиавауша?»

Старики закричали:

«Вчера вечером сам Дараиавауш проходил здесь, ел баранину, смотрел пляски танцовщиц и ночью уехал дальше».

Молодой воин с досадой швырнул корку дыни об землю и поднял руки к небу, произнося нараспев молитву.

Переводчик стал расспрашивать стариков, и те объяснили, сколько было войск у Дараиавауша и что в городе почти никого не осталось. Когда кто-то сказал, что отряд пьяных скифов спит на площади у Восточных ворот, воины залились безудержным смехом. Молодой начальник выехал вперед, дал распоряжение, и несколько всадников помчались к другим отрядам.

О нас, стариках, уже забыли, и мы побежали к воротам, боясь, что всадники растопчут нас. Послышались громкие крики команды. Конница перешла на рысь, пехотинцы беглым шагом последовали за нею.

Когда войска вошли в город, они захватили всех спящих скифов, связав их скифскими же ремнями. Когда я прибежал на площадь, только три скифа отчаянно сопротивлялись; двое вскоре были заколоты копьями, а один раненый упал и остался жив. Это был тот молодой начальник Сколот, который вечером так беззаботно плясал. Воины хотели прикончить и его, но они заспорили из-за его золотого ожерелья. В это время подъехал тот молодой плечистый воин, которому мы подносили дыню, сопровождаемый переводчиком.

«Кто ты?» — спросил явана.

«Я сак!» — ответил скиф, с трудом приподымаясь на руку.

«Почему же ты не покоряешься?»

«Мы, сакские князья, привыкли сами покорять других».

«Ты князь? Наденьте на него цепи, и пусть он следует за мной в обозе, среди заложников. Он мне скоро понадобится. А остальных, кто еще жив, не тащите за собой, а прибейте их гвоздями к воротам. Пусть все запомнят, как я наказываю тех, кто смеет противиться сыну бога».

Воины связали Сколота ремнями и оставили лежать на месте — он был очень слаб и не мог идти.

Яваны разошлись по городу и начали грабить дома. Я подошел к раненому скифу. Он сидел на земле и плевался кровью. Рана в боку сильно кровоточила. Он меня узнал и указал на виноградную лозу, которая свешивалась со стены.

«Нарви мне этих листьев и приложи к ране,— простонал он,— я истекаю кровью».

Я нарвал больших свежих листьев, наложил их и перевязал бок скифа полосой разорванного плаща.

«Не уходи — я тебе должен сказать важное».

В это время меня схватили два старика и потащили к правителю города. Он стоял перед молодым начальником, которого мы угощали дыней.

«Вот человек, которого ты ищешь! — закричали старики.— Он каждый год три раза ходит с караваном отсюда в Сугуду и обратно. Он знает все дороги».

Явана спросил:

«Можешь ли ты показать самую короткую дорогу отсюда в Гекатомпил?»[1]

«Я не знаю, про какой город ты говоришь,— ответил я,— у нас города называются по-иному. К востоку будут большие города. Я знаю эти города и дороги к ним. Главный караванный путь идет, как согнутый лук, полукругом, чтобы путники могли каждую ночь ночевать в селениях. Но также есть короткий путь, прямой, как тетива лука. Идя по этому пути, можно обогнать ушедший вперед караван на три дневных перехода, однако этот короткий путь идет по пустыне, лишенной колодцев, так что приходится везти с собой воду в кожаных мехах».

«Ты поведешь нас по этой дороге,— сказал молодой явана,— но, если ты обманешь, тебя рассекут на части. Держите его под стражей, чтобы он не убежал».

Высокий воин положил тяжелую руку мне на плечо и отвел к раненому скифу. Тот был в лихорадке, иногда бредил, как безумный, называл неведомые имена, но в минуту просветления разума сказал:

«Мой отец — сакский вождь Будакен, по прозвищу Золотые Удила. Если судьба тебе позволит вернуться в Сугуду, то пошли гонца в степь, мимо Горьких колодцев, в кочевье Будакена. Передай ему, что я не сдавался, а боролся до последних сил один против многих и только после тяжелого удара копьем был схвачен врагами».

Затем он еще мне говорил:

«Я думаю, что мой отец Будакен не такой человек, чтобы остаться в степи, когда его сын в плену. Он сам проедет через девять стран, чтобы разыскать меня и выкупить. Если я останусь жив, то сумею убежать и вернуться в родные степи».

Весь этот день яваны отдыхали, так как кони их были крайне измучены. Одни воины спали, другие шарили по домам, разыскивая богатства и отставших персидских вои-

---

[1] Гекатомпи́л (Город ста ворот) — главный город сатрапии Парфии; позднее город Тус.

нов; их они выводили на площадь в одно место, сдирали с них всю одежду и клеймили щеки каленым железом. Все пленные были потом отосланы для продажи в рабство. В городе яваны нашли любимых царских певиц, танцовщиц и флейтисток. Они были брошены при поспешном бегстве. Из того сада, где они находились, доносились плач и крики, пение и музыка.

Когда взошла луна и стало прохладно, войска двинулись дальше. Я должен был следовать с ними.

Проезжая Восточные ворота, я увидел прибитых к ним гвоздями скифов. Некоторые висели уже мертвые, другие еще шевелились. Длинный тощий скиф был прибит наверху над остальными. Он не переставал ругаться. Один его глаз был вырван и висел на кровавой жиле, другой глаз ворочался и сверкал гневом.

«Шакалы! — кричал он яванам, проходившим мимо.— Вы только и умеете драться с персидскими свиньями. Скорее догоняйте толстые туши их сатрапов, а мы, саки, и раньше колотили вас и будем бить дальше!»

В это время проезжал молодой начальник отряда среди таких же молодых, как и он, воинов. Они остановились перед воротами и стали дразнить скифа:

«Ну покричи еще! Спой нам песню. Ты очень красив с одним глазом».

«А где ваш петух,— продолжал скиф,— ваш начальник, который прячется среди других, похожих на него петухов? Пусть он подъедет ко мне, чтобы я перед смертью плюнул в его глаза».

Тогда молодой начальник подъехал ближе, от гнева у него подергивались голова и плечо. Он говорил через переводчика, и вот что оба сказали:

«Скифская навозная муха! Ты жужжишь перед смертью, а сделать ничего не можешь. Тебя я приколол гвоздем к стене, и других скифов я также поймаю и посажу на колья».

«Хвастун! — кричал сверху скиф.— Ты на саков нападаешь, только когда они пьяны и спят. А сунься в наши степи, попробуй там сцепиться с нами, и ты убежишь без оглядки, как ошпаренный пес, как бежал Куруш и все, кто лезли к нам. Что ты так мало перьев нацепил на голову? Где твой хвост? Его выдрали у тебя наши саки в бою под Гавгамелами!»[1].

---

[1] В битве при Гавгамéлах скифская конница разгромила обозы и лагерь греческого войска.

«Дайте мне дротик! — крикнул явана.— Я ему заткну глотку».

Всадники дали ему копье, и он бросил его в лицо скифу, который в это время кричал:

«Улала! Точите мечи на черном камне!»

Другие пригвожденные скифы подхватили крик и запели:

Сзывайте товарищей, спешите на перекрестки дорог!
Готовы ли ваши кони? Натянуты ли туго ваши луки?

Вероятно, явана был очень взбешен — он промахнулся, и его копье с силой вонзилось в ворота, рядом с головой скифа, и задрожало, точно от стыда.

«Какой ты меткий! — бешено закричал скиф.— Не мог попасть в трех шагах! Ты не сын бога, а помет шакала!»

Но товарищи начальника стали метать копья, и одно из них пробило рот скифа, и он замолк. Только глаз его еще продолжал сверкать гневом, пока медленно не опустилось веко.

КОНЕЦ ДАРИЯ

Яваны шли всю ночь. Меня посадили на очень тряского коня. Хотя мне подложили подушку, но лошадь была тощая, хребет подымался, как ребро доски, я жаловался и кричал, пока мне не дали доброго мула, который шел так же скоро, как и кони.

Утром была самая короткая передышка. Всадники ничего не могли есть, а, сойдя с коней, падали на землю и сейчас же засыпали. Накормив коней, мы снова ехали до полудня и сделали более долгую остановку в небольшой деревне, где, по словам жителей, ночью стоял персидский лагерь. Повсюду виднелись брошенные хромые кони. Крестьяне отбирали себе лучших, а остальных резали и сдирали с них шкуры.

Здесь яваны отдыхали до вечера. Начальники отобрали пятьсот всадников с самыми крепкими конями. Сзади каждого всадника сел еще один пехотинец. Этот отряд двойных всадников двинулся вперед, все же остальное войско должно было возможно скорее следовать за ним.

К вечеру мы вступили на безводную равнину. Серебристые солончаки с мягкой, как зола, почвой, кое-где кусты полыни и кости верблюдов — вот все, что попадалось по пути.

Всадники угрюмо молчали или тихо переговаривались, ворча, что это бессмысленная погоня.

Несколько воинов упали с коней и остались лежать на дороге. Когда моя голова опускалась от усталости и я начинал дремать, то воин, ехавший сзади меня, касался острием копья моего плеча.

Только молодой начальник отряда не признавал утомления и требовал одного — скорее идти вперед.

Луна стала совсем тусклой и небо на востоке побелело, когда впереди показался караван, растянувшийся далеко по степи. Видно было несколько повозок. В тихом воздухе ясно доносились крики погонщиков и скрип больших колес.

Всадники нашего отряда перестроились в боевой порядок. Пехотинцы соскочили с лошадей, рассыпались цепью и пошли вперед. С боевым криком понеслись всадники по степи к каравану.

Персы подняли ужасный вой и помчались во все стороны.

Молодой начальник-явана в развевающемся красном плаще носился вдоль каравана. Он кого-то разыскивал и остановился около повозки, скатившейся в овраг.

Я узнал эту повозку и подъехал туда. На повозке на груде кож лежал окровавленный человек в пурпурной одежде, обшитой золотой бахромой. Восемь измученных мулов со спутавшимися постромками равнодушно стояли, повесив головы; погонщики разбежались. Раненый еще стонал, но, видимо, уже умирал. В предутреннем рассвете вырисовывалось его бледное полное лицо. Широко раскрытые глаза глядели, никого не узнавая. Он часто раскрывал рот, как рыба, выброшенная на берег, стараясь вдохнуть воздух. Вся его шелковая одежда была в темных кровавых пятнах.

Молодой явана соскочил с коня, заглянул в лицо умирающему, поднял его руку и осмотрел пальцы.

«Царского перстня уже нет. Негодяи-убийцы его сняли! Но, вероятно, это царь Дарий».

«Да, это царь Дараиавауш!» — сказал чей-то голос.

«Вот и все, что осталось от царя царей,— продолжал явана.— Пробитая ножами падаль! Он погиб не в сражении, как подобает воину, а зарезан, как баран, своими близкими, которые еще вчера падали в пыль и целовали его ноги. Вот участь того, кто добр со своими подданными! Здесь, в этой дикой степи, окончилась одна песнь и нача-

лась другая. Царя Персии больше нет, но есть царь Азии Александр, сын бога, и он жестоко накажет того, кто осмелится надеть на себя царский перстень и украденную у Дария тиару».

Явана сорвал с себя красный плащ и швырнул его на лицо царя Дараиавауша. Затем он вскочил на коня и подозвал меня:

«Старик, тебе не пришлось быть нашим проводником. Мы сами нашли то, что искали. Но ты сказал правду о двух дорогах и не пытался обмануть нас и убежать. Как мне наградить тебя?»

Я ответил изречением моего учителя:

«Кусок грубого хлеба, кружка холодной воды и рука, чтобы на нее приклонить усталую голову, разве этого недостаточно для желающего стать более совершенным?»

«Ответ, достойный мудреца,— заметил явана.— Второй раз в жизни я слышу подобный ответ[1], но, может быть, я могу чем-нибудь наградить не тебя, а твоих земляков — купцов из Серики?»

«Для них я попрошу немногого: разреши всем купцам-серам свободно, без особых пошлин, торговать в твоем царстве».

Явана засмеялся и обратился к своим воинам:

«Это хорошее предзнаменование. Чужеземец верит в счастливую звезду Александра, верит гораздо больше, чем многие из моих товарищей. Ты получишь то, что просишь. Гефестион, позаботься о нем».

После этого он повернул коня и стал объезжать остальные повозки. За ним неотступно следовала группа телохранителей. Он не тронул драгоценностей, которые грабили его воины, но приказал собрать все рукописи, которые только найдутся, чтобы прочесть приказы и документы походной канцелярии царя царей.

Отряд двинулся дальше на север. В ближайшей деревне меня отпустили, дали пергамент, написанный по-персидски и на языке явана, с разрешением свободного пропуска через земли Персидского царства. Оттуда я направился на подаренном мне муле в Сугуду и прибыл сюда, в Мараканду. Вот то, что я испытал!

---

[1] Намек на известную беседу с философом Диоге́ном, который на вопрос Александра «Чего бы ты от меня хотел?» ответил: «Посторонись и не загораживай мне солнце!»

ГНЕВ САКОВ

Оранжевый луч падал сквозь прямоугольный узор резной двери. «Тридцать две радости», почти не тронутые гостями, отбрасывали боками своих блестящих чашек тридцать два солнечных пятна. Лица троих расплывались в полутьме. Только на красном, грубом лице Будакена солнечные блики замерли причудливым рисунком.

Широкие плечи Будакена во время рассказа Цен Цзы медленно клонились вперед, и над бровями и на висках набухали извилистые жилы. Не дотрагиваясь до еды, он лишь раз медленно выпил чашу вина. Тонкий пучок укропа, который он взял в левую руку, обвился зелеными нитями вокруг коротких пальцев.

Когда Цен Цзы степенно закончил рассказ и, слегка нагнувшись вперед, замолчал в ожидании вопросов, Будакен поднял на него налившиеся кровью глаза, схватил длинную прядь волос, падавшую на обшитое бусами плечо, и стал ее закручивать.

— После этого ты больше не видел саков?

— Нет, достойнейший.

Будакен глубоко вздохнул, и от его дыхания золотистый мотылек, трепетавший над чашками, стремительно отлетел в сторону.

— Ты все мне говорил про молодого начальника передового отряда. А не слыхал ли ты про Двурогого зверя, сына дракона — Аждархакаг. Он, говорят, главный царь всех яванов. Где же он?

Китаец погладил свою жидкую бородку и покачал фиолетовой шапочкой с круглым белым шариком на макушке.

— Я все время тебе рассказываю о Двурогом, а ты спрашиваешь, где он! Да ведь этот молодой явана в стальном шлеме, который ел нашу дыню, как и все мы, смертные, заковал в цепи твоего сына и метал копье в распятого сака, что настиг царя царей Дараиавауша, и был тот, кто сжигает города и уничтожает целые народы. Это тот, кого зовут Двурогим, сыном бога и дракона.

— Значит, мой сын Сколот дрался на глазах самого Двурогого и только тяжело раненный взят им в плен? Теперь мое сердце успокоилось: он не посрамил сакского имени и мне не стыдно будет перед моими друзьями в степи.

— Да, это было так.

— Но чем Двурогий побеждает? Он вооружен так же, как и персидские войска. Воинов у него мало. Может быть, ему помогают боги? Как ты думаешь, Спитамен? Если Двурогий пойдет на нас, саков, что будет?

Спитамен сидел, скосив глаза. Мысли его как будто были далеко. Он вынул из-за пояса нож и, взяв его за лезвие двумя руками, сказал:

— Я думаю, что Двурогому помогают не столько боги, сколько то, что персы забыли об острие своего копья, а вместо себя посылают наемные войска, идущие в бой за серебряные дарики. Я клянусь этой холодной светлой сталью, что, если Двурогий придет в наши степи, мы поймаем его живьем и его голову положим в мешок с кровью, как голову царя Куруша, чтобы она наконец напилась крови досыта!

И Спитамен запел скрипучим диким голосом песню саков:

Если увидите вспыхнувшие дымные огни
На далеких сторожевых вышках курганов,
Сзывайте товарищей, спешите на перекрестки дорог!

Готовы ли ваши кони? Отточены ли ваши мечи?
Натянуты ли туго ваши луки?

Будакен, услышав знакомые слова песни, тоже заревел могучим голосом. Оба скифа, разъяренные, пели, точно почувствовав запах крови. Китаец испуганно отодвинулся.

Затем степные гости затихли и долго сидели неподвижно, опустив глаза.

Будакен покачался из стороны в сторону и тяжело приподнялся:

— Чем я могу отблагодарить тебя за заботы о моем сыне? Хочешь благонравного мерина, корову с теленком, невольника, умеющего шить сапоги, или что другое? Скажи, почтенный иноземец, к чему влечет твое сердце?

Цен Цзы встал, поклонился и отрицательно потряс бородкой.

Будакен посопел, порылся в своих широких шароварах и вытащил маленькую золотую чашку величиной с разрезанное яблоко.

— Прими от меня эту маленькую чашку и каждый раз, когда ты будешь пить свежую воду, вспоминай о Будакене, который всегда с радостью примет тебя гостем в своем шатре.

Китаец принял маленькую блестящую чашку, ударил ногтем по ее краю и, зажмурив щелочки глаз, прислушался к ее чистому звону.

Оба гостя протянули китайцу руки, подержали его выпрямленные ладони, подогнув, по обычаю, правую ногу, и молча вышли из беседки.

Цен Цзы соединил концы тонких пальцев и ждал в дверях, пока скифы не прошли в калитку.

— Достигать совершенства,— прошептал он,— можно, думая о своем несовершенстве, а также протягивая руку тому, кто нуждается в помощи. Вернусь к своим запискам...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

СУМЕРКИ ПЕРСИИ

Герой должен воспламенять
и сжигать в битве;
Если он ранен, то пусть грива
лошади его ложе.
Да умрет смертью собаки трус,
Зовущий себя мужем и умоляющий
о пощаде!

(Шахрух Мирза)

АРТАКСЕРКС

На высокой стене Маракандской крепости в просвете бойниц стоял на пестром ковре бывший сатрап Бесс, теперь получивший имя «царь царей Артаксеркс»; высокий, дородный, с искусно завитой черной бородой, он имел осанку правителя, привыкшего к власти. Темно-малиновая одежда, вышитая золотыми цветами, облегала свободными складками его грузную фигуру. Широкий кожаный пояс с золотой пряжкой в форме колеса с крыльями туго затягивал его массивный живот. Короткий меч в синих сафьяновых ножнах с тонкой золотой отделкой висел на боку.

Опустив одну бровь и подняв другую, Бесс пристально смотрел со стены вниз, туда, где между деревьями виднелись раскрытые ворота. Толпа слуг разгружала караван мулов и ослов. Среди них неподвижно стоял белый двугорбый верблюд.

— Посмотри туда, Сатибарзан! Клянусь шестью потоками рая, что на верблюде сидит молодая прекрасная женщина. Видишь, она откинула покрывало. Вот верблюд стал на колени, и нежную девушку сняли осторожно, как гроздь винограда. Кто эта девушка?

Собеседник Бесса стоял мрачный. У него была короткая замшевая одежда воина. Он был широк в плечах, и плечи были подняты, как у атлета, который с детства упражняется в метании копья и боевых играх.

— Это владение князя Оксиарта, правителя Курешаты. Не его ли это дочь? Вероятно, она приехала ради тебя на смотрины царских невест.

— Клянусь шестью потоками, если даже это дочь беспутного пьяницы Оксиарта, то все-таки она достойна стать одной из трехсот шестидесяти жен царя царей! Ты бы поехал туда к ним и разузнал, так ли это.

— Отпусти меня, величайший,— ответил Сатибарзан.— Я не создан для переговоров, и нет времени на это. Медлить нельзя. Я хочу поднять восстание в тылу Двурогого. Дай мне тысячу всадников, и с ними я буду нападать на македонские обозы.

— Да, да, это, конечно, важно, и этим я займусь на днях. Я дам тебе не одну, а целых две тысячи бактрийских всадников. Датаферн, ты слышал ли что-нибудь про дочь Оксиарта?

Мягкой походкой подошел толстый старик с обрюзгшим лицом. Он тяжело согнулся и упал ниц на ковровую дорожку, положив лицо между ладонями, подогнув правую ногу к подбородку и вытянув левую. Став на колено, он отвечал Бессу:

— Я слышал, что дочь Оксиарта не только прекрасна, но она также училась разной книжной премудрости: Оксиарт выписал ученого греческого раба из Финикии, и дочь князя Рокшанек научилась читать и писать по-эллински, играть на египетской арфе и танцевать вавилонские священные пляски. Ученые атраваны научили ее понимать древние книги Авесты. Такая девушка будет одним из лучших цветков во дворце царя царей.

— Пусть так и будет! К чему медлить! Пора устроить смотрины невест. Я готов отложить все другие дела, чтобы скорее отпраздновать свадьбу.

Раздался легкий шум. Царь царей оглянулся. На широкой площадке несколько человек, одинаково распростертых на ковре, ожидали милостивого внимания властелина, не имея права начать разговор.

— О чем вы просите? — спросил Бесс.

Лежавшие приподняли головы, и все заговорили сразу:

— Я приехал издалека, чтобы приветствовать тебя, величайший. У меня нечестивые македонцы отняли поместья, и вот я, переодевшись нищим, пробрался сюда на осле, чтобы отдать свою жизнь за обожаемого царя царей. Я надеюсь служить тебе так же, как служили мои предки царям великой Персии.

— Постойте,— прервал их Бесс.— Я рад слышать ваши преданные речи. Мне нужны опытные в правлении люди, много людей. Мои планы громадны. Надо возродить страну. Боги нас не оставят. Они помогут нам снова восстановить и собрать вместе единую, неделимую, древнюю Персию.

— Ты велик, ты мудр, ты сверкаешь, как солнце! — воскликнули лежащие.— Не забудь нас!

— Идите, я вспомню и позову вас.

— Но мы сейчас голодаем. Кто накормит нас, если не ты, величайший?

— Мне приходится столь многих кормить, но еще четыре человека не разорят меня.

Из-за угла стены выступил бледный сириец с двумя навощенными дощечками в руках. Он трижды становился на правое колено, подходя к Бессу, затем опустился на оба колена, ожидая высочайших приказаний.

— Ты запишешь всех четырех на кормление из царской кухни,— обратился к сирийцу Бесс.— А вы идите!

— А жалованье нам? — простонали просители.

Бесс показал вид, что не слышал вопроса, и повернулся к Датаферну. Сириец поднялся и, не поворачиваясь, пятясь, удалился с площадки. За ним, так же пятясь, ушли просители.

— С чем ты пришел ко мне?..

— Величайший, приехали скифы.

— Ты слышишь, Сатибарзан? Наконец приехали скифы. Слава всемогущему творцу! Он услышал наконец наши молитвы. Видно, боги желают спасти нашу родину. Где скифы? Сколько их? Тысяча, две, пять?

На бритом лице Датаферна скользила почтительная улыбка.

— Приехал сакский князь Будакен Золотые Удила. Очень большой человек, как горный медведь. Вместе с ним несколько сакских воинов.

— Но почему их так мало? Его отряд остался за городом? Не посол ли это для переговоров? Отправить этого сакского князя во дворец в саду Талиссия, окружить заботами. Дать вина столько, чтобы скифы пили без передышки и выболтали, чтó у них на уме. Мне нужно сперва выведать их замыслы. Сегодня вечером я устрою совещание моих ближайших советников, а скифов я приму через несколько дней. Не подобает нашему величию принимать чужеземных послов сейчас же, как они постучат в ворота дворца. Ты, Сатибарзан, займешься скифами. Они для нас гораздо опаснее, чем Двурогий. Разве не верно?

Сатибарзан смотрел равнодушно:

— Я не умею вести хитрые разговоры, я воин, отпусти меня.

— Да, да, я тебя отправлю, но не сегодня же ты уедешь. Поэтому сделай, что я сказал. Сходи к этому скифскому медведю.

Сатибарзан отступил на несколько шагов, трижды пре-

клонил колено и, пятясь, удалился с площадки. Старый Датаферн на коленях ждал приказаний.

— А ты, Датаферн, позаботишься, чтобы смотрины царских невест устроить как можно скорее...

ЦАРСКИЙ ПРИЕМ

Несколько дней Будакен провел в отведенном ему царском загородном дворце Талиссия, ожидая приема у царя царей.

Громадные блюда с разнообразными кушаньями и запечатанные кувшины с вином присылались ему ежедневно. Персидские сановники постоянно сидели вокруг Будакена, расспрашивая его об охоте, лошадях, разных степных зверях, обычаях скифов, и заодно старались выведать, какие замыслы у скифских князей: собираются ли они прислать своих непобедимых воинов, чтобы сразиться с нечестивыми яванами, истребителями людей?

Будакен был молчалив, недоверчиво выслушивал вопросы и рассказы гостей, давая очень туманные ответы:

— Если Двурогий спустится с гор, то саки сперва посмотрят, какие у него воины. Потом мы решим, что нам выгоднее: уйти ли в глубину степей, или напасть на Двурогого и раздавить его копытами наших бесчисленных коней.

Наконец Будакену был объявлен день царского приема. Он выехал в красном плаще с нашитыми золотыми бляшками, и его провожали десять вооруженных скифов.

Впереди скакали бактрийские всадники на высоких поджарых конях с вплетенными в гривы красными лентами. Бактрийцы в чешуйчатых бронзовых панцирях, с роговыми луками на боку и колчанами за правым коленом сидели, изогнувшись, как кошки. Встряхивая длинными кудрями, они гикали и хлопали плетьми, разгоняя встречных.

У ворот крепости сгрудились стража и пестрая крикливая толпа. Длинные кожаные трубы повторным ревом возвестили прибытие знатного гостя.

На высокой арке ворот разноцветными изразцами переливался герб персидского царя: распростертые соколиные крылья и посредине их — стрелок, натягивающий лук.

В темном проходе выстроились «бессмертные» — телохранители царя, в длинных, до земли, одеждах, с колчанами за правым плечом. Тонкие бронзовые цепочки свешивались с колчанов и звенели при каждом движении воинов. Скрестив копья, они загораживали доступ внутрь крепости,

куда пропускали только немногих избранных, имевших кусочек пергамента с печатью главного надзирателя дворца. По требованию стражи Будакен оставил свое оружие при входе. Спитамен последовал за Будакеном, чтобы служить ему переводчиком.

Сатибарзан и двое «бессмертных» шли впереди; за ними четверо слуг несли на подносах подарки Будакена: короткий скифский меч в искусно отделанных золотом ножнах, драгоценные ожерелья из тигровых зубов, приносящие успех на охоте, и связку темных собольих шкурок.

Первый двор, вымощенный квадратными плитами, был полон согдской знати, ожидавшей возможности увидеть своего правителя. Затем пришлось идти узким проходом между гладкими глухими стенами. Дальше была низкая дубовая дверь. Два воина скрестили копья. Старый евнух с отвислыми щеками, с золотой цепью на шее спросил пропуск. Сатибарзан шепнул ему несколько слов на ухо и показал свиток пергамента. Дверь открылась, и Будакен вошел в небольшой двор, окруженный высокими кирпичными стенами. Бесчисленные деревянные колонны, украшенные тонкой резьбой, поддерживали несколько круглых навесов, под которыми посетители могли укрываться от солнца и от дождя. Весь двор был застлан коврами. В глубине стояло одинокое кресло, отделанное золотом и слоновой костью, с высокой спинкой, на которой было выткано золотом колесо с двумя крыльями.

В кресле, поставив ноги на скамейку, сидел Бесс в золотой, круглой, как дыня, тиаре, в парчовой одежде, обшитой бахромой. По обе стороны Бесса стояли юноши с отличиями «бессмертных». Перед троном, опустившись на колени, стояли знатные персидские, согдские и бактрийские сановники.

Будакен на мгновение остановился, окинув всех внимательным взглядом, затем направился к сидевшему на троне Бессу.

Будакен знал, что все подданные великого Персидского царства, встречаясь с царем царей, падают на землю и лежат неподвижно, пока царь с ними не заговорит. Но, поступив так, Будакен показал бы, что саки считают себя в подчинении персидскому царю, а этого сакский вождь не мог допустить. Поэтому Будакен остановился в нескольких шагах от трона в ожидании. Глаза Бесса тревожно метнулись и уставились на скифского князя.

— Будь здоров и царствуй много лет, великий правитель Персидского царства! — прогудел спокойно Буда-

кен.— Сакские племена посылают меня передать их привет и пожелания жить в мире и дружбе с подданными тебе народами.

Бесс самодовольно улыбнулся, решив, что в этом приветствии выражено достаточно почтительности и что большего раболепия от скифского князя все равно не дождаться. Он поднял кверху ладони в знак обращения к небу с молитвой и заговорил, растягивая слова, как это делают при богослужении жрецы:

— Я рад видеть тебя, доблестный и храбрый князь Будакен. Да хранит тебя создатель неба, земли, гор и морей! — Бесс уже знал из докладов подсылавшихся к Будакену сановников его имя, род и место стоянки кочевья.— Садись рядом, здесь, и поговорим о делах наших народов, а потом перейдем к «козьей шерсти»[1].

Будакен, подойдя к трону, опустился на ковер, подобрав под себя ноги. Оба некоторое время обменивались любезными вопросами о здоровье, силе мышц, состоянии коней, о бурях, дождях и направлении ветров.

— Я знаю, что ты любишь быстрых и сильных коней,— сказал Будакен,— поэтому я привел для тебя двух жеребцов, сыновей знаменитого скакуна Буревестника.

Бесс захотел сейчас же их увидеть и приказал привести коней. Он продолжал спрашивать, живут ли в сакских степях львы и носороги, нападают ли саки на их соседей тохаров и много ли снега бывает зимой в кочевье Будакена.

Старый Датаферн, подойдя к трону, склонился до земли и произнес шепотом:

— Разреши, о величайший, предстать перед тобою верному слуге твоей воли Оксиарту, князю Курешатскому.

— Зачем он вернулся раньше срока? — удивился Бесс.— Что могло помешать ему исполнить мое приказание? Пусть придет.

Князь Оксиарт вбежал и с видом ужасного отчаяния бросился на ковер перед Бессом. На полу он забился в глухих рыданиях.

— Какие несчастья обрушились на тебя, князь Оксиарт? Перестань предаваться горю, как вдова, лишенная поддержки любимого мужа. Говори, кто обидел тебя,— я покараю его всей яростью моего гнева. Не погиб ли твой сын, не заболела ли твоя прекрасная дочь?

— О величайший, о светлейший! Весь небосвод поме-

---

[1] Говорить о «козьей шерсти» означало говорить о маловажных делах.

щается в перстне твоего большого пальца. Когда я помчался исполнять твою волю и, чтобы скорее достигнуть ваших пограничных крепостей, загнал трех жеребцов...

— Напрасно загубил трех жеребцов,— прервал его Бесс,— кони нужны теперь для войны.

— Я проехал сакскую степь, но там меня обидел скифский начальник, с которым я хотел повести переговоры согласно твоему повелению, да блистаешь ты победами тысячу лет! Этот начальник заманил меня в свое кочевье, где жестоко избил и посадил в яму с верблюжьими клещами. Долго ли еще саки будут издеваться над нами? Теперь не Двурогий разбойник наш враг — он уже подыхает, засыпанный снегом в горных ущельях. Теперь саки — наша гибель. Я умоляю тебя, собирай войска против саков. Они уже поют песни про Афрасиаба и призывают точить ножи на черном камне.

Бесс смотрел с удивлением то на Оксиарта, то на Будакена. Все окружающие затихли. Оксиарт поднял голову и, посмотрев по сторонам, заметил Будакена. Скифский князь сидел, сжав кулаки, нагнувшись вперед. Его подбородок дрожал от гнева. Казалось, он сейчас бросится на Оксиарта.

Оксиарт запнулся, закашлялся и стал смеяться:

— Но, конечно, не все саки против нас. Есть и среди них мудрые князья, готовые к дружбе с нами. Все говорят о высоком разуме и подвигах князя Будакена Золотые Удила. Он так горячо принял меня, что я буду рад отблагодарить его таким же точно образом... Но не его ли я вижу здесь? Какая радость для меня увидеть его теперь гостем согдов!

Будакен заговорил глухо, и глаза его горели скрытым гневом:

— Мы, саки, потому свободны, что всегда точим ножи и всегда наши колчаны полны жаждущих крови стрел. У нас нет крепостей, и наша сила только в том, что мы любим драться. Мы можем воевать сразу и с согдами, и с Двурогим разбойником, и со всеми, кого мы увидим на границе наших степей...

Бесс понял, что между обоими князьями таится еще не понятная ему вражда. Он не хотел ссориться с влиятельным Оксиартом, но в то же время ему нужна была помощь саков. Поэтому он прервал спор князей:

— Славный князь Оксиарт! Ты плохо заметил, против кого саки точили ножи. Конечно, не против нас. Уже

несколько кругов лет[1] мы живем в полной дружбе с саками. Я уверен, что саки нам помогут; если Двурогий разбойник захочет пройти в наши долины, чтобы попробовать нашего старого вина, он сперва испробует острие наших прославленных мечей... Но что же нам не дают вина? Мы выпьем за нашего достойного гостя.

Немедленно вошли с подносами мальчики в широких желтых шелковых шароварах. Они принесли бронзовые кувшины с янтарным вином и стали раздавать ценные кубки, разукрашенные затейливыми узорами.

Виночерпий, отлив вина из кубка себе на ладонь, выпил глоток и подал кубок Бессу. Тот с ласковым словом передал этот кубок Будакену. Затем привычным жестом Бесс сам осушил другой кубок.

ПРЕСТУПНЫЕ РЕЧИ

— Поговорим теперь о деле, о котором здесь все только и твердят.— Бесс сделал знак пальцем, украшенным перстнями, чтобы мальчики подлили еще вина.— Мои верные помощники спорят о том, придет ли в нашу мирную страну преступный царь Искандер. Одни говорят, что он непременно направится сюда, другие же убеждены, что он уйдет в Индию.

— Разве можно думать иначе! Конечно, он уйдет в Индию! — подобострастно зашептали все сановники.

— Он даже не дойдет до Индии,— заявил один из них.

— Почему не дойдет? — строго спросил Бесс и повернулся к сказавшему.

Сухой старик сидел неподвижно, вытянув на коленях ладони рук.

— Я видел одного нашего купца, перебежавшего из лагеря Двурогого. Он говорит, что у киликасов постоянные заговоры и бунты, что Искандер боится за свою судьбу и окружил себя громадной стражей, казнил нескольких самых близких друзей и начальников. Может быть, Двурогий уже убит. Если он жив, то ему приходится больше думать о собственном спасении, чем о новых походах. Как стрела, долетевшая до своей цели, падает, так и Двурогий, истощив все свои силы походом через Персию, погибнет у подножия Седых гор.

---

[1] Круг — двенадцать лет; обычное исчисление древних персов и скифов.

Бесс поднял руки. За ним все протянули руки к безоблачному небу, синевшему над серыми стенами.

— О вы, древние хранители нашего великого царства! — протяжно, нараспев проговорил Бесс.— Вы оберегали многие тысячелетия нашу страну, чтобы мы смогли владеть и управлять всем миром. Вы теперь наслали на нашу родину злого сына змеи и Аримана, чтобы наказать нас за неверие и непочтительность к богам. Этот Двурогий наказал нас, как бич наказывает нерадивого раба. Теперь гнев богов кончается, и мы начнем восстанавливать разоренную страну, строить снова разрушенные храмы и дворцы. С востока восходит солнце, и с востока придет возрождение замученной Персии! — Бесс был взволнован, и слезы покатились по щекам.

— Ты великий, ты спасешь нас! — восклицали сановники.— Целуем край одежды твоей. Поведи наши смелые войска на Двурогого. Мы погоним его, как бешеную собаку, до самого моря, где он утонет!

— Молитесь и верьте! — воскликнул Бесс, протягивая руки своим приближенным, и они все подбегали к нему, падали на колени и целовали край его парчовой одежды.— Слушайте, что я решил сделать. Я издам приказ, чтобы все жрецы молились о нашей победе и днем и ночью.

— Верно! Верно! Это очень важно! Будем молиться.

— Я здесь вижу много мудрых сановников, знающих трудную науку управления государством. Через далекие равнины, горы и пустыни они с опасностью пробирались ко мне среди отрядов наших врагов. Все эти ценные люди представляют то ядро, из которого загорится пламенем слава дорогой нам Персии. Они составят Царский совет возрождения и управления государством.

— Это мудро, это велико, это достойно царей древности! — восклицали сановники, и каждый надеялся, что он станет членом этого совета.

— Кроме того, мы должны позаботиться о воспитании нашей молодежи. Нужно сейчас же устроить школы, где будут воспитываться дети князей и высших сановников. В этих школах они будут учиться воинскому искусству, езде верхом, метанию копий и будут посещать суды, чтобы знать, как решать дела.

— Ты все предвидел, ты обо всем подумал! — восхищались сановники.

— Нужно еще многое сделать! Сделаем возлияние богам и выпьем за то, чтобы отсюда, из Мараканды, началось возрождение Персии.

Бесс обвел всех взглядом, полным растроганной нежности, и остановился на Спитамене. Тот сидел на коленях, глаза его скосились, рот искривился горькой насмешкой, и он, растопырив ладонь левой руки, что-то считал по грубым, загорелым пальцам.

— Отчего у гостя чаша полна вина? Отчего он не пьет? И что он считает?

Будакен, только что выпивший чашу за возрождение Персии, покосился на Спитамена.

— Мой проводник-переводчик видел много народов и прошел много стран,— сказал Будакен.— Может быть, он мог бы рассказать нам что-нибудь ценное? Например, о родине Двурогого?

— Скажи нам, а мы послушаем! — ответил Бесс.

Все затихли и со снисходительным презрением уставились на неведомого, бедно одетого спутника скифского князя. Что может сказать этот измеритель больших дорог, наглотавшийся пыли,— сказать им, правителям сатрапий.

— Что же ты молчишь, говори! — сказал дружелюбным голосом Оксиарт, вспомнивший, что Спитамен удержал руку Будакена словами: «Послов не убивают».

Спитамен медленно произнес:

— Я высчитываю, через сколько дней Двурогий будет здесь, в Мараканде.

На мгновение воцарилась тишина, затем она сразу прорвалась шумом и криками:

— Что он сказал? Кто он? Он не верит в спасение Персии?

Голова Бесса сразу втянулась в плечи; он глядел помутневшими, испуганными глазами на странного для него человека, который сказал именно то, о чем Бесс неустанно думал дни и ночи, никому не решаясь высказать свои опасения.

— Замолчите! — воскликнул Бесс.— Пусть он говорит. Почему ты думаешь, что Двурогий может пойти сюда, на Сугуду?

— Двурогий может пройти всюду, где его никто не задержит.

— Но войска посланы ему навстречу и во всех проходах стоят наши отряды.

— А кто должен задержать Двурогого? Кто должен подставить свою грудь, чтобы откинуть его назад?

— Кто? О чем ты спрашиваешь? Мы! — закричали сановники.

— Нет, вы свою грудь ему не подставите. Вы будете

писать законы, а удерживать врага будут ваши пастухи и пахари.

— Вы слышите, что он говорит? — зашипели сановники.— Да он опаснее Двурогого! Он не наш! Нужно разузнать хорошенько, что это за человек. Да это, наверно, лазутчик Двурогого: и в глаза не смотрит, и косится на кончик своего носа.

Бесс заговорил опять громким, властным голосом. Снова он сидел, как царь царей, выпрямившись и ухватившись за ручки кресла пальцами, украшенными сверкающими алмазами.

— Мы можем весело посмеяться сегодня — так меня развеселил этот человек, скосивший глаза, точно на конце его носа сидит скорпион. Ты, вероятно, наслышался женских россказней о Двурогом и его воинах и поэтому трусишь. Не бойся, войск у нас довольно! Одних согдских воинов в три раз больше, чем всех войск Двурогого. Наши войска сыты, хорошо одеты, они у себя дома, поют песни и пляшут. А войска киликасов мерзнут в горах. Ты, вероятно, никогда не видел яванов. Они такие же люди, как мы, и наш прославленный бактрийский всадник может копьем проколоть сразу нескольких яванов.

Спитамен процедил сквозь зубы:

— Я хорошо знаю яванов-эллинов и не раз стегал их плетью так, что они разбегались от меня, как испуганные поросята.

— Да он еще и хвастун! — воскликнули все.— Где ты смог хлестать плетью этих разбойников?

— Нас было триста скифских всадников. Мы поддерживали порядок и спокойствие в главном городе яванов Афинах[1]. Они любят так много говорить, что если два явана заспорят, то их уже не разогнать, к ним пристают еще четверо, затем восемь, и скоро целая площадь спорит о том, кто выше и сильнее — Афины или Спарта. Только скифские всадники были способны разогнать такую крикливую толпу, и нас нарочно держали для этого.

— Ты, наверное, умеешь даже говорить по-киликасски, если жил в Афинах? — спросил вкрадчиво Датаферн.

— Да, умею.

— О, ты можешь оказаться нам очень полезен,— сказал Бесс.— Если князь Будакен тебя отпустит, ты будешь переводчиком в Бактре. Если ты уже бил яванов, то

---

[1] В Афинах был отряд скифов (государственных рабов), поддерживавший порядок.

отправься на границу и поймай нам их несколько. Мы бы уж заставили этих болтунов рассказать все, что нам нужно. Теперь же верные сыны Авесты, пойдемте смотреть жеребцов, которых привел из сакских степей славный князь Будакен.

Окруженный свитой и телохранителями из отряда «бессмертных», Бесс прошел в небольшой сад. Посреди стоял шатер из белого войлока, подбитый красной подкладкой. Вокруг шатра были привязаны к столбам любимые жеребцы Бесса. Слуги стояли около с большими подносами. На них лежали ломти спелых дынь. Бесс остановился около двух жеребцов Будакена. Один был золотисто-желтый, другой светло-серый в яблоках, с белым хвостом и гривой. Бесс при почтительном молчании сановников стал кормить коней ломтями дыни, затем он сделал знак Сатибарзану и отошел с ним в сторону.

— Этого проводника награди деньгами, чтобы он ничего не подозревал. Отправь его сейчас же в Бактру с отрядом всадников. Прикажи, чтобы они не спускали с него глаз и по пути надели на него цепи. В Наутаке надо подвергнуть его пытке и выведать, не лазутчик ли он.

С деланно радостным лицом Бесс вернулся к Будакену и стал ему рассказывать, какие он хочет построить каменные мосты через все реки и странноприимные караван-сараи на всех больших дорогах.

— Времени еще достаточно,— говорил Бесс.— Ты князь, будешь вскоре пировать на моей свадьбе. Дочери согдских и бактрийских князей станут женами царя царей, и я повезу их с собой в Сузы. Разве согдские князья не станут после этого опорой царского трона и первыми вельможами в Персидском царстве? Разве они не станут править отсюда всем миром?

НОЧЬ В УЩЕЛЬЕ

Когда Будакен вернулся в загородный сад Талиссия, его там уже ждали персидские сановники. Они привезли подарки от Бесса: несколько бронзовых блюд и кувшинов со сценами охоты львов на оленей. Привезли также большой персидский ковер; он изображал цветущий весною луг в виде множества искусно сплетенных цветов и листьев, а также самый ценный для него подарок — большую кольчугу искусной работы, сделанную из стальных пластинок и колечек.

Приехал Сатибарзан и, оставшись наедине с Будакеном, стал настойчиво расспрашивать его, на каких условиях саки могут немедленно прислать сто тысяч всадников, чтобы начать борьбу с Двурогим.

— Если саки нападут на дороги, по которым идут подкрепления царю Искандеру из Суз и Экбатаны, то войска этого разбойника будут отрезаны, лишены поддержки, и тогда всех яванов легко будет передавить, как щенков, в ущельях Дрангианы.

Скифские воины сидели отдельно от князей, вокруг костра, где над раскаленными угольями на вертелах жарились бараньи туши. Кидрей раздувал плетенкой уголья и поворачивал мясо, с которого стекал жир, шипел и вспыхивал, падая на огонь.

Спитамен объяснял:

— Меня посылают к Седым горам. Требуют, чтобы я им поймал пару киликасов. Им не понравилось то, что я им сказал. Они взбеленились, точно испуганные гуси. Мне дают двадцать всадников или меня передают им — не знаю. Боюсь только, не поручено ли им придушить меня по дороге.

— Мы поедем за тобой,— сказал Кидрей.

Спитамен подумал и согласился.

— Если вы поедете следом за мной, то мы встретимся около переправы через Окс. Там всегда задержка: не хватает лодок для перевозки путников. Поберегите моего коня. Если Бессу нужно, чтобы я пробрался к Седым горам, он коня даст. А если он хочет от меня отделаться, то зачем погибать доброму коню?

* * *

Утром двадцать всадников выехали из Мараканды по большой торговой дороге, ведущей к Бактре. Спитамен был среди них.

Начальник отряда, тощий и костлявый сотник, сидел молчаливо на коне, угрюмо глядя исподлобья. Он покрикивал на других всадников, не позволяя им отдаляться от отряда. Спитамен ехал в середине. Несколько всадников неотступно его окружали.

Весь день ехали мимо тщательно возделанных полей с густыми зелеными посевами джугары и пшеницы.

По пути попадались похожие на небольшие крепости усадьбы князей. Поселки крестьян состояли из маленьких хижин, сложенных из камней и смазанных глиной. Громад-

ные, похожие на волков собаки с яростным хриплым лаем прыгали и пробегали по глиняным заборам.

Всадники заезжали на бахчи, выбирали лучшие дыни и арбузы и ели их, не слезая с коней, топча грядки.

На коротких остановках в селениях сотник стегал плетью старшину, покорно склонявшего голову.

Испуганные крестьяне приносили в плетенках ячмень для коней, горячие хрустящие лепешки и кувшины с молоком.

Вечером, когда солнце легло на гребень гор и их вершины стали рыжими, отряд остановился около ручья, протекавшего между скалами. Место было мрачное, безлюдное. Несколько кривых стволов можжевельника и фисташек кое-где прицепились по склонам гор. Селение осталось далеко позади.

Затрещало несколько костров, и сизый душистый дым стлался по земле. Начальник отряда стал еще грубей и закричал на Спитамена, когда тот вздумал подыматься по горе. Спитамен, не обращая на него внимания, поднялся выше. Остановившись на выступе скалы, он осматривался кругом. Сотник ругался, требуя, чтобы «дорожный бродяга» не колдовал и не призывал на воинов чуму.

Спитамен окинул взглядом горы и заметил направление ущелья — по склонам его зеленой щетиной росли ели. Тропинка бежала зигзагами к вершине горы. «Там перевал и спуск»,— подумал он.

Несколько воинов, ругаясь, вскарабкались на скалу и набросились на Спитамена.

— Вы чего взбесились? — крикнул Спитамен, рванулся и в несколько прыжков оказался около костра. Здесь он опустился на колени на войлочном потнике и застыл в неподвижной позе, точно молясь.

Воины с опаской подошли к странному для них охотнику. Он не сопротивлялся, когда они ему вязали сыромятными ремнями руки за спиной. Он только начал дрожать мелкой дрожью, и зубы его стучали.

Ночь быстро закутала горы темно-лиловыми тенями, и в свете пылающих костров закраснели ближайшие камни и кусты.

Спитамен продолжал дрожать. Он метнул несколько косых взглядов на воинов, рывшихся в его переметных сумах и деливших между собой, бросая игральные кости, его лепешки, чашку и цветную рубашку.

— Чего дрожишь? — сказал молодой безусый воин.— Боишься смерти? От нее не убежишь...

— У меня в левом сапоге есть кошелек с серебром,— сказал охотник.— Возьми его себе, только за это прикрой меня своим плащом. Сегодня меня трясет лихорадка: каждый тринадцатый день она прилетает мучить меня.

Юноша пошарил за голенищем мягкого сапога Спитамена и вытащил оттуда кошелек. Он набросил на связанного свой белый войлочный плащ. Постепенно дрожь уменьшилась, и Спитамен затих.

Сотник точил черным камнем свой широкий тяжелый меч и говорил помощнику-дефтадару, сидевшему рядом:

— Сейчас его убивать не следует: если теперь душа его выскочит из тела, она начнет летать всю ночь вокруг этого места и будет пить кровь заснувших. Мы с ним разделаемся на рассвете, перед отъездом. Пусть часовые сидят на полах его плаща, а один будет стеречь коней.

Ночь тянулась долго. Часовые подбрасывали ветви можжевельника. Где-то во мраке заливались визгом и хохотом невидимые шакалы. Летучие мыши чертили воздух.

Когда розовой шапкой заалела далекая вершина горы, засыпанная снегом, когда кони опушились серебристой пылью инея и костер, покрываясь пеплом, медленно потухал, один из сидевших на плаще Спитамена воинов очнулся ото сна. Ему послышалось странное клохтанье. Звук напоминал бульканье вина, вытекающего из меха. Другой часовой храпел, положив голову себе на колени.

Часовой встал, потянулся и увидел лежащую на земле голову сотника. Один глаз был закрыт, другой, прищуренный, как будто смотрел с усмешкой. Сотник лежал в стороне, раскинув руки и ноги, из горла с бульканьем вытекала кровь; голова была отсечена одним ударом.

Воин видел много смертей на своем веку, но он похолодел и в ужасе оглянулся кругом. Все спали: лошади, съевши весь корм, стояли без движения, понурив головы. Часовой стал толкать ногой спавших товарищей.

— Верные сыны Авесты,— шептал он, поглядывая со страхом на окрестные скалы,— беритесь за оружие, враг близко!

Воины подымались, спросонок плохо понимая, в чем дело. Все хватали копья, готовые биться со злыми духами, летающими в глухих ущельях. Перепуганные воины медленно подходили к голове своего начальника.

— Наверное, дорожный бродяга вчера наколдовал и призвал ночных духов,— шептали они между собой.

— Этого колдуна убивать не следует, мы его живьем привезем в город. Там вытряхнут его из шкуры!

Один воин ткнул копьем неподвижную фигуру Спитамена. Белый плащ, стоявший коробом, повалился.

Охотника под плащом не было. Он исчез. На том месте, где недавно все его видели, на камне сидел небольшой золотисто-желтый скорпион: загнув кверху коленчатый хвостик, скорпион пошевеливал ядовитым жалом, готовый и к защите и к нападению.

— Дивы! Злые дивы в этом ущелье! — завопили воины.— Скорее прочь отсюда!

Дефтадар старался удержать обезумевших товарищей, но они ничего не слышали, отвязывали коней и мчались по дороге.

Дефтадар один остался около трупа. Его поразило, что исчезли меч сотника и его тяжелое короткое копье. Он нарубил веток можжевельника, снес их в одну кучу и положил на нее тело начальника.

Привязав на аркан коней сотника и Спитамена и вскочив на своего жеребца, Дефтадар быстро двинулся по ущелью вперед, по пути к Бактре.

ПУТЬ СПИТАМЕНА

В полумраке Спитамен бесшумно удалился от костра. Он вытер короткий меч сотника о хвою ветвей, засунул его за пояс и углубился в ущелье.

Зорким глазом охотника он вскоре нашел козью тропинку и стал подыматься вверх по крутизнам уродливо разбросанных скал. Вскоре он услышал топот коней и крики. Притаившись за кустами, он следил, как воины, с которыми он только что ночевал, пронеслись вскачь по ущелью.

Он подымался все выше, и когда забрался на первый скалистый отрог, то увидел впереди себя бесчисленные утесы и причудливо набросанные камни. Ущелья казались особенно мрачными, как бездонные провалы, и дымчатые туманы ползли оттуда к вершинам гор, быстро тая в косых лучах солнца.

Скоро он заметил на горе вереницу тонконогих серых ослов, нагруженных с обеих сторон тяжелыми мешками. До него доносились покрикивания крестьян, шедших с длинными ровными палками следом за ослами. Они привычной походкой подымались в гору и на спусках упирались палками, задерживая свой шаг.

Спитамен то карабкался, то сбегал по скатам, выбирая кратчайшие пути. Несколько раз он обгонял крестьян.

Увидев неизвестного путника с копьем, они кричали друг другу «Тереч!»[1] и выхватывали топоры с длинными ручками. Они настороженно смотрели на Спитамена.

— Кто ты, куда идешь?

— Идите с миром!

— Одинаково проходит и добрый и злой. Но пусть будет так, чтобы имя твое мы помянули добром.

— Я зла не сделаю.

— Говорят, война близко, скоро и здесь будут гореть хижины и женщины рвать на себе волосы. Мы уходим подальше в горы. Нам был приказ от царя царей идти воевать. Зачем нам воевать? Прожить бы только!..

Крестьяне сами доставали из мешков высохшие лепешки и горсти изюма и давали незнакомцу. Обычаи не позволяли в дороге просить хлеба. Кто даст, так сам — от доброго желания. Видно же сразу, что у путника нет дорожного мешка и глаза горят, как у голодного волка.

Несколько дней шел Спитамен горами и все туже затягивал свой пояс. Однажды на рассвете он увидел широкую светлую полосу реки, окаймленной высокими густыми камышами. По ту сторону реки раскинулась равнина, и на горизонте едва были видны далекие зубчатые горы, дымчатые в утреннем тумане. Он понял, что это великая река Окс.

За рекой начиналась Бактра.

Спитамен обошел далеко кругом селение, лепившееся по склону горы. Внизу, среди камышей, он заметил полянку с ровными линиями грядок. Он решил там отдохнуть.

Спускаясь к берегу, Спитамен наткнулся на всадника. Седобородый старик ехал на коне, навьюченном мешками. Увидав перед собою незнакомца с копьем, старик пустился вскачь. Один мешок оборвался и остался лежать на дороге. Всадник взлетел на перевал и, остановившись, следил, что будет делать незнакомец.

Спитамен развязал мешок. В нем были тщательно сложены синие и шафрановые рубашки и шаровары. Старик, вероятно, был скупщиком одежд и материй, которые ткут горные крестьянки. Спитамен вытряхнул на дорогу все одежды и, свернув кожаный мешок, углубился в камыши.

Старик ждал на перевале, пока не подошло несколько путников. Присев на корточки, они долго спорили, потом все направились к тому месту, где лежали выброшенные одежды и кричали, обращаясь к камышам:

---

[1] Теréч — берегись.

— Выйди только сюда, бездомный бродяга! Много вас теперь, бездельников, шатается! Все бегут, не хотят защищать родную землю. Изрубим тебя топорами, вор, разбойник, сунься только к нам!

Спитамен пробирался через высокие камыши, с трудом вытягивая ноги из топкой, вязкой земли. Он добрался до поляны. Это была бахча, на которой, прячась в пышной зелени, желтели дыни, поблескивали арбузы и большие изогнутые огурцы. Здесь он нашел сухую кочку, разостлал кожаный мешок и упал на него, потеряв последние силы.

Он лежал долго. Солнце перевалило за полдень. Спитамен протянул руку и взял зрелую дыню. Рассек ее мечом и выпил оранжевый сладкий сок. Он ел ее маленькими ломтиками и прислушивался к звукам окружающей чащи.

Гибкие камыши в два-три человеческих роста тихо шелестели, покачивая верхушками с пышными седыми кистями. От порывов ветра шелест усиливался, и из разных мест доносились звуки, точно множество людей собралось кругом и шептало неведомые слова.

Спитамен снял с себя шерстяной армяк, холщовую рубаху, кожаные штаны, истрепавшиеся мягкие сапоги, портянки и разложил их на земле. Он пролежал на солнце весь день, пока верхушки камышей не зачернели на багровом небе и с реки не повеяло холодом и туманом.

Силы восстанавливались. Он оделся, обошел поляну. В конце ее уходила в камыши едва заметная тропинка.

Где-то затрещало, послышалось чавканье. Спитамен спрятался за камыши. Сквозь сетку стеблей ему были видны грядки поляны.

Из камышей показалась фыркающая громадная голова кабана, вымазанная грязью. Белели изогнутые клыки. Хитрые злые глазки зорко смотрели по сторонам. Кабан сильно потянул воздух, затем уверенно и грузно вышел на поляну.

За ним стремительно выбежали несколько больших и маленьких свинок и остановились в ожидании. Кабан поднимал рыло, нюхал воздух. Щетина на хребте поднялась гребнем. Потом кабан успокоился, и щетина на спине улеглась. Он сильно стал взрывать мордой рыхлую сырую землю. Свиньи забегали по грядкам и, разевая длинные узкие морды, звонко раскалывали арбузы.

Спитамен стоял неподвижно: он знал, что кабан — самое бесстрашное животное и первым бросается туда, где ему почуется опасность для стада.

Попортив много арбузов, свиньи успокоились и легли на

бок, вытянув ноги. Один только секач грузно ходил по поляне, громко чавкая, иногда рывками взрывая землю. Вдруг кабан насторожился и тревожно хрюкнул.

Зашумели камыши, послышался треск сломанных стеблей. Все свиньи вскочили и запрыгали на месте, не зная, куда бежать. Из чащи вылетела могучим прыжком громадная туша, красная, с поперечными черными полосами, и обрушилась на одну свинью. Неистовый визг прорезал тишину вечера. Схватив свинью за загривок, зверь в несколько прыжков перелетел поляну и скрылся в камышах. Только длинный хвост и грязные задние лапы мелькнули на багровом небе.

Кабан и свиньи врассыпную бросились в другую сторону, ломая камыши. Одна свинья неслась мимо Спитамена. Метнув копье, он пронзил ее насквозь. Она кувырнулась и, взвизгивая, забилась в топкой грязи.

Спитамен выдернул копье, озираясь по сторонам. Но тигр не вернулся. Вдали раздавался еще треск ломавшихся стеблей, но вскоре все затихло.

Спитамен притащил тушу свиньи на поляну. Он рассек ее на части, вырезал почки и печенку и съел их теплыми.

Медлить было нельзя. Владыки камышей — тигр и кабан-секач — могли вернуться на место встречи. Спитамен направился по тропинке, оглядываясь и прислушиваясь, не хрустнет ли сзади него ветка под тяжелой лапой зверя.

БАКТРА

Показался открытый берег, усеянный круглой галькой. Валялись обрывки гнилых сетей, куски разломанной лодки. Вода неслась стремительно, кружась в водоворотах, в которых толклись сучья, солома, арбузные корки.

Спитамен разделся, расправил мешок, вложил в него всю свою одежду и сапоги, надул мешок и затянул отверстие ременной петлей. Меч и копье привязал сверху.

Держа мешок перед собой, он вошел в воду. Скоро дно пропало под ногами и его понесло течением. Одной рукой он обхватил надутый мешок — турсук; свободной рукой и ногами он загребал, стремясь доплыть до противоположного берега. Ему казалось, что оба берега и камыши бурно уносились назад, а вода оставалась на месте. Медленно, но упорно черная голова продолжала пересекать широкую водную равнину и наконец стала приближаться к противо-

положному берегу. Ноги коснулись песчаной отмели. Берег был низменный и пустынный. Серые кулики перебегали по мокрому песку и, подхватываемые ветром, взлетали с жалобными криками.

Спитамен ползком пробрался по берегу к более высокому месту и сейчас же сполз обратно под откос. Здесь он развязал мешок и оделся. Все вещи были сухие.

Над берегом слышались голоса. Говорили двое.

— Князья потеряли голову. Все они делают точно для того, чтобы погубить народ.

— Каждый день наши воины проходят мимо.

— А какие воины — кто с топором, кто с колом, а кто и с голыми руками.

— Всех посылают в Бактру, а еды не дают. Каждый должен взять с собой из дому хлеба. Вот по пути они и бросаются на крестьянские огороды, рвут огурцы и арбузы, выкапывают морковь и репу.

— А что же нам останется? Они съедят все наши запасы.

— Говорят, что князья приказали сжечь все деревни, все запасы, весь хлеб — на семь дней пути...

Голоса удалились. Спитамен поднялся и увидел двух крестьян. Они шли, согнувшись под тяжестью мешков, и скрылись за песчаными холмами.

Спитамен шел целый день по раскаленному песку, и в лицо его непрерывно ударял пылью горячий порывистый ветер.

Долго тянулась пустынная равнина. Наконец Спитамен пересек большую дорогу. Там он попал в гущу ревущих верблюдов, бараньих стад, повозок и всадников.

От путников он узнал, что недавно в Бактру приехал сам новый царь царей Артаксеркс, раньше называвшийся «сатрап Бесс». С ним была тысяча всадников на прекраснейших лошадях. Сзади ехало столько же слуг. Они везли ковры и палатки и всякие походные вещи. Сто поваров сопровождали караван верблюдов, груженных котлами и большими кувшинами с маслом и вином.

К вечеру пришлось переправляться через бесчисленные каналы с мутной глинистой водой. Впереди горели красные огни; это был город Бактра, прозванный «матерью персидских городов».

Чем темнее становилась ночь, тем ярче вспыхивали кругом огни. Они загорались по всей равнине. Красные языки подымались к небу, и низкие облака окрасились в багровый цвет.

— Это войска царя царей варят себе обед,— говорили путники.— Здесь собралась тысяча тысяч воинов.

— Нет, это воины приносят жертвы добрым богам,— возражали другие.— Это для того, чтобы великий Ахурамазда дал победу персидскому мечу.

Но огни становились слишком велики и тревожны.

Вдруг крик пробежал по всей дороге:

— Горят наши селения! Горят склады хлеба! Бесс приказал сжечь Бактриану! Проклятие могиле его отца!

— Мы все помрем с голоду! Кто накормит наших жен и детей?

Вся толпа, двигавшаяся по большой дороге, рассыпавшись, побежала. Одни бросились в город, толкая, давя друг друга. Другие повернули обратно, стремясь скорее вернуться в свои селения. Толпа потеряла рассудок. Пастухи, гнавшие баранов, растеряли их в темноте и давке. Всадники понеслись вскачь. Повозки катились в стороны и падали в канавы. Где-то громко звучали трубы, собирая воинов и усиливая тревогу.

Спитамен шел через рытвины рядом с большой дорогой и думал только о том, где бы ему поесть. В стороне он увидел коновязи и ряды костров. Около них сидели воины; отблески огней вспыхивали на медных пластинках их кожаных панцирей.

«Где много людей обедают, всегда найдется кусок для путника»,— подумал Спитамен и подошел к одному из костров.

Сидевшие не обратили на него внимания, но один, стоявший в стороне, одетый как начальник, в бронзовом изрубленном шлеме, окликнул.

— Ты здесь чего побираешься, бродяга? Плети захотел?

— Я хочу быть воином.

— Воином? А ну-ка подойди ближе! Ты копье бросать умеешь? А стрелять из лука? Отбивать удары мечом? — Железная рука схватила Спитамена за плечо и ощупала его мышцы.— Ты говоришь, что все это умеешь? Ладно. Как тебя зовут? Шеппе-Тэмен? Ты, верно, родом из дахов?

— Нет, согд.

— Ну, все равно! Ахурамазду почитаешь? Да? Хочешь всякой беды и пакости Ариману? Если все так, как ты говоришь, то отныне ты будешь нашим воином.

Начальник указал на большого рыжего коня, привязанного на приколе отдельно.

— Видишь этого коня? Его хозяин убит. После него

остались этот конь и оружие. Ты все это получишь, но уплатишь справедливую цену брату покойника. Конечно, уплатишь не сейчас, а потом. Война кормит воина. Обдерешь одного-другого киликаса — вот и будут деньги. Живот тебе, верно, подвело, так садись к костру — там тебе дадут горсть пшена.

Но когда Спитамен подошел к костру, несколько голосов закричало:

— Это колдун! Он убил нашего сотника, вяжите его; Он может провалиться сквозь землю и обратиться в скорпиона! Смерть слуге Аримана!

Воины вскочили. Подошел начальник.

— Так это ты убил сотника? Правда ли, что ты колдун?

Расставив ноги, Спитамен стоял, озираясь, как волк, готовый сцепиться с наседающими собаками. Он схватил за горло одного воина и так отшвырнул его, что тот покатился.

— Да, я убил сотника, труса, боявшегося биться со мной один на один. Я задушу каждого, кто скажет, что я слуга Аримана. Да исчезнет он, и да будет всегда правда на земле!

— Не слушайте! Убить его, убить! — кричали воины.

— Тебя надо отвести к князю Сатибарзану,— сказал начальник.— Как он скажет, так и будет. Пойдем!

Сатибарзан, в малиновой шелковой рубашке, в зеленых замшевых шароварах и желтых сапогах, лежал на пестрой ковровой попоне. Возле него стояли бронзовое блюдо с виноградом и золотая скифская чаша с вином. Кругом сидели, поджав под себя ноги, несколько воинов и слушали молодого певца. Он наигрывал на семиструнной арфе и пел о подвигах древних богатырей.

— Колдуна привели, вот он, колдун! — кричали воины.

— Тише, не мешайте слушать! — Красивое лицо Сатибарзана недовольно поморщилось.— Тише, говорю я вам! — прикрикнул Сатибарзан.

Воины замолкли, но певец, видно, устал и тяжело переводил дыхание.

— Отдохни, Фирак, выпей вина.— Сатибарзан протянул певцу свою чашу.— Ну, говорите теперь, что это за человек.

— Он колдун. Связанный, скрылся в нору скорпиона, отрубил голову сотнику и улетел, как летучая мышь.

— Ха-ха! Вот это забавный человек, он мне нравится! — воскликнул Сатибарзан.— Давно я ищу такого человека, о котором говорят только в сказках. Ну, сядь рядом

со мной. Или ты опять вспорхнешь сейчас летучей мышью? А вино ты пьешь?

— Из твоих рук выпью,— сказал Спитамен и опустился на ковер.

— Правду ли говорят воины? За что ты убил сотника?

— Я убил сотника потому, что он хотел убить меня. Разве я неправильно сделал?

— Постой, я тебя где-то видел. Припоминаю — не ты ли был в царском дворце вместе со скифом Будакеном и уверял, что бил плетью яванов?

— Да, ты меня видел в Мараканде.

— А ты сумеешь влезть в нору скорпиона?

— Для того чтобы поймать киликасов, я пролезу даже в нору очковой змеи.

— Воины! — воскликнул Сатибарзан.— Вот человек, который ищет драки с яванами, а не бежит от них. А вы хотите такого человека убить! С врагами вы или против них? Сотник умер, и пусть душа его счастливо доберется до шести потоков рая. А у нас новый товарищ, и мы скоро увидим, как он ведет себя в бою. Его зовут Левша-Колючка. Он левой рукой так же хорошо бьет, как правой, и, как скорпион, ужалит каждого, кто захочет сесть на него. Завтра мы двинемся искать киликасов и не будем больше валяться здесь, как шакалы, которым перешибли хребты.

— Живи, Сатибарзан! Веди нас в бой! — закричали воины.

Фирак поднялся и обратился к Спитамену:

— Постой! Ты не только Шеппе-Тэмен, но ты Спитамен, блистающий своей доблестью, как раскаленный уголь, летящий во мраке. Друзья, он подарил мне жизнь, когда злодеи бросили меня, связанного, в Башню молчания.— Фирак подошел и коснулся рукой Спитамена:

— Я целую край твоей одежды.

Воины сбегались со всех сторон и указывали на Спитамена:

— Вот этот человек все может сделать и ничего не боится.

— С таким богатырем не может быть неудачи.

Фирак повел Спитамена к костру. Все протягивали ему чаши с вином и растопленным коровьим маслом и старались коснуться рукой его левого плеча, чтобы получить от него часть чудодейственной силы.

ГИБЕЛЬ САТИБАРЗАНА

На рассвете всадники ходили между конями, подвязывая им пестрые торбы с ячменем, затягивали широкими ремнями войлочные потники. Некоторые воины еще спали, и их кони, видя ячмень и не получая корма, рвались с привязей.

Сатибарзан, покрывшись белым шерстяным плащом, всю ночь пролежал, не закрывая глаз. Подперев рукой голову с растрепанными длинными кудрями, он глядел на равнину, где еще пылали дальние селения и черные полосы дыма, как смерчи, вились к небу, слабо относимые ветром.

— Пропала старая Персия, и нет нигде спасения,— шептал он.

К нему подошел молодой слуга и, блеснув зубами, насмешливо бросил:

— Царь царей... улепетывает!

Плащ отлетел в сторону. Сатибарзан вскочил. Слуга держал наготове панцирь и боевой шлем.

— Ты врешь! Раздавлю тебя!

— Гляди сам.

По большой дороге рысью двигалась густая вереница всадников. Топот тысяч ног гудел в тихом утреннем воздухе. Видны были начальники кухонь, палаток, обоза. Главный евнух тряссся на разукрашенном муле. Вдали над толпой на длинном древке подымался золотой значок Артаксеркса.

Сатибарзан надел панцирь. Слуга затянул ремни, прицепил пояс с мечом, накинул полосатый плащ. Медленно подошел Сатибарзан к краю дороги. Оруженосец подъехал к нему, держа в поводу боевого коня с железной кольчужной сеткой на груди.

Золотистый конь с белой гривой («Подарок Будакена!» — вспомнил Сатибарзан) бежал по дороге крупной рысью, грызя удила, легко выбрасывая упругие ноги. Бесс сидел на нем, закутанный в пурпурный шерстяной плащ; видны были только черные сердитые глаза и нахмуренные брови.

Сатибарзан взял несколько крупинок земли, посыпал себе голову и низко наклонился, воздавая Бессу царские почести.

Бесс задержал коня и поднял руку. Отряд, загремев доспехами, остановился. Сатибарзан подошел к жеребцу, косившему черным глазом.

— Подойди ближе,— пробормотал Бесс.— Я узнал

точно, что у македонца мало войска. Я хочу заманить его сюда и здесь прикончить. Я приказал сжечь все селения, все запасы на семь дней пути. До сих пор своими успехами хвастун Искандер был обязан только глупости царя Дария. Нужно завести наглого македонца в непроходимые леса, за глубокие реки, в большие горы, где грекам не только сопротивляться, но и убежать было бы некуда. Как ты думаешь?

— Я слуга твой и должен повиноваться, а не давать советы.

— Я решил отступить дальше, в Сугуду. Ко мне скоро придут хорезмийцы, дахи, саки, не считая других скифских племен, а скифы, живущие за Яксартом, настолько рослы и сильны, что македонцы покажутся перед ними маленькими детьми.— Бесс наклонился к Сатибарзану и сказал шепотом: — Это для нас самое безопасное решение... В случае чего мы сможем убежать и скрыться у скифов.

— Я жду твоих повелений.— Голос Сатибарзана был холодный и равнодушный.

Бесс пристально посмотрел на воина; поняв, что тот скрывает свои мысли, нахмурился и сказал резким, надменным голосом:

— Итак, мы повелеваем: оставайся здесь, чтобы поддерживать порядок. Смотри, чтобы не было резни и грабежей населения, а потом ты вернешься к нам в Сугуду последним.

— О величайший! — сказал Сатибарзан.

Его глаза смотрели в сторону, мимо Бесса, на спутников царя, откормленных пьяниц и льстецов, с которыми Бесс любил проводить пиры и вести «государственные беседы». Приближенные притихли, стараясь услышать разговор.

— Ну, что же дальше?

— Ни великая река, ни горы, ни пустыни не смогут спасти того, кто уходит с поля битвы. Твоей защитой может быть только острие твоего меча.

— Ты смеешь думать, что я не хочу боя с Двурогим?

— Знаешь, что говорят бактрийцы: «Не та собака сильно кусает, которая больше лает». И еще есть у них пословица: «Самые широкие и большие реки текут почти без всякого шума». Я отправлюсь искать македонцев.

Сатибарзан повернулся спиной к царю царей и, не оглядываясь, твердыми шагами пошел прочь.

Взбешенный Бесс искал рукоять меча, но молодой конь, почувствовав гнев седока, прыгнул вперед, чуть не сбросив Бесса.

Сатибарзан вскочил на рыжего жеребца и помчался к своему отряду. Всадники, ждавшие его сигнала, садились на коней и вереницей выезжали на дорогу, ведущую к Седым горам.

* * *

Отряд направился сперва на юг, потом на запад. Через несколько дней кони съели весь ячмень, взятый в Бактре. Отряд стал заезжать в селения и забирать хлеб, ячмень и муку. Везде запасов было много: в этих местах еще не свирепствовала война. Сатибарзан бросал крестьянам золото, но те говорили:

— Не надо нам золота. Лучше не берите у нас запасов. С чем мы останемся на зиму?

По вечерам на стоянках Сатибарзан расспрашивал Спитамена о дорогах, и они вместе обсуждали, как перерезать связь македонцев с их родиной и тыловыми частями. Спитамену была дана под начальство сотня всадников. Тут были и горные дахи в волчьих колпаках, со шкурами барсов на плечах, и бактрийцы в плетеных веревочных панцирях.

Спитамен со своей сотней ехал впереди, выбирая дорогу.

Но у того, кто одерживает победы, объявляется много новых друзей. Оплаченные лазутчики и добровольные перебежчики донесли македонскому царю, что большой персидский отряд появился у него в тылу и угрожает идущим из Экбатаны обозам.

Эстафетная почта, устроенная Александром по всем главным дорогам, спешно развезла его приказы гарнизонам, оставленным в захваченных по пути городах. Македонские отряды начали стягиваться навстречу отряду Сатибарзана.

Около города Артаксаны Сатибарзан наткнулся на македонскую конницу и позади нее увидел густую линию пехоты.

Бактрийские всадники вылетали вперед, гарцевали, задирая македонцев, которые перестраивались и выжидали момент, выгодный для боя. Сотня Спитамена обогнула македонский фланг и сбила нескольких отделившихся всадников.

Сатибарзан выехал вперед и вернул обратно бактрийцев, которые стреляли из луков в неподвижно стоявших врагов. Он снял шлем и громко вызывал охотника биться

с ним на поединке. Волосы рассыпались по плечам, панцирь горел в лучах солнца. Его рыжий легкий жеребец как будто тоже был охвачен бешенством, вздымался на дыбы и метался перед рядами врагов.

Тогда выехал вперед македонский начальник Эригий, закованный в бронзовые латы. Конь его был тяжелый, большой, с широкой грудью. Эригий помчался на Сатибарзана, готовясь свалить его. Сатибарзан метнул копье, которое сбило шлем македонца, и у него рассыпались по плечам седые волосы.

— Будем дальше драться! — закричал македонец.— В моих жилах течет молодая кровь.

Опытен и силен был македонец, и верен был полет копья его: острое стальное жало пробило горло Сатибарзана и вышло наружу. Сатибарзан упал, и рыжий жеребец его громадными прыжками понесся по равнине. Македонец задержал своего коня, выдернул копье и вторично хотел поразить Сатибарзана. Но тот привстал, крикнул: «Не хочу жить рабом!» — и, схватив руками конец копья, вдавил железо себе в грудь между сверкающими пластинками панциря.

Тогда вся конница македонцев перешла в наступление. Они неслись неудержимой лавиной, крепко держась один около другого, выставив вперед копья, образуя острый угол, стараясь расколоть бактрийцев пополам. Легкие бактрийские всадники понеслись врассыпную и быстро уходили от тяжелых македонских коней.

Сотня Спитамена наскочила на македонцев сбоку, сбила крайних всадников и повернула обратно.

Часть македонцев бросилась вдогонку. Спитамен скакал последним; задерживая коня и поворачиваясь, стрелял из лука. Несколько македонцев упали, другие начали отставать.

Внезапно всадники Спитамена повернули и снова напали на македонцев. Несколько мгновений продолжалась схватка. Снова бактрийцы понеслись прочь, а за ними на арканах волочились, ударяясь о неровную землю, полузадохшиеся македонские пленники.

Отряд Сатибарзана рассыпался по равнине. Часть была перебита, многие перебежали к македонцам, заявив, что отныне хотят служить царю Искандеру.

Македонцы прекратили преследование, боясь засады. Шагом возвращались они в лагерь, подбирая раненых и убитых, распевая хвалебные песни.

Начальник Эригий снял с мертвого Сатибарзана его

боевые доспехи и заявил, что отвезет их в дар царю Александру.

К вечеру собралась только треть бактрийских всадников. Они подняли Спитамена на щите и назвали своим вождем.

Десятка два македонских пленных, сильно избитых в скачке, были связаны, тяжелораненые посажены на коней, и отряд двинулся обратно к реке Окс.

Бактрийцы спорили, хорошо ли сделал Сатиба́рзан, что один вступил в бой.

— Горе толкало его: он оплакивал гибель Персии!

— Его рука дрогнула, когда он увидел старика.

— Лучше, чтобы вытекла кровь, но сохранилась честь.

— Он сам искал аркан смерти.

— А что ты думаешь, Спитамен?

Наступала ночь. Триста всадников перекатывались через гряды скал. Красные отблески заката изредка вспыхивали на окровавленных панцирях, освещали лохматые шкуры, наброшенные на плечи, и триста человек ждали, что скажет Спитамен.

И когда в глухом гуле сотен копыт резко прозвучал скрипучий голос Спитамена: «Точите ваши ножи на черном камне!..» — триста человек разом подхватили дикую песню и пели ее под храп, топот и ржание жеребцов, пока не погас закат...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ДВУРОГИЙ НАСТУПАЕТ

В странс псрсов нсприятсли прогуливаются свободнсе, чсм свои люди.

(Ксенофонт)

НАСТУПЛЕНИЕ

Лазутчики донесли Александру, что вся Бактриана горит, что войска, собранные в Бактре и других пограничных городах, разбегаются спасать свои семьи. Один лазутчик, переходивший несколько раз горы под видом бродяги-атравана, клялся, что сам Бесс спешно бежал из Бактры вместе с отборными отрядами и, переправившись через великую реку Окс, приказал сжечь все перевозочные средства — лодки и паромы.

Никто не мог узнать планов базилевса. Казалось, что он решил навсегда остаться в Дрангиане. Он занят был постройкой города Александрии[1] у подножия Паропамиса. Александр получил донесения, что часть македонских офицеров задумала свергнуть — убить его, избрав нового вождя войска. Александр перестал заботиться о городе и целый месяц свирепствовал, казня всех заподозренных в заговоре. Дождями размыло спешно выстроенные жилища.

Начальник конницы Филота, молочный брат, сверстник и друг царя, после жестоких пыток был передан сходу македонских воинов, которые побили его копьями и камнями. К отцу Филоты, Пармениону[2], базилевс отправил с письмом на быстроходных верблюдах трех преданных ему телохранителей, дав им личный приказ, сказанный на ухо.

Когда Парменион стал читать письмо Александра, гонцы, приблизившись сзади, пронзили старого полководца мечами.

Казнив множество близких ему людей, Александр этим не удовлетворился. Он объявил, что для лучшей связи

---

[1] Следов этого города не осталось.

[2] Парменио́н был старым товарищем и другом отца Александра — царя Филиппа; участвовал во всех битвах и занимал высшую должность наблюдателя за правильной связью армии Александра с далекой Македонией. Под начальством Пармениона были все тыловые отряды. *(См. сноску 2, на стр. 154.)*

с родиной им устроена эстафетная почта и все желающие могут послать письма домой. Но когда войско передало письма, все они были задержаны и прочитаны и воины, выражавшие недовольство, были выделены в особый штрафной отряд, помещенный под наблюдением вне лагеря.

Этому отряду было объявлено, что в ближайших боях ему придется доказать верность, сражаясь в самых опасных местах.

Утолив немного свой гнев казнями и получив из Македонии несколько тысяч молодых солдат, базилевс решил, что недовольство подавлено и что войско снова беспрекословно исполнит его волю. Ранней весной, когда на горах еще лежал глубокий снег, а днем солнце уже разогревало замерзшую землю, однажды, на обычном вечернем пиру с начальниками частей и приближенными, Александр заявил, что на днях он снова двинется в поход.

— Куда? — воскликнули все.

— Отгадайте!

Все стали спорить. Одни высказывались за поход на Индию, другие — в Бактриану. Некоторые даже говорили, что царь достаточно расширил свои границы и двинется обратно через Кавказ к побережью Понта Эвксинского[1], чтобы, покорив там скифов, вернуться в Македонию новым путем и построить на родине столицу всемирного царства.

— Это я сделаю, когда дойду до конца земли,— сказал торжественно базилевс,— когда я воткну копье на крайнем, восточном берегу омывающего землю моря, из которого сжедневно выезжает колесница блистающего Феба.

Все поняли, что Александр пойдет на восток, но каким путем — через Согдиану и Серику или через Индию,— никто угадать не мог. По рукам передавался большой круговой «кубок Геракла», и все пили за удачный поход.

Несколько дней Александр занимался гаданиями. Его придворный главный жрец давал неясные, неопределенные предсказания. Александр пошел в храм дрангианских жрецов-огнепоклонников. Они нарисовали священными мелками на полу круги, разделили каждый на двенадцать отрезков и крутились, как волчки, пока не падали в судорогах, с пеной на губах.

Они кричали:

---

[1] Понт Эвксинский — ныне Черное море.

— Ты будешь бессмертен! О тебе написано в книгах Авесты! Ты пойдешь по всем землям и даже победишь подземных крылатых драконов, которые пожирают людей.

Из Артаксаны спешно приехал начальник конного отряда седовласый Эригий и привез латы персидского богатыря Сатибарзана. Эригий уверял, что принял поединок с ним, чтобы испытать, кто будет править миром — древняя Персия или молодая Македония. Хотя он годами был в два раза старше персидского богатыря, его рукой будто бы водила летавшая над ним богиня Афина Паллада, и он сам видел, как персидские боги, завертевшись, как клубок змей, покатились по земле; тогда все бактрийские всадники Сатибарзана, испугавшись, обратились в бегство.

Александр, довольный благоприятными предсказаниями, отдал приказ спешно двинуться через долину Панджир к самому восточному из семи горных проходов[1]. В Дрангиане остались только небольшие гарнизоны для поддержания порядка. С Александром двинулось на север около двадцати тысяч пехоты и трех тысяч всадников. Длинный обоз запряженных верблюдами двухколесных повозок и вьючных животных с невыносимым скрипом, ревом и грохотом последовал за войском.

В день выступления солнце сияло на чистом небе. На горной вершине Солянг, близ прохода, в течение многих дней висела серая туча. Проводники говорили, что там в пещере живет колдунья старуха Оджуз. Пока туча дремлет на горе, старуха сердится — там свирепствуют горные метели и снегом завалены все дороги. Когда Оджуз улетит на туче, путники могут отправляться в путь. В день выступления туча поплыла на запад, и снег на вершинах гор ослепительно заблистал.

Александр ехал в широкой восточной одежде, в меховых штанах парачей[2], войлочных сапогах и черном бобровом плаще. Под ним играл крепкий конь, привыкший к горным тропинкам.

Вскоре дорога стала труднопроходимой: всюду лежал глубокий снег.

Базилевс приказал выгнать вперед рабов, чтобы они протаптывали дорогу. Пленные, захваченные в более теплых местах, оборванные и полуголые, быстро слабели, утопая в снегу. Упавших македонцы отбрасывали в сторону

---

[1] Перевал Хава́к, через который караваны обычно направляются в Бадахшан.

[2] Пара́чи — древнее племя, жившее к северу от Кабула.

от дороги, и они замерзали. Взамен уставших из тыла высылались новые партии пленных. По пути на труднодоступных склонах гор лепились селения диких жителей. Их хижины были сложены из камней, суживаясь кверху. Посредине купола было отверстие для света и выхода дыма.

Македонцы и особенно греки, не привыкшие к сильным холодам, уже на следующий день стали приходить в отчаяние. Они грабили жителей, снимая с них меховые одежды, резали их баранов и заворачивали ноги в свежесодранные шкуры. Они забирались в хижины, чтобы отогреться, и только копьями можно было поднять их для дальнейшего пути.

Войско шло семнадцать дней, пока не перевалило хребет и не спустилось к бактрийским селениям с северной стороны хребта. За это время были съедены все запасы, выпито все вино и масло и перебита для еды половина вьючных животных.

В бактрийских селениях было найдено продовольствие, много скота и запасы зерна, скрытого в обложенных кирпичами ямах. Приказ Бесса о сжигании всех запасов еще не дошел сюда. Македонская армия, как бескрылая саранча, двигалась, пожирая все запасы по пути, отбирая коней, убивая скот и каждого, кто вступал в спор. Жители убегали, спасаясь от чужестранцев.

У подошвы горы, обильной ручьями, Александр выбрал место, подходящее для постройки города[1]. Он оставил там семь тысяч рабов и тех воинов, которых считал неспособными перенести трудности похода. Все земли бежавших жителей были отданы в их владение. Осиротевшие жены и дети попали в рабство новых поселенцев. Предоставив небольшой отдых войску, Александр двинулся дальше, не встречая никакого сопротивления.

БАЗИЛЕВС В БАКТРЕ

Александр приближался к Бактре. Несколько дней перед вступлением в столицу Бактрианы его армия отдыхала и отъедалась в окрестных селениях и по приказанию базилевса чистилась и приводила себя в порядок. Тяжелый переход через горы вывел многих из строя.

На холме перед въездом в городские ворота базилевс

---

[1] По-видимому, следы этого города находятся близ селения Эндераб, лежащего у спуска с Хавакского перевала.

сделал остановку, пропуская мимо себя идущие в боевом порядке отряды. Обозы были оставлены в ближайших селениях. Только личный обоз царя и его походной канцелярии должен был проследовать в город в центральную цитадель, где раньше жил сатрап, правитель Бактрийской провинции.

Теплое весеннее утро, еще охваченные ночным морозом сухие дороги, бодрые песни сытых воинов и, наконец, величественный вид древнейшей персидской столицы, лежавшей покорно у ног завоевателя,— все это привело Александра в радостное настроение. Он сидел на своем старом, по-прежнему буйном вороном жеребце Буцефале, служившем исключительно для торжественных выездов. Жеребец, возбужденный множеством окружающих его коней, звонко ржал, бил передней ногой, грыз удила и натягивал широкий красный повод, сдерживаемый мускулистой рукой всадника.

С холма город казался бесконечным: желтые и красные кирпичные[1] домики тянулись во все стороны, окруженные небольшими садами. Среди домов подымались купола и башенки храмов; над ними вились сизые дымки — там горели священные неугасимые огни, зажженные много столетий назад предками бактров.

Базилевсу донесли, что в городе никаких враждебных войск нет, что совет белобородых старейшин решил встретить завоевателя за воротами города, покорно сдавшись на его милость.

— Эвмен! — обратился Александр к начальнику своей походной канцелярии.— Которую по числу столицу я беру?

— Ты взял их столько, что немудрено забыть! — воскликнул находившийся поблизости и не стеснявшийся лести Перитакена.

— Во всяком случае, не последнюю и даже не предпоследнюю,— ответил Эвмен.

— Впереди еще столица согдов — Мараканда и столица скифов — Роксонаки,— добавил Александр.

Въезжая в городские ворота, Александр остановился. Высокий, высохший, как скелет, старик с жесткой седой бородой, длинной, как хвост лошади, выскочил вперед. Он держал в руках старинные пергаментные свитки.

— Остановись, покоритель мира! Ты бессмертен! Вы-

---

[1] Такими красными и желтыми кирпичами и поныне усеяна равнина около Балха.

слушай, что говорят древние книги. Они всё знают. Они говорят о тебе! Они предсказали твой въезд в Бактру, хранительницу священного огня.

— Пусть говорит,— сказал базилевс, ожидая хвалебных слов.

— «Настанет день, когда небо померкнет от горя, и деревья и травы завянут от смрада гниющих трупов... Придет Афрасиаб, кому бог зла Ариман дал бессмертие, чтобы он истребил все человечество...»

— Он безумный, прогоните его! — закричали кругом.

— А ты тоже бессмертный? — спросил Александр.

Он разгорался гневом. Его вороной жеребец заплясал.

— Я тоже бессмертен, но я знаю, как погубить тебя, чтобы спасти праведный народ Авесты. И когда ты умрешь, черви в три дня съедят твое гнусное тело...

— В каких книгах написано твое предсказание? — яростно прохрипел базилевс.

— Здесь, в священной книге праведного, блистающего мудростью Заратустры! — кричал старик, потрясая свитками.

— Гефестион, я приказываю собрать все эти вредные, бессмысленные книги, о которых говорит этот враг здравого рассудка и чистой философии. Я приказываю сложить все книги в одно место, облить маслом и сжечь вместе с этим безумцем...

Александр хлестнул коня и, опрокинув старика, быстро въехал в ворота. Вопли старика заглушил топот копыт сотен всадников, последовавших вскачь за разъяренным базилевсом.

По обе стороны пути лежали на четвереньках знатные жители города и бесчисленные атраваны, встречавшие по персидскому обычаю своего нового повелителя. Они бросали горсти земли себе на голову и кричали:

— Слава и бессмертие сыну бога, царю царей!

* * *

Когда суеверный и подозрительный Александр вечером вошел в узкую длинную залу дворца сатрапа, где был приготовлен ужин, он спросил Гефестиона, сожжены ли священные книги.

— Я послал воинов по всем храмам собрать все рукописи и снести их на главную площадь. Они будут сожжены завтра.

— Нет, сегодня ночью!

— Но ты забыл, что здесь, в Бактре, живет много

опытных ученых лекарей, написавших ценные книги о врачевании людей.

— Хорошо, книги об излечении от болезней можно отобрать и все отослать в Афины, к моему учителю Аристотелю...

Вмешался и философ Каллисфен, постоянный спутник Александра:

— Великий царь, здесь есть не только бессмысленные книги о суевериях и обрядах варваров, не знающих истинных эллинских богов, но имеются также книги и летописи с описанием прошлого народов. Разве не ценны книги по истории?

Льстец Перитакена прервал:

— Ты забыл, Каллисфен, что настоящая история началась только с рождения бессмертного царя царей Александра. Поэтому сдвинем кубки, чтобы и дальше покрывал себя лаврами победы единственный, никем не превзойденный победитель и покоритель всего мира — царь Азии Александр.

Всю эту ночь на площади горели костры. На них было сожжено двенадцать тысяч выделанных воловьих шкур, на которых были написаны древнейшие сочинения бактрийских мудрецов и ученых. С ними сгорел старый безумец Атраван, выкрикивавший заклинания, чтобы погубить «слугу Аримана — злодея Искендера».

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОКС

Когда разведчики македонской армии пробрались к берегам реки Окс, они увидели на месте переправы только растрепанные шалаши из плетенок и не нашли ни одной лодки. Они вытащили из оврага полуголого старика в синих шароварах. Он кричал и бранился, что бродяги, не уплатившие за переезд, захватили его лодки и угнали их на ту сторону. Мимо разведчиков, недалеко от берега, стремительно пролетела черная лодка, нагруженная людьми и лошадьми. Македонцы кричали, чтобы те пристали к берегу, и пустили в них стрелы, но лодка быстро удалилась, направляясь к другому берегу.

Александр вышел из Бактры со всеми боевыми предосторожностями, высылая по сторонам пути конных и пеших разведчиков. Он опасался засады и внезапного нападения бактрийской конницы, издревле прославленной в персидских войнах бесстрашием и лихими налетами.

Получив известие, что на берегу реки нет признаков неприятеля, Александр быстро прибыл к месту переправы и приказал развести на холме костры, чтобы уставшие, растянувшиеся по песчаной дороге отряды ободрились, видя, что им уже недалеко до лагеря.

Базилевс, поднявшись на холм на вороном коне, блистая начищенными бронзовыми латами, с красным плащом за плечами, долго вырисовывался на потухающем небе, освещенный заревом костров. Он выжидал, пока самые задние части армии не вошли в лагерь, где рабы уже растягивали кожаные палатки. Александр сам объехал место стоянки, выслал кругом сторожевые посты и только поздно ночью вошел в свой пурпурный, шитый золотом шатер, отобранный у царя Дария. Всю ночь он требовал к себе начальников отрядов, совещался с ними, сам допрашивал лазутчиков.

На рассвете конные отряды помчались обратно в Бактру и в ближайшие поселки. К полудню стали прибывать вереницы бактрийских поселян. Они везли на верблюдах и ослах груды шестов, досок и кожаных турсуков, в которых обычно хранилось вино. Бактрийцы, подгоняемые бичами и обещаниями награды, быстро стали связывать небольшие плоты[1] из надутых воздухом турсуков, покрывая их хворостом и циновками.

Эти маленькие плоты соединялись по нескольку вместе. На них расположились стрелки, пращники и щитоносцы. Бактрийские крестьяне должны были грести и управлять плотами.

Завернувшись в алый плащ, Александр сидел около шатра на складном кресле и наблюдал, как плоты отделились от берега и понеслись по реке. На другой стороне реки смутно виднелись небольшие группы быстро передвигавшихся всадников.

Александр вставал, ходил взад и вперед по холму, ожидая первых результатов переправы. Но вскоре раздались крики:

— Плывут обратно!

Плоты спускались сверху, куда их подтянули против течения бечевой. На первом плоту выделялись яркими, нарядными одеждами несколько персов. Перевозчики старательно гребли короткими веслами и пристали около лагеря. Несколько персов, завернув платье выше пояса, вы-

---

[1] Такие плоты, так называемые гупсары́, в недавнем прошлом все еще встречались в верховьях Амударьи.

прыгнули с плотов прямо в воду и поспешно направились к базилевсу. Упав на колени, персы прокричали приветствия и протянули Александру пергаментный свиток. Эвмен, начальник канцелярии, взял свиток и прочел вслух Александру:

— «Мы, Датаферн и Катен, потомственные владельные князья Сугуды, извещаем блистательного царя царей, владыку Персии Александра, что мы можем передать ему из рук в руки живым цареубийцу, злодея, наглого захватчика царской короны Бесса, если только Александр пришлет в город Наутаку[1] кого-либо из своих вождей с некоторым числом войска. Живи и царствуй много лет!»

Александр вскочил, схватил свиток и быстро прошел в свой шатер. Там он, обращаясь к небу, воскликнул:

— О бессмертный Зевс, властитель судьбы людей! Ты действительно следишь за подвигами твоего сына и убираешь камни с пути его славы. Я обещаю принести в жертву сто быков и построить по всей Персии сто храмов, чтобы и днем и ночью славилось твое имя.

Несколько македонских начальников вошли в палатку и выстроились при входе в ряд. Александр оторвался от карты, лежавшей на коленях, и обвел внимательным взглядом своих запыленных, обожженных солнцем помощников.

— Птоломей, сын Лага,— обратился базилевс к коренастому, мускулистому македонцу с суровым, окаменевшим лицом.— Я тебе поручаю дело, которое могу доверить только очень близкому другу. Если ты его выполнишь, то покроешь себя бессмертной славой. Ты отправишься вперед по враждебной стране в город Наутаку. Там ты захватишь цареубийцу Бесса и живым доставишь его ко мне. Я дам в твое распоряжение три гиппархии[2] македонских этэров, всех конных копьеносцев, тысячу щитоносцев и половину стрелков. До Наутаки обычно идут десять дневных переходов, но ты должен сделать путь в четыре дня. Бойся засады и ловушки и не доверяй обещаниям персов! Я буду следовать за тобой со всей остальной армией. Да хранят тебя Геракл и бессмертные боги!

— Но где главные силы Бесса? Где можно ожидать битвы?

Александр указал рукою вдаль:

---

[1] Упоминаемый летописцами Александра город Наутака, по мнению исследователей, был на месте городов Шахрисябза, Шара или Карши.

[2] Гиппáрхия равнялась приблизительно современному полку.

— Орлы, летающие над горами, да всевидящее око солнца могут сказать это.

Гефестион, побывавший на той стороне с первыми плотами, заметил:

— Главные силы Бесса, наверное, собрались в кулак где-нибудь на главной дороге, в глубине Согдианы. Мы видели на том берегу только группы отдельных всадников. Все они ушли, как только наши стрелки стали их сбивать стрелами. Поднявшись на холмы, они оттуда следили за нами и потом скрылись.

— Они нарочно нас заманивают в глубь Согдианы,— сказал базилевс.— Там имеется страшное ущелье — Железные ворота, где можно скатывать с гор камни и перебить любое войско, которое захочет пройти этой тесниной. Но нам помогает сам Зевс Громовержец. Что же может остановить нас?

БУДАКЕН В НАУТАКЕ

Будакен, не замечая времени, проводил беспечно день за днем в саду Талиссия, ведя лукавые, осторожные разговоры с согдскими князьями и персидскими сановниками, приходившими выразить свое восхищение его силой и «ста одиннадцатью добродетелями».

Три зимних месяца Будакен провел в Мараканде гостем царя царей. Они часто вместе ездили на охоту в заповедный зверинец, окруженный высокой стеной. Там на свободе жили звери, привезенные со всех концов Персии: желтые косматые львы, пятнистые пантеры и полосатые тигры. Рабы криками и ударами в медные щиты выгоняли зверей на линию охотников, которые между собой соперничали в отваге, ловкости и умении метать копье.

Празднества не прекращались; Бесс с Будакеном ездили в усадьбы князей, где устраивались роскошные пиры и охота с соколами и борзыми.

Однажды к Будакену прибыл вестник от Сатибарзана — сказать, что он уезжает по поручению царя царей. Ему перестали присылать из царской кухни большие блюда с жареной бараниной и курами, начиненными абрикосами.

Приставленный к нему переводчик объяснил, что царь внезапно выехал в Бактру. Будакен подумал, не вернуться ли ему обратно в родные степи, но он все еще надеялся найти способ помочь Сколоту. Его проводник Спита-

мен исчез, и никто не знал, что с ним. Будакен выжидал. Его воины ничего не делали, валялись на коврах и пели песни.

Не зная, чем заняться, Будакен каждый день стал разъезжать по городу, а под вечер ходил на площадь в центре базара, когда там затихала торговля, темнело и начинались представления. Он втискивался с двумя скифами в густую кричавшую толпу, расталкивал встречных, пробирался в самую середину площади.

Будакена пропускали на почетное место, и он сидел на деревянных нарах под кирпичными сводами среди самых известных купцов. В темноте горели глиняные плошки с маслом и сальные свечи, прилепленные к выступам стен. Грызя фисташки и миндаль, он смотрел, как на подмостках пляшут мальчики, извиваются, как змеи, артисты, вымазанные мукой и сажей, подбрасывают и ловят сразу несколько горящих факелов и глотают и изрыгают горящую паклю.

Через несколько дней приехал гонец от Датаферна, хранителя царской печати. Он передал Будакену приглашение царя прибыть к нему для важных переговоров в Бактру. Будакен, довольный, что он увидит еще одну столицу и будет ему о чем рассказать в степи, немедленно поднял своих скифов и отправился в путь.

Он ехал мимо тщательно возделанных полей, бесконечных садов и виноградников, где ни один клочок земли не оставался необработанным. Привыкший к бесконечным песчаным или каменистым степям, Будакен поражался роскошью зелени встречавшихся долин. Фруктовые сады, осыпанные, как снегом, белыми и розовыми цветами, сменялись нивами, где зеленели первые всходы. Горные обильные ручьи и арыки, орошавшие пашни и сады, приносили жизнь и плодородие бесчисленному населению, которое, как муравьи, трудилось на полях: одни пахали на быках, другие кирками разрыхляли землю. Длинные караваны из сотен вьючных животных тянулись по дороге, направляясь к Наутаке: там, говорили, царь решил сделать свою новую столицу и приказал отовсюду свозить и хлеб, и розовую горную соль, и хлопок, и зынгыр[1], и кожи, чтобы прокормить и одеть войско, которое готовилось к борьбе с заморскими хищниками.

— Отсюда можно хорошо править Сугудой и не бояться врагов,— сказал Будакен, увидев с перевала город, обнесенный тремя линиями зубчатых стен.

— Конечно, можно бы,— подтвердил провожатый,— но

[1] Зынгы́р — лен.

только в том случае, если бы князья меньше ели и перестали без конца обнимать глиняные кувшины со столетним вином.

Посреди города возвышалась угрюмая цитадель с несколькими круглыми башнями. Домики, рассыпанные вокруг цитадели, утопали в садах, цветущих белоснежным урюком и розовым миндалем.

Будакен проехал через речку по деревянному мосту и попал в шумную толпу. Широкое поле, где раньше были виноградники и арбузные бахчи, было истоптано бесчисленными группами крестьян, прибывших со всех концов Бактры и Сугуды. Они сидели и лежали вокруг дымящихся костров, бродили по всем направлениям, несли вязанки хвороста, колючек и репейника или тащили за рога упирающихся козлов и баранов.

По дорогам военные патрули опрашивали шедших: некоторых пропускали, других прогоняли обратно.

— Это славное войско царя. Только оружия пока нет,— объяснял проводник.

«И порядка тоже...» — подумал Будакен.

Близ городских ворот возвышались высокие кладки набитых зерном мешков. Пришедший караван верблюдов разгружал привезенный ячмень, высыпая его из мешков прямо на землю. Около него происходила свалка: несколько воинов колотили плетьми толпу, которая напирала с криками: «Хлеба, хлеба!»

— Но ведь хлеба довольно? — спросил Будакен.

— Каждый день приходит тысяча верблюдов с хлебом, но и людей сколько! Пекари не успевают печь, и голодные люди кормятся только пшеницей, поджаренной на раскаленных камнях.

Они въехали в ворота. Несколько часовых схватили коней под уздцы, расспрашивая, кто едет, давно ли из Мараканды и правда ли, что Двурогий прилетал туда в виде змея с гребнем на спине, кружил над городом и улетел в горы.

Будакен ехал вдоль улицы, казавшейся одной непрерывной мастерской. По обе стороны полуголые кузнецы колотили молотками, выделывая наконечники копий и мечи. Пыхтели кожаные мехи, раздувая горны; яркие искры летели под ударами молотов. Стон, лязг и грохот металла звучал несмолкаемым гулом.

Всадник на высоком тощем жеребце с большим персидским луком на боку приблизился к Будакену. С удивлением Будакен узнал в нем Спитамена. Охотник, глядя в сторону, перегнулся с коня и шепнул по-сакски:

— Если ты хочешь вернуться и увидеть родные степи, не расставайся со мной.— Он оглянулся кругом и добавил: — Может быть, ты увидишь также своего сына.

Будакен, всегда невозмутимый, теперь вспыхнул надеждой. Лицо его исказилось. Он ухватился сильной рукой за плечо Спитамена и, задыхаясь, зашептал:

— Где он? Здесь? В этом городе?

Спитамен указал на оружейников и небрежно ответил:

— Здесь базар. Может быть, ты купишь хороший новый меч? Это все искусные мастера. Смотри, как они ловко закаляют сталь.

Около них кузнец держал большими щипцами раскаленное добела лезвие меча и разом окунул его в глиняную бадью с маслом; оттуда вырвался вихрь пламени и черного дыма. Два раба прикрыли бадью глиняной крышкой и затушили пламя. Кузнец осматривал потемневшее, переливающееся лиловыми пятнами лезвие.

— Мы встретимся на площади перед воротами, ведущими ко дворцу Бесса, сегодня при заходе солнца.— Спитамен тронул коня, и толпа их разделила.

* * *

Перед заходом солнца Будакен подъехал к воротам, ведущим ко дворцу.

Старый крестьянин подошел к нему и, сложив руки на груди, поклонился:

— Спитамен ждет тебя. Следуй за мной.

Будакен направил коня за стариком, который лавировал в толпе и кричал встречным:

— Дайте дорогу гостеприимцу[1] царскому!

Толпа расступилась, громко высказываясь о росте, красоте коня и странной для них одежде сакского князя.

Крестьянин пробирался извилистыми узкими улицами, прошел городские ворота и, перескочив канавку, направился через поле, где горели костры призванных на войну. За Будакеном следовали два конных скифа.

Они прибыли к маленькому дому, окруженному садом. Кругом него на приколах стояли навьюченные кони, и вдоль глиняного забора лежали люди. К стене были прислонены копья и топоры.

Крестьянин взял за уздцы коня Будакена и пригласил

---

[1] В Древней Персии был особый титул — друзей, гостеприимцев царя.

его сойти. Он впустил Будакена внутрь сада, захлопнув калитку перед носом скифов.

Под старым деревом, обвитым до самой вершины стеблями виноградной лозы, на коврике сидели Спитамен и с ним несколько человек. Будакен узнал сторожа Кукея с пробитым носом, из которого торчал клочок хлопка.

Спитамен вскочил и направился к гостю:

— Садись сюда, дорогой гость, я буду говорить с тобой, как с родным дядей.

По знаку Спитамена все собеседники встали и ушли внутрь дома. Крестьянин принес на глиняном блюде несколько лепешек и гроздей увядшего, провисевшего всю зиму винограда. Спитамен помолчал и скосил глаза.

— Если ты не хочешь сделаться македонским рабом, ты должен уехать из этого города. Бесс потерял разум, коснувшись царской тиары и сев на большого коня, которым не может управлять. Все, что делает Бесс, только помогает Двурогому. Он призвал народ защищать страну, но сам сидит во дворце и пирует с блюдолизами, а воины не получают хлеба и не знают, кто их поведет на бой. Они разбегаются по домам. Бесс обратил наших богатырей, наших львов в стадо баранов. Войско Бесса теперь — это сырое тесто, которое нож Двурогого может резать и кромсать, как он хочет.

Будакен смотрел на Спитамена пристальным, недоверчивым взглядом: «Не изменил ли он? Не лазутчик ли Двурогого? Почему он так его восхваляет?»

— Бесс прибежал сюда обратно из Бактры без надобности, уведя войска и всполошив всех. Он ищет врагов вокруг себя и не знает, что главные его враги — он сам и его князья.

— Что же надо делать? — спросил невозмутимо Будакен.

— Тебе — ехать в свои степи и готовить отряды всадников. Ты увидишь, что ненасытный в крови Двурогий захочет пройти и туда и показать, что нет преграды для его копья.

— Пусть сунется к нам...— проворчал Будакен.— Куруш тоже был у нас и потерял голову. А что же ты будешь делать? Ты упадешь в прах перед Двурогим?

Спитамен почувствовал насмешку в словах Будакена.

— Тот, кто не хочет чужеземного ига, должен взять секиру и сбить врагу рога. У кого в груди бьется свободное сердце, а не звенит потасканная иноземная монета. не допустит, чтобы македонцы и яваны захватывали наши

дома, убивали мужчин и обращали в рабство наших жен и детей. Бактрийцы не подняли вовремя меча в ущельях гор — и они уже бегут оттуда от македонских плетей и собираются в горах, чтобы резать македонцев на всех дорогах. Но теперь поздно, когда яваны уже сидят в бактрийских домах.

— Ты думаешь, что он и к нам придет?

— Он придет туда, где мужчины упадут перед ним на брюхо и будут просить пощады. Но есть мужчины с львиным сердцем, которые хотят драться. Смотри, сколько молодцов собралось здесь! Нас уже несколько сот человек, и каждый день приходят новые отчаянные головы.

Будакен молчал. Ему представился его сын в цепях, идущий за македонской повозкой.

— Ты сказал, что я могу увидеть сына?

— Если перед тем, как вернуться в степи, последуешь за мной. Наш отряд уйдет в горы ловить македонцев, когда они начнут наступать сюда... А мы с тобой пойдем навстречу Двурогому.

— Ты обезумел?

— Почему? Ты оденешься бедным пастухом, я — тоже. Мы погоним десятка два баранов прямо в македонский лагерь, и там ты увидишь своего сына. Теперь, в дороге, ему убежать легче. Может быть, мы сумеем освободить его. Я пойду, а ты делай как хочешь.

— Я пойду с тобой.

— Я ожидал, что ты так скажешь. У меня есть одежда крестьянина, большая, как конская попона, и сегодня же мы выйдем по дороге к реке. А своих воинов отправь с конями в Курешату, и пусть там ждут тебя. Ты вернешься горами и там найдешь их.

— Теперь мне будет о чем рассказать в степи,— сказал Будакен,— если только я принесу целой мою голову.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА

Два путника брели по горной тропинке. По одежде они казались поселянами: шерстяные армяки, выцветшие желтые повязки и поверх цветных онучей кожаные лапти. Они гнали толстокожего старого осла, навьюченного мешками, и десяток курдючных овец, хватавших на ходу редкие кустики полыни и солодки.

Дорога все поднималась. По склонам гор рассыпались группы мелколистного клена, арчи и фисташек.

На перевале одиноко взгромоздилась пятисотлетняя развесистая арча. Ее корявые ветви с темно-зелеными клочьями хвои искривленно растопырились во все стороны, и ветер играл цветными лоскутками, которые нацепили неведомые прохожие.

От каменистой дороги и голых скал веяло палящим зноем. Один путник, большой и грузный, как медведь, опустился на камни под арчой, другой поднялся на выступ скалы. Солнце уже спускалось к зубчатым, рваным вершинам гор, и снежные полосы по глубоким трещинам казались кровавыми потоками. Даль закутывалась в фиолетовый туман.

— Теперь мы близко. Вот там, где эти черные скалы, находятся Железные ворота.

— О Левша, зачем я послушался тебя! — стонал лежавший.— Три двенадцатилетия протекли с тех пор, как я мог пешком, точно волк, гоняться за козами. Теперь я из одной своей юрты в другую езжу верхом. О Папай, дай мне снова скорей сесть на коня!

— Ойе! — донесся издали крик.

Внизу на склоне горы крестьянин, держа рукоятку омача, шел за маленькой коровенкой и ослом. Крестьянин посматривал в сторону путников и что-то кричал им. Дойдя до конца узкой извилистой запашки, он выдернул омач и, легко прыгая с камня на камень, стал подниматься вверх.

Завернутый в обрывки истлевшей овчины молодой пахарь с добродушной улыбкой подошел к путникам:

— Куда вас ноги несут? Жизнь вам не мила? Теперь все бегут оттуда, от Большой реки.

— Зачем же они бегут?

— Зачем бегут? Конечно, надо сидеть на своей земле и сеять хлеб.— Крестьянин посмотрел на свои узловатые, корявые пальцы.— Я нашел себе место, во какое! Хороший ячмень будет. А по мне, пустяки, что там воюют. Эта война, как буря с градом, пронесется мимо, и опять солнце будет светить нам, пахарям.

— Значит, дело есть, если мы сами лезем в костер.

— А вы останьтесь здесь со мной. Я вам покажу землю, да еще какую жирную — прямо целина, от века никто ее не пахал. А вашего осла мы припряжем к моей скотине, да и вы оба поможете тянуть омач. Вот мы и вспашем новый участок и к осени будем с хлебом.

— А до Железных ворот еще далеко?

— Они начинаются сейчас же за тем перевалом. Там всегда была застава. Если сторожа еще там и вас не

пропустят, то можно пройти кругом козьими тропками. Там проберутся и бараны и ваш осел.

— А ты бы мог нас провести этими тропками?

— Отчего бы нет! Только сейчас не могу: у меня размыло канаву. Надо ее починить: вода идет мимо пашни. Если вы мне поможете поправить канаву, я завтра же вас проведу.

— Ладно,— сказали путники.— Мы тебе поможем сегодня, а ты нам завтра.

Крестьянин поднял прилегших в тени овец, и все осторожно начали спускаться по склону горы.

Они упорно весь вечер работали над канавой, проведенной вдоль ската горы из ручья. Они закладывали края канавы камнями, хворостом и дерном, чтобы ввести воду ручья в нужное им русло. В этой работе они забыли и войну, и страшного Двурогого, занятые одной только мыслью, чтобы вода им покорилась и перестала размывать потоками каменистый скат.

К ночи крестьянин привел обоих путников к своей хижине. Она была очень мала, сложена из камней, с плоской крышей, заваленной хворостом. Внутри почерневшие от копоти стены блестели, как каменный уголь. В трещинах ждали добычи громадные бурые тараканы и бесчисленные тощие клопы.

Оба гостя легли снаружи на войлоке, развесив на шесте мокрую одежду.

Маленькая подвижная жена крестьянина, с длинным носом и любопытными блестящими глазами, принесла горшок с вареной джугарой и вяленые бураки.

Когда совсем стемнело и шакалы запели свои тягучие молитвы, вдали запылали красные огни. Они усиливались, и багровый дым столбом поднимался к небу.

— Это же горит наше селение Чакчак! — закричал крестьянин.— Это солома горит, зерно горит! Шерстью запахло. Это крестьянский скот горит. Горе всем нам!..

* * *

— Здесь царство злого Аримана. Куда мы идем? — оглядываясь, громко говорил Будакен.

Красные скалы острыми зубцами поднимались кругом, и среди них резко выделялись снежные белые купола[1], точно слепленные руками таинственных дивов.

---

[1] Белые бугры из гипса и соли существуют в этом месте и в настоящее время.

Дорога, шедшая по песчаному дну мелкого ручья, то поднималась к обрывистому карнизу, лепилась по склону горы, то снова опускалась на дно ручья, пока ее не перегородил поперечный скалистый хребет.

— Где же дорога дальше?

— Вот там, где гора треснула.— Крестьянин указал на узкую щель в высокой черной скале, точно кто-то мечом рассек ее на две части.

Путники вошли в мрачный извилистый коридор. Глыбы черного камня нависли над ними, готовые рухнуть и раздавить их. Было темно и сыро.

Щель была шириною около пяти-шести шагов. Она то расширялась, то опять суживалась.

— Постойте, дальше идти не надо,— прогудел Будакен.

«...надо!» — повторило эхо.

Все остановились. Ни одного звука не доносилось из глубины ущелья.

— Разве не весело побывать в аду? — сказал Спитамен.— Не бойся, я же обещал тебя вывести из ада, и даже незакопченным...

— Но отчего такая тишина? — говорил крестьянин, прислушиваясь.— Здесь всегда шум, крики, ревут ослы, проходят караваны... Где же люди? Сейчас будут Железные ворота, идем дальше.

Овцы опять застучали копытцами по камням. Будакен, переваливаясь и сопя, шагал, со страхом глядя на множество маленьких пещер, выбитых в отвесных скалах. «Это жилища злых духов»,— думал он.

Впереди проход загородили большие темные ворота, сложенные из массивных бревен, обитых железом. Здесь скалы сходились так тесно, что маленькая кучка воинов смогла бы удержать целое войско. Старые тяжелые ворота, прикрепленные к тяжелой каменной кладке, стояли полураскрытыми. Стоявшие вдоль прохода три домика были безмолвны, двери вырваны; валялись корзины, солома, разбитые черепки. Все говорило о безлюдье и поспешном бегстве.

— В этих домах жили сторожа, они собирали пошлину с проходящих караванов. Но все они испугались и убежали. А чего бояться? Мы, крестьяне, боимся только неурожая. А кто будет сидеть у нас на шее, согдский князь или бактрийский,— не все ли равно?

— Переждем немного,— предложил Будакен.

Он подошел к воротам, тронул одну створку — она издала хриплый стон, и зазвенели подвешенные на проволоке железные колокольчики.

— Тише, едут!

Издалека послышался шум. Он усиливался, наполняя гулом ущелье. Пощелкивали удары копыт о камни, звенело оружие. Все покрыло звонкое ржание коня.

Из-за поворота извилистого ущелья вылетело несколько всадников.

Их бронзовые панцири, длинные копья, красные плащи и конские хвосты на гребнях шлемов — все это было чуждо и не похоже на бактрийских и согдских воинов. Всадники бросились вперед вскачь, влетели в ворота и остановились.

Из глубины ущелья появились новые группы воинов.

Бараны шарахнулись в сторону и с блеянием сбились в одну кучу.

Первые всадники объехали домики и вернулись к воротам.

— Кто ты такой? — спросил Спитамена рыжебородый обветренный всадник, напирая на него большим тощим конем.

Спитамен сложил руки на груди, подражая жестам крестьян, и с видом скромной покорности ответил:

— Ищущий хлеба. Гоним продавать баранов.

— А кто эти люди?

— Крестьяне. Мы идем вместе.

— Где сторожа Железных ворот? Почему никого нет?

— Откуда мы знаем! Мы идем этой дорогой в Чакчак и остановились спросить, кому же надо заплатить за перегон баранов через ворота. Если мы не уплатим царской пошлины, нас накажут.

— Платите мне! Я возьму вместо пошлины половину баранов, а другую половину я тоже возьму.

— Даром я не отдам баранов: я бедный человек,— сказал Спитамен.

— А ты кто? — спросил всадник, хлопнув плетью по плечу Будакена.

— Тоже крестьянин. Половина баранов его, половина моя. Я тоже ищу хлеба.

Всадник отстегнул от пояса кошель и достал серебряную монету.

— Возьмите и никуда не отходите.

Будакен держал на широкой ладони монету и с любопытством ее рассматривал. На ней была изображена голова кудрявого юноши, прикрытая шкурой. На виске завивался бараний рог.

— Это кто же здесь изображен?

— Ты должен отныне знать его. Это царь Азии Александр. Он сын бога, и все должны ему покориться. Эй, Архелай, возьми-ка этих бродяг, свяжи их вместе.

Македонские всадники, как только соскочили с коней, повалились на камни, не снимая лат, замотали поводья на руку и заснули вповалку.

Около ворот, на выступе скалы, застыл в неподвижной позе часовой. Тут же сидели спиной друг к другу оба «бродяги». Их локти были крепко скручены.

— Это ты, злодей, привел меня сюда! — шипел Будакен.

— Не торопись умирать: песня Спитамена еще не допета. А наш крестьянин-то убежал. Лишь только показались всадники, он разом повернулся и так понесся по дороге, что только пятки замелькали.

— Не разговаривайте! — прикрикнул часовой.

МЕСТЬ ЦАРЕЙ

Начальник отряда приказал пяти всадникам отправиться дальше на разведку. Сам он сидел на камне и, положив кусок пергамента на колено, писал:

«Птоломей, сын Лага, царю Азии Александру, сыну Филиппа (желает) радоваться. С передовым отрядом в сто всадников мы ворвались в ущелье, называемое Железные ворота. Наша стремительность и величие твоего имени, которое летит впереди твоих войск, обратили в бегство всех бесчисленных защитников непроходимого ущелья. Я захватил в стычке множество пленных. Их показания сообщу со следующим гонцом. После краткого отдыха отправлюсь дальше, по главному пути к Наутаке. Приезжай скорее, повидимому, путь свободен. Да хранит тебя Зевс Вседержитель!»

Птоломей свернул пергамент, завязал шнурком. Размяв в руке кусок воска, он прилепил его к концам шнурка и придавил перстнем с вырезанным на нем изображением

Афины Паллады. Подошел воин с исхудавшим, потемневшим лицом. Птоломей бросил письмо на землю в знак того, что оно должно быть доставлено немедленно. Воин положил свиток в кожаный шлем и, надвинув его на лоб, застегнул ремень под подбородком. Он вскачь пустился по ущелью, и эхо раскатилось сухим грохотом, повторяя удары копыт.

Спитамен был привязан к широкой спине скифского князя, который дремал и покачивался, пока не свалился на бок, потянув за собой и Спитамена.

«Сон утешает в горести и дает силы уставшему»,— сказал себе Спитамен, лежа на боку и чувствуя, как немеют руки, как мучительно впились в тело веревки. Голова, наливаясь кровью, свесилась набок. Спитамен заснул. Ему снились облака, обросшие рыжеватой бородой. Эти облака обратились в громадные головы в бронзовых македонских шлемах; у них разевались рты, и туда неслись, выставив вперед копья, скифские всадники...

Шум в ущелье заставил Спитамена очнуться.

На дороге стояло несколько знатных персов. Лучи солнца, упавшие сверху в темное ущелье, ярко осветили края длинной малиновой одежды.

Спитамен узнал приближенных Бесса, неотлучно окружавших его во всех пирах и поездках. Это был старый, толстый Датаферн, с бритыми щеками и выкрашенной хною бородой, и наглый всесильный любимец царя Катен, молодой, непобедимый в пьянстве.

В стороне слуги держали разукрашенных коней. Но куда же девались прежняя заносчивость и высокомерие знатных сановников? Заискивающие и почтительные, стояли они перед начальником македонского отряда, приседали и касались концами пальцев земли.

В стороне от них стоял высокий человек, весь до глаз закутанный в шерстяной пурпурный плащ. Обыкновенный персидский войлочный колпак был надвинут на лоб до разрисованных удлиненных бровей. Черные глаза внимательно и беспокойно следили за говорившими.

Птоломей, вытянувшись по-военному, с непроницаемым холодным лицом, говорил:

— Я уже сказал вам требование царя. Вы должны не забывать своих персидских законов. Если царь что-либо сказал, то потом он своих решений не отменяет. Поэтому поторопитесь исполнить его волю.

— Слушаем, светлейший! Понимаем, величайший! Будет так сделано, о необычайный!

Сановники несколько раз поклонились Птоломею и затем набросились на одиноко стоящего высокого человека. Он сопротивлялся, отталкивал персов ногами и кричал тонким голосом. Тогда персы подозвали на помощь слуг и содрали с высокого человека плащ, длинную одежду и широкие шелковые шаровары.

Это был Бесс.

Он остался голым, в одних расшитых жемчугом красных сандалиях и войлочном колпаке.

— Пусть стоит здесь,— указал Птоломей на широкий камень под черной скалой,— а вы будете стоять рядом.

Из глубины ущелья донеслись трубные звуки. Лежавшие воины вскочили, стали оправлять на себе доспехи и выстроились в ровную линию.

Сперва показались македонские этэры в блестящих медных латах. Они держали копья стоймя и ехали по трое в ряд. За ними тройка белых коней с красными перьями между ушами везла маленькую двухколесную с бронзовыми ободьями раззолоченную колесницу. Колесница подпрыгивала на неровной дороге. Лошадьми правил возница-эфиоп, припав на колени, а около него стоял коренастый воин с красивым выбритым надменным лицом. Над стальным шлемом развевались крылья белой цапли. В руке он держал два коротких копья.

Воин окидывал взглядом скалы, Железные ворота, скользнул по рядам воинов, кричавшим: «Слава Александру богоподобному, базилевсу Азии!»

Наконец прищуренные глаза остановились на большой пухлой фигуре Бесса, выделявшейся на фоне черной скалы. Бесс отвернулся, закрываясь руками. По щекам его текли слезы, и плечи судорожно вздрагивали.

Колесница остановилась; за ней, прогремев, остановились и всадники.

Хриплый, полный ярости голос Александра пронесся по ущелью, отдаваясь в мрачных, нависших скалах:

— Наконец ты предо мной, жалкий беглец, хвастун! Говори, как осмелился ты схватить назначенный мне богами венец царей Персии? Говори, какое собачье бешенство толкнуло тебя заключить в оковы и потом убить добрейшего царя Дария, твоего родственника и благодетеля? Не для того ли ты все это сделал, чтобы присвоить себе украденное звание царя царей? Отвечай! Говори же, проклятый богами!

Бесс, вздрагивая, захлебываясь от слез, говорил:

— Я... объявил себя... царем... только для того...

чтобы передать царство тебе... славному Александру! Если бы я этого не сделал... то царским венцом овладел бы другой!..

— И ты осмелился сказать это? Кто дерзнет протянуть руку к царскому венцу? Им может овладеть только сын бога. Где князь Оксиафр?

Из рядов свиты, следовавшей за колесницей, выехал толстый, с обрюзгшим лицом Оксиафр, брат убитого царя Дария. Он тяжело сполз с коня, подхваченный слугами, и неуклюже подошел к Александру, от долгой езды с трудом двигая ногами.

— Оксиафр, вот убийца твоего брата Дария! Я дарю его тебе. Ты отомстишь ему: отрежешь нос и уши, затем распнешь на стене и будешь медленно пронзать копьем.

Оксиафр с важностью подошел к высокому Бессу и, ругаясь, стал хлестать его плетью, со страхом отпрыгивая при каждом движении Бесса.

Александр повернулся к персам, которые привезли Бесса; они держали большое блюдо, покрытое куском парчи. На нем лежала круглая, как тыква, золотая корона персидских царей, украшенная цветными сверкающими камнями.

Александр впился в нее глазами. Он отстегнул свой шлем с белыми крыльями и передал подбежавшему телохранителю-нубийцу. Жадно схватив корону, он поднял ее к небу, затем опустил на свои завитые кудри. Корона была велика и надвинулась на глаза. Александр придерживал ее руками, точно чего-то ожидая. Он обвел глазами угрюмое ущелье, увидел узкую полосу неба среди нависших черных каменных глыб, и тень тревоги пробежала по лицу. Он снял корону и передал ее черному нубийцу:

— Скорее вперед! Мы должны выйти отсюда, из этих мрачных теснин, где нас могут забросать сверху камнями. В Наутаке мы отпразднуем нашу новую победу. Я раздам всем моим воинам земли, пашни, дома и богатства глупых народов, которые не умеют защищаться и созданы быть нашими рабами. Там воины получат отдых. А вы, доставившие мне цареубийцу Бесса,— вы получите особую награду, я вас не забуду! Слушайте, товарищи по походам,— обратился громко базилевс к воинам,— Персия теперь всецело наша и будет наша всегда! Противников больше нет. Слава моему отцу — Зевсу Громовержцу!

— Ты победишь! Ты царь вселенной! — кричали воины, и эхо повторяло их слова.

Белые кони тронулись, и золотая колесница покатила

СКИФСКАЯ СИМФОНИЯ (ПЛЯШУЩИЕ СКИФСКИЕ АМАЗОНКИ)
Рисунок В. Яна. 1928(?)

ОВИДИЙ. *Гравюра. XVII век*

вперед, покачиваясь на неровной дороге. За ней, сверкая оружием, со звоном и грохотом, рысью тронулись телохранители и свита базилевса.

Будакен налитыми кровью глазами следил, как проезжали всадники. Но кто этот высокий юноша в бронзовых латах? Он необычайно похож на его сына — белокурого, стройного Сколота.

— Сколот! — заревел Будакен.— Сколот!

Но возглас Будакена потонул в шуме конских копыт и в криках воинов.

— Чего разорался, молчи! — крикнул часовой, ударив Будакена по голове.

— Это был Сколот, мой сын Сколот! — бормотал Будакен.— Если я мог ошибиться и принять за него похожего рослого явана, то я никогда не ошибусь в коне! Ведь он ехал на саврасом жеребце, сыне Буревестника!

Все воины вскочили на коней и последовали за базилевсом. Скоро ущелье затихло, и серые тушканчики выскочили из норок; они перебегали, садились на задние лапки и, озираясь, обнюхивали воздух.

Птоломей забыл о двух связанных крестьянах и умчался вместе с отрядом базилевса.

Спитамен упорно старался перетереть о камни веревки и ремни, которыми они были связаны.

Когда лунный свет наполнил ущелье, в глубине показались две тени. Они шли осторожно, замирая при каждом шорохе. Это были молодой крестьянин и его маленькая жена.

Они нашли и развязали лежавших.

— Мы пришли, думая, что вы убиты. Среди проехавших проклятых яванов вас не было. Мы решили похоронить ваши тела, поставить чашу с молоком и лапшой, чтобы ваши души насытились и не мстили нам за то, что вы погибли вместе с вашими баранами около наших пашен. Теперь, хвала Ахурамазде, вы живы и можете прийти к нам. Вода опять прорвала канаву, надо ее получше исправить. Прежде всего нужно, чтобы была вода, а тогда будет и хлеб. Работа не ждет!

* * *

Утром два путника горными тропами удалялись от большой дороги, по которой двигалось войско Александра, стремясь к Наутаке, по пути грабя и опустошая все встречные селения.

Спитамен утешал хромавшего Будакена:

— Все наши люди теперь собрались около Мараканды, и мы начнем бороться по-настоящему, без помощи изнеженных князей. Согды не станут терпеть бесчинства греков. Согд любит свою пашню и свое тутовое дерево. Лучше он повесится на нем, чем оставит его. Теперь ты видел Двурогого и можешь рассказать в степи, что этот царь не остановится до тех пор, пока не встретит смелых воинов, которые не повернут перед ним спину, а сами начнут бить его в скулы.

Будакен стонал и скрежетал зубами:

— Мой сын вместе с Двурогим! А если злодей пойдет на сакские земли, неужели Сколот будет драться против нас? О, тогда я встречусь с ним в бою. Посмотрим, подымет ли он руку на отца!..

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ НА СЕВЕР

— Мы воины непобедимого царя Азии.
— У вас непобедим только царь? А мы, скифы, все непобедимы.

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ НА СЕВЕР

Согдские пограничные башни остались позади и виднелись на горизонте оранжевыми точками. Впереди потянулась безбрежная степь. Весенние цветы — красные маки, желтые тюльпаны и лиловые трехперстники — ярким ковром разукрасили обычно мертвую равнину.

Радостное чувство охватывало отряд скифов Будакена, когда он возвращался из Сугуды обратно на север, в свое кочевье.

Тяжелая дума о сыне все время мучила Будакена и заставляла его сопеть и испускать глубокие вздохи, от которых его карий жеребец поводил ушами и косился черным блестящим глазом; но весеннее солнце, свежий ветерок, приносящий запах первых цветов и прелой тающей земли, вид по-праздничному убранной степи невольно разглаживали глубокие морщины на угрюмом загорелом лице сакского вождя.

Будакен ехал Голодной степью, прозванной так путниками еще в давние времена: в ней нет корма — ни колючки для верблюда, ни зайца или козы для охотника, только шары перекати-поля, прыгая большими скачками, проносятся по степи, подгоняемые визгливым ветром. Лишь весной караваны могут проходить безбоязненно через эту мертвую равнину, где повсюду белеют кости павших животных.

— Смотри, Кидрей, а ведь это дикие кони! — крикнул, вглядываясь вперед, старый Хош.

Кидрей хлестнул своего Пегаша, взлетел на бархан и заслонил рукою глаза, вглядываясь в даль. Несколько темных точек медленно пересекали путь. Теплый пар, подымавшийся от земли, струился волнами, и на линии горизонта все предметы трепетали.

— Мало ты видел диких коней,— сказал насмешливо Кидрей.— Ты больше привык смотреть на турсуки с кумысом и поэтому не можешь отличить диких ослов от сауранов. Смотри, как они бегают!

— Эти дикие ослы отбили от табуна кобылицу,— сказал Будакен.— Они гонят ее перед собой.

В Будакене проснулся охотник: его ноздри раздулись; всматриваясь в горизонт, он втягивал воздух, чувствуя переливчатые запахи степи. Выдернув несколько волосков из отворота сапога, он подбросил их в воздух и проследил за их полетом:

— Ветер с их стороны. Ослы нас не почуют.

Стадо приближалось. Ослы так увлеклись погоней за лошадью, что не замечали приближения грозы, которая их ожидала за барханами. Они бежали беспорядочно: то рассыпались, то сбивались в кучу, дрались и кусали друг другу загривки. Уже ясно было видно, как загнанная лошадь металась и била хвостом. Но что лежит на ней? Впилась ли в шею пантера или привязаны вьюки?

Дикие ослы недоверчивы и чутки. Они внезапно остановили беззаботную гонку. Несколько большеголовых самцов, взлетев на пригорок, задрав напряженно хвосты и насторожив длинные уши, уставились в сторону скифов, где им почудилась опасность. Стремительно скатились они вниз, и все стадо, повернув к северу, легкими скачками стало удаляться в степь. Только облако взбиваемой пыли осталось над тем местом, где пронеслись ослы.

Скифы помчались вперед, к лошади, скрывшейся среди барханов.

Когда Будакен нагнал скифов, он увидел молодую женщину, лежавшую на земле. Хош подложил ей под голову свой башлык. Женщина была очень истощена: щеки ввалились и глаза смотрели тускло и безжизненно. Руки, покрытые багровыми ссадинами и кровоподтеками, бессильно раскинулись. Скифы сидели кругом на корточках и тихо перешептывались. Кидрей держал на аркане исхудавшую, костлявую кобылицу. Она была покрыта пылью и солью от высохшего пота, а бока ее кровянились от укусов и ударов ослов.

— Тебе эта женщина знакома,— сказал вполголоса Хош.— Когда ты выдавал замуж дочь Зарику, она развязывала верблюда.

— Она жива?

— Еще жива.

Будакен опустился на песок возле Томирис. Ему доста-

ли из вьюка глиняный кувшин с заостренным дном. Темная струя старого вина, подаренного Бессом, наполнила бронзовую чашу. Будакен плеснул немного вина на землю, чтобы свирепые духи Голодной степи не гневались, и своей широкой, почерневшей от загара рукой приподнял Томирис. Бледные, засохшие губы прикоснулись к бронзовой чаше и не раскрывались. Корявым пальцем с обломанным ногтем Будакен раскрыл губы и влил немного вина в рот.

Будакен долго возился с Томирис. Он несколько раз отдавал полную чашу с вином в круг скифам, и все отпивали по глотку, повторяя:

— Да поразит смерть того, кто обидел дочь нашего племени!

Постепенно жизнь возвращалась к Томирис. Она пристально всматривалась в небо, откуда доносилось отдаленное слабое курлыканье.

Все взглянули вверх. Высоко в чистой синеве треугольником летели журавли.

Томирис приподнялась и испуганно уставилась на неподвижно сидевших скифов. Когда глаза ее остановились на широком лице Будакена, легкая улыбка скользнула по ее бледным губам.

— Ты Будакен, давший мне свободу... Я теперь не боюсь, но бойся ты.

— Кого бояться?

— Берегись возвращаться домой, там тебя убьют.

Брови Будакена нахмурились, глаза метнули взгляд направо и налево.

Томирис с трудом повернулась на бок, положила израненную руку под щеку и затихла.

— Она заснула,— сказал старый Хош.— Это хорошо.

Будакен приказал остановиться, развьючить коней и напоить их водой из бурдюков. Он достал из вьюка кожаный мешок и привязал его за седлом карего жеребца...

— Вы поедете прямо к Горьким колодцам, где стоит камень Афрасиаба,— объяснял Будакен Кидрею, когда кони поели ячмень.— Там поблизости должно быть кочевье свободных скифов с шатром Шеппе-Тэмена. Эту женщину отвезете туда.

— А если шатры этого кочевья откочевали к горам на свежую траву?

— Тогда... Вай-вай, ляй-ляй, как трудно понять, что надо сделать! Нельзя же оставить эту больную на песке, чтобы она умерла и потом по ночам прилетала упрекать нас за свою смерть! Тогда ее надо привезти в мои шатры.

Вереница скифов потянулась к северу, кони шли ускоренным шагом: надо было скорее выбираться из Голодной степи. На одном из коней поверх тюков лежала Томирис.

Скифы оглядывались, не понимая, почему Будакен остался на месте один, сидя неподвижно, скрестив ноги, молчаливый, как камень Афрасиаба.

Снова из далекой синевы донеслись трубные звуки — курлыканье журавлей. Будакен очнулся и взглянул на летевших в небе птиц с распластанными широкими крыльями.

Он встал, спокойный и решительный, подошел к жеребцу, нетерпеливо ходившему вокруг бронзового прикола, вбитого в землю. Из кожаного мешка Будакен вынул кольчугу со стальными пластинками, подаренную ему Бессом. Сняв одежду, он надел кольчугу, тщательно затянув ремни. Кольчуга была удобна, сделана искусным мастером. Когда снова были застегнуты все петли одежды, под ней кольчуга была незаметна.

Будакен смотал аркан с приколом, подвесил его спереди у чепрака и вскочил на коня. Равномерным, «волчьим» шагом жеребец двинулся на север, в сторону кочевья Будакена.

ПОКОЙНИК ВЕРНУЛСЯ

Будакен ехал день в ночь, делая частые короткие остановки. Он то несся рысью по твердым такырам[1], то вел жеребца в поводу. Когда конь ел ячмень, Будакен, лежа на спине, засыпал тревожным сном, полуоткрыв глаза. Затем снова направлялся на север заброшенными тропами, стараясь не встречаться с кочевниками.

Уже кочевье Будакена было близко. В полусумраке вечера он узнавал вдали знакомые очертания холмов и бугор с сигнальной вышкой. Жеребец зашатался. Будакен злобно швырнул на землю двухвостку, осторожно слез с коня и потрепал его по шее. Он провел ладонью по глазам коня, тронул его уши — они бессильно повисли.

Долго сидел Будакен, глядя в сторону своего кочевья. Мраком окуталась степь, небо стало переливаться брызгами звезд, и конь, оправившись, очнувшись, начал перебирать ногами. В стороне кочевья засветились огоньки. Тогда Будакен направился пешком к кочевью, ведя коня в поводу.

---

[1] Такы́р — ровная глинистая площадка в песках.

Собаки издалека почуяли приближение путника и примчались с яростным лаем. Старые волкодавы узнали хозяина и запрыгали вокруг него, тыкаясь мордами и облизывая его руки, а вслед за старыми успокоились и щенки.

Но почему так мало шатров стояло под бугром? Куда откочевали стада овец, почему только несколько верблюдов дремали около приколов? Бесшумно подошел Будакен к одному шатру — там слышался сдержанный говор. Ему не понравились слова, доносившиеся оттуда. Сквозь прорванный войлок он стал рассматривать, что делается в шатре.

Младшая, четвертая жена Будакена сидела, окруженная старухами, которые равномерно покачивались из стороны в сторону и вполголоса напевали заунывную песню. На жене было накинуто синее покрывало, которое надевают вдовы, оплакивая покойника.

Будакен откинул ковер, закрывавший вход, и вошел в шатер.

Все женщины замолкли и с раскрытыми ртами глядели на него.

— Вы, может быть, угостите меня кашей и бузатом? — пробурчал Будакен.

— Покойник! Мертвец прилетел за кашей! — завопили женщины и сбились в кучу, закрываясь подушками.

Будакен плюнул и вышел из шатра. Он прошел в другой конец кочевья, где был шатер его старшей жены — матери Сколота. Он ввалился внутрь и остановился, ожидая, начнется ли и здесь переполох. Старая жена его, Спаретра, сидела у огня и длинной медной иглой сшивала шкурки ягнят. Увидев мужа, она несколько мгновений испуганно глядела на него, потом вскочила и, хромая, проковыляла к нему: у нее давно была повреждена нога от укуса волка, когда в степи она с маленьким Сколотом бесстрашно отбивалась от хищника.

— Живой ли ты, господин мой, или это душа твоя прилетела, но для меня все одно — будь нашим гостем и садись к огню.

— Чего вы все одурели? — спросил Будакен, обходя огонь и садясь на ковер.

— Не мы одурели, а наши князья одурели,— сказала Спаретра.— Что слышу, то я и знаю, а мало ли что говорят в степи! Сказали нам, что ты у согдов получил столько подарков и так тебя там закормили, что ты, съев целого барана, помер. А я говорила, что ты и двух баранов съешь — и ничего с тобой не будет, только здоровее ста-

нешь. Дай я сниму твои сапоги, обмою твои ноги. Это все Гелон наделал, зять наш. Он вызвал из-за гор своих тохаров и сделал их нашими погонщиками. Они отогнали неведомо куда наши табуны и стада. Нам осталось так мало кобылиц, что молока не хватает. Был бы здесь вместо тебя наш сын Сколот, разве он допустил бы, чтобы зять ограбил его мать?

Будакен не стал раздеваться, а, сдвинув брови, полный тревоги, прислушивался к возгласам кругом, сам же сказал тихо:

— Сколот жив!

Из всех шатров сбежались женщины, чтобы повидать живого Будакена, но, не смея войти внутрь, толпились снаружи и раздирали дыры в войлоке, чтобы заглянуть в шатер.

Шесть дочерей-подростков, в малиновых одеждах, украшенных бусами и лентами, фыркая и подталкивая друг друга, вошли в шатер и встали у входа. Они разом поклонились до земли, когда отец взглянул на них.

Будакен любил и ласкал своих дочерей, и на его угрюмом лице появилась тень улыбки, когда дочери, осмелев и закрываясь рукавами, задавали вопросы:

— Здоров ли ты?

— Куда девались воины?

— Вспоминал ли ты о нас на базаре Мараканды?

Будакен ответил отрывисто:

— Воины приедут, привезут подарки с маракандского базара, а вы все ложитесь спать и засыпьте золою огни.

Будакен приказал всем разойтись по шатрам. Только увидав певца Саксафара, пробиравшегося ощупью, Будакен поднялся, обнял его и спросил, хорошо ли его кормили.

— В кочевье Будакена всегда найдутся лепешка и колобок сыра для Саксафара,— ответил певец.

— Если все голодают, то и Саксафар не будет сыт,— сказал кто-то.

Будакен гневно засопел:

— Ступай, Саксафар, завтра я буду слушать твои песни!

Саксафар направился к выходу, но остановился и, подняв кверху невидящие глаза, произнес:

— Не прислоняйся к стене — она упадет, не полагайся на дерево — оно засохнет, не доверяй человеку — он предаст тебя...

— Если я раньше не убью его,— прервал Будакен.

Все огни в кочевье потухли, как звезды, задернутые облаком; все попрятались в шатры. Изредка доносился из темноты шепот — видно, все люди настороженно ждали чего-то и не спали.

Будакен сидел, скрестив ноги, перед входом в шатер и прислушивался к звукам, долетавшим из степи. Невдалеке, пережевывая жвачку, хрустели верблюды. Иногда жалобно блеял ягненок. Ветер играл концом висевшего над головой войлока.

Из степи доносились то нежный аромат кандыма и вереска, то тяжелая струя воздуха от недалеко лежащей падали. Вероятно, около нее грызлись собаки. Вот звуки замолкли. Вдруг собаки разом залились дружным озлобленным лаем, и затем голоса стали удаляться в степь. Будакен определил по лаю собак, откуда надвигалась опасность. Засунув полы одежды за пояс, с ножом в зубах, он бесшумно уполз в темноту. Уверенно двигался он вперед, прислушиваясь к злобному лаю овчарок. Одна завизжала — кто-то ранил ее... На пути — загородка ягнят. Стог сена. Только на мгновение он остановился около него и пополз дальше — недостойно воину прятаться в сене.

Быстро, как зверь, двигался на четвереньках Будакен. Когда под руками оказался сыпучий песок без бараньих катышков, Будакен остановился, нюхая воздух и поворачивая во все стороны широкое ухо. Лай собак приближался к кочевью и разливался полукругом.

Будакен снова пополз и завернул в сторону собак. Наконец на тусклом небе зачернело несколько лошадиных крупов. Слегка побрякивала уздечка. Два жеребца фыркали, обнюхивая друг друга.

— Буланый, не балуй! — прозвучал сдавленный хрип.

«Чей это голос? Не тохар ли говорит это?» — мелькнуло в уме Будакена, и он пополз к тому, кто сторожил коней. Будакен обрушился на него без шума, подмял под себя, обшарил и содрал пояс с мечом.

Тело осталось лежать неподвижно.

Два жеребца вскачь пустились по степи. На одном сидел, сжавшись, Будакен. Другой жеребец, легкий и порывистый, побрякивая бляхами, несся рядом.

Из кочевья доносился гул мужских голосов, женские вопли и неистовый лай собак.

Будакен придержал коней, прислушался и снова помчался вперед.

СВОБОДНЫЕ СКИФЫ

Выборные от каждых двенадцати шатров свободных скифов собрались на совет кочевья. Усевшись тесным кольцом вокруг огня в старом черном шатре Спитамена, они обсуждали, ехать ли на съезд сакских вождей на берегу реки Яксарта. Там должны решить — идти ли на поклон к Двурогому царю, уже захватившему Мараканду, послать ли ему дары покорной дружбы, или же... зажечь огни на курганах...

Выборные сидели тесно, плечом к плечу, наклонив остроконечные войлочные шапки и жмурясь обветренными глазами на багровые угли костра.

— Если мы поедем, князья подумают, что мы снова признали княжью волю,— говорили одни.

— Нас триста шатров, мы выставим четыреста всадников. У нас своя воля,— отвечали другие.

— У князей тысячи баранов и несчетные косяки кобылиц. Они их берегут, а драться придется нам.

Снаружи послышался топот коней...

— Где шатер Шеппе-Тэмена? — прохрипел низкий голос.

— Нет Шеппе-Тэмена, но здесь шатер его. Здесь ты узнаешь, где наш охотник.

Полог откинулся, и сквозь низкое отверстие протиснулся большой, грузный человек. Темный шерстяной плащ закутывал его. Он остановился у входа, как проситель.

— Погрейся у огня,— сказал старший.— Садись к нам. Мимо ли ты ехал и хочешь передохнуть или тебя привела сюда нужда?

— Вы не узнаете Будакена? — Незнакомец скинул плащ и бросил кожаный пояс с мечом в разукрашенных бронзой ножнах.— Кто из вас узнает, чей это пояс? Я приехал просить вашей помощи против моих обидчиков, нападающих ночью.

Сидевшие скифы заволновались. Пояс с мечом переходил из рук в руки. Будакен продолжал стоять у входа. Он узнавал среди сидевших многих из своих бывших слуг. Они внимательно осматривали пояс. Один скиф снял шапку и откинул назад длинные полуседые волосы.

— Князь Будакен, взгляни на мой лоб: видишь ли этот знак?

На лбу выделялся выжженный железом кружок и под ним две черточки — известное всем тавро Будакена.

— Ты ставил свой знак на каждом коне и баране, на всем твоем добре и на каждом родившемся ребенке твоего раба. Мы ушли от тебя, и больше твоего знака на наших детях не будет. Зачем же ты пришел за нашей помощью?

— Или ты хочешь снова вернуть нас под свою тяжелую руку? Отобрать наших ягнят? — загудели голоса.

Будакен угрюмо молчал. Он видел враждебные, колючие взгляды.

— Я приехал к вам не для того, чтобы взять вас обратно или взять хотя бы одного ягненка...

— Да мы и не отдадим тебе ничего.

— Я пришел спросить вас, достойно ли для свободного племени саков нападать на кочевье, когда там остались одни женщины и дети, а все опоясанные мечом выехали на совет племени?

— Но саки ли это сделали? Не бродячие ли дахи?

— Я узнаю, чей этот меч,— сказал один скиф.— На пряжке изображен тигр, рвущий коня. Такие пряжки носит племя тохаров. Не твой ли зять Гелон из племени тохаров напал на твое кочевье?

— Это князья повздорили из-за богатства.

— Все зло идет от Гелона,— загудели голоса скифов.— Он прибирает все к своим рукам. Он сгоняет к своему кочевью стада Будакена, он привязывает на спину диких коней наших гордых девушек. Он и нам никогда не простит, что мы ушли от князей и живем вольно. И на нас он нагрянет, чтобы мы снова пасли его кобылиц.

Слабый женский голос прозвучал из глубины черного шатра:

— Будакен вернул мне жизнь. Будакен подарил мне свободу. Именем Шеппе-Тэмена просит Томирис помочь князю Будакену...— Кашель прервал ее слова.

— Мы едем на Совет сакского племени. Поезжай с нами, и тебя никто не тронет. Мы зажжем на совете свой особый костер, и ты сядешь с нами. Мы спросим у племени: можно ли ночью нападать на кочевье, где остались одни женщины? Садись сюда, с нами.

Будакен прошел к огню, и его бывшие слуги потеснились. Он сел среди них как равный и протянул к огню свои квадратные ладони.

Скифы косились на него и подмигивали друг другу:

— Смирился или задумал обвести нас?

ВЕЛИКИЙ СОВЕТ ПЛЕМЕНИ

Бесчисленные костры горели под вековыми ветлами и серебристыми тополями вдоль берега реки Яксарт. Кругом гудел говор, мешались песни, крики, ржание и топот скачущих коней.

Скифские выборные, вожди, знатные князья и простые вольные саки съехались издалека на Великий Совет племени.

«Длинное ухо»[1] разнесло по всей степи, что в новолуние будут решаться важные дела на Яксарте. Молва опередила гонцов, посланных Тамиром по всем родам и коленам.

Отовсюду потянулись всадники, увешанные оружием, как подобает воину, имеющему право высказывать свою волю. Не раз бывало раньше: сразу после совета племени скифы выступали в стремительный набег, поэтому воин, явившийся без оружия, садился позади других и не имел права говорить.

Разбросанные по беспредельной равнине, здесь встречались старые друзья и товарищи по походам, обнимали друг друга, прижимались плечами и, согнув правую ногу, шептали принятые обычаями приветствия.

Не простое дело решалось сейчас — измена родному племени известного всей степи князя Будакена, продавшегося за коровий турсук золота Двурогому царю, разгромившему персов и теперь готовому надеть ярмо на все народы Азии.

И многие ехавшие на совет племени громко бранили Будакена за то, что он продался врагу. Разве мало было у князя золота? И удила у него были золотые, и пуговицы золотые, и у четырех жен были подвески на груди, как рыбья чешуя, из золотых монет. Но ведь все знают, что чем богаче князь, тем сильнее его жадность.

Поэтому все готовы были изгнать или побить камнями Будакена и спорили, каким родам следует раздать все косяки и стада князя-изменника.

Свободные скифы примчались на маленьких мохнатых коньках и развели свои особые костры, в стороне от других. Будакен прибыл вместе с ними, но так как он завернулся в широкий темный плащ и ехал не на карем широкогрудом жеребце, которого знала вся степь, а на большом и легком массагетском булане, то все спрашивали, откуда этот всадник. Чей это слуга? Наверно он тоже ушел от княжеского котла и стал жить своим умом и промыслом?

Уже от всех колен отделились князья и старейшины

---

[1] «Длинное ухо» — молва.

и степенно поднялись на курган, одиноко стоявший среди равнины, а свободные скифы продолжали сидеть вокруг своего костра, точно совет их совсем не касался; дважды за ними присылали князья, чтобы они послушали, что́ князья будут решать, но те ответили, что придут решать дела как свободные скифы, а не слушать разговоры князей. От них отделились пять выборных, которые, взойдя на курган, сели в общий круг совета, где все теснились в несколько рядов.

Старый князь Тамир поднялся с конской попоны. Протянув дрожащие руки к небу, он прошамкал:

— О величайший наш покровитель Папай! Пошли нам мудрость и силы праведно решить дела, от которых зависят благо или гибель народа саков! — Тамир старался не смотреть в ту сторону, где позади свободных скифов стоял Будакен, закутанный до глаз.

Он давно заметил Будакена, но мог ли перед всем народом обнять его, как прежде, если после совета его, быть может, побьют камнями и копьями, как вбежавшего в овчарню волка.

— Говорите нам про измену Будакена! Дайте нам этого предателя! — кричали голоса.— Он побоялся приехать сюда. Он со своим золотом убежал из сакских степей!

Будакен заревел, как раненый медведь, и швырнул свой плащ на землю:

— Кто говорит про Будакена? Здесь Будакен, перед советом племени! Кто меня обвиняет? Пусть скажет это мне в лицо, а не прячется за спинами других. Я узнаю, сак ли говорит это или шакал из другого племени!

Подслеповатые глаза Тамира забегали по сторонам.

Он перекинулся несколькими словами с соседями.

— Привет тебе, славный Будакен! — сказал Тамир среди общей тишины. Легкий шепот пронесся по толпе и затих.— Ты честно поступил, что приехал сюда. Зачем же ты прямо не пришел к нам, как всегда, и не сел рядом с нами? Зачем стоишь, как гость на чужом пиру? Поведай нам, где ты был это время. С кем виделся? Тут по степи носятся разные слухи о твоей поездке.

— Я ничего не буду говорить, пока передо мной не встанет тот, кто осмелился назвать меня изменником. Где этот червяк, которому поверили настолько, что созвали Великий Совет племени?

Тогда Тамир повернулся к князю Гелону. Он сидел побледневший, как воин, получивший смертельный удар

под сердце. Но Гелон встал, такой же надменный, как всегда, и, отвернувшись от Будакена, стал говорить толпе, собравшейся вокруг Совета и жадно внимавшей каждому его слову:

— Я говорю давно, яваны близко, и саки должны быть наготове раздавить их, не подпуская к нашим шатрам. Но скажите, вольные воины, разве допустимо, чтобы в такие тревожные дни один из наших знатных князей уехал навстречу врагам, получал от них золото и подарки? За какие заслуги он получил дары? Враги будут платить только за услуги, которые им на пользу, а нам во вред. Хотя князь Будакен теперь мой родич, но для каждого воина всего дороже должны быть правда и спокойствие родного племени. Верно ли я говорю?

— Верно, верно! — раздались голоса.

— Конечно, Будакена можно простить, его сын в цепях, во власти Двурогого. Будакен пожалел сына и хотел спасти его. Поэтому и я прошу милости для старого Будакена. У нас есть обычай, что старики, у которых ослабели руки и разум, получали прощение за свои неразумные поступки. А Будакена соблазнил проходимец, бродяга, приходивший в наши кочевья, чтобы выведать, что делают и готовятся ли к войне саки. Это был лазутчик Двурогого, истребителя мирных народов. И этот самый лазутчик водил Будакена на свидание к проклятым яванам. Какой позор для свободного сака!

— Это ложь, он не был лазутчиком! — закричали свободные скифы.— Наш Шеппе-Тэмен друг народа, не такой, как ты, прибирающий к рукам чужие стада, чтобы на всех ляжках прижечь свое тавро.

Одни скифы кричали: «Смерть Будакену!» Другие требовали, чтобы Будакен оправдался. Свободные скифы вскочили и грозили заткнуть мечами глотку Гелону.

Тамир поднялся, взял из рук воина бунчук племени с изображением богини Артимпасы[1] и стал ждать. Все замолкли, повинуясь главному хранителю бунчука всего племени, с которым все должны идти в бой и на смерть.

— Саки, нельзя наказывать, не выслушав того, кого мы хотим казнить. Спросим сперва Будакена. Скажи нам, князь Будакен, раньше всегда хранивший светлым и незапятнанным свой тяжелый меч: правда ли, что ты ездил к Двурогому и говорил с ним?

Будакен стоял багровый, раскрывал рот, как рыба,

---

[1] Артимпа́са — скифская богиня плодородия и материнства.

выброшенная на песок, точно он ловил воздух, и не мог сказать ни слова.

Все ждали, что сейчас Будакен упадет и тут же умрет, но Будакен раскатисто засмеялся:

— Я старик? Этот чужеродный княжич решил, что я потерял разум? Да мы сейчас посмотрим на деле, верно ли это. Я тоже знаю наши обычаи, и получше князя Гелона, которому, как тохарцу, не подобает учить нас, саков, что нам делать. Наш дедовский закон говорит, что если кого объявили стариком, то он может вызвать обидчика на последний бой, а там уже все увидят, ослабели или нет его мышцы, верна ли рука у старика, и только после боя я скажу, видел ли я Двурогого и получил ли от него подарки.

— На бой! На бой! Пусть выходят оба на бой! — закричали все саки.

Гелон закричал:

— Я буду биться не пеший, а с коня. Идем вниз, на равнину!

СМЕРТНЫЙ ПОЕДИНОК

Вся толпа бросилась с кургана, разыскивая своих коней, чтобы лучше увидеть этот бой не на жизнь, а на смерть — любимое зрелище скифов.

— Будакен силен еще, но он стал грузен и неповоротлив,— рассуждали скифы.— Гелон молод и силен, хорошо владеет копьем. Если бы они боролись пешие, Будакен, как старый медведь, задавил бы или сломал хребет Гелону, а с коня Гелону легче поразить копьем Будакена.

По приказу Тамира несколько скифов поскакали во все стороны, разгоняя толпу, и очистили широкую площадку. Оба всадника одновременно появились на разных ее концах. Они могли действовать только копьем и коротким мечом, не прибегая к стрелам. Маленькие круглые щиты из буйволовой кожи были на левой руке каждого.

Гелон сидел на рослом массагетском скакуне, но и под Будакеном был такой же сильный, высокий жеребец. Конь был чужой и горячился. Будакену дали длинное тонкое копье. В его корявых руках оно сейчас же переломилось. Один из сакских богатырей уступил ему другое копье, потолще. Будакен повертел им и усмехнулся:

— Сойдет!

Когда Тамир зазвенел бунчуком, оба всадника с яростью бросились друг на друга. Кони помчались легкими

прыжками, клубы пыли вылетали из-под копыт. Гелон сидел, изогнувшись, прикрываясь щитом, и поднятая рука делала круги, готовая метнуть копье.

Будакен, широкий, плечистый, прикрывая щитом голову, высматривал из-за него, прижав копье локтем, стараясь предупредить тохарскую уловку.

За несколько шагов до встречи копье Гелона вылетело из его руки и понеслось навстречу Будакену. Оно ударилось в грудь ниже соска. Глаза всех метнулись на спину Будакена, откуда должно было показаться острое стальное жало.

Но копье Гелона отскочило от груди Будакена с обломанным концом и упало на землю.

Оба всадника пронеслись мимо, и толпа с криками шарахнулась в стороны от разъяренных коней.

Теперь счастье склонялось уже на сторону Будакена: у него оставалось в руке тяжелое копье.

Всадники повернулись снова лицом друг к другу. У Гелона в правой руке был короткий меч, щитом он прикрывался, готовый отбить полет смерти.

Вдруг раздались громкие женские крики.

— Убей его, не щади! — кричал кто-то, но в гуле толпы Будакен не мог разобрать слов.

Он увидел свою дочь Зарику. В красной одежде примчалась она на черной кобылице и, пробиваясь сквозь толпу, продолжала кричать: «Убей его!» Но кому кричала Зарика — своему мужу Гелону или отцу?

Теперь всадники выехали не с такой быстротой. Оба были настороже.

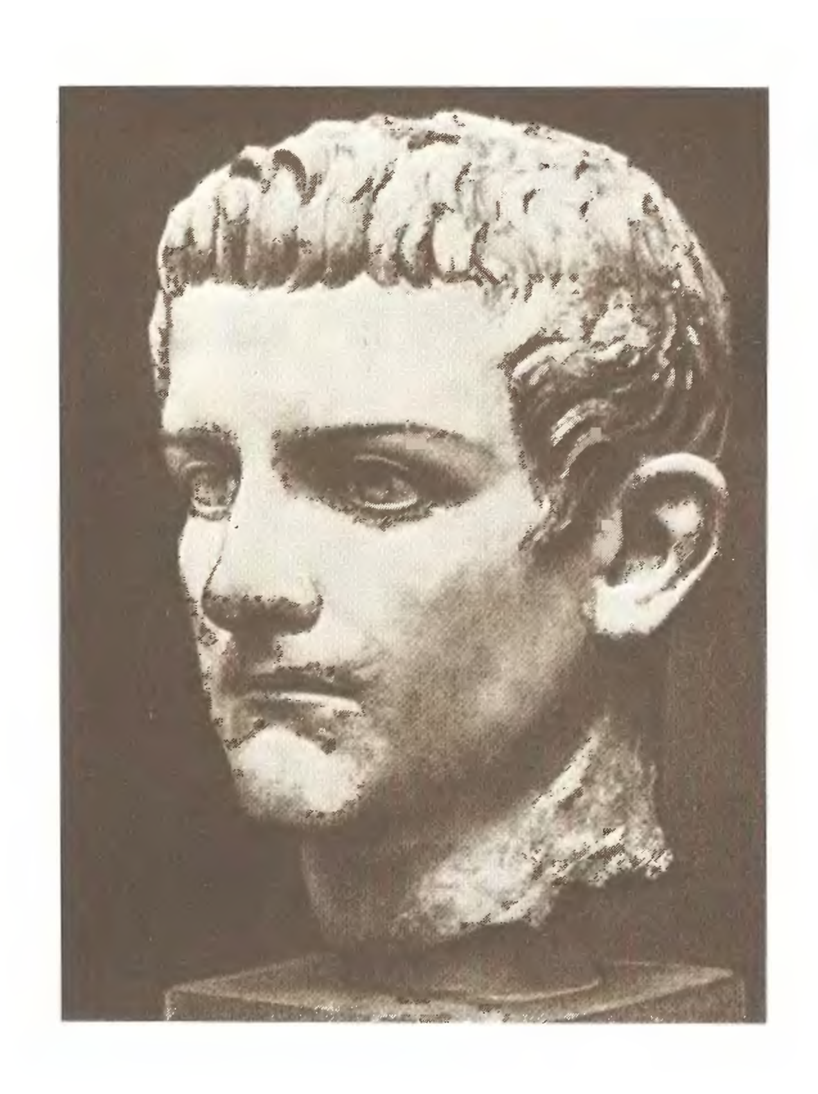
Кони приближались коротким наметом. Будакен завертел копьем, перевернул его тупым концом вперед и, припав к шее коня, яростно набросился на Гелона.

Мелькнули ноги Гелона, конь его сделал прыжок в сторону и без седока понесся на толпу, а Гелон, выбитый тяжелым копьем, ударился о землю, как бурдюк с кумысом. Ошеломленный, он с трудом приподнялся на руку, пригнув голову, ожидая последнего, смертельного удара.

Будакен теперь мог по закону прикончить противника и затоптать его конем. Но он видел ожесточенное, кричавшее лицо своей дочери и решил, что она умоляет пощадить ее мужа.

Он повернулся к Гелону, поднял копье и остановился готовый пригвоздить его к земле.

Гелон протянул руку к ногам коня, к своим губам и ко лбу: он признавал себя побежденным и просил пощады.

ГАЙ КАЛИГУЛА
Скульптура. I век н. э. Копенгаген. Глиптотека

ВЕЧЕР В СКИФСКОЙ СТЕПИ. *Рисунок В. Яна. 1921*

Зарика подлетела к Будакену.

— Добей его! Зачем щадить? — кричала она.— Он ограбил всех. Он не даст и тебе пощады, дай мне копье — я сама прикончу его.

Гелон уже встал, глаза его наливались кровью, и он снова был готов к нападению.

— Зачем ты не сказала этого раньше? — спросил Будакен.

Зарика махнула рукой и, стегнув кобылицу, умчалась в облаке пыли.

Гелон, хромая, приближался к Будакену.

— Я нарочно не нанес смертельного удара,— говорил он, стараясь улыбаться.— Я же знал, что ты в кольчуге, но я хотел доказать народу, что ты совсем не старик, что ты легко владеешь копьем и можешь быть, как и раньше, вождем племени...— Он протянул руку к поводу коня Будакена, чтобы провести его к кургану совета.

Но Будакен ударил двухвосткой по шее массагетского скакуна, приподняв его на дыбы, и воскликнул:

— Из золы не бывает горы, и ты, предатель, не станешь героем!

БЫЧЬЯ ШКУРА

Будакен поскакал к кургану, взлетел на его вершину и остановился около костра Совета. Шумная толпа окружила его со всех сторон.

Гелон тоже подошел, и за ним шли, сжимая рукоятки мечей, его слуги-тохары и сторонники, ожидавшие милости и подарков от богатого князя.

Будакен, оставаясь на коне, обратился к толпе:

— Здесь на меня хотели навертеть аркан лжи. Я, Будакен, стою перед вами и говорю, что видел Двурогого царя в ущелье Железных ворот. Он ехал в колеснице, запряженной четверкой персидских коней. Был я в одежде пастуха, руки мои были связаны, и только поэтому проклятый явана колотил меня палкой. Вот все подарки Двурогого, которые я еще чувствую на своих плечах. Но я все вытерпел, чтобы увидать, какие силы у наших врагов. И остался я жив потому, что меня подобрали крестьяне и помогли вернуться сюда, в наши степи, где вы на меня лаете, как собаки на чужеземца. И я скажу: бойтесь Двурогого, но не потому, что его воины сильнее наших богатырей, а потому, что он сам нападает, сам ищет чужого горла, чтобы его перерезать. Ему помогает не его сила,

а трусость тех, кого он гонит. Двурогого не остановят ни горы, ни реки; его задержим и раздавим только мы, саки, если бросимся на него и будем биться, пока не погоним обратно. А те шакалы, которые кричали, что я изменил родному племени, они сейчас будут биться со мной все по очереди. Я готов.

Скифы замолкли, переглядываясь, и тихий смешок, как отдаленный рокот грома, покатился по рядам черных остроконечных шапок. Кому хочется испытать участь Гелона и попасть на острие тяжелого будакеновского копья?

— Кто же кричал, что Будакен изменник? Выходите! — послышались голоса с разных концов кургана.

— «Длинное ухо» разнесло эту ложь по степи! Никто толком ничего не знал. Верим тебе, Будакен! Слезай с коня. Садись на войлок Совета племени, выпей с нами чашу кумыса!

Но Будакен в знак отказа дергал головой кверху и цокал: он продолжал сидеть на беспокойно плясавшем жеребце. Когда затихли голоса, Будакен крикнул:

— Я вам еще раз говорю — побеждает тот, кто нападает, а не тот, кто ждет. Саки, готовьтесь к набегу! Я с вами не сяду пить кумыс, когда надо точить ножи. Я сяду на бычью шкуру и зову всех идти со мной!

— И я сажусь на бычью шкуру,— зазвенел голос Кидрея, укротителя диких лошадей.— Готовьтесь к набегу на Мараканду. Яваны пьянствуют там, нажравшись, как тигры, согдской кровью, и теперь не могут двинуться. Тамир, веди нас на Мараканду!

Крики разом смолкли, и глаза скифов впились в старого Тамира. От движения его тонких восковых рук зависело, будет ли война или тревожный, неясный мир. Но руки неподвижно лежали на коленях, а Тамир глядел на яркое созвездие, горевшее над тополями Яксарта.

— Постойте, послушайте гонца из Сугуды!..— раздался голос из задних рядов.

Расталкивая сидевших, шагая через их плечи, к костру пробирался оборванный человек. Он был молод и плечист. Красная повязка была закручена вокруг головы. По запыленному лицу текли капли пота, и он тяжело дышал. Озаренный красным светом костра, прибывший стоял перед старейшинами совета.

— Саки! — наконец начал он.— Я сейчас прискакал из Мараканды на трех сменных конях. Яваны идут на Мара-

канду. Они доберутся и сюда, и до цветущей долины Чача[1]. Яваны тянутся по большому караванному пути, как громадная ядовитая кобра, сжигая и уничтожая кругом селения, и избивая крестьян. Но наши охотники умеют ловить и змей, пригвоздив их хвост к земле. Скоро голова яванов заглянет сюда, в наши степи,— вот тут-то и надо заставить кровожадную змею попятиться назад. Дайте мне молодцов, чтобы перерубить хвост яванам. Нас уже собралось сотни четыре всадников, и мы начали захватывать по дорогам обозы яванов. Наш отряд — это крестьяне, у которых яваны вырезали жен и детей, сожгли их скирды хлеба. Но нас мало, и у половины из нас нет мечей — наши воины дерутся топорами и дубинами. Вольные саки, придите нам на помощь!

Гул прокатился по рядам:

— Мы никогда не воевали с согдскими крестьянами! Уже сколько лет мы не щипали согдских купцов!

— Кто этот молодец? Не он ли на скачках Будакена укротил вороного Буревестника? Это Шеппе! Конечно, это Левша-Колючка!

Грубые голоса кричали отовсюду:

— Тамир, веди нас на яванов! Наши копья ржавеют без дела!

Тамир, кивая седой козьей бородкой, поднял восковую руку. Гул постепенно затих...

— Благоразумие требует,— сказал Тамир,— чтобы мы были готовы броситься на того, кто хочет перебить нам хребет. Но мы ничего не должны делать поспешно, неразумно. Сперва мы вышлем посольство: надо заглянуть Двурогому в глаза и понять, что он замышляет. Двурогий не смеет переплыть сладких вод нашей пограничной реки. Если он попробует ступить ногой на правый берег Яксарта, на нашу вольную землю, он услышит рычание тридцати скифских племен. Если наши богатыри хотят расправить плечи и перерубить хвост яванской кобре, пусть собираются в набег вместе со смелым охотником Шеппе-Тэменом. Желаю каждому заработать в бою вражескую кольчугу. А мы будем готовы поддержать их. Зажигайте огни на курганах!

Радостный грохот прокатился по равнине:

— Саки, на коней! Точите мечи! Собирайтесь в поход на яванов!

Барабанщики бросились к своим коням и, вскочив на них, заколотили палками по ослиной коже, туго натянутой

---

[1] Чач — древнее название крепости на месте нынешнего Ташкента.

на глиняных и деревянных котлах, которые были подвешены по обе стороны.

Со всех концов неслись крики: на боевой клич глашатаев скифы разбивались на роды и колена. Все окружили своих молодых удальцов и стариков, споря, кто поведет отряды, кто будет доставлять баранов и зерно.

Будакен, видно, давно думал о бычьей шкуре: Кидрей издалека пригнал широкогрудого рыжего быка с длинными изогнутыми рогами и налитыми кровью злыми глазами.

Жрец, обвешанный побрякушками, с бубном в руках, закружился вокруг быка, выкрикивая песни, захлебывался и взвизгивал, изображая, как кричат духи, ожидающие бычьей крови. Бык ревел, опускал голову, пятился и рыл копытом землю.

Жрец еще не успел отдышаться, а бык уже лежал на спине, подняв кверху все четыре ноги, и опытные скифы быстро отделяли кривыми ножами его шкуру от дымящихся мышц. Кровь была собрана в кожаный турсук, и жрец с заклинаниями поливал этой кровью широкое кольцо вокруг костра Будакена.

Когда рыжая шкура была снята и растянута на земле, Будакен, скрестив ноги, сел на темной полосе вдоль бычьего хребта. Рядом с ним сидела его дочь Зарика. Ее лицо побледнело, черные глаза горели гневом и ненавистью. Она бросала быстрые взгляды по сторонам. Усевшись рядом с Будакеном, а не с Гелоном, она объявила племени, что возвращается к отцу и боится нападения Гелона и его слуг.

Кидрей рассекал мечом тушу на части, ходил вокруг, косолапя носками внутрь, и, разинув рот, с блаженной улыбкой посматривал на Зарику, за которой он когда-то гонялся на скачках Будакена. Теперь она опять свободна. Неужели укротить дикого коня легче, чем гордую сакскую красавицу?

Спитамен сидел за другим костром. Под ним была разостлана шкура пегого быка, и его новые товарищи, взявшись за руки, ходили, притопывая, кругом, плясали и пели сакские боевые песни.

Отряд Спитамена должен был ударить близ Мараканды в хвост двигавшейся армии Двурогого.

Вокруг разгорались костры, и все поджаривали на остриях копий куски бычьего мяса. Каждый скиф, вздевавший на копье кусок мяса и входивший в общий круг, этим самым зачислялся в отряд, идущий на войну, и обещал вернуться с черепом врага или не вернуться вовсе.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

БИТВА СКИФОВ

Наших стрел прирученная смерть
Насторожснно спит в колчане...

(Из песни Саксафара)

ДВУРОГИЙ ЖЖЕТ СУГУДУ

Великий Совет саков постановил не разъезжаться и следить за тем, что делается в Сугуде. Старый Тамир передвинул свою стоянку на берег Яксарта; около нее выросли шатры Гелона и других князей. Отсюда летели гонцы ко всем родам с приказами.

Два скифа, побывавшие раньше в плену у согдов и умевшие вести дела с чужестранцами, были посланы в Сугуду, к своим гостеприимцам-купцам. Они для вида повезли на продажу связки соленых бычьих кож, но им поручено было договориться с купцами, чтобы те приезжали с товарами на крайние курганы и передавали сторожевым сакам все, что услышат о Двурогом.

Через одиннадцать дней уже прибыли первые новости о Двурогом. Его воины ограбили и сожгли все селения вокруг города Наутаки. Жители бежали в горы, забрав самое ценное имущество. Но Двурогий сам во главе воинов погнался за беженцами, отнял у них все имущество, и воины поделили его между собой.

Много людей прибежали оттуда с большими от страха глазами; они говорили, что видели самого Двурогого. Он дрался среди других воинов и ударом меча рассекал беженцев наискось от левого плеча до правого бедра. Среди согдов, бросавших с гор камни на яванов, был один ловкий стрелок: он пускал стрелы в Двурогого, и три стрелы сломались об его грудь, покрытую железной броней, но одна стрела пронзила неприкрытую голень, и оттуда полилась кровь, такая же красная, как у всех рожденных женщиной, и Двурогий упал на колено. Его подхватили воины и унесли на плаще.

Тогда все стали говорить, что Двурогий не бог и так же боится смерти, как ее боялись все персидские цари, хотя они тоже называли себя сынами Ахурамазды.

Гонцы беспрерывно скакали от согдских крепостей к холму Великого Совета. Они привозили кожаные свитки, и ученый раб с тавром князя Тамира на левой щеке читал вслух Великому Совету, что делалось в Сугуде, когда-то счастливой и мирной. Теперь страна была потрясена горем, и кровь смочила ее пыльные дороги. Купцы сообщили, что Двурогий уже вошел без боя в Мараканду и теперь его стража стоит у всех ворот и берет плату с каждого входящего и выходящего из города.

Наконец гонец привез последнее донесение: разъезды Двурогого показались перед городом Курешатой. Вдали был виден густой дым, кругом горели селения. Воины Бесса бросали вооружение, переодевались в одежду поселян и смешивались с толпой. Князь Оксиарт и другие князья бежали с семьями в горы, а некоторые из них позорно поехали принести покорность Двурогому.

В этот день ярко вспыхнули костры на всех скифских курганах. Донесения из Сугуды от купцов прекратились. Скифские разъезды видели, как клубы черного дыма поднимались один за другим над пограничными крепостями,— это шли яваны, оставляя за собой закоптелые развалины.

Один отряд яванов показался в степи, он приблизился к сакской сторожевой вышке и остановился, подавая сигналы медной трубой. Сакские всадники держались на расстоянии, проносясь по степи. Но от яванов отделились трое и медленно поехали настречу скифам. Один из них кричал по-сакски, чтобы их не боялись, а выслали тоже троих для переговоров. От саков отделился Кидрей на пегом коне и еще двое. Они приблизились на сто двадцать шагов и стали кричать друг другу.

— Кто вы? — спрашивали яваны.— Мы воины непобедимого царя Азии, перед которым вы должны покорно упасть на землю.

— А мы — саки, которые тоже непобедимы. Но нас много непобедимых, а у вас непобедим только царь.

— Что вы здесь делаете? В этой степи видны лишь ящерицы и саранча.

— Мы можем жить везде, как ящерицы, и, как саранча, перелетать с места на место. Как саранча объедает все листья, так и мы, если захотим, примчимся в Сугуду и отберем у вас все ваши мешки, которые вы набили чужим добром.

— Суньтесь к нам, и мы тогда увидим, кто кого обдерет.

— Что вам нужно? Зачем вы сюда приехали? — кричал Кидрей.— Не хотите ли вы попробовать нашей соленой воды или конского мяса, распаренного под потником?

Яваны пошептались и ответили:

— Хотим. А мы вас угостим чем-нибудь получше. Посидим вместе на ковре дружбы и поговорим о «козьей шерсти». Пусть ваш начальник выйдет вперед и скажет свое имя. Наш начальник тоже выйдет к вам. Его зовут Пенида, и он имеет на руке перстень с изображением царя.

Кидрей положил на землю потник своего коня и уселся на нем, скрестив ноги, а два других скифа отъехали с его конем на сорок шагов.

— Подходите! — крикнул Кидрей.

К нему подошел тот, кого звали Пенида; на нем был медный панцирь и шлем яванов, а штаны с пестрыми вышивками были, видимо, содраны с согда. С ним подошел старый перс-переводчик, в войлочном колпаке, похожем на тыкву. Он нес ковер, кувшин и мешок. Пенида уселся на ковре против Кидрея, а переводчик стоял позади него.

— Не хочешь ли попробовать нашего вина? — сказал Пенида, налив из кувшина в бронзовую чашу.— А еще у меня есть хорошие яблоки. Их поднесли нам согдские купцы, благодарные за то, что они попали под крепкую руку нашего храброго царя.

— Я бы выпил твоего вина,— сказал Кидрей,— но не очень ли оно пропахло дымом от тех костров, на которых вы подпаливали благодарных согдских купцов? Не лучше ли выпить нам кислого кобыльего молока — оно в жару лучше утоляет жажду?

— Не будет ли это молоко опасным для нашего непривычного желудка? — ответил Пенида.

И так оба, и Кидрей и Пенида, пили каждый свой напиток.

— Где находится ваш главный начальник? — спросил Пенида.

— Он находится и здесь, и везде,— ответил Кидрей,— вырастает из земли там, где нужно бросить на врагов сакских богатырей.

— А много ли сакских воинов?

— Столько же, сколько песчаных холмов в степи.

— Я приехал к вам объявить волю нашего царя, который есть царь над царями. Он приказывает передать вашим князьям, чтобы вы, скифы, не смели переходить на ту сторону реки Яксарт без его разрешения. Передашь ли ты это вашему царю?

— Царя у нас нет, а есть Великий Совет племени, и он будет знать сегодня же твои слова,— ответил Кидрей.— А что сделают саки, перейдут реку или нет,— это столько же знаю я, сколько знает орел, летающий в небе.

Пенида встал и поднял руку:

— Помни же твое слово! Передай еще, что те скифы, которые попытаются перейти через реку, будут считаться врагами: их схватят и убьют.

— А вы также помните, что если вы перейдете через реку на нашу землю, то будете раздавлены копытами сакских коней,— ответил Кидрей.

Пенида повернулся и пошел к своему отряду. Переводчик поднял ковер и пошел за ним. На месте встречи остались глиняный кувшин и мешок с яблоками.

Скифы подъехали, осмотрели его, но, боясь коварства яванов, разбили кувшин и разбросали яблоки.

Когда Кидрей, сменив по пути несколько коней, прискакал к холму Совета племени, туда примчался другой гонец. Он сообщил, что передовые отряды яванов прибыли к берегам Яксарта и заняли пограничный город Ванкат[1], где была главная переправа для караванов на большой дороге к городу Чачу. Гонец полагал, что сам Двурогий приехал вместе с отрядом, так как около стен города появились не только кожаные палатки воинов, но также красные и пестрые шатры, и некоторые из них особенно велики и нарядны. За первыми отрядами движутся другие воины, пешие и конные.

Тамир и другие члены Великого Совета сейчас же разослали приказы, чтобы сакские дружины стягивались к Могульским горам против Ванката.

СКИФСКИЕ ПОСЛЫ

Двадцать скифских всадников выбрались из прибрежных высоких золотистых камышей и по растрескавшимся солонцам въехали гуськом на отлогий холм.

Вдали показались давно им знакомые утопавшие в садах грязно-желтые стены города Ванката. Река так же стремительно несла свои взбаламученные мутные воды, сжатые узким руслом. Так же безмятежно в дымчатой дали подымались высочайшие зубчатые хребты гор, покрытые вечным снегом. Они окружали долину с тучными посевами трудолюбивых дахов и согдов.

Но что за шум, что за грохот, звериный рев и вопли неслись с равнины, всегда покрытой тихими, радостными рощами абрикосов, зарослями высокой джугары и квадратами желтой пшеницы?

---

[1] Ванка́т — нынешний город Ходжент на Сырдарье. Греческие историки называли этот город в честь базилевса — Александрия Дальняя.

С холма скифы видели, откуда неслись крики: по дороге вокруг нее, прямо по зеленым посевам, метались толпы людей. Женщины в ярких желтых и красных одеждах, с детьми на руках бежали куда попало, падали и снова подымались — все оглядывались в одну сторону, откуда надвигалась опасность.

Десятка три чужеземных воинов шли цепью, держа копья наперевес. Перед ними отступала толпа крестьян, в руках мелькали топоры, ручные пилы и лопаты. Они швыряли в подходивших камнями и комьями земли. Воины приближались твердыми шагами, неумолимые и безмолвные.

— Это Двурогий царь наводит порядок,— сказал один из скифских всадников.— Сейчас яваны перебьют этих мирных, как быки, крестьян, забывших, как надо бороться. А женщин и детей потом пригонят в свой лагерь для продажи.

— Нам нечего здесь смотреть — едем дальше! — Тамир махнул рукой, и всадники спустились с холма.

Узкой тропой между затоптанными посевами направились они к стенам города.

Вся равнина вокруг города и весь берег пестрели палатками всех цветов — и черными арабскими, и пестрыми персидскими; больше всего было низких палаток из растянутых бычьих шкур.

На берегу реки, на холме, выделялись и величиной и ярким алым цветом несколько шатров. Возле них было особенно много людей и стояли правильными рядами кони всех мастей.

Воины, пешие и конные, двигались во всех направлениях. За ними бежали полуголые рабы. Они тащили мешки с зерном, узлы, гнали ослов, нагруженных хворостом.

Несколько македонских часовых копьями перегородили путь скифам. Среди скифских всадников один заговорил по-гречески.

— Откуда ты знаешь наш язык? — спросили воины.

— Я киликиец из Тараса,— ответил всадник.— Здесь я был рабом одного из сакских князей, князя Будакена. Теперь я состою переводчиком при этих послах от народа саков.

— К кому вы едете и зачем?

— Нам нужно видеть вашего царя,— ответил молодой красивый скиф, сидевший на высоком легконогом жеребце.

— Вы должны слезть с коней, оставить оружие и идти пешком,— сказали часовые.— А мы узнаем, захочет ли наш царь с вами говорить.

— Наши кони и мы, саки,— это одно,— спокойно сказал старый, сгорбленный высохший скиф.— И мы можем только на конях проехать к шатру вашего царя. Если же вы не хотите пустить нас, то мы повернем обратно и встретимся с вами только в поле.

Воины пошептались и ответили:

— Если обычай повелевает вам оставаться на конях, то проезжайте.

Один из часовых побежал к красным шатрам, другие, окружив скифов, медленно двинулись вместе с ними.

Скифы ехали, сохраняя достоинство, приличествующее послам, но глаза зорко присматривались к окружающему. Они прикидывали в уме, сколько здесь собралось войска, сколько сил надменные яваны могут выставить против саков.

Они также заметили, что вдоль всего берега привязана длинная вереница плотов и крестьяне под присмотром погонщиков с плетками связывали бревна и жерди, надували воздухом мокрые бурдюки и спускали их в воду.

Скифов остановили около большого малинового шатра. Вокруг него стояли одетые по-боевому часовые в латах, с очень длинными копьями, в три раза длиннее скифских, и проходили начальники, закутанные в просторные белые плащи.

Скифы сошли с коней и сами привязали их к кольям палаток. Степные лохматые кони фыркали и поджимали зады, готовые ударить каждого, кто к ним приближался.

Из шатра вышел высокий красивый явана с искусно завитыми кудрями, в светлой безрукавке, подпоясанной золотым поясом. Благоухая ароматами, как лавка согдского лекаря, он приветствовал скифов и ввел в шатер. Переводчик объяснил, что это начальник Гефестион — друг царя Азии.

Вошли несколько военачальников яванов, один из них был в персидской одежде. Рослый черный слуга-нубиец внес складной стул с бронзовыми ножками и парчовым сиденьем. Одетый в персидскую одежду сел на стул, а яваны стали по сторонам.

— Садитесь,— сказал переводчик.— Царь Азии готов слушать вас.

Все скифы сели рядом вдоль стенки шатра на ковровых подушках и уставились на сидевшего.

Так вот он какой, Двурогий! Верно ли это? Не смеются ли яваны над малосведущими кочевниками и не одного ли из телохранителей царя посадили вместо него, боясь нападения чужеземцев?

Сидевший был молод, с бритым лицом и ростом пониже других. Длинные рыжеватые волосы падали почти до плеч, и среди них никаких следов рогов не было. Один глаз был светлее другого и слегка косил.

Надменным, холодным взглядом обвел он сидевших скифов и несколько задержался на старом Тамире, который вглядывался подслеповатыми хитрыми глазками.

Царь был одет в длинную, ниже колен, персидскую оранжевую рубаху, расшитую золотыми цветами. На кожаном поясе — золотая пряжка со знаком персидских царей: колесо среди распростертых соколиных крыльев. На ногах широкие красные шаровары, заправленные в персидские сафьяновые сапоги.

Скифы долго молчали, рассматривая царя иноземцев, прошедшего с боем через всю Персию. Сакский князь Мавак и другие его товарищи уже имели схватки с ним[1], когда Дарий попросил саков помочь защищать старую Персию.

Первым заговорил старый Тамир. Его слова вполголоса переводил высокий юноша, стоявший, наклонившись, около Двурогого. Два писаря-раба в длинных, до колен, рубахах опустились на ковер и быстро записывали палочками на деревянных навощенных дощечках.

— Царь Македонии! — сказал Тамир, и все затихли, только слышно было, как шуршали палочки писарей.— Ежели бы боги захотели создать твое тело таким же великим, как твоя тщеславная душа, то целый свет не вместил бы тебя. Тогда бы ты коснулся одной рукой востока, другая возлегла бы на запад, а потом и этого тебе показалось бы мало, и ты захотел бы проникнуть еще туда, где ежедневно в море скрывается блестящее солнце. А потом, если ты покоришь весь род человеческий, ты начнешь воевать с лесами, выступишь против холодных снегов, разливающихся рек, бурных ветров и, наконец, против диких зверей...

Базилевс переложил ногу на ногу и, слегка наклонив голову, с любопытством смотрел на сидевшего крючком Тамира. Его рука слегка похлопывала по колену, и на пальце вспыхивал голубыми искрами драгоценный камень в золотом перстне. Не на руке ли персидского царя Дария был этот перстень и не Бесс ли затем снял его с руки заколотого им царя?

Тамир продолжал, и никто не мог догадаться, куда направляет свою речь хитрый вождь скифов.

---

[1] В битвах при Гранике, Тарсе и Арбелах.

— Царь Македонии, разве ты не знаешь, что большие деревья растут веками, но один порыв бури исторгает их, как соломинку, из утробы земной. Часто сам лев служит пищей маленьким зверям и ржавчина поедает несокрушимое железо. Нет ничего столь крепкого, что не могло быть разрушено слабейшим.

Базилевс вскочил, отошел в сторону и пробормотал несколько слов.

Высокий переводчик сказал громко:

— Царь Азии спрашивает, зачем вы приехали к нему. Не для того ли, чтобы учить его?

Тамир съежился в комок, как хорек, готовый вцепиться в морду затравившей его собаки.

— О чем нам спорить с тобой, царь Македонии? Никогда нога нашего народа не была на земле твоей родины. Разве мирным обитателям пространных степей наших не позволяется узнать, кто ты такой и откуда и зачем пришел к нашим границам?

— Еще что ты хочешь знать? — спросил Двурогий и снова опустился на парчовый стул.

— Мы, саки, не хотим никому повиноваться, но и не желаем ни над кем властвовать. Но для того чтобы ты узнал нас, степных кочевников, скажу тебе, что небо дарит каждому из нас: ярмо волов, стрелу, копье и чашу.

— Что небо вам дарит? — переспросил царь, и усмешка скользнула по его гладко выбритому лицу.

— Ярмо волов, стрелу, копье и чашу,— невозмутимо повторил Тамир.— Мы ими пользуемся и с друзьями и с врагами: с друзьями мы разделяем плоды земли, получаемые трудами наших волов, с ними же из чаш возливаем вино в жертву богам нашим; стрелами пронизываем врагов своих издали и копьем поражаем их вблизи. Таким образом мы победили самого Куруша, царя персов и мидян, и кони наши прошли весь путь до самого Египта...— Тамир замолчал и сидел настороженный, и его козья бородка дрожала.

Александр протянул руку с блистающим голубым светом перстнем:

— Там, в далеком Египте, сами боги признали меня своим бессмертным сыном, и македонские кони пили сладкую воду величайшей реки Ливии, как пьют они и сейчас из реки Яксарт, стоящей на пороге к вашим степям...

— Перейди только эту реку, и ты увидишь, сколь обширны наши степи,— добавил молодой красивый скиф.

Он давно беспокойно двигался, желая вмешаться в разговор.

— Помолчи, Гелон, пусть говорит один Тамир,— шепнул ему его сосед.

Тамир продолжал:

— Наши владения обширны, и тебе никогда не завоевать их. Наша бедность — наша сила. А твое войско, обремененное богатствами стольких народов, которых ты ограбил, теперь с трудом движется, как тигр, который тащит в свою берлогу задранную корову. Наши необъятные равнины, где мы ничего не имеем и ничего не желаем иметь, нам милее и дороже, чем самые богатые города и самые тучные нивы. Только те народы, земли которых ты не обагрил горячей кровью, могут в знак верности обменяться копьями и сделаться твоими добрыми друзьями.

Гелон опять вмешался:

— Между равными и свободными может быть заключена тесная дружба, а равными мы считаем только тех, с которыми нам не пришлось испытать острия нашего копья.

Александр сделал знак Гефестиону и шепнул ему:

— Этого молодого скифа надо придержать, он, видимо, сам навязывается мне на службу.

Затем царь громко обратился к скифам:

— Но разве побежденные мною народы не благословляют моего имени?

Один из сидевших с краю скифов, одетый беднее других, резко ответил:

— Не полагайся на дружбу побежденных тобой. Между господином и рабом нет и не может быть дружбы... Порабощенный народ всегда имеет право восстать, даже во время безмятежного мира.

Лицо Александра исказилось, светлый глаз закатился под лоб.

Базилевс встал, отвернулся от скифов и сказал своим товарищам, которые затихли, вглядываясь в глаза своего вождя:

— Эти варвары вместо покорности навязывают мне свои советы. Не они ли подстрекают согдов и бактрийцев к восстанию? Пусть войска садятся на суда. Мы переходим на скифский берег!

Он повернулся к скифам, насмешка искривила его губы:

— Я вижу, что хотя скифы никогда не выпускают из рук оружия, но среди них имеются люди весьма умные и более просвещенные, чем у других варваров. Я постараюсь последовать и вашим советам и своему счастью. Но я не предприму ничего безрассудного.

Базилевс поднял руку в знак прощального приветствия и удалился за занавеску.

Тамир поднялся, и за ним другие скифы встали и степенно вышли из шатра.

— Знаешь ли, кто был переводчиком у Двурогого? — спросил Тамира один из саков.

— Вероятно, кто-либо из отряда Мавака, который дрался в великой битве персов при Арбеле?

— Да, это был Сколот, сын Будакена. Он надел иноземное платье и носит волосы по-явански, завитые, как у барана.

— Хорошо, что Будакена не было с нами. Его бы не удержало присутствие царя, и он убил бы своего сына-изменника.

Гефестион с персом-переводчиком подошли к Гелону, уже вскочившему на легкого, золотистого жеребца.

— Царь Азии желает посмотреть твоего коня. Не проедешь ли ты с нами к коновязи, где царская конюшня? — сказал Гефестион.

— Я сейчас догоню вас! — радостно крикнул Гелон медленно отъезжавшему Тамиру.

Затем он повернулся к переводчику и зашептал ему:

— Передай, что я могу пригнать для армии царя десять тысяч баранов. По какой цене будет за них заплачено?

БИТВА У МОГУЛЬСКИХ ГОР

«Богатыри, скачите к Могульскому дракону!» — такой призыв Тамир разослал с гонцами по всем сакским кочевьям.

Все знали, что Могульский дракон — это черный скалистый хребет среди голой равнины, перерезанный, точно от удара меча, узким проходом. Река Яксарт стремительно обегает его близ согдского города Ванката и, перепрыгнув через Беговатские пороги, дальше спокойно направляется к северу, по краю Голодной степи.

По ночам костры на курганах вспыхивали красными огнями, вселяя радостную тревогу в молодых саков, не видавших еще большой битвы. Они спешно чинили седла, точили мечи и клялись, что в предстоящем бою добудут себе и железную кольчугу, и голову явана, чтобы подвесить ее над входом в шатер.

Степь всполошилась. Пронеслись слухи, что надвигаются невиданные двурогие люди, что им нет числа, после них

остаются развалины, трава вянет и больше не растет. Одни скотоводы погнали стада на север, другие, наоборот, оставив стада у родичей в низовьях Яксарта, сами с повозками, с женами и детьми направлялись на юг, к Могульскому дракону, ожидая после боя богатой добычи. Старухи в повозках, раздувая угли в горшках, берегли огонь родных костров.

Повозки с войлочными юртами громыхали, пронзительно скрипели тяжелые карагачевые колеса, и шестерки быков, запряженных парами, протяжно ревели, когда погонщики покалывали их длинными стрекалами.

В Могульском ущелье, возле горного ручья, раскинулся большой шумный табор. Девушки в длинных, до пят, малиновых одеждах разбрелись по склонам холмов, собирая прошлогодний сухой бурьян. Они шли, раскачиваясь, распевая песни, неся вязанки над головой, и серебряные монеты, нашитые на груди, переливались на солнце, как рыбья чешуя. Разве девушки могли чего-либо бояться, когда непобедимые сакские богатыри слетелись на зов битвы!

Тучи пыли надвигались по равнине; в свисте, криках, топоте коней проносились веселые скифские воины, подбрасывая на скаку копья, готовясь к бою.

Молодцы рода Боняка, в рыжих остроконечных шапках и серых шерстяных накидках, примчались одними из первых. Они скатились с маленьких длинногривых жеребцов с выкрашенными красной краской хвостами, спутали им ноги и, оставив бродить по равнине, сами двинулись к табору со свистом, уханьем и песнями. Накидки были лихо наброшены на левое плечо; подхватив полу правой рукой, молодцы побрякивали медными чашками о бронзовые пряжки поясов, требуя, чтобы в таборе их угостили глотком холодного кумыса.

— Покажите нам яванов! — кричали они.— Наши стрелы ворчат в колчанах, они хотят скорей пробуравить толстые яванские животы.

Седая, с птичьим лицом старуха в заплатанной рубахе высунулась из юрты на телеге, щуря слезящиеся глаза:

— Бой-бой, какие вы все молодчики да красавчики! Все ли из вас вернутся к теплым кострам и черным шатрам? Дайте я налью вам кобыльего молока. Пейте, пока видят ваши смелые глаза!

Отряд свободных скифов прибыл со своим новым бунчуком.

Впереди них на пегом коне скакал Кидрей, держа бунчук с медными погремушками.

— Где Будакен и его «обреченные»?

— Близ берега, следят, что затевают яваны.

Кидрей протянул бунчук старику, сидевшему на старом сивом коне с облезлым хвостом. У пояса вместо лука висели гусли. Старик провел дрожащей рукой по воздуху и схватил бунчук.

— Глядите, бунчук в руках слепого.

— Не слепой ли поведет молодцов в бой?

— Да это Саксафар, наш певец! Он споет боевые песни.

Кидрей направился к реке; он нашел отряд «обреченных» Будакена в одном из ущелий, отходящих от главного пути. Воины лежали на камнях; некоторые кормили лошадей, другие собирали воду из тонкой струи горного ключа, падавшего со скалы.

Будакен полулежал, облокотившись на камень, и чаша с водой, стоявшая возле него, оставалась нетронутой.

Кидрей, сойдя с коня, несколько времени молча сидел около Будакена. Кидрей уже слышал, что послы саков видели у Двурогого юношу-переводчика, похожего на Сколота. Древние законы саков требовали, чтобы отец в битве сам разыскал сына-изменника и собственноручно казнил его. Не к этому ли готовился теперь сумрачный Будакен?

— Почему твоя сила и здоровье здесь, а не на берегу? — наконец спросил Кидрей.

— Совет племени приказал мне быть в засаде вместе с «обреченными». Если яваны бросятся по этому пути, то мы ударим им в бок, расколем пополам и будем биться с одной частью.

— Если яваны переправятся на эту сторону, надо перерубить канаты плотов и лодок, чтобы им не было возврата.

— Это поручено Гелону.

— Где Тамир?

— Тамир со своим братом Сотраком на холме у берега реки. Они пошлют куда надо сакских бойцов.

Кидрей встал, поднял горсть песку и, вскочив на Пегаша, швырнул песок в сторону яванов:

— Да покроется лицо яванов грязью поражения! Чтоб их сила рассыпалась, как этот песок.

Главное ядро скифов расположилось у самого берега Яксарта, где обычно происходила переправа. Здесь течение сузилось, и ясно было видно все, что происходило на том берегу. Хорошие стрелки пускали из луков стрелы; иногда они долетали до другого берега, и тогда начинали биться раненые лошади или начиналась суматоха среди согдов, возившихся с плотами.

Плотов было очень много. Они растянулись вдоль берега. Много дней десятки тысяч пригнанных согдов работали над ними. В это яркое, солнечное утро воздух был особенно чист, и можно было даже рассмотреть каждого любопытного, взобравшегося на старые каменные стены города.

Тысячи стрел взвились в воздухе и ударили в скифский берег, сбивая с седел всадников. Скифы отхлынули от берега и взлетели на склоны холмов. Это метательные машины Двурогого загрохотали и с визгом перебрасывали через реку стрелы величиной с полкопья, очищая берег от скифов. Одновременно от левого берега разом оторвалась масса плотов, нагруженных воинами. Одни стояли по краям, припав на колено, прикрываясь высокими камышовыми щитами. За ними прятались лучники и пращники. На больших плоскодонных лодках помещались всадники; они держали за поводья лошадей, которые плыли сзади, погрузившись по уши, высовывая фыркающие ноздри. Быстрое течение мутной темной реки стало кружить плоты; воины шатались, хватаясь друг за друга; некоторые падали в воду и гибли в водоворотах. Гребцы быстро работали веслами, и македонские плоты начали прибиваться к правому берегу. Яваны соскакивали на землю, садились на больших мокрых коней и, примыкая друг к другу, наступали на скифских всадников. Пращники с такой силой швыряли круглые камни, что пробивали насквозь незащищенную грудь саков; они валились с коней, которые уносились вихрем по равнине и тащили за собой раненых, не выпускавших из рук поводьев.

Как стая громадных пестрых птиц, двенадцать тысяч плотов перенеслись через реку, и воины Двурогого, соскочив на берег, быстро сомкнулись в ряды и под свист флейт побежали по каменистой почве навстречу скифам. Широкие, отточенные мечи в руках воинов переливались яркими вспышками играющих солнечных лучей.

Но пешие яваны не могли догнать скифских всадников, которые, припав к шее лошадей, проносились по долине, поражая врага без промаха маленькими отравленными стрелами.

С проклятием раненые воины оставляли ряды, падая на землю: выдернув стрелы, они перевязывали цветными тряпками кровавые раны и затем тащились обратно к плотам.

Всадники Двурогого, блистающие медью, в ярко-красных плащах, быстро выстроились длинными рядами. Задние ряды всадников опускали концы длинных копий на плечи передних, так что отряд, наступая, щетинился

остриями копий. Что могли сделать с таким мощным строем скифские бойцы в кожаных или веревочных нагрудниках, вооруженные небольшими копьями и короткими мечами, действующие в одиночку? Помня наказы Тамира и Сотрака, скифы рассыпались в стороны, взлетая на склоны холмов, и, оборачиваясь, на скаку пускали стрелы в македонцев. Скифские стрелы ударялись в медные нагрудники и шлемы нарядных яванов, ломались и отскакивали, но все же многие были тяжело ранены, и ровные линии копий начали дрожать и ломаться. Кони яванов вылетали из рядов без всадников и неслись вслед за македонскими отрядами.

Македонцы приходили в ярость от неуловимости скифов; могучие удары их конницы и фаланг пехоты нигде не встречали той сплоченной массы, которую они могли бы раздавить и искрошить. Македонцы продолжали еще держаться кучно, стараясь настичь скифов, но тревога расползалась по их рядам: привыкшие наводить ужас, они впервые видели врага бесстрашного и непреклонного.

Скифские богатыри разъярились и уже искали рукопашной схватки с надменными яванами, желавшими поработить их свободные степи.

Отчего же не вылетают «обреченные», которые в этом бою хотели добыть себе славу, чтобы потом у горячих костров слепые гусляры пели о них хвалебные песни?

Уже два отряда македонцев пронеслись вперед. Разве можно пропустить их? Ведь они мчатся туда, где растянулся лагерь саков, где были их семьи, жены, дети и старухи.

Могучей лавиной приближался третий отряд македонцев. Впереди выделялось несколько особенно нарядных всадников в стальных латах, блистающих на солнце.

Будакен наблюдал из-за обломков скалы за мчавшимися отрядами. Он сдерживал рвавшихся в бой молодых бойцов:

— Рано, рано еще! Дайте мне увидеть самого злого пса, желающего отгрызть сакские головы!

Его зоркие звериные глаза заметили в рядах македонцев одно лицо с нахмуренными бровями, с прямой линией носа и лба, с красивым и злым изгибом надменного рта. Он держал над головой длинное копье, и белые крылья цапли развевались над серебристым шлемом.

— Улала! — заревел Будакен боевой призыв саков.

Вздрогнули «обреченные», выхватили короткие тяжелые мечи и вырвались вперед в бешеной скачке. Пегие, бурые и рыжие сакские кони сбоку ударили в македонцев, разбили грудью их ряды. Македонцы, побросав длинные

копья, завертелись в рукопашной схватке, рубясь мечами с налетевшими, как буря, отчаянными скифами.

Будакен, вертя воющей железной палицей, мчался в самую глубину сечи. Он видел вдали красивое лицо в стальном шлеме, и его глаза метались, отыскивая около него знакомые черты сына Сколота. Уже он сбил с коней нескольких македонцев. Его тяжелый жеребец, как бы чувствуя ярость седока, пробивался через ряды воинов, которые бросались в стороны от разъяренного скифа, ревевшего и валившего все кругом, как раненый медведь.

Двурогий близко... Он сейчас сбросит его и растопчет копытами коня. Но отборные телохранители Двурогого уже заметили свирепого скифа, пробивавшегося к царю Азии. Громадный черный нубиец подлетел сбоку и мощным размахом метнул в него копье. Копье скользнуло по панцирю, зацепило бедро и пронзило спину карего жеребца. Будакен полетел на землю вместе с перевернувшимся через голову конем. Толпа всадников пронеслась через него. Последним взглядом Будакен узнал пегого коня Кидрея. Мелькнуло копье, пронзившее плечистого нубийца, который повалился на землю, и затем темная ночь накрыла плащом глаза Будакена.

Телохранители Александра, отбиваясь от скифов, с трудом оттеснили их от царя царей. Схватив поводья его коня, плотным кольцом вылетели они из сечи и помчались обратно к реке.

Александр с трудом домчался до лодок. Здесь он приказал эфебу взобраться на скалу и следить за тем, что замышляют скифы. Сам же укрылся в кусты полыни, и телохранители загородили его, растянув плащи.

— Лекаря скорее, базилевс заболел животом! Где скифы? — кричали они.

— Скифы снова приближаются,— отвечал со скалы эфеб.

Александр, бледный, с синими кругами под глазами, поддерживаемый телохранителями, прошел в лодку. Гребцы отчалили и заработали веслами, направляясь к другому берегу.

Передние фланги пехоты македонцев продолжали наступление. Они были неудержимы и не останавливались, уверенные, что сзади следуют подкрепления Александра. Ожидая великих наград за разгром непобедимых скифов, они гнались за отрядами рассыпавшегося во все стороны противника, но натиск македонцев был бессильным ударом меча по воде.

Скифы с такой быстротой уходили от пехоты и тяжелых коней македонских этэров, что проскочили то место, где им приказано было завернуть и ударить с боков на растянувшиеся позади них ряды яванов.

Дикие вопли понеслись им навстречу.

Впереди в ущелье весь путь перегораживали ряды скифских телег, где находились женщины, дети и старики. Дымились костры, испуганные быки и верблюды бились на привязях.

Черные от солнца сакские жены на телегах подымали маленьких плачущих детей.

— Убейте нас раньше! Не отдавайте на позор врагам! Воины ли вы? Куда несетесь потеряв голову?

Одна женщина верхом на тощей лошади, с люлькой поперек седла, помчалась в ряды скифов:

— Дайте нам копья! Мы сами будем драться! Умрем в бою!

Люлька на широком ремне, перекинутом через шею женщины, раскачивалась, а она хлестала кобылицу и неслась сквозь ряды задерживающих бег скифов.

Македонцы издали увидели тяжелые телеги, где их кони переломали бы себе ноги. Военачальники закричали слова команды, и с необычайной быстротой и искусством всадники повернулись, перестроились и, стараясь сохранить порядок, понеслись обратно.

Скифы, как стая легких собак, наседающих на тяжелого кабана, кружились и гнались вслед за уходившими македонскими всадниками.

Македонцы направились обратно к реке тем же путем, постепенно сдерживая бег, подбирая своих раненых и добивая раненых скифов.

Скифы напирали сзади, готовясь к новому удару. Сейчас отряд Гелона налетит на македонцев, перерубит канаты плотов, и тогда в рукопашной схватке можно покончить с владычеством Двурогого в Азии.

Но Гелон с отрядом не явился...

Македонцы свободно приближались к переправе, выдерживая натиск беспорядочно наседавших скифов, а навстречу им уже двигалось подкрепление: извилистая линия лучников и пращников; за ними тесными рядами, блистающая медью, спешила пехота, прикрываясь бронзовыми щитами, готовая к рукопашному бою.

Яваны спешно переправлялись обратно на свой берег. Оттуда метательные машины с грохотом начали снова выбрасывать тучи стрел и камней, оттесняя скифов, пока последние плоты не оттолкнулись от раскаленного каменистого скифского берега...

В МАРАКАНДЕ

По дороге к Мараканде, взбираясь с холма на холм, плелся серый ослик с двумя мешками, перекинутыми через спину. Сзади шагал Спитамен в рваной одежде; красный лоскут был обернут вокруг головы. Он шел ровной походкой, веткой подгоняя осла и беспечно тянул песню, переливчатую, как завывание ветра.

Он посматривал на старые желтые стены Мараканды с густыми кустами в трещинах между зубцами бойниц и, хмурясь, отворачивался, когда порыв ветра доносил душную струю трупного смрада. Возле открытых ворот, где обычно стояла стража и лотки продавцов вареной требухи, сушеного винограда и сладких палочек из теста, теперь было пусто. На дороге, изрытой глубокими колеями, валялись цветные тряпки, лежала на боку телега с одним колесом.

Осел, насторожив длинные уши, обошел телегу и шарахнулся, наткнувшись на раздутый труп белой лошади. В стороне лежали в странных позах несколько людей; собаки лениво отбежали от них и остановились, высунув языки, когда путник бросил в них камнем.

После ворот начинались домики ремесленников, окруженные урюковыми деревьями. Здесь раньше перед двустворчатыми дверьми целый день сидели медники и выковывали молотками тазы, кувшины или бронзовые серпы. Теперь не было видно ни одного мастера. Дверцы распахнулись; на пороге лежало пестрое одеяло, повсюду валялись клочья соломы и разбитые черепки посуды.

Осел засеменил по узкой тропинке вдоль глиняного забора.

Странная тишина и безлюдье делали мрачными эти извилистые улицы, по которым раньше непрерывным потоком двигалась смеющаяся пестрая толпа.

Что-то сильно ударило Спитамена в щеку, и легкая деревянная стрелка отскочила и скатилась на землю. Он задержал осла и вошел в раскрытые ворота. «Что это было: знак предупреждения или западня?» Он привязал осла и прошел во двор с квадратным прудом посередине. Раньше когда-то Спитамен бывал здесь и знал хозяина — красильщика материй. И сейчас через двор были протянуты посиневшие от краски веревки, и на них еще висело несколько темных лоскутков.

Но где же сам мастер? У него было много детей, постоянно какие-то старые и молодые женщины полоскали холсты; где они? Пустынно и угрюмо, как выбитый глаз,

глядела дыра в стене дома, и в ней запутался скомканный рваный ковер.

Новая стрелка пролетела мимо Спитамена, и тут он заметил на старом платане среди широких зубчатых листьев кудрявую головку мальчика. Он притаился за стволом и целился из самодельного лука деревянной лучинкой. Злые глазенки сверкали.

Спитамен подошел ближе, прикрывая лицо руками.

— Не подходи, а то убью,— пропищал ребенок.

— Подожди убивать, я друг твоего отца. Хочешь хлеба? — И Спитамен протянул ему сухую лепешку.

Мальчик схватил ее и стал жадно грызть, ворча, как звереныш, и вдруг заплакал. Слезы текли по щекам, и он утирал их грязным кулачком.

— Что с тобой, мальчуган, чего ты плачешь?

— Я боюсь здесь оставаться. Возьми меня с собой.

— Ты хочешь, чтобы я отвел тебя к отцу?

— Нет. Мой отец лежит в колодце, а мать в пруду. Я их спрашивал, а они ничего не говорят. Их побросали туда злые яваны.

— Ладно, слезай. Я тебя поведу с собой. У меня есть осел, и ты поедешь на нем.

Мальчик, ловко цепляясь босыми ногами за кору дерева, спустился на землю.

— Теперь иди за мной и не отставай, пока яваны далеко.

Они направились вдоль забора и вышли за ворота к месту, где остался осел.

Трое яванов в медных шлемах с конскими хвостами стояли около осла, и один ощупывал мешки.

— Крупный ячмень, пригодится.

— Ты зачем бродишь по чужим домам? Грабить пришел? — крикнул другой явана, приподняв копье.

— Постой, не торопись его приканчивать. Мне он пригодится. Эй, варвар, есть ли вино?.. Хочу пить!..— И македонец показал жестом, как он наливает и подносит чашу к губам.

— Я тебе сейчас найду его.

— Ты говоришь по-гречески? Да ведь ты будешь ценным слугой!

— Я ходил с караваном в Антиохию и там научился говорить на божественном языке эллинов.

Воин сдвинул шлем на затылок. Его лицо, заросшее густой курчавой бородой, сияло.

— Друзья! — крикнул он.— Мне привалило счастье. Я нашел себе хорошего раба. В него не придется вколачивать палкой наш язык.

Два других воина погнали осла.

— А у нас два мешка ячменя. Мы подкормим наших отощавших коней. Это поважнее твоего божественного языка.

— Ты, наверное, расторопный малый и сумеешь достать и ячменя для моего коня и вина для меня. Ну-ка подойди сюда!

Македонец поднял щепку, ножом вырезал из нее квадратную дощечку, провертел дырочку и вдел красную нитку.

На дощечке он нацарапал свое имя: «Берда». Затем он крепко схватил ухо Спитамена, оттянул его и, прорезав концом ножа, продел нитку и завязал узелком.

— Теперь ты можешь быть спокоен: никто тебя у меня не отнимет. Так всем и говори, что ты раб Берды, конного копейщика.

Спитамен стоял совершенно спокойно, и смуглое лицо не дрогнуло, когда Берда прорезывал ему ухо. Он сказал:

— Ты хотел вина. Здесь есть погреб. Хозяин был гостеприимным и не раз угощал меня. Я, наверное, еще там найду кувшин старого вина.

— Пойдем, я выпью за доброе начало твоей верной мне службы.

Спитамен прошел двор, раскидал ворох старых листьев и откинул небольшую квадратную дверь. В глубине показались стоптанные ступеньки.

Он спокойно спустился в погреб.

— Есть! — донесся из глубины его голос.— Очень большие кувшины, в рост человека; надо перелить, а одному не справиться.

— Сейчас приду,— сказал Берда, прислонил к дереву копье и, положив ладонь на рукоять меча, тоже спустился в погреб.

Мальчик стоял в стороне, спрятавшись за дерево, и ждал возвращения явана и нового друга. Спитамен вышел один. Он тяжело дышал: в руке он держал небольшой пустой кувшин.

— А где явана? — спросил мальчик.

— Ему понравилось вино, и он там остался пить его, а потом будет там же спать.— Спитамен прикрыл дверь и снова засыпал ее листьями.— Теперь пойдем скорее, если ты хочешь, чтобы я накормил тебя.

Оба пошли по узкой извитой улице. В окровавленном ухе Спитамена болталась дощечка. Навстречу попадались воины.

— Есть вино? — спрашивали они, хватая кувшин.

— Ищу для Берды,— отвечал Спитамен и направился дальше к середине города.

Главная улица, прорезавшая весь город, обычно полная народа, теперь была пустынна. Кое-где шли одинокие жители, прижимаясь к стенам. Несколько лавок было открыто, и возле них толпились македонцы. Они принесли большие узлы, и важные купцы[1] невозмутимо разворачивали цветные одежды, шерстяные плащи, длинные покрывала и складывали их в кучи.

Купцы платили за эти награбленные вещи серебряными и бронзовыми монетами.

— Хочешь, дам один дарик?

— Один дарик за пять одежд? Да каждая хламида стоит четыре дарика! — кричали воины.

— Не хочешь, бери назад. У меня так много одежд, что я больше не могу покупать. Да вдобавок твои одежды в кровяных пятнах. Кто теперь их купит у меня?

В середине города, около ворот цитадели, на каменных выступах сидели часовые и метали кости. Спитамен заметил, что македонский гарнизон был незначителен — всего было, может быть, две-три сотни пеших и конных. Вся македонская армия двинулась дальше на восток грабить другие согдские города.

От цитадели дорога шла по мосту через глубокий ров, огибавший полукругом старые стены. Дальше начиналась самая густонаселенная часть города, где уже садов почти не было, а плоские крыши домиков лепились одна над другой бесконечной лестницей. Половина домов была разрушена пожарами, вспыхнувшими во время разгрома Мараканды македонцами, и в разных местах обугленные пепелища еще дымились. Обезумевшие старухи и истощенные дети бродили среди развалин, рылись в мусоре, отыскивая себе еду и вытаскивая обгорелые тряпки.

Спитамен прошел через пустынную теперь торговую часть и зашел в переулок, где жил его друг философ Цен Цзы. Дом был пуст; вместо амбаров с товарами торчали покосившиеся черные столбы. Старый слуга-индус испуганно выглянул из погреба и, узнав Спитамена, подбежал и припал к его груди.

— И ты тоже в горе,— сказал, всхлипывая, старик, указывая на дощечку, висевшую под ухом охотника.

— Это еще полгоря,— ответил беспечно Спитамен.— А где твой мудрый учитель?

---

[1] За армией македонцев шла следом свора многочисленных купцов, которые скупали у воинов награбленные вещи и отправляли в другие города для перепродажи.

— Не знаю,— ответил слуга.— Когда грабители пришли на нашу улицу, учитель подвязал сандалии, взял посох и пошел из города. Назад он не вернулся, и я не знаю, жив ли он.

Спитамен зашел в сад, где на подстриженных деревьях листья сморщились, охваченные жаром пылавших зданий. В бассейне часть красных рыбок всплыла белыми брюшками кверху. Беседка была разрушена, и только каменная статуя Будды по-прежнему кривилась насмешливой гримасой.

Мальчик, следовавший за Спитаменом, держась за подол его плаща, подобрал несколько разбросанных по дорожке пергаментных листков, написанных рукой Цен Цзы. Спитамен бережно сложил их и спрятал за пазуху. Через пролом в стене охотник и мальчик пробрались в брошенные сады и затем вышли на окраину города, где начинались песчаные холмы.

Там Спитамена дожидалась группа всадников. На них были оборванные одежды, но все имели хорошие копья, луки и секиры.

— Яваны сейчас расползлись по городу, как клопы, ничего не стоит перехватать их живьем. Мы должны пробраться на главную площадь и отрезать яванам путь в крепость. Где главный отряд?

— За холмом, в камышах Золотоносной реки.

— Вызывайте его — яваны ничего не ожидают.

— Спитамен, что у тебя за новая серьга в ухе? — смеялись всадники.

— Это мне награда за знание греческого языка.— Спитамен сел на подведенного ему высокого рыжего коня, надел пояс с мечом и взял в руки копье.— Кукей, возьми к себе на коня этого мальчика. Из него вырастет хороший защитник крестьян.

Из-за холма показалась вереница товарищей Спитамена и через проломы в стене быстро понеслась в город.

ПОСЛЕ БИТВЫ

Будакен очнулся. Было темно. Что-то навалилось на него, ноги невыносимо болели, и он не мог пошевелить ими. Рук он не чувствовал. Только глаза видели, что в ногах поперек него лежит большая туша. Над ней темнеет небо. В небе, мерцая, переливаются звезды.

Будакен приподымает голову, через силу поворачивает ее и снова опускает на камень.

Теперь его взор охватывает равнину, упирающуюся в горы. Неясные клочья тумана плывут и отделяются от земли. Луна выбирается из дымчатой паутины и катится по черно-синему небу, как голова, срезанная ударом меча.

Что за туша лежит в его ногах? Теперь он различает круп коня; одна нога с подогнутым копытом уперлась в небо. Нога коня начинает шевелиться и раскачиваться, и вся туша дергается.

Будакен издает хриплый стон. Послышалось ворчание, шорох и царапанье когтей.

Но где же люди? Куда они отхлынули? Их были тысячи — саков и этих надменных яванов, одетых в панцири, непроницаемые для скифских стрел.

Будакен оглядывается. Туманы отрываются от равнины и плывут по небу. Движутся черные тени: они пробираются гуськом, бесшумные, одна за другой, уткнув острые носы в землю. Это волки. Они собираются стаями и крадутся следом за саками, когда те выступают в поход.

Не они ли были сейчас здесь? Но почему бессильны руки? Звери могут изгрызть лицо Будакена: он не в силах, как раньше, задушить их своей могучей хваткой...

Будакен напрягает все свои силы и со стоном приподнимает голову. Он видит около себя камни. Нет, это не камни. Кто-то в упор смотрит на него. Что это за черное лицо? Глаза навыкате со светлым ободком белков. Оскаленные крупные зубы. Белеют бусы-ракушки на черной шее. Кто он? Почему он пристально смотрит и не говорит? Будакен вспоминает чернокожего воина, бросившегося ему наперерез, чтобы загородить македонского царя от будакеновской воющей палицы. Он лежит теперь, как брат, рядом с Будакеном, и в глазах его застыло удивление: он уже увидел мост Чинвад и позади него ивы, склоненные над шестью потоками воды, дающей бессмертие и забвение горестей.

Когда же сам Будакен доберется до моста Чинвад, за которым все богатыри, умершие в бою, получают вечную радость, сидя на облачных курганах, и вспоминают свои походы за чашами, всегда полными бузата. Что его тянет назад к шатрам? Перед ним смеющееся молодое лицо сына Сколота, который шепчет: «Я друг Двурогого». Я ношу красное платье и перстень явана. Я помогаю царю Азии надеть цепи на вольных саков...»

Яростный хрип с клокотанием вырывается из груди Будакена; он чувствует кровь в горле. Небо, луна и лошадиная нога кувыркаются, проваливаются, и опять глубокий, бездонный мрак застилает глаза...

Яркое солнце так слепит, что трудно приподнять веки. Ресницы кажутся забором из толстых жердей, за которыми горит оранжевое небо. Будакен приоткрывает один глаз.

На его груди сидит птица. Она кажется громадной, как полнеба, черная, с синим отливом, освещенная ярким лучом. Она отвернула в сторону длинный клюв и наблюдает круглым глазом.

Это ворон. Он делает осторожный шаг к лицу Будакена и опять, отвернув клюв, всматривается зорким, внимательным глазом.

Будакен жмурится... Чувствует на лице прохладное веяние крыльев. Птица подскочила и отлетела в сторону, где сцепилась с толпой воронов, усевшихся на животе лошади. С испуганным карканьем птицы поднялись в воздух и закружились: на тушу лошади опустился громадный орел с лысой шеей.

Сложив могучие крылья, он важно посматривает кругом, поворачивая голову с загнутым вниз клювом.

«Он уже сыт, потому и не клюет»,— мелькает мысль у Будакена, и снова он впадает в дремоту. Теперь ему все равно... Мост Чинвад прекрасен. Он весь сделан из длинных хрустальных нитей, на них нанизаны белые ракушки. Нити протянулись над глубокой синей пропастью. Ветер раскачивает эти бусы... Разве они выдержат такого тяжелого воина, как Будакен?

...Если сюда придут саки, они вытащат Будакена из-под коня и, может быть, спасут его. Если придут македонцы, они добьют его. Если придут бродячие дахи, они задушат его камышовой петлей, снимут одежду, ожерелье, сапоги и срежут золотые удила. После битвы дахи приходят обдирать павших воинов.

Шаги и тихие голоса. Что они принесут: смерть или спасение? Все равно. Только бы услышать человеческую речь, увидеть живые лица. Будакену уже трудно раскрыть глаза. Веки, искусанные за день конскими мухами, напухли. Шаги ближе. Мягкий шорох ног по камням. Чья-то рука трогает лицо и пробует приоткрыть слипшиеся гнойные веки...

— Отец, жив ли ты? Дай я закрою ладонью твой рот, чтобы душа не вылетела из твоего тела раньше, чем ты услышишь меня. Это я, Сколот,— я убежал из плена. Я обошел всю долину и обшарил все кусты, чтобы найти тебя. Отец, раскрой свои смелые глаза... Твой Сколот перед тобой.

Из горла Будакена вырвался приглушенный стон.

— Он жив. Саки — крепкие воины,— шепчет старче-

ский голос.— Если хрипит, то потом и заговорит. Отвалим сперва коня, а потом мы его снесем к ручью.

Холодная вода льется на распухшее лицо Будакена, промывает глаза, и он раскрывает тяжелые веки.

Перед ним Сколот — худой, с растрепанными волосами. Его одежда в клочьях. Грязь и царапины на лице и голых руках.

Рядом худой старик с выпуклым лбом, с длинными прямыми седыми волосами. На нем кожаная одежда дахов и ожерелье из птичьих когтей.

— Это старик дах, он вылечит тебя. Он мудр и знает, как заживлять боевые раны.

— Сколот! Скажи правду, предавал ли ты родное племя?

— Отец, они хотели, чтобы я рассказывал про все дороги, про все источники, про нашу воинскую силу. Они обещали, что я буду сакским князем над князьями. Но я им не сказал ни на пылинку правды и ждал минуты, когда смогу убежать в родные степи. А когда в ночной тишине я наконец услышал ржание наших жеребцов из-за Яксарта и увидел тревожные дымки на холмах, бросился в реку. Я переплыл ее, и раны от трех меня догнавших яванских стрел до сих пор гноятся на моих плечах...

— Где яваны?

— Все вернулись обратно за реку и залечивают раны от сакских мечей.

— А Гелон?

— Гелон изменил нам. Он увел свой отряд в ущелье, а сам перебежал к Двурогому.

— Тохар, собака! Он мог живьем взять Двурогого, а теперь лижет ему лапу. Где мой карий?

— Карий ускакал к мосту Чинвад, а здесь, на твоих ногах, лежит его мертвая туша.

Будакен замолк. Глаза его опять слиплись, и Сколот с тревогой отгонял назойливых синих мух.

Наконец губы Будакена тихо прошептали:

— Сын мой, теперь я могу спокойно ступить на мост Чинвад...

«ДАЛЬШЕ НЕ ПОЙДЕМ!»

Со дня битвы с заречными скифами в шатер базилевса никого не пускали. Тяжелый персидский ковер завешивал главный вход, и перед ним застыли македонские часовые в шлемах, по-боевому опущенных на лицо, и с копьями, приставленными к правой ступне.

Часовые сменились несколько раз, но базилевса они все еще не видели.

В соседний шатер начальника походной канцелярии Эвмена приходили македонцы, и знатные этэры, и простые воины, выборные от отрядов — все требовали свидания с базилевсом.

— Кроме врача и главного жреца-гадателя, базилевс никого не принимает.

— Он ранен или болен?

— Болен животом,— сухо отвечал Эвмен.

Зная непреклонное упрямство базилевса, все возвращались в свои палатки, где стоял гул от криков и стонов. После этой битвы раненых было очень много — не так, как в предыдущих боях. Раны, нанесенные скифскими стрелами, воспалялись, вздувались, и воины, с выпученными глазами, горели в лихорадке, крича непонятные слова.

Лекари обходили раненых, выдавливали гной, втирали целебные мази, шептали молитвы богу Асклепию, исцелителю страждущих, но раненые все же умирали во множестве в жестоких страданиях.

Но еще страшней были удары скифских копий с крюками и палиц, раздроблявших кости. Хотя лекари зашивали зияющие раны, но раненые уже навсегда оставались калеками и, не думая больше о боях, обсуждали, где в Согдиане им будут выданы земли и сколько рабов они получат.

Во всем лагере громко говорили, что поход в Азию пора закончить, что у согдов очень плодородные земли, не то что на родине, в скалистой Македонии или Греции, пора воинам за их заслуги, оказанные базилевсу, получить в награду вдоволь и золотистой пшеницы, и румяных яблок, и полезного для здоровья лука и чеснока. Калеки перечисляли все, что хотели иметь: и длиннорогих быков, и стройных коней, и черноглазых согдских девушек с шестнадцатью длинными косами.

— Одно плохо,— жаловались воины,— согдские крестьяне еще очень непокорны, как необъезженные лошади: цепляются за свои земли, не желая отдавать их, и косятся на нас, как волки, забывая, что сами боги решили сделать македонцев и греков господами всех народов Азии.

— Македонцам опасно поодиночке входить в согдские селения,— говорили другие,— они исчезают бесследно. Говорят, что это дело разбойничьих шаек во главе с неуловимым Спитаменом, который умеет превращаться и в зверя, и в птицу, и в скорпиона.

— Незачем идти дальше, пора остановиться! — был общий голос лагеря.— А в земли скифов нечего больше

соваться. Какая там может быть нам прибыль? В колодцах вода соленая, чеснок не растет, быки мохнатые, как медведи, и на них ездят верхом, а лошадей скифы доят, как коров. Нет, пора остановиться и начать делить между воинами завоеванные земли.

Через два дня после битвы в шатер Эвмена пришли высшие македонские военачальники. Коренастые, с толстыми шеями и большими выдающимися подбородками, с могучими плечами, македонцы шагали тяжелой поступью буйволов. Войдя в шатер, упершись кулаками в бока, они окружили Эвмена.

По краям шатра стояли столбиками одна на другой кожаные круглые коробки, каждая за соответствующей буквой; в них хранились свитки с отчетами македонских епископов[1], приставленных к персидским сатрапам. Здесь же хранились письма начальников македонских отрядов, разбросанных по всем главным путям великого персидского царства, донесения правителей Сирии, Финикии, Египта и, наконец, подробные описания походов базилевса, изложенные красноречивым Анаксименом, Каллисфеном, Марсием, Харесом и другими, которые следили за тем, чтобы ни один шаг, ни одно слово «покорителя вселенной» не пропали бесследно для потомства.

Эвмен, плохо выбритый, с усталым, изборожденным морщинами лицом, растянулся на лежанке, покрытой шкурой барса, а четыре раба-писаря сидели перед ним на ковре и одновременно записывали на пергаменте то, что он им диктовал:

— «Варвары не выдержали ни взора, ни криков, ни мощных ударов непобедимых наших воинов. Они во весь дух обратились в бегство. Раздраженные воины преследовали их до поздней ночи. Все варвары увидели, что ничто не может противиться македонцам...» Вот так, как я продиктовал, понравится базилевсу.

— Эвмен, что делает базилевс?

— Чистит оружие. А когда базилевс начинает сам чистить оружие, это значит, что он в ярости и ждет, на ком излить свой гнев.

— Пускай гневается. Нам все равно надо говорить с ним.

Эвмен ударил в висевший бронзовый щит, и в шатер вбежал один из испытанных воинов, телохранителей базилевса, бывших при нем неотлучно. Воин проскользнул в малиновый шатер и, вернувшись, объявил, что царь Азии зовет к себе всех пришедших.

---

[1] Епископ *(греч.)* — надзиратель.

Оправляя складки плащей и откашливаясь, македонцы один за другим прошли за персидский ковер.

Базилевс сидел на складной табуретке в голубой безрукавке. Руки его до локтей были выпачканы салом и грязью. Перед ним на коленях стоял оружейник-перс, тощий старик, с худой, жилистой шеей. Ремешок вокруг головы поддерживал его седые вьющиеся волосы.

Базилевс скользнул по каждому вошедшему угрюмым, недоверчивым взглядом. На македонское приветствие: «Да живешь много лет!» — красиво очерченные губы отрезали коротким греческим: «Хайретэ!»

Македонцы опустились полукругом на ковер, подтянув под левую руку подушки.

— Раненых много? — спросил Александр.

— Редко кто не ранен стрелой,— скифы стреляют без промаха. Почти все наши кони подбиты.

— Это плохо. Для меня сейчас один конь важнее десяти воинов. А пригодны ли захваченные скифские кони?

— С ними нет сладу. Кусаются, как собаки, прыгают козлом на месте и сбрасывают всадников.

Перитакена, которого все презирали за бесстыдную лесть, вкрадчиво сказал:

— О блистательный сын Амона! По твоим прекрасным глазам я вижу, что ты придумал изумительный план, от которого скифы разлетятся, как стаи дроздов.

Александр молчал и усердно тер меч, обмакивая тряпку в кирпичный порошок:

— А что скажешь ты, Никанор? Что надо сделать, чтобы раздавить скифов?

Пожилой широкоплечий македонец наклонил круглую упрямую голову:

— Побить их хорошенько, чтобы сто лет помнили нас.

Александр встрепенулся:

— Я думаю то же самое. Надо продолжать поход. Надо ворваться в самое сердце Скифии, разгромить их крепость Чач.

Другие македонцы, зная вспыльчивый нрав базилевса, молчали. Их глаза, навыкате, как у быков, были непроницаемы.

— Ну что же вы молчите? Птоломей, разве не надо сейчас же идти дальше?

— Вот попробовали, да ничего не вышло. Мы с ними воевать не можем.

— Почему?

— Разве у нас была такая победа, к каким мы привыкли? — спросил Клит, прозванный Черным за смуглую

кожу.— Воевать со скифами — все равно что вепрю воевать с орлами. Мы гонимся за скифами, а они разлетаются, как птицы, и сейчас же заворачивают и нападают с других сторон. Необходимо остановиться, ибо...

— Постой, Клит! — прервал Эвмен. Он очень редко высказывал свое мнение, предпочитая исполнять приказания базилевса, поэтому все внимательно прислушались, что скажет начальник канцелярии.— Скажи мне, базилевс, чего ты хочешь? Я, разумеется, не сомневаюсь, что ты сумеешь разбить скифов и занять их крепость Чач и Роксонаки и другие города. Но стремишься ли ты к тому, чтобы стать владыкой безводной пустыни и заставить македонских воинов доить кобылиц? (Перитакена и Никанор уже готовы заняться этим почтенным делом.) Или же ты хотел бы стать владыкой более плодородной страны, такой, как богатая Индия, откуда персидские цари получали слонов, павлинов, золото, алмазы, цветные камни, цейлонские жемчуга и чудеснейшие ткани, пряности и все другие богатства Востока? Не будут ли подобные вещи получше, чем сушеный скифский сыр и кобылье молоко?

— Но разве можно говорить об Индии, когда скифы перед нами! — сердито ответил Никанор.— Если мы теперь повернем в Индию, то скифы скажут, что мы их испугались, и пойдут следом за нами.

Эвмен пожал плечами:

— Почему они пойдут следом за нами, а не вместе с нами?

Александр перестал скоблить кирпич и удивленно поднял глаза на Эвмена:

— Ты думаешь, что скифы пойдут на переговоры?

— Простые скифы хотят драться, но ими руководят князья. И я напомню мудрые правила твоего отца, царя Филиппа. Не он ли сказал: «Стены крепости, которые нельзя взять приступом, легко перешагнет осел, нагруженный золотом»?

— Я думаю то же самое! — воскликнул, вскочив, Александр.— Нам нужно переманить к себе войско скифских всадников. Вот это настоящие воины! Гефестион, не пожалей золота. Начинай с князей — все князья любят звон золотых монет.

В шатер вошел воин и, откинув полог, пропустил запыленного гонца в персидской одежде.

Гонец поднял руку со свертком, как бы желая бросить его на ковер — знак спешности, и передал его базилевсу. После этого он зашатался и упал без сознания.

Все затихли, следя, как Александр отламывал восковые

печати и пробегал, нахмурившись, греческие скорописные строки.

— Уберите отсюда гонца. Выдать ему награду! — Базилевс махнул рукой, и воины вынесли гонца.— Я получил три донесения. Мараканда осаждена бандой восставших согдов во главе со Спитаменом. Отряд македонцев в шестьдесят человек, выехавший в селение за кормом для лошадей, весь перебит — опять бандой под начальством Спитамена. Наконец, около Наутаки разбойники под начальством Спитамена же напали на мой караван, шедший из Экбатаны, и разгромили его. Что это за Спитамен, который сразу появляется в трех местах? Этот человек — бог или три человека? Переводчик!

Эвмен откинул полог и крикнул:

— Якир!

Тонкий молодой сириец с бледно-матовым лицом и шапкой курчавых волос, стянутых медным обручем, опустился у входа на колени.

Македонцы посматривали друг на друга и покачивали круглыми головами. Базилевс склонился к старому оруженику-персу, сидевшему на ковре у его ног, и толкнул его ногой:

— Эй, бобо! Ты знаешь, кто такой Спитамен?

На лбу у старика собрались бесчисленные складки, точно ему доставляло громадную трудность вспомнить, кто такой Спитамен.

— Спитамен — это сияющий, как солнце, это храбрец, который никого не боится.

— А сколько Спитаменов — один или много?

Старик сложил на животе руки и с извиняющимся видом сказал:

— Не сердись, пожалуйста, на меня, но я не знаю.

— Где персидские князья? Что они делают? Они ведут праздную жизнь без всякой пользы. Позовите-ка мне их сюда.

Приказания базилевса исполнялись быстро, так как медлительных он колотил рукояткой меча.

Шесть персидских князей явились с распухшими от сна лицами и в беспорядочно накинутой одежде.

Александр прищурил глаза и уставился на обрюзгшего, толстого Датаферна, который под его холодным взглядом начал переминаться с ноги на ногу и пятиться.

— Ты знаешь Спитамена?

Датаферн оглянулся на других князей.

— Кто это — Спитамен? Вы слышали о таком? — спросил он шепотом.

— Какой это Спитамен взбунтовал ваших крестьян

и с ними нападает на моих воинов? Вы всегда ничего не знаете! На что мне такие помощники?

— О великий, о прекраснейший! — заговорили князья.— Прикажи, что тебе нужно, мы все сделаем.

— Спитамен — это, наверное, один из разбойников, которые бродят всегда по большим дорогам,— сказал бывший сатрап Фарнух.— Дай нам отряд твоих непобедимых македонцев, и через семь дней мы притащим его связанным к твоим ногам.

— Смотрите же, чтобы через семь дней или живой Спитамен, или голова его была здесь, передо мной, иначе сами вы потеряете головы.

В тот же день тысяча македонских всадников спешно двинулась по направлению к Мараканде. Возле начальника отряда Менедема ехал Фарнух, он уверял, что знает все уловки Спитамена, и обещал немедленно захватить его живым.

ЛОВЛЯ СПИТАМЕНА

Фарнуху не удалось в семь дней, как он обещал, поймать Спитамена. Когда тысяча македонских всадников Менедема, с которыми ехал Фарнух, прибыла к стенам Мараканды, там уже не оказалось отряда Спитамена. Из ворот цитадели вышли воины, истощенные, едва держась на ногах, так как они съели всех лошадей, уже начали есть крыс и саранчу и были накануне сдачи.

Менедем со своей тысячью помчался на север, куда уходили дерзкие бунтовщики Спитамена, не признавшие царя Азии. Но из всего отряда с трудом притащились обратно несколько всадников.

— Весь отряд вырезан и частью утонул в болотистых разливах Золотой реки,— говорили всадники.— Спитамену помог отряд скифов. Мы спаслись только благодаря выносливости и быстроте наших коней.

— А где Фарнух?

— Фарнуха скифы привязали за ноги к хвосту дикого коня и погнали его в степь.

Македонцы снова укрылись в цитадели Мараканды, когда конница Спитамена пронеслась по городу и заняла все перекрестки дорог.

Александр продолжал оставаться в Ванкате, где он строил новый город, назвав его в честь своего имени Александрией. Он вел переговоры со скифскими князьями о заключении «союза дружбы» и через лазутчиков изучал доро-

ги на восток. Посредником был перебежавший на его сторону тохарский князь Гелон.

Известие о гибели отряда Фарнуха, посланного наказать Спитамена, привело Александра в ярость. Планы о дальнейшем движении на восток были оставлены. Немедленно с наиболее подвижной частью войска базилевс направился к Мараканде, где Спитамен снова осаждал македонский гарнизон. Вся остальная армия также двинулась к Мараканде.

Скифские князья, получив богатые дары, в знак верности обменялись с Александром копьями и поклялись, что не будут угрожать новому городу Александрии и переходить через реку Яксарт.

Александр помчался со всей конницей по следам ушедшего Спитамена и дошел до места гибели отряда Фарнуха, где наскоро похоронил тела убитых воинов. Он продолжал гнаться по пустынной равнине, но все следы Спитамена были потеряны.

Ему попался только одинокий молодой скиф, который вел за повод серого верблюда. Между горбами сидели молодая женщина и мальчик.

— Здесь никаких всадников я не видел,— объяснял кочевник.— Здесь начинается пустыня, через которую мы стараемся скорее пройти, чтобы не погибнуть от жажды и зноя.

— Что же тебя заставляет бродить в такой пустыне? — спросил базилевс.— Разве не лучше тебе жить в плодородных долинах Золотой реки?

— Здесь земли не принадлежат никому, а там всю землю поделили между собой князья.

— Как же тебя зовут, свободный варвар?

— Меня зовут Левша-Шеппе, потому что я люблю идти влево, когда бич погонщика гонит баранов вправо.— И кочевник с верблюдом зашагали равномерной походкой, не обращая более внимания на блистающих латами всадников.

— Какое бессмысленное лицо у этого варвара! — заметил Перитакена.

— Он отличается от верблюда только умением говорить,— сказал Александр.— Но Спитамена я все-таки поймаю и посажу на кол. Наверное, он не такой простак, как этот доитель кобыл.

Вернувшись в Мараканду, базилевс со своей армией оказался в положении змеи, попавшей в кольцо раскаленных углей. Кругом, и в Согдиане и в Бактрии, вспыхивали восстания.

Крестьяне убегали в горы и леса и нападали на разъезжавших за продовольствием македонцев.

Александр беспощадно расправлялся с селениями, где происходили столкновения с его воинами. Он вытребовал из Греции новые подкрепления из молодых македонцев и наемных греков.

Наконец он решил внести успокоение в страну самыми решительными мерами. Он разделил Согдиану на участки, и в назначенный день посланные туда отряды должны были вырезать поголовно все взрослое население.

Александр с отдельным отрядом прошел в горы, куда укрылись жители Курешаты и других разрушенных городов. Оттуда его воины вернулись с богатой добычей, а сам базилевс привез персидскую княжну Рокшанек и объявил, что сделает ее своей женой.

— Мой брак соединит Азию и Европу,— объяснял базилевс своим приближенным.— Согдские князья не будут больше считать меня чужеземцем, когда их княжна станет женой царя царей. А с населением нечего считаться — половина его успокоилась в земле, а для другой половины я устрою великолепные игры, состязания воинов и другие увеселения в день моей свадьбы.

Спитамен продолжал давать о себе знать удачными набегами, и Александр снова призвал к себе персидских князей.

— Уже прошло не семь дней, как обещал глупый Фарнух, а семь месяцев. Однако вы до сих пор не сумели заманить и привести мне Спитамена. Я вам дам в помощь человека, самого хитрейшего из смертных. Он вам поможет найти и поймать создание тьмы и злого духа — неуловимого Спитамена.

И слуги ввели в залу бродячего атравана, которого часто видели на площадях, где он пророчествовал, давал лекарства для исцеления больных и, как безумный, предсказывал скорую гибель мира.

Высокий и тощий, как скелет, черный от грязи, с длинными, до пояса, космами вьющихся бурых волос, в шерстяных лохмотьях, он смотрел большими горящими глазами, и на темном лице выделялись длинные желтые верблюжьи зубы. Посвятив себя служению богу, он не стриг от рождения на ногах ногтей, и они, искривленные завитками, стучали по каменному полу, когда он подходил к князьям.

— Поймать Спитамена? Хорошо, я могу, я все могу,— говорил атраван, и его большой рот растягивался до ушей.— Но его надо, поймав, сейчас же сжечь на костре, иначе он обратится в летучую мышь, вспорхнет и исчезнет.

* * *

В горах, к югу от Мараканды, в глухом ущелье, над обрывом, с которого свергался неугомонный водопад, горели костры. Несколько десятков людей в лохмотьях одежд, с мечами и копьями сидели около огня. Некоторые из них имели на себе персидские или македонские панцири. Невдалеке, по склону горы, паслись стреноженные поджарые кони.

Большой бронзовый котел был поставлен в груду раскаленных углей. Похлебка кипела ключом, и темная пена, подымаясь с одного края, шипела, падая на огонь.

— Друг или враг, стой! — послышался оклик часового, спрятанного в кустах.

— Мы ищем помощи и защиты! — послышался ответ.

— Эй, Таракан, прощупай-ка, кто это пробирается к нам.

Пожилой крестьянин, подняв короткое копье, спустился в кусты. Оттуда слышался спор. Таракан вернулся; за ним шли двое: один — лохматый, с длинными космами, нищий, в грязной, засаленной одежде атравана, другой имел вид знатного перса; лицо его было обрюзгшее, в пояснице он был шире плеч; богатая красная одежда туго перетягивалась кожаным поясом с мечом.

— Эй, занозы,— сказал Таракан,— эти люди твердят, что хотят видеть Спитамена, что они желают сообщить ему важные новости.— Он хитро подмигнул прищуренным глазом.

— Выслушать их или сбросить со скалы?

— Пускай нам говорят! Сбросить к шакалам! — раздались грубые голоса.

Атраван заговорил первый:

— О храбрые защитники родины! Весь небосвод, великий бог Ахурамазда и весь мир смотрят на вас и восхищаются вашей доблестью. Вот князь Датаферн — он был левой рукой у Бесса и хотел вместе с ним не допустить Двурогого в наши земли. Но Двурогому помогали все злые духи, и он залил кровью наши земли.

— Пускай говорит князь Датаферн. Чего ты поешь вместо него?

Датаферн заговорил мягким вкрадчивым голосом:

— Я давно хотел найти вас, чтобы вместе с вами бороться против проклятых яванов. Но никто не мог указать, где ваш неуловимый вождь Спитамен. Наконец я увидел огни в горах и пошел прямо на них.

— Говори прямо, чего тебе надо от нас.

— Я хочу быть вместе с вами и помочь вам. Где ваш вождь Спитамен? Здесь ли он?

— На что он тебе? Мы все заодно. Говори прямо.

Датаферн подумал и ответил:

— Пусть будет по-вашему. Может быть, вы мне не верите, но то, что я вам сейчас скажу, покажет, что я действительно заодно с вами и готов все отдать на общее дело. Когда Двурогий подходил в первый раз к Мараканде, мой отец боялся, что яваны разграбят все те богатства, которые скопил еще мой дед. Он нагрузил верблюда золотом и серебром и с верным слугой ушел к горам и около Агалыка закопал все это в землю. Отец оказался прав. Вы сами знаете, что яваны в свои походные мешки умеют прятать целые города. Они отняли все, что было у нас в доме, и мой старый отец умер от голода, потому что не мог попасть в Агалык.

— Однако твой толстый живот показывает, что ты не страдал от голода! — воскликнул кто-то.

— Не смейся, неразумный! — ответил Датаферн.— У нас уж порода такая, я остался толстым, несмотря на все несчастья, которые я перенес от яванов и Двурогого царя. Но я не могу оставаться спокойным. Я хочу вместе с другими смелыми бойцами бороться против злодеев, которые душат нашу родину. Я и пришел к вам, чтобы отдать на общее великое дело борьбы с Двурогим все, что я имею. Там, в Агалыке, закопано много богатств моего отца, на которые можно купить оружие, коней...

— Вы, смелые воины, можете разделить его между собою,— добавил лохматый атраван.

— Но чтобы достать из земли клад, мне нужно, чтобы ваши молодцы поехали со мной, выкопали его и увезли на быстрых конях. Там может встретиться отряд яванов, который все отберет.

Начался спор. Одни стояли за то, чтобы клад разделить, другие — чтобы отдать на общее дело, третьи — чтобы сперва привезти, а потом решать, что с ним делать.

Наконец постановили: атравана оставить заложником до возвращения князя Датаферна, а с ним немедленно отправить десять всадников на свежих конях.

Когда Датаферн и всадники скрылись в темноте, атраван присел на корточках к огню, и его большие глаза, отражая свет костра, горели, как красные огоньки. Возле него, как тень, появился Спитамен. Он спустился легкими прыжками с горы, с той стороны, откуда никто не ждал его. Как обычно, красная повязка окружала его голову, серая рубаха была затянута кожаным ремнем, и мягкие сыромятные сапоги делали бесшумными его шаги.

— И ты, черный ворон, появился у нас? Какое несчастье принес ты с собой?

Атраван встрепенулся, подскочил, но Спитамен ухватил его за подол бурой одежды.

— Оставь меня, не тронь! Я священный атраван и слуга сияющего Ахурамазды. Он поразит тебя молнией и громом, если ты будешь касаться меня.

Но Спитамен крепко держал шерстяную ткань и, выхватив нож, разом отсек большой кусок одежды и бросил его на пылающие красные угли.

— Эй, молодцы, посмотрите, что сейчас покажется из этого лоскута!

Атраван хотел выхватить лоскут из огня, но десяток рук держали его.

Лоскут задымился, вспыхнул, быстро прогорел, а в пепле показалось несколько золотых монет с изображением персидских царей и сатрапов...

— Вот золото, за которое этот гнусный червяк продавал Двурогому своих братьев. Он хуже вора и убийцы!

Несмотря на свою худобу, атраван был очень силен. Он раскидал всех, кто его держал, и вырвался, оставив в их руках клочья своей одежды.

— Ахурамазда, ты всемогущ, сделай меня летучей мышью! — заревел он и диким прыжком бросился с обрыва.

Через несколько мгновений отдаленный шум покатившихся камней донесся из глубины темной пропасти.

— Неужели вы не догадались, простаки,— сказал Спитамен,— что это был лазутчик Двурогого? Бросьте в огонь его одежду! В ней насекомых столько же, сколько монет. И вы увидите, что под каждой заплатой у него были зашиты не только персидские монеты, но и яванские, с головой Двурогого.

СТРАННАЯ ГОЛОВА

Базилевс, усмирив железом, кровью и огнем Согдиану, отдыхал в Мараканде, в бывшем дворце Бесса.

По вечерам, к ужину, собирались его ближайшие помощники, высшие начальники отрядов и знатнейшие персы.

Возле него расположилась на лежанке, покрытой ценным финикийским малиновым, расшитым золотыми звездочками покрывалом, молодая царица Азии Рокшанек — ее базилевс переименовал в Роксану. Она смотрела удивленными, расширенными глазами на базилевса, на его мускулистых, неуклюжих македонских товарищей, и на лице ее

вспыхивал страх, когда громадный кубок Геракла обходил пирующих и каждый залпом осушал его.

Александр мало обращал внимания на нее. Она послужила ему забавой только несколько дней, а затем он занялся планами новых походов.

Когда Александр рассказывал о своих многочисленных подвигах, вошел воин и остановился, ожидая взгляда базилевса.

— Что случилось?

— Князь Датаферн просит принять его.

— Пусть войдет. Целый месяц его не было. Посмотрю, с чем он явился.

Толстый Датаферн показался в дверях. Мышиные глаза его бегали по сторонам. Он тяжело дышал.

Александр стремительно приподнялся с лежанки.

Датаферн повернулся и втолкнул в залу молодую худощавую женщину. Она остановилась, бессильно опустив руки. Голова ее была закутана белой шерстяной шалью, красные, расшитые узором концы шали ниспадали до пола. Малиновая одежда была разорвана и запылена. Глаза смотрели прямо, ничего не видя.

Александр ожидал забавного приключения, какие обычно ему устраивали персидские князья, и крикнул:

— Это что за куропатка? Подведи-ка ее поближе.

Датаферн взял за руку женщину и повел ее через залу по шелковым коврам к тому месту, где возлежал базилевс. Другой рукой князь тащил полосатую торбу, которую согды обычно подвязывают лошадям для корма.

— О величайший! — воскликнул Датаферн, упав возле Александра на колени и подымая двумя руками полосатую торбу.— Я принес тебе дыню, которую ты давно ждешь.

— Какая дыня? Покажи!

Датаферн опустил торбу на пол, вытянул из нее сперва персидский башлык, затем запустил в нее обе ладони и вынул человеческую голову. Он держал ее за волнистые волосы, повернув лицом к Александру.

В зале все затихло. Все поднялись со своих мест и приблизились, желая увидеть странное мертвое лицо.

Это была голова молодого согда или скифа — восточные очертания слегка скуластого лица. Веки были полузакрыты, и печать задумчивости навеки сковала последние движения молодого лица. Оно было по-своему прекрасно. Легкий темный пушок на верхней губе говорил о юных еще годах, и грустный изгиб рта создавал впечатление искренности и правдивости.

— Кто это? — глухо прозвучал голос базилевса.

— Спитамен! — торжествуя, воскликнул Датаферн.

— Мне эта голова нравится,— сказал Александр,— и мне жаль, что я не могу всегда возить ее с собой среди таких моих трофеев, как щит и лук Дария или перстень, снятый с руки Бесса... Лисипп!

— Лисипп, Лисипп,— зашептали голоса,— базилевс зовет тебя.

С лежанки поднялся пожилой грек, знаменитый ваятель, которому Александр поручал отливать из бронзы свои изображения для установки в храмах.

— Я здесь, базилевс, и слушаю тебя.

— Сумеешь ли ты вылить из бронзы такую же точно голову? Это был храбрейший из моих противников. Он не бегал от меня, как другие, а сам нападал.

— Я сделаю, базилевс,— ответил спокойно Лисипп, подойдя к голове и всматриваясь в застывшие черты.— Это прекрасный образ мужественного варвара. Но я должен сейчас же приступить к работе, пока разрушение, которое несет смерть, не изменило этого лица.— Он бережно завернул голову в башлык и вышел с ней из залы[1].

— А ты кто? Как зовут тебя? — обратился Александр к молодой женщине, стоявшей неподвижно с застывшим печальным лицом.

— Меня зовут,— сказала она среди общей тишины,— Томирис, а тебя, если ты Двурогий, зовут Проклинаемый людьми...

Переводчик-сириец, услыхав эти слова, запнулся...

Базилевс взглянул на него:

— Что она сказала? Переведи!

Когда сириец шепотом перевел ее слова, базилевс, указывая на женщину рукой, отчеканил:

— Я хотел наградить ее, одеть в шелковые одежды, бросить ей талант золотых монет. Я всегда щедро награждаю своих врагов, если они мне покоряются. Но дерзких я жестоко наказываю. Только ради моей радостной свадьбы я не казню ее. Выгоните эту злую волчицу бичами, чтобы она скиталась по дорогам, как нищая!.. Царица Роксана,— обратился базилевс к Рокшанек,— отврати твой невинный взгляд от этого животного в образе женщины. Играйте, пойте песни!

Музыканты встрепенулись, флейты залились под переборы арф. Слуги-персы подхватили Томирис и грубо поволокли ее к выходу.

---

[1] Мраморная голова «умирающего перса в башлыке» хранится до сих пор в музее Терм в Риме.

* * *

Воин проводил Томирис до ворот дворца. Она шагнула в темноту и, шатаясь, пошла вдоль стены, опираясь на нее руками.

Темная фигура вынырнула из мрака, перегородила дорогу.

— Томирис...— проскрипел тихий голос.

— Шепе, почему ты здесь?

— Мои друзья следили за тобой, но не могли выручить. Идем скорей отсюда.

Взяв Томирис за руку, Спитамен прошел по узкому переулку, осторожно переводя ее через поперечные канавы, и вышел к повороту, где чернел силуэт высокого верблюда.

— Наконец вы пришли,— сказал детский голос.— Проходили мимо яваны, и я боялся, что они схватят нас.

Спитамен поднял Томирис и помог ей усесться между пушистыми горбами верблюда.

— Теперь с верблюдом нас четверо,— говорил Спитамен, шагая по неровной дороге,— и мы не пропадем.

Верблюд сопел и мерно ставил в пыль свои большие ноги.

Снова послышался голос Томирис:

— Чью голову лживый персидский князь подарил Двурогому?

— Голову одного из наших товарищей. Князья поймали неосторожного храбреца. А так как князья жадны и всегда лгут, то выдали его голову за мою. Но на место убитого встанут новые борцы за свободу нашего народа. Теперь и яваны и предатели — согдские князья — вместе охотятся за мной, и, пока они не уберутся отсюда, мне придется уйти туда, где не знают моего имени... Шагай, Серый, нам предстоит далекий путь...

1931

ЭПИЛОГ

РЕЧИ «ЗА» И «ПРОТИВ» АЛЕКСАНДРА

Свадьба Александра с Роксаной состоялась в Мараканде. Осуществив этим браком воплощение своей идеи «союза Европы и Азии», Александр на празднествах и пиршествах, следовавших одно за другим, теперь занимал трон, где обычно сидел Дарий, и ему, как Дарию, персидские сановники целовали ногу.

Роксана спросила Александра:

— Почему тебе не кланяются до земли твои македонцы? Сколько македонцев и сколько народов Азии? Разве все македонцы избранники богов? Только ты — единственный сын бога. Если они не станут тебе поклоняться, то один из них захочет захватить твое место.

Первым Гефестион, за ним остальные приближенные македонцы и греки стали падать ниц перед Александром по персидскому способу и обычаям.

Однако небольшая группа лиц из числа сверстников и товарищей Александра держалась по-прежнему. Среди них был племянник Аристотеля — оратор, философ и историк Каллисфен. Александр видел это, иногда хмурился, но не показывал гнева, хотя доносчики и провокаторы сообщали ему о новом якобы готовящемся против него заговоре, в котором участвовал Каллисфен.

Однажды за очередным обильным ужином присутствовавшие приближенные наперебой превозносили «божественного» Александра. Роксана, плохо понимавшая греческий язык, почти не принимала участия в разговоре. Александр, захмелевший, одобрительно всех выслушивал и сам произносил хвастливые речи о своих прошлых и будущих победах и подвигах.

Льстец Перитакена обратил внимание Александра на молчание Каллисфена, выглядевшее как вызов и неодобрение среди общего хора похвал Александру. Перитакена предложил Каллисфену произнести речь в честь Александра, надеясь, что Каллисфен откажется и тем докажет отсутствие своей преданности базилевсу.

Каллисфен, всегда державшийся гордо и независимо,

нарядный, в вытюженном гиматии и надушенный египетскими духами, точно он был у себя в Афинах, поднялся с ложа, спокойно оправил кудри и произнес речь.

Это была яркая речь о великих достижениях и заслугах Александра, таких, о которых тот даже не подозревал. Он сказал о прогрессивном значении его блистательных побед; о том, что Александр стал посредником и примирителем между Западом и Востоком; о том, что он открыл целым народам пути, по которым до него проходили лишь немногие путешественники; о том, что его походы открыли для народов Запада новый мир идей великих культур Азии; о роковом влиянии его походов на будущую историю народов Азии и Европы. Каллисфен высоко оценил способности Александра как государственного деятеля и военачальника, его личное мужество и щедро разбрасываемые им благодеяния...

Переводчики посменно переводили речь Каллисфена Роксане. Александр слушал сперва с удивлением и недоверием, потом с пристальным вниманием и, когда Каллисфен закончил свою речь, хотел подозвать к себе и наградить.

Но Перитакена, не показывая, что он посрамлен, предложил Каллисфену:

— Если ты истинный софист и мастер речи, то покажи нам, что ты можешь с таким же искусством сказать речь о недостатках походов Великого Александра...

— Да,— подхватил Александр.— Скажи такую речь! Я слышу отовсюду одни хвалебные слова. Я приму твою речь «против Александра» как образчик софистики, выслушаю с дружеским чувством и не рассержусь...

И Каллисфен произнес речь обратного смысла.

В ней он указал: отец Александра, царь македонский Филипп, был выше Александра, ибо это он создал сильную армию, объединил Македонию и Грецию, установил новые формы военного строя и этим подготовил и предопределил успех похода Александра на Восток; не Александру, а его непобедимой армии, его боевым товарищам грекам и македонцам, прошедшим полмира, принадлежит слава великих побед и завоевания Азии; как государственный деятель Александр ничего не создал, всюду нес только одно разрушение — он сжег Персеполь, разрушил старые культуры Тира и Сидона, уничтожил десятки городов, величайшие ценности науки и культуры побежденных народов; его «союз Европы и Азии» — это союз победителя и побежденного, раба и господина, союз, основанный на силе победителя и потому обреченный на разрушение вместе с его смертью; своей жестокостью Александр сравнялся

с худшими тиранами. Любя на словах греков, он продал в рабство тридцать тысяч доблестных фиванцев и распял защитников Тира за то, что они защищали свою родину; он, всем обязанный эллинской культуре, должен был поднять ее еще выше, но вместо этого сам, не будучи эллином (здесь Александра передернуло), он стал изгонять греков и все греческое из своего войска, окружив себя раболепной побежденной персидской знатью и назначая персов на государственные должности; наконец, он надел персидские штаны и атласные туфли и потребовал, чтобы его боевые товарищи целовали ему ноги, как богу! Разве Ахиллес и другие герои древних греков из столь почитаемой им «Илиады» требовали этого? Разве они допустили бы такое падение образа героя?..

Цель провокатора Перитакены была достигнута — взбешенный Александр вскочил. Левую часть лица и плечо передергивало от гнева:

— Теперь я знаю твое истинное отношение ко мне! Наконец ты высказался со всей откровенностью; ты мой самый убежденный враг и достоин казни...

Каллисфен ответил:

— Как философ я согласен принять всякую казнь, но как один из почитателей и учеников лучезарного Феба прошу не лишать меня неба, звезд и солнца, не бросать меня в темный погреб. Лучше сразу казни.

— Я так и сделаю.

Каллисфена схватили, сорвали с него плащ и увели. Он держался с таким достоинством, что его уход превратился в торжественное прощание с прежними товарищами.

После этого события ужины у Александра стали скучными. Их не делали более радостными даже персидские певцы, жонглеры и танцовщицы, вызванные Роксаной из разных персидских провинций. Пресмыкание усилилось. Все говорили речи, наперебой восхваляя Александра, как единственного сына бога, мудрейшего из мудрых, но никто не сказал такой глубокой, смелой речи, как речь «за» и «против» Каллисфена.

По приказу Александра Каллисфена посадили в клетку, где его поливал дождь и жгло солнце.

Александр ждал просьбы о помиловании. Некоторые просили Александра за Каллисфена, и тогда Александр спрашивал:

— А что говорит сам Каллисфен? Сам-то он просит пощады?

Ему ответили:

— Он просит одного: пусть ему дают достаточно папи-

русных свитков, чтобы описать твои походы и все выдающееся, что он видел.

Однажды, через полгода после речи Каллисфена, Александр спросил Гефестиона:

— Что с Каллисфеном?

— Он обовшивел и умирает.

— И не просит прощения?

— Он ответил: «Я могу просить бога света и правды Феба, но не тирана...»

— Его упрямство заразительно. Он показывает плохой пример другим. Нужно сломить всех заговорщиков. От него идут главные нити сопротивления власти базилевса. Казнить его!

ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ КАЛЛИСФЕНА

Александр приказал приготовить праздничное зрелище растерзания человека диким львом. На зрелище Александр пригласил скифских послов, с которыми договаривался вместе идти на Индию. Скифы были рады выведать новые дороги для набегов в будущем, вели переговоры и прибыли на зрелище.

Казнь должна была состояться внутри дворца бывшего сатрапа Мараканды и недолгого царя царей Бесса. Большой двор был окружен одноэтажными зданиями, где раньше жили жены Бесса, и перед каждой дверью, выходящей во двор, алели пышные кусты роз. В середине двора находился квадратный бассейн с золотыми рыбками.

На крышах зданий, окружающих двор, сидя на коврах расположились самые знатные из приближенных Александра. С одной стороны двора — персы, а на другой стороне — македонские военачальники; многие воины тоже влезли на крыши.

Откуда-то доносилось хриплое, яростное рычание льва. Он был специально пойман в пустыне сетями и привезен для потехи.

Александр прибыл на зрелище, вернувшись из поездки в горы, где он хотел захватить отряд повстанцев, укрывшихся в крепости на вершине скалы. Взяв крепость, воины перебили всех ее защитников и занялись грабежом. Оставив своих солдат, Александр примчался в Мараканду с небольшой свитой.

Рабы вымыли его тело, умастили душистым розовым маслом и завили кудри. Это задержало зрелище.

Трубы и флейты возвестили прибытие базилевса. Все

встали и с громкими криками «Ту бихас!» («Ты победишь!») пали ниц. Только воины продолжали, выпрямившись, стоять позади лежавших, и длинные копья густой щетиной резко вырисовывались на уже покрасневшем к вечеру небе.

Когда Александр, в голубом хитоне и розовых шелковых шароварах, войдя решительной походкой, занял приготовленное место на золотом троне, раскрылись ворота, ведущие во двор.

На двухколесной повозке со скрипучими колесами выше роста человека, запряженной мулами, украшенными красными кистями, была поставлена железная клетка. Никто не узнал бы теперь Каллисфена. Голый, он сидел сжавшись, и его длинные, раньше всегда завитые кудри теперь обратились в спутанную гриву.

Клетку открыли. Каллисфен вышел из нее, прижимая к груди свитки папируса. Он перевязал свитки красной тесьмой и положил их на землю.

Ему дали плащ. Он накинул его через плечо красивым жестом, оправил складки, освободил правую руку и спокойно ждал, пока слуги увезли повозку.

Когда мулы уехали и затихли их бубенчики, подошедший распорядитель-перс шепнул Каллисфену:

— Поклонись базилевсу.

Каллисфен поднял руку, точно защищаясь, и отвернулся.

Персидские воины с копьями и щитами в руках двумя шеренгами подошли к воротам и остановились. Перс-распорядитель распростерся ниц перед Александром и затем, стоя на коленях и кланяясь, воскликнул на ломаном греческом языке:

— Великий повелитель народов и его несравненная подруга жизни! Сейчас почтенные гости увидят, что ожидает самых знаменитых людей, если они замышляют злое против своих благодетелей!..

Затем персы торопливо удалились.

Рычание льва усиливалось — его нарочно старались раздразнить, прижигая раскаленным железным прутом. Двадцать четыре раба-эфиопа в цепях стояли в ожидании около небольшой карагачевой двери, ведущей в подвал. У каждого раба было копье с длинным листообразным, остро отточенным лезвием, равным половине копья.

— Отворяй! — крикнул перс — распорядитель зрелища.

Дверь подвала отворилась. Рабы отбежали и прижались за выступом стены. Из темного квадрата подземелья большими скачками выпрыгнул лев и замер, ошеломленный невиданным зрелищем. После темноты подвала его ослепи-

ло солнце. Привыкший к простору пустыни, лев с боязнью косился на непонятные ему постройки, и человек, одиноко стоявший посреди двора, еще не привлек его внимания. Лев бросился к бассейну, прыжками обогнул его и остановился.

Каллисфен величественным жестом откинул плащ и, повернувшись к уже заходящему солнцу, сказал:

— Тебе, величайший просветитель человека, лучезарный Феб, создавший свет и правду, свободный искатель истины и мудрости, обращаюсь с последним словом.

Человек — это единственное из земных существ, созданное с глазами, обращенными к небу, а не к земле. Он создал храмы, чтобы в них возносить тебе молитвы и хвалу.

Сейчас я ухожу из этого мира, где я всегда, как и мой учитель, великий Аристотель, призывал людей выше всего любить свободу, правду и точную истину. Всю жизнь я стремился проникнуть и разгадать тайну вселенной.

Что может сделать свободному философу тиран, который требует себе поклонения, стараясь стать рядом с тобой, озаряющий своим светом вселенную, лучезарный, всесильный Феб!

Я рад, что могу послать тебе, вечный Феб, мой последний привет и сказать, что, даже плененный, даже запертый в клетку, я сохранял гордость свободного ученого, мыслителя, поэта.

Мои мысли, моя бессмертная душа сохранятся в моих записках, которые переживут казненного Каллисфена.

Сегодня закончатся мои записки, в которых я описал походы и подвиги Александра Великого, доблестного, достойного. И этот мой труд ни огонь, ни железо, ни всепожирающее время, даже гнев Зевса Олимпийца не будут в состоянии уничтожить.

Сегодня пришел день, который должен повернуть страницу моей судьбы, но мой дух сильнее и бессмертнее моего бренного тела, и он улетит высоко за пределы небесных светил, куда не достигает воля и насилие мелких и великих тиранов. Моя слава переживет меня. Вот я лишен отечества, друзей и дома. У меня отнято все, что только можно отнять, но мои дарования со мной. Они служат мне отрадой, ими я живу. Тут кончается власть базилевса. Пусть безжалостный меч или дикий зверь пустыни прекратят мои дни — слава переживет меня...

Больше Каллисфену говорить не удалось. Александр, рассерженный речью философа, гневно взглянул на перса — распорядителя зрелища. Тот сверху крикнул черным

рабам на дворе. Один из них ловко метнул копье в льва и ранил его в заднюю лапу. В ярости лев замотал огромной головой, заросшей густой гривой, и сделал прыжок.

Вторым прыжком лев бросился на Каллисфена. Философ упал, сбитый тяжестью огромного зверя. Лев, раздавив страшной пастью светлую голову мыслителя, рвал его лапами и с рычанием глотал куски мяса.

Александр встал, лицо его было хмуро. Брови сдвинуты. Он сказал Гефестиону:

— Рукопись сохранить. Внимательно рассмотреть, что он писал.

— Я уже читал. Он описывал твои походы.

— Осуждал меня?

— Нет, базилевс. Он восхвалял тебя.

Александр на мгновение задумался.

— Прощать — это привилегия богов. Смерть Каллисфена — достаточная угроза моим врагам, а для потомства — пусть знают, что Александр приказал сохранить рукописи Каллисфена. Каллисфен был необычайный человек, не то что другие, безумные заговорщики. Он заслуживает бессмертия... Сам позаботься о рукописи и дай ее размножить.

Подошел перс-распорядитель и пал на колени:

— Величайший! Ты сейчас увидишь, как эти эфиопы убьют льва!..

Александр, недовольный, продолжал стоять.

— Пусть убивают. Лев тоже заслужил смерть за то, что убил великого мыслителя.

Перс приказал эфиопам:

— Кончайте!

Эфиопы, прикрываясь узкими длинными щитами, приблизились с четырех сторон. Лев рычал, бил хвостом и продолжал терзать тело Каллисфена. Эфиопы одновременно метнули копья. Блестящие отточенные лезвия пронзили тело зверя. Лев вскочил и упал, попытался еще вскочить, но его крестец был перебит. Он рычал и полз на передних лапах, волоча туловище.

Эфиопы подбежали еще ближе и другими копьями добили царя пустыни.

Праздник кончился. Александр медленно удалился. За ним, блистая драгоценностями, следовала Роксана. Она улыбалась, ее глаза сверкали торжеством. Толпа лежала ниц, выражая преданность царю царей.

— Да,— сказал Гефестион,— сам Зевс Вседержитель постоянно забывает гнев, отбрасывает свои громы и молнии и позволяет сиять ясному небу.

* * *

Прошли тысячелетия. По-прежнему по бесконечным равнинам Азии мерной рысцой, на лохматом бегунце или верблюде, едет кочевник. Он направляет путь к серебряной звезде, танцующей над далекими холмами.

Его дикая песня в своих загадочных переливах говорит о неоконченной сказке, о прерванном сне, о слезах, смешанных с кровью, и о чудесных грезах начавшегося расцвета Азии.

Но теперь на вековых тропах можно встретить не только одни караваны стонущих верблюдов. Теперь видны новые путники, среди них — юноша и девушка. Они несут в груди горячее пламя неудержимого порыва к знанию и свободе. Путники взбираются по крутым склонам гор, веря, что достигнут вершины, где огни их сердец сольются в новое сияние, которое озарит далекие пределы Азии.

Над путниками с визгом проносится смеющийся ветер в погоне за далекими миражами розовых городов, вырастающих из мертвых желтых песков. Но ветер уже не может разогнать эти миражи.

Новые города Азии строятся. Они вырастают и тянутся к небу в кружевах стальных стропил, создавая новую, культурную жизнь свободных, возрожденных народов.

1941

СПАРТАК

ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ РАБОВ ДРЕВНЕГО РИМА В I ВЕКЕ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Историческая повесть

...Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию.

В. И. Ленин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БУРЯ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Три дня свирепствовала буря. На море вздувались и неслись одна за другой горы зеленоватой воды; их вершины курчавились белой пеной и обрушивались со страшным грохотом. Казалось, ничто не могло устоять против ярости бушующего ветра. Корабли, успевшие заблаговременно укрыться в гавани, были вытащены на берег или привязаны двойными канатами к причалам. Но и сюда докатывались рассерженные волны, и тогда широко раскачивались и плясали стройные мачты, а доски кораблей скрипели и трещали, точно готовые развалиться.

На усыпанном галькой берегу и на краю каменного мола, не замечая хлеставшего дождя, растерянно перебегали женщины. С воплями поднимали они руки к небу, проклиная богов, пославших на них это бедствие, разметавшее лодки, на которых выехали на рыбную ловлю их мужья и отцы. Они всматривались в туманную даль, тщетно стараясь разглядеть среди темных валов знакомые заплатанные паруса.

Под вечер багровый луч солнца пробился сквозь гряду облаков и осветил одинокий красный парус. Небольшое крутобокое судно то взлетало над водой, то, клюнув носом, погружалось в кипящую бездну. Но через несколько мгновений, опять подброшенное кверху, судно неслось вперед, накренив мачту с косым парусом. Только очень опытные и смелые моряки могли править кораблем в такую бурю, когда палуба проваливалась под ногами и вокруг пенились и бушевали волны, высокие, как стены.

Наконец судно, обогнув каменный мол, проскользнуло в тихую гавань. Спустив парус, упираясь в волны одиннадцатью парами длинных весел, осторожно пробралось судно мимо вереницы торговых кораблей. На корме стоял владе-

лец судна, широкоплечий и коренастый, с намокшей бородой, прилипшей к богатырской голой груди. Он хрипло кричал, обращаясь к двум чернокожим великанам, налегавшим всем телом на рулевые весла, то к двадцати двум гребцам, прикованным цепями к скамьям. Судно сделало ловкий поворот и, сбросив два бронзовых якоря, остановилось посреди гавани.

Толпа в гавани ожидала, что хозяин корабля сойдет на берег и расскажет, какие он встретил на пути суда. Раздались возгласы и крики, но бородатый моряк, не отвечая, только сделал решительный жест рукою сверху вниз, по которому можно было понять, что все встречные суда пошли ко дну. Моряк спустился в трюм, а в окошечке на корме засветился огонек.

* * *

Ночью буря продолжалась. Портовые сторожа попрятались — какой корабль прибудет среди темноты в гавань!

Однако несколько лодок пробиралось к странному кораблю, стоявшему на двух якорях посредине гавани. Какие-то тени поднимались на палубу. Оттуда в лодки спускали людей и груз, слышались отрывистые приказания, выкрики, ругань и заглушенные стоны.

К утру буря совершенно затихла. Море, гладкое, поблескивало серебристой рябью. Его темная поверхность то приподнималась, то опускалась, как будто дышала исполинская грудь, уставшая после яростной борьбы.

На берегу легкие всплески набегавших волн перекатывались через обломки корабельных ребер, развалившиеся ящики, обрывки рыболовных сетей и оранжевые корки гранатов.

А солнце, хитро прищурившись, выглядывало сквозь длинную щель между грядами облаков, медленно уплывавших на восток вслед за умчавшейся бурей.

Начальник Фурийского порта рано утром послал таможенных досмотрщиков тщательно обыскать корабль, казавшийся ему подозрительным — «очень уж разбойничья рожа у хозяина!», а сам поднялся на плоскую крышу своего дома.

Но корабля в гавани он не увидел. Ему сообщили, что корабль с красным парусом, носивший название «Сын бури», ушел в темноте на веслах в открытое море и скрылся в тумане.

СКУПЩИКИ РАБОВ

В этот же день на главной площади города Фурии собралась большая толпа любопытных. На деревянных подмостках было выставлено для продажи несколько десятков рабов. Стройные, сильные фракийцы, бледные сирийцы с пышными, вьющимися волосами, тонкие бронзовые египтяне с поднятыми прямыми плечами и рабы других неведомых национальностей стояли рядами, скрестив руки на груди. Они были почти нагие, разукрашены лишь венками из цветов; на бедрах — красные повязки, ноги выбелены мелом. У каждого на шее висела маленькая дощечка с надписью, где стояли имя и возраст раба.

Фурийские купцы, приехавшие на базар окрестные виноделы и садоводы приценялись к рабам, расспрашивали, какие они знают ремесла. Все желали купить подешевле опытных мастеров: ведь трудом двух-трех хороших рабов-ремесленников — сапожников, бондарей, медников или гончаров — может хорошо жить и кормиться их владелец со всей семьей.

Поэтому у каждого раба ощупывали и ребра, и плечи, и ноги; их заставляли сгибать и разгибать руки; рабы равнодушно и покорно открывали рот и высовывали язык, пересохший от жажды.

— Купить плохого раба — все равно что купить хромую лошадь: прибыли от него будет немного! — говорили озабоченные покупатели.

Среди рабов выделялись трое, сидевшие отдельно на потертом обрывке коврика,— мужчина, девушка и мальчик.

Мужчина был худощавый грек с длинными волосами и полуседой бородой. Он закинул через плечо старый лиловый плащ и в руке держал несколько исписанных папирусовых свитков. Он не выказывал угрюмости и уныния, которыми обычно бывали охвачены рабы, горюющие об утерянной свободе и ожидающие с тревогой нового господина. Наоборот, лицо грека сохраняло и гордость независимого гражданина, и приветливую жизнерадостность. Он охотно, с улыбкой отвечал на вопросы, и перед ним собралось много любопытных, удивленных его необычными ответами на латинском и греческом языках.

Хозяин трех рабов, видимо чужеземец из Малой Азии, с квадратной глянцевитой бородой, в длинной красной одежде, обшитой пестрой тесьмой, выкрикивал нараспев:

— Покупайте великолепных рабов! Дешево! Не упускайте случая!

— Что ты умеешь делать? — спросил надменный толстяк, завернутый в пурпурный плащ.

— Я могу из камня сделать Аполлона,— ответил грек.

— Значит, ты чародей? Или хвастливый безумец? Разве можно сделать всемогущего и прекрасного бога из камня?

— Купи меня, и я тебе покажу, как я это делаю.

— Вероятно, ты ваятель и высекаешь из мрамора изображения бога Аполлона?

Рабовладелец вмешался и стал расхваливать «товар»:

— Это продается мудрейший грамматик[1], философ со сладостной речью. Он с необычайным искусством умеет вкладывать в невинные детские умы добрые правила и священные знания. Все преподавание он будет вести на божественном языке эллинов[2]... Торопитесь купить редкого грамматика, почтенные граждане! Спешите!

Некоторые обращались к «мудрейшему грамматику» с вопросами, что и как он может преподавать, и тот отвечал плавною речью поэтов:

— Все мы рождаемся голыми — раб или знатный властитель.
Ценности нам не дает ни богатство, ни знатность рождения;
Только наука одна развивает и тело и душу.
Сделать могу я из олуха равного Марсу[3] героя...

— Каким же наукам ты учишь? — спросили в толпе.

— Школу начну я с грамматики — строгой науки и точной.
Также гимнастикой тело ребенка развить постараюсь.
Старших учу математике и философии мудрой.
С гордостью мой ученик будет имя носить «человек»...

Слушавшие переглянулись и спросили, сколько стоит такой ученый раб?

— Две тысячи сестерциев[4]! Прямо за бесценок продаю

---

[1] Грамматик — учитель.
[2] Эллин — древний грек.
[3] Марс — бог войны у древних римлян.
[4] Сестерций — римская мелкая серебряная монета.

философа, мудростью достойного Сократа, а знаниями — Аристотеля... А вот еще продается необыкновенная фракийская танцовщица Амика[1]. Она исполняет пляски разных народов, порхает легче нимфы, играет сразу на двух флейтах, поет и рассказывает детям страшные сказки. Кроме того, она умеет ткать, шить платья и печь пирожки! Цена ей всего три тысячи сестерциев. Кто будет показывать ее пляски на площадях, тот в один год заработает в десять раз больше этой цены!..

Танцовщица — «более легкая, чем нимфа», смуглая и обожженная солнцем, с серебряной серьгой в носу, в оборванной тунике — сидела, поджав под себя ноги, и бросала на хозяина и на толпу взгляды, полные ненависти и страха.

— Посмотрите также на этого фракийского мальчика,— продолжал хозяин.— Разве вы встречали когда-либо подобного? По силе и смелости он скоро будет равен самому знаменитому гладиатору[2].

Толстяк в длинной белой тоге[3] захотел осмотреть мальчика. Как дикий звереныш, сидел бронзовый мальчик, встряхивая длинными кудрями, косясь на подходившего к нему покупателя. Когда толстяк, схватив его за уши, попытался заглянуть ему в рот, мальчик отскочил, а покупатель, тряся рукой, закричал во все горло:

— Собака! Змееныш! Он укусил меня за палец!

— Бешеный мальчишка! — смеялись обступившие зрители.— Кто же купит такого звереныша?

— Вот именно купят,— возражал работорговец.— Разве вы не покупаете злобного щенка, чтобы он охранял дом. Так же из этого фракийского мальчишки из горного племени гетов выйдет отличный сторож. А упрямого раба вполне усмиряет ременная плеть с тремя хвостами. Когда же он подрастет, его можно будет показывать в цирке как самого ловкого и смелого гладиатора.

— Сколько же стоит мальчик?

— Мальчишку Гету отдам за тысячу сестерциев и ременную плеть в придачу.

— Ха-ха! — засмеялись в толпе.— Такие деньги может заплатить лишь какой-нибудь богач Красс!

— Красс? Кто упоминает высокое имя достопочтенного

---

[1] Амика — старинное имя; по-латински это слово означает «подруга».

[2] Гладиатор — вооруженный борец, сражавшийся в Древнем Риме на арене цирка с другими борцами или дикими зверями.

[3] Тога — одежда древних римлян, широкая полоса материи, в какую завертывались, как в плащ.

Марка Лициния Красса? — пропищал тонкий женский голос.

Все оглянулись, но ни одной женщины поблизости не было, а перед рабами появился странный человек. У него было лицо старой женщины, желто-лимонного цвета, с отвислыми сморщенными щеками. На руках блестели драгоценные золотые браслеты. Одет он был в персидскую шафранную одежду, затканную зелеными и малиновыми цветами. Перед ним шел, грубо раздвигая копьем толпу, рослый воин. Сзади следовал полуголый раб-эфиоп, державший в одной руке белую шерстяную тогу, в другой — окованную железными скобами деревянную шкатулку.

— Разве никто не сказал про Красса? — продолжал незнакомец.— Конечно, всемогущий богач Красс купил бы хороших, усердных рабов, не задумываясь над тем, сколько они стоят. Я куплю и этих трех рабов и еще сотню-другую годных для работы на полях, очень крепких, самого высшего качества, которые могли бы заменить лошадей, но, конечно, не за такую чрезмерную цену. Ведь теперь наши непобедимые полководцы постоянно приводят с войны толпы пленных, которых можно купить на рынке дешевле, чем свиней или баранов.

Продавец подбежал и, заглядывая в глаза богатому покупателю, с клятвами прижимая руки к груди, стал назначать цену, постепенно ее снижая. Торг продолжался долго. Наконец они договорились. Эфиоп отсчитал из шкатулки две горсти золотых и серебряных монет и бросил их на разостланный на подмостках плащ. Покупатель взял в руки конец камышовой веревки, на которой в числе других рабов были также привязаны за шею греческий философ-грамматик, танцовщица и кусающийся мальчик.

Затем их отвели за город, на дорогу, вдоль которой стояли закоптелые кузницы. Здесь рабов сковали цепями в группы по нескольку человек. Окруженные стражниками и погонщиками, рабы с протяжной песней направились на север. Им предстояла далекая дорога в столицу Италии Рим.

Четверо рабов несли на носилках человека с женским тонким голосом. Это был доверенный казначей богатейшего в Риме патриция[1] и землевладельца Красса.

Дорога вскоре углубилась в горы, и в скалах гулко отдавалась старинная песня рабов — гребцов на кораблях:

---

[1] Патриций — представитель высшего римского сословия.

«Не ждите нас, отец и мать,
Вам сына больше не видать.
Ударь веслом, ударь еще,
Сильней назад откинь плечо!..
Бежит зеленая волна,
Все дальше наша сторона...
Ударь веслом, ударь еще,
Сильней назад откинь плечо!..»

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Караван двигался медленно, несмотря на понукания погонщиков. Рабы, больные или с плохо зажившими ранами, не могли идти быстро и задерживали остальных. Они уже не были голыми, как на рынке в день продажи. Одни надели свои прежние нарядные одежды, в которых их захватили в плен, другие завернулись в разное тряпье, поэтому толпа была самая пестрая. Здесь были представители разных народов и племен, но у всех был один признак рабства: цепи и выбритая половина головы.

Особенное внимание встречных привлекала большая группа странно одетых рабов: длинные, до пят, штаны из лошадиной шкуры, короткие рубашки из грубой льняной ткани, доходившие до пояса, на головах шапки из лисьего меха со свисавшими сзади пушистыми хвостами.

— Глядите, вот они, фракийцы! — кричали, указывая на этих рабов, жители встречных селений.— С этими фракийцами наши войска уже несколько лет ведут войну! Фракийцы живут в горах, не хотят никому покориться, больше всего на свете любят свободу и в бою никогда не отступают...

И все посматривали со страхом и любопытством на плечистых фракийцев, мерно шагавших под заунывную песню и звон цепей на ногах. Мальчик Гета затерялся в этой толпе рабов, в которой к концу дня все становились одинаково серыми от пыли. Гета шагал, держась за платье фракиянки Амики. Она его защищала от насмешек, так как мальчик, когда его дразнили, легко приходил в ярость.

По вечерам караван останавливался на площади встречного города или за оградой селения. Всех рабов сгоняли возможно ближе друг к другу, а вокруг зажигали костры: всю ночь часовые сторожили, чтобы никто из рабов не сбежал.

На полпути караван сделал остановку в одной усадьбе, принадлежавшей владельцу множества рабов, богачу Крассу.

Там на холме раскинулась роскошная мраморная вилла[1], украшенная красивыми статуями и окруженная редкостными фруктовыми деревьями.

Надсмотрщики разбили на группы бо́льшую часть рабов и каждой объявили:

— Вы будете Лопатами, вы — Мотыгами, а ты — Сохой, ты — Воротом у колодца, ты — Бороной, а ты — Тачкой...

Фракийцы, как самые сильные, были объявлены Мельничными жерновами и Кирками, ломающими камни[2], и им предстояло пойти в разные стороны: одним на мельницы вертеть жернова, другим — в каменоломни вырубать глыбы мрамора, из которого потом строились для богачей прекрасные виллы и высекались статуи.

Грустно расставались фракийцы друг с другом, в знак прощания протягивая руки ладонями кверху. Они не предчувствовали того, что скоро им придется снова встретиться.

СМЕРТНИКИ

Остальная часть рабов двинулась дальше на север и через несколько дней пути ранним утром подошла к воротам большого и богатого города Ка́пуи. Гета, Амика и греческий философ были в этой группе. Так как караван всю ночь гнали без отдыха и без еды, то все, дойдя до стен города, без сил попа́дали на землю.

Ворота были еще закрыты, и перед ними собирались поселяне, которые на ослах и мулах привезли для продажи овощи, кур, овечий сыр и другие продукты.

— Скоро ли откроются ворота? Долго ли будет сторож спать? — кричали поселяне и стучали посохами по тяжелым, окованным железом воротам.

В стене рядом с воротами была темная дыра. В ней в течение многих лет жил сторож-раб, прикованный цепью.

— Кто там стучит в ворота? — закричал сторож.— Еще жрецы бога Аполлона ждут, еще не прозвенели бронзовые щиты, возвещая восход солнца. Перестаньте стучать, не мешайте мне спать! Единственная моя радость — сон, и его у меня отнимают! А во сне я вижу мою далекую родину...

Так как недовольные поселяне продолжали стучать, то

---

[1] Вилла — загородный дом, дача.

[2] В те времена рабов часто называли не по имени, а по тому орудию, которым каждый работал: «Лопата», «Соха» и т. д. О них говорили: «Раб — это говорящее орудие».

ворчание усилилось, и из дыры вылезло на четвереньках странное существо. Это был сторож. Длинные спутанные волосы свешивались до земли, закрывая лицо. На теле клочьями висели обрывки звериных шкур. Широкое железное кольцо охватывало поясницу, и от него тянулась длинная цепь к кольцу в стене. Прыгая на четвереньках, раб бросился к стучавшему в ворота. Тот отбежал, а сторож стал браниться, вставляя слова на непонятном языке. Остальные поселяне загоготали:

— Догони его, Цербер[1], загрызи его!

— Не могу, цепь не пускает,— ответил сторож, оставаясь на четвереньках,— а то бы я поймал бездельника, хоть ноги мои и перебиты.

— А за что тебе перебили ноги?

— За что? За то, что я хотел убежать к себе на родину.

— И давно ты здесь сторожишь?

— Лет тридцать или побольше. Я молодой был, усы едва только показались, а теперь я совсем побелел. Но я все-таки убегу в родную деревню, на руках уползу, а не останусь здесь с этими тиранами! — и он погрозил костлявым кулаком в сторону города.

Внезапно среди поселян произошла суматоха, нагруженные ослы шарахнулись, куры закудахтали, все с криками бросились в стороны:

— Смертники! Берегитесь, смертники идут!

По дороге в облаке пыли приближалась толпа. Позвякивало оружие, в лучах восходящего солнца вспыхивали отточенные острия копий и начищенные бляхи панцирей.

Окруженные воинами, шли по четыре в ряд стройные, сильные люди. Они были в коротких цветных туниках, красных или шафранных. Закованные в цепи, они все же шли бодро, смело оглядывая встречных, которые сторонились при их приближении.

— Кто это такие?

— Осужденные на смерть, гладиаторы. Их всех покажут зрителям в цирке; там они сразятся с дикими зверями: львами, медведями и свирепыми быками. Или же они будут драться друг с другом отточенными мечами, пока один не убьет другого.

Амика, увидев гладиаторов, вскочила, вглядываясь в них:

---

[1] Цербер (Cerberus) — страшная трехголовая собака, сторожившая, по верованиям древних греков и римлян, выход из Аида — царства мертвых.

— Смотри, Гета, я узнаю среди них наших фракийцев! Видишь, впереди идет стройный, молодой? На груди у него нарисован барс, схвативший лошадь. Этот знак носят юноши нашего горного племени. Видишь его загорелое лицо? Вот он смеется, не думая о скорой смерти... Наверное, это храбрейший из храбрых! Три года назад римские собаки захватили в плен много наших молодцов.

Стройный гладиатор, на которого указала Амика, быстро вышел из рядов и схватил за уши испуганного ослика, за которым бежал старый крестьянин.

— Пожалуйста, возьми, кушай, что хочешь! — говорил старик.— Тебе ведь жить недолго.

Гладиатор взял из корзины два яблока и хлебец и с добродушной улыбкой, зазвенев цепью, похлопал старика по плечу:

— Кто знает, кому из нас суждено дольше прожить?

Так как ворота были еще закрыты, гладиаторы остановились и опустились на землю около дороги.

Амика попыталась пробраться к гладиатору-фракийцу, но надсмотрщик рабов грубо схватил ее за плечо и отшвырнул, хлестнул бичом. Гета, увидя, что бьют его друга, прыгнул, как кошка, на спину надсмотрщику и вцепился зубами ему в шею.

— Глядите, какой волчонок! — закричали кругом.— И этот верзила не может стряхнуть его! Ай да молодчина!

Фракиец-гладиатор заметил борьбу надсмотрщика с мальчиком, которого тот скинул на землю и пытался задушить. Мгновенно отстранив стражников, смертник бросился к надсмотрщику и выхватил у него висящий на поясе меч. Все разбежались в стороны, а надсмотрщик, закрыв лицо руками, ожидая смерти, упал на землю.

Фракиец поднял полузадушенного мальчика и сказал Амике:

— Иди за мной! Я вижу, ты нашего племени.

Побледневший, но гордый и готовый к схватке, он направился обратно к своим товарищам-гладиаторам. Все кругом затихли, ожидая, что будет. Воины подходили к нему с копьями наперевес. Фракиец бросил меч в ту сторону, где все еще лежал на земле надсмотрщик. Меч блеснул в воздухе и воткнулся острием в землю возле его головы. Владелец гладиаторов уже бежал к месту столкновения. Толстяк со старушечьим лицом, казначей Красса, тоже соскочил с носилок и со страхом, прячась за своих надсмотрщиков, подходил к гладиаторам.

— Кто посмел тронуть рабов преславного Марка Лициния Красса? Вы все, все ответите за это!

— Не пищи, старушонка! — закричали гладиаторы.— Не вмешивайся не в свое дело, иначе мы устроим гладиаторские игры здесь сейчас и убьем и тебя и всех твоих подлых помощников!

Внезапно бросившись вперед, они схватили оторопевшего казначея и притащили его в свои ряды.

— Отныне это моя сестра, а это мой брат! — указывая на Амику и Гету, сказал казначею гладиатор-фракиец.— И если ты захочешь отнять их у меня, то я рассеку тебя на два ломтя, как тыкву!

Ланиста[1], низко кланяясь, подошел к казначею Красса, дрожавшему от страха, и стал торопливо объяснять ему:

— Это наш лучший гладиатор; до сих пор ни один воин не смог на арене победить его. Цирк всегда полон, когда объявлено, что он будет выступать. На что тебе эти девушка и мальчик? Продай их мне. Я дам хорошую цену.

Казначей, заикаясь, боясь, что смертники его разорвут, тотчас согласился на продажу. Ланиста передал ему кожаный мешочек с монетами.

— Половину нам! — закричали смертники.

Трясущимися руками казначей отсыпал половину содержимого кошелька гладиаторам и, придерживая длинную одежду, поспешно направился к носилкам.

— Меня зовут Спартак! — сказал фракиец Амике.

Высоко на стене прозвенели бронзовые щиты, в которые ударяли жрецы бога Аполлона, и хромой сторож прополз к воротам. Он открыл их большим заржавленным ключом, висевшим у него на поясе, и вся толпа, теснясь, двинулась внутрь города.

В ШКОЛЕ ГЛАДИАТОРОВ

Наступила весна. Акации зацвели и казались осыпанными снегом. Проливной дождь залил все дороги. Сторож у ворот Капуанской школы гладиаторов, завернувшись в заплатанный порыжелый плащ, спрятался в нишу стены. Виден был только его нахлобученный помятый бронзовый

---

[1] Ланиста — гладиаторы находились в собственности какого-либо лица, за деньги показывавшего их в цирке. Обычно такой владелец, также учитель и начальник, назывался «ланиста»; это слово означает и «учитель фехтования».

шлем с тремя выцветшими красными перьями и копье, крепко схваченное корявыми пальцами.

Обходя лужи, засыпанные белыми лепестками акаций, к воротам приблизилась молодая смуглая женщина. Ее красная одежда и серебряная серьга в ноздре показывали, что это была рабыня из «варварского» восточного племени. Она остановилась около сторожа, прислушалась к его храпу и нерешительно прислонилась к стене.

Вскоре из ворот показалась кудрявая голова черноглазого мальчика. Он посмотрел по сторонам и, заметив женщину, проскользнул к ней:

— Амика, я несколько раз выходил и решил уже, что в такой дождь ты не придешь.

— Спасибо, милый Гета. В награду получи горсть орехов. Передай Спартаку этот хлеб. Только смотри передай ему в руки, никому другому не давай! И еще здесь вареная с луком баранья голова. Скажи ему, что надо очень спешить: представление в цирке назначено через восемь дней. Уже всюду по городу объявлено, что «непобедимый гладиатор-фракиец Спартак будет драться с непобедимым гладиатором-галлом Криксом!»

— Я ему все скажу, Амика.

— Каждый раз, когда бывает бой в цирке, я умираю от страха, не зная, увижу ли я его в живых. Помни: хлеб передай ему прямо в руки!

Раскатистый удар грома разбудил сторожа, он вскочил и, поправив съехавший на сторону шлем, уставился на Амику.

— Ты опять пришла сюда? — хрипло закричал он.— Теперь никакие свидания ни с кем не разрешаются. Уходи прочь! Увидишь его на арене цирка.

Гета, спрятав под плащом узелок с едой, пробрался обратно в ворота.

Он пробежал через широкий квадратный двор. По сторонам его в открытых дверях грязных казарм толпились разноплеменные гладиаторы: галлы в плотно прилегающих одеждах, бородатые скифы в пестрых шароварах, чернокожие нубийцы с ожерельями из мелких белых раковин, бледные сирийцы в полосатых плащах. Все это были военнопленные, не имевшие за собой никакой вины, кроме одной: они защищали родину от римских войск и попали в плен.

Гета прошел в ту казарму, где находились фракийцы. Большие, загорелые, с вьющимися волосами, заплетенными в две косы, фракийцы сидели на полу на рваных под-

стилках: одни чинили медными иглами одежду, другие играли в кости, некоторые, обняв колени и раскачиваясь, тянули хором заунывную песню.

У всех фракийцев на груди, плечах и спине виднелись наколотые синей краской изображения звезд, орлов или диких зверей. Этими рисунками они отличались от гладиаторов других племен.

Не найдя здесь Спартака, мальчик направился в другую сторону, но, услыхав по пути знакомое имя, невольно остановился.

Гета понимал язык многих гладиаторов. Уже второй год он жил в школе, владелец которой хотел воспитать и из него ловкого гладиатора. Он научился немного говорить по-галльски и по-нумидийски[1] и даже на языке черных нубийцев.

— Спартака надо убить! — говорили в одной группе галлы.

— Он самый сильный и ловкий из нас, мы не можем с ним бороться. Надо его подстеречь, навалиться толпой и задушить петлей!

— Сделаем это сегодня...

Испуганный Гета побежал дальше, чтобы рассказать все Спартаку. Мальчик любил его. Спартак делился с ним и хлебом, и луком, и виноградом, защищал его от обид. Не раз, указывая на рисунок скачущего коня, наколотый на груди мальчика, Спартак говорил ему: «Это наш фракийский конь, и ты, мальчик из смелого племени гетов, тоже нашей крови».

Не найдя нигде Спартака, мальчик поднялся на наружную каменную стену, и там он нашел своего друга. Спартак сидел на камне, не обращая внимания на дождь, смотрел вдаль на синие, еще покрытые снегом зубчатые вершины гор и что-то бормотал.

— Спартак, очнись! Спартак! — шептал мальчик, тряся того за плечо.

Спартак повернулся к нему. По загорелому лицу его текли капли дождя.

— Не оставайся здесь один, иди к нашим фракийцам!.. — твердил Гета.

— Посмотри-ка туда, вдаль, мальчик! — сказал Спартак, не обращая внимания на его слова.— Я с детства привык бродить по таким скалистым вершинам, где встре-

---

[1] Нумидийцы — племена коренного населения Северной Африки, жившие тогда на территории современного Алжира.

чался только с легконогой дикой козой и могучим медведем. Вот теперь с этой стены я вижу синие дали, и они зовут меня прочь из этой клетки — к горным ветрам и ледникам над обрывами. Бедный сирота, ты растешь в каменных подвалах тюрьмы и не знаешь, как хороша свобода!

— Спартак! Тебе грозит беда!.. — и Гета передал услышанный разговор галлов.

Спартак внимательно слушал. Его брови сдвинулись. Он вскочил, сжав кулаки.

— Безумцы! Слепые кроты! Разве моя смерть спасет их от смерти в цирке? — Он вытер полой плаща лицо и положил сильную руку на плечо Геты.— Ничего! Как-нибудь сговорюсь с ними. Что дрожишь? Ты не заметил, приходила ли Амика?

— Да, я видел ее, она посылает тебе вот это.

Спартак развернул сверток и радостно схватил продолговатый ячменный хлеб; баранью голову он передал обратно мальчику.

— Это тебе. Мне рассказывал мой учитель-грек, что древние герои кормили своих маленьких детей бараньими мозгами, чтобы они делались сильными. Съешь эту голову, может быть, и ты станешь героем.

— Вот они идут! — воскликнул мальчик.

По стене цепью пробирались галлы. Впереди шел молодой галл Крикс, стройный, широкоплечий, с мощными руками, цепкими, точно клешни морского рака.

Спартак насвистывал, прислонившись к выступу стены.

Стена была узкая — одновременно мог идти только один человек. Но внизу, под стеной, собралось несколько десятков галлов. У них в руках были камни. Слышались угрозы:

— Крикс, сбрось его к нам!

— Далеко ли собрался? — с насмешкой крикнул Спартак.— Не торопись! Я знаю, зачем ты идешь. Но сперва выслушай меня, Крикс: всех нас ждет одна участь — мы все умрем на арене для потехи толпы.

— Бей его! — раздался голос снизу.— Не слушай, он хочет тебя перехитрить!

— Крикс, остановись! — Спартак отступил назад, разломил пополам хлеб и выхватил запеченный в нем кинжал. Держа его в одной руке, Спартак другой рукой протягивал хлеб.— Лучше разделим этот хлеб в знак дружбы. Ты, Крикс, храбр и силен. Поклянемся сломать нашими руками ворота тюрьмы и пробиться в эти синие горы! Там

скрывается много свободных беглецов. Лучше умереть на воле в борьбе за свободу, чем в цирке избивать своих же друзей. Вы видели, как на желтой арене падают на песок раненые наши товарищи,— разве у всех нас не одинаково красная кровь? Римляне нарочно подстрекают один народ против другого — фракийцев против галлов, сирийцев против самнитов, чтобы мы яростней дрались на арене для потехи праздных богачей. Они ведь нас боятся и хотят самых смелых из нас уничтожить. Но если мы объединимся, мы заставим задрожать от ужаса даже могучий Рим! Мы поднимем на борьбу всех рабов Италии. Бежим отсюда!..

Галлы внимательно слушали. Некоторые уронили камни.

— Но как достать оружие? — раздались неуверенные голоса.

— Оружие мы добудем! — воскликнул Крикс.— Ты прав, Спартак, и я рад, что ты с нами, а не против нас. Вот тебе моя рука навеки! В знак дружбы я беру половину твоего хлеба и буду отныне делить с тобой все — и радость и горе. Кто пойдет с нами биться за свободу? Подготовимся к побегу!

— Будьте осторожны, не проговоритесь! — заметил Спартак.— За попытку бегства — раба ждет казнь!..

СМЕЛЫЙ ПОБЕГ

В эту ночь около двухсот гладиаторов, главным образом галлов и фракийцев, когда остальные гладиаторы спали, бесшумно поднялись и направились к воротам. Только у немногих были простые ножи и железные вертелы, похищенные из кухни. Остальные имели деревянные мечи, обшитые кожей, и копья с деревянными наконечниками. Такие мечи и копья служили в школе для упражнений.

Навстречу смельчакам уже бежали предупрежденные кем-то сторожа с пылающими факелами, а за ними спешили римские легионеры[1] с обнаженными мечами.

— Назад, бунтовщики! — кричал начальник школы.— Избивайте их!

Римские воины набросились на безоружных гладиаторов.

— Не отступайте! Вперед к свободе! — кричали Спар-

[1] Легионеры — воины римского войска.

так и Крикс. С помощью других подоспевших гладиаторов они распахнули тяжелую, окованную дверь.

Но только семьдесят восемь человек прорвались на волю и выбежали в поле. Остальные были частью перебиты, частью загнаны в темные подвалы, и ворота опять закрылись.

Ничто теперь не могло остановить смелых беглецов. Упорно они пробирались вперед через рощи и поля, направляясь на юг, где в тумане вырисовывались далекие горы. На рассвете им попался обоз с оружием. С радостью набросились гладиаторы на повозки и расхватали все, что только могло пригодиться для боя.

— И мы пойдем с вами! — заявили рабы — погонщики обоза.

Лошади и мулы были выпряжены, на них посадили тяжелораненых, и весь отряд спешно продолжал путь к югу, пробираясь проселочными тропинками, избегая главных дорог.

К вечеру нужно было сделать остановку. Гладиаторы падали от усталости. Спартак указал на мраморную виллу, стоявшую уединенно на холме. Вилла принадлежала знатному богачу, обычно проводившему в этом поместье летние месяцы. Оливковые и кипарисовые рощи окружали ее, а на склонах холма множество рабов, звеня железными цепями, вскапывали землю виноградника.

— Мы заночуем здесь, в этой вилле,— сказал Спартак.— А эти труженики,— указал он на рабов,— конечно, завтра же будут нашими лучшими товарищами.

Гладиаторы поднялись на холм. Вокруг поставили часовых. В подвалах нашлись запасы копченых окороков, большие круги сыра и запечатанные кувшины старого вина.

В этот вечер беглецы избрали трех начальников: фракийца Спартака и галлов Крикса и Эномая[1]. Главным начальником отряда был избран Спартак.

Ночью поднялась тревога. К вилле кто-то подъехал. Часовые схватили под уздцы взмыленного, усталого коня; с него соскочили молодая женщина и мальчик.

— Свои, свои! — кричал детский голос.— Где Спартак?

— Амика! Гета! Как вы нас нашли? — спрашивали часовые.

— Во время вашего боя я спустился по веревке со стены,— объяснял Гета.— Я побежал в город и разыскал Амику. Мы решили, что вы никогда не вернетесь назад,

---

[1] Эномай вскоре погиб.

и поэтому вместе пошли на юг вас догонять. По пути встречные рабы на полях только и говорили о восстании гладиаторов в Капуе и о том, как бы им присоединиться к вам. Мы с Амикой отбили коня из табуна какой-то виллы. Теперь уже мы никогда не расстанемся с вами!

Рано утром к вилле сошлись десятки рабов со всего поместья. Они разбивали цепи на ногах, железные кольца на шее и просили оружия. Некоторые явились с топорами, косами, кузнечными молотами.

— У кого нет оружия, берите острые колья, ими мы будем бить врагов! — говорили гладиаторы.

— Освободите тех рабов, которые сидят под землей! — умоляли пришедшие рабы виллы.

Спартак в сопровождении дрожащего от страха управляющего поместьем спустился в подземную тюрьму, где в сырых, смрадных подвалах содержались непокорные или провинившиеся рабы. Закованные в цепи, они вертели тяжелые жернова, тесали камни для фундаментов, выполняя непосильную работу.

Рабы не верили своему счастью, когда Спартак приказал кузнецам разбить их цепи.

Спартак не медлил и быстро двинулся дальше. К вечеру отряд был уже в окрестностях приморского города Неаполя и опять остановился в богатом поместье. Всюду по пути рабы толпами присоединялись к восставшим. В несколько дней отряд возрос до двух тысяч человек. Спартак, опасаясь погони, торопился увести беглецов возможно дальше.

В одном месте дорогу им преградил отряд конных стражников. Молодой римлянин в серебряном вооружении, сдерживая горячего коня, украшенного шкурой леопарда, издали кричал запыленным, усталым гладиаторам:

— Назад, бродяги! Остановитесь! Именем сената[1] объявляю вам: если вы выдадите зачинщиков восстания, то все получите прощение. Опуститесь на колени и поднимите вверх большой палец левой руки. Я обещаю, что тогда мы вас не тронем!..

Стоявшие впереди гладиаторы с такой яростью бросились на стражников, что те рассыпались во все стороны и ускакали. Начальник был сбит камнями на землю. Гладиаторы подвели его коня к Спартаку. Тот сорвал с коня позолоченную сбрую и отбросил ее прочь. Себе он оставил только шкуру леопарда.

---

[1] Сенат — в то время высший правительственный орган Рима.

— Борцы за свободу не станут себя украшать тем золотом, ради которого римляне проливают столько крови! Вот эта шкура будет мне чепраком[1], она же мне будет постелью!

В КРАТЕРЕ ВЕЗУВИЯ

Впереди на бирюзовом небе вырисовывалась темная вершина горы Везувий.

— Мы разбудим эту гору[2], которая спит уже тысячу лет,— говорили рабы.— На ее вершине вспыхнет яркое пламя восстания и разольется по всей Италии.

Отряд прошел мимо города Неаполя. Всюду по дорогам мчались повозки, нагруженные драгоценной финикийской мебелью, коврами и другим имуществом. Богачи бежали из своих поместий, где рабы восставали, услыхав призыв Спартака. В городах при известии о приближении гладиаторов запирались ворота и на стенах выставлялась стража.

Спартак повел отряд гладиаторов прямо на Везувий. Единственная тропинка вела на его вершину.

У подножия горы раскинулись роскошные сады, виноградники и оливковые рощи. Среди них белели мраморные виллы. Три городка лежали рядом. Один из них был расположен на самом берегу. В его гавани покачивались стройные корабли-галеры с косыми парусами. Чем выше поднималась тропинка, тем шире и беспредельнее раскрывалось перед взорами синее море.

— Быть может, скоро и у нас будут корабли, которые отвезут нас из этой жестокой, беспощадной страны,— говорили рабы.

Ближе к вершине горы местность становилась все суровее: виноградники сменялись глубокими, мрачными ущельями, где были нагромождены зубчатые черные скалы и странного вида застывшие глыбы темно-красной лавы.

Достигнув вершины горы, гладиаторы увидели глубокую впадину среди скал, заполненную водой.

Нагроможденные обломки скал напоминали окаменевших чудовищ, и все это походило на остатки грандиозного

---

[1] Чепрак — подстилка на спине лошади, заменявшая седло.

[2] Везувий в то время считался навеки потухшим вулканом; его извержение произошло только через 150 лет после восстания Спартака; тогда погибли Помпея и другие римские города.

пожара. В то же время между камнями пробивались цветы и плети ползучих растений; столетние виноградные лозы, как змеи, тянулись по скалам, сплетаясь в громадные клубки.

В нескольких местах на тропинке Спартак оставил в засаде часовых. Доступ на гору был очень труден, нападения нельзя было ожидать, и Спартак занялся обучением своего разрозненного и плохо вооруженного войска. Он разбил всех на сотни и десятки, во главе которых были избраны начальники из самых опытных гладиаторов. Они должны были обучить своих товарищей быстрому сбору в одну линию, сомкнутому строю, умению рассыпаться и наступать цепью и другим видам военного искусства по примеру римских войск.

Несколько раз Спартак посылал свои отряды гладиаторов вниз с горы — в цветущие поместья богачей, и товарищи возвращались с мулами и ослами, навьюченными хлебом, плодами и другою едой.

Он отправил также тайных гонцов в большие гладиаторские школы Италии, где томились в ожидании позорной смерти на арене цирка тысячи пленных. Спартак всех призывал к восстанию для борьбы с жестоким Римом.

ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Через несколько дней выход с горы был занят римским отрядом. Это встревоженный сенат выслал три тысячи воинов под начальством опытного командира со строгим приказом: «Разыскать и уничтожить Спартака с его бандой».

Римский военачальник Клодий Пульхр, лежа у костра на пестром ковре, был занят обильным ужином.

— Теперь бунтовщики в моих руках,— объяснял Клодий своим центурионам (сотникам).— Куда может от меня спастись Спартак? Этот грубый гладиатор ловко владеет мечом на арене цирка, но разве он сможет управлять целым войском? Разве благоразумно было взобраться на вершину Везувия, куда ведет только одна тропинка? Мы будем спокойно ждать, пока разбойники начнут подыхать с голоду. Тогда, обессиленные, они сами один за другим спустятся сюда к нам в лапы, и мы будем их хватать, чтобы потом снова показать на арене цирка, где они найдут свою смерть! Они сами притащат мне связанного Спартака! — и Клодий самодовольно поглядывал на лиловую

вершину Везувия, которая темными зубцами вырисовывалась на вечернем оранжевом небе.

В это же самое время Спартак и несколько его товарищей обходили обрывистые края горы, выискивая место, где бы можно было им спуститься. Но скалы были отвесны, и всюду виднелись глубокие ущелья, над которыми летали громадные орлы.

— Вот наше спасение! — воскликнул Спартак и приказал всему отряду рубить лозы одичавшего винограда и связывать их вместе ивовыми прутьями.

Вечером и всю ночь при свете костров гладиаторы упорно плели висячую лестницу из гибких длинных ветвей.

Перед рассветом лестница была осторожно спущена в пропасть... На конце лестницы был привязан камень весом более тяжести человека, чтобы испытать ее прочность.

Первым вызвался спуститься маленький Гета. Темная бездна разверзлась под смелым мальчиком. Казалось, лестнице не будет конца; ветер раскачивал неуклюже связанные виноградные лозы. Наконец Гета достиг дна и свистнул два раза, что означало благополучный спуск.

За ним последовали другие воины. Долго продолжалось это опасное путешествие. Последний сперва спустил на веревке оставшееся оружие. Это был великан Крикс. Лестница тревожно скрипнула под его грузным телом.

Римляне, уверенные в своей безопасности, беззаботно храпели внизу другой стороны горы. Часовые сонно следили за тропинкой, ожидая, что скоро появятся первые перебежчики, измученные голодом.

Вдруг среди ночи часовые подняли тревогу и вызвали начальника Клодия. Им послышались шум и шаги на тропинке, у кого-то из-под ног скатывались камни. Клодий с мечом в руке всматривался в темноту.

— Стой! Ни с места! — закричал передний часовой.

В ответ раздался дикий рев, и на свет костра вышло несколько ослов.

— Смотрите! — воскликнул часовой,— у этого осла на шее повешена доска, на ней что-то написано!

Один из воинов прочел:

— «Мудрому и смелому Клодию Пульхру. Ослы, оставшиеся на вершине Везувия, умоляют о прощении и просят их накормить. Спартак»...

— Это хороший знак,— сказал один сотник, желавший понравиться начальнику.— Гладиаторы самих себя назвали ослами за то, что подняли бунт. Они, вероятно, умирают с голоду и просят о прощении!

В то время как начальник Клодий Пульхр и его надменные помощники смеялись над тем, что «грязные бунтовщики умирают от голода и страха на горе», Спартак со своими смелыми товарищами в темноте подкрадывался к римскому лагерю.

В полной тишине, нарушаемой только шорохом крыльев испуганной птицы или хрустом сухой ветки, рабы приближались к безмолвному лагерю противника.

С воинственными криками они внезапно напали на спавших римских солдат. Клодий Пульхр первый ускакал на испуганном коне без чепрака и сбруи. Легионеры, охваченные ужасом, побежали от нападавших, не думая о защите. Весь римский лагерь, со всем оружием, амуницией и припасами, достался Спартаку почти без боя.

ПРЕРВАННЫЕ ИГРЫ

В Риме происходили очередные празднества.

Громадные объявления, написанные краской на стенах домов, обещали исключительное зрелище в большом цирке: «Охота львов на диких быков», «Бой десяти скифов с десятью свирепыми медведями», «Состязание в скорости нумидийских всадников с «заморским воробьем»[1], у которого ноги длиннее лошадиных, шея похожа на копье, в хвосте всего одно перо и любимая пища которого — камни, гвозди и медные монеты».

Кроме того, были обещаны комические представления веселых канатоходцев, глотателей огня, прыгунов, фокусников и танцоров. Наконец, объявлялись гладиаторские игры — сражения между карликами и борьба трехсот пар обученных воинов.

Представление продолжалось целый день. Бои гладиаторов были жестокие. Напрасно раненые отбрасывали щиты и поднимали пальцы левой руки, прося пощады. Возбужденные кровавым боем зрители кричали: «Добей его!» — и опускали вниз большой палец правой руки, требуя этим смерти побежденного.

— Никакой пощады гладиаторам! — говорили богатые зрители.— Скоро Клодий Пульхр приведет сюда в цепях Спартака и его дерзких товарищей. Посмотрим, как они на арене перебьют друг друга!

---

[1] «Заморским воробьем» назывался у римлян африканский страус.

В то время как слуги разносили по рядам зрителей подносы с различной едой и начиналась свалка среди желавших получить даровое угощение, в мраморную ложу, где сидели два консула[1], вошел запыленный гонец.

Почтительно склонившись и протянув руку вперед, гонец передал свиток, перевязанный красным шнурком с восковой печатью.

— От кого письмо? — лениво протянул консул, занятый боем на арене.

— От Клодия Пульхра.

Сенаторы и другие окружающие в ложе следили за выражением бритого морщинистого лица консула, пока тот читал письмо. Он не мог сдержать волнения. Наклонившись к другому консулу, он, задыхаясь от бешенства, шептал:

— Неслыханный позор! Рабы, вооруженные кольями, разбили и разогнали весь отряд Клодия Пульхра! Он сам едва спасся. Весь лагерь, все оружие попало в руки грязных оборванцев!

— Но ведь это уже грозит безопасности Рима! — воскликнул второй консул.— Теперь Спартак может идти куда угодно, собирать новые силы, бунтовать рабов... Где Клодий Пульхр?

— Он укрылся в загородной вилле и пишет оттуда, что посыпал голову пеплом, сидит закутанный в плащ, обливаясь слезами, отказываясь от еды.

— Какая нам польза от того, плачет он или нет? Надо предать его суду и казнить! Надо спешно созвать новые войска, назначить смелого начальника, чтобы немедленно же затушить это опасное пламя, зажженное дерзкими разбойниками.

— Сколько воинов было у Клодия Пульхра?

— Три тысячи легионеров.

— Мы пошлем шесть тысяч. Мало? Пошлем десять тысяч воинов, но мы разгромим Спартака!

— Кого послать?

— Пошлем старого Публия Вариния. Он опытен в военном деле и смел в нападении. Он не станет ждать, как Клодий Пульхр, чтобы спартаковцы сами попали к нему в руки!

Известие о гибели римского войска распространилось среди зрителей цирка. Всюду упоминалось имя Спартака.

---

[1] Консулы — два высших должностных лица — правители римской республики, избиравшиеся оба сроком на один год.

Волнение докатилось до верхних рядов, где бедняки толпились на галереях. Оба консула и сенаторы внезапно поднялись и удалились из цирка; представление было прервано, и зрители на этот раз не увидели ни бега «заморского воробья», ни боя скифов с медведями.

В ЛАГЕРЕ СПАРТАКА

На склоне горы, откуда открывался вид на плодородные поля Кампании и темно-синее море, раскинулся лагерь Спартака. Глубокий ров шел вокруг, за ним поднимался вал. Отдельный отряд стоял на главной дороге между Неаполем и Римом и перехватывал все транспорты с хлебом, направлявшиеся с юга, привозимые с острова Сицилия.

Среди шалашей, сплетенных из ветвей, на узкой площадке была растянута на нескольких кольях пестрая конская попона. Она защищала от дождя и ветра. Тут жил Спартак. Он сидел на шкуре леопарда и обломком кирпича чистил свой меч. Около костра Амика, опустившись на колени, наблюдала за бронзовым котлом, в котором варились репа и кусок баранины.

К Спартаку подошел Крикс:

— Почему ты не перейдешь для ночевки в виллу? Патриции умеют жить в свое удовольствие. В вилле мы найдем и бассейны для купания, и мягкие пуховые подушки, и прохладные комнаты, полные прекрасных мраморных статуй!

Спартак тряхнул кудрями и засмеялся. Молодое загорелое лицо его с серебряной серьгой в левом ухе больше напоминало лицо горного пастуха, чем предводителя войска.

— Вот какую песню ты запел! Но в вилле мы скоро отрастим себе животы и забудем, как рубиться мечами. На что мне вилла? Она мне кажется западней. У нас, фракийцев, есть поговорка: «Кто имеет конскую попону, тот уже имеет дом. А у кого еще есть баранья шкура — у того теплый дом с крышей».

— Разве ты не хочешь дать отдохнуть товарищам? Они ведь страдали столько лет!

— От кого я слышу такие позорные слова? — Спартак вскочил и взмахнул мечом.— Для того ли мы пошли на опасности и смерть, чтобы отдыхать в римских виллах? Впереди страшные бои, к ним надо готовиться, не теряя ни одного часа. Если мы теперь разбредемся по виллам, богачи

и их прихвостни перережут нас, как поросят. Надо создать такое войско свободных и смелых, которое бы и по силе и по выучке не уступило римским легионам и могло бы разгромить надменных тиранов Рима.

Крикс бросился к Спартаку и обнял его:

— Ты, конечно, прав, мой смелый друг! Прости мне слова минутной слабости. Будем наготове!

В это время прибежали разведчики с поста, стоявшего на перекрестке дорог:

— Вдали туча пыли. Движется большой отряд. Мы сбили с коня передового римского всадника. Он сказал, что приближается десятитысячное войско под начальством Вариния. Римляне разослали по всем дорогам отряды легионеров, которые хотят окружить нас...

Спартак отвязал коня, стоявшего близ навеса, накинул ему на спину шкуру леопарда и туго затянул подпругу. Он закутался в короткий шерстяной плащ, взял три копья и легко вскочил на коня, готовый помчаться в ту сторону, откуда приближались римляне.

Со Спартаком отправились несколько пастухов, хорошо знавших местность, и мальчик Гета, никогда не покидавший своего старшего друга.

Всадники пробрались тропинками среди виноградников и поднялись на холм. Оттуда они увидели вдали огромный квадратный лагерь римских легионеров. Правильными рядами горели костры. Одни воины расставляли палатки, другие кирками копали ров и позади него возводили прочный защитный вал с частоколом.

— Нужно подойти ближе и подслушать,— сказал Спартак,— долго ли они намерены здесь стоять?

— Мы отправимся на разведку,— решили пастухи, соскочили с коней и бесшумно исчезли в кустах.

— Позволь и я отправлюсь с ними! — воскликнул Гета.— Я, как тонкий уж, всюду пролезу!..

Спартак пристальным взглядом окинул мальчика:

— Попробуй, но будь осторожен.

Гета передал повод коня оставшемуся пастуху и направился по узкой тропинке сквозь густые заросли.

В ПЛЕНУ

Гета пробирался между рядами виноградных лоз; длинные каменные заборы часто преграждали путь. Он осторожно перелезал через них, опять нырял в густые зеленые

ветви, придерживаясь тропинки, проложенной шакалами и лисицами.

В одном месте пришлось ползти на четвереньках. Вдруг копье с силой вонзилось в землю около него и пригвоздило край его плаща. Жесткая рука схватила Гету за плечо и куда-то поволокла.

На недавно вскопанной площадке среди высоких кустов потрескивал костер. Два воина сидели около огня и жарили на вертелах куски мяса.

— Кого притащил?

— Лазутчика! Ну, малыш, сядь-ка здесь передо мной и гляди на меня.

Гета опустился на землю.

Перед ним был старый воин. Глубокие морщины избороздили его лицо. Потемневший бронзовый шлем, прихваченный ремнем за подбородок, сполз на затылок. Грубая одежда пестрела заплатами.

Старик пристально посмотрел на мальчика и медленно поднес два волосатых кулака к его носу:

— Вот этот кулак — твоя смерть, а этот — твой гроб. Сейчас же говори правду! Куда шел?

Гета протянул руку и жалобно простонал:

— Дай хлеба!..

Старик заморгал глазами, разжал кулаки и полез в кожаный мешок, лежавший рядом, на обрывке старого ковра. Он достал сухой хлебец, повертел его, разломил и меньшую половину подал мальчику.

Гета сунул кусок хлеба в рот, но от страха не мог проглотить.

— Бунтовщик! Много вас, таких бегунов?

Гета только мотал головой. Непонятно было, хочет ли он сказать «да» или «нет». Один из воинов, держа в руке вертел с дымящимся куском мяса, схватил за ворот Гету и поставил его на ноги:

— Из рабов? Спартаков змееныш! Смотри-ка, Спурий: у него на груди нарисован скачущий конь. Это фракиец! Порасспроси-ка его хорошенько... Попробуй только убежать! Кишки выпущу! — он придавил Гету так, что тот снова присел на землю.

Старик, поймавший мальчика, захлестнул ему шею ременной петлей, конец ремня намотал себе на руку:

— Теперь не убежишь!

Он стал спрашивать Гету: далеко ли бунтовщики, много ли их, хорошо ли кормят? Каков с виду Спартак: правда ли, что он большой, как медведь, и сразу съедает барана?

Гета все мотал головой и мычал.

— Спурий, что ты возишься с мальчишкой? — рассердился другой воин.— Гони его вон, а не корми хлебом!

— А я сделаю его своим оруженосцем. Пускай носит за мной копье.

Вскоре два воина ушли сменять часовых. Спурий остался один с Гетой. Старик, видно, любил поговорить, и так как мальчик упорно молчал, Спурий, поджаривая на угольях кусок баранины, толковал сам с собой:

— Сколько лет я был воином, а где мне награда? Под начальством Суллы я прошел Грецию и Фракию, сжигая города и селения, но, кроме рубцов от ран, ничего домой не принес. А вернувшись, что я нашел дома? Моя хижина покосилась, тростник на крыше обвалился. Жена стала изможденной старухой и не знает, как прокормить внучат. Всю землю отнял богач-сосед и обрабатывает ее с помощью рабов... Нас полководцы убеждают «биться за могилы предков и за родные земли». Все это ложь! У нас, простых воинов, нет своей земли. «У диких зверей есть норы и логовища, а у тех, кто сражается за Италию, нет ничего, кроме света и воздуха»,— так говорил пятьдесят лет назад защитник бедного народа Тиберий Гракх. А разве что-нибудь изменилось с того времени? Мы идем на войну, сражаемся и умираем, чтобы доставить роскошь и богатство немногим патрициям... Если бы у меня было несколько рабов, хотя бы из числа тех, которых во множестве я брал в плен, я бы еще смог оправиться — заставил бы их работать на меня и понемногу бы разбогател! А всех рабов скупают богачи. Нам же, простым воинам, беднякам, и думать нечего получить умелого, обученного доходному ремеслу раба... Теперь призвали старых воинов ловить взбунтовавшихся рабов, а я вот не хочу воевать! Ну, сам посуди, звереныш, как мне пойти в поход? Когда меня призвали и сказали: «Ты пойдешь драться?» — я ответил, что пришел босой. Посмотрели они на мои ноги и выдали мне две старые калиги[1], обе с правой ноги, и одна мне велика, а другая мала...

Гета наблюдал за воином, а сам думал об одном — как бы убежать?

Пришли часовые на смену. Спурий свернул коврик, спрятал его в мешок и потянул Гету за ремень.

---

[1] Калиги — зашнурованные, сплетенные из ремней солдатские сапоги, обычно подбитые гвоздями.

В РИМСКОМ ЛАГЕРЕ

Спурий, прихрамывая, шагал по лагерю и тащил за собой маленького Гету.

— Не самого ли Спартака ты ведешь? — кричали ему воины.— Долго ли ты дрался, чтобы поймать такого щенка?

Спурий прошел по дорожке среди бесчисленных кожаных палаток и остановился у высокого шатра из дорогой восточной ткани. При входе стоял, облокотясь на копье, часовой в полном вооружении. Выпуклый прямоугольный щит был прислонен к ноге.

На ногах воина были калиги. Панцирь защищал грудь и спину. У пояса висел прямой короткий меч. Бронзовый шлем, закрывавший бóльшую часть головы и лица, был ремнем прикреплен под подбородком.

— Чего тебе?

— Важный лазутчик. Скажи начальнику.

Из шатра вышли два воина и остановились по сторонам входа. Они держали на плечах туго связанные ремнями пучки прутьев, в которые были заложены топорища блестящих острых топоров.

Вслед за ними вышел начальник римского войска. Полуседые густые брови нависли над холодными глазами. Выбритое лицо, изборожденное морщинами, было пересечено шрамом от уха до подбородка.

— Где ты поймал этого звереныша?

— Он подползал к нашему лагерю.

— Лазутчик? Прикончить его! — сказал начальник.

— Это фракиец. Вот рисунок коня у него на груди. Пусть его расспросит часовой. Он участник покорения Фракии и говорит по-фракийски.

Часовой спросил:

— Как тебя зовут, щенок?

Гета моргал глазами и молчал, упав на землю.

— Встань, если говоришь с самим начальником, славным Варинием!

— Ты из лагеря гладиаторов? — спросил Вариний.

— Да, я убежал оттуда.— Гета решил, что не скажет врагам ни слова правды.— Меня били и не давали есть.

— Много ли воинов ты видел у Спартака?

— Раньше было много, а теперь осталось мало. Все от него убегают в горы.

— А чего хотят эти разбойники? Уйти или драться?

— Рабы драться не хотят.

— Какой глупый цыпленок — все выболтал! Этот мальчик нам больше не нужен. Его можно заколоть и выбросить псам.

Спурий вмешался:

— Достоуважаемый начальник, гордость и украшение смелых! Я давно хочу иметь оруженосца, чтобы он носил за мной копье и дорожный мешок. Подари мне этого варварского звереныша, и я из него сделаю смелого римского легионера...

— Хорошо, бери!

Так Гета сделался рабом Спурия. Он ходил за ним по всему лагерю, таскал воду из колодца. Но убежать он не мог: вал был высок, всюду стояли часовые и зорко оберегали лагерь; они следили за тем, чтобы не разбегались римские воины.

В первые же дни часть воинов, посланных принести дров в лагерь, самовольно убежала «домой, к своим огородам». Другой отряд отказался пойти в разведку к лагерю гладиаторов. По вечерам, сидя у костров, воины передавали страшные рассказы о Спартаке, который будто бы «ударом меча перерубает человека пополам», и о свирепых фракийцах, которые «едят сырое мясо, в бою никогда не отступают и никого не щадят».

ГДЕ СПАРТАК?

Спурий ударил ногой Гету, который, свернувшись в комок, спал на земле. Гета вскочил, плохо соображая, в чем дело. Утро было прохладное. Восток разгорался. Вокруг шумели воины. Они надевали латы, перекидывали через плечо ремень с мечом в ножнах. Спурий был уже в латах, готовый к походу, держал копье и квадратный кожаный щит с медной шишкой посередине.

Мальчик, дрожа от холода, схватил мешок Спурия.

— Сейчас будет бой,— пробурчал Спурий.— Смотри, от меня ни на шаг, а не то я проткну тебя копьем, как лягушку!..

Голова Спурия скрылась под темным бронзовым шлемом. Почти все лицо было защищено от ударов, и только сквозь прорези видны были недовольные глаза.

Воины, гремя оружием, собирались на площадке возле лагеря и выстраивались ровными рядами. Посреди площадки стоял сложенный из камней жертвенник, на нем дымился огонь. Несколько стариков в длинных одеждах

стояли кругом и по очереди подбрасывали в огонь сосновые ветки. У одного была длинная, до земли, одежда и широкий плащ; концом плаща была закутана голова.

— Это наш главный жрец. Он сейчас предскажет, удачна ли будет битва.

Привели жирную свинью, черного барана и белого быка. Свинья отчаянно визжала; почуяв кровь, бык ревел и злобно рыл копытом землю; но воины быстро их закололи[1].

Старый жрец вынимал печень, сердце, рассматривал их, затем, поднимая окровавленные руки к небу, нараспев говорил молитвы. Он предсказывал удачную битву.

Солнце взошло и стало уже припекать, когда весь отряд Вариния двинулся в поход, выбираясь длинной вереницей на пыльную дорогу. Все обсуждали предсказание старого жреца: «Короткий путь и большая удача».

Шли равниной. Поля золотистой пшеницы чередовались с садами и виноградниками.

К полудню войско остановилось — впереди заметили лагерь рабов. Он был такой же квадратный, как у римских легионеров, и так же был окружен валом с высоким частоколом. По углам стояли легкие деревянные башенки, на них виднелись неподвижные часовые. В лагере было тихо.

Начальник римлян, сидя на выхоленном белом коне, отдавал последние приказания:

— Никакой пощады врагу! Пленных не брать — всех рубить, как бешеных собак!

Сипло зазвучали боевые рожки. Когорты[2] двинулись беглым шагом. Быстро они перекинули доски через ров, бросились с лестницами на частокол, рубили топорами глубоко вкопанные бревна. Рабы не отвечали.

Воины ворвались в лагерь. Ни одного живого человека в нем не оказалось — лагерь был пуст. Палатки и шалаши из ветвей стояли ровными рядами, в них лежали вещи, подстилки.

Часовые, стоявшие на угловых башенках, оказались трупами умерших гладиаторов.

Триста всадников поскакали в разных направлениях и вскоре привели нескольких пастухов. Начальник Вариний выслушал их несвязные рассказы:

---

[1] При гадании обычно закалывали овцу; при «очищении» города от преступления, поражения, моровой болезни и т. п. закалывали трех белых животных (свинью, барана и быка). (*Прим. А. И. Немировского.*)

[2] Когорта — войсковое соединение римлян, часть легиона.

— Сегодня ночью рабы ушли из лагеря, как кошки, без шума. Они направились к югу, к Луканским горам.

— Рабы бежали в Луканию, страну пастухов и разбойников! — воскликнул Вариний.— Их трудно будет ловить в горах. Но мы все-таки поймаем! Рим, готовь для них цирковую арену!

Отряд спешно двинулся дальше. Дорога шла между холмами. Ехавшие впереди разведчики вернулись вскачь:

— Отряд Спартака перед нами!

В долине, где шахматными квадратами растянулись вспаханные поля, стояли готовые к бою гладиаторы. Их было меньше, чем думали римляне. Легионеры, надвинув шлемы на лица, стали быстро спускаться с холма и перестраиваться к бою, выравнивая фронт. Вперед выслали легко вооруженных — с метательными дротиками, сзади шли тяжело вооруженные воины, закованные в броню.

Спурий, занимая место среди последних рядов, ворчал:

— Почему это рабы стоят? Что за хитрость они задумали?

Гета взобрался на кочку сзади Спурия. Сердце его усиленно билось. Он вглядывался вдаль, где были пестрые ряды рабов, и отыскивал среди них всадника на вороном коне с желтой шкурой леопарда.

Ряды рабов заволновались. Их фронт, слегка извиваясь, стал сперва медленно, затем быстрее приближаться к римлянам.

Прогремел грозный крик фракийцев, и передние ряды легко вооруженных римлян были смяты после первого натиска рабов; тогда на подмогу бросились тяжело вооруженные воины. Гладиаторы нападали яростно, деревянные колья в руках фракийцев превратились в палицы.

Третья когорта, в которой был Спурий, беглым шагом двинулась в наступление. Спурий остановился, сел на землю позади большого камня и стал снимать сапоги:

— Не могу я идти в бой в таких неудобных калигах!.. Знаешь что, Гета, я передумал. Мы с тобой пойдем ко мне домой работать на огороде. Повернем-ка назад! Босиком бежать будет легче.

Но Гета воспользовался суматохой и бросился в сторону. Он оглянулся и увидел, как Спурий большими прыжками бежал назад по полю, удаляясь прочь от места битвы.

Римское войско стало ломать свой строй. Некоторые части подались под неудержимым натиском рабов. Боевые кличи фракийцев гремели все яростнее и громче.

Наконец сперва середина, за нею левый фланг римлян

повернули и побежали врассыпную, роняя оружие и щиты. Легионеры не успели укрыться в своем лагере и побежали дальше. Рабы ворвались в их лагерь и захватили все оставленные там запасы, склады оружия и денежные ящики.

Спартак на вороном коне, покрытом желтой пятнистой шкурой леопарда, прискакал к большому шатру посреди лагеря, где накануне ночевал начальник римлян Вариний, и отдернул полог шатра.

— Где Крикс? — кричал он.— Крикс, ты хотел отдыхать? смотри, Вариний оставил тебе и мягкое ложе, и пушистые египетские ковры, и кувшины с душистым маслом для втирания! А вот это мы сейчас рассмотрим!..— Спартак соскочил с коня и бросился внутрь шатра.

Там стояли одна на другой несколько круглых кожаных коробок. Спартак торопливо доставал из них папирусные свитки, разворачивал и передавал сопровождавшему его писцу: тот их бегло прочитывал.

— Смотрите, друзья, здесь написаны грозные приказы сената поймать взбунтовавшихся рабов! — смеялся Спартак.— Нас должны привести в Рим. Где же начальник Вариний, которому поручено это дело? Вот я здесь, около его палатки, пусть он берет меня!

Звонкий голос мальчика ответил:

— Вариний ускакал первым, как только увидел, что легионеры стали отступать!

Гета подошел к Спартаку, слушавшему писца, и опустился около него на землю. На шее у Геты был закручен ремень.

— Разрежь мне этот ремень, Спартак. Я был в плену.

— Мы одной крови с тобой! — воскликнул Спартак, разрезая мечом ремень.— Мы не покорные овцы, а любящие свободу люди. Поэтому ты и сумел убежать из плена. Эй, товарищи, режьте этот шатер себе на подстилки!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРОЗНОЕ ИМЯ

Спартак стал известен всей Италии. Толпами стекались к нему южноиталийские рабы, в особенности храбрые полудикие луканские пастухи, увидевшие неожиданную возможность свободы. Число восставших в несколько месяцев достигло семидесяти тысяч человек.

Плодородная область Кампания, только что оставленная Спартаком, снова была им быстро занята. Целый римский корпус[1], посланный туда для защиты поместий богачей, был рассеян и уничтожен. Теперь уже вся Южная Италия оказалась в руках освободившихся рабов.

Самые значительные города были взяты штурмом. Раньше хозяева распинали всякого непокорного раба, теперь бывшие рабы сами распинали надменных аристократов на воротах захваченных городов.

Во многих деревнях и городах начались восстания. Рабы убивали своих притеснителей, разбивали цепи, разносили тюрьмы. Множество крестьян, разоренных поборами, оставляло плуги и заступы, пастухи бросали стада и присоединялись к восставшим.

Спартака любили за беспримерную отвагу, за разумную решительность и за ту справедливость, с которой он управлял своими отрядами и делил между воинами добычу.

Когда Спартак овладел гаванью Фурии (на южном берегу Италии), морские купцы стали помогать ему, доставая медь, бронзу, железо и все необходимое для войска. Множество кузнецов работало дни и ночи, изготовляя оружие.

Отовсюду к Спартаку съезжались торговцы, чтобы скупать захваченную добычу. Но Спартак запретил им под

---

[1] Под корпусом здесь подразумевается крупное войсковое соединение (отряд) римских легионеров.

угрозой казни являться в лагерь с золотом или драгоценностями, разрешив привозить только продовольствие и оружие, необходимое для ведения войны.

БЕСПЕЧНЫЕ ГАЛЛЫ

Зимний вечер опустился клубами тумана на лагерь гладиаторов, где ровными рядами вытянулись маленькие шатры из звериных шкур и шалаши, сплетенные из ветвей. Бесчисленные костры ярче запылали в сизых сумерках, освещая красным светом суровых воинов, обросших бородами и огрубевших в тяжелой походной жизни.

Вокруг одного костра сидели, кутаясь в шерстяные бурые плащи, начальники отдельных частей. Ветер порывисто налетал, раздувая угли, подхватывал искры и уносил их вверх, к серым, свинцовым тучам.

Иногда сыпалась легкая снежная пыль, и тогда плотнее кутались воины в свои плащи; вспышки огня озаряли смуглые, потрескавшиеся от солнца и ветра мускулистые руки, нахмуренные брови и сверкающие глаза воинов.

«Что же делать дальше?» Эта мысль давно тревожила всех. Многие уже высказали свое мнение, но большинство молчало.

К костру подошел воин с копьем и небольшим круглым щитом на левой руке. Медный шлем с тремя красными перьями и медными нащечниками закрывал почти все лицо.

— Привет тебе, вождь! — сказал воин.— Только что к воротам нашего лагеря подошли два неизвестных человека. Они говорят, что принесли из Рима очень важные вести, но скажут их только Спартаку. Кто их разберет, что это за люди! Может быть, и врут. Мой начальник прислал меня спросить: что с ними делать?

Хриплые голоса ответили:

— Пускай расскажут здесь. По их песням мы узнаем, что это за птицы.

— Приведи их! — сказал Спартак.

Часовой утонул во мраке и вскоре вернулся. За ним следовали двое в широкополых соломенных шляпах. Оба имели вид путников, идущих издалека.

Короткие плащи укутывали их до колен, на ногах были сбитые сандалии, в руках — посохи. Один — с длинными кудрями и вьющейся седой бородой, с изможденным, худым лицом; другой — толстый и румяный, с черными

бегающими маслеными глазами; приветливо улыбаясь, он окидывал взглядом сидевших и кивал всем головой, точно стараясь задобрить молчаливых вождей.

— Привет вам, непобедимые борцы и смелые герои! — сказал толстяк.— Могу ли я, грек Эльпидор, весельчак, актер, певец и танцор, увидеть прославленного вождя Спартака? Мы идем к вам прямо из Рима.

— Садись к костру, обогрейся. Может быть, потом ты его и увидишь.

— А ты из какого племени? — обратился один из вождей к старику.

— Я свободный грек, философ Аристомен, искатель истины и любитель знаний. Родом я из далекого города Синопы, на берегу сурового Эвксинского моря, но учился я мудрости в прекраснейшем городе Греции — Афинах. Римляне меня схватили, незаконно обратили в рабство и привезли в Рим, чтобы там я учил красноречию и философии детей благородных патрициев. Там я стал рабом богача Марка Лициния Красса.

— И ты не примирился с этим?

— Можно надеть цепи на тело, но нельзя сковать и обратить в рабство свободную волю и мысль философа. Как только я услыхал о вашем восстании, я стал искать случая убежать от моего господина, и наконец мне удалось окольными дорогами прийти к вам.

— Что же ты думаешь здесь делать? Чем бы ты мог помочь нам?

— Я слаб, чтобы владеть мечом. Но я умею залечивать раны. Я хочу быть вместе с вами, какие бы опасности вам ни грозили.

— Садитесь к нашему огню. Какие важные новости вы принесли?

Актер Эльпидор сделал многозначительное лицо; он тревожно оглянулся, наклонился вперед и, подняв палец, стал говорить шепотом:

— Я прямо из Рима; там все в испуге и смятении; кричат, что Рим — вечный город и господин всего мира — в опасности, все пропало. Что смотрят консулы? О чем думают «отцы отечества» — сенаторы? Тогда, по приказанию сената, высшие правители страны, оба консула, сами стали во главе войск. На днях они должны выступить в поход, но что они смогут сделать с вами? Ведь при первой встрече их легионеры разбегутся, как зайцы! Вы — непобедимые герои!

— Пускай придут сюда! — воскликнул один из гладиато-

ров.— Они тогда узнают, сладко ли попасть в лапы разъяренных медведей.

Эльпидор засмеялся:

— Хотя и я думаю то же самое, но удивляюсь: почему, вместо того, чтобы радоваться и праздновать, вы все такие задумчивые и хмурые? И где проводите вы отдых? Здесь, в поле, под дождем и снегом? Кто и что может устрашить вас? Никто! Почему же вы не расположились в городе, в теплых домах, где ветер не продувает, где дождь не льет на макушку? Там не пришлось бы коптиться, как сейчас, близ костра. Зачем вам прозябать, как рабам, когда вы сами можете иметь рабов, стать господами других, жить без забот, веселиться и петь песни?

— Ты мне нравишься! — сказал молодой воин.— Сегодня ты будешь гостем галла Крикса и споешь нам лучшие свои песни. Мы, галлы, любим веселые игры и пляски.

— А что скажешь ты, философ Аристомен? Прав ли твой спутник? Нужно ли нам перебираться в город? — Спросивший глядел пристально светлыми холодными глазами, и серьга в левом ухе блестела при вспышках костра.

Возле него сидел кудрявый загорелый мальчик и с любопытством переводил взгляд то на вождя, то на философа.

— Если вы подняли восстание против могучего, всесильного Рима,— сказал философ,— то вы проявили мужество, равного которому до сих пор не было места в истории. Если вы будете думать только о том, чтобы устроить людям счастливую, свободную жизнь, без рабства, и на это отдадите ваши силы, то все угнетенные, изнемогающие от страданий рабы со всего мира порвут свои цепи и направятся к вам, и не будет такой силы, которая смогла бы вам противостоять. И если бы даже на вас обрушились несчастья и вас постигла неудача, то многие столетия все угнетенные станут повторять ваши имена и говорить: «Вот были же смелые люди! Почему бы и нам не сбросить цепи и не умереть за свободу?..»

— Старик, ты хорошо сказал! — воскликнул вождь с серьгой в ухе.— Сегодня ты будешь гостем Спартака.

— А узнаешь ли ты меня? — спросил мальчик.— Помнишь ли, как ты вместе со мной и фракиянкой Амикой приплыл в трюме купеческого корабля в гавань Фурии, и как нас всех продавали потом на невольничьем рынке?

— И ты еще укусил за палец толстяка? — ответил философ.— Я рад видеть тебя, мальчик, в этом лагере, рядом с героями. А где же танцовщица Амика?

— Она храбро и беззаветно переносит все невзгоды походной жизни и всегда рядом с нами, даже во время битвы! — сказали сидевшие вокруг костра.

* * *

Через день беспечный Крикс с двадцатью тысячами галлов и германцев отделился от главного войска Спартака. Они ушли на север, к богатому городу, известному фруктовыми садами, и стали там своим отдельным лагерем. С ними ушел актер Эльпидор.

А еще через несколько дней к Спартаку примчались на усталых взмыленных конях шесть галлов. Они были перевязаны тряпками, кровь и грязь покрывали их. С трудом слезли они с коней и попросили лекаря и воды.

Вот что они рассказали Спартаку, захлебываясь от слез и горя:

— Все двадцать тысяч наших товарищей, галлов и германцев, перебиты. Это консул Луций Геллий подослал к нам лазутчика — Эльпидора, который, перебежав обратно к римлянам, известил их, что мы, галлы, стали отдельным лагерем. И вот, в то время, как мы беззаботно пировали и устроили веселые пляски, римляне внезапно окружили нас громадным войском и стремительно напали, когда мы даже не подозревали об их близости. Мы отчаянно защищались, но оружие римлян было лучше нашего и...

— А где Крикс? — прервал речь галлов Спартак.

— Крикс дрался, как лев! Он перебил множество врагов, но был изрублен римскими мечами!..— и галльские воины в отчаянии стали кричать и рвать на себе одежду.

УДАР СПАРТАКА

Спартак схватил ближайшего галла за плечи и стал трясти его, повторяя:

— Воину не пристало квакать, подобно лягушке на болоте! Замолчи, иначе я всех вас выгоню из лагеря бичами!..

Его голос был грозен, и все кричавшие замолкли.

— Сядьте! Сейчас наши лекари вам помогут. Вы отвечайте мне на вопросы, и очень кратко, так как времени нет, даже чтобы испечь в золе одно яйцо. Где был бой? Сколько было вражеских воинов? Что они делали, когда вы бежали оттуда: остались там же или ушли с поля битвы?

Галльские воины, перебивая друг друга, отвечали на вопросы Спартака, рассказывая, как произошло избиение их отряда.

— Римляне еще остались на поле сражения,— закончили свой рассказ галлы.— Они еще сдирают доспехи с павших и грабят наш лагерь.

— Довольно! — воскликнул Спартак.— Трубите сбор, подымайте тревогу! Мы ссйчас выступаем. Нам придется идти всю ночь. Повозки оставить здесь. Еды брать на два дня. Поняли ваш долг, смелые воины? Отмстим за погибших товарищей!

— Поняли!— ответили воины Спартака и быстро направились к своим частям и палаткам.

Во всех концах лагеря рожки трубили сбор. Гладиаторы с оружием бежали на площадки между палатками и строились в ряды, готовясь к походу. Весь лагерь ожил. Вскоре передние сотни воинов потянулись через ворота.

Спартак на вороном коне проехал мимо костра, возле которого сидела фракиянка в красной одежде. Ее черные глаза тревожно провожали уходивших гладиаторов.

— Прощай, Амика!— сказал Спартак.— Или победа, или смерть!

Гета, закутавшись в плащ, дремал, греясь при последних вспышках потухавшего костра. Среди ночи фракиянка его разбудила:

— Вставай, Гета! Едем догонять наших бойцов. Может быть, они погибают, тогда и мы погибнем вместе с ними. Но, может быть, мы сумеем воинам, истекающим кровью, перевязать раны и дать глоток воды.

Они отвязали коней, прихватили сумки с едой и чистыми тряпками. Лагерь был почти пуст. Только кое-где около костров сидели раненые и больные.

Часовой узнал Амику и пропустил, махнув рукой:

— Вернись с хорошими вестями!

Дорога вилась между холмами. В сумерках ночи раза два пришлось проезжать через брошенные жителями селения — бедные хижины с тростниковыми крышами. Вой голодных собак провожал всадников. На рассвете встретилась группа жителей. С корзинами на плечах они торопливо погоняли быков и ослов, навьюченных жалким скарбом.

— Там! Там много воинов! — кричали они, указывая на север.— Там еще идет страшный бой! Не надо ехать туда — вас убьют!..

— Но там сражаются смелые бедняки, чтобы улучшить жизнь и вашу, и всех угнетенных,— отвечала Амика.— Пойдемте вместе, поможем им!..

Юноши-поселяне остановились, как будто готовые повернуть обратно, а старик завопил:

— Ты говоришь безумные слова! Не слушайте ее! Нам суждено богами всю жизнь терпеть и страдать. Можем ли мы сломить могучую власть римских богачей?!.

— И вы навсегда останетесь рабами своих господ?..

— Сами боги хотят этого! Идемте!..— и старик, увлекая за собой юношей, пошел дальше.

Утром одно селение пришлось объезжать — дорога через него была завалена бревнами и камнями. За ними прятались испуганные жители, вооруженные кольями, косами и топорами. Они никого не подпускали близко и встретили путников градом камней...

К вечеру вдали, на дороге, показались первые группы римских легионеров. Один ехал на коне, и набухшие кровью повязки говорили о его тяжелых ранах. По сторонам шли воины и поддерживали раненых товарищей.

Боясь, что легионеры отнимут коней, Амика и Гета, быстро свернув с дороги, поскакали прямо полями, по несжатой, осыпавшейся пшенице. Группы римских воинов попадались все чаще; воины падали от ран и усталости.

— Римляне бегут! Кажется, победа на нашей стороне! — сказал Гета.

НОВЫЙ ПОХОД

Вдруг впереди, на равнине, где посевы были вытоптаны тысячами прошедших воинов, засверкали бесчисленные огни. Кони шарахнулись в сторону — поперек тропинки лежали тела убитых римлян.

Амика и Гета с трудом отыскали Спартака. Он стоял, прямой и неподвижный, перед большим костром. Целые деревья были навалены одно на другое. Пламя охватывало тела, положенные поверх костра. Спартак шептал:

— Вот все, что осталось от веселого, храброго Крикса и его смелых товарищей!..

Около костра собралось несколько десятков оставшихся в живых галлов и германцев. Держа над головой мечи, они затянули хором боевую песнь, мрачную, как стон осеннего ветра, и двинулись цепью вокруг костра. Ударяя мечами по щитам, они долго пели, вспоминая храбрость Крикса и других павших товарищей, затем сошлись, тесным кольцом, скрестив мечи.

— Ганник, сюда! Ганник будет нашим вождем! — кричали они.

Молодой, покрытый ранами воин вошел в середину кольца, встал на скрещенные лезвия, и воины его подняли на мечах, как на щите, избрав своим вождем на место павшего Крикса.

Рожки тревожно прозвучали, снова сзывая всех воинов в поход. Многие подходили, уже в римском вооружении, снятом с убитых врагов. Все строились в отряды и ждали приказаний.

Спартак долго еще стоял перед костром с телами Крикса, галлов и германцев, и ветер окутывал его дымом и осыпал искрами.

Наконец он очнулся и вскочил на подведенного ему коня. Он въехал на холм. Вокруг стояли терявшиеся в сумерках ряды усталых, запыленных и легкораненых гладиаторов и добровольцев, примкнувших к восставшим.

— Храбрые друзья! — обратился Спартак к войску.— Сегодня вы совершили великий подвиг. Вы не только отомстили за убитых наших товарищей, но и уничтожили войско богачей, работорговцев, которые уже собирались снова заковать нас в цепи. Однако если мы сейчас начнем праздновать победу и беспечно пойдем отдыхать в роскошные виллы, мы так же погибнем без всякой пользы для нашего дела, как погибли здесь неосторожные галлы и германцы. Слушайте внимательно, доблестные воины! На нас надвигается новое войско, под начальством другого консула. Они ищут нас, и они уже близко!..

— Слушайте! Слушайте!..— загудели ряды гладиаторов.

— Поэтому,— продолжал Спартак,— у нас только один выход: мы сами должны внезапно напасть на это римское войско и его уничтожить! Я знаю, вы очень устали, но вспомните о своей далекой родине, о хижинах, где ждут ваши семьи и дети. Мы сможем снова почувствовать сладкий дым наших очагов, если будем свободны. А свободу мы добудем только своим мечом. Поэтому мы сейчас же выступаем дальше, в новый поход, для встречи с врагом. На острие вашего меча — свобода или новые цепи!..

Громкий крик вырвался из тысячи мужественных грудей:

— Свобода! Свобода! Вперед, бойцы! Веди нас, Спартак, к победе!..

Рожки протрубили выступление, и бесконечной вереницей ряды гладиаторов двинулись вперед.

Армия рабов сделала неслыханный по быстроте огромный переход и напала на второе войско, высланное Римом

под начальством второго консула. Гладиаторы отчаянно бились и бросались на копья легионеров, словно презирая смерть. Под их натиском не смогли устоять пять римских легионов, несмотря на отличное вооружение и подготовку. Они были смяты, опрокинуты и, покинув свои обозы, обратились в бегство. Наемники римских торговцев, денежных менял и крупных землевладельцев не могли устоять против тех, кто бился за свою жизнь и волю, за счастье угнетенных бедняков.

НАЧАЛО РАЗНОГЛАСИЙ

После двух решительных побед все дороги Италии были открыты перед армией гладиаторов, и не было больше силы, которая бы могла задержать ее.

Почему же так сумрачен Спартак? Почему он так суров с приходящими отовсюду толпами людей, рабов и бедняков, желающих присоединиться к войску гладиаторов.

— Для чего вы пришли сюда? — говорил он старикам рабам.— Нам нужны воины, лекари, кузнецы и медники, полезные для нашего дела, а не бесполезные едоки. Почему вы шли в армию борцов за свободу, а не позаботились захватить с собой меч, копье или даже большой нож? Вы пришли помочь нам, или же вы хотите, чтобы мы вас кормили и содержали? Мы с трудом можем прокормить наших раненых воинов, искалеченных в боях. Их мы возим с собой в повозках, и они затрудняют нам быстроту переходов.

— Но мы хотим освободиться от цепей! — отвечали старики.

— Ждите, пока мы разобьем угнетателей, тогда и вы станете свободны. Теперь же вы будете связывать нам руки, и мы, поднявшие меч для борьбы, бесцельно погибнем.

— Лучше мы умрем здесь, на свободе,— восклицали старики,— но мы не вернемся к цепям!

И они оставались около лагеря Спартака, не желая вернуться в прежнее рабство.

На совещаниях вождей армии рабов стали возникать споры и несогласия. Пока всех соединяла общая опасность, все беспрекословно подчинялись Спартаку. Его стремительные нападения, его умение разгадать и расстроить планы противника приносили победу за победой. Но когда опасность как будто миновала, когда армия гла-

диаторов овладела половиной Италии, многие из вождей начали осуждать действия Спартака и грозили образовать особые, самостоятельные армии.

Тогда Спартак твердо заявил:

— Теперь мы должны уйти из Италии. Пойдем на север, переберемся через Альпийские горы и вернемся к себе на родину!

— Рано еще уходить! — отвечали некоторые вожди.— Теперь Италия в наших руках. Мы можем здесь провести еще год, захватить самые крупные города и, собрав большие богатства, с ними вернуться к себе на родину!

В этих спорах горячо выступал старый философ Аристомен:

— Безумцы! Как вы можете отказываться от мудрого плана Спартака? Вспомните, чем вы были год назад? Разве могли вы тогда мечтать о возвращении на родину? Вам всем грозил один конец — позорная смерть от руки своего же брата, гладиатора, на арене цирка. Теперь, когда все пути открыты, зачем вы медлите? Тучи опять собираются над нашими головами. Главные римские военные силы пока далеко, за пределами страны, в Испании и Фракии, но они могут вернуться в Италию, и тогда вам не увидеть родных селений!

— Если римские войска вернутся, мы их так же расколотим, как колотили до сих пор! — самоуверенно смеялись вожди.

— О, неразумные щенки! — сердился Аристомен.— Вы должны поступить так, чтобы все страдающие, все угнетенные аристократами пришли к нам и поддержали нашу борьбу. Зачем же некоторые пытаются опозорить свои руки грабежом мирных селений бедняков-крестьян и тружеников-ремесленников? Зачем вы отталкиваете тех, кто мог бы стать нашими друзьями? Зачем вы, бывшие рабы, сами готовы обратить свободных граждан в рабов? Зачем вы завели себе столько повозок, нагруженных награбленной добычей?

Однажды среди спора Спартак встал и поднял руку. Все затихли.

— Послушайте меня, беспечные безумцы! Я вас еще раз зову уйти из Италии, уйти, пока не поздно! Впереди Альпийские горы. Если мы перейдем через них, то окажемся в стране, куда не доберутся хищные лапы римских богачей. Там мы найдем свободу. Вы слышите это чудесное, могучее слово: СВОБОДА! Мы построим там свое

небывалое государство свободных, равноправных, счастливых людей. Это будет государство солнца и радости. Мы покажем пример, и к нам примкнут другие народы, наши ряды будут расти с каждым днем. Сейчас восставших сто двадцать тысяч. Их станет во много раз больше!..

— Но это сказка! — воскликнул один из стоявших поблизости вождей.— Этого нигде до сих пор не было!

— Но это будет! — воскликнул Спартак.

— Однако впереди нас еще город Мутина[1],— заметил другой вождь гладиаторов,— где наше войско готовится встретить римский проконсул со своими легионами. Он уже поджидает нас...

— ...чтобы мы разбили его! — прервал Спартак.

— Где этот проконсул? — раздались крики.— Он сейчас, верно, дрожит, ожидая, что мы нападем на него и сметем с лица земли!

— Идем вперед, к Мутине, и дальше, прочь отсюда! — продолжал Спартак.— Если вы не хотите, я уйду один! Я не имею никакого имущества. Мой плащ, мой меч и шкура для спанья — вот все, что я возьму с собой.

— Я пойду с тобой! — сказал философ Аристомен.

— И я пойду! — воскликнул Гета.

— Нет, ты нас не покинешь! — закричали вожди и стоявшие кругом воины.— Ты первый поднял восстание, ты создал великую, непобедимую армию бывших рабов и гладиаторов! Мы отняли у римских воинов их мечи и оружие, и теперь мы не боимся никого!..

Спартак молчал и ждал, пока затихли крики.

— Смерть нам грозит всегда. Я готов драться и умереть вместе с вами. Но ходить с вами грабить города, как простой разбойник, я не стану. Чем выше будет наша цель, тем дальше будет наш славный путь!

Некоторые из вождей говорили:

— Почему нам не пойти прямо на Рим — гнездо богачей, тиранов, денежных менял, пьющих кровь всего мира? Если мы сломим его силу и освободим бесчисленных рабов, угнетенные народы сбросят римское иго и начнут новую свободную жизнь!

— Останься с нами! — кричали другие вожди.— С тобой мы пойдем всюду, куда ты нас поведешь!

Совещание вождей продолжалось долго и бурно.

Вопреки уговорам Спартака, большинство заявило, что

---

[1] Мутина (ныне Модена) — город в Северной Италии, откуда идут пути через Альпийские перевалы.

на Рим идти еще рано, что нужно подождать и передохнуть, что уходить теперь из Италии они не хотят. Спартаку было предложено отвести войско в южные, плодородные провинции для временной стоянки.

Армия рабов и гладиаторов двинулась на юг и прошла мимо трепетавшего от ужаса «вечного города», не тронув его.

«СЕНО НА РОГАХ»

Когда в Риме были получены первые известия о разгроме гладиаторами армий обоих консулов, в столице поднялась паника. Убегавшие из поместий перепуганные патриции распространяли невероятные басни об ужасах, творимых восставшими рабами. Они осаждали знатных сенаторов, умоляя спасти их жизнь и имущество:

— Наши виллы горят, рабы побросали работу и бегут к Спартаку. Этот беспорядок необходимо прекратить! Надо жестоко наказать всех рабов, которые дерзко подымают головы и уже перестают нас слушаться!

Властители Рима волновались, приходя в ужас от мысли о том, что будет, если Спартак подойдет к воротам «Вечного города».

— Тогда рабы всех нас перережут! — шептали римляне друг другу.— Ведь рабов в Риме во много раз больше, чем свободных граждан!..

Толпа богатых патрициев, бежавших из своих имений, явилась в сенат, который без конца заседал и не мог найти выхода из тяжелого положения.

Сенаторы вышли навстречу просителям и старались их успокоить обещаниями «принять нужные меры».

Один сенатор объяснял:

— Мы никак не можем выбрать подходящего полководца. Мы назначили нескольких, но все отказываются. А лучшие наши полководцы с нашими отборными войсками находятся далеко, в других странах!

Нетерпеливые просители стали выкрикивать:

— К чему говорить о полководцах, которых нет, или о тех, кто в минуту опасности боится выступить против презренных рабов? Надо послать на них «быка с сеном на рогах», такого, которого свои воины боялись бы больше, чем врага.

— Верно! Послать «быка с сеном на рогах»!

У римлян был обычай: злому, бодливому быку рога

обматывали сеном, чтобы встречные, издали видя сено, остерегались. Такова была кличка у знаменитого землевладельца, богача Красса, человека злобного и мстительного, которого надо было остерегаться и от которого можно было ожидать больших неприятностей. Красс искал славы, и многие из кричавших были им подкуплены.

— Сделать начальником войск Красса! Послать Красса! — стали раздаваться крики просителей-патрициев.— Мы знаем Красса! У кого больше всего жгут дома и склады хлеба? У кого больше всего земли и рабов, как не у него? Он больше всех страдает теперь от рабов и потому особенно их ненавидит.

Сенаторы согласились и решили послать воевать со Спартаком самого крупного рабовладельца, богача, домовладельца, ростовщика и купца-спекулянта Рима — Марка Лициния Красса. А в помощь ему дать лучших военачальников, знатоков своего дела.

Красс, коренастый, лысый, с жирным затылком и угрюмым лицом, принял предложение сената спокойно, но выставил свои условия:

— Я согласен взяться за борьбу с разбойниками, если мое участие полезно республике. Но я требую, чтобы все воинские силы республики были предоставлены мне, под мое начальство, чтобы я имел право без суда карать и миловать всякого, чтобы мне были даны все средства, которые я потребую, и чтобы я мог призвать для этой войны граждан всех возрастов,— тогда я поймаю бешеного фракийца и его бунтовщиков...

Сенат заседал всю ночь и согласился на требования Красса, объявив его «императором»[1].

По этому поводу Красс устроил бесплатное угощение для всех римлян, выставив на улицах города несколько тысяч столов с едой. Каждому дал еще пшена для питания на три месяца. Он обещал особое вознаграждение всем старым, опытным воинам. Римская богатая молодежь была призвана «спасать республику» и образовала особые, привилегированные, прекрасно вооруженные конные отряды.

Для начала Красс собрал десять легионов; в них вошли вновь призванные легионеры и остатки войск, разбитых раньше Спартаком.

---

[1] Слово император в то время было почетным званием, означало то же, что в настоящее время «главнокомандующий», «повелитель», «высший полководец»; Красс командовал войском в звании «проконсула».

Окружив себя опытными военачальниками, Красс принял особые меры для своей безопасности.

— Для того чтобы предохранить себя от покушения какого-нибудь раба,— объяснял он своим близким друзьям,— я нанял двух римлян, очень похожих на меня. Одетые так же, как я, в красные плащи императора, они будут объезжать войска, проверять посты, ободрять уставших воинов и даже, если нужно, участвовать в сражении. Я же буду в скрытом месте руководить всем!..

ФРАКИЙСКИЙ ЛЕВ

Рабы, пробравшиеся из Рима к Спартаку, донесли ему, что против него выступила стотысячная армия Красса. В ней шестьдесят тысяч обученных римских легионеров и сорок тысяч «союзных»[1] войск.

— У них прекрасное вооружение,— говорили прибывшие.

— Тем лучше,— заметил Спартак,— у нас оружия мало.

— У них большие обозы с продовольствием.

— Тоже нам понадобятся!

— У них несколько тысяч конницы.

— И коней у нас не хватает,— отвечал Спартак.— Мы, фракийцы, как и скифы, привыкли воевать на коне. Нам трудно ходить пешком. И мы отберем у них коней!

Войска Спартака в это время стояли в плодородной местности. У него было ядро отлично обученного войска, безусловно ему послушного — тридцать тысяч фракийцев, греков и сирийцев. Затем было еще около сорока тысяч воинов других племен: галлов, кельтов, германцев, иберов и прочих племен и народов. Все они имели своих вождей, часто отделялись от главного ядра армии, уходили бродить по Италии, захватывали и грабили города, жгли поместья и привозили в лагерь награбленные вещи.

Когда дошел слух о движении войска Красса, все вожди пришли к Спартаку на совещание.

— Веди нас на Рим! — потребовали они.

Спартак молча слушал и по привычке чистил свой меч. Как и раньше, сидел он на леопардовой шкуре перед ко-

---

[1] «Союзными» назывались легко вооруженные войска из призванных под «римские орлы» (знамен у римлян не было) граждан неримского происхождения родом из разных италийских провинций.

стром, и конская попона свешивалась над ним на кольях, защищая от ветра. Возле него сидел мальчик-фракиец и держал в руках кожаную круглую коробку для рукописей.

Спартак встал, достал из коробки один свиток и обратился к сидевшим вокруг костра вождям:

— Теперь вы требуете, чтобы я повел вас на Рим. А вот что пишет нам мой друг философ Аристомен, которого вы все здесь видели. Теперь Аристомен пробрался в Рим и под видом нищего бродит по площадям и слушает, что там говорят. Он слышал обращение Красса к воинам, и вот что заявил наш главный противник: «Меня зовут «быком с сеном на рогах». Но я бык не только злобный, но и упрямый. Я буду долго преследовать Спартака и наконец сумею припереть рогами к стене этого фракийского разбойника. Когда я соберу достаточно войска и буду в два раза сильнее Спартака, я его раздавлю моими легионами, как стадо диких быков топчет в камышах могучего льва»...

— Фракийский лев сумеет задрать римского быка! — воскликнул один из вождей.

— Вот видите, друзья,— продолжал Спартак,— нам нужно быть готовыми к большому и решительному бою. Мы должны стать подвижными, как львы, и уметь быстро уходить от врага, если нам невыгодно с ним драться. Если же представится возможность нашей победы, мы должны стремительно на него напасть. Но похожи ли на львов наши воины? Вы нагрузили свои шатры мебелью, дорогими вазами, коврами и даже тяжелыми статуями. Кто вы: торговцы старыми вещами или воины? Поэтому объявляю: я выступлю в поход завтра же на рассвете. Я беру с собой повозки и вьючных животных, но на них будут только запасы еды и тяжелораненые. Весь драгоценный хлам, который вы набрали, будет сожжен сегодня же! А кто хочет сохранить награбленное, пусть остается и ждет римлян. Вы знаете, что Красс любит скупать за бесценок чужое имущество. Может быть, он и у вас купит этот старый хлам, когда встретится с вами, чтобы посадить всех вас на колья! А я уйду без вас!

— Сжечь все награбленное имущество! — раздались дружные крики.— Долой торгашей и старьевщиков! Мы все идем с тобой, Спартак!..

Во всех концах лагеря запылали огромные костры — горело добро, привезенное беспечными воинами из разграбленных поместий.

На рассвете войско Спартака покинуло лагерь.

Быстрыми переходами, каждый раз меняя направление, сбивая с толку конных разведчиков Красса, спартаковцы шли вперед, а за ними двигалась стотысячная армия римлян.

СМЕРТЬ ПО ЖРЕБИЮ

Красс издал приказ, чтобы его отряды следили за войском Спартака, но сами пока избегали боя с гладиаторами, ожидая его указаний. Передовым отрядом у Красса командовал молодой Муммий. Он наткнулся со своими людьми на отдыхавшую у подножия горы часть войска гладиаторов. У них дымились костры; в глиняных и бронзовых котлах варилась пища.

— Победителей не судят! — сказал Муммий своим воинам.— Если мы захватим этих грязных оборванцев и приведем их к императору Крассу, он не осудит нас за победу!

Затрубили рожки, призывая к бою. Легионеры с воинским кличем «барра» беглым шагом двинулись на гладиаторов. Те близко подпустили римлян. Тогда загудели барабаны, увешанные погремушками, и с могучим криком «улалá!» отряд рабов стремительно бросился навстречу. Это были воинственные спартаковцы — фракийцы и сирийцы. Яростно врезались они в ряды римлян, а из-за холма вылетела фракийская конница, скрывавшаяся в засаде, и отрезала легионерам путь к отступлению.

Римские воины смешались, повернули обратно и побежали врассыпную. Только небольшая часть отряда добралась до лагеря Красса.

Тогда Красс решил показать, что у него действительно «сено на рогах», и объявил немедленно «десятисмертие» — древний воинский обычай, много лет не применявшийся в Италии.

Войско было построено квадратом вокруг площадки, где стоял каменный жертвенник. На нем пылал огонь, и жрецы в длинных одеждах пели и приплясывали, выкрикивая молитвы и заклинания.

Пятьсот воинов из передового отряда Муммия, которые первые повернули и бежали от врага, были разделены на десятки. Каждые десять легионеров по очереди подходили к жертвеннику. Жрецы держали вазу с водой. В ней лежало десять камешков: девять белых и один черный. Каждый легионер вынимал камешек, отдавал жрецам и отходил прочь. Кто вынимал белый камешек, тот шел напра-

во, а у кого оказывался черный, тот поворачивал влево. Там стояли люди, закутанные с головой в плащи, и большими камнями убивали подходившего легионера.

Таким образом на глазах всего войска был убито пятьдесят воинов, бежавших с поля битвы, и тела их запрещено было хоронить.

Красс сказал войску речь. Он объявил, что всякий должен бояться своего главного полководца больше, чем Спартака, и если легионеры еще раз в бою побегут обратно, то опять получат «десятисмертие».

«КНЯЗЬЯ МОРЯ»

Красс самыми суровыми мерами устанавливал порядок и дисциплину в своем войске, вербовал новые легионы и шел следом за Спартаком, по-прежнему избегая битвы.

— Я зажму Спартака в таком горном ущелье,— говорил он,— где сразу одним ударом раздавлю этих разбойников!

Спартак все уходил на юг. Он вошел в гористую Луканию и снова добрался до моря и до гавани Фурии, где армия рабов уже стояла два года назад. Здесь он повел переговоры с морскими купцами, корабельщиками.

На обрывистом морском берегу стояли Спартак и несколько его товарищей. Впереди раскинулась оживленная гавань, куда входили суда с косыми белыми и красными парусами, скользили многочисленные рыбачьи лодки.

Множество раскрашенных купеческих галер покачивалось близ берега, и полуголые гребцы, почерневшие от ветра и солнца, дремали на скамьях, прикованные за ногу цепями.

Море было неспокойно. Осенний ветер кудрявил белыми барашками зеленые волны. Одинокая финикийская пальма покачивала своей зонтичной взлохмаченной верхушкой. Вершины Луканских гор, уже покрытые снегом, говорили о том, что зима близко.

Несколько моряков в пестрых длинных одеждах, войлочных красных колпаках, с ножами в деревянных ножнах за поясом, подошли к Спартаку и заговорили грубыми голосами, коверкая латинскую речь:

— Мы явились по твоему зову. Прими эти дары моря!

Они поставили перед Спартаком ивовую корзину, наполненную морскими улитками, устрицами и большими темными крабами.

Спартак спросил:

— Сколько людей могли бы вы перевезти на ваших судах?

— Смотря по тому, кого везем; рабов-то мы набиваем, как рыбу, в трюмы, где они не могут ни встать, ни двинуться, пока не приедут на место; а свободных граждан в трюм не загонишь!

— Сколько у вас судов?

— Сколько судов? Мы — «князья моря»[1]. Плаваем туда, где нам выгоднее. Если будет хорошая плата, сюда слетятся, как чайки, тысячи судов!

— Платой не обидим, только сумейте сдержать слово и доставить в срок.

— Куда плыть?

— На остров Сицилия.

— Сейчас море бурное. Лучше вам пройти дальше, до Мессинского пролива, отделяющего Италию от Сицилии. Там переезд будет короче и легче. А отсюда в бурную погоду везти и труднее и дальше. Но только деньги надо уплатить вперед, теперь.

Спартак дал купцам много золота и договорился, что сейчас они заберут две тысячи тяжелораненых и перевезут их в Сицилию. Затем эти корабельщики будут ждать в Мессинском проливе с большим числом судов и переправят на остров все остальное войско гладиаторов. За несколько лет перед этим в Сицилии произошло восстание рабов. Рим жестокими мерами усмирил их, и поэтому армия гладиаторов могла рассчитывать на поддержку бунтовавших сицилийцев.

В этот же день сорок судов с тяжелоранеными воинами Спартака отплыли из гавани и направились вдоль берега на запад.

ОПЯТЬ ЗАПАДНЯ

Когда последнее судно еще стояло у пристани, готовое к отплытию, «князья моря» попросили Спартака посетить корабль, чтобы навестить уезжавших тяжелораненых рабов.

Спартак взошел на корабль вместе с мальчиком Гетой.

---

[1] «Князьями моря» называли себя купцы — морские разбойники, грабившие прибрежные селения и города и продававшие в рабство захваченных жителей.

— Спустись по этой лестнице вниз, в трюм. Там твои друзья! — сказал Спартаку с низкими поклонами кормчий корабля.

Спартак остановился. Ему показались подозрительными те усмешки, которые скользнули по лицам моряков, когда кормчий произносил это приглашение. Он заметил также, что Гета, стоявший рядом с ним, с ужасом всматривался в окошечко будки кормчего. В оконце за занавеской мелькнуло злобное старушечье лицо. «Здесь западня!» — подумал Спартак и быстро оглянулся. К нему подкрадывалось несколько моряков, мечи блеснули в их руках.

В это же время по команде кормчего корабль оттолкнулся от пристани, гребцы ударили по воде длинными веслами, и кверху со скрипом поднялся косой красный парус. Спартак подхватил Гету и вместе с ним бросился через борт в воду.

Яростные крики понеслись с корабля и повторились громким эхом на берегу, где стояла большая толпа провожавших.

— Спартак с нами! — кричали на берегу.— Он не покинул нас! Купцы уверяли, что он на корабле хочет уехать на свою родину!

— Смерть Спартаку! — кричали на корабле, и больше всех визжал и бесновался толстяк со старушечьим лицом.

— Глядите! На корабле казначей Красса! Это он подкупил убийц, чтобы зарезать Спартака!

Несколько стрел, пущенных с корабля, плеснуло по волнам, но Спартак и Гета доплыли до берега и при радостных криках толпы поднялись на пристань.

Наполненный ветром парус все дальше уносил корабль купцов, которые, подкупленные Крассом, неудачно пытались похитить и увезти вождя бесстрашной армии свободных рабов.

Войско гладиаторов двинулось береговой дорогой. По склонам гор тянулись фиговые, миндальные и виноградные сады. Повсюду попадались деревья со спелыми гранатами. Все это располагало к мирной, счастливой жизни. Но утомленные воины не думали об отдыхе.

Спартак ехал на вороном жеребце. Рядом с ним шагал высокий, худой философ Аристомен.

— Нужно торопиться переправиться в Сицилию,— громко говорил Аристомен.— Разве римляне допустят, чтобы взбунтовавшиеся рабы ускользнули без наказания из их жестоких рук? Красс приложит все усилия, чтобы помешать переправе через пролив.

Войско рабов шло до пролива три дня и на четвертый прибыло в условленное место, в городок Регий. Там их уже должны были ждать купеческие суда. Берега Сицилии ясно вырисовывались за синим проливом; при попутном ветре до них можно было добраться за несколько часов. Но ни одного паруса не показалось на море, и ни одного судна в гавани не оказалось. Коварные корабельщики обманули.

— Жестокий Красс не пожалел золота, чтобы подкупить «князей моря»,— сказал Аристомен.— Эти грабители, конечно, сюда не явятся!

— Нам нужно идти обратно и мечом проложить себе дорогу,— говорили рабы.

Но путь обратно оказался отрезанным: с необыкновенной быстротой и напряжением сил вся армия Красса в несколько дней выкопала глубокий ров с высоким валом, перерезав от берега до берега весь полуостров Бруттий.

Красс ликовал и за эту работу выдал большие награды своим воинам.

— Теперь фракийский лев в мешке, и в крепком мешке! — говорил Красс.— Я его прижал рогами к морскому берегу и заставлю его там подохнуть!

Действительно, съестные припасы у гладиаторов были на исходе, и каждому воину стали выдавать только четвертую часть обычной порции. Скорая гибель, казалось, была неизбежна.

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Бурный ветер со снегом и дождем проносился над полуостровом Бруттий. Все жители городка Регия и окрестных селений попрятались в свои дома и хижины. А в лагере Спартака было шумное веселье. Уже вторую ночь Спартак громко ободрял своих воинов, обходя ряды кожаных палаток.

— Ешьте, пейте и веселитесь! Не жалейте ничего! Отпразднуем последние дни перед славной смертью. Мы не сдадимся надменным римлянам, а сами в последнюю минуту заколем себя, чтобы умереть свободными!..

У Красса были лазутчики среди армии рабов. Они перебежали к нему и рассказали о странных речах и пиршестве в лагере Спартака.

— Тем лучше, спасения им нет! — ликовал Красс.

Возле пылающих костров свистели флейты, завывали дудки, а фракийцы, обхватив друг друга за пояса, длинной

извивающейся цепью плясали, подвигаясь то вправо, то влево. Все вожди вместе со Спартаком, по древнему обычаю, участвовали в боевой пляске рядом с простыми воинами и пели старинные военные песни.

Потом гладиаторы хором запели песню, сложенную уже в походе:

«Ты не «Кирка», и я не «Лопата»,
Ты — человек, и я — человек!
Сброшены цепи, и все дороги
Пред нами открыты. Братья, вперед!
　　Разве не видишь, что звезды ярче
　　Стали теперь, ароматнее воздух!
　　Ветер ласкает, как мать, наши плечи,
　　Слаще вода в родниках у дороги.
Ты ведь свободен! И утром солнце
Теплым лучом тебя пробуждает.
А не надсмотрщика грубый окрик
Или пинок сапогом под ребра.
　　Ты ведь свободен! И не будешь больше
　　Кровь проливать на арене цирка
　　И умирать на потеху праздной
　　И толстопузой жестокой знати.
Если теперь умереть придется,
Знаешь за что — за свою свободу!
Будем же песней сзывать восставших,
Будем же верить в свою победу!
　　Много нас, много! Течем мы рекою,
　　Всюду ручьи по пути вбирая,
　　Чтобы разлиться безбрежным морем,
　　В бурных волнах утопивши рабство!..»

Нумидийцы плясали, размахивая мечами, делая громадные прыжки, греки выходили парами и кружились, искусно рассекая мечами воздух вокруг головы и ударяя меч о меч.

Костры догорали, ветер с воем раздувал огонь, подхватывал искры и крутил дым по земле. Снег валил все гуще, большими хлопьями засыпая шумный лагерь рабов.

* * *

В темноте осторожно двигалась передовая часть войска гладиаторов к заранее намеченному месту римского заградительного рва и вала. Каждый нес бревно, охапку хвороста или землю на щите. Быстро забросали ров и сложили мост, пригодный для лошадей и повозок.

Часть гладиаторов еще шумела у костров, свистели флейты и гудели пустые сосуды, обтянутые кожей, а поло-

вина армии уже перешла через ров. Фракийские всадники пронеслись на ближайшие холмы по большой дороге и зажгли там костры, указывая всем гладиаторам место, куда собираться среди темной ночи.

В лагере римлян начался невероятный переполох, завыли трубы, поднимая спавших легионеров. Отряды строились в темноте, сталкиваясь друг с другом. Пылающие факелы, раздуваемые ветром, двигались со всех сторон.

Несмотря на кровавые схватки отдельных отрядов легионеров и рабов, римляне уже не в силах были задержать ядро армии гладиаторов, и к утру Спартак со своим войском был далеко, в пустынных ущельях Луканских гор.

ВЕДИ НАС НА РИМ!

Горной каменистой дорогой тянулись вереницы гладиаторов. Угрюмо поднимались по сторонам скалы, заросшие невысокими соснами. Оборванные, обросшие бородами, с мечами, кольями и топорами в руках, воины шли тяжелым шагом; сквозь грязные повязки проступала кровь. Они шли, не зная, куда теперь ведет их путь и придется ли дожить до ночи, но одна мысль связывала всех: не покориться врагу!

Иногда веселая песня вспыхивала в рядах воинов, тогда распрямлялась грудь, легче ступали ноги и слышались ободряющие шутки.

Спартак на вороном жеребце, окруженный несколькими всадниками, то показывался впереди, среди конных разведчиков, то ободрял отстававших в последних рядах.

— Не отставайте! — настаивал он.— Римские собаки уже нам кусают пятки!..

Луканские пастухи, завернутые в козьи шкуры, спускались с гор и приносили воинам ягнят, мед диких пчел и свежий сыр. Спартак расспрашивал пастухов об удобных дорогах и перевалах через горы и быстро вел свое войско вперед, все время меняя направление, сбивал с пути шедшую по его следам римскую армию.

Около горного озера часть войск, состоявшая главным образом из галлов и германцев, соблазнилась красивым

местом и зеленым лугом, где паслись большие стада коров и овец. Вопреки запрещению Спартака, эта часть войска решила сделать здесь остановку. Все другие отряды гладиаторов ушли вперед через крутые горные перевалы.

Вскоре Спартака настигло страшное известие, что легионеры Красса напали на беспечно отдыхавших галлов и в беспощадной битве истребили их всех.

Тогда Спартак снова переменил направление пути своей армии и повернул на юг, уходя от преследовавших его легионов Красса, продолжавших настойчиво идти по пятам Спартака.

Армия Красса разделилась на два крыла. Как клещами, стремился Красс охватить неуловимых спартаковцев.

Умышленно делая вид, что его армия спешно отступает, Спартак бросал на дороге вьючных животных и повозки. Когда римляне в погоне за отставшими растянулись по дорогам, уверенные, что гладиаторы теряют последние силы, Спартак быстро повернул свое войско и внезапно напал на одно крыло, половину легионов Красса. Это нападение привело римлян в такой ужас, что они обратились в повальное бегство, едва успев увезти из боя своего раненого начальника.

Ободренные этой неожиданной победой и уверенные в том, что никто больше не сможет устоять против них, рабы и гладиаторы собрались вокруг Спартака и, потрясая оружием, потребовали, чтобы он повел их на Рим.

— В войне нельзя делать ошибок,— ответил Спартак.— Теперь прежде всего мы должны разделаться с Крассом!

— Мы ничего не боимся! — кричали воины.— Кто сможет победить нас? Но мы устали воевать и хотим последним ударом покончить с ненавистным Римом. Мы хотим отдохнуть в его дворцах. Веди нас на Рим!..

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

В это время Рим уже не надеялся, что Красс один сможет уничтожить армию Спартака, и в помощь ему вторым главнокомандующим был назначен Помпей, вернувшийся к тому времени из Испании, а в Брундизи нахо-

дился со своими войсками Лукулл, недавний победитель Митридата в Малой Азии.

Таким образом Спартак оказался запертым.

И вот произошла последняя встреча войска рабов и гладиаторов с римскими легионами Красса.

Наступил вечер. Римляне приблизились к стоянке гладиаторов и на их глазах стали строить свой лагерь по военным правилам, окапываясь валом и глубоким рвом.

Спартаковцы, увидя римлян, начали беспорядочно выбегать им навстречу, прыгали в ров и нападали на тех, кто в нем работал. С обеих сторон легионеры и рабы бросались на помощь своим, и схватка разгоралась все сильнее.

Спартак был в отчаянии: «Где же подчинение? Где стройные ряды воинов и порядок войска? Наверное, Красс приготовил нам здесь ловушку!»

В своем провидении Спартак был прав. Когда бóльшая часть рабов беспорядочно выбежала на помощь своим воинам, из-за холмов выступили скрытые прежде свежие отряды римских легионеров. Они ожидали в засаде и в решительный момент сомкнутыми рядами, плечо к плечу, двинулись на беспорядочно бившихся гладиаторов.

Быстро подвезенные римлянами баллисты и катапульты[1] поражали гладиаторов камнями и громадными стрелами.

Спартак, наблюдавший за боем, вдруг спросил Гету:

— Где мой конь? Приведи его сюда!

Гета побежал и быстро вернулся с любимым вороным конем Спартака.

Бывшие поблизости гладиаторы заговорили:

— Смотрите! Неужели Спартак решил нас покинуть?

— Не может быть! Он обещал не оставлять нас и вместе броситься сегодня в бой с римлянами, даже если это будет наш последний бой.

— Друзья! — воскликнул Спартак.— Разве я когда-нибудь обманывал вас? Разве я когда-нибудь покидал вас в опасности? Я сегодня выполню свое обещание!

Спартак ласково потрепал по крутой шее своего вороного коня, вынул блестящий меч и вонзил его коню в сердце.

— Что ты сделал! Зачем? — воскликнул со слезами

---

[1] Баллисты и катапульты — метательные машины, бросавшие стрелы, камни на большое расстояние.

Гета, видя, как бьется в смертельной агонии, упав на землю, красавец конь.

— Сейчас начался наш последний бой! — ответил Спартак.— На этом коне враги много раз видели меня, а я хочу добраться до Красса, чтобы покончить со злобным тираном. Пешему мне легче будет это сделать.

Сражение становилось все более ожесточенным.

Спартак с необычайной ловкостью и силой пробивался сквозь ряды врагов, разыскивая Красса. Он перебил несколько римских начальников, но и сам был тяжело ранен в бедро. Упав на колено и прикрываясь круглым щитом, Спартак еще долго бился против наступавших на него со всех сторон легионеров.

В этой кровавой схватке погиб бесстрашный вождь гладиаторов.

Битва продолжалась до темноты. Число жертв с обеих сторон было огромно. Только несколько тысяч спасшихся гладиаторов отступили в горы и долго еще там скитались, преследуемые римскими отрядами.

Ночью, при багровом свете дымящихся факелов, на поле битвы явился Красс. Впереди шагали флейтисты и два воина-ликтора с фасциями[1] на плечах. Красса окружала многочисленная свита и охрана. С трудом прошли они по равнине, где лежали нагроможденные тела сражавшихся. Отовсюду слышались стоны тяжелораненых и умирающих...

— Завтра мы устроим торжественные похороны,— сказал Красс,— и сожжем на кострах тела павших римлян...

* * *

Когда Красс со свитой удалился и серебристое мерцание луны осветило поле недавней битвы, из-за скалы показались три фигуры. Они осторожно пробирались между павшими воинами и всматривались в их лица.

— Все наши друзья погибли! — говорил Аристомен.— Вот смелые нумидийцы, вот доблестные греки, вот галлы и сирийцы!.. Я вижу также бедных римских зем-

---

[1] Фасции — пучки прутьев (розог) с вложенными в них топорами несли ликторы, почетная свита проконсула Красса.

ледельцев и пастухов... И они примкнули к боровшимся за свободу и вместе погибли смертью храбрых!..

— Сколько друзей мы уже увидели, заснувших вечным сном! — сказала женщина, закутанная в плащ.— Но где же Спартак? Я хочу пролить душистого масла на его тело и закрыть его бесстрашные глаза...

— Не горюй, Амика,— отвечал старик.— Не беда, если мы не найдем его тело. Здесь все лежат как братья. Окропи душистым маслом одинаково всех. Твоим последним приветом ты почтишь память героев.

— Гета! — сказала Амика.— У тебя зоркие глаза. Всматривайся в лица павших, может быть, мы еще найдем Спартака.

Трое осиротевших друзей медленно прошли через все поле, где, смешавшись в предсмертной схватке, лежали рабы и римские легионеры. Видно было, что восставшие сражались бесстрашно, так как погибали только от раны в грудь.

Тело Спартака ни тогда и ни после найдено не было.

Утром громадные костры запылали по всей долине, сжигая тела погибших римлян.

Пустынными горными тропинками шли Аристомен, Амика и Гета.

— В Фуриях у меня есть друзья — греки,— говорил старый философ.— Они помогут нам переправиться на корабле ко мне, на мою дорогую родину. Вдали от жестокого Рима мы начнем другую жизнь, и там наш маленький друг Гета вырастет спартаковцем, борцом за свободу, достойным своего великого друга и учителя!

* * *

После этой победы, купленной римлянами ценой громадных жертв, войска аристократов произвели ужасный разгром рабов по всей Италии. Они хотели окончательно задушить последние искры борьбы и надежды на свободу.

Однако прошло еще около десяти лет, прежде чем Риму удалось разбить последние отряды восставших рабов.

Спустя год после гибели Спартака консулу Помпею пришлось столкнуться с пятитысячным отрядом рабов в Этрурии. Держались спартаковцы и на юге Италии, где

целая область близ Фурий еще в 63 году[1] находилась во власти их отрядов.

Кроме того, некоторой части восставших рабов удалось достигнуть Сицилии, где римлянам в течение долгого времени пришлось подавлять отдельные вспышки восстаний.

Кровавым памятником победы Красса над Спартаком стали шесть тысяч крестов, на которых были распяты живыми захваченные в плен гладиаторы. Эти кресты победители поставили по всему пути от города Капуи, где началось восстание, до стен Рима.

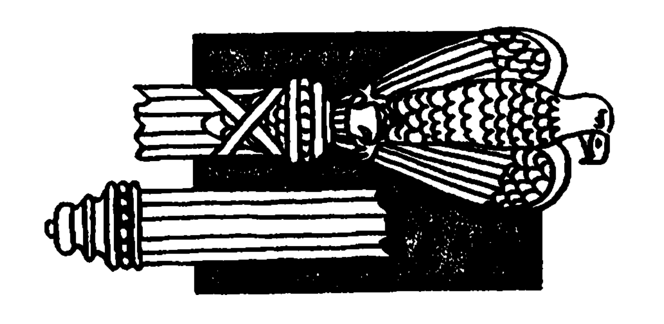
Знатные властители столицы ликовали и устраивали пышные празднества и новые гладиаторские игры.

Но в народе передавались из поколения в поколение рассказы о бесстрашном Спартаке, друге угнетенных и рабов, и эти предания, распространившись далеко за пределами Италии, сохранили до наших дней память о свободолюбивом фракийце, ставшем путеводным маяком для всех угнетенных, борющихся за свободу.

1932

---

[1] Восстание рабов началось в 73 (или 74) году до н. э. Спартак погиб в 71 году до н. э.

РАССКАЗЫ

ГОЛУБАЯ СОЙКА ЗАРАТУСТРЫ

Когда покоритель народов Александр Македонский, прозванный Великим, проходил через равнины и горы Ирана, он достиг старинного города Бактры, столицы северной цветущей провинции Бактрианы. Ее сатрап с жалкими остатками разгромленных войск бежал в Мараканду[1]. Население в ужасе металось по всем дорогам, уходило в горы, пряталось в лесах и болотах.

Старинные каменные стены города Бактры недолго сдерживали натиск опытных в военном деле чужеземцев. Они разбили таранами ворота, проломали стены и несколько дней свирепствовали, истребляя жителей и грабя их дома.

Богатый, многолюдный город особенно славился своими древними храмами. При них жили многочисленные жрецы, обучавшие юношей знаниям, которые издревле передавались от одного поколения к другому. Были также особые сокровенные знания: они сообщались тайно только избранным ученикам, посвященным в звание «испытанных» и «верных». При храмах существовали библиотеки. В них сберегались древние поучения, написанные на пергаментных свитках в виде размеренных песен, чтобы ученики легче их запоминали.

Александр, цветущий молодостью и красотой, проезжал по узким, извилистым улицам Бактры на горячем вороном жеребце, в сопровождении блистающего латами отряда копейщиков. Он пожелал увидеть знаменитый древний храм огнепоклонников, расположенный среди тенистой рощи, состоящей из вековых священных платанов и вязов. В прохладной тени этих столетних великанов сидели на камышовых циновках ученые жрецы храма и рассказывали

---

[1] Бактра — нынешний Балх; Бактриана — нынешний северный Афганистан; Мараканда — нынешний Самарканд.

собравшимся вокруг ученикам и случайным богомольцам предания минувших времен: о создании светлым Ормуздом неба и земли, о жизни народов, давно исчезнувших после жестоких, кровопролитных войн.

Некоторым ученикам, посвятившим себя изучению тайны жизни и смерти человека, бактрийские мудрецы рассказывали об устройстве и работе органов тела человека и животных. Эти же мудрецы объясняли причины всевозможных заболеваний и обучали способам их лечения.

Въехав в заповедную рощу храма, Александр легко соскочил с огнеглазого коня, покрытого барсовой шкурой. Два статных эфиопа-скорохода с курчавыми, как овечье руно, волосами, схватили беспокойного коня за поводья, украшенные золотыми бляшками и цепочками, и замерли, неподвижные как изваяния.

Молодой, красивый, с обнаженными могучими руками, властелин раздавленной Персии, разминая загорелые ноги в красных шнурованных башмаках, медленно направился по дорожке, осыпанной пожелтевшими листьями. Лучи солнца, пробив густую листву, яркими пятнами переливались на позолоченных латах и серебряном шлеме с двумя золотыми закрученными бараньими рогами, прикрывавшими уши. Широкий меч в золотых ножнах висел на кожаном поясе.

Сдвинув брови, пристальным недоверчивым взглядом Александр смотрел по сторонам. Роща казалась пустой. Никто не вышел встречать победителя.

Слева, несколько позади, шел друг и ровесник Александра, его неизменный спутник в походах, Гефестион, так же любимый, как был любим Патрокл, друг героя Троянской войны Ахиллеса. Такой же молодой, красивый, нарядный и цветущий, Гефестион нес в руке короткое красное копье царя с длинным, отточенным до блеска лезвием. Всегда настороженный, он следил за выражением лица своего могущественного друга и умел успокаивать внезапные вспышки бешеного гнева, начинающегося с подергивания правого плеча. В то утро он заметил, что Александр несколько раз уже поводил плечом и откидывал назад голову. Нужно было опасаться за участь тех, кто в предстоящие минуты попадется на глаза неукротимому македонцу.

Сзади слышались размеренные тяжелые шаги воинов и позвякивание их оружия.

Впереди, между стволами деревьев, показались белые очертания храма. По сторонам центральной высокой постройки протянулись два крыла со множеством круглых маленьких окошек под самой крышей, ровной и плоской. Обычно на ней по ночам собирались жрецы, наблюдая движение звезд и планет и совершая по ним гадания о судьбе человека.

Середину храма занимали сто колонн, соединенных арками, подпиравшими затейливую постройку в виде ступенчатой пирамиды с площадкой наверху. На ней днем и ночью на большом жертвеннике пылал неугасимый священный огонь.

Даже в эти страшные дни, несмотря на вторжение в Бактру врагов, жрецы не покинули храма, и, как обычно, сизый дым извилистыми струйками поднимался к ясному бирюзовому небу.

Александр, приближаясь спокойным, уверенным шагом, увидел на ступеньках храма ряды жрецов и их учеников в длинных белых одеждах. Подняв над головой руки с выпрямленными ладонями, точно для защиты от подходивших завоевателей, все они пели стройным хором протяжную, заунывную молитву.

Увидев блиставших оружием необычайных чужеземцев, жрецы прекратили пение, опустились на колени и склонились ниц.

Александр остановился в нескольких шагах:

— Переводчик! — сказал он отрывисто.

Приблизился старый грек, бывший купец из Эфеса, знавший языки многих народов Персии. Вместе с ним подошел и молодой философ Каллисфен, афинянин, племянник ученого Аристотеля. Он держался с Александром свободно, как равный, говорил с ним запросто, на правах товарища его юношеских игр:

— Вот Восток, со всей своей многовековой мудростью и знаниями, склонился перед Западом, принесшим новую эллинскую мысль,— гением воли, смелости и грядущего мирового величия.

Гефестион добавил:

— Феб и Арей оказались сильнее Ормузда и Аримана.

Александр усмехнулся и сказал через плечо переводчику:

— Спроси, кто у них старший жрец? Пусть он подойдет ко мне. А всем остальным прикажи покинуть храм и ждать решения своей судьбы в этой платановой роще.

Переводчик подошел к стоявшим неподвижно перепуганным жрецам. Они выпрямились. Один выступил вперед. Высокий остроконечный колпак из шкуры белого барашка покрывал его седую голову. Он опирался на длинный посох с золотым крючком наверху. Все остальные жрецы, снова затянув заунывную песню, медленно направились парами в глубь рощи.

Главный жрец приблизился к Александру шаркающей старческой походкой. Из его потускневших глаз стекали крупные слезы и застревали в длинной седой бороде. Сухие, узловатые старческие руки, державшие посох, дрожали.

— Давно ли существует этот храм? — спросил македонец.

— Много столетий. С той поры, когда еще жил под лучами солнца наш великий учитель, мудрейший из мудрых, кроткий и всезнающий Заратустра.

— Много ли книг он написал?

— Много. Но еще больше написали ученики, слушавшие его поучения.

— Предсказал ли он судьбу своей родины?

— Да. Он говорил не раз и о прошлой и о современной ему жизни, и о грядущих горестях и радостях своей страны. Он все знал и все предвидел.

— Предсказал ли он, что сюда, в это развалившееся государство царя Дария, приду я и покорю его?

— Он и это говорил.

Александр переглянулся с Гефестионом.

— Расскажи, что он сказал обо мне.

Старик грустно покачал головой, и снова из глаз его брызнули слезы.

— Если ты приказываешь, то я скажу. Но это принесет тебе печаль и гнев, а мне гибель.

— Говори, не бойся!

— Всезнающий Заратустра поучал,— и старик продолжал нараспев, как привык читать священные книги, а переводчик сейчас же переводил его слова:

«...Настанет черный день страшнее ночи.
От слез твоих, народ, погаснут очи.
Законом станет меч в руке врага.
Приедет он с глазами Аримана,
Жестокий враг на вороном коне.
Сгорят и дети и жена в огне,
И ты пойдешь один равнинами Ирана,
И будет прах везде, развалины и кровь...»

Заметив, как стало вздрагивать плечо Александра, Гефестион быстро подошел к старому жрецу и рукой прикрыл ему рот. Он обратился к Александру:

— Наверное, ты захочешь посмотреть храм этих огнепоклонников?

— Да. И пусть этот старый безумец мне покажет жертвенник вечного огня и покои Заратустры.

Переводчик и Каллисфен, поддерживая старика под руки, пошли вперед. Александр с Гефестионом, следуя за ними, поднялись по истертой витой каменной лестнице и достигли площадки на крыше храма.

На мраморном жертвеннике горел огонь. Два жреца вылезли, трясясь от страха, из ниши и стали подбрасывать в огонь мелко нарубленные можжевеловые ветки и смолистые корни.

С крыши храма было отчетливо видно, как по кривым, запутанным улицам и переулкам города проезжали вооруженные всадники, гоня толпы людей, нагруженных домашним скарбом, как пылали в клубах черного дыма бесчисленные дома с плоскими крышами, как на них метались люди и отчаянно кричали, воздевая руки к небу.

Александр равнодушно спросил:

— А что случится, если священный огонь на жертвеннике погасить?

Старый жрец ответил:

— Тогда люди жестоко пострадают от гнева оскорбленного бога Ормузда. Это уже было. Однажды мы недоглядели. Страшная буря разметала угли и дрова на жертвеннике. Потоки дождя залили огонь. Мы горячо молились, прося прощения за свою нерадивость, и снова нам помогла милость всепрощающего бога. Раздался страшный раскат грома, и молния, расщепив старый кедр, зажгла его, как факел. Мы сберегли этот священный огонь небесного гнева, и с тех пор он горит опять днем и ночью... Теперь ты пришел затушить его и погубить нас...

Александр, отвернувшись, указал Гефестиону на север, где тянулись хребты покрытых снегом гор:

— Туда я направлю мое войско. Там я поймаю подлого сатрапа Бесса, коварно заколовшего своего царя Дария. Я жестоко накажу его. Тогда моим воинам я дам заслуженный отдых. Затем я двинусь дальше, к восходу солнца, чтобы дойти наконец до Последнего моря, куда никто еще до меня не доходил.

Внезапно Александр обратился к юноше-оруженосцу, несшему за ним небольшой разукрашенный узорами кожаный щит, и приказал:

— Разбросай во все стороны дрова и угли. Погаси сейчас же этот нечестивый огонь!

Смотря на старого жреца, Александр продолжал:

— Ты сказал, что я сын Аримана, «жестокий». А я уже зажег столько огней в Бактре, что обманщикам-жрецам нетрудно будет снова разжечь священный жертвенник. Ступай вперед, старик, и покажи мне покои Заратустры.

Помещение, где некогда обитал праведный Заратустра, было похоже на узкую келью с небольшим круглым окошком под потолком.

— Из этого окна всегда видна звезда «Небесный гвоздь». Учитель любил в ясные ночи смотреть на эту звезду и спрашивать у нее совета.

В келье находились только небольшой потертый коврик в углу и на нем глиняный светильник и чашка, деревянная ложка, бронзовая чернильница и несколько отточенных и запачканных чернилами тростниковых перьев. Вся келья была обрызгана белым пометом птиц. На деревянном гвозде висела старая выцветшая одежда, вся тоже в таких же белых пятнах.

Вдруг послышалось нежное чириканье.

— Стойте и не шевелитесь! — прошептал старый жрец.— Сейчас вы услышите голос нашего учителя Заратустры.

Все замерли.

В просвете окна показалась птичка, похожая на горлинку, но с большим длинным клювом. Она посмотрела косым, недоверчивым взглядом. Старый жрец посвистал, и птичка перелетела к нему на плечо и стала осторожно перебирать клювом его длинные седые волосы. У нее были яркие, бирюзовые крылышки и синее кольцо вокруг блестящего глаза. На голове то поднимался, то опускался коричневый хохолок. Она вспорхнула и снова опустилась, на этот раз на голову Каллисфена. Все стояли неподвижно, стараясь не спугнуть маленького ручного гостя.

— Скажи, крошка! Скажи нам что-нибудь! — тихо говорил старый жрец и слегка посвистывал.

Вдруг птичка насторожилась. В окошке показалась такая же вторая и прочирикала красивую переливчатую

мелодию. Сидевшая на голове Каллисфена птичка повторила ту же мелодию, и обе вылетели в окно.

— Где же голос Заратустры? — спросил Каллисфен.

Старик ответил:

— Разве вы не слышали, что прощебетала эта голубая птичка? То было одно из поучений Заратустры. Однажды он сказал своим ученикам: «настанут тяжелые времена, и сын Аримана прикажет сжечь все мои наставления, все рассказы, все молитвы. Изменится лицо земли. Придут новые народы. Но мысли, вложенные мне в сердце светлым Ормуздом, должны остаться вечно. И я их сведу к нескольким главным заветам. Я их пропою голубой сойке, священной птичке, умеющей повторять слышанное. Ариман не осмелится ее тронуть...» После этого до конца своей жизни Заратустра ходил по лесам, приручал голубых соек и приносил их на плече в свою келью. Так у него побывало много птичек. Каждую он учил одному из своих изречений. Все сойки их запоминали и передавали птенцам... Поэтому мы, жрецы священного огня, сберегаем и подкармливаем этих соек, напоминающих людям священные заветы Заратустры.

— Ты можешь сказать нам какие-либо изречения, услышанные от голубых соек? — спросил Каллисфен.

— Да, я помню некоторые: «Торопись обласкать каждого, быть может, ты его больше не увидишь».

— А еще?

— «В каждом человеке дремлет неузнанный бог. Разбуди его».

— А что сказала сойка, прилетавшая сюда?

— Она сказала...— и старый жрец схватил себя руками за голову.— Нет, я не смею повторить это!

— Говори! — настаивал Александр.— Я тебя не трону...

— Она пропела: «Как злы и беспощадны эти люди!»

Александр, взбешенный, заговорил быстро, и пеной покрылись его побледневшие губы. Один глаз, более светлый, закатывался под лоб:

— Эти жрецы-огнепоклонники — обманщики народа!.. Есть только одна истина, ее напишет людям острый конец моего меча. Все остальное — бредни. И поучения Заратустры надо сжечь, а не морочить ими людей. Ты, Гефестион, проследишь, чтобы этот храм был разрушен, все жрецы вместе с книгами сожжены на их же священном жертвеннике...

— Позволь возразить! — вмешался Каллисфен.— Не делай непоправимой ошибки! Эти жрецы одновременно искусные лекари. У них собраны ценнейшие книги с указанием способов лечения различных болезней. Прикажи отослать эти книги в Афины Аристотелю.

— Пусть будет так. Я поручаю тебе, Гефестион, проследить также и за этим. Старику я дарую жизнь, но приказываю отрезать его лживый язык. Пускай ходит по развалинам Персии и слушает голубых соек...

* * *

Приказ грозного, неумолимого завоевателя был исполнен.

Несколько дней его воины свирепствовали, разыскивая по всему городу священные книги огнепоклонников-зороастрийцев, вылавливали жрецов и с песнями и свистом сжигали их на кострах вместе с книгами. Люди, еще сохранившиеся в городе, ожидали, что гнев великого праведного Ормузда после такого святотатства обрушится на Александра. Но этого не случилось. Он двинул свои войска на север, к городу Мараканде и далее, на царство вольных скифов.

На месте когда-то многолюдного, богатого и счастливого города Бактры остались одни развалины. Вся долина между горами дремала в мертвой тишине, покрытая заросшими травой обломками каменных зданий и когда-то величественных храмов.

Оставшееся население разбежалось, и в скважинах между камнями гнездились только совы и проворные ящерицы, а по ночам отвратительно лаяли и завывали трусливые шакалы.

Говорят, что старый жрец еще много лет бродил по пыльным дорогам Ирана с голубой сойкой на плече, которая повторяла встречным путникам поучение Заратустры:

«Любите солнце и детей, воспевайте женщин и жалейте стариков!»

Напуганные пожаром и воцарившимся безлюдьем, мирные голубые сойки разлетелись по всему свету, где до сих пор повторяют на непонятном для нас языке мудрые поучения великого учителя народов.

1945

ПИСЬМО ИЗ СКИФСКОГО СТАНА

> ...Она, может быть, еще жива. Сухая, как стручок, темная, как шоколад, она сидит около костра из душистого вереска и рассказывает о далеких временах, сверкая белыми зубами и ожерельем из изумрудов. И в глазах ее, блестящих живой мыслью, вспыхивают синие искры чудесных воспоминаний...
>
> *Автор*

1. ВЕРБЛЮДЫ ОСТАНОВИЛИСЬ

Четыре наших верблюда стояли, в недоумении поворачивая высоко поднятые головы. Сошли с коней суровый Мердан, джигит-афганец, и переводчик Курбан и остановились возле верблюдов, сбивая плетками соленую пыль с сапог. Проводник, взятый из последнего персидского селения, сидел на корточках и чертил веткой гребенщика по мягкой, как зола, солончаковой почве.

Мы перевели коней на рысь и подъехали к нашему маленькому каравану. Профессор Хэнтингтон, который всегда вспыхивал, как ракета, стал кричать мне, погоняя своего маленького хивинского иноходца:

— Проводник, наверное, обманщик! Взялся проводить нас до Кяфир-Калы, уверяя, что знает дорогу, а оказался обычным восточным лгуном. Ничего не знает... Что мы будем делать? На вашей сорокакилометровой карте ничего не понять. Города показываются там, где они не намечены, а нужных городов не появляется. На американских картах этого не бывает.

Когда маленький профессор сердился, он всегда уверял, что «в Америке все лучше».

— В чем дело, Курбан? Почему вы стоите?

— Вот этот человек говорит...— засмеялся по своей привычке Курбан, скаля ослепительные зубы и забрав глаза во множество морщинок,— этот человек говорит, что здесь три дороги и все три плохие. Если хорошо заплатите, то он пойдет дальше, а не заплатите, повернет домой.

Хэнтингтон, вспомнив, что он сын набожного квакерского пастора, стал еще пуще горячиться и выпаливать множество слов, которые Курбан вряд ли понимал:

— Скажи этому несчастному обманщику, что если он договорился, если он дал слово, то, как порядочный,

честный гражданин, он должен это слово исполнить! Американская пословица говорит: «Один человек — это одно слово, а не два слова». У нас в Америке...

Я прервал его:

— Позвольте, дорогой Хэнтингтон! Все дело в каких-нибудь десяти лишних кранах[1]. Дадим ему их и двинемся дальше...

— Они, понимаете, они... (Профессор подразумевал под словом «они» всех «восточных» людей, в противоположность культурным «белым»; к восточным он в душе причислял и меня — «московита».)... Они, — задыхался Хэнтингтон,— будут над нами смеяться. Вся равнина от Зюльфагара[2] до Индии будет через три дня знать, что мы дураки, которых всякий может обмануть. Скажи ему, что он, как американцы говорят, «хэмбог» — надувальщик!..

Курбан снова смущенно засмеялся. Оттянув челюсть вниз и скосив глаза на кончик носа, он сказал:

— Слушаю, америкен бояр-ага[3].

И он стал что-то говорить проводнику, равнодушно сидевшему на пятках. Курбан указывал плеткой и на меня, и на американца, и на джигитов. Он проводил руками по бороде, указывал на небо и на землю и наконец ткнул плеткой в живот вздрогнувшему верблюду. Проводник ответил по-персидски одной фразой. Курбан захихикал и согнулся, деликатно почесывая спину:

— Он большой нахал!

— Так что же он говорит?

Курбан снова хихикнул. Хэнтингтон погрозил проводнику своей маленькой рукой и прошипел, делая свирепое лицо:

— Хэмбог! Ты — хэмбог! — и, угрожая плеткой, стал надвигать крошечного иноходца на огромного, неповоротливого, как верблюд, горного крестьянина.

Мердан, желая предотвратить катастрофу, вмешался:

— Америкен-бояр! Ты его не бей! Не надо бить. Он убежит, и тогда мы пропали. Он просит, извините пожалуйста, еще десять кранов и немного териака[4]: он териакеш и иначе идти не может, у него курсок[5] плохой...

---

[1] Кран — персидская монета, около 20 копеек (в описываемое время).

[2] Зюльфагар — ущелье, где сходятся границы Туркменистана, Афганистана и Ирана.

[3] Туркмены раньше называли знатных лиц «бояр». Ага — дядя, господин.

[4] Териак — по-турецки опиум.

[5] Курсок — сердце.

— Ол-райт! Мы дадим ему еще десять кранов и териак. Но знает ли он дорогу?

Курбан переспросил проводника, провел руками по бороде и объяснил:

— Он очень даже знает, только здесь есть три дороги, и все три плохие. Колодца нет, травы нет, карапшик[1] много... Лучше, говорит, поедем домой, он нам плов делать будет.

Мы двинулись дальше по седой солончаковой пустыне.

2. ОГОНЕК В СТЕПИ

Мы шли до темноты, однако не встретили ничего похожего на ручеек или колодец. Полузасохшие стебли ползучих растений с соленым кристаллическим налетом на ветках наводили уныние. Нередко попадались следы диких ослов. Мердан показал нам на горизонте несколько точек, едва заметных в дрожащем воздухе. Это были дикие ослы, а может быть, куланы[2]. Мы с трудом разглядели в цейсовский бинокль их желтые спины с черными полосами на хребтах. Животные вскоре скрылись за холмами.

Хэнтингтон высказал предположение, что проводник хочет нас привести в лагерь кочевников-разбойников, и утверждал, что нам следует двинуться по компасу на юг, не слушая «хитрого восточного хэмбога».

К несчастью, пятый наш джигит, русский молоканин[3] Михаил, заболел тяжелым приступом лихорадки. Он был почти без сознания, лежал животом на своем рыжем жеребце, обняв его за шею. Голова больного беспомощно болталась при каждом шаге коня.

В сгущавшихся сумерках мы не хотели останавливаться, полагая, что привал на солончаке не принесет отдыха ни нам, ни животным. Мнения разделились. Хэнтингтон считал, что надо продолжать идти на юг; я же возражал, что далеко на юг тянется голая безводная степь, поэтому необходимо направляться прямо на восток к афганской границе. Там, в предгорьях, куда докатываются последние вздохи горных ручьев, можно встретить бродячих арабов

---

[1] Карапшик — разбойник, буквально «черная кошка».

[2] Кулан — разновидность дикой лошади.

[3] Молокане — русская христианская секта, возникшая в XVIII веке, отрицавшая весь церемониал официальной православной церкви, обряды, иконы, храмы и т. п., преследовавшаяся и высылавшаяся на окраины России. В Туркмении молоканские селения были на персидской границе.

или кочующих афганцев. Они нас накормят, мы дадим передышку животным и снова двинемся на юг, к нашей конечной цели — Белуджистану.

Хэнтингтон твердо стоял на своем; он опасался враждебных действий афганцев, которым ничего не стоило ограбить нас и бесследно исчезнуть в беспредельных равнинах.

В конце концов решено было разделиться: со мной поедет афганец Мердан и переводчик-туркмен из Теджена — Курбан; больной Михаил, молодой джигит Хива-Клыч и все верблюды пойдут с Хэнтингтоном на юг. Через два-три дня, если все будет благополучно, мы должны снова встретиться на сто километров южнее. Проводник, проглотив темный шарик опиума, равнодушно сказал, что пойдет с верблюдами хоть к самому шайтану.

Через несколько минут мы втроем ехали на восток, а к югу от нас в сумерках терялись силуэты мерно покачивавшихся верблюдов и затихал звон их бóталов.

Начали попадаться небольшие овраги — хороший признак,— значит, сюда доходят потоки воды во время горных ливней. Из-под куста выскочила и понеслась стремглав в сторону щетинистая гиена, отвратительно подбрасывая короткие задние ноги, похожие на букву «Х». Стало совсем темно. Лошади шли чутьем, одна за другой; в темноте они то поднимались, то спускались, ныряя куда-то на неровной почве.

Поднявшись по откосу оврага, кони остановились. Где-то впереди мерцал огонек. Он то пропадал, то снова загорался, едва заметный и тусклый. Где огонек в степи, там и люди, и вода в закопченных чайниках, и отдых, и указание ближайшей тропы...

3. ЖЕНЩИНА В ЗОЛОТОЙ ТИАРЕ

Мы подъезжали к арабским шатрам. Оранжевый огонек метался среди черной мглы, облизывая большой котел, и отблески красного света прыгали по косым полотнищам темных палаток, припавших к земле, словно крылья летучей мыши. Несколько женских фигур двигались около костра, поминутно закрывая его пламя.

Огромные мохнатые собаки бросились под ноги нашим вздыбившимся коням. С хриплым давящимся лаем они прыгали, как дьяволы, перед нами. Фигуры встрепенулись, забегали, закричали по-персидски:

— Зачем вы приехали сюда? Здесь только одни женщины! Что вам надо?..

Кони подлетели к самому костру. Женщины в полосатых халатах, малиновые от огня, пронзительно кричали, хватая с земли камни. Из мрака вынырнул старик в чалме, с длинной седой бородой. Из-под руки он пристально посмотрел на нас и закашлялся.

— Теперь это у него долго будет! — Курбан безнадежно махнул рукой, словно он знал старика.

Наконец старик откашлялся и стал свирепо наступать на нас, требуя, чтобы мы уехали назад в степь.

— Это племя «машуджи», одних женщин. Кафирам-безбожникам[1] здесь нечего делать! Видите, как они вас боятся!..

Курбан, наклонившись с седла, дружески тронул старика за плечо. Тот отскочил, словно обожженный, и начал старательно очищать место, которого коснулась рука нечестивого.

— Он нас не любит,— засмеялся Курбан,— потому что мы вам служим, а вы Магомета не признаете. Значит, мы все тоже кафиры!

Старик свирепел и шипел, как змея, а женщины продолжали пронзительно визжать. Камень пролетел мимо моей головы. Уговоры и объяснения Курбана, что мы заблудились и голодны, не помогали.

Вдруг к нам подбежала, звеня бусами и нашитыми на платье серебряными монетами, смуглая девочка и стала что-то быстро говорить по-персидски. Курбан объяснил:

— В этом ауле есть старшина-баба, то есть женщина... Биби-Гюндюз[2]. Она просит не слушать старого муллу — он «дели»[3] — и пройти в ее кибитку...

Женщины сразу успокоились, подбежали к нам, взяли под уздцы коней, сняли наши хуржумы[4] и пошли с нами вслед за девочкой. Согласно законам восточного гостеприимства, мы могли о конях больше не беспокоиться — женщины-кочевницы лучше нас посмотрят за лошадьми, вовремя их накормят и напоят.

У среднего шатра девочка сделала жест рукой, предлагая остановиться, и нырнула за узорчатый полог. Затем она выглянула и пригласила нас войти.

Палатка была широкая, плоская и тянулась далеко

---

[1] Кафир — иноверец (не мусульманин), безбожник, язычник.

[2] Биби — прибавляется к женскому мусульманскому имени в значении «наставница».

[3] Дели — сумасшедший, юродивый, блажной.

[4] Хуржумы — переметные сумы, мешки, крепятся позади седла на спине лошади.

в глубину. Посредине тлел огонек, и душистый голубой дымок приносил запах сухого степного вереска. Позади костра, на большом темно-лиловом афганском ковре, сидела неподвижная фигура в красной шелковой одежде. В ярких вспышках костра я разглядел застывшее, как у буддийского идола, коричневое лицо под остроконечным золотым колпаком.

Курбан, знавший правила восточной вежливости, опустился на колени с правой стороны идола и пригласил меня сесть рядом. Я расположился около него, а Мердан, недоверчивый и угрюмый, остался стоять у входа. Женщины положили около нас хуржумы, седла и уздечки и удалились.

Курбан начал витиеватые обращения, спрашивая о здоровье коней, верблюдов, овечьих стад Биби-Гюндюз и о ее собственном здоровье. Женщина оставалась неподвижной, с опущенной головой.

Я начал всматриваться в ее лицо: она была немолода; сухое лицо с красивыми чертами и удлиненными скошенными глазами имело восточный тип. На бронзовой шее светилось ожерелье зеленых изумрудов, безжалостно просверленных, надетых на нитку. На ее халате было нашито множество серебряных монет и несколько талисманов. На голове — странная конусообразная тиара-колпак с золотыми цепочками и подвесками.

Мердан мрачно буркнул:

— А я пойду к коням. Их нельзя оставлять одних. Неспокойное здесь место.

И он вышел.

Неожиданно Биби-Гюндюз резко повернулась в мою сторону, и все украшения ее колпака зазвенели.

— Зачем ты приехал ко мне? — спросила она по-туркменски.

Курбан стал рассказывать про путь, проделанный нами от Асхабада к соленому озеру Немексар[1], про наш план проехать верхом до Индии; он упомянул, что Хэнтингтон — маленький человек, но большой мулла — рисует и измеряет горы.

— Чтобы отнять их потом у мусульман! А до Индии вы не доедете! — сказала уверенно бронзовая женщина.— В Сеистане стоит очень большой отряд англичан, и они никого не пропускают в Индию. Чего они боятся?

— Откуда ты это знаешь?

---

[1] Немексар — соленое озеро в восточной Персии, к югу от города Хафа.

Веки ее медленно приподнялись, и взгляд, тяжелый, пристальный, загадочный взгляд дочери Востока, остановился на мне.

— Откуда я знаю? Мой старинный род машуджи свободно кочует уже тысячу лет от каналов Хорезма до Гималаев и от Аравийского моря до астраханских киргиз. Я знаю все, что происходит на моей равнине.

— Как же ты так свободно ездишь? Разве тебя не задерживают на границах?

— Никогда! Никто не смеет остановить меня, потому что со времени Искендера Великого над моим племенем власти не было. Мы знаем все пути и тропы, которых не могут знать пограничные стражники. Да и зачем им нам мешать? У нас стадо баранов, которое проберется по таким горным крутизнам, где сорвутся в бездну кони...

— Разве коней у тебя нет?

— Ты знаешь пословицу: «Продать баранов и купить коней — не будет ни коней, ни баранов. Продать коней и купить баранов — будут и бараны и кони».

— Только цыгане так кочуют без родины, без дома.

— У меня есть родной аул — кала́[1], окруженная высокой стеной. В стене бойницы, где сидят наши сторожа. Эта кала лежит в горах, среди пустыни Дешти-Лут[2]. Мы там бываем ежегодно весной, а затем откочевываем, спасаясь от жары, на север, где есть корм для баранов. Ты знаешь, где Дешти-Лут?

Курбан осклабился и цокнул в знак отрицания.

— Дешти-Лут — посреди Персии. Там идут пустыни еще более песчаные и страшные, чем Каракум. Персидские начальники и солдаты боятся туда поехать. Там живут свободные кочевые племена, которые грабят всех, и никто не мог их покорить со времен Искендера, завоевавшего весь мир...

Женщины в пестрых просторных одеждах внесли большие медные подносы с затейливой резьбой. Концами своих головных платков они закутали нижнюю часть лица: видны были только глаза, сверкающие любопытством.

Перед нами красовались сеистанские финики, изюм, вяленые бураки, овечье молоко в плоских мисках и длинные палочки леденцов. Одна из женщин наломала лепешек, испеченных в золе, и разложила кругом угощенье.

---

[1] Кала́ — поселение, крепость, обнесенная глухой глинобитной или каменной стеной.

[2] Дешти-Лут — лютая пустыня, лежит в Центральном Иране, в значительной степени еще не исследована до сих пор.

Снаружи доносился сердитый, грубый голос Мердана, вскрикиванья и смех женщин. Биби-Гюндюз повернула голову в сторону шума:

— Почему этот аскер[1] такой сердитый?

— Он зарезал в Герате жену со своим душманом[2], застав их вместе. Чтобы его не повесили, он убежал из Афганистана. Вот он и скучает. А у Курбана четыре жены, и он от них уехал, поэтому он такой веселый.

Мердан, хмурясь и дергая седой ус, вошел в шатер, вернее его втолкнули несколько женских рук. Он сопротивлялся довольно слабо.

— Кардаш[3],— пробормотал он шепотом.— Надо ночевать около коней. Это все цыгане, воры. Украдут коней,— что мы тогда станем делать? Стыдно будет джигиту идти пешком, без коня.

Биби-Гюндюз догадалась, о чем ворчал Мердан, и величественным жестом пригласила его сесть.

— Ты у нас дорогой гость. Не бойся ни за коня, ни за свою голову. Ешь, пей и не думай о завтрашнем дне...

4. ФИРМАН ВЕЛИКОГО ИСКЕНДЕРА

— Великий Искендер дал фирман[4] нашему роду, разрешив свободно кочевать по всем равнинам Азии.

— Сохранился ли у вас этот фирман?

Биби-Гюндюз провела рукой по большому серебряному амулету у нее на груди. Этот амулет имел форму початка кукурузы или еловой шишки и висел на серебряной цепочке с сердоликовыми украшениями.

— Этому фирману тысяча лет!

— Если его написал сам Искендер, то фирману две тысячи и триста лет!

Снова поднялись опущенные веки, и глаза испытующе остановились на мне.

— Фирман написан на древнем языке «руми»[5], который знал только один Искендер!

Курбан прошептал:

---

[1] Аскер — солдат, воин.

[2] Душман — враг.

[3] Кардаш — приятель, друг.

[4] Фирман — указ, охранная грамота.

[5] Руми — так на Ближнем Востоке называют греков и греческий язык.

— Твой гость — мусафир-ага[1] — знает тринадцать языков!..

Биби-Гюндюз сняла серебряный амулет и протянула в мою сторону. Курбан подхватил его и передал мне. Серебряная коробочка была искусно сделана, бугорки подражали зернам кукурузы. С одного конца открывалась крышка; на ней были тонко вырезаны три многорукие и многоногие индийские богини.

— Можно открыть?

Биби-Гюндюз прошептала:

— Эввет![2]

Внутри амулета лежал кусок шафрановой шелковой материи, где находился какой-то сверток. Я начал осторожно разворачивать край свертка, ожидая увидеть пергамент, истлевший от времени. Но это был папирус, настоящий старый папирус с желтыми прожилками. Сверху шла цепь косых, словно прыгающих букв, и я сразу узнал древнегреческие значки. Первое слово было написано так:

Αλεξανδρῳ

Это было имя Александра, но почему-то оно стояло в дательном падеже: «Александро», а не «Александрос», как должен был начинаться указ (фирман).

— Ты права, рукопись написана по-гречески, «руми». Если я спишу все, что там написано, то вместе с Курбаном мы переведем фирман и напишем его по-туркменски.

— Хорошо. Ты останешься один. Тебе никто не будет мешать. Люди будут сторожить палатку, чтобы никто не вошел.

Мердан шепнул:

— Не верь женщинам! Они хитрые. Лучше отдай это назад.

Я ответил Биби-Гюндюз:

— Благодарю. К утру я тебе все переведу.

Мое сердце трепетало. Неужели в моих руках в самом деле документ древностью в две с лишком тысячи лет? Ведь это же величайшая редкость! Что скажут все акаде-

[1] Мусафир-ага — почетный гость.

[2] Эввет — (по-турецки) да; пересыпать разговор турецкими и арабскими словами на Ближнем Востоке считается признаком хорошего тона.

мики Лондона, Берлина, Парижа! И в какой ярости будет Хэнтингтон, шагающий теперь по соленым тропинкам Немексара, что не он нашел документ Александра, а «московский варвар», один из коварных восточных «хэмбог»ов!

Меня провели в другую палатку. Старый мулла, ненавидевший кафиров, сел около меня и сонными глазами следил за моими действиями. Вскоре он свалился набок и крепко заснул. Я же всю ночь тщательно копировал свиток, бывший около метра длиной. Приблизительно я догадывался о содержании свитка. Это не был указ Александра Македонского, но тем не менее это была рукопись его времени.

У входа в палатку некоторое время шептались две женщины: одна из них опиралась на старинное ружье — мултук. Вскоре обе куда-то скрылись. Из крайних палаток доносились песни и удары бубнов: это кочевницы забавляли моих спутников — угрюмого Мердана и веселого Курбана...

Уже сгорели две сальные свечи и сквозь щели шатра стал пробиваться рассвет, когда я опустил голову на ковровый хуржум и закрыл глаза.

Утром Биби-Гюндюз угостила нас пловом с финиками. Она уже не была в своей золотой тиаре и походила на других женщин ее лагеря. Деловито осмотрела она наших коней и легко бегала между палатками, ловя разбежавшихся ягнят.

Я вернул ей серебряный амулет и заявил, что это действительно указ самого Искендера (зачем разрушать иллюзии ее рода?), но что мне трудно было перевести указ на туркменский язык.

Мы двинулись в путь.

Часов через шесть мы увидели на склоне оврага профессора Хэнтингтона. Верблюды с путами на ногах отыскивали в степи колючки. Хэнтингтон, сидя на вьюке, читал свою маленькую карманную Библию.

— Все ли благополучно? — спросил я.— Отчего вы не идете вперед?

— Как видите, все отлично. Сегодня воскресенье, когда я считаю долгом, как верующий, не двигаться с места и проводить время в размышлении. А кроме того, я подумал, что, может быть, вы меня догоните. Здесь есть небольшая лужа с малосольной водой, которую лошади пьют. Одним словом, все ол-райт!..

5. КИФАРЕД АРИСТОНИК

Через полгода я беседовал с профессором В. К. Ернштедтом[1], известным эллинистом, автором исследований о греческих рукописях, палимпсестах[2] и намогильных надписях.

— Мне жаль,— сказал профессор,— что вы не представили подлинника, однако текст говорит многое. Это письмо к Александру, написанное одним из его воинов в последний период жизни великого авантюриста, когда он был уже владетелем всей Передней и Центральной Азии и находился в Экбатане. Я перевел вам весь текст. Он написан неким беотийцем[3] Аристоником, манера письма и сокращения слов, «титлы», также подтверждают беотийское происхождение рукописи.

В книге Флавия Арриана о походах Александра упоминается некий Аристоник, «кифаред», гусляр или цитрист, будто бы убитый скифами-массагетами[4] подле Зариаспы, нынешнего Чарджуя. Может быть, Аристоник был взят в плен и является автором этого письма. Я напишу обстоятельное исследование об этой рукописи. Желательно приобрести папирус у этой современной кочевой амазонки и передать на хранение в Публичную Библиотеку...

Перевод, полученный от профессора Ернштедта, я привожу ниже. Не знаю, написано ли им обещанное исследование; может быть, оно хранится среди его посмертных бумаг. В печати я его не видел.

6. ПИСЬМО, КОТОРОЕ НЕ ДОШЛО

«Александру, сыну Филиппа, царю Азии, потомку бога Амона[5], победителю персов, египтян, эфиопов, скифов, бактриан, согдиан, паропамисадов[6] и тысячи других племен

---

[1] Профессор В. К. Ернштедт читал лекции в Петербургском университете по древнегреческому языку и палеографии (наука о древних рукописях).

[2] Палимпсест — рукопись, на которой стерт первоначальный текст и написан новый.

[3] Беотия — провинция в Древней Греции, откуда много колонистов переселилось на берега Малой Азии.

[4] Массагеты — одно из скифских племен. Смешавшись с вторгшимся племенем огузов, они стали предками нынешнего туркменского народа.

[5] Во время похода в Египет Александр Македонский прибыл в храм бога Амона, находившийся в оазисе Фивах, среди Ливийской пустыни, где амонские жрецы торжественно провозгласили его «сыном бога Амона».

[6] Паропамисады — предки нынешних афганцев. (*См. сноску 1 на с. 167*).

и народов, имена коих я не знаю, а знаешь только ты, Великий, да Зевс всемогущий,— привет и пожелание здоровья и новых побед посылает твой верный товарищ по сраженьям кифаред Аристоник, сын Каллимаха, родившийся в городе Акрафии, в Беотии, близ Копайского болота.

Во время твоего блистательного похода к реке Оксу я вместе с другими товарищами переплыл на другой берег на надутых воздухом козьих шкурах и участвовал в сражении.

Меня ранили скифы-массагеты заокские; я был сброшен с коня, который влачил меня по камням, пока я не потерял сознание. Очнулся я от сильной боли. Около меня сидел старик, их лекарь, и держал выдернутую стрелу. Он спросил меня: «Что ты умеешь делать? Шить ли сапоги, ковать мечи, строить храмы или делать что-либо другое полезное? Тогда сохранишь себе жизнь, иначе тебя убьют».

Это было с его стороны коварством. Так как скифы любят знание и хотят уподобиться грекам в просвещении, то они из пленных отбирают им полезных и оставляют навсегда у себя, перерезав сухожилия около пятки, чтобы те не убежали.

Я не знал этой хитрости и сказал, что умею играть на гуслях и плясать священные танцы. Старик-лекарь передал это скифским старейшинам, и те оставили меня у себя рабом, тогда как других пленных они отослали к берегу Окса, чтобы обменять на взятых тобою в плен скифов. Мне не перерезали сухожилия, чтобы я мог плясать перед скифами во время их пиршеств.

Уже прошло три долгих года, как я нахожусь в плену, и теперь надеюсь послать тебе это письмо через товарища Пифона, тоже сохранившего целыми свои ноги. Он решил убежать, изучил скифский язык, женился на скифской девушке из племени амазонок, которые мужей не имеют, а живут своими женскими общинами. Поэтому и жена моего товарища не может оставаться больше с амазонками, и теперь вдвоем они хотят переплыть реку на выносливых конях и прибыть к тебе, величайший, непобедимый сын Зевса, равного которому нет, не было и не будет на земле!

Когда Пифон доберется до тебя, он передаст мою мольбу к тебе, который всегда так заботился о всех своих товарищах по битвам, покрывших себя ранами ради славы твоей и нашей дорогой родины. Ты давал каждому больно-

му и раненому всаднику, возвращавшемуся на родину, по два таланта. Я молю тебя прислать эти деньги на берег Окса, около Зариаспы, и здесь через посредников твой посол пусть вызовет скифа Будакена, чтобы выкупить меня из рабства. Тогда я снова буду сражаться за тебя и петь тебе гимны, воспевая твои походы и доблесть твою и твоих товарищей.

Добровольно скифы меня выпустить не хотят, а заставляют учить их детей писать и говорить по-гречески, петь греческие боевые песни и играть на гуслях. Я живу только надеждой, что снова увижу родные вершины Геликона[1] и долины Беотии, покрытые зелеными виноградниками и маслиновыми рощами.

Скифы-массагеты, меня захватившие, весьма храбры и больше всего любят свободу и коней. Они гордятся тем, что убили непобедимого Кира персидского и голову его положили в мешок, наполненный кровью, чтобы он, ненасытный в убийствах, наконец напился крови досыта.

Один из знаменитых храбростью скифов, Будакен, узнав, что я умею играть на гуслях, предложил сделать меня своим другом, держать в почете, если я сделаю гусли и буду ему играть, когда к нему прибудут гости. Он выкупил меня от того скифа, который подобрал меня на поле битвы, дав за меня пять отличных кобылиц.

Скифы очень любят, когда я воспеваю твои походы и особенно твои победы при Гранике и взятии горной крепости Аримазы[2] с помощью крылатых воинов.

Скифы любят пить при всяком случае; даже во время совещаний о набеге, войне или заключении мира они пьют охмеляющий напиток, сделанный из молока, причем передают друг другу золотую чашу, украшенную рисунками[3]. Эта чаша переходит из рук в руки, а виночерпий подливает

---

[1] Геликон — горный хребет в Беотии.

[2] При реке Гранике Александр одержал первую блестящую победу над персидским войском, превышавшим численностью македонские войска в несколько раз.

Аримаза — ущелье Байсун-Тау в нынешнем Таджикистане. Арриан описывает взятие этой крепости Александром при помощи следующей хитрости. Воины Александра с огромными трудностями взобрались на скалы, возвышавшиеся над неприступными стенами крепости, и, размахивая плащами, изображали крылатых воинов. Суеверные жители после этого сдались Александру.

[3] В курганах скифского происхождения часто находят чаши с рисунками, искусно сделанными, по-видимому, греческими мастерами. Знаменитая Куль-Обская ваза, сделанная из чистого золота, хранится в ленинградском Эрмитаже.

в нее вино. Особенно славным считается сразу выпить всю чашу и затем сохранить ясным свой рассудок.

Когда скифы хмелеют, они прыгают вокруг костров с дикими песнями и воплями, размахивая короткими обоюдоострыми мечами, похожими на листья. Тогда они хотят в ярости перебить всех пленных, борются друг с другом и на конях носятся вперегонки по равнине, не разбирая дороги.

Меня тогда спасает мой хозяин Будакен, который гордится перед другими скифами, хвастаясь, что ему играет на кифаре тот самый артист, которого любил слушать Александр Непобедимый, богу Арею равный[1].

Еще у скифов есть обычай: когда умирает знатный скиф, то с ним должны вместе умереть его жены, которых связывают и кладут на дрова, где они сгорают живыми вместе с телом их мужа. Жены в это время поют песни, а те, которые боятся огня, просят скорее их зарезать, что охотно делают друзья покойного. Потом рабы насыпают курган и на нем распяливают на кольях шкуру любимого коня, думая, что покойный герой ездит на нем по ночам и бьется с врагами скифов. Конь на кургане стоит, как живой, убранный, словно на битву. Вместе с женами убивают и любимых рабов, которые должны вместе с ними пойти в другой мир и там им служить.

Так как мой хозяин настолько любит мою музыку, что хочет слушать мои гусли и после смерти, я молю богов, вечно сущих, чтобы они дали Будакену долгую жизнь и здоровье.

Надеюсь, что тем временем ты, Великий Александр, пришлешь за меня выкуп или обменяешь на другого кифареда из числа имеющихся у тебя египетских рабов-музыкантов, и тогда я хотя бы старым калекой вернусь в милую моим очам Беотию, где буду воспевать детям и внукам твою храбрость, величие и заботу о воинах, деливших с тобой все трудности твоих незабываемых походов...»

* * *

Передо мной лежат выцветшие листки моей путевой тетради с греческим текстом и рядом — написанный бисерным почерком перевод профессора В. К. Ернштедта.

Я закрываю глаза, и мне кажется, что на фоне заходя-

---

[1] Арей — бог войны у греков.

щего солнца вырисовывается высокий курган; на нем стоит одинокий человек, закутанный в изодранный греческий плащ. Около него присели на корточки длинноволосые скифы в остроконечных войлочных клобуках и широких пестрых штанах. Они ждут песен.

Пленник смотрит вдаль, туда, где тянутся синие хребты персидских гор; его глаза жадно ищут в туманном горизонте караван верблюдов, который спасет его из рабства. Но все пусто в беспредельной степи, и он, зазвенев цепями, берется за гусли...

1928

ВАТАН

Если смотреть на карту Ирана, то в середине страны можно увидеть большие белые пятна. Это малоисследованные части пустыни Дешти-Лут, или пустыни Дешти-Кевир. Безводная соляная пустыня оправдывает свое название «Лут», что означает «лютая». Там на сотни километров тянутся песчаные равнины, прорезанные во всех направлениях невысокими скалистыми горами. Путешественники, проникавшие туда, возвращались разочарованными: проводников достать трудно, зной невероятный, вода горько-соленая, и всюду бродят разбойничьи шайки белуджей или бездомного народа Люти[1]. Однако кочевники живут и в этой своеобразной бедной природе и даже любят её.

Вот что мне пришлось однажды услышать на берегу соленого озера Немексар, близ солончаковой топи, в которую наш верблюд провалился по уши и остался там навеки одной из многих жертв суровой пустыни.

Потеряв дорогу, мы стояли тогда лагерем у подножья мрачной горы, где из каменной щели пробивалась тонкая струйка холодной пресной воды. К нашему костру вынырнул из темноты тощий, с голодными глазами персидский пастух, с длинной палкой, в белом войлочном плаще и с тыквенной бутылкой у пояса. За ним, уцепившись за конец палки, шел такой же тощий мальчик лет восьми, и далее плелась, опустив голову, угрюмая собака в желтых репьях. Я бросил ей кусок лепешки. Поджав хвост, она отскочила большими прыжками в сторону и завыла, по-волчьи задрав голову.

[1] Буквальное значение слова «люти» — сорванец, гуляка, сорвиголова.

Пастух опустился на колени у самого костра. Он с достоинством произнес мусульманское приветствие, протянув загрубелые ладони, и провел ими по давно не чесанной бороде. Я ответил тоже приветствием. Пастух достал из-за пазухи самодельную кизиловую трубку и попросил табаку... Я расспрашивал его о Дешти-Лут,— пустыня начиналась уже за мрачной горой. Вот кое-что из того, что он рассказал.

* * *

— Ты, ференджис[1], не думай, что Дешти-Лут — мертвая пустыня. Она не мертвая, хотя и не всегда счастливая для тех, кто в ней родился и должен тяжелым трудом добывать себе деревянную миску проса. Да! Это неверно, что там нет людей, колодцев, воды. Все есть для знающего... Да!

На мой вопрос пастух объяснил, что в этой пустыне он видел и древние развалины городов, затерянные среди мертвых каменистых гор, и много голубых курганов, где хранятся недоступные человеку сокровища древних царей...

В середине Дешти-Лут живет народ свободолюбивых кочевников — Люти. Молодые люди этого племени любят шататься по караванным путям и грабить крепко перевязанные верблюжьи вьюки, что провозят иранские купцы. Более старые Люти пасут баранов, сеют просо и собирают в горах дикие фисташки и горький миндаль.

Люти хорошо знают запутанные тропы пустыни и укромные колодцы, где вода показывается только в определенные месяцы года. Тогда возле этих колодцев собирается много черных и рыжих шатров, распластанных, как крылья летучей мыши. Кочевники располагаются на склонах низких гор, и там их длинноногие, тощие бараны пасутся, откармливаясь побегами недолговечных растений, быстро засыхающих под палящими лучами ослепительного солнца.

У народа Люти была своя, не отмеченная в ученых книгах столица Атэш-Кардэ[2], затерянная в глубине

---

[1] Ференджис, ференги —европеец.

[2] Атэш-Кардэ — «зажженный огонь». По-видимому, там был в древности храм огнепоклонников-зороастрийцев или загорались подземные газы, признак залежей нефти.

пустыни и окруженная лабиринтом невысоких, но труднопроходимых гор. Старики говорили, что эти горы когда-то были высокими, очень высокими, на них росли кедры, и тучи отдыхали на их вершинах. На кедрах пели песни чудесные птицы, а в норках между корнями прятались горностаи. Да! Это было давно, очень давно!

Говорят, что сам великий Искендер Двурогий, заблудившись в пустыне Дешти-Лут, проходил невдалеке от столицы Атэш-Кардэ, умирая со своим войском от жажды, и не подозревал о близости «сладких» колодцев[1]. Вокруг него высились только острые зубцы кремнистых хребтов. Мудрая правительница народа Люти, потеряв осторожность, пожелала увидеть прославленного полководца. Её горячо отговаривали от этого опасного шага седобородые советники, доказывая, что благоразумнее подождать, пока войско румийцев погибнет,— тогда можно будет захватить все богатства Искендера.

Но правительница все же выехала навстречу Искендеру на белой арабской кобылице с голубой сбруей, украшенной сердоликами, в сопровождении служанки и великого визиря. Те ехали на обыкновенных ослах.

Правительница пожалела Искендера, лежавшего без сил на камнях, и показала ему холодный ключ, запрятавшийся в ущелье среди кремневых скал. Она накормила покорителя народов вареной джугарой и финиками из дворцовой рощи и взяла с него слово, что македонские воины не разграбят ее столицу Атэш-Кардэ. Искендер такое слово дал и, напоив войско, отправил его вперед, а сам провел всю ночь в беседе с правительницей народа Люти, слушая ее сказки. Утром он отправился дальше, а ей оставил фирман, охраняющий столицу и народ Люти от всяких налогов и поборов на десять тысяч лет, при условии, что править народом будут всегда только женщины,— они спокойны и не устраивают заговоров и восстаний.

Этот охранный фирман правительницы Люти носили на груди, в серебряной коробочке, искусно сделанной наподобие остроконечной еловой шишки или початка кукурузы. С тех пор две тысячи триста лет ни один сборщик налогов не осмеливается даже близко подъезжать к столице Атэш-Кардэ.

---

[1] В пустыне, где все колодцы солоноваты, колодцы с пресной водой зовутся «сладкими».

Только купеческие караваны иногда проходили через столицу, потому что старейшины Люти понимали кое-что в торговле и знали, когда выгоднее всего закупать хлеб в плодородном Гиляне, когда его доставить на юг, в Сеистан, или, наоборот, когда подвезти сеистанские финики на север, в Хиву, или на Кавказ, в Гюрджистан[1].

Совет старейшин внимательно следил за всем, что происходило на равнинах Азии. Отдельные семьи Люти круглый год бродили между Индией, Аравией и Тибетом, иногда уходили далеко на восток до Китая или на север до города урусов Оренбурга, где подносили в дар русскому начальнику уличных стражников бурдюк, полный фиников, а он разрешал им свободно вернуться в Иран.

Каждая семья бродячих Люти старалась хоть раз в три года посетить родную столицу Атэш-Кардэ, коснуться рукой платья своей мудрой правительницы и рассказать ей все последние события. В награду рассказчик получал шелковый мешочек с фисташками, миндалем и орехами, среди которых лежала древняя серебряная монетка; эту монетку женщины пришивали себе на грудь, как талисман, предохраняющий от злого глаза.

* * *

По неписаным законам народа Люти, всем старейшинам надлежало быть не моложе пятидесяти лет, иметь внука (чтобы народ Люти не прекращался), и хоть раз в жизни побывать в священном городе Кярбале. От старейшины не требовалось, чтобы он гнал взбивающее облако пыли стадо,— он мог иметь хотя бы выцветший плащ, посох календера[2] и кокосовую миску — кяшкуль. Но он не мог быть замаранным ни одним из главных преступлений: трусостью перед иноверцем, кражей у своего соплеменника-люти и тем, что не заботится о своей семье.

Однажды люти Керим Абу-Джафар заявил старейшинам, что кузнец Кяль-Гулем Али не смеет больше оставаться членом совета, так как жена по вечерам его бьет: «Если кузнец не может завести порядок в своем шатре, то как же он будет способен управлять государством?» Совет сам не решил этого вопроса и обратился к правительнице

---

[1] Гюрджистан — Грузия.

[2] Календер — нищий, дервиш, скиталец.

Гуль-Чаман-Биби[1]. Мудрая руководительница племени сказала:

— Кузнец Кяль-Гулем Али в два раза выше и в девять раз сильнее своей маленькой жены. Могут ли ее удары повредить ему? Он хозяин в своей кузнице, она хозяйка в шатре. Чем колотила жена?

— Большой деревянной суповой ложкой.

— Если мужья перестанут бояться упреков и криков своей заботливой жены, то порядок семьи нарушится, а от этого распадется порядок и во всем народе Люти. Как не стыдно Кериму подсматривать, что делается в чужом шатре!..

Все члены совета воскликнули: «Хейли хуб!» (Очень хорошо!), а на доносчика Керима Абу-Джафара стали указывать пальцем. От стыда он немедленно ушел погонщиком каравана в далекую страну.

Пользуясь этим случаем, совет обратился к правительнице с вопросом: «Когда она начнет строить свою семью и выберет себе мужа? Уже прошло три года после смерти её матери, а Гуль-Чаман-Биби все отказывалась выйти замуж. Теперь ей пошел уже шестнадцатый год. Долго ли еще терпеть?»

Гуль-Чаман-Биби, опустив глаза, ответила очень осторожно:

— Если вы разыщете мне мужа умнее и сильнее меня, то я покорно соединюсь с ним по древним законам Люти. Я сама не нахожу никого среди нашего народа, кто бы мне казался лучше других. Все для меня одинаково хороши!..

И правительница, как и раньше, продолжала жить, проводя время вместе с подругами на крыше старого полуразвалившегося дворца, вышивая шелками узоры на покрывале и слушая иногда слепого сказочника или прибывшего из путешествий скитальца-люти.

Все-таки с того дня девушки три раза в день выходили на площадку наверху высокой сторожевой башни дворца и смотрели во все стороны: не едет ли посольство от владыки другого государства, который ищет себе невесту? Так как во всем мире в то время происходили кровопролитные войны, никто из правителей таких брачных посольств не присылал.

---

[1] «Гуль-Чаман» — цветок площадки; «Биби» — наставница, учительница.

Однажды произошло событие, маленькое, совсем маленькое, но оно перевернуло спокойную жизнь столицы Атэш-Кардэ.

* * *

В этот день город казался особенно пустым. Члены совета старейшин ушли в горы собирать созревшие фисташки и горький миндаль. Сторож у городских ворот крепко спал после обеда. Поэтому никто не заметил, в какие ворота, восточные или западные, проскакал полудикий красно-пегий конь с развевающейся черной гривой. На нем едва держался молодой всадник, уцепившись левой рукой за гриву коня, другой рукой сжимая рукоять меча с обломком лезвия.

На всаднике была синяя одежда с медными пуговицами, широкие белые шаровары и на голове небольшая шапочка, расшитая золотом. Лицо казалось необычайно бледным, глаза полузакрыты, и рубашка на груди алела, пропитанная кровью.

Конь промчался на базарную площадь перед дворцом, в тот час безлюдную, остановился, выбирая, куда направиться дальше, и громко заржал. Два купца, дремавшие на выступах своих крохотных лавчонок, направились к всаднику, желая предложить целебной мази, но конь, злобно фыркая, бросился в сторону. Всадник же оставался по-прежнему безучастным, с неподвижно-серым лицом.

В это время Гуль-Чаман-Биби, вместе с подругами, находилась на дворцовой башне. Она заметила красно-пегого коня с неподвижным всадником и, вопреки обычаям, сама поспешила на площадь. Девушки окружили дикого коня и схватили его за повод. Конь сразу сделался покорным,— видимо, он от рождения был воспитан женской рукой, что в обычае многих кочевых племен.

По приказу правительницы коня повели во дворец, а всадник, потеряв последние силы, склонился без сознания на густую гриву коня. Гуль-Чаман-Биби шла рядом и распоряжалась:

— Поддержите раненого, он сейчас упадет!

Конь вошел под старинную арку каменных ворот, но во дворе не остановился, а повернул в дворцовую финиковую рощу, спокойно, точно бывал здесь раньше, и упрямо стал около старой беседки, обвитой виноградом. Правительница, а за ней все подруги воскликнули: «Ойе! Какой умный конь!» Но никто не знал, что делать. Тогда служанка, черная занзибарка, схватила с дорожки горсть песку, пошептала над ним и бросила разом себе за плечо.

— Я знаю, что надо делать,— уверенно сказала она.— Больной будет находиться в беседке, пока не выздоровеет. Судья даст письменное разрешение, чтобы женщины ухаживали за ним. «Благородный свиток»[1] это позволяет.

Занзибарка была сильная, самая сильная из всех. Она подхватила всадника, легко сняла его с седла и отнесла в беседку, где был разостлан белый войлок, поверх него пестрый ковер, а на ковре лежала зеленая сафьяновая подушка. Туда занзибарка положила раненого. Он лежал тихо, молодой, красивый, очень красивый, с завитком темных волос, прилипших к влажному лбу. Вдруг он сказал одно слово. Все с удивлением повторяли его и тихо сидели кругом, посматривая друг на друга. Больной снова прошептал это слово:

— Ватан!

Гуль-Чаман-Биби нахмурила прямые сросшиеся брови. Мрачная тень скользнула по ее смуглому, раньше беззаботному лицу. Но она была мудрая, очень мудрая, и лицо ее снова стало радостным. Она спросила:

— Кто объяснит, почему больной сказал: «Ватан»?

Все перешептывались. Одни говорили, что это имя любимой девушки, другие — что это имя врага, ранившего иноземца. Черная занзибарка, повидавшая много стран, объяснила:

— Вероятно, «ватан» — значит «вода». Прежде всего раненого надо напоить...

Гуль-Чаман решила:

— Верно! Подождем гадать, пока соберется совет. Придут старики, много знающие. Принесите одну чашку чистой воды, другую чашку козьего молока. Я сама буду лечить больного.

— А мы будем на тебя смотреть! — сказали девушки.

Занзибарка сбегала во дворец, принесла две деревянные миски с водой и козьим молоком и поставила их в изголовье больного. Правительница села на ковре, подобрав ноги. Она окунала в молоко смуглый палец с тремя серебряными кольцами и проводила им по губам раненого юноши. Он облизывал губы. Занзибарка мочила полотенца в чашке с водой и стирала брызги крови с лица и рук больного.

К вечеру вернулись с мешками фисташек и миндаля старейшины совета и были потрясены, узнав, что правительница племени, забыв свое высокое, самое высокое

---

[1] «Благородный свиток» — коран, религиозная книга мусульман, будто бы составленный пророком Мухаммедом.

звание, сама сидит возле странного незнакомца и поит его с пальца молоком!..

— Вот что значит хоть на один день забросить государственные дела! Как теперь исправить упущенное? Что это за человек? А вдруг правительница изберет его своим мужем? А если он кафир? Или разбойник? Захватит государственную казну и с ней убежит? О горе нам! Вайдот! Вайдот!..

Совет устроил совещание. Все обдумывали меры, как избавиться от опасности, грозящей племени Люти. Некоторые предлагали дать больному чашку черного кофе, опустив туда шарик, приносящий вечное забвение... Да! Никто не дал более дельного совета!..

На другой день седобородые пошли во дворец смотреть раненого. Правительница разрешила приближаться только по одному, прикрывая ладонью рот и сняв туфли, чтобы шумом или дыханием не повредить больному.

Все согласились, что незнакомец молод, красив, очень красив, и потому особенно опасен... Никто не мог объяснить, что значит «ватан». Один старик, ездивший на север, в страну доулет-э-рус, заметил, что там похожее слово «ватаман» означает «главарь разбойников». Вайдот! Вайдот!

Совет обратился за помощью к знахарю и колдуну Газуку. В его старый кошель тогда перешло немало серебряных монет, после чего Газук изготовил зеленое лекарство и с ним явился во дворец. Газук обещал вылечить больного в три дня. Гуль-Чаман-Биби взяла из рук колдуна глиняный горшочек, понюхала и передала черной занзибарке:

— Дай ложку этого лекарства моему любимому коту. Если с ним ничего не случится, то мы начнем лечить раненого.

Занзибарка влила ложку лекарства в розовый рот белого пушистого кота. Он стал высоко прыгать, вскарабкался с диким мяуканьем на крышу дворца и свалился оттуда с раздувшимся, как шар, животом. Правительница приказала посадить знахаря Газука в дворцовый погреб, где он рыдал и выл несколько дней, после чего, выломав ночью решетку в окне, навсегда скрылся из пределов страны Люти.

Дни шли. Гуль-Чаман-Биби продолжала ухаживать за раненым, поила его с пальца козьим молоком, для чего сама доила своих коз. Больной начал поправляться, но оставался безумным. Часто он восклицал: «О моя прекрасная Ватан!» При этом на его ресницах показывались слезы.

Он начал узнавать Гуль-Чаман-Биби и говорить. Однажды правительница спросила:

— Кто это Ватан?

— О, Ватан! — воскликнул больной.— О, моя бедная, оборванная, но все же прекрасная Ватан! — И снова слезы покатились по его исхудавшим щекам.— Зачем ты мне напомнила это дорогое имя?

— Прекрасна ли она?

— Она очень бедна, она нищая, платье у нее в лохмотьях, ноги в пыли и ранах. Она ходит по острым камням босая...

— Значит, у нее нет таких красивых шелковых одежд, как у меня? Значит, она не благоухает индийским мускусом и шафраном, как я?

— У нее нет таких богатых одежд. Но она овеяна ароматом горного красного вереска, среди которого проходит ее тяжелая жизнь. Ее преследуют враги. она залита кровью...

— Умеет ли она петь такие красивые песни, какие поют мои девушки?

— Может быть, ее песни и дикие и грубые, но я люблю их больше других песен, потому что это песни моей Ватан!

Тогда Гуль-Чаман-Биби вскочила, разбила о камень деревянную чашку и ушла, уводя с собой девушек. Возле больного осталась одна черная занзибарка.

Узнав о гневе правительницы, старые советники обрадовались и стали обдумывать план действий. Теперь седобородые надеялись пройти к больному и даже говорить с ним. Самый хитрый из всех, великий визирь, взялся все уладить. Он пробрался в финиковую рощу и опустился на колени рядом с больным. Он стал рассказывать ему о странах и необыкновенных людях, упоминал разные названия городов и селений, надеясь, что при каком-нибудь имени раненый оживится, и тогда можно будет догадаться, откуда прибыл иноземец. Визирь также сказал, что старейшины уже позаботились о красно-пегом коне, вычистили его, починили порванное седло.

При упоминании о коне больной обрадовался. Выждав минуту, когда занзибарка ушла, великий визирь объяснил больному, что скоро из города уйдет караван с товарами в далекие страны и больной должен воспользоваться этим. Будет приготовлен конь, а в переметные сумы уже положена еда на несколько дней и кошелек с деньгами.

— Тогда,— добавил визирь,— ты снова увидишь твою прекрасную Ватан...

— Я снова увижу Ватан! — воскликнул раненый. Его глаза засверкали, и он вцепился в руку великого визиря.— Я твоя жертва![1] Услышав про Ватан, я уже чувствую, что стал снова силен и могу сесть в седло! Когда пойдет караван?

— Завтра утром. Никому не проговорись! Тебя здесь стерегут и не выпустят. На рассвете городские ворота будут раскрыты, и за ними ты найдешь оседланного коня!

— Но разве я могу отправиться без меча?

— Клянусь, меч ты тоже получишь. Признайся, как твое имя?

— Меня зовут «неукротимый воин Хассан»...

Подходила черная занзибарка. Великий визирь в знак клятвы приложил руку к глазам и, шепча молитву, осторожно вышел из сада.

* * *

На другой день раненый Хассан исчез. Гуль-Чаман-Биби призвала к себе великого визиря. Она говорила с ним ледяным, злым голосом, шипела, как змея, всматривалась немигающими черными глазами, и девять раз ударила визиря по щекам зеленой туфлей.

— Как ты смел недосмотреть? Что зевали сторожа?

— Я твоя жертва! — покорно прошептал визирь.— Раненый воин Хассан хитрее всех нас. Сторожа оказались пьяны и без чувств лежали у ворот, а красно-пегий конь чудесным образом вышел из запертой на пять замков конюшни. Дивы и пери помогали Хассану!

— Это ты оказался хитрее всех! Недаром ты вчера шептался с больным воином. Это ты уговорил его бежать! Скройся с моих глаз! Скорее, или я оборву тебе бороду и расцарапаю лицо!..

Через день в столицу Атэш-Кардэ вернулся погонщик каравана Керим Абу-Джафар — тот люти, что доносил на кузнеца, будто того по вечерам бьет ложкой маленькая жена. Керим рассказал, что встретил по пути всадника на красно-пегом коне. Он будто бы ехал впереди каравана и смеялся над красотой правительницы народа Люти.

— Ты солгал! — воскликнула Гуль-Чаман-Биби, когда к ней привели Керима.

— Твои уста меня обидели напрасно! — ответил Керим.— За мою сорокалетнюю жизнь я никогда не солгал

[1] «Я твоя жертва!» — выражение, обозначающее клятву.

моим соплеменникам. Всадник на красно-пегом коне пел такую песню:

«Я счастье повстречал, увидя Гуль-Чаман.
Мечты о счастье брось! Нет счастья без Ватан...
Люби ее, люби! Расставлен ей капкан,
Грозит неволя ей! Спаси ее, Хассан!

Ятир-матир, дутир-матир!

На небесах — звезда, в пустыне — Гуль-Чаман.
От глаз ее бегут и сумрак и туман...
Но помни лишь о той, кого зовут Ватан!
Скорее на коня! Спаси ее, Хассан!

Ятир-матир, дутир-матир!»[1]

— Поклянись, Керим, что ты говоришь правду!

— Клянусь могилой своего отца,— все было так, как я сказал.

— Почему Хассан ни на кого не смотрел, а воспевал нищую девушку Ватан?

— Ватан не девушка. На языке его храброго племени слово «Ватан» означает — Родина, родная сторона. Этот всадник на красно-пегом коне объяснил, что он торопится проехать в горы, чтобы снова проникнуть на свою родину и там бороться за ее свободу. Его родина, Ватан,— маленькая горная страна, и в нее вторглись жадные ференджисы. Хассан с товарищами боролся с врагами родины, но ференджисы оказались сильнее, издали убивая народ из пушек. Ференджисы захватили всю страну, и воину Хассану пришлось скитаться на чужбине. Хотя все его друзья временно рассеялись, но они поклялись бороться до смерти за свободу и счастье Ватан, их родины, измученной, полузадушенной... А кто упорно борется, не бросая оружия, разве тот в конце концов не победит?..

* * *

Гуль-Чаман-Биби провела три дня в финиковой роще одна, не разговаривая с подругами. Она ходила задумчивая по тропинкам, поднималась на пригорок, смотрела молча вдаль и отказывалась от всякой еды. Она только попросила подруг сходить в горы и сплести ей венок из красного вереска и приказала визирю созвать Великий Совет племени.

Народ Люти пришел в финиковую рощу, где длинные пальмовые ветви и листья узорчатой тенью давали некото-

[1] Стихи М. Б. Сандомирского.

рую прохладу. Пришли все: и старики, и женщины с детьми, и мальчики, пролезавшие вперед. Собаки сбежались со всех дворов и устроили дикую возню.

Все с удивлением смотрели на Гуль-Чаман-Биби; она сидела на пригорке, на ковре, вся закутанная в малиновый шелковый полуистлевший плащ, когда-то давно подаренный Искендером Великим правительнице народа Люти. Сперва все громко говорили, спорили из-за мест и смеялись, пока рассаживались кругом, потом уставились взорами на Гуль-Чаман-Биби, которая продолжала сидеть неподвижно, и все затихли.

Старейшины и визирь сидели справа, подруги Гуль-Чаман-Биби — слева от правительницы. Долго продолжалось молчание, седобородые подавали визирю знаки, чтобы тот первый заговорил. А визирь рукой тер глаза и кривил лицо, этим объясняя, что юная правительница плачет.

Наконец визирь кашлянул несколько раз и сказал:

— Правительница свободного народа Люти, Гуль-Чаман-Биби! Ты созвала Великий Совет племени. Прочтем молитву и начнем обсуждение!

Правительница и все сидевшие встали. Визирь торжественно произнес:

— Бисмилля арр-рахман ар-раим!

Все мужчины провели ладонями по щекам и ударили по бороде. Затем все снова молча сели. Правительница скинула свой малиновый плащ. Она продолжала стоять, побледневшая, со впавшими щеками. Расширенные глаза горели, как звезды. Облизывая пересохшие губы, она заговорила:

— Свободный народ Люти! Я вас потревожила после того, как, убедившись, что я, недостойная, неумелая, неспособная для управления народом, решила отказаться от такого великого и почетного дела. Вот фирман Искендера Великого и его почетный плащ. Возложите их на плечи более достойной.

Гуль-Чаман-Биби сняла с шеи серебряную цепочку с коробочкой и положила у ног на ковре.

Все зашептали и загудели. Один древний старик прошамкал:

— Мы слушались и покорялись, когда были правительницами твоя мать, твоя бабушка и прабабушка. Зачем ты нам теперь доставляешь беспокойство и горе? Мы хотим, чтобы ты осталась с нами...

Со всех сторон раздались удивленные голоса:

— Почему она отказывается? Что случилось? Что ты будешь делать?

Гуль-Чаман-Биби опустила глаза и прошептала:

— Я ухожу от вас!

Все на мгновение онемели, так что слышался только визг собак, потом, разом, все стали кричать:

— Зачем ты уходишь? Куда ты направишь свои шаги? Не пускайте ее! Что смотрит старый визирь?..

Гуль-Чаман-Биби протянула вперед руки:

— Я ухожу от вас, но мое сердце всегда будет с вами. Я ухожу в далекую страну, где храбрые бедняки дерутся ножами и стреляют из старых дедовских ружей, защищая свою родину от жадных ференджисов, которые летают на железных птицах и сбрасывают на храбрецов огненные ящики, взрывающие и землю и скалы. Но правда и свобода на стороне бедняков, и они смело продолжают бороться, не бросая оружия. Они победят, потому что ференджисы из-за своей жадности начали уже ссориться и воевать друг с другом. Скоро ференджисы сами себя погубят. Тогда беднякам можно будет свободно дышать...

Один юноша воскликнул:

— Иди, Гуль-Чаман-Биби! А мы не станем избирать другую правительницу, пока ты не вернешься.

— Мы будем ждать тебя! Возвращайся скорее! — закричали другие голоса.

Гуль-Чаман-Биби подняла с ковра узелок и перекинула его за спину. Она молча стояла, окидывая грустным взглядом любимый народ, затем резко повернулась и решительно зашагала по тропинке, ведущей через рощу в горы. Она оставила все ценные одежды и украшения. От быстрой ходьбы развевалось длинное красное, все в лохмотьях платье и сквозь прорехи виднелись босые ноги. Даже зеленые туфли она не надела, а подвесила их на кожаном поясе.

Все ее украшение составил небольшой венок из красного вереска, который она надела на голову. Да, эта правительница показала, что она не воспользовалась никакими богатствами, которые скопили ее мать, бабушка и другие предки. Она ушла молодая, не боясь ничего. Единственным ее спутником и защитником был старый пес, который, высунув язык, поплелся за ней...

Да! Вот какие люди живут в пустыне Дешти-Лут!..»

— А как потом? Вернулась ли эта девушка в свой родной город Атэш-Кардэ? — спросил я замолчавшего пастуха, подсыпая в его кизиловую трубку новую щепотку табаку.

— Чего я не знаю, о том лучше умолчу. Одни говорят,

что Гуль-Чаман-Биби была убита где-то на горных тропинках и лугах, там, где отчаянные афридии дрались с кафирами... Другие говорят, что Гуль-Чаман-Биби образовала особое кочевье из одних своих подруг и старого визиря. Они гонят стадо коз, четырех ишаков и несколько верблюдов, нагруженных шатрами. Их можно встретить и сейчас, если ехать по Восточному Ирану близ пустыни Дешти-Лут. А если ты, ференджис, встретишь ее, то поговори: она охотно расскажет и об Искендере Двурогом, и погадает на бобах или разноцветных камешках, и сама тебя расспросит о том, где происходит война, где слабые, но смелые защищают свою маленькую родину «Ватан»!..

Да! Но если ты увидишь на ее голове вдовью синюю повязку, то не расспрашивай, почему она ее носит! Этим ты ей сделаешь больно, очень больно! Да!.. Ятир-матир, дутир-матир!..

1936—1948

«ДЕМОН ГОРЫ»

Мне пришлось быть участником геолого-археологической экспедиции и путешествовать по Персии, как тогда назывался Иран. Моим спутником был молодой американский ученый-геолог, позднее ставший большой знаменитостью и профессором Гарвардского университета, а тогда бывший молодым румяным юношей с наивной улыбкой, в высоких охотничьих сапогах и меховой куртке. Это был человек железной воли и аккуратен, как патентованный хронометр. Одна из его особенностей была в том, что он никогда не расставался с Библией и записной книжкой, в которую, не зная устали, заносил все свои наблюдения даже в самых трудных обстоятельствах. Библия у него была тоже замечательная: в мягком кожаном переплете, напечатанная таким мелким шрифтом, что вся помещалась в боковом кармане его куртки.

Мы видели в Персии немало удивительного, например, город, разрушенный землетрясением накануне нашего приезда; или в Сеистане другой город, расположенный посреди болотистого озера, по которому можно было ездить только на плотах из связок камыша в виде сигар. Этот городок был брошен жителями в древние времена по невыясненным причинам, и единственной его обитательницей была лисица, метавшаяся по переулкам и снова выбегавшая нам навстречу.

«Демона горы» я встретил в Северной Персии на горе, которая называлась Кяфир-Кала, что означает «Крепость язычников». Гора была высокая среди каменистой долины. Про нее говорили, что в древние времена там жил страшный разбойник, державший в терроре и покорности целый округ. На вершине горы находились развалины крепости, будто бы полной сокровищ. Добраться до нее казалось невозможным, так как обрывистые склоны горы были словно отшлифованные, и нужно было найти тайную тропинку, которая, несомненно, пролегала над пропастью.

Мы решили добраться до вершины, чего бы это нам ни стоило. Но наши спутники, джигиты-туркмены, отказались лезть на гору: проводник-перс их напугал, сказав, что здесь уже погибло несколько ференги и неосторожных охотников: «Гору охраняет страшный дух и сбрасывает дерзких вниз, на острые камни».

Наиболее безопасно на Кяфир-Калу можно было подниматься с той стороны, где громоздились каменные глыбы. Но тогда бы пришлось взбираться долго, мучительно карабкаясь с одной огромной глыбы на другую. Второй путь, более короткий, хотя опасный и рискованный, едва намечался по гладкому скату, угрожая возможностью соскользнуть в пропасть на глубину нескольких сот метров. Американец выбрал кратчайший путь. Он смело полез первый, цепляясь за еле заметные выступы и осторожно ставя свои тяжелые сапоги. Ему повезло. После долгих усилий он оказался на самой вершине скалы, где и уселся над обрывом, раскрыв Библию, и следил за всеми моими движениями, подавая советы.

Приходилось быть очень осторожным, однако я верил, что смелому всегда поможет добрая старушка удача; меня также подстрекала брошенная как-то раньше фраза моего заокеанского друга: «Мы, американцы, конечно, культурнее вас, а все русские еще наполовину дикие азиаты. Вы еще долго будете идти в хвосте за нами». Дело шло хорошо — до вершины мне оставалось ползти на животе всего метра четыре, и я уже видел над собой, близко, толстые подметки моего американца.

Но здесь произошла первая авария. Я взял слишком влево и впереди не замечал больше ни одного выступа. Серая скала казалась безнадежно гладкой. Я стал подвигаться вправо, прижимаясь грудью к скале, и у меня выскользнул привешенный к поясу кинжал с белой ручкой из слоновой кости. Кинжал так и остался лежать на

откосе. Что делать? Ползти обратно за кинжалом или подниматься вверх к заветной цели?

Тут у меня соскользнула нога с уступа, на котором я стоял. Руками ухватиться было не за что, и я медленно, но неуклонно стал сползать к краю обрыва. Вихрем завертелись мысли: «Если я буду скользить и дальше, то через пару метров мне конец».

А день был ясный, небо синее, безмятежное. Ужас усиливался. Бросив искоса взгляд влево и вниз, я увидел наших коней, маленьких, как мурашки, и возле них джигитов-туркмен в полосатых халатах.

«Не может быть, чтобы я сейчас умер! — пролетали мысли.— Со мной моя незаконченная записная книжка с планом романа, я слышу тиканье часов на руке. Вся моя жизнь промелькнула в одно мгновенье. Классическая гимназия, уроки латинского и греческого языка. Преподаватель французского языка латыш Каужен с седой козлиной бородкой... Университет и лекции профессора Зелинского. Моя зачетная работа о псковских говорах. Ресторан в Лондоне с замечательным бифштексом... Стройная девушка под васильковой вуалью на вокзале... Это не реально, что я на скале, над пропастью! Это сон! Мне нужно энергично встать, тогда я проснусь и окажусь в своей комнате, в постели... Я хотел оттолкнуться от скалы, встать на колени и тогда... В это мгновенье я сползал, крестом раскинув руки и ноги, и с лихорадочной быстротой думал: «Конечно, в этой горе живет могучий, злобный дух... Надо добиться его милости... Надо ему поднести подарок, как делали все язычники, поднимавшиеся на эту гору...»

И я шептал, а может быть, кричал: «Горный дух! Я дарю тебе этот кинжал дамасской стали. На ручке из слоновой кости у него вырезан дракон!»

И тут я почувствовал, что моя левая нога остановилась на небольшом выступе скалы. Спокойствие и хладнокровие сразу ко мне вернулись: «Я буду стоять здесь хоть целую вечность, и это не сон». Я взглянул на американца; он с изменившимся лицом кричал мне:

— Я спущусь ниже, ухватитесь за мои ноги!

— Все в порядке! — ответил я уже веселым голосом.— Сейчас я буду у вас.

— Слушайте, что я нашел в Библии! — воскликнул радостно американец.— Прямо сказано про вас: «Она лежала, разметав руки и ноги на скрещении четырех дорог...» Ну, дальше там что-то неподходящее...— смутился мой друг.

Я снова взглянул влево и вниз и едва поверил своим глазам. Сон продолжался. Из-за грани скалы показалась смуглая, сильно обросшая волосами рука, затем высунулась голова с иссиня-черными кудрями, лицо, потемневшее от загара и грязи, с всклокоченной бородой, и, наконец, голая, в лохмотьях фигура осторожно и ловко поднялась на скат, быстро схватила потерянный мною кинжал, с глухим рычанием сползла обратно и скрылась.

«Дух услышал меня и помог»,— подумал я и никогда не двигался так осторожно и медленно, как эти последние метры моего подъема. Вскоре я сидел рядом с моим спутником.

Мы осмотрели вершину скалы. Американец зарисовал план найденных строений, нашел кое-какие ценные обломки... Обратно мы спускались по другому склону, прыгая с глыбы на глыбу и рискуя переломать себе ноги, но не шею.

В ближайшем персидском селении мы расспросили местных жителей про таинственного «демона» с Кяфир-Калы.

— Мы хорошо его знаем. Это полусумасшедший дервиш Мамед-Али, ставший скитальцем после того, как великий аллах разгневался на город Нухур и все его дома при сильном землетрясении провалились в разверзшуюся землю. Тогда погибли и не были найдены дети и жена Мамеда-Али. Он пришел на гору Кяфир-Кала, долго на ней молился и затем поселился в маленькой пещере, находящейся на верху отвесной стороны скалы. Он умеет пробираться в эту пещеру по опасной, ему одному известной тропе над пропастью. Многие жители считают его праведником, жалеют, приносят еду и просят молиться в случае болезни.

1944

АФГАНСКИЕ ПРИВИДЕНИЯ

(Из записок русского путешественника)

Несколько лет назад мне пришлось путешествовать зимой по Восточной Персии, и как раз на рождество случилось приключение, довольно загадочное.

Нас было шесть человек: мой друг Хэнтингтон, молодой американский ученый, с энергичным, железным характером, как у типичного американца, «делающего свое будущее», и конвой из четырех всадников-джигитов, как их называют в Туркестане: два туркмена, Курбан и Хива-Клыч

(т. е. «хивинский нож»), афганец Мердан, бежавший в Россию после того, как в Кабуле убил одиннадцать человек из мести за смерть брата, и один русский молоканин Михаил, отличный охотник, кормивший нас всю дорогу куропатками.

Седьмым был Абдалхи — проводник, нанятый в последнем персидском селении провести нас через пустыню.

Мы ехали вдоль афганской границы по пустынной местности, куда робкие персы не решаются показываться, боясь афганских кочевников, которые здесь бродят беспрепятственно со стадами баранов, не подчиняясь ни афганскому, ни персидскому правительствам и рассчитывая только на собственные винтовки и свои аршинные самодельные ножи.

Кругом была безводная пустыня с каменистой почвой и редкими колодцами, известными только местным кочевникам. К западу, вдали, на горизонте, виднелись персидские горы, от которых мы ушли в глубь равнины, продвигаясь с караваном на юго-восток, чтобы незаметно не проникнуть в Афганистан[1].

Наши кони и три верблюда с вьюками шли мерным шагом, безостановочно от утра до вечернего привала, как полагается при больших и ускоренных переходах.

Уже два дня мы шли этой пустыней, огибая соленое озеро, питаясь только тем кормом, что несли на себе верблюды, и в этот день утром мы уже должны были прийти к небольшой крепости с колодцами, где можно было бы достать новый фураж для лошадей, чтобы сделать дальнейший переход через пустыню.

По рассказам проводника в этом маленьком оазисе среди пустыни должен находиться небольшой персидский гарнизон, а кругом стен крепости разбиты палатки афганских кочевников со стадами баранов.

Наш проводник Абдалхи внушал большое подозрение. Он старательно осматривался кругом, вглядывался в горизонт и шел уверенно впереди каравана, но, когда с ним заговаривали и расспрашивали о дороге, о названиях видневшихся на горизонте гор, он представлялся дурачком и отвечал бессмыслицей или отмалчивался.

Туркмен Хива-Клыч мне сказал:

---

[1] В описываемый период, при эмире Хабибулле (1901—1919 гг.), между Россией и Афганистаном не было дипломатических отношений. После второй англо-афганской войны (1878—1881 гг.) Афганистан подпал под влияние Англии, осуществлял ее политику — враждебную интересам Афганистана и России.

— Проводник — дурной глаз! Он неверный человек. Он не хочет показать верную дорогу.

— Он не может ничего сделать,— ответил я,— он пеший, а мы все верхами. Если мы заблудимся, то и он пропадет!

— Не знаю, чего он хочет,— ответил джигит,— но у него на сердце дурное желание. Может быть, у него есть товарищи-разбойники, карапшики (черные кошки), которые нас поджидают в каком-нибудь месте в засаде.

— Во всяком случае нужно не отпускать его ни на минуту в сторону. Ты следи за ним, а если вздумает убегать, сможешь подстрелить его...

Хива-Клыч перевесил более удобно винтовку, довольный тем, что представляется случай пустить пулю во враждебного Абдалхи, но с самым равнодушным видом стал раскуривать свою обделанную в серебро трубку и даже дал затянуться из нее проводнику.

Однако положение наше было вовсе не шуточное.

Ячмень для животных почти кончился, оставался небольшой мешок, а с голодным конем завтра нельзя будет сделать никакого перехода. Между тем кругом пустыня, и до ближайшего персидского аула около трех переходов, то есть не менее 150 верст.

Американец, внимательно следивший по карте наш путь и все время справлявшийся с компасом, сказал:

— Мы постоянно отклоняемся в сторону, и от этой нам необходимой крепости, вероятно, мы отошли теперь верст на тридцать, если не больше. Это значит, что нам придется идти всю ночь без отдыха, в надежде, что либо ночью, либо на рассвете мы увидим кочевников. Нужно идти по компасу, проводнику придется просто связать руки и привязать к верблюду. Он или не знает дороги, или умышленно ведет нас в другое место.

Мы решили пройти еще несколько верст, до одиночной группы скал, там передохнуть несколько часов и затем, как только поднимется луна, сделать ночной переход, в надежде выйти к необходимой нам крепости.

Наш караван повернул от того направления, по которому мы шли, к скалам, но проводник стал вдруг спорить и настаивать, чтобы мы шли дальше за ним. Он обещал очень скоро довести нас до крепости, уверял, что нам незачем останавливаться, что эти скалы скверные, там острые, мелкие камни, так что попортятся ноги у верблюдов.

Видя, наконец, что его слова не действуют и мы все-

таки направляемся к скалам, проводник стал взволнованным голосом рассказывать, что про эти скалы очень хорошо знает всякий правоверный: там живут злые духи-дэвы, там похоронены кяфиры — язычники, давно убитые храбрыми мусульманами. Теперь души убитых тревожат путников, осмелившихся остановиться вблизи «нечистых скал», а если мы туда придем, то все погибнем!..

Разумеется, его слова только разожгли наше желание посмотреть могилы «неверных», может быть, христиан. Американец стал даже увлекаться перспективой, может быть, найти на могилах какие-нибудь древние памятники, указывающие на то, что за «кяфиры» там похоронены.

— А если к нам явятся их блуждающие души,— сказал Хэнтингтон,— то это еще более интересно в наш неверующий век, когда привидения перестали являться, а все мы перестали верить и в бессмертие души, и во все, что «не от мира сего»!..

Но Абдалхи заявил категорически, что не пойдет к скалам, а лучше пусть погибнет в пустыне, что ему не нужно никакой платы, и хотел было направиться в сторону от каравана, но подскакавший к нему немедленно Хива-Клыч пригрозил винтовкой, и Абдалхи был вынужден пойти вместе с караваном.

Мы подходили к скалам, когда солнце садилось и они были залиты последними красными лучами заката. Скалы были почти черные, видимо, вулканического происхождения. Хэнтингтон сразу сказал, что, судя по общей форме, внутри, наверное, есть кратер и что нам не нужно останавливаться снаружи, а необходимо пройти через ущелье внутрь, там мы укроемся от ветра.

Скалы поднимались почти отвесно, и вскарабкаться по откосу было бы невозможно. Мы стали огибать скалы и заметили на земле следы когда-то проходивших здесь верблюдов и по ним дошли до ущелья. Здесь видны были тропа и следы людей.

— Чьи же это следы? — спросил я проводника.— Вероятно, это твои кяфиры? Но ведь души очень легкие, как же оставляют шаги, совсем как настоящие?

Абдалхи стал опять кричать, что это или следы душ кяфиров, или следы тех несчастных путников, что вошли внутрь и были там загублены злыми духами. Хива-Клыч ткнул проводника в плечо шашкой, и тогда Абдалхи уже почувствовал, что с ним не шутят.

— Мы тебе свяжем руки и ноги, если ты не будешь слушаться. А если вздумаешь убежать, так мы нагоним и пристрелим.

Щель между скалами, узкая вначале, дальше все расширялась. Тропа подымалась наверх через груды камней и обломков скал. Наш караван растянулся гуськом, и кони и верблюды, привыкшие ко всяким переходам, осторожно ступая между острых камней, медленно пробирались в гору.

Я с американцем ехали впереди дозорными. Когда мы поднялись на перевал, сразу стало ясно, что Хэнтингтон прав: тропа стала спускаться внутрь широкого кратера, окруженного мрачными черными стенами, точно внутрь громадной чаши, созданной прихотью природы.

Долина кратера была в некоторых местах завалена большими обломками скал, в середине образовалась естественная гладкая площадь, на которой виднелись небольшой каменный склеп и несколько могил обыкновенного мусульманского типа — из груды мелких камней с плитой посередине.

Американец находил, что ему как геологу очень интересно здесь остановиться, так как кратер представляет важность «с научной точки зрения».

Когда мы спустились внутрь кратера, кое-где видна была зола костров, уже размытых дождем, и следы стоянки верблюдов ночевавшего здесь каравана.

Где-то должна была быть, несомненно, вода, так как караваны обыкновенно останавливаются возле колодца.

Джигиты сейчас же разбрелись во все стороны отыскивать воду и вспугнули двух шакалов, заметавшихся по кратеру.

Действительно, нашелся колодец, выложенный камнем, и вода оказалась достаточно хороша, чтобы от нее не отворачивались голодные верблюды и можно было заварить крепкий чай.

Мы расседлали лошадей, развьючили верблюдов возле колодца и расположились по-товарищески кругом костра; проводник Абдалхи был, конечно, тоже среди нас на равных началах.

С джигитами я переговорил, что нужно будет принять меры охраны на ночь, быть очень осторожными, отправить одного часовым на тропу, по которой мы приехали.

Хива-Клыч подошел ко мне и сказал:

— Когда все подымались по дороге вверх, этот шайтан Абдалхи оторвал кусок чалмы, разостлал на дороге и на обрывок положил несколько камешков, как русский крест... Я спросил Абдалхи: зачем он это делает? А он говорит, что кяфиры боятся креста, а кусок чалмы он дает в подарок,

чтобы духи на него не сердились... Я только думаю, что этот шайтан врет, и ему на всякий случай «маклач» давал.

Мы стали совещаться с Хэнтингтоном, вспомнили все случаи, показавшие проницательность Шерлока Холмса, и пришли к одному заключению, что этот сигнал — условный знак, какой Абдалхи показывает кому-то другому. Что, вероятно, кто-то должен приехать этой ночью к скалам, а наш приезд совершенно им нежелателен, и что мы приехали сюда раньше, а этим условным крестом Абдалхи хочет предостеречь своего сообщника, одного или многих.

Нужно было принять контрмеры, так как, конечно, не могут быть добрые намерения у этого притворяющегося дурачком афганца, заведшего нас совершенно в другую сторону.

Наш ужин был скуден: туркмены спекли в золе костра три круглые лепешки из муки, и мы с удовольствием ели это теплое крутое тесто, запивая заленым чаем.

Ужин лошадей и верблюдов тоже был скуден.

Недолго мы сидели у костра; поочередно все заворачивались в бурки и ватные халаты и ложились вокруг костра, где тлели саксауловые головни.

Условившись с Хэнтингтоном, что он будет сторожить возле костра, я взял винтовку и обошел нашу стоянку.

Верблюды, лежа на животе и подобрав под себя ноги, пережевывали ячмень, изредка подымая свои длинные шеи и поглядывая кругом задумчивыми грустными глазами. Кони жадно ели сухую, жесткую траву. Одна лошадь, очень усталая, лежала на боку, вытянув ноги, и ничего не ела.

«Туркмены говорят, что хороший конь, как бы ни устал, на землю не ложится,— подумал я.— Вернется ли этот жеребец обратно в Туркестан?»

Кругом на скалах было тихо. Луна обливала серебристым светом громадные каменные глыбы, теснившиеся угрюмой толпой вокруг площади, где белела могила святого и дремал наш караван. Никакой опасности как будто не предвиделось.

Я поднялся по тропинке, вьющейся между скал, обратно на вершину и за перевалом действительно нашел таинственный знак Абдалхи. Прямо на тропинке, залитой лунным светом, ярко белел обрывок чалмы, на нем крестом было положено тринадцать камешков.

«Если бы кто-то шел по тропинке,— подумал я,— он не мог бы не заметить этого сигнала».

Место это было удобно для наблюдения: с перевала видны были и пустыня на десятки верст кругом, и внутренность кратера, где мигал красноватый огонек костра. Среди

больших камней легко было спрятаться, и я, отойдя несколько шагов от тропинки, завернулся в бурку и удобно притаился в тени высоких обломков скалы.

Пустыня сперва казалась безмолвной. Передо мной была бесконечная даль равнины. На горизонте с афганской стороны в одном месте на северо-востоке подымались белые острые горные вершины, точно тонкие зубцы сказочного замка.

Равнина, залитая ровным лунным светом, видна была ясно, и только даль, казалось, таяла в серебристом тумане.

В безмолвии угрюмых скал я слышал ровное биение сердца.

«Вероятно, чуткий слух зверя чуял мои шаги по камням,— подумал я,— и все ночные шатуны притаились».

Я всматривался в даль, на север, где за бесчисленными горами и ущельями, пройденными нами, распростирались сперва роскошный теплый Туркестан, а далее загадочная холодная Россия, «где я любил, где я страдал», и мысленно «я видел зал, сияющий огнями», мне слышалась увлекательная музыка бального оркестра, мне казалось, дети танцуют вокруг елки... но мои мечты вдруг прервал тонкий протяжный вой.

Какой-то низкий сильный голос, точно морская сирена, поднялся очень высоко, несколько раз взвизгнул и замолк.

И вдали, в пустыне, и невдалеке, в скалах, вдруг множество таких же таинственных голосов стали повторять этот ужасный вой и взвизгивания, и вокруг все, казалось, было полно невидимыми злыми духами, издававшими эти странные вопли-стоны о душах убитых здесь кяфиров...

«Шакалы,— подумал я.— Однако их, черт возьми, очень уж много! Это — несколько сотен. Если наткнуться на стаю, то от меня только один стальной ствол берданки останется!..»

Шакалы завывали несколько минут, потом сразу, точно по команде, смолкли, и опять воцарилось странное, таинственное безмолвие пустыни.

Я продолжал внимательно всматриваться в даль и в одном месте, на белой солонцовой площадке, заметил несколько темных фигур, похожих на небольших волков, крадучись перебиравшихся через это светлое место.

«Пустить им пулю? — подумал я.— Нет, пожалуй, наши подумают, что это сигнал тревоги!»

Но в скором времени я увидел нечто более интересное.

По равнине с востока, наперерез тому пути, по какому мы прибыли, продвигались несколько точек. Сперва мне

показалось, что я ошибаюсь, но вскоре я смог различить шесть всадников, приближавшихся гуськом, ускоренным шагом...

Прошло некоторое время, и стали заметны темно-синие афганские кафтаны, голубые чалмы, небольшие гнедые крепконогие лошади, привыкшие карабкаться по горным дорогам.

«Вероятно, патруль афганской иррегулярной кавалерии,— подумал я.— Идут сделать маленький аламан — грабеж ближайшей персидской деревни, так как эмир им несколько месяцев не платит жалованье. Но может быть, они в стачке с нашим проводником? Может быть, они должны были здесь подстеречь наш караван и «во славу пророка правоверных» перестрелять из засады всех «гяуров-урусов»?..»

Эти мысли мгновенно пронеслись, и я посетовал: «Эх! Хива-Клыча нет! Спит, вероятно. Он без промаха уложил бы подряд двоих-троих, а с остальными нетрудно будет справиться!..»

Всадники остановились, затем повернули к нашей скале.

«Они должны были раньше нас сюда прибыть и отсюда сторожить, когда мы пройдем мимо. Но они опоздали! Их кони ведь хороши в горах, а в степи им не нагнать туркменских коней, да еще таких отборных, как наши. Пока они кружили, мы пришли раньше...»

Уже стал слышен глухой топот лошадиных шагов, стук подков о камни. Всадники стали подыматься по каменистой тропе...

«Что делать? Стрелять или только окликнуть? Целиться или выстрелить в воздух?» На размышление оставалось всего несколько секунд.

Близко показался передний афганец, видимо ехавший дозорным, другие отстали шагов на пятьдесят.

Теперь я видел ярко освещенного лунным светом высокого афганца с черной бородой, с обведенными черной краской глазами, державшего в руках ружье наизготове, подъезжавшего на широкогрудой гнедой лошадке с белой лысиной во лбу.

Афганец зорко посматривал по сторонам и поддавал под бока лошади своими тяжелыми шнурованными башмаками. Лошадь похрапывала и вдруг остановилась, затем шарахнулась в сторону за два шага до куска белой чалмы с крестом из камней.

«Теперь момент!» — подумал я и выстрелил. Сильный

грохот разбудил молчание скал, и эхо раскатом пронеслось по камням.

Афганец сразу повернул коня и быстро помчался обратно.

Раздалось несколько криков, выстрелов в воздух, и через несколько секунд я увидел, как шесть афганских всадников уже карьером неслись обратно по равнине.

— Что случилось? — спросил Хэнтингтон, запыхавшийся, взбежавши на перевал.

За ним, как всегда спокойный, с винтовкой в руках поднимался Хива-Клыч.

Я указал на удалявшихся всадников и передал свои мысли — кто это мог быть.

— Я думаю, что порядочные люди по ночам не шляются,— сказал американец.

— С ними нет верблюдов, каравана, это аламанщики! — уверенно определил Хива-Клыч.

— Вы хорошо сделали, что показали им — мы всегда наготове! — одобрил мой холостой выстрел Хэнтингтон.

Я оставил на своем месте сторожить Хива-Клыча, и мы с американцем вернулись к костру.

Проводник, бледный, с блуждающими жгучими глазами, трясся как в лихорадке.

— Далеко ли отсюда до калы, ближайшего селения?

— Недалеко,— ответил Абдалхи,— бояр (господин) может быть уверен, что завтра рано утром уже будет иметь барана, а лошади — много ячменя...

Но еще непонятное было впереди.

Когда рано утром мы спустись с горы и шли степью, Хива-Клыч поднял с земли и передал мне небольшую записную книжку, почти всю исписанную чистейшим английским языком.

Чопорный Хэнтингтон сказал, что нехорошо читать чужие записи, а лучше бросить. Я же с ним не согласился и эту книжку сохранил до сих пор. Там, между прочим, была такая пометка:

«...1/1. Азис-хан сообщает, что русский сартип... и его караван двинулись на «О» от Немексара. Винтовок шесть. Идут медленно. Дан верный проводник. Приведет в Ашир-кудук 7.1. Нужно быть у Кяфир-Куха 6.1 ночью...»

Как видно, таинственные планы проводника не удались.

Но я думаю, что такие же таинственные привидения, знающие отлично английский язык и интересующиеся тем,

что вы делаете и какие ваши намерения, являлись всем русским, путешествующим на Востоке, но под видом других лиц: лакеев в гостиницах, любезных гидов и даже хорошеньких женщин, с какими вы «случайно» знакомитесь на пароходе...

1906

ОВИДИЙ В ИЗГНАНИИ[1]

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду, как свободой.

Лермонтов

Я приютился в верхней каморке двухъярусной каменной гетской хижины, в небольшом городке, полном разноязычных варваров. Здесь, как нищий, бесправный ссыльный, провожу я томительные долгие годы, вспоминая римскую речь только в те часы, когда я пишу свои скорб-

---

[1] Публий Овидий Назон, считающийся последним поэтом «золотого века» римской поэзии, жил с 43 года до н. э. по 17 год н. э. В 8 г. н. э. император Август (по не выясненной до сих пор причине) сослал Овидия в самый дальний пункт своих владений, в город Томы, находившийся немного южнее впадения Дуная в Черное море, тогда называвшееся Понт Эвксинский. Теперь на месте города Томы румынский порт Констанца.

Ссылка на берега Черного моря подала Овидию повод к целому ряду произведений, вызванных исключительно новым положением поэта, свидетельствуя о неиссякаемой силе таланта Овидия. Они показывают его огромное трудолюбие, упорство в создании крупных художественных произведений и силу характера, несломленного, несмотря на крайние лишения, в каких ему пришлось прожить более десяти лет.

В Риме Овидий писал легкомысленные эротические элегии, поэму «Искусство любви» и другие произведения, давшие повод к обвинению его в безнравственности; из Том Овидий послал огромный труд «Метаморфозы», «Фасты» (календарь), «Скорбные элегии», «Послания с Понта», трактат о рыбах Черного моря — все это написано в художественной форме, показавшей высокое мастерство поэта. Кроме того, им была послана цезарю поэма, восхвалявшая его подвиги на языке гетов, варварского племени, среди которого Овидию пришлось жить. Эта поэма, как и его трагедия «Медея», до нас не дошла.

Овидию в ссылке посвятил Пушкин замечательные строки в рассказе старика из поэмы «Цыганы» («Меж нами есть одно преданье...») и в стихотворении «К Овидию» («Овидий, я живу близ этих берегов...») и находил много общего с ним в своем положении ссыльного на берегах Черного моря.

Настоящий отрывок из дневника Овидия относится к последним годам его пребывания в Томах.

ные элегии, хожу на проверку к военному трибуну и когда достаю из ящика потемневшие свитки моих любимых поэтов: Горация, Проперция, Тибулла и Корнелия Галла[1].

Стараюсь быть мужественным и утешаюсь, как могу: в одной стене у меня есть очаг, где в морозные дни пылают щепки и сучья, собранные мной на морском берегу; на полу разостлан козий мех, а сбоку ложе варварского вида, покрытое сарматской войлочной попоной.

С восточной стороны прорублено окно, завешенное фракийским малиновым покрывалом. Через это окно ко мне влетают золотые лучи утреннего солнца и зовут на берег моря. Есть у меня также разрисованный узкогорлый кувшин,— в нем я берегу последние остатки выжатого на цветущих склонах Везувия[2] сладкого темного вина.

Откинув занавеску, я часто жадно всматриваюсь в туманную даль, в линию горизонта, постоянно меняющего свой цвет беспокойного моря. Я с нетерпением жду радостного вестника оттуда, из навеки мною покинутого Рима.

Сегодня я вдруг заметил долгожданную золотистую точку. Медленно приближается надутый ветром парус, все ближе вырастает покачиваемый волнами корабль. Парус быстро опускается на палубу, мерно взмахивают поблескивающие на солнце белые длинные весла.

Затерянный в толпе варваров, я спешу к пристани.

Что привез мне корабль? Прощение нового императора Тиберия? Письма друзей и с ними несколько запечатанных амфор с вином из моего сульмонского[3] виноградника?

Кормчий, за время долгого пути заросший бородой, важно сошел по сходням на берег. Грубый голос, как обычно, произнес:

— Письмо Публию Овидию Назону? Ни такого письма, ни посылки для него мне не передавали. Теперь не скоро жди писем: наступает время зимних бурь, и все корабли спешат укрыться в гаванях.

Ни письма, ни денег, ни посылки... Чем же я проживу эту зиму?

---

[1] Корнелий Галл — один из крупнейших римских поэтов, но из его произведений до нас почти ничего не дошло. Поэты Гораций и Проперций были друзьями Овидия.

[2] Во времена Овидия гора Везувий еще не была вулканом и славилась своими цветущими селениями и виноградниками. (*См. сноску 2 на с. 438*).

[3] Овидий родился в усадьбе отца, близ города Сульмóна, в гористой части средней Италии.

* * *

Снова я сижу около пылающего очага, допивая последнюю чашу вина. Я грею озябшие руки и закрываю глаза. В завывании ветра мне чудится шепот:

«Опять тебе нет ни вестей, ни привета с родины? Но не ты ли сам предсказывал в своей элегии:

«...В счастье покуда живешь, ты много друзей сосчитаешь.
А как туманные явятся дни,— будешь один...»

Ветер с моря шелестит тростником крыши, и опять слышатся чьи-то речи:

«Твои друзья веселятся с другими, и даже прославленная твоими песнями Корина от тебя отвернулась. Забудь и ты о неблагодарном великом городе и находи утешение среди ненавидящих хищный Рим варваров...»

Порыв ветра будит меня. Я открываю глаза. Замечаю серые, сложенные из грубых камней стены и покрытые седым пеплом потухающие угли в очаге. Ветер треплет малиновую занавеску в окне и доносит гул равномерных ударов тяжелых волн о каменистый берег. Под этот шум у меня складываются строки:

«...Варваром я здесь слыву: моя речь непонятна туземцам.
Слова латинского звук смех вызывает глупцов...
Сам уж, боюсь, разучился здесь говорить по-латыни:
К гетским, сарматским словам ум приспособил я свой[1]...»

* * *

Уж много лет и в полнолуние и в ущерб каждого месяца я обязан являться в крепость к военному трибуну — удостоверить, что я не бежал из города.

Я пробираюсь узкой кривой улицей, где мне знакома каждая плита, каждый выступ дома. Я стараюсь незамеченным проскользнуть мимо лавок, увешанных: одни — свиными окороками и рассеченными бараньими тушами, другие — глиняными чашами и пестрыми кувшинами, третьи — сыромятными ремнями и дублеными кожами. Что я могу ответить на ласковые зазывания продавцов, видевших меня нарядным в первый год моего

[1] «Скорбные элегии». Перевод А. Фета.

приезда, когда теперь мою римскую гордость терзают муки нищеты?

— Чем тебе, господин, мы можем услужить? — слышу я вопросы и ускоряю шаги.

Я обхожу площадь, где ежедневно сходятся томиты, жители города, для торга с кочевниками. Хищные геты и свирепые сарматы ненавидят друг друга и при встрече в степи держат наготове арканы и стрелы, а здесь, на торговой площади, они только молча сторонятся, хотя кровавая схватка может произойти каждое мгновение. Они неразлучны с коротким мечом, небольшим тугим луком и кожаным разрисованным колчаном, полным отравленных красноперых стрел. Эти страшные кочевники мирно пригоняют сюда стада баранов, быков или истощенных, покрытых ранами пленных, стонущих и плачущих на неведомых языках.

Я дохожу до наполненного водой рва и каменных ворот. Часовой легионер знает меня и, махнув рукой, говорит:

— Овидий, проходи!

Внутри крепости, на холме, живет трибун, начальник римского гарнизона. Я останавливаюсь возле небольшого дома. Сквозь раскрытую дверь я вижу на мраморном полу выложенную черными камешками надпись: «Salve»[1].

Как изгнанник, «эксуль», я не смею переступить порог и жду среди двух десятков таких же, как и я, ссыльных. Все перешептываются об одном:

— Пришел корабль из Италии. Не получил ли с ним трибун повеление из Рима, чтобы дать нам свободу? Цезарь Октавий Август умер: теперь новый император, Тиберий, он нам окажет милость.

Сперва из дома выходит молодой центурион[2]. Он отзывает меня в сторону и передает сверток.

— Здесь для тебя папирусовый свиток. Напиши мне на нем свое новое «Послание с Понта». Я тебе за это пришлю муки.

Центурион сам пишет стихи и поэтому любит тайком побеседовать со мной. Как-то он мне сказал:

— Ты жалуешься, что сослан на крайнюю границу Римской империи. Однако твои песни по-прежнему переписываются и распеваются в Риме, и их всегда будут читать те, кто ценит сладостную латинскую речь. Ты

---

[1] «Salve» — Здравствуй; прощай *(лат.)*.

[2] Центурион — начальник сотни; трибун — должностное лицо, здесь: начальник римского поселения и гарнизона.

можешь гордиться своим изгнанием: из сердца Рима твои песни изгнать нельзя!

Слышатся тяжелые шаги легионеров. Двадцать копейщиков, звеня оружием, подходят к дому и выстраиваются у входа. Центурион быстро покидает меня и вытягивается, непроницаемый и окаменелый.

Старый суровый трибун с выбритым морщинистым лицом показывается в дверях.

Трибун меня ненавидит. Наблюдение за ссыльными его больше беспокоит, чем нападения гетов и сарматов. Разговаривая со мной, он смотрит в сторону, шрам, рассекающий его седую бровь, багровеет, и я слышу отрывистые знакомые слова:

— Это ты, эксуль Публий Овидий Назон? Ты живешь по-прежнему? В том же доме? У разбойника Геко? Еще не научился шить сапоги, выделывать кожи или красить ткани? Нет? Напрасно! Это гораздо полезнее, чем писать беспутные, вредные песни. Да это для тебя было бы и выгоднее. Ступай! Через пятнадцать дней приходи снова!

* * *

Когда огненный лик солнца вынырнул из пучины темного моря, я узнал об этом по золотистому лучу, упавшему розовым квадратом на серые камни стены.

Я приоткрыл дверь. Город был еще закутан сизым утренним туманом. Кое-где над плоскими крышами тянулись к небу голубые завитки дыма.

С собой я захватил навощенные дощечки, думая набросать новые строки «Послания с Понта». Осторожно, по приставной лестнице, я спустился в крохотный дворик, где в жидком навозе дремали черные туши буйволов с длинными, опущенными на плечи рогами.

Свирепый буйвол-самец злобно засопел и начал подыматься, но снова грузно улегся, когда его окликнул хозяин дома Геко. Он входил в это время с побелевшими от пыли, свисшими усами, толкая перед собой девушку со связанными за спиной руками.

У нее, по обычаю варварских племен, лицо было закутано пестрым платком так, что видны были только бирюзовые глаза, окруженные черными ресницами. Я заметил узкие плечи, туго стянутые белой шерстяной одеждой, узорчатые красные обшивки и нити синих бус.

Хозяин распутал у девушки веревки с рук и сорвал с ее

головы пестрый платок. Она схватилась за голову и, раскачиваясь, пронзительно закричала непонятные варварские слова.

Но Геко, отряхивая от пыли овчинную шапку, втолкнул кричавшую девушку в подвал.

Конечно, это новая добыча хозяина. Как-то раньше он привез из степи другую пленницу, по его словам, выменяв ее за два стальных меча, а потом без сожаления продал на уходивший в море греческий корабль.

Снедаемый тоской, я прошел узкой улицей, где — плохой знак! — мне дорогу перебежала женщина с глиняным горшком; в нем дымилась головешка, чтобы разжечь чей-то погасший очаг.

Когда я проходил в южные ворота, выходящие на прибрежную большую дорогу во Фракию, часовой легионер угрюмо меня предостерег:

— Не отходи далеко! Не потому, чтобы мы боялись твоего побега,— куда тебе, слабому, убежать! Но вчера невдалеке по равнине вскачь пронеслась толпа гетских разбойников. Они где-нибудь близ дороги притаились в засаде.

В моем отчаянии мне дорого одиночество. Я взором ищу среди унылой равнины дикую скалу, отступающую в море, и медленно иду к ней берегом, отступая перед набегающими волнами и обходя выброшенные ночной бурей слизистые диски прозрачных медуз.

1934

ТРЮМ И ПАЛУБА[1]

Красильщик Силан, бледный, испитой, с каплями пота на лбу, держа растопыренными мокрые руки, выпачканные до локтей синей краской, выскочил из своей мастерской на улицу. Там уже толпились соседние ремесленники; перешептываясь, они глазели на нарядную процессию, тянувшуюся мимо них. Сапожник Пафий, бородатый гигант в большом кожаном переднике, с черными, всегда взъерошенными волосами, объяснял, что сегодня вся знать Рима едет на праздник, устраиваемый цезарем на горном озере

---

[1] В двадцати пяти киломстрах к юго-востоку от Рима расположено горное озеро Неми; оно является кратером потухшего вулкана значительной глубины — свыше 100 метров. Неоднократно на берегу озера находили выброшенные волнами старинные предметы римской эпохи — кольца, бронзовые украшения и пр. У древних писателей имеются указа-

Неморенсис (Лесное), переименованное в «Зеркало Дианы»[1].

— На такие празднества у цезаря находятся деньги, а с нас сборщики податей готовы содрать единственную нашу шкуру, чтобы только вытрясти из нее побольше серебра...

— Моего брата Тетриния за это даже продали в рабство,— сказал Пафий.

— Как же это смели сделать со свободным римским гражданином?

— Ты знаешь Скаптия-ростовщика? Он ссудил Тетринию две тысячи сестерциев, чтобы тот мог уплатить свои долги и штрафы, наложенные цезарем. Брат не смог вернуть их в срок, и, по закону, Скаптий сделал Тетриния своим рабом, а затем продал за тройную цену против долга. Тетриний пытался убежать, но его поймали и каленым железом наложили на щеку клеймо. Новый хозяин продал Тетриния на галеры. Мне неоткуда достать денег для выкупа брата, а на галере он скоро надорвет свои силы. Говорят, больше года не выживает ни один гребец.

ния, что на озере Неми римские императоры устраивали празднества на увеселительных судах, несколько таких судов затонуло.

Ученые стали производить систематические обследования озера; уровень воды был искусственно понижен на несколько метров, и драгами удалось коснуться одной затонувшей галеры. Судно было поднято на поверхность, все покрытое тиной и водорослями. Сохранились лишь его нижняя часть с килем, боковые брусья (ребра) и множество художественно исполненных бронзовых украшений.

Эта ценная находка дала надежду на возможность новых открытий, которые обогатят наши сведения о древнеримских кораблях. Может быть, они принесут также новые данные из эпохи Древнего Рима.

Рассказ является попыткой восстановить картину гибели на озере Неми увеселительного корабля императора Калигулы.

Гай Цезарь Август Германик, более известный по насмешливому прозвищу Калигула («Сапожок»), которое ему дали за привычку показываться повсюду в походных солдатских сапогах, хотя он и не был полководцем.

Калигула царствовал три года девять месяцев (37—41 годы н. э.) и за это время успел промотать колоссальные сбережения своего предшественника Тиберия (многие миллиарды рублей на современные деньги) и довести население Рима до отчаяния своими преследованиями, жестокостями и казнями.

Известно его изречение: «Жаль, что человечество не имеет только одной головы, чтобы ее сразу можно было отрубить». Он умер в возрасте 29 лет, убитый приближенными, как и большинство римских императоров.

[1] Диана — богиня Луны и охоты. На берегу озера находился храм, посвященный Диане. Греческое название Дианы — Артемида. Гора на берегу озера до сих пор носит название Артемисия.

— Смотрите, вот едет на празднество молодой богач Фабий!

— Я вчера отнес ему башмаки из красного сафьяна, специально заказанные для этого праздника.

— Сколько сестерциев он заплатил тебе за башмаки? — спросил подошедший пирожник Рустик; он нес корзину с пирожками, начиненными свиной требухой.

— Опять ничего, как и раньше.

— Он прежде износит твои башмаки, чем ты получишь за них.

— Но если я не исполню его требования, то он не заплатит и за прежние заказы. Нобили[1] ведь могут сделать с нами все, что захотят. Тише, вот и он сам...

Мимо говоривших медленно проезжала нарядная двухколесная повозка, отделанная серебром и слоновой костью и покрытая пурпурным египетским ковром. Два серых мула были убраны расшитыми золотом чепраками и серебряной сбруей. В повозке, на месте возницы, держа белые вожжи и длинный бич, сидел изнеженного вида молодой римлянин с искусно завитыми пышными кудрями. Его белая тога, видимо только что вынутая из-под гладильного пресса, лежала красивыми складками. У его ног сидел на корточках возница, чернокожий раб с большими серебряными кольцами в ушах. Повозка Фабия вдруг остановилась, давая дорогу быстро продвигавшейся процессии.

Восемь рослых носильщиков в красных плащах беглым шагом несли на длинных полированных шестах белые крытые носилки, разукрашенные позолотой. Из-за полосатых полураздвинутых занавесок была видна полулежавшая женщина, закутанная в длинную «столу», с лицом, полузакрытым прозрачной вуалью. Впереди носилок, крича и разгоняя встречных, шагали четыре эфиопа-скорохода с пестрыми повязками на бедрах и серебряными дощечками на груди, на которых было вырезано имя их госпожи: «Харита Поппея».

Женщина сделала приветственный жест рукой, блиставшей кольцами и браслетами, и Фабий, бросив вожжи и бич вознице, с выражением крайней почтительности подошел к носилкам. Поппея сообщила ему, что не может ехать по черной базальтовой мостовой Рима, на которой ее очень трясет, и рабы поэтому донесут ее до Большой Аппиевой дороги за городом, где её ждет коляска. Оба обменялись

---

[1] Нобили — в Древнем Риме представители служилой сенаторской знати (лат. Nobilis — знатный, благородный).

последними новостями, занимавшими внимание «высшего света» столицы империи.

— Скажите, в честь какого божества устроен праздник? Я до сих пор этого не знаю,— спросила Поппея.— Говорят такие вещи, что я даже не могу поверить. Но я женщина и многого не понимаю.

Красильщик, пирожник и сапожник вместе с другими любопытными протеснились поближе, чтобы услышать новости из разговора двух знатных римлян.

Фабий, по обычаю франтов того времени, картавя и делая вид, что не может произнести половины слогов, рассказывал нежным, томным голосом, что божественный цезарь, полный высокой премудрости, произвел своего любимого жеребца Инцитата в звание сенатора, и по этому поводу устраивает небывалый в истории праздник.

Его жеребец будет помещен на увеселительном корабле императора, и вся знать Рима должна прибыть на Зеркало Дианы, чтобы поздравить несравненного скакуна с его новым высоким назначением. Шесть роскошных кораблей императора уже перевезены по сухопутью несколькими сотнями быков и рабов через ущелья и перевалы на озеро. Для этого сделаны особые прочные катки с дубовыми сплошными колесами, обитыми железом. Когда один корабль повалился набок и его борт сломался, тут же были выпороты бичами все сопровождавшие его рабы и казнен каждый десятый.

— Теперь рабы похожи на тигров,— добавил, смеясь, Фабий,— у них спины разрисованы полосами от ударов плетей!

При этих словах красильщик толкнул сапожника локтем:

— Ты слышал, Пафий? Рабов на галере выпороли. Среди них находился, кажется, и твой брат Тетриний?

— Я надеюсь, что по крайней мере он не был одним из десятых...

Харита Поппея, в свою очередь, рассказала Фабию, что богатые коммерсанты, у кого она накануне выбирала восточные драгоценности, готовы уплатить большие суммы, чтобы только присутствовать на празднике и увидеть «священную особу» цезаря.

— Но это легко сделать! — Фабий обрадовался случаю «заработать» на чванном честолюбии богатых купцов.— Вот к нам приближается мой дядя Кассий Херея. Он служит центурионом в гвардии императора. Ему ничего не стоит переговорить с распорядителем церемоний и про-

пустить на корабль верных почитателей нашего повелителя.

Несколько всадников, по два в ряд, блистая медными панцирями и шлемами, с копьями в руках, показались из-за угла. Впереди ехал старый седой воин в тунике с двумя пурпурными полосами[1]. Его угрюмому лицу придавал еще более суровое выражение рассекавший его наискось глубокий шрам. Поравнявшись с носилками, центурион остановил коня. К нему подошел Фабий и, почтительно приветствуя, изложил просьбу Хариты Поппеи. Центурион ответил:

— Ваше желание будет исполнено. Лица, за которых вы просите, могут находиться на корабле номер пятый, куда цезарь приказал поместить приглашенных по особому списку, лично им составленному. Он сказал, что на этот корабль можно еще добавить желающих, готовых принести свои средства в подарок цезарю.

Позади послышались крики:

— Расступитесь! Дайте дорогу!

Толпа бросилась в стороны. Кассий Херея рысью двинулся вперед. Харита Поппея сделала знак рабам, которые быстрыми, мерными шагами стали продвигаться среди толпы. Фабий вскочил на колесницу и, щелкая бичом, погнал мулов.

Сзади стали усиливаться звуки унылой песни, покрывавшей гул кипевшей улицы. Приближалось несколько сот рабов, их гнали на озеро Зеркало Дианы. Группа вооруженных всадников ехала впереди; тупыми концами копий они толкали загораживавших им путь прохожих. За ними шли рядами полуголые рабы разного цвета кожи, доставленные в Рим со всех побережий Средиземного моря. Здесь были бронзовые египтяне, бледно-желтые сирийцы, черные нумидийцы с курчавыми волосами и костяной палочкой в носовом хряще. Самыми рослыми были белокурые германцы и мускулистые волосатые скифы с широкими рыжими бородами. Все рабы несли на плечах громадные длинные весла.

Расталкивая толпу, сапожник подбежал к худощавому рабу, шедшему с краю. Его ноги были скованы цепью, середину которой подтягивал ремень, привязанный к поясу, чтобы цепь не волочилась по земле.

— Брат Тетриний! Возьми пирожков, луку, чесноку. Я успел их занять у соседа-пирожника. Почему такие

---

[1] Две пурпурные полосы свидетельствовали о принадлежности к знатному сословию «всадников».

несчастья свалились на твою голову? За что боги наказали тебя?

— Не боги, а жадность Калигулы! Он готов продать в рабство всех римлян, чтобы получить новые деньги для своих пиров...

Крики надсмотрщика и удар плетью отогнали сапожника от его брата. Угрюмые рабы шли тяжелыми шагами и пели:

«Не ждите нас, отец и мать,
Вам больше сына не видать.
Ударь веслом, ударь еще,
Откинь сильней назад плечо.
Уносит нас вперед волна,
Все дальше наша сторона.
Ударь веслом, ударь еще,
Откинь сильней назад плечо...»

* * *

Длинная вереница рабов под конвоем вооруженных всадников подошла к небольшому озеру, расположенному у подножия горы Артемисии, заросшей приземистыми соснами. Озеро находилось в котловине, окруженной невысокими горами. Разноплеменные рабы всех оттенков кожи, теперь покрытые дорожной известковой пылью, казались одинаково серыми. Большинство бросилось к воде, чтобы смыть с себя грязь и освежиться. Некоторые, усталые и больные, бессильно растянулись на земле.

Тетриний, искупавшись в прохладной воде глубокого озера и почувствовав себя бодрее, стоял на берегу. Его взгляд ощупывал окрестные хребты, вьющиеся по ним тропинки, и мысли о новом побеге волновали его.

На озере Зеркало Дианы уже стояли близ берега шесть разукрашенных, нарядных кораблей. Один из них, поврежденный в пути, слегка накренился, и толпа рабов возилась около него, гулко колотя молотками, исправляя поломанный борт.

В стороне протянулось по склону горы бедное горное селение с приплюснутыми хижинами, сложенными из камней и покрытыми хворостом. Жители-пастухи, одетые в бараньи шкуры и грубые коричневые шерстяные плащи, глядели расширенными от удивления блестящими глазами на шумную пеструю толпу, все прибывавшую к берегам обычно тихого, безлюдного озера.

Подходили преторианцы[1] в блестящих медных латах,

---

[1] Преторианцы — гвардия римских императоров.

бесчисленные служащие и рабы, которые вели лошадей, мулов и ревущих ослов. Со всех сторон всевозможные колесницы, двух и четырехколесные повозки, подвозили знатных патрициев и их семейства. Гости направлялись, чтобы переодеться, к нарядным пестрым палаткам, заблаговременно разбитым вдоль берега.

Через некоторое время вспомнили о рабах; им были выданы вареные бобы, по куску хлеба и кружке вина с уксусом. Затем их погнали на корабли, разукрашенные гирляндами цветов и разноцветными флажками, трепетавшими от ветра. Пока сто рабов по очереди гуськом спускались в трюм через небольшой люк, Тетриний рассматривал убранство корабля. На палубе были устроены красивые киоски и арки, а под ними находились скамьи, покрытые дорогими цветными тканями. Виноградные кусты и плодовые деревья со спелыми фруктами были живописно размещены в разных местах, скрывая певцов и музыкантов. Середина палубы была затянута громадными восточными коврами.

Удары бича по голым плечам заставили Тетриния быстро нырнуть в черное квадратное отверстие люка. По узкой лестнице он спустился вниз. После дневного света ему сперва казалось, что он попал в полный мрак, но слабый свет проникал сквозь заделанные железными прутьями отверстия в борту корабля, из которых высовывались висящие на ремнях рукоятки ста весел. Ряды скамей, один над другим, были расположены вдоль обоих бортов. Полуголые гребцы, крича и ругаясь, невольно натыкались друг на друга в полутьме, рассаживаясь по скамьям.

Несколько кузнецов с щипцами и молотками подходили по очереди к каждому из гребцов и приковывали короткой цепью одну ногу к толстому поперечному брусу, на котором держались скамейки.

Так как Тетриний был римлянин, его оставили для посылок. Большинство рабов были чужеземцы, плохо понимавшие латинскую речь, и их загоняли, как скот, с помощью бичей. Около двадцати рабов были оставлены неприкованными, чтобы сменять во время гребли выбившихся из сил.

На возвышении посреди трюма стоял гортатор[1], который ударами железного молотка по столу должен был выбивать такт для ровной гребли. По окрику гортатора все

[1] Гортатор — надсмотрщик.

гребцы положили руки на тяжелые, налитые свинцом рукоятки весел и оставались в напряженном положении, ожидая команды. Сквозь палубу до них доносился шум прибывающих гостей, топот пробегавших матросов, крики команды.

Загремели удары в медные щиты, запели трубы, давая императорские сигналы, и раздались громкие приветственные крики. Подплыл и остановился рядом корабль, на котором находился сам цезарь.

Сквозь железные прутья люка Тетриний увидел множество нарядно одетых нобилей в белоснежных тогах с пурпурной каймой. У всех на головах были надеты венки. Впереди стоял император — высокий молодой человек, очень тучный, но со впалым, худым лицом, в красной одежде, расшитой золотом. Его высокий лоб был полузакрыт венком. Глубоко сидящие глаза лихорадочно блестели и недоверчиво осматривали окружающих. Прицепленная золотая борода придавала ему вид актера.

Рядом с ним стоял большой жеребец с гривой, заплетенной в мелкие косички, перевитые цветными лентами, с позолоченными копытами и драгоценным ожерельем на шее. На спину жеребца была накинута белая тога сенатора, окаймленная пурпурной полосой. Два старых патриция стояли по сторонам коня и держали золотые цепи, прикрепленные к недоуздку. Конь похрапывал, перебирая ногами по мягкому ковру, и косился блестящими глазами на огни, пылавшие в железных корзинах, возвышавшихся на подставках около бортов.

Присутствовавшие гости проходили по очереди сперва мимо жеребца, кланяясь ему, как высокому сановнику, и восклицая: «Привет коню цезаря, сенатору Инцитату!»,— затем приближались к Калигуле.

Цезарь протягивал очень тонкую, несмотря на его тучность, руку, и патриции, подобострастно наклоняясь, подходили и целовали её. Когда к императору склонился старый центурион Херея с косым шрамом через все лицо, протянутая рука Калигулы вдруг вцепилась в седую голову и вырвала несколько волосков.

— Смотрите! — воскликнул с деланным хохотом император.— Я у него вырываю волосы, а он остается таким же спокойным, как всегда!

Центурион побледнел, шрам на его лице побагровел, но Калигула в выражении лица старого воина не мог найти ничего, за что бы он мог обвинить его, и, махнув рукой, разрешил ему отойти.

Тетриний, получив удар бичом по ногам, отскочил от люка. В трюме стало крайне душно. В нескольких местах раздались крики:

— Бибэрэ![1]

Тетриний и его неприкованные товарищи пробирались с глиняными чашами по рядам, подавая пить задыхавшимся в трюме гребцам. Раздался новый оклик надсмотрщика, и молоток звонко ударил по доске. Мускулы гребцов напряглись, тела откинулись назад, и рукоятки весел стали равномерно двигаться.

— О-ооп! О-ооп! — выкрикивал гортатор при каждом ударе.

* * *

По всему побережью упали деревянные щиты, загораживавшие заранее зажженные костры, и яркие огни осветили поверхность озера и ближайшие уступы гор. Через определенные промежутки времени костры снова загораживались щитами, и все погружалось во мрак. Тогда пять кораблей двигались вокруг озера, как сказочные чудовища, блистая множеством огней, зажженных вдоль бортов.

Посреди озера медленно плыл особенно разукрашенный шестой корабль, где находился сам Калигула. В руках цезарь держал свернутый папирус, и приближенные предполагали, что там написана новая его ода. Император приказал, чтобы все другие пять кораблей непрерывно двигались вокруг озера, не уменьшая скорости. Маленькая лодка, в которой, кроме гребцов, сидело несколько человек с топорами, немедленно отчалила и объехала все корабли, передавая приказание Калигулы. Потом она прицепилась к последнему, пятому кораблю.

Плети надсмотрщиков проворно забегали по плечам рабов, полосуя тугие мускулы. Молоток гортатора застучал быстрее, шум опускавшихся весел усиливался, уключины визжали, корабли понеслись, вспенивая неподвижную гладь озера.

Калигула обмякшей поступью прошел на свое место, позади роскошно убранного стола, за которым, по его приказанию, вместо слуг стояло несколько старейших сенаторов, одетых в холщовые передники рабов. Весь вечер император отдавал безумные приказы, словно испытывая терпение своих приближенных. Закованные в латы телохранители Калигулы, германские наемники, которых

---

[1] Бибэрэ! — Пить! *(лат.)*

цезарь, не доверяя своим гражданам, нанимал за громадное жалованье, стояли, вытянувшись, близ цезаря, готовые исполнить каждый его каприз.

Внезапно бледное худое лицо Калигулы покраснело от приступа безрассудного гнева. Венок, украшавший его лысый череп, съехал на одно ухо, и цезарь закричал:

— Ах, какие чудные кудри у этого красавца Фабия! Конечно, он не откажется подарить их императору вместе со всем своим имуществом!.. Ха-ха!..

Германские телохранители, поняв каприз императора, бросились исполнять его приказание.

— Посмотрим... посмотрим, как будет выглядеть этот надменный юноша, когда его обреют, разденут и привяжут к мачте на пятом корабле!..— хихикал Калигула, и весь хор сенаторов и патрициев выражал одобрение словам «божественного цезаря».

С растерянного Фабия сорвали одежду, красные башмаки, обрезали волосы и потащили к лодке, чтобы отвезти на пятый корабль.

Празднество продолжалось, отличаясь разнообразием, великолепием и безрассудной роскошью. Гостей угощали громадными рыбами, откормленными в императорских прудах мясом преступников и рабов, салатом из соловьиных язычков и прочими необычайными блюдами, специально придуманными искусными поварами.

Акробаты, извивавшиеся как змеи, жонглеры, канатоходцы, фокусники, испанские и египетские певцы и танцовщицы поражали своим искусством гостей, не находивших достаточно слов, чтобы выразить свое восхищение.

Равнодушным оставался только тот, в честь кого был устроен замечательный праздник, любимый конь цезаря Инцитат, хотя сам император кормил его с золотого блюда позолоченным овсом и даже решил произвести его из сенаторов в высшее звание империи — консулы.

* * *

Под конец празднества Калигула взял пергаментный свиток, лежавший около него на столе, и несколько раз ударил им по золотой чаше. Прогремели медные щиты, запели трубы, и все замолкли, ожидая, что цезарь споет новую сочиненную им песню. На всех кораблях затихла музыка и пение, и только весла продолжали мерно вспенивать воду, поскрипывая в кожаных уключинах. Щиты закрыли береговые костры, и озеро погрузилось во мрак.

Внезапно на пятом корабле вспыхнул пожар. Маленькая лодочка отцепилась от него и стала кружить по озеру. Длинные весла корабля перемешались и бессильно опустились, как перебитые лапки сколопендры. Дикие крики ужаса и мольбы о помощи стали раздаваться с горящего корабля. Пламя быстро охватывало просмоленные снасти и причудливые киоски; во все стороны сыпались искры; многие стали прыгать в воду.

Привязанный к мачте Фабий рвался и кричал, прося его отвязать перед смертью...

От яркого пламени низкие облака и хребты гор стали розовыми.

Калигула стоял, расставив длинные тонкие ноги, и, развернув пергамент, кричал:

— Сам великий Юпитер наказал их! Вот у меня список лиц, находящихся на корабле. Они все тайные противники цезарской власти! Их имущество становится собственностью цезаря... Слышите их песни, какая прекрасная музыка! Ха-ха-ха!..— и цезарь стал читать по пергаментному свитку имена лиц, которые осуждены им на сожжение живьем...

* * *

Тетриний и несколько других неприкованных рабов, как только заметили пожар и панику на своем корабле, бросились на помощь оставленным на произвол судьбы товарищам.

В трюме раздавались отчаянные крики. Громадные кимвры, рыча от ярости, пытались разорвать цепи, сухие сирийцы грызли себе руки, мохнатые скифы затянули грубыми голосами дикую «песню смерти».

— Крепитесь, друзья! Мы вас освободим! — кричал Тетриний.

Схватив молоток гортатора, он бросился к ближайшему гребцу. Черный нубиец, вырвав молоток, двумя ударами перебил кольцо своей цепи и визжа бросился к решетке люка.

— Назад! Ты должен помочь другим! — пытался его остановить Тетриний, но нубиец, не понимая, оглянулся, и точно безумный оттолкнул Тетриния и стал взбираться по трапу.

Гребцы вырывали друг у друга молоток. В паническом ужасе они дробили один другому головы и руки, теряя

последнюю надежду на свободу. Через решетку люка стали пробираться дым и огонь, загорелась лестница, ведущая наверх. Одновременно в трюм хлынула вода, затопляя сидевших внизу рабов,— это люди с лодки прорубили борт...

Некоторые рабы, видя неизбежность смерти, стали петь заунывные песни, другие кричали:

— Прощайте, друзья! Проклятие тиранам!

Тетриний побежал наверх по горевшему трапу. Вокруг входа все пылало. Могучему нубийцу вместе с Тетринием удалось выломать накалившуюся решетку люка и выскочить на палубу.

«Вот случай убежать!» — стучало в голове Тетриния, и, накрыв голову краем плаща, он пробежал пылающую палубу и бросился за борт. Он слышал предсмертные крики и песни погибавших гребцов-рабов, отдававшиеся ужасным эхом в горах.

Галера накренилась набок и стала быстро погружаться, шипя и потухая. Когда на месте гибели корабля растаяло громадное облако пара, на поверхности воды показались затейливые киоски, скамейки, бревна, доски и цеплявшиеся за них тонущие люди. Маленькая лодочка, как коршун, кружилась по воде, и сидевшие в ней слуги Калигулы добивали топорами пытавшихся спастись.

На других кораблях все объятые ужасом певцы и музыканты замолкли, но Калигула, обернувшись, закричал:

— Играйте гимн цезарю! — и дрожавшие от страха музыканты, сбиваясь с такта, заиграли торжественную мелодию.

* * *

На другой день утром на пологой вершине горы Артемисии сидело два человека. Один был старый пастух, завернутый в баранью шкуру. Его седые волосы резко выделялись на загорелой темной коже. Он надевал лепешку на конец ножа и грел ее над углями. Лепешка становилась мягкой, и он передавал ее Тетринию, устало сидевшему рядом.

Его тело было покрыто ссадинами и пузырями от ожогов. Бараньим салом, растопленным в черепке, он смазывал свои раны и два кровоточащих кольца на ногах, оставшиеся от цепей.

— Ты пройдешь хребтами немного к югу,— объяснял пастух,— затем подождешь наступления ночи. Тогда ты

пересечешь Большую Аппиеву дорогу. По ней всегда движется много народу,— увидят кровавые круги на ногах, сразу догадаются, что ты беглый раб, и тебя схватят. Пройдя Аппиеву дорогу, ты пойдешь опять горами, а пастухи тебя подкормят[1].

Сквозь ветви сосен видно было лежавшее внизу, под горой, темное глубокое озеро. Пять кораблей цезаря носами врезались в берег, и множество рабов канатами старались вытащить их на сушу. Пестрые палатки, разбросанные вдоль берега, поспешно разбирались. Нобили на колесницах и верхом уезжали с озера, где они видели накануне необычайный праздник цезаря.

На золоченой колеснице, запряженной четверкой белых коней, уезжал император. Сзади колесницы, между двумя конюхами, следовал золотисто-рыжий конь цезаря Инцитат, закутанный в пурпурную попону.

Окружив колесницу, шли закованные в тяжелые доспехи германские телохранители.

И впереди и сзади императорской процессии двигались отряды преторианцев в блестящих на солнце медных латах.

* * *

В тот же год зимою Калигула был убит заговорщиками, когда проходил подземным ходом из дворца в храм бога Юпитера.

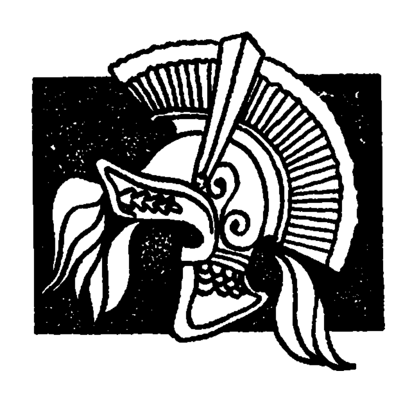
Первый нанес удар мечом по лицу цезаря старый центурион Кассий Херея.

На место Калигулы вступил другой император, но от этого мало что изменилось в еще могучем, но уже гниющем Риме. Все осталось по-прежнему: и рабство, и насилие, и пресмыкание патрициев перед цезарем...

1929

---

[1] В замечательном сочинении Светония «Жизнь двенадцати цезарей», описывающем царствование Калигулы, упоминается Тетриний, который был схвачен воинами императора и после жестоких пыток казнен, обвиненный как разбойник. Надо предполагать, что, став во главе группы беглых рабов, спасавшихся в горах, Тетриний после долгой и отчаянной борьбы с отрядом цезаря был наконец окружен сильным противником и погиб, защищая свою свободу.

АНТИЧНЫЙ ЦИКЛ В. ЯНА

В. Ян как-то сам сказал о себе словами великого поэта Востока Саади: «Тридцать лет учился. Тридцать лет путешествовал. Тридцать лет хотел бы писать». Эта программа была осуществлена в несколько иной последовательности. Тридцать лет он путешествовал, а писал и учился всю жизнь. Античный цикл В. Яна относится к первому десятилетию его писательской биографии (дореволюционные произведения В. Г. Янчевецкого и его труды начала 20-х годов были своего рода подготовительной пробой пера).

Как же пришел В. Ян к античности? Откуда его интерес к древней истории? В какой мере он владел материалом, легшим в основу его повестей и рассказов на темы древней истории? Каково место этих произведений в творческой биографии писателя и в советской романистике?

Путь В. Яна к античности на первый, поверхностный взгляд не отличается от пути большей части его поколения интеллигенции: домашнее образование — гимназия — университет. Но, рассматривая каждый из этих этапов в отдельности, мы сможем убедиться, что очень немногие из сверстников будущего писателя имели возможность для такого глубокого усвоения гуманитарных ценностей древних цивилизаций, как В. Ян.

Он не просто учился в лучшей гимназии Риги, а затем и Ревеля. Его отцом был директор двух ревельских гимназий Григорий Андреевич Янчевецкий, неофициально в рамках всей России возглавивший прогрессивное направление в области классического гуманитарного образования и педагогики. В 1888 году, сто лет назад, он взял на свои плечи не имевшее у нас прецедентов издание журнала «Гимназия». Сотрудники этого «Ежемесячного журнала классической филологии и педагогии» были рассеяны на огромных пространствах Российской империи от Варшавы до Владивостока и от Вятки до Кишинева. Журнал доходил и в такую глубинку, как Бахмут, Ахтырка, Усть-Медведица, Холм. Это было серьезное научное издание, соперничавшее с появившимися несколько позднее филологическими журналами «Филологические записки» (Москва), «Гермес» (Петербург).

Григорий Андреевич Янчевецкий, человек разносторонних дарований и интересов, был не только издателем журнала, но и его главным автором.

Уже во времена Пушкина ощущался недостаток классического образования. Одетый, как лондонский денди, Онегин едва ли знал по-латыни, так что мог лишь разбирать эпиграфы. Он не знал Гомера и Феокрита, хотя «читал Адама Смита и был великий эконом». Отсутствие знаний классических языков можно было возместить переводами. Но переводов с оригинала также было очень мало. Жуковский переводил «Одиссею» с немецкого. Почти все русские переводы античных авторов в XVIII веке были сделаны с французского. Заслуга Григория Андреевича в том, что он дал народам России переводы с греческих и латинских оригиналов. Благодаря ему в 70—80-х годах XIX века впервые стало возможным прочитать по-русски Ксенофонта, Павсания, «Законы» Платона, «О природе богов» Цицерона, некоторые произведения Феокрита. Новые переводы этих авторов впоследствии появились только через пятьдесят — сто лет. Одно это говорит о заслугах Г. А. Янчевецкого перед русской культурой.

Всю жизнь Григорий Андреевич занимался Гомером. В разные годы в «Гимназии» появлялись отдельные песни «Илиады» и «Одиссеи». Может возникнуть вопрос: зачем он этим занимался? Ведь уже был перевод «Илиады» Гнедича. Однако перевод Гнедича был сделан европейским гекзаметром, не передававшим поэтику греческого оригинала,— вводились лишние слова, отсутствовавшие у Гомера, не всюду сохранялась точность. По мнению Янчевецкого, для точного перевода Гомера следовало отказаться от стихотворной формы и перевести его прозой. К такому же выводу о недопустимости перевода Гомера европейским гекзаметром пришел Лев Толстой: «Гомер только изгажен нашими взятыми с немецкого языка образцами. Все эти Фоссы и Жуковские поют каким-то медово-паточным горловым и подвывающим голосом. А тот, черт, и орет и поет во всю грудь».

Оправдывая свое назначение, журнал «филологии и педагогии» «Гимназия» знакомил читателей с жизнью и творчеством великого чешского педагога и мыслителя Яна Амоса Коменского. Среди впервые опубликованных на русском языке его трудов была знаменитая «Открытая дверь языков» («Януа лингворум»), в которой чешский гуманист, развивая педагогические идеи эпохи Возрождения, возглавил борьбу со схоластикой в преподавании древних языков, с бессмысленной зубрежкой

«беспредметных грамматических вокабул» при отсутствии знания о предметах, стоящих за грамматическими формами и правилами.

На том же пути к «живой античности» находилось издание «Гимназией» знаменитого «Путешествия юного Ана́харсиса», написанного в конце XVIII века аббатом Ж. Бартелеми. Древняя Эллада давалась глазами варвара, этакого скифского Кандида, якобы побывавшего во всех городах Эллады и поведавшего о быте, культуре, литературе древних эллинов. Увлекательное сочинение Бартелеми проделало триумфальное шествие по всей Европе, не миновав и России. В 1804—1809 годах одновременно были опубликованы его переводы в Петербурге и Москве (московское издание субсидировал Александр I)[1]. Н. М. Карамзин, оказавшись в Париже, поспешил передать автору величайшее восхищение русских читателей. Почти за сто лет, прошедших со времени первых русских переводов труда Бартелеми, русский язык изменился настолько, что они стали трудно читаемы. Потребовался новый перевод. Его осуществили сотрудники «Гимназии» А. Миллер и П. Первов. Редактором перевода, печатавшегося в журнале отдельными выпусками, был Г. А. Янчевецкий.

В годы публикации «Путешествия юного Ана́харсиса» сыну директора «Гимназии» было 16 лет. За три года до этого, начитавшись Стивенсона, Вася Янчевецкий вместе с приятелем бежал из дома... в Бразилию, но был пойман пограничной охраной и возвращен родителям. Не исключено, что чтение «Путешествия юного Ана́харсиса» натолкнуло юношу на мысль, что можно совершать воображаемые путешествия в прошлое, в далекую и вечно прекрасную античность. Но для этого надо обладать знаниями аббата Бартелеми! Так был твердо определен путь: университет!

Но какой из университетов выбрать? Ближайший Юрьевский, откуда можно было каждое воскресенье приезжать в Ревель? Киевский, альма-матер отца? Московский, основанный Ломоносовым? Зная интересы сына, его любовь к античности и поэтическую натуру, Григорий Андреевич посоветовал Петербургский университет. Кому, как не ему, было лучше известно, что в это время на историко-филологическом факультете этого университета появилась плеяда блестящих знатоков античной истории, филологии, лингвистики, палеографии. Откройте вышедший в 1980 году учебник «Историография античной истории». В очерке, посвященном русской историографии античности с 1890 по 1917 год, вы отыщете десятка два имен тех, кто прославил русское антиковедение, ставшее в это время на уровень мировой науки. Половина из них — профессора Петербургского университета Ф. Ф. Соколов, Ф. Ф. Зелинский, В. В. Латышев, С. А. Жебелев, В. К. Ернштедт, И. М. Гревс, М. И. Ростовцев. Каждое имя — это слава русского и мирового антиковедения.

Кумиром В. Г. Янчевецкого, как и всей студенческой молодежи той поры, становится Фаддей Францевич Зелинский (1859—1944). Имя Зелинского всплывает в книгах будущего писателя всего лишь один раз в предельно короткой фразе: «Лекции Зелинского». Но контекст, в который помещена эта нейтральная фраза, сам себе служит оценкой. Воссоздавая в рассказе «Демон горы» эпизод из своих скитаний по Востоку, писатель сообщает о том, как однажды соскользнул с горной тропы и повис над пропастью. Не зная, что ниже имеется выступ, который через мгновение принесет спасение, В. Г. Янчевецкий вспоминал о самом ярком в своей жизни — не о первых опубликованных стихах, не о нашумевших корреспонденциях в газетах... о «лекциях Зелинского».

На самом деле, в области истории греческой литературы Ф. Ф. Зелинский был таким же ярким и неповторимым явлением, как в области русской истории его современник В. О. Ключевский. К тому же он пробовал свои силы и в художественной прозе, создав великолепные сказки по мотивам аттических сказаний.

Дом — гимназия — лучший российский университет. Но и этого было недостаточно, чтобы глубоко понять античную культуру. Надо было увидеть ее памятники, и не под кровлей музеев, где они, подчиняясь искусственной ауре, теряют часть своего своеобразия. Познакомиться с ними на их родной почве, под небом, казалось, еще помнящим древних богов, узнать жизнь и обычаи народов, хранящих память о великом прошлом.

И все это открылось В. Яну в странствиях по землям древних культур — по Средней Азии, Южной России, Сирии и Египту. Побывал он и на Балканах, в Греции, Китае, Туве, Монголии. Путешествуя по суше и по морю, В. Г. Янчевецкий не собирал материал для своих повестей и рассказов. Он не догадывался, что в будущем

---

[1] Одновременно многие русские журналы («Вестник Европы», «Украинский вестник», «Минерва») печатали отрывки из «Путешествия юного Ана́харсиса».

обратится к античности. Он просто вбирал впечатления, которые впоследствии дали жизнь его книгам.

После странствий по России и Средней Азии В. Г. Янчевецкий в 1908 году устраивается преподавателем древних языков в 1-ю Петербургскую гимназию.

При словах «древние языки» применительно к той эпохе наша обогащенная русской классикой память почти механически выдает образ чеховского «человека в футляре», жалкого педанта и доносчика Беликова. Но латинист 1-й гимназии был полной ему противоположностью. Если Беликова пугал учитель на велосипеде, то В. Г. Янчевецкий не только сам занимался спортом, но и продумал систему мер для физического воспитания своих учеников. Один из его учеников, поэт Всеволод Рождественский, вспоминал: «Предмет свой ⟨он⟩ знал превосходно и все же никогда не мучил нас грамматикой и академической сушью. Страница учебника была для него только поводом к широкой, сверкающей остроумными замечаниями беседе... Об исторических лицах говорил он как о простых, давно знакомых ему людях, а в строфах поэтов, отошедших в вековое прошлое, открывал волнение и тревогу страстей, понятных и близких нашей жадной ко всему юности». Во всем этом В. Г. Янчевецкий был последователем Яна Амоса Коменского, Ж. Бартелеми, которыми он зачитывался еще в юности, но также и своего отца, сумевшего превратить казенную квартиру в старинном городе с островерхими крышами в своеобразный оазис живой античности. Ведь еще до гимназии директорские дети увлекались древней историей, а став гимназистами, включились в отцовские постановки античных драм, шедших на древнегреческом языке, освобожденном в доме Янчевецких от привычной «книжности».

Казалось бы, В. Г. Янчевецкому стоило сделать всего один шаг, чтобы стать писателем, автором исторических повестей и романов. Но для этого потребовалось почти четверть века «хождения по мукам», в ходе которых он, преподаватель гимназии, журналист, путешественник, стал писателем В. Яном.

Появление псевдонима В. Ян внешне может показаться несложным — механическое отсечение двух первых букв длинной фамилии Янчевецкий. Но кто знает, какие ассоциации возникали у писателя с новым именем, которое еще надо было ввести в литературу? Он мог вспомнить и о Яне Амосе Коменском, творения которого издавал его отец, и об «Януа» — слове, семантику которого его отец, знаток латинского языка, глубоко чувствовал. А если это так, то выбор псевдонима оказался пророческим, ибо «Януа» — то, что было создано заявившим о себе писателем, было подлинным вступлением, началом советской исторической прозы и в то же время ее классикой.

Первая историческая повесть В. Яна называлась «Финикийский корабль». В авторском примечании к ней сообщается об открытии в ливанском городе Сайде, на месте древнего Сидона, древней библиотеки из клинописных табличек, содержащих наряду с медицинскими, астрологическими и историческими текстами записки одного моряка, которые и послужили основой для повести.

Раскопки в Сайде действительно производились, но библиотеки там не оказалось. Библиотеку незадолго до выхода повести открыли в другом городе на ливанском побережье, называвшемся в древности Угарит, а ныне именуемом Рас-Шамрой. Это была великая находка, которую можно назвать «открытием века». Но и в Угарите не нашли записок моряка, равно как и исторических текстов. Там обнаружили произведения экономического, политического и религиозного содержания. Итак, В. Ян дал волю своей фантазии? Не совсем. Выдумав «записки» финикийского моряка, он наполнил их подлинно историческим содержанием, воссоздав историю Финикии и ее колоний по другим, дошедшим до нас источникам — по произведениям карфагенских и греко-римских авторов и прежде всего по Библии. Угаритские тексты писатель использовать не мог, потому что они еще не были дешифрованы.

Действие повести разворачивается в финикийском селении Авали, в городах Сидоне, Яфо, Иерусалиме, Карфагене, на западном побережье Ливии (Африки) и на палубах кораблей, плывущих по Внутреннему морю и Атлантическом океану. Воссозданная писателем картина разветвленной торговли и мореплавания в полной мере соответствует данным литературной традиции и археологии. Исторически достоверен в повести облик финикийцев, искусных ремесленников, отважных мореплавателей, открывателей неведомых земель. Но герои его повести, посетившие Иерусалим времени царствования знаменитого мудреца Соломона (965—928 гг. до н. э.), никак не могли во время своего плавания на Запад оказаться в Карфагене, поскольку этот город был основан столетие спустя. И «карфагенский мудрец» Сунханиафон, с которым встречаются герои повести, хотя и историческое лицо, но

жил он в XI в. до н. э. и известен как жрец города Берита (современного Бейрута) и автор космогонической поэмы.

Перед читателем повести встают образы финикийского мальчика Элисара, его учителя и друга мудрого старца Софэра, безжалостного пирата, хищника морей Лала-Зора. У каждого из этих героев странствий своя цель: Элисар ищет отца, плотника Якира, посланного на работы в Иерусалим и затем бесследно исчезнувшего. Старый Софэр отыскивает «людей, которые не делают несправедливости и не угнетают слабых». Пират Лала-Зор рыщет по морям в жажде наживы. В основу образа этого разбойника положено свидетельство Гомера: «Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик лукавый, злобный хитрец, от которого много людей пострадало».

Сталкивая этих носителей разных жизненных принципов, В. Ян неизменно на стороне бескорыстия и добра. Введенный пиратом в почти стивенсоновскую «пещеру сокровищ», финикийский мальчик, воспринявший философию своего наставника, не проявляет к богатствам никакого интереса. И когда Лала-Зор обещает сделать Элисара своим наследником, тот заявляет: «Я очень тебя жалею. Сколько эти богатства доставляют тебе забот». В этом весь В. Ян с его равнодушием к жизненным благам, с ненасытной страстью к знаниям и жадностью к странствиям.

Читатель может подумать, что цель Софэра отыскать страну справедливости навеяна современными представлениями и является своего рода модернизацией истории. Это не так! Еще в рабовладельческие времена люди мечтали об обществе, основанном на справедливых началах. Не видя возможности его создания в мире, живущем по несправедливым законам, они воображали, что такое общество существует или может существовать за пределами ойкумены (обитаемого мира). Зарождение этой идеи на мифологическом уровне восходит к легенде об островах Блаженных, изложенной Гомером:

Ты за пределы земли на поля Елисейские будешь
Послан богами туда, где живет Радамант златовласый,
Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни холода люди не знают.

Почти пять веков после этого греческий философ Платон, несмотря на принципиальное неприятие Гомера и гомеровской мифологии, построил на мифе о Елисейских полях псевдонаучную утопию об Атлантиде, материке, будто бы существовавшем в районе Елисейских полей. Поскольку во времена Платона плавания в Атлантику стали обычным делом, философ предусмотрительно утопил созданный его воображением материк. Впрочем, охотники за сенсациями, не понимающие мотива этого акта, продолжают искать Атлантиду не только в Атлантике, но и во многих других морях Мирового океана.

Через 500 лет после Платона римский поэт Гораций, свидетель страшных бедствий эпохи гражданских войн в Риме, вспоминает о счастливых островах и призывает своих современников:

Манит нас всех Океан,
Омывающий земли Блаженных.
Найдем ту землю, острова́ богатые,
Где урожаи дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет.

Таким образом, совсем не в новое время, а на протяжении целого тысячелетия истории античной поэзии и социально-философской мысли разрабатывалась идея общества, жившего по справедливым законам. Поиски этой земли финикийцами в источниках не удостоверены, но существует легенда об открытии Счастливых островов карфагенянами.

В первой исторической повести В. Яна отразились идеи, которые он будет развивать в своих последующих художественных произведениях. Носителями мудрости в них будут простые люди, выходцы из народа, активные борцы за его счастье. Их антагонистами станут тираны и себялюбцы, узколобые фанатики, готовые ради прихоти или абстрактных идей повергнуть весь мир в пучину бедствий.

Вторая повесть В. Яна, «Огни на курганах», посвящена среднеазиатскому походу Александра Македонского (330—329 г. до н. э.). Древние историки, произведения которых служат нам источниками сведений о среднеазиатском походе греко-македонской армии, знали о Средней Азии понаслышке (дневники и произведения

участников похода не сохранились до наших дней). Большинство историков нового времени, ставивших своей целью восстановить ход завоеваний Александром Средней Азии, также в ней не бывали. Американский историк Т. Додж, выпустивший в 1890 году обширный труд о войнах Александра на Востоке (этой книгой В. Ян пользовался при написании «Огней на курганах»), ставит себе в заслугу использование карт, приложенных к «Всеобщей военной истории» Н. С. Голицына. Ян же, до того как начал работу над повестью о походе Александра в Среднюю Азию, обошел и изъездил ее вдоль и поперек. Он шел к книге не только от тщательного изучения литературной традиции древности, но и от знания желтых песчаных равнин, голубых далей и снежных хребтов этой беспредельной земли.

До В. Яна в России исследованием древней истории Средней Азии занимался востоковед В. В. Григорьев (1816—1881). Григорьев был первым, кто осудил господствовавшую в западной науке оценку движения Спитамена как «бунта», «измены» законному государю и благодетелю азиатов Александру Македонскому и охарактеризовал это движение как восстание народа против завоевателей, а Спитамена выставил великим согдийским патриотом, «неутомимым борцом за свободу родины». В этом В. Ян — последователь В. В. Григорьева, но сколь различно при одинаковой оценке освободительного характера движения понимание двумя авторами его движущих сил и роли руководителей. Если для В. В. Григорьева «народ» — нечто единое, то для В. Яна в это понятие входят и оседлое земледельческое население, и горожане, и скотоводы-кочевники, а среди всех этих групп выделяются богатые и бедные.

Понимание социальной стратификации среднеазиатского общества — результат влияния на писателя марксистско-ленинской исторической науки. Но приоритет марксистского подхода к событиям, связанным с сопротивлением народов Средней Азии греко-македонским завоевателям, принадлежит В. Яну, создателю художественного произведения, ибо монографии и научные статьи по событиям, легшим в основу «Огней на курганах», появились позднее. Их авторы (В. В. Баженов, К. В. Тревер) во многом стояли на сходных с писателем позициях.

О новаторском подходе В. Яна к освещению завоеваний Александра Македонского можно судить и по сделанным им заметкам в книге И. Дройзена «История эллинизма». Книга немецкого историка, одна из лучших сводок сведений об Александре и его преемниках в западной литературе, была приобретена писателем, как свидетельствует дата на книге, 6 декабря 1928 года и тщательно проштудирована. Ее страницы хранят многочисленные пометки цветным карандашом — следы работы писателя-историка. Читая Дройзена, В. Ян постоянно с ним спорит. Для Дройзена единственный главный положительный герой эпохи — Александр, Спитамен же — руководитель *«дикого восстания»*, к которому народы Средней Азии примкнули более из страха, нежели по доброму желанию. Восклицательный знак, поставленный красным карандашом напротив слов «дикое восстание», говорит сам за себя. Нередко, не ограничиваясь вопросами на полях, В. Ян комментирует по ходу чтения наиболее неприемлемые места книги. Так, отчеркивая абзац с рассуждениями Дройзена о том, что «Александр *должен был* поступать с мятежными варварами этой страны тем строже, чем важнее была для него их область» и что *«кровь* открыто сопротивляющихся противников, *уничтожение всего старого порядка вещей* должны были положить начало введению новой организации, которая предназначалась на многие столетия пересоздать земли за Оксом», писатель помечает на полях: «удушение, а не создание новой цивилизации». Гибель Спитамена расценивается Дройзеном так: «Смерть этого смелого и *вероломного* противника положила конец последним; в «саду Востока» восстановилось, наконец, спокойствие, в котором он только и нуждался для того, чтобы, несмотря на все перенесенные им войны и потрясения, *скоро снова достигнуть своего прежнего цветущего состояния»*. Подчеркнутые пометы в приведенных отрывках и во множестве других мест книги выражают несогласие В. Яна с Дройзеном, и это несогласие нашло выражение в трактовке событий и образов в «Огнях на курганах». Вероломным в обрисовке Яна выглядит не Спитамен, а Александр. Для Дройзена завоеватели-македонцы — носители цивилизации, В. Ян, напротив, изображает поход Александра как движение «бескрылой саранчи», разрушающей прекрасные города, сжигающей деревни, уничтожающей все на своем пути.

Правильно оценивая сопротивление греко-македонскому завоеванию как народное движение и подчеркивая решающую роль в нем народных низов, В. Ян превращает знатного согда Спитамена вопреки единодушным свидетельствам древних авторов в нищего погонщика караванов Шеппе-Темена (Левша-колючка).

Спитамен не просто иранское, а знаменитое иранское имя, прославленное не только вождем сопротивления греко-македонской агрессии. «Авеста», чтение кото-

рой вдохновляло писателя на создание поэтических образов «Огней на курганах», начинается словами: «Сказал Ахура Мазда Спитамиду Заратустре». Итак, Спитам (в греческом написании Спитамен) — имя предка самого Заратустры. Простой пастух, тем более тюркского происхождения, носить это имя не мог. Все источники о Спитамене указывают на его принадлежность к высшей согдийской (ираноязычной) знати: он сопровождал Бесса, убившего Дария Ш, и затем выдал этого Бесса Александру. Впоследствии дочь Спитамена стала женой Селевка, основателя державы Селевкидов, а соратники Александра не выбирали супруг среди дочерей нищих пастухов!

Вопреки явным свидетельствам источников писатель сохраняет жизнь полюбившемуся герою и таким образом лишает читателя сведений о кочевниках масагетах, добившихся ценой предательства мира с Двурогим.

Спитамену в «Огнях на курганах» противостоит Александр Македонский. И хотя полная поляризация героев не отвечает историческим фактам (они не были людьми разных классов), образ македонского завоевателя сам по себе — большая удача автора. В. Ян отказался от идеализации Александра как единственного героя истории, освободителя Азии от персидского владычества. При этом писатель исходил не только из исторически правильной оценки завоеваний и их пагубной роли, но и суждений части древних народов, противостоящих общему хору апологетических оценок Александра античной традиции.

В повести личность Александра раскрывается как в оценках тех, кто знал сына Филиппа честным, бескорыстным и доброжелательным юношей, так и в поступках сумасбродных, порой бессмысленных с военной точки зрения, отнимающих у него даже славу храбреца. В начале среднеазиатского похода, когда позади уже каскад блестящих побед, это человек с неподвижным взглядом, холодный и самолюбивый, уверенный в собственном величии и презирающий всех, над кем ему дано повелевать, в том числе и своих соратников, недавно близких друзей. Перед читателем встает законченный тип тирана, каким его рисовала античная историко-литературная традиция, создавшая замечательный образ «дамоклова меча», этот символ возмездия, постоянно нависающего над тираном.

Повесть не была завершена автором. В дневнике В. Яна за 1951 год имеется запись: «У меня в плане снова восстановить «Огни на курганах», добавить новые главы». Внимательный читатель может догадаться, о каких главах идет речь. В главе «Не верь никому!» в начале повести говорится о гневе Александра на Филоту и намерении его убить. Но далее лишь вскользь сообщается о чудовищной расправе Александра над полководцами, о пытках и казни Филоты и предательском убийстве его отца. В главе «Дальше не пойдем», описывающей пребывание Александра в Мараканде, упоминается македонец «Клит, прозванный Черным за смуглую кожу». Но очень яркий эпизод убийства Александром на пиру своего молочного брата Клита также выпадает. Только из эпилога читатель узнает о недовольном политикой Александра философе Каллисфене, хотя убийство Каллисфена было лишь следствием опущенных в повести событий. Из-за этого осталась незавершенной линия Александра и связанный с нею разгоравшийся по мере роста сопротивления местного населения конфликт в греко-македонском войске, рисующий Двурогого как деспота и палача не только по отношению к «чужим», но и к «своим». Намерение В. Яна дописать повесть именно в этом направлении документально подтверждается анализом его работы над книгой Дройзена, где писатель выделил соответствующие места, касающиеся внутренней политики Александра.

Некоторая незавершенность сюжетных линий не может заслонить достоинств, которыми обладает повесть «Огни на курганах», одно из самых ярких, поэтических произведений писателя, в работе над которым он создал характерный для него стиль изложения и показал мастерство в воссоздании исторических ситуаций, в лепке образов. Прекрасны народные сцены в людных восточных городах и становьях кочевников. Их живость и колоритность в русской литературе о древней Средней Азии не имеют себе равных. И это неудивительно! Писатель жил в городах, во многом сохранивших свой древний облик, множество раз посещал кочевья, пусть не скифские, но туркменские, был свидетелем скачек, подобных тем, какие описал. Он знал по собственному опыту, как сутками скакать, не сходя с коня, как разжигать костер в степи или горах. Он запомнил на всю жизнь прыгающие по скалам тени от языков пламени, напомнившие ему чудовищные силуэты «потрясателей Азии»,— оставалось лишь перенести их на бумагу.

К «Огням на курганах» примыкают рассказы «Голубая сойка Заратустры», «Письмо из скифского стана» и «Ватан». В первом из названных рассказов жрец религии Заратустры предстал перед жестоким завоевателем Александром Македон-

ским и сказал о нем все, чего тот заслужил. У носителя Правды вырезают язык и уничтожают «священные книги» приверженцев Заратустры, в которых сохранялись поэзия и мудрость древних обитателей Средней Азии. И только голубые сойки, сопровождающие безъязыкого мудреца, на непонятном людям птичьем языке насвистывают изречения Заратустры.

Рассказ всем своим содержанием и образной системой направлен против ницшеанского Лже-Заратустры с его мрачной проповедью индивидуалистической свободы.

О связи с «Огнями на курганах» «Письма из скифского стана» свидетельствует совпадение имени героя рассказа — попавшего в плен к скифам македонского воина-певца Аристоника, чья линия осталась в повести незавершенной. Письмо этого пленника Александру, будто бы сохраненное скифскими амазонками, попадает в руки автора и затем пересылается им для прочтения знатоку древнегреческого письма В. К. Ернштедту.

Идея этой фантасмагории, видимо, пришла к писателю еще в 1928 году — этим годом датирован его рисунок «Скифская симфония», воспроизводящий пляску скифских амазонок вокруг костра. В. Ян был интересным художником. Изучение его многочисленных рисунков показывает, что он нередко шел от зрительного образа к словесному. В «Письме из скифского стана» все вымысел, кроме имени дешифровщика «письма Аристоника» Виктора Карловича Ернштедта (1854—1912), профессора С.-Петербургского университета, запомнившегося В. Яну: он занимался у него греческой палеографией. Таким образом, писатель делает своего давно уже скончавшегося учителя участником литературной мистификации.

Небольшая повесть «Спартак» концептуально построена на господствовавшей в годы ее создания социологической схеме, рассматривавшей рабов и рабовладельцев в качестве двух единственных антагонистических классов и всю историю Рима в плане исключительно их борьбы, завершившейся «революцией рабов» и крушением рабовладельческого общества. Малейшее отклонение от этой схемы рассматривалось в то время как отход от марксизма с соответствующими выводами. И естественно, что не только историки, но и писатели тех лет не могли нарушить жесткой схемы, даже если видели ее несоответствие реальным социальным отношениям и правовым основам римского общества. Принимая эту концепцию, В. Ян критикует популярный роман Р. Джованьоли «Спартак». Он подвергает, в частности, сомнению возможность любви Спартака к аристократке Валерии. Между тем источники свидетельствуют о том, что любовные связи между римскими аристократками и гладиаторами — презираемыми и в то же время безмерно популярными в Риме — были частым явлением. К тому же Спартак был ко времени восстания не гладиатором, а рудиарием, своего рода «тренером», и пользовался относительной свободой.

Ставя своей целью изобразить Спартака истинным представителем своего класса, В. Ян делает его рядовым, ничем не отличая от других обитателей гладиаторской казармы. Более того, он не показывает интеллигентности Спартака, по свидетельству Плутарха более походившего на эллина, чем на варвара. Понятие «эллин», противопоставляемое понятию «варвар» в смысле «дикарь», во времена Плутарха было эквивалентом образованности и душевной тонкости. Биография Спартака до его пленения римлянами нам неизвестна, и В. Ян в отличие от современных авторов фантастических биографий Спартака не пытается домыслить его фракийскую юность и не делает его знатоком всей греко-латинской литературы.

Все это, однако, не помешало создать В. Яну сильное в художественном отношении произведение. Писателю удалось показать истинные причины восстания, о которых не сказали ни Саллюстий, ни Плутарх, ни Флор, ни Аппиан, ни какой-либо другой из древних авторов, писавших о восстании Спартака. Обращаясь к написанному современником Спартака Варроном агрономическому трактату, писатель извлекает из него мысль, что раб — это орудие, отличающееся от инструментов и животных лишь речью. Но как довести эту предельно четкую формулу рабовладельческого общества до современного читателя? Как образно внушить ему, что Спартак боролся не за власть, не за положение в обществе, а за возвращение людям, низведенным до положения скота, человеческого достоинства? Сделать Варрона участником развертывающихся событий? Ввести беседу двух рабовладельцев, в которой один назовет рабов «говорящими орудиями»? В. Ян находит иное, нестандартное решение. Надсмотрщики разбивают новую партию рабов на несколько отрядов и объявляют, кто будет Лопатами, кто Мотыгами, кто Сохой, кто Воротом у колодца, кто Бороной, а кто — Тачкой. Фракийцы, как самые сильные, объявляются Мельничными жерновами и Кирками, ломающими камни.

Человек, имевший родину и родителей, имя, внешность и характер, потерял все человеческое. Он стал орудием труда. Теперь ему могли крикнуть: «Эй, Лопата, почему остановилась?!» А когда состарится или ослабеет, «продать со всяким хламом» — именно такова рекомендация автора агрономического трактата М. Порция Катона.

Восстание рабов в художественной трактовке В. Яна вырастает как коллективный протест угнетенного класса и выражается в формуле-метафоре:

Ты не «Кирка», и я не «Лопата»,
Ты — человек, и я — человек.

Это песня людей, с помощью оружия вернувших себе человеческое достоинство. Во главе их встали те, кого римляне назвали Мечами (Гладиусами), определив им красиво убивать друг друга на аренах амфитеатров. Вот они: Спартак, Крикс, Эномай, Ганник — все подлинные имена восставших, донесенные исторической традицией. Им противостоят римские полководцы, которым поручено возвратить взбунтовавшихся Лопат, Мотыг, Тачек и Мечей на свои места.

Разумеется, даже в документальной повести, которую задумал В. Ян, было трудно обойтись без вымышленных персонажей. Но их введение не только не нарушило жизненной правды, которой дышит «Спартак», но и дополнило ее немаловажными деталями.

Интерес В. Яна к истории классовой борьбы нашел отражение и в другом его произведении — «Трюм и палуба». Местом его действия является живописное озеро Неми со знаменитой в древности священной рощей Дианы. Об одном из событий, происшедших на фоне этого идиллического пейзажа, поведала «подводная археология». Еще в XV веке рыбаки вытащили сетями со дна обломок фигурного носа корабля. Попытки его поднять, имевшие место в XVI и XIX веках, оказались безуспешными. Лишь в конце 20-х годов XX века благодаря развернутой Муссолини кампании возрождения морского могущества древнего Рима на поднятие корабля не пожалели средств. Мощные помпы за четыре года наполовину осушили озеро Неми, с его дна подняли два древнеримских корабля и, подремонтировав их, установили в специально сооруженных ангарах.

О начавшихся работах В. Ян узнал из итальянского иллюстрированного журнала. В нем был воспроизведен снимок глиняной вентиляционной трубы с клеймом императора Гая Калигулы (37—41 гг.), точно датировавшим время катастрофы. Воображение писателя заработало, представив гибель судна как следствие бессмысленной жестокости императора-маньяка.

Само название рассказа «Трюм и палуба» показывает, что писателя заинтересовала возможность представить зрительно классовую структуру императорского Рима в виде палубы, предназначенной для роскоши и наслаждений эксплуататоров, и трюма, преисподней, для страданий и тяжелого труда рабов.

В. Ян прекрасно знал стихи Горация, в которых государство эпохи гражданских войн изображалось в образе корабля в бушующем море:

О корабль мой! Вновь вынесет в море тебя
Буря! Что ж ты стоишь? Выбрось быстрей
Якорь. Разве не видишь, что
Гол уже борт твой. Весла снесло
Африком злым, мачта надломлена,
Сорван канат. И едва уже киль
Справиться может с мощным
Течением...

В сознании поэта буря и злой африканский ветер (Африк) предстают как явления внешние по отношению к кораблю. В. Ян хотел показать в образе того же корабля, что государству грозит нечто пострашнее бури. Один из героев рассказа — Тетриний, разбив оковы, вместе с другими гребцами спасается с пылающего судна и бежит в Альбанские горы, чтобы начать с угнетателями вооруженную борьбу.

У Яна описание объятого пожаром корабля, с которого чудом спасся Тетриний, не соответствует типу судна, извлеченного со дна озера Неми. Каждый из двух поднятых кораблей имел один ряд весел, а не несколько, как описывает Ян. Всего на нем было 28 весел. В. Ян опирался на свидетельство биографа Калигулы Светония: «Калигула построил либурнские корабли в десять рядов весел с жемчуж-

ной кормой и разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными залами, даже с виноградниками и плодовыми деревьями всякого рода». Видимо, исходя из этого описания, В. Ян снизил палубность озерных кораблей, но даже такие суда не могли бы развернуться на небольшом, хотя и глубоководном озере.

В незаконченном рассказе «Овидий в изгнании», который, судя по зачину, должен был вылиться в повесть, В. Ян успел лишь поведать об обстановке, в которой жил опальный поэт. Каждые пятнадцать дней он обязан посетить господствующую над полуварварским городком Томы римскую крепость, чтобы отчитаться, что он на месте. Кто стражи, под недремлющим оком которых вынужден находиться поэт? Начальник крепости, ненавидящий поэта военный трибун, его помощник центурион, сам от безделья кропающий стишки и поэтому завидующий славе Овидия.

Единственным источником, позволяющим судить о жизни Овидия в изгнании, являются его «Скорбные элегии» и «Послания с Понта». Там мы не найдем ничего из той обстановки, которую воссоздал Ян. Но это не означает, что писатель ошибся. Само умолчание поэта о дружбе с местными римлянами — косвенное свидетельство враждебных отношений с ними. То же, что поэт даже писал стихи на языке местного населения, подтверждает версию о дружбе Овидия с коренными жителями, на которую В. Ян намекает.

Произведения античного цикла в отличие от трилогии о завоеваниях Чингисхана и его преемников не были еще предметом серьезного изучения. О них говорили лишь в самой общей форме, как о произведениях, сыгравших определенную роль в формировании творческих принципов писателя. Между тем принадлежность «Финикийского корабля», «Огней на курганах», «Спартака», а также рассказов к раннему периоду художественно-исторического творчества В. Яна не означает, что эти произведения были лишь трамплином к более высокому периоду творчества. Создавая произведения на темы античной истории, В. Ян не был новичком ни в истории, ни в литературе.

Доктор исторических наук
А. Немировский.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий четырехтомник — первое Собрание сочинений В. Яна. Подобное издание намечалось в Гослитиздате свыше тридцати лет назад еще при жизни писателя. Публикация об этом появилась в год его кончины[1]. Но издание так и не было осуществлено.

В литературном архиве В. Яна не обнаружен план Собрания сочинений, поэтому при подготовке данного издания было решено включить в его состав наиболее известные сочинения автора.

В Собрание вошла преимущественно историческая проза, в основном публиковавшаяся при жизни писателя. Почти все эти произведения созданы в «советский период» сложного творческого пути В. Яна; исключение составляют несколько написанных ранее рассказов и очерков. За пределами этого издания еще осталось обширное, разноплановое литературное наследие писателя — некоторые его повести и рассказы, пьесы и стихи, очерки и статьи, рецензии и фельетоны, корреспонденции, письма, конспекты выступлений, рабочие тетради, дневники и прочие материалы.

Произведения в томах данного Собрания расположены по жанрово-тематическому принципу, по времени действия, или по изображенным в них историческим эпохам.

В первый том вошли повести, рисующие картины древнего мира: «Финикийский корабль», первое крупное художественное произведение В. Яна, созданное в конце 20-х годов, и напечатанные вскоре за ним — «Огни на курганах» и «Спартак»; сюда тематически примыкает группа рассказов («Голубая сойка Заратустры» и др.).

Второй и третий тома занимает цикл произведений, начатый автором в канун второй мировой войны,— трилогия об ордынском (монголо-татарском) нашествии XIII века на Среднюю Азию, Русь, Европу, показывающая борьбу предков советского и других народов с захватчиками за свою свободу и национальную независимость,— это романы «Чингиз-хан», «Батый», «К „Последнему морю“». К ним примыкают рассказы («Возвращение мечты» и др.), которые по первоначальному замыслу автора должны были входить в заключительную книгу трилогии.

Четвертый том составляют повести «Юность полководца» (юность Александра Невского. XIII век); «Молотобойцы» (Петровская Русь. XVII век); рассказы, изображающие картины разных времен («Скоморошья потеха» и др.); «Записки пешехода» и «Голубые дали Азии» — очерки и заметки писателя о его скитаниях по Центральной России и Средней Азии на рубеже XIX — XX веков.

В основу текстов четырехтомника положены последние прижизненные или первые посмертные издания книг писателя; при этом учтены позднейшие исправления автора.

Книги В. Яна содержат авторские примечания, написанные им много лет назад, поэтому в отдельных случаях в них внесены коррективы в соответствии с современными научными сведениями.

О «Творческой лаборатории» В. Яна по конспектам бесед автора с читателями и другим его записям рассказано в 1-м, 3-м и 4-м томах.

В издании использованы рисунки В. Яна 20—30-х годов на темы публикуемых произведений, фотографии из архива писателя, географические карты эпох нашествий Александра Македонского и Чингисхана, составленные под руководством автора.

В конце 20-х — начале 30-х годов В. Ян жил в центре старой Москвы, в доме № 8 (ныне снесенном) по Газетному переулку (улица Огарева) и ежедневно к 9 часам утра ходил работать на Моховую улицу (проспект Калинина) в бывшую Румянцевскую (Ленинскую) библиотеку. Там в Научном читальном зале № 1, размещавшемся на хорах ее старого здания — «Дома Пашкова», он тогда написал повести и некоторые рассказы, вошедшие в настоящий том Собрания его сочинений.

«В Москве начался новый период моей жизни,— говорил В. Ян.— Скитания по «подносу Вселенной» закончились, сменившись путешествиями по бесчисленным страницам книг. Родилось творчество — период упорной работы в Ленинской библиотеке над материалами для давно задуманных исторических повестей и расска-

---

[1] Газ. «Советская культура» от 26 октября 1954 года.— «Художественная литература в 1955—1959 годах».

зов. Эти скитания по свету, особенно по Азии, дали мне массу впечатлений, которые послужили основой, фоном моих произведений»[1].

«Финикийский корабль» — первое произведение в ряду исторических повестей В. Яна. Автор нежно любил своего «первенца», вероятно потому, что мысль о его создании зародилась в молодые, счастливые годы, когда он, тогда редактор и журналист петербургской газеты «Россия», проводил служебный отпуск с женой и дочерью в плавании по Черному и Средиземному морям.

«В 1907 году, во время поездки на русском пароходе вдоль берегов Малой Азии, в Историческом музее Бейрута я увидал найденные при раскопках... глиняные, обожженные дощечки с выцарапанными на них непонятными надписями. Это были разрозненные записи древних финикийцев, смелых скитальцев по морям, омывающим Европу и Северо-Западную Африку.

...Желание написать об этих мореплавателях увлекательную повесть для юношества охватило меня тогда, но осуществить свой замысел я смог лишь спустя много лет... Над этой маленькой повестью пришлось много поработать, прочесть сочинения по истории народов Востока, Иудеи, Карфагена, изучить прошлое Азорских островов, «Историю мировой торговли» Бэра и другие материалы. Всюду я нашел интересные данные о путешествиях и плаваниях древних финикийцев».

По воскресеньям В. Ян читал нашей семье и моим школьным друзьям свеженаписанные главы повести. Он не только ценил мнение слушателей, но стремился привлечь их к творческому труду. Двоим моим «одноклассникам», А. Петрову и А. Шапиро, юным, «подававшим надежды» поэтам, он дал темы (подстрочники) песен к повести, с тем, чтобы они их «поэтически обработали». Так родились некоторые их стихи, вошедшие в «Финикийский корабль» и «Огни на курганах».

Когда книга вышла в свет (изд. «Молодая гвардия», 1931), автор послал ее старшему брату, выразив на титульном листе свои сокровенные думы:

«Дорогому брату Мите, восточному страннику[2].

Во все века пламенные искатели высшей правды бродили по Свету — одни в полосатом абае Софэра-рафа, другие в плаще Бэниана, или сюртуке кембриджского профессора. Посылая этот исторический фрагмент, надеюсь, что ты найдешь в наивных записках финикийского мальчика общечеловеческие мысли и стремления, которые также живут в настоящее время, как волновали они 3000 лет тому назад. С сердечным чувством — *В. Ян. Москва. 2/IV—1931 г.*».

Повесть издана у нас 12 раз, в том числе на эстонском, литовском, латышском, грузинском языках; неоднократно выходила за рубежом.

Повесть «Огни на курганах» впервые опубликована в 1932 году (изд. «Молодая гвардия»). Автор рассказывал, что «пребывание в Азии, изучение прошлого среднеазиатских народов вызвало... желание описать борьбу за свою независимость древних скифов, саков и согдов, других далеких предков народов Советских среднеазиатских республик, живших в IV веке до н. э. во время завоевания и разгрома Персии Александром Македонским...»[3].

«В ряде книг буржуазных западных историков воскрешен и широко разрекламирован образ легендарного создателя первой Европейской колониальной державы, причем ему приписывается роль родоначальника европейского «культуртрегерства» в Азии. В этих книгах завоеватель и насильник Александр Македонский выведен «просветителем азиатских варваров», а его грабительская армия «носителем светоча европейской культуры», принижается борьба завоевываемых народов с захватчиками...»

«Между тем точные исторические данные свидетельствуют о том, что Александр был таким же беспощадным... завоевателем и истребителем народов, какими были позднее Чингиз-хан и Тамерлан... Он оставлял за собой разрушенные города,

---

[1] Здесь и далее цитируются: В. Ян «Скитания и творчество», «Как я работал над своими книгами», конспекты выступлений перед читателями (1940-е гг.).— Архив В. Яна; В. Ян «Путешествия в прошлое».— «Вопросы литературы», 1965, № 9.

[2] Дмитрий Григорьевич Янчевецкий (1872—1942), востоковед, историк, журналист, путешественник, автор нескольких книг.

[3] Здесь и далее цитируются: В. Ян «Александр и Спитамен», «Как я работал над своими книгами», «Историческая достоверность и творческая интуиция», «Завоевание Средней Азии Александром Македонским» и др.— Архив В. Яна.

дымящиеся развалины, опустошенные провинции, целые народы обращал в рабство, продавал как рабочую скотину на рынках...»

«На обязанности советского писателя-историка — дать реальный, настоящий образ Александра-разрушителя, интервента, беспощадно и безжалостно истреблявшего своих противников».

Отвечая на вопрос, какими историческими материалами он пользовался, В. Ян говорил: «Всякими, какие смог найти, работая в сокровищнице Ленинской библиотеки, у старых русских и зарубежных, также советских среднеазиатских и русских ученых».

Автор также говорил: «Эту повесть уже можно назвать «историческим романом». Работая над нею, я многому научился и в отношении общей композиции построения фабулы, разрешая вопросы об исторической точности, о пределах вымысла, обрисовки характеров того или иного героя».

О своих героях В. Ян писал: «Александр *впервые* изображен в художественной литературе реалистически, таким, каким его изображают первоисточники, каким он был на самом деле, без идеализации, мистики и прикрас, чем грешат многочисленные романы и его биографии»; «интереснейшим вождем восставших являлся Спитамен, талантливый смелый вождь, удачно умевший бороться с войсками Александра, наносящий непрерывные поражения, оставаясь неуловимым, пока его не предали князья, перешедшие из личных выгод на сторону македонского завоевателя».

Писатель убежденно сделал своего главного героя — Спитамена — выходцем из простого народа, сыном согда и скифской женщины, чем символизировал желаемый союз соседних народов в борьбе за свою свободу, хотя, конечно, знал, что «исторический» Спитамен был выходец из персидской знати. «Спитамен остался жить — отрезанная голова была другого», и он «продолжит борьбу с врагами, терзающими его Родину», записал автор в дневник. В этом В. Ян твердо следовал своему творческому принципу создания героических образов: «Герои должны быть не такими, какими они бывают в действительности, а *какими они должны быть, чтобы стать идеалом*!»

«Так возникла,— завершает В. Ян,— историческая повесть об этом талантливом, но жестоком завоевателе. Книга вышла в свет крайне урезанной, без ее начала и конца, многих глав, вследствие недостатка тогда бумаги у Издательства».

Не удовлетворенный сокращенным изданием, писатель впоследствии часто возвращался к этой книге, дорабатывал ее; он набросал план трилогии, где «Огни на курганах» должны были занять промежуточное место между «началом» и «концом» завоевательных походов Александра Македонского. В октябре 1941 года, направляясь в эвакуацию в поезде, составленном из подмосковных «электричек», отнюдь не в «творческой обстановке», писатель ежедневно продолжал работать и написал «Смерть Каллисфена», ставшую эпилогом полного (посмертного) издания повести.

Публикуемый в настоящем Собрании текст, дополненный и переработанный с учетом позднейших пометок автора, содержит ранее отсутствовавшие: первую часть, песни Саксафара во второй части, три главы в третьей части, две главы в четвертой части, одну в пятой и эпилог. В этом виде повесть вышла в свет в 1969 году, через 15 лет после кончины автора. Она переиздана у нас 12 раз и 5 раз за рубежом.

Повесть «Спартак» вышла в свет в 1933 году (изд. «Молодая гвардия»). «В 1927—29 годах исполнилась двухтысячелетняя годовщина изумительной трехлетней борьбы, которую вели бесстрашные гладиаторы и рабы под предводительством Спартака — против могущественного тиранического Рима,— писал В. Ян.— Многочисленные общества, кружки и заводы у нас в стране, носящие имя гениального фракийца, упустили это и ничем не отметили годовщину великого восстания рабов».[1]

«В своей повести «Спартак» я попытался показать сурового фракийца, смелого вождя восставших рабов, талантливого организатора, сумевшего объединить людей различных национальностей. Книгу я написал отчасти в противовес роману Р. Джованьоли, где автор заставляет Спартака вести себя недостойно вождя восстания».

---

[1] Здесь и далее цитируется: В. Ян. «Оклеветанный Спартак», «Где же настоящий Спартак?», черновики статей и писем в редакции; записи в дневниках 30-х годов.— Архив В. Яна. В. Ян. «Как издан «Спартак».— «Книга — молодежи», 1932, № 5.

Когда Д. Гарибальди прочел роман Р. Джованьоли (в 1870 г.), он прислал автору письмо, где, между прочим, писал: «Вы, *римлянин...* образ Спартака — этого *Христа-искупителя рабов* — изваяли резцом Микеланджело»[1]. В. Ян отмечал, что «историческая ценность романа Джованьоли относительная, так как Спартак выведен не тем суровым, могучим фракийцем.., каким он был по описаниям Аппиана, Плутарха, Флора и других римских историков, а именно *«Христом рабов»,* который, как романтический рыцарь, то и дело краснеет, и бледнеет, и плачет, и одновременно с великим делом освобождения рабов *занят любовными чувствами к Валерии* — «божественной красавице», аристократке, богатой и знатной патрицианке, жене диктатора Суллы (!), ради которой он бросает свой лагерь (!!) и спешит на трогательное свидание с ней (!!!).

Весь этот роман Спартака с Валерией выдуман. Джованьоли должен был знать, но умолчал об этом, что, по сообщению Аппиана, *у Спартака была жена-фракиянка,* которая участвовала вместе со Спартаком не только во всех трудностях походной жизни, но и в сражениях. Роман полон и других исторических неточностей, выдумок и натяжек».

«Мы знаем личности в истории, полные исключительной силы, которые своими подвигами привлекают внимание человечества, погибая за великую идею, которой они всецело посвятили свою жизнь. Таким исключительным человеком был Спартак, воодушевленный страстью к освобождению рабов и ненавистью к тиранам. Пытаться выводить такие необычайные, героические фигуры в виде счастливых или страдающих любовников — это значит снижать и опошлять их образы».

Указывая на «клеветническое изображение» Спартака, «якобы тайно встречавшегося с Крассом и предлагавшего сдаться тому на милость (!), чтобы сохранить себе жизнь», В. Ян писал: «Можно ли даже на мгновение допустить, чтобы кто-нибудь из любимейших наших героев гражданской войны, например, Чапаев, отправился на свидание с генералом Деникиным, предлагал от имени товарищей сдаться в плен и затем, умирая под обстрелом белогвардейских пулеметов, направлял свою «последнюю мысль, последнее биение сердца», скажем, к какой-нибудь герцогине или графине? Одна такая мысль покажется всем чудовищной и невероятной!»

В. Ян обращался и к своим коллегам, писателям-историкам, призывая их «создать новую оригинальную повесть, дающую яркую и правдивую картину борьбы Спартака, как вождя и олицетворение рвущих цепи народностей, угнетенных хищным Римом...»

Величественная тема восстания рабов Рима настолько увлекла писателя, что он написал либретто балета «Спартак», и оно было одобрено Художественным советом московского Большого театра, а музыку предложили написать «Мясковскому, Шостаковичу, Кабалевскому...»; тогда же В. Ян стал соавтором балета «Спартак», готовившегося к постановке по его либретто Тбилисским театром оперы и балета, и пантомимы на ту же тему в театре К. А. Марджанишвили. Эти замыслы не были осуществлены по причинам, от В. Яна не зависящим (были репрессированы некоторые руководящие музыкальные деятели обоих театров, от кого зависела постановка балета), а вскоре А. Хачатурян написал музыку триумфально прославившего его балета «Спартак».

Повесть издана у нас 15 раз, в том числе на адыгейском, туркменском, латышском, киргизском, узбекском языках, и 8 раз за рубежом.

В основу рассказа «Голубая сойка Заратустры» лег эпизод из повести «Огни на курганах» (Часть шестая. Глава «Базилевс в Бактре»). Автор предполагал включить рассказ в третью часть задуманной трилогии о нашествии Александра Македонского на Азию.

Летом 1945 года, будучи в подмосковном Доме творчества писателей «Переделкино», В. Ян, размышляя о новых главах повести, записал в дневник: «...гуляя по окрестностям, пришли к Мичуринскому саду, нашли какую-то добрую женщину. У нее *голубая сойка-зимородок,* совсем ручная. Взлетит на ветку дерева, потом возвращается в комнату. Садится на плечи, просит еды, разевая клюв, как галчонок...»

Сойка взлетела на плечо писателя, вспорхнула на его голову и стала перебирать клювом седые пряди волос; слетев на дверь, замяукала по-кошачьи, заскрипела, повторяя имя «Ми-тя... Ми-тя», а когда В. Ян просвистел музыкальную фразу,

---

[1] Письмо Д. Гарибальди — Р. Джованьоли.— Р. Джованьоли. «Спартак». «Молодая гвардия», Л., 1947.

сойка повторила ее мелодию... Встреча с «говорящей сойкой» вдохновила писателя, и птичка стала прообразом маленькой героини его рассказа. «Ведь такая голубая сойка — священная птичка Заратустры; он ее научил говорить самую свою главную заповедь, и она передала это умение своему потомству до наших дней...»

В. Ян поясняет, что он создал рассказ, «чтобы объяснить, почему Александр сжигает книги (свитки): в них возвеличивается род персидских царей, якобы «поставленных от Бога», а македонец *сам «божественного происхождения»,* а потому возлагает на себя все привилегии, бывшие у древних персидских царей».

Впервые рассказ опубликован в сборнике «Загадка озера Кара-Нор» (М., изд. «Советский писатель», 1961).

«Письмо из скифского стана» продолжает сюжетную линию «кифареда Аристоника», начатую в повести «Огни на курганах» (Часть первая. «Александр в долине Седых гор»). Упоминается здесь и о скифе Будакене. Рассказ написан в Москве в конце 20-х годов по воспоминаниям о путешествии в 1903—1904 годах через Северную Персию и встрече в пустыне Деште-Лут с кочевым племенем амазонок «машуджи» свободного народа «Люти». Впервые он напечатан в журнале «Всемирный Следопыт», 1929, № 1.

«Ватан» продолжает и развивает сюжетную линию «Письма из скифского стана». Рассказ начат в Москве в середине 30-х годов по воспоминаниям о встрече с племенем «машуджи» (см. выше); закончен в 40-х годах под впечатлением от национально-освободительного движения зарубежных азиатских народов. Впервые опубликован в сборнике «Загадка озера Кара-Нор».

Рассказ «Демон Горы» написан в 1943—1944 годах в Ташкенте по воспоминаниям о путешествии через Персию в начале века (см. выше). Впервые опубликован в сборнике «Загадка озера Кара-Нор».

«Афганские привидения» написаны (предположительно) в Ташкенте в 1906 году по воспоминаниям о путешествии через Персию (см. выше). Впервые напечатан в газете «Россия» от 25 декабря 1906 года (7 января 1907), вскоре после приезда автора в Петербург и начала службы в этой газете.

«Овидий в изгнании» — написан в конце 20-х — начале 30-х годов в Москве; автор упоминает в дневнике, что, работая над «Финикийским кораблем», он еще начал повесть, до сих пор не оконченную, «Овидий в изгнании»: «...Я воспользовался этой темой, чтобы описать жизнь и быт фракийцев, сарматов, гетов и других племен Черноморского побережья, из каких вышел свободолюбивый Спартак».

Будучи корреспондентом ПТА (Петроградское Телеграфное Агентство), в годы первой мировой войны В. Ян посетил Констанцу, места, где два тысячелетия назад находился город Томы, в котором жил и умер Овидий. Эти впечатления поспособствовали автору создать живую картину последних лет жизни в Томах великого поэта.

Впервые рассказ опубликован в сборнике «Загадка озера Кара-Нор».

«Трюм и палуба» — написан в конце 20-х годов в Москве; толчком к его созданию (о чем сообщает автор) стало описание в иностранном журнале находки остатков древнеримского корабля на дне озера Неми вблизи Рима.

Впервые рассказ напечатан в журнале «Вокруг Света», 1929, № 16.

М. В. Янчевецкий,
ответственный секретарь Комиссии
по литературному наследию В. Яна.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Григорьевич ЯН

Собрание сочинений
в четырех томах

Том I

Редактор тома
Е. А. Ромашкина

Оформление художника
А. А. Шпакова

Технический редактор
В. Н. Веселовская

ИБ 1968

Сдано в набор 12.07.88. Подписано к печати 10.11.88.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,93. Усл. кр.-отт. 30,88. Уч.-изд. л. 33,98.
Тираж 1 700 000 экз. (2-й завод: 200 001—450 000).
Заказ № 529 Цена 2 р. 90 к.

Набор и изготовление фотоформ в ордена Ленина и ордена
Октябрьской революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Уральский рабочий», 620151,
г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Индекс 70579

